

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 8

МАЙ 1962 г.

Издание Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского
генерала Корнилова похода.

Адрес: 901 No. Kenmore Ave.,
Los Angeles 29, California,
U.S.A.

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

- - оОо - -

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ:
ПЕРВОМУ КУБАНСКОМУ ПОХОДУ,
ЖИЗНИ ПЕРВОПОХОДНИКОВ,
ИСТОРИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

- - оОо - -

ВСЕ НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩИЕ РОССИЮ, НЕЗАВИСИМО ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО - РОССИЯНЕ.

Я ВЕРЮ, ЧТО НОВАЯ ОСВОБОЖДЕННАЯ И ВОЗРОЖДЕННАЯ РОССИЯ БУДЕТ
ИМЕННО - Р О С С И Е Й Д Л Я Р О С С И Я Н.

НА КОСТЯХ И КРОВИ РУССКОГО ВОИНСТВА СОЗИДАЛИСЬ ВЕЛИЧИЕ И СЛА-
ВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

МЫ БУДЕМ СЧАСТЛИВЫ СТАТЬ ЖИВЫМ МОСТОМ, КОТОРЫЙ СВЯЖЕТ ВОЕДИНО
СТАРУЮ И НОВУЮ РОССИЮ.

НАША ЦЕЛЬ - Р О С С И Я .

НАША СИЛА - В ЕДИНЕНИИ.

ГЕНЕРАЛ КУТЕЛОВ.

- - оОо - -

МОРЯКИ У КОРНИЛОВА.

Вскоре после большевнического переворота так называемый "Центробалт" в Гельсингфорсе, где находился почти весь действующий флот, заявил, что он не нуждается больше в Командующем флота, и будут командовать они сами.

В это время, действительно, флот почти потерял свою боевую силу, лучшая часть команды разъехалась по домам, а оставшиеся занимались митингами и требованиями себе различных земных благ, вроде капош и т.д.

Не помню, по чьему почину, но было предложено всем офицерам собраться в Морском Собрании для решения - что же делать дальше?

Офицеры собрались в большом количестве. Не помню, кто председательствовал, но вспоминаю лейт. Ладыженского, говорившего о том, что до сих пор мы, офицеры, подчинялись всем распоряжениям, чтобы удержать боеспособность флота, но что теперь довольно, флот воевать не может, и мы можем делать то, что повелевает нам наша совесть, а не какие-то там комитеты, что мы не желаем быть участниками в развале флота.

Представители "Центробалта", проникнув про это собрание и сидевшие слева от председателя, очень заволновались, но после того, как были выступления нескольких офицеров о том, что нужно продолжать работать с большевиками, они успокоились, убедившись, что часть офицеров остается с ними.

Мое личное положение тогда было идеальным. Я был назначен в Минную Оборону, где получил в командование строящийся сторожевой корабль "Чибис". Приехав на завод, я увидел лишь торчащие ребра шангоутов. Корабельный мастер сказал, что мое присутствие может потребоваться не раньше, чем через полгода. Таким образом, я жил на берегу, получая хороший оклад, а главное - не имея ни одного матроса под своим командованием. Между тем, развал флота двигался большими шагами вперед. Многие офицеры, также потеряв веру и идею службы, предавались карточной игре и пропивали то, на что не имели права. В Морском Собрании, еще оставшемся нетронутым большевиками, с утра до вечера можно было видеть г.г. офицеров, играющих открыто на деньги в покер, а в городе на частных квартирах - в железку и банк, и невольно создавался вопрос - кто же еще несет службу на кораблях, и остался ли еще кто-нибудь, кто интересуется кораблями?

Я решил обратиться за советом к к.э. Михаилу Андреевичу Беренсу. Он мне ответил: "Подождите, через неделю я еду в Москву, а когда в вернусь, скажу вам, что делать".

В начале декабря 1917 года он вернулся обратно, и, явившись к нему, я получил пакет для передачи ген. Алексееву.

Михаил Андреевич сказал: "Поезжайте в Новочеркасск, где явитесь на Барочную ул. № 2, передайте пакет ген. Алексееву, там создаются силы для борьбы с большевиками. По приезде в Петербург идите в кафе на Морской, там к вам подойдет капитан 1-го ранга Павел Михайлович Пиен, который расскажет, как ехать дальше".

Уезжая из Гельсингфорса, я многим из своих приятелей рассказал о том, что мне передал Михаил Андреевич. Почти все уверяли, что они также приедут, но приехали и остались только два брата Ильвовы - Борис и Сергей.

Придя в кафе, я сразу увидел Павла Михайловича, сидящего за столиком в штатском платье. Для тех, кто не знал Пиена, был уста-

новлен какой-то - не помню - условленный знак. Павел Николаевич повел меня в свою комнату, где он ночевал - не помню, на какой улице, - и сказал, чтобы я пришел на следующий день за документами и пропусками для проезда на Дон.

Придя к нему на следующий день, я застал у него лейтенанта Де Калуго-Сунтона и мичмана Иванова с "Изяслава". Павел Михайлович выдал нам троим удостоверения, что мы рабочие, едем на Кавказ строить какук-то дорогу. Документы были со всеми печатями Советов.

С большим трудом втиснувшись в поезд, мы втроем двинулись через Москву на юг. Сунтон и Иванов решили заехать в Харьков, где в это время играла в оперетте знаменитая в Гельсингфорсе опереточная певица ..., а я решил заехать в Екатеринослав повидать свою мать и сестер. Было Рождество Христово 1917 года. На Екатеринослав наступали какие-то гайдамаки, в городе шла стрельба и никто не понимал, в чем дело. Пробыв несколько дней у матери, я окольным путем добрался до вокзала и поехал дальше по направлению к Дону. Частью на поезде, частью на лошадаях удалось доехать до ст. Дебальцево в угольном Донецком бассейне, дальше начиналась "Ницья Земля" - верст на двадцать. Накануне моего приезда станция подверглась нападению белых или, как тогда говорили, "кадет", бродило много вооруженных типов, и казалось, будто все они смотрят на меня с подозрением.

Так что, когда попутчики предложили мне вместе с ними нанять подводу и ехать дальше на лошадах, я с радостью согласился, и вечером мы выехали с вокзала. Была новогодняя ночь, кругом типина, все покрыто снегом, но на душе тревожно: что за попутчики, и куда возница нас везет? А тут еще какие-то черные труны валяются у дороги. На вопрос: "Что это? - он говорит: "Да это кадеты, пускай их собаки растащат". Бедные мальчики, чем они виноваты?

На утро нас доставили на следующую станцию, откуда мы по шпалам прошли верст 16 и наконец оказались в стане белых. На вокзале юнкера в погонах, какой-то передовой отряд. Будто гора свалилась с плеч, все казалось каким-то чистым и светлым, таким знакомым и радостным! Мои попутчики тоже оказались офицерами, стали вынимать из чемоданов кто погоны, кто Владимира, куда девалась мрачность и молчаливость, все говорят и, кажется, готовы броситься на шею друг другу.

В этот же день, 1-го января 1918 года, на хорошей лошади, уже поздно вечером я прибыл в Новочеркасск на Барочную улицу, где и поместился в общежитии. Здесь я встретил первого морского офицера Черного моря - лейтенанта Остолопова. На следующий день прибыли ст. лейтенант Потолов и Елачич, а также два брата Ильвовы, Борис и Сергей.

Передав свой пакет генералу Алексееву через лейтенанта Поздеева, находившегося при штабе генерала, мы все отправились в Ростов, где на яхте "Колхида" капитан 2-го ранга Потемкин формировал морскую роту. Кроме капитана Потемкина, насколько я помню, там были: Потолов, Елачич, Ильвовы Борис и Сергей, лейтенанты Басов и Адониди, мичман Мельников, мичман Василий Тихомиров, кадет М.К. Векслер; молодой мичман с "Петропавловска" - кажется, Петров - прибыл, когда мы были уже в Батайске, где и был убит. Команда, главным образом, состояла из учеников местного мореходного училища, гимназистов и кадет. Приехали и мои попутчики Сущков и Иванов, но, пробыв два дня, куда-то уехали, не понравилась им, видно, ситуация.

А ситуация, действительно, была безрадостная. Взятие Ростова, происшедшее, кажется, исключительно руками кадет и кнкеров, незадолго до нашего приезда, принесло Добровольческой Армии мало прибыли. Говорят, в городе было несколько тысяч офицеров, но они в большинстве предпочитали ждать. Жители города также не шли навстречу. Кажется, один купец Парамонов и еще гимназистки, за неимением сестер милосердия ухаживавшие за ранеными в госпиталях, помогали Армии.

С севера началось наступление красных, и Добро-Армия, в числе 3.000- 4.000 человек, бесменно отбивалась от наступающих. Наконец, дошла очередь и до нас. В конце января Юрская рота - около 80 человек - была отправлена на станцию Батайск защищать Ростов с юга.

Прибыв в эшелоне-поезде на станцию, мы там застали Кавказский Дивизион Смерти полковника Ширяева - 120 человек и 2 орудия артиллерии. Это были все силы для защиты Южного фронта. Станция Батайск имела 5-6 железнодорожных путей, много мастерских и складов. Местное село все заселено железнодорожными рабочими и, конечно, нашими врагами. Два солдата полковника Ширяева, ходившие туда, были убиты жителями. Таким образом, мы со станции туда не могли войти и все ночи несли дозоры вокруг наших эшелонов и станции.

В это время все наступления велись лишь по железнодорожным путям, так что, пока мы имели связь по телефону со следующей станцией, наше положение было довольно спокойным, но в ночь на 1-ое февраля эта связь прекратилась. Старший лейтенант Потолов был послан на паровозе на разведку и выяснил, что станция занята красными.

С рассветом началось наступление. Наша жиденькая цепь, находившаяся впереди станции, под натиском огромного количества красных - вероятно, несколько тысяч, под командой Сорокина - стала отходить на станцию, где были убиты Адониди и мичман Петров. Наши два орудия накануне были куда-то отозваны, и нам было приказано держаться до последнего. Два взвода под командой Потолова были выдвинуты вне станции, были отрезаны и пробивались сами в Ростов, здесь был убит Мельников. Я, мичман Тихомиров и еще несколько человек из дивизиона защищали наш левый фланг станции, стреляя по наступающим и прикрываясь вагонами, но в 9 час. утра я уже тагился на станцию с повисшей рукой - разрывная пуля раздробила мне левое плечо, а за мною сейчас же притащился и Тихомиров с простреленной в двух местах ногой. В дивизионе был врач, который и перевязал нас. Потеряв много крови, я не мог уже ходить, и пришлось улечься на носилки.

Вскоре все остатки нашего отряда - человек 50 - были заперты в здании вокзала. Красные обогли нас со всех сторон, и в течение дня их броневик с одной пушкой подходил вплотную и громил нас. Сыпались кирпичи и стекла, и пули бились в стены со всех сторон. Таких атак в течение дня было четыре. За это время был ранен в глаз Владимир Николаевич Потемкин. Наконец, наступила темнота и с ней какая-то злобная тишина. Мы приготовились к худшему, и все раненые разобрали револьверы, чтобы хоть как-нибудь себя защитить.

Я был тяжело ранен и лежал внутри вокзала и обязан своей жизнью полк.Ширяеву. С наступлением темноты было решено пробиваться. Нас, носилочных раненых, было человек 8-9, и мы были большой обузой для остальных. Зная бесчеловечную жестокость, издевательства и пытки, которым подвергались попавшие в плен к красным раненые добровольцы, кто-то предложил из милосердия нас добить. Услышав это, полк.Ширяев заявил, что либо все выйдем, либо все останемся.

Но все оставалось тихо. Было решено пробираться на Ольгинскую станицу, находящуюся в стороне от железной дороги. Первыми вышли два брата Ильвовы с пулеметами, затем вынесли нас, раненых, и, пройдя все пути и вагоны, пошли прямо через поля в сторону от железной дороги. Шли всю ночь и наутро подошли к армянскому хутору. Оттуда был послан верховой в Ольгинскую станицу, и через некоторое время к нам навстречу выехали казаки с розвальнями и, забрав всех, привезли к себе в станицу. Совершенно непонятно, почему красные за нами не следили и так легко нас выпустили.

На следующий день нас, раненых, привезли в Ростов. Меня и мичмана Тихомирова отправили в гимназию, где был устроен лазарет, а Вл. Ник. Потемкина - к какому-то главному специалисту. В лазарете мы провели лишь одну ночь, и на следующий день было приказано всех раненых эвакуировать в Новочеркасск, так как Ростов будет сдан красным. После всего пережитого лазарет показался нам раем - чистое белье, светлая зала, молоденькие гимназистки, ухаживавшие за ранеными... и казалось, что мы уже являемся центром внимания, как единственные моряки, - правда, тут же был среди выздоравливающих гардемарин Иванов 13-й, раненый при взятии Ростова. Такое исключительное внимание к нам продолжалось и дальше. Одна из гимназисток поехала с нами до Новочеркасска. нас всех выгрузили на станцию, и наша провожатая отправилась искать нам пристанища в переполненные госпитали. Почти всех уже развезли, и только мы остались. Наконец, уж под вечер возвращается наша молодая благодетельница; забрала нас и отвезла в Областную больницу Войска Донского. Без этой девушки мы бы, верно, так и остались на станции.

Недолго нам пришлось пробыть в больнице. 9-го февраля кто-то из окна увидел, что едут верхом и на повозках, покидая город, казаки. Все, кто мог двигаться, повыскакивали и присоединились к уходившим, родные забрали своих по домам. Весь медицинский персонал разбежался и остались одни сиделки-казачки и мы - тяжело раненые и бездомные.

К вечеру красные заняли Новочеркасск. Так кончила Корская рота свое существование.

В.Н. Потемкин остался в Ростове и был спрятан одной девушкой. Я и Тихомиров - в Новочеркасске. Два брата Ильвовы и лейтенант Бассов присоединились к армии, ушедшей в 1-й Кубанский поход. Бассов был убит в одной из первых атак, Сергей Ильвов прострелен в грудь на вылет, а Борис ранен в руку. Потолов и Елачич не выдержали и ушли на Кавказ в Баку, где Потолов потом служил у англичан в Персии.

А. Ваксмут.

- - ооо - -

х

х х

За светлое, прекрасное
России впереди -
Под знамя черно-красное
К Корниловцам иди!

Николай Басов,
Кадет 5-го класса
Донского Императора
Александра 3-го
корпуса.

"Как звезды, были их глаза..
Родные мальчики - кадеты!
В них юность первая цвела,
И в песнях воинских воспеты!

Ив. Гончаров.

Среди молодежи - кикеров, студентов, гимназистов, семинаристов - были и кадеты, юнцы 4-5 классов. В числе их был Басов Николай, кадет 5-го класса Донского Императора Александра 3-го Кадетского Корпуса. Со дня вступления в Добровольческую Армию в декабре 1917 г. он непрерывно был в боях на Таганрогском направлении и выступил в 1-й Кубанский поход с Корниловским Ударным полком, рядовым 4-го, а затем 2-го взвода 6-й роты.

В боях ли, на отдыхе, привале, в стужу и дождь, за время 80-дневного похода он всегда был бодр, храбр, остроумен и весел.

Приказания начальников, подчас рискованные, исполнял точно, беспрекословно.

Т Проживая теперь в изгнании, бывший кадет, отец семейства, по профессии инженер, остался верен Белой Идее, храня в своем сердце любовь к национальной родине - России.

Его воспоминания: "Кореновка", "Усть-Лабинская", "Ново-Дмитриевская" - написаны прекрасным русским языком, правдивы, бесхитростны, остроумно-веселы. Обладая отличной памятью, он с точностью передает в своих рассказах факты, которых он был свидетелем и участником в 1-м Кубанском походе.

Редакция.

НОВО-ДМИТРИЕВСКАЯ.

Наконец - вырвались из этого кошмарного ада. Идем быстро на соединение с Кубанской армией.

Позади нас уже сплошное зарево огня, Филипповские хутора, как-то паршивая болотистая речушка с перекинутым через нее деревянным и тоже довольно-таки паршивым мостиком, станица Рязанская, - и вот мы вышли в расположение аулов.

Под Филипповскими хуторами понесли мы большие потери. Мне кажется, что весь первый удар, и довольно-таки тяжелый, принял наш второй батальон. Потеряли мы батальонного командира полковника Му-

хина, командира роты капитана Петрова, командира 3-го взвода поручика Евдотьева и многих других.

Встает в памяти бесстрашный полковник Мухин, который был недалеко от нашего взвода, с его хладнокровной командой, похожей больше на команду на учении, при учебной стрельбе, но не в цепи.

- По наступающему противнику, прицел постоянный... - обращается к нам и спокойным голосом добавляет: - Не волноваться, целиться, как следует, и внимательно слушать команду.

Пока идет все это объяснение, густые цели противника быстро приближаются к нам. Стоишь, - а в глазах рябит от этой сплошной черной тучи, движущейся на нас.

Команда - Пли! - Раздается дружный залп. Идут частые, дружные залпы за залпом, останавливающие эту лавину. Противник отступил и залег на бугре за рекой.

Целый день идет бой, кольцо сжимается и становится все меньше. Окончательно потерял ориентировку. Где же теперь главное направление? Отовсюду летят пули, простреливаемся со всех четырех сторон. Патроны у меня на исходе, а имел их 120 штук. Винты сдерживающие ствольную накладку, разошлись, и она скользит по стволу. Вынул тряпку, которая служила мне носовым платком, обвязал ствольную накладку, чтобы не потерять ее. Но от этой затеи пришлось быстро отказаться, ибо при стрельбе видишь только прицельную рамку, а мушки из-за намотанной тряпки, которая образовала горб между прицельной рамкой и мушкой, не видно.

Под вечер справа послышалось отдаленное глухое ура, которое, как быстрая волна, катилось к нам. Когда докатилось, подхватили и мы, и бегом двинулись вперед.

- Ура! Ура! Передай! Соединились с конницей генерала Эрдели!

Кольцо прорвано - обоз, по несколько подвод в ряд, двинулся крупной рысью в прорыв.

- Передай! Обозу остановиться! Впереди никого наших нет!

Но это несколько не подействовало, обоз тем же темпом сбгоняет рядом бегущую цепь. Снаряды рвутся то в самом обозе, то около него, создавая панику и замешательство.

Стемнело. Как по волшебной палочке - все затихло. Стали поговаривать, что соединились то с конницей генерала Эрдели, то с армией генерала Покровского, то с Кубанской армией. Так я и не мог понять, в конце концов, с кем же фактически мы соединились. Да и не видно этих соединившихся с нами, ибо опять мы одни...

После Филипповских хуторов у нас произошла перемена начальства. Роту принял полковник Томашевский, впоследствии погибший под Ново-Григорьевской, батальон принял полковник Индейкин, о чем я узнал только в Ново-Дмитриевской, а с нами остался наш поручик Мяч. На нем я хочу немного остановиться, как на моем последнем взводном офицере.

Поручик Мяч - молодой, представительный, стройный офицер, высокого роста, пропорционально сложен, блондин и большой щеголь. В отличном, хорошо пригнанном обмундировании: бриджи синего цвета, о офицерский китель, на левой стороне которого, на груди, знак всенного училища, какого - не знаю. Вечно чисто выбритый, и создавалось впечатление, что будто он собирается идти в офицерское собрание, а никак не месить 20-ти или 30-ти-верстную грязь. За плечом - русский карабин кавалерийского образца, на поясе в кобуре револьвер систе-

мы "Наган". Я сказал бы, что это был один из самых серьезных молодых офицеров в нашей роте. Не знаю, был ли он кадровый офицер или военного времени, но, судя по всему его поведению, он скорее подходил к кадровому офицерству. В бою - выдержанный, хладнокровный, никогда не забивал о том, чтобы добиваться цели ценою минимальных жертв. Каждый солдат ему был дорог. Безрассудно взвод не поднимет, где надо залечь - заляжет, где надо выждать - выждет, но где нужен стремительный и быстрый удар, там уж не отставай!

Он умел поддерживать ту непосредственную и живую связь с солдатом, которая дается только людям, долгое время общавшимся с ним. Беспощадно цукал тех, кто начинал стрельбу без команды. Вечно своего "Береги патроны!" и сам он строго придерживался, говоря: "На эту сволочь и патрона жалко, ее надо только штыком". Благодаря тому, что в нашей роте преобладало большинство учащейся молодежи, он не был так строг к нам, а мы в нем видели как бы старшего своего товарища.

После станицы Рязанской мы вошли в расположение аулов, которые, признаться, я и забыл, как называются. Помнится только то, что в некоторых из них почти не было мужского населения. Одних побили красные, другие скрылись в горах. Много нам рассказывали о бесчинствах, совершенных красными. Оставшиеся же нас гостеприимно и радушно встречали.

Погода явно не благоприятствовала нам. Дожди, которые шли почти каждый день, размывали дороги, затопили поля и вывели реки из их берегов. Так мы добрались до аула Енджий, о котором я как-то мало и помню. Не то он был мал сам по себе, так что не мог вместить всю нашу армию, либо мне уж на роду было написано невезение. Попал я в саклю, где не было места ни лечь, ни сесть. Стояли мы так тесно один около другого, что если хотел повернуться в другую сторону, то это удавалось не без усилия. В памяти остался столб, стоящий посреди сакли; на вбитом в него гвозде висел кавказский пояс. Вот, прислонившись к этому столбу, я и провел всю ночь. У дверей во вторую комнату стоял хозяин-черкес, охранявший вход в женскую половину. Мысленно беспощадно ругал я и его, и их обычай. Что за глупость, думал я, что сделается с его женской половиной, если мы даже и увидим их? Я готов был поклясться ему, что зажмуру глаза и не взгляну на его женщин в продолжении всей ночи, только предоставь мне немного места, чтобы я мог лечь или сесть.

Утром, утомленный от бессонной ночи, я двинулся на Ново-Дмитриевскую. С утра шел мелкий противный дождь, небо посерело от тяжелых низких туч. Дорога превратилась в сплошное болото, местами в вязкую, местами в жидкую грязь. Ноги сразу промокли, и в них хлюпала холодная вода. Прошли не так много, как повалил снег, крупными белыми хлопьями быстро покрывая местность. Начал усиливаться мороз, а через каких-нибудь полчаса вся местность была уже покрыта белой пеленой. Колонна расплзлась, каждый искал дорогу, по которой легче было бы идти. Но это были напрасные усилия, ибо везде было одинаково.

Я шел уже без всякой дороги, ноги утопали, как будто в слоеном пироге, нижним слоем которого была вода, за нею - грязь, а верхний слой - снег. Подошли, видно, к маленькому когда-то ручейку, который теперь вышел из своих берегов и превратился в маленькую речушку. Я не пожелал его переходить там, где переходили все: мне показалось,

Рис. худ. К. Кузнецова.

Переход добровольцами речки "Черной" у станицы Ново-Дмитриевской.

что там глубоко, то есть вода доходила выше колен. Я стал искать брода поменьше. В одном месте я как будто нашел его и двинулся на другой берег ручья. Но оказалось, что глубина его такая же, как и в том месте, где я не хотел переходить. Выбираясь на другой берег, я поскользнулся и скрылся под водой.

Когда я, наконец, выбрался на берег, я был совершенно мокрый. Одно спасение, думаю, это набраться сил и по возможности прибавить шаг. На мне быстро все обледенело, и я превратился в ледяную сосульку. Рук нельзя было согнуть, шинель замерзла колоколом, и мои пятки при ходьбе бились о ее край. Проезжая мимо меня, пулеметчики предлагали мне сесть к ним в тачанку, но я отказался, зная, что если сяду, то замёрзну. Я выбивался из сил, еле тянул ноги и ничего не мог предпринять, для облегчения своего трагического положения.

О, счастье! Впереди показались какие-то жилые строения. Это оказалась экономия, и рядом с ней было разбросано несколько хат. Я вошел в громадный двор, который представлял из себя квадрат, скаймленный большими строениями. В конце двора, в правом углу находилась маленькая низкая хатенка — я и направился в нее. Для чего она служила в экономии, я не знаю и до сегодняшнего дня. Она состояла из маленьких сеней и единственной большой комнаты, в правом углу которой находилась громадная плита, в левом углу громадный стол и вокруг него лавки. Войдя, я увидел двух босых добровольцев, сидя-

щих на лавке; их обувь сушилась на близко придвинутой к плите скамейке. Я примостился на ней и с большим трудом стал раздеваться. Я снял с себя все и остался, как говорят, в чем мать родила. Развесив свои пожитки так, чтобы они как можно скорее сохли, сам я взобрался на скамейку около плиты и стал клевать носом. Это было не слишком приятное удовольствие: несмотря на то, что было жарко, все же чувствовалось, что ты совершенно голый. Через некоторое время вошли еще два человека и тоже принялись сушиться. Я не сказал бы, что мы были слишком долго в хате, как вдруг открывается дверь, входит доброволец.

- Что вы сидите?! Армия давно уже ушла - никого нет!

Эта новость ошеломила нас. Мы стали быстро одеваться. Некоторые мои вещи высохли, но большинство из них были еще полу-сырые, но было не до этого, надо было спешить. Одевшись, вышли во двор - ни души, кругом тихо и пусто. Вышли из экономии, зашли в крайнюю хату, расспросили дорогу на Ново-Дмитриевскую и двинулись в путь. За экономией мы вошли в лес и сразу попали в сплошное море воды, которая доходила почти до колен. Дороги не видно, только догадываешься, что это дорога, по большой просеке. Бродили мы в этом лесу с час, но ожидаемой опушки леса, как нам объяснили, не обнаружили. Решили вернуться обратно и взять с собой проводника. Добравшись спать до экономии, вошли в первую же хату около леса. Войдя в нее, были крайне удивлены, увидев двух добровольцев, мирно пьющих чай. Когда же мы рассказали, что в экономии только одни мы, они поспешно стали собираться. Один из этих добровольцев был кавалерист, который предложил нам остаться в хате, согреться чаем, пока он быстро объедет все хаты и узнает, нет ли еще оставших. Я с радостью согласился на его предложение. Мы мирно уселись за чаепитие. Но прошло немного времени, и он вернулся в сопровождении еще пяти человек. Теперь нас собралась внушительная группа в 12 человек, с одним конным. Нам нечего было бояться - в случае чего мы могли бы принять бой.

Расспросив еще раз дорогу на Ново-Дмитриевскую, наша группа двинулась в поход. Вошли опять в тот же лес и, утопая по колено в воде, двинулись вперед. Наш кавалерист исполнял теперь функции разведчика: он выезжал вперед нас, возвращался обратно и объяснял нам наш дальнейший путь. Наконец, вышли из лесу на большую поляну, а за ней опять лес. Перешли поляну, вошли в лес - и опять вода. Здесь нам стали попадаться подводки, тачанки, зарядные ящики, сложенные в фигуры ящики с патронами, и все это занесено снегом. Вышли из лесу, прямо перед нами показалась какая-то экономия, влево какая-то довольно бурная речушка. Не доходя экономии, сворачиваем влево, переходим речушку по маленькому узкому мостику. Но опять наше несчастье - мостик оказался посреди разлившейся реки, пришлось вброд добираться до него, но слава Богу, что было неглубоко. Перейдя, поднимаемся немного в гору, и перед нами расстилается степь. Идти трудно, ветер крутит снег, слепит глаза - устал я порядочно.

По степи мы растянулись гуськом, я иду последним. Дело к вечеру, смеркает, я потерял из вида шедшего передо мной, только сплошная пелена снега. Я стал всматриваться в следы, оставленные ими, и идти по ним. Степнело окончательно, усилился ветер, следы замело снегом, началась метель. Теперь иду наугад, отдался воле Божией. Шел так приблизительно с час, выбился из сил, остановился. Стою и думаю: что же делать дальше?!.. Сперва была мысль - снять карабин

и дать несколько выстрелов в воздух: возможно, что ушедшие вперед услышат и окажут помощь. А вдруг где-нибудь поблизости красные — тогда что? От этой мысли я отказался. Тогда я присел на землю, сложил ладони рупором и стал кричать: — А... а... а... — во все стороны. Повторил это несколько раз — никакого впечатления. Только ветер свистит, да снег крутит...

Двинулся дальше. Идти становилось все тяжелее, ветер своими порывами почти совершенно не дает идти. Проблуждал еще, верно, с час, остановился отдохнуть. Кругом темнота, да ветер свищет. Вдруг порыв ветра донес до меня блеяние овец. Я напряг весь свой слух, чтобы определить, с какой стороны это блеяние. Но оно долго не повторялось, и я решил, что это мне просто показалось. Собрался продолжать свой неотрадный путь, как опять ветер донес блеяние — с левой стороны. Я направился в ту сторону, часто останавливаясь, прислушиваясь, приседая к земле и всматриваясь вдаль, но кроме снега ничего не видно. Опять послышалось блеяние, но уже с противоположного направления. Я стал втупик. Мне уже казалось, что это просто напросто мое воображение, что не существует никакого блеяния, а просто нервы напряжены до предела. Вдруг опять блеяние — и из того направления, куда я шел. Нет! — думаю, — это не воображение, а факт: где-то близко овцы. Но где?! Я двинулся вперед и скоро вплотную уперся в стену хлева. Меня охватила такая радость, что я стал чуть ли не танцевать. Ну, думаю, спасен! Ощупью стал продвигаться вдоль стены хлева, ища в него вход. Иду, а сам думаю: стоню всех овец в один угол, сам засяду среди них и дождусь утра. Найдя вход, остановился. Постой, думаю, раз есть хлев с овцами, ведь должно быть где-то поблизости и жилое помещение. Решил оторваться от хлева, но далеко от него не уходить. Пройдя шагов 10-15, я свалился вниз на что-то мягкое. При падении карабин, висевший за спиной, больно ударил мне голову. Придя в себя, стал ощупывать, на чем я сижу, — оказалась солома. Не плохо, — думаю, — зарокуюсь в нее и переночую. Поднявшись, стал очищать снег вокруг моего будущего ночлега, как вдруг моя нога поскользнулась, я поехал вниз и сел на снег. Что за чудо?! Перед мною шагах в сорока стоит маленькая хатенка, в окне светится огонек, дверь открыта, и на пороге стоит старая женщина.

Одновременно я обрадовался и одновременно испугался. А что, если здесь красные?! Я медленно направился к хатенке.

— Бабушка! Нельзя ли у вас переночевать?

Она стала всматриваться в темноту.

— О!... Родимый, иди! Здесь много уже солдат!

— Каких солдат, бабушка?

— А что я знаю, родной? Вот недавно только пришли!

— А офицеры у них есть?

— Здесь нету, а вот там, в экономии, — там много!

Она показала рукой в темноту, где я ничего не увидел. Слава Богу! Наши! Я смело двинулся в хату. Каково же было мое удивление, когда в ней оказались все те отставшие, с которыми я шел. Они искренне обрадовались моему появлению.

— А мы думали — погибнешь!

Оказывается, конный несколько раз возвращался для того, чтобы найти меня, но из-за метели блукал сам и не мог сориентироваться, чтобы выйти на старую дорогу.

Только на другой день, когда прекратилась метель и я шел уже в Ново-Дмитриевскую, мне стало понятно, почему я так долго блуждал.

Возьми я с самого начала влево, а не вправо, как я взял, я быстро достиг бы этой экономии.

Хорошо выспавшись и как следует высушившись, на другой день наша маленькая группа в сопровождении четырех конных двинулась в Ново-Дмитриевскую. Погода была хорошая, светило солнце, идти было не так тяжело по уже проложенной дороге. Через речку у станицы нас перевезли конные, и, поднявшись на бугор, мы вошли в станицу. К обеду я попал в хату нашего взвода, явился к поручику и рассказал ему о своих мытарствах.

Хата, в которой мы стояли, была брошена своими хозяевами, которые ушли с красными. На основании этого мы стали полными хозяевами оставленного имущества. Кур, уток и свинью мы съели сами, а коров забрали у нас в полковую кухню. Попал я как раз к обеду, довольно вкусному и сытному. Покушав, завалился спать, догонять все невыспанное время.

Проснулся вечером. В хате вместо лампы горел сальничек, то есть кусок пропитанной маслом тряпки, свешивающийся с блюдечка. По моему, он больше давал копоти, чем света, но на это никто не обращал внимания. Поручик Мяч сидел за столом, улыбался и слушал фантазию Черкасова. На печке лежал сам фантазер, здоровенный семинарист Черкасов. На нем, думаю, не мешает остановиться, ибо это был забавный и оригинальный ударник.

Он был из Новочеркасской Духовной семинарии, а поскольку у нас всех семинаристов дразнили "свечкодуями", то и за ним утвердилось это прозвище, и к его фамилии иногда добавляли - "свечкодуй" Черкасов. Он на это несколько не обижался, а только добродушно улыбался. Голосом он обладал довольно-таки низким, как, по моему, и полагается семинаристу. Мне не раз приходилось останавливаться с ним на ночлег в одной и той же хате. Входя в хату, он останавливался на ее пороге и глубоко носом вбирал в себя воздух.

- М-м-м... Не ладно!

- Что не ладно? - спрашивал я его, озадаченный.

- Потяни воздух!

Я старательно тянул носом воздух, подражая ему.

- Ничего не чувствую!

- А ты потяни еще раз!

Приходилось тянуть еще раз. По моему - ничего!

- Как ничего?! Мертвечиной пахнет! - и шел в другую хату, оставляя хозяйку в удивленном и неловком положении.

В другой хате повторялась та же самая процедура, и только в третьей, а иногда в четвертой хате, после тщательного экзамена ее запаха, он останавливался. Первое, что он делал, - спрашивал у хозяйки ножницы и обрезал полы шинели, на которой была свежая грязь. Как он ни старался, чтобы было обрезано ровно, у него ничего не получалось. Обрезанный низ получался не только зигзагообразным, но и кривым. Он несколько этим не смущался, говоря, что в следующий раз подравняет. В Ново-Дмитриевской это была уже не шинель, а куртка, из-под которой на добрую ладонь висели грязные карманы.

- Черкасов! Ты бы и карманы обрезал, а то как-то некрасиво получается, - говорили ему.

- Не в красоте, а в удобстве дело. Карман - это тот же вещевой мешок, в нем и мажорочка с бумагой, а иногда и кусок сала с хлебом - как его обрезать? - возражал он.

Вот этот-то Черкасов, лежа на печи, фантазировал о том, как

мы будем входить в город Екатеринодар.

- Конечно, красные из города уйдут до нашего прихода. Спрашивается, какой же им смысл затевать бесполезный и бесславный бой? Ведь они окончательно убедились в том, что остановить нас они не могут, везде мы им бьем морду...

Открывается дверь, входит ударник.

- Шестая здесь?

- Да!

- От шестой связь к батальонному, к полковнику Индейкину!

- Это с каких пор у нас в полку развелись индейки?! - остро я.

За неуместную острогу поручик цукнул меня и сказал, чтобы я собирался.

- Так и знал, - бурчу я, недовольный. - Неужели на мне свет клином сошелся? Как что - Николай!

- Николай! Не разговаривай, а скорее собирайся, - приказывает поручик.

Явился я к полковнику Индейкину, и когда сказал, что это связь от 6-й роты, он внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я сразу почувствовал, что острота, пущенная мною в хате при ударнике, ему уже известна.

Я расположился в кухне, где до моего прихода уже были двое. Один из них - перс из 7-й роты, а другой тот самый, что был у нас в хате. Поведение перса мне показалось немного странным и подозрительным: он часто выходил и где-то пропадал. Когда все улеглись спать, он под большим секретом сообщил мне, что на чердаке сарая, стоящего во дворе, хозяином спрятан чай, сахар и другие вещи: Но его интересует только чай и сахар, и не согласился ли бы я войти с ним в компанию. На моей обязанности было бы стоять на страже и предупредить его на случай опасности. Я дал свое согласие, - но в тот момент, когда он спускался с лестницы после своей экспедиции, на крыльцо вышла хозяйка и видела всю эту сцену. Она ничего не сказала, но на другой день полковник нас просто выгнал и приказал, чтобы роты немедленно прислали других людей для связи.

В ту же ночь мы вышли на мост в заставу. Ночью красные повели наступление на станицу. Отчетливо видны движущиеся фигурки на снегу. Идут они медленно - приблизились к нам.

- Идем бить кадетов! - кричат они.

Поручик отвечает, что здесь не кадеты, а Корниловцы.

- Белопогонники... - и добавляет крепкое словцо.

Подпустили совсем близко.

- Встать! Слушать мою команду! - отдает приказание поручик Мяч громким голосом, так, чтобы слышал противник.

- Батальон!... Пли!

Дружный залп нарушает ночную тишину.

- Брешете!... - опять крепкое словцо, - вас там пять человек, а не батальон.

У моста заработал пулемет, и их цепь покатила назад, оставляя убитых и раненых на снегу.

Мы же завели песню:

Да громче, музыка, играй победу...

.....
Да за Корнилова, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое - Ура!

Да на совет собачьих комиссаров
Мы грянем громкое - Ап! - Чхи!
Тю! - Га!

Простояли мы в Ново-Дмитриевской целую неделю. Вот, где мы действительно отдохнули, подчинились и хорошо подкормились! На седьмой день вечером мы опять зашагали по колена в грязи и в воде, держа путь на Ново-Григорьевскую, под звуки артиллерийской канонады противника.

Март 1962 года
Канада.

Кадет-доброволец 2-го взвода 6-й роты
1-го Ударного Корниловского полка

Н.Бассов.

- - оОо - -

х
х х

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты, -
Мы смело двинемся вперед,
Мы - русские солдаты!

В нас дух отцов-богатырей,
И дело наше - право.
Сумеем честь мы защитить
И умереть со славой.

Мужайтесь, матери, отцы!
Терпите, жены, дети...
Для блага Родины своей
Забудем все на свете!

Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слез, не надо!
Молись о павших и живых,
Молитва - нам награда.

Вперед же, боатья, на врага!
Ура! полки лихие!
Господь за нас! Мы победим!
Да здравствует Россия!

- - оОо - -

В Т О Р О Й . .

(Описание боев, впечатления и личные воспоминания участника)

Театр военных действий во В т о р о м Кубанском походе обнимает Задонье, Ставропольскую губернию, Кубанскую область и Черноморье.

Итак - на Кубань!
И к Черному морю!

Предыдущий очерк "ЛЕДЯНОЙ..." я закончил смертью генерала Маркова в бою за станцию Паблиевка (см. "Вестник Первопоходника" № 3).

Останки генерала Маркова были перевезены в Новочеркасск, где были торжественно преданы земле, и полк его имени, находившийся там, смог отдать ему последние почести.

Во временное командование дивизией вступил полк. Кутепов, а начальник штаба и помощник ген. Маркова полк. Тимановский отбыл в Новочеркасск для принятия в командование 1-го Офицерского ген. Маркова полка.

Разбитые нами под Паблиевкой части красных частью стали отходить на юго-запад и главным образом на Великокняжескую. Торговая нами занята.

Нашей колонне поставлено в задачу быстрым маршем преследовать отходящих на север с тем, чтобы обойти Великокняжескую с северо-запада и атаковать ее с этого направления.

Другим же частям было предписано: отряду Дроздовского - обойти станцию с юга, а коннице (дивизии Эрдели) из Ново-Манычского направления обхватить ее с востока.

Последней эта задача не удалась. Конница наткнулась на отряд Думенко.

Наша колонна, отбросив красных с северных переправ, утром 15-го ввязалась в бой за овладение Великокняжеской. Противник был опрокинут, но окружение, по указанной выше причине, не удалось. Красные спешно отходят.

День взятия Великокняжеской и следующий провели в ней, а 17-го перешли в Торговую, откуда стали разворачиваться с тем, чтобы подойти к Песчанокопской. Под ударами нашей колонны и частей Боровского и Дроздовского Песчанокопская пала, и разбитые части ее гарнизона стали стягиваться к Белой Глине.

Бой за Белую Глину.

Белая Глина - большое и богатое селение Ставропольской губернии. Имела свои учебные заведения для обоого пола, свою уездную полу-интеллигенцию, быстро воспринявшую октябрьскую революцию. Это селение и станция Белоглинская лежат на линии железной дороги от Тихорецкой на Царицын и в непосредственной близости к границе Кубанской области. Следующая станция Ея и примыкающая к ней станция Новопокровская были очагом большевизма. Туда стекались агитаторы и различные элементы, не знающие ни меры, ни края, порожденные разнудавшейся революцией.

Остатки красных, разбитых нами у Великокняжеской, Торговой и Песчанокопской, стали стягиваться туда.

Распропагандированное население Белой Глины частично само мобилизовалось, других взяли силой, образовав из них вместе с красными отрядами гарнизон в 9-10 тысяч человек. Ожидая наш подход, они спешно укреплялись вокруг селения, особенно в северной части, возводя окопы.

Всем распорядился Жлоба со своей бригадой и отрядом матросов при ней.

В Песчанокопской частям Добрармии был дан трехдневный отдых, но нам (колонне Кутепова) пришлось воспользоваться этим отдыхом лишь частично. Как при взятии Великокняжеской, так и Песчанокопской, мы и тут получили задание обойти противника с целью его окружения.

Кутепов вывел нашу колонну обходным путем на юго-восток к Рассыльной, а оттуда на юго-запад на Павловское. Из Павловского повернули на север с тем, чтобы к утру 23-го, заняв исходное положение, атаковать Белую Глину с южной ее стороны. Остальные же колонны Боровского и Дроздовского из Песчанокопской, обхватив селение с севера, востока и запада, должны были быть готовыми атаковать его в указанное время, одновременно с нами.

С нами двинулась и конница Эрдеи. В ее задачу входило уже 22-го занять станицу Новопокровскую и станицу Ея, прикрыв нас с этого направления, а также отрезать возможное отступление красных по железной дороге из Белой Глины.

Ночным маршем из Павловского, утром 23-го мы стали подходить к южным окраинам Белой Глины. Селения еще не было видно. Постепенно стало рассветать. Мы стали готовиться к разворачиванию. Приказ до указания не стрелять и падать патроны. Отряд наш небольшой (Дивизия Кутепова), состоял из полка кубанских стрелков, имел пулеметы и два орудия. Марковский полк нашей дивизии еще к этому времени не подтянулся к нам. Кутепов принял на себя непосредственное руководство боем.

Я приступил к отдаче моих распоряжений и указаний командирам пулеметных взводов - все пулеметы на боевую линию. Указал, кому стать на флангах. На каждый пулемет выдать по три ленты. Мало! Могут быть расстреляны в несколько минут. Но я был спокоен. У меня был хорошо подобран, за время боевых страд, состав командиров, и их пулеметные урядники из г.г.офицеров знали цену каждого патрона и зря не выпускали их в воздух, а били прямо в цель. Это с одной стороны, а с другой, если нужно будет, то у них найдутся еще и другие три ленты. Дело в том, что сама жизнь породила это явление на протяжении всех наших походов. Нехватка боевых припасов и выдача их под контролем заставила пулеметчиков прятать часть "добычи" про запас, и каждый для своего взвода. На это явление, видя неоднократно в тяжелые моменты боя его благоприятные результаты, я молча закрывал глаза, тем более, что я не мог пожаловаться на мою "хозяйственную часть", которая не плохо справлялась со снабжением огнеприпасами, да и пулеметчики тоже ревниво следили за этим и захватывали после боев запасы не только для себя, а отдавали и в общий запас.

Оставив наши обозы в указанных местах, сняв все пулеметы с тачанок, мы стали занимать свои места в начавшей уже разворачиваться цепи.

Молча двинулись в направлении селения. Все ближе и ближе. Нас уже заметили. Открылся по нас беспорядочный, но недействительный огонь красных.

Все вперед и вперед. Уже ясно обозначились дома. С нашей стороны ни одного выстрела. Продвинулись еще вперед и залегли. Со стороны красных огонь умолк. На поле предстоящего боя тишина. Обе стороны выжидают. Кутепов остановился непосредственно позади цепи. Вправо от него остановился и я. Моя связь залегла рядом. Вдруг видим - и уже простым глазом - на стороне красных появилось несколько всадников. Я подсчитал - три. Стали метаться вдоль цепи красных, отдавая распоряжения. Комиссары - определили мы.

Медленно и тяжело стала подниматься цепь, и мы увидели не одну, а три густые, расположенные одна за другой на небольшой дистанции; продвинулись немного в нашем направлении и снова залегли. Мы молчим. В момент их передвижения я приложил мой "Цейс", чтобы лучше их рассмотреть. Если сравнить с ними нашу одну довольно редкую цепь, картина получалась довольно жуткая. Даже в бинокль казалось, что люди касаются друг друга плечами. "Зато какая прекрасная цель!" - мелькнуло у меня. Я посмотрел в сторону Кутепова. Поняв мой взгляд, он молча кивнул мне головой. На нас смотрели из нашей цепи. Ждали сигнала открыть огонь. Вижу - пулеметы готовы к открытию огня, ленты вставлены. Стрелки в цепи вот-вот спустят курки. Но Кутепов молчит и молча смотрит вперед. Так проходят томительные минуты.

Вдруг видим, что у красных началось какое-то движение - вдоль их цепей туда и обратно стали мотаться их комиссары, отдавая какое-то распоряжение. Назрел момент!

- Огонь! - бросает Кутепов.

Поле сразу оживило. Застрекотали пулеметы, а в их стройное пение сразу врываются ружейные залпы, переходящие затем в регулярный стрелковый огонь. Момент - и отозвалась наша артиллерия: прапнельные разрывы над цепями красных. Мы начали косить, поражая одновременно все их три линии. Видим - задние дрогнули и стали отдаляться от цепи в направлении селения, увлекая своим примером и других. Скашиваем двух конных комиссаров, третий поскакал в селение, а за ним гурьбой бросились и передние цепи. Мы - следом за ними. Побросав оружие и не оказывая более сопротивления, красные сдаются и целыми толпами выводятся за окраину селения и выстраиваются нами в поле. В наши руки попадают до 3.000 пленных.

Очищаются дома и дворы, главным образом последние, куда попраталась часть красных. Жители наглухо позакрывались в домах, и ничего на первых порах не видно.

Просеиваем селение в направлении его северной части. Там на его подступах еще идет бой с красными, которых теснят части Боровского и Дроздовского. Они берут еще до 2.000 пленных. Часть красных прорывается у них (со стороны Боровского) и уходит на Горько-Балковскую и дальше в направлении Тихорецкой.

Я двигаюсь с моей связью и подошедшим ко мне пулеметным взводом по довольно широкой улице, идущей от середины окраины внутрь селения. Улица обрывается: справа водоем довольно большого размера, поросший камышом, впереди и слева ограда. То было кладбище. Слышу беспорядочную стрельбу и свист пуль вокруг нас. Противника не видно, но кругом стрельба. Свист пуль справа и навстречу, а кто-то отвечает и слева. Вдруг слышу голоса:

- Выходи, выходи, - затем выстрелы.

Один голос совсем близко от меня. Оглянулся направо и вижу на выступе последнего дома (на срубе), уперев удобно свое ружье и целясь в направлении камышей, наш стрелок добавляет:

- Ничего не будет, выходи!

Осмотревшись, а это заняло секунды, я понял, в чем дело. Это наши кубанские стрелки, окружив кольцом водоем и кладбище, вылавливали спрятавшихся. Увлечшись, не обращали внимания на то, что сами подвергали себя опасности быть застреленными своими же, стоявшими напруствив в кольце. Вот почему нас и встретили со всех сторон свисты пуль.

Тщательное просеивание и вылавливание спрятавшихся, особенно из местного населения, имело под собой серьезное основание. Местные большевики несли большую вину перед добровольцами. Еще во время Первого Кубанского похода тяжело раненные были оставлены в этом районе и, подлечившись, попали в Белую Глину, а также в Песчанокоскую. Будучи затем выданы на расправу местным большевикам, были ими мученически казнены. Вот почему, при нашем подходе, часть населения Белой Глины, боясь нашей с ними расправы, добровольно мобилизовалась, других заставили силой помогать красным отрядам, занявшим их селение.

Кроме того, и в настоящем бою за овладение Белой Глиной, красные не давали нам пощады. Пленных не брали. Добивали наших раненых и умирающих. Обезображивали их трупы. Северные подступы к селению были ими сильно укреплены, так как они ожидали нашего удара с этой стороны. Когда части Дроздовского атаковали их окопы, они были отбиты, и принуждены были отхлынуть. На поле, перед окопами, остались раненые добровольцы. По взятии позиции красных, их всех нашли убитыми и истерзанными.

Не теряя времени, я отдаю распоряжение повышенным голосом, чтобы слышали и спрятавшиеся, — прекратить стрельбу и никого не трогать. Собрав их, мы разберемся, кто прав, кто виноват. Направлять ко мне.

В несколько минут вокруг меня стала собираться толпа их в 40 — 45 человек, вылезших из разных нор на кладбище и из болота. С них текла вода, и все были вымазаны в грязи. Приказал построить их в шеренгу.

Из опроса выяснилось, что эта группа в большей своей части — бывшие солдаты, что и видно было по их выправке. Приказал пересчитаться справа налево по два, вдвоить ряды и сомкнуться. Команду выполнили безукоризненно.

Я подошел к правофланговому. Высокий, стройный и подтянутый.

— В каком полку служил? — задал ему вопрос.

— Младший унтер-офицер Матвей Новиков, такого-то Гренадерского полка, ваше высокоблагородие, — отрапортовал он. Название полка стерлось у меня из памяти.

Из дальнейшего опроса выяснилось, что они не имели отношения к населению местному или окружающих селений. Лишь некоторые были из далекого района Ставрополя. Решили, будучи у красных в обозной части, при бегстве их спрятаться и отдаться в наши руки.

Я предложил им влиться в мою часть, прибавив, что принуждения с нашей стороны нет никакого, а кто желает. Все тут же согласились. Мы, как всегда, нуждались в пополнении. Я их тоже, для начала, в большинстве применил, как ездовых в обозе, в пулеметных тачанках и по другим хозяйственным надобностям. Кроме того, тут же троих нарядил в распоряжение нашего "санитарного обоза".

Таким образом, я смог постепенно освобождать от этих обязанностей г.г. офицеров, годных для строя. Но обычно я назначал на должности ездовых тех, кто по возрасту не годился в строй, ибо в строю нам нужны были люди молодые, крепкие и подвижные.

Так, пять штаб-офицеров из состава моего бронепоезда, вышедшие с нами в Первый поход или присоединившиеся в начале его, все - Войсковые Старшины, заслуженные старые офицеры Великой войны, командовавшие дивизионами или пластунскими батальонами или бывшие помощниками командиров полков, но не подходившие для пулеметного строя, были мною распределены на разные роли.

Войск. Старшина Староверов числился моим помощником. Войск. Старшина Циганок заведывал хозяйством и нестроевым обозом. Войск. Старшина Бай-Бабаев, бывш. Командир стрелкового дивизиона 5-й Кавказской казачьей дивизии, был ездовым на хозяйственной повозке. С ним в Первый поход вышла и дочь его, работавшая сестрой в санитарной части, как и другая, профессиональная сестра Ника Николаевна или просто Ника. Фамилия ее стерлась из моей памяти, так как по таковой никто и не называл ее.

Была у нас и женщина-прапорщик. Безвестная героиня. Пробыла она у нас недолго, так как по моему ходатайству ген. Марков перевел ее к себе в ординарческую команду. Может быть, первопоходники, составлявшие ординарческую команду при ген. Маркове, вспомнят, кто она была и как ее звали, так как у меня совершенно стерлось из памяти ее имя.

Появилась она у нас уже после того, как мы, оторвавшись от Екатеринодара, после смерти ген. Корнилова двинулись в направлении Дона.

Была у нас в Дядьковской дневка. После боев у Екатеринодара и нашего форсированного марша - первый спокойный день. Казаки станции встретили неожиданных пришельцев ласково и с хлебом-солью. Я расположился в небольшой комнате. Стол, несколько стульев и узкая тахта. Дверь выходит непосредственно во двор. Там находятся и хозяйственные постройки. Время полдничать. Хозяйка уже приступила к хлопотам. Накрывает, суетится, то входя, то выходя во двор. Кухня где-то в другом месте.

- Вас хотят видеть, - обращается она ко мне.

- Кто? - спрашиваю.

Но она, не отвечая, распахивает дверь. За порогом вижу юношу лет так 17-ти. В солдатской, хорошо пригнанной шинели. На голове серая смушковая папаха образца, принятого в пехоте. Без погон. Талия перетянута ремнем.

Увидев меня, подтянулся и отдал честь.

- Войдите, - пригласил я.

У меня сидели, в ожидании обеда, мой помощник и хорунжий Ивченко, выполнявший обязанности и ординарца, и заведующего канцелярией. С ними я обсуждал очередные вопросы.

- Кто вы такой?

- Прапорщик такая-то.

Передо мной была женщина-прапорщик. Ей было девятнадцать лет. Девушка. Дала объяснение, что скрывалась последние дни у хозяйки, в доме которой мы остановились. Москвичка. Прибыла на Кубань с одной свесей подружкой из Ростова, с намерением вступить в ряды Добровольческой Армии. Двинулись дальше на Тихорецкую. После многих мытарств, потеряв по дороге свою попутчицу, добралась до Кореновской. Положение там оказалось почти безвыходное, но выручил случай. В ней принял участие казак из Дядьковской, который возвращался телегой домой после выполнения у красных "реквизиционной обязанности", и скрыл ее там.

- Прошу принять меня в вашу часть.

Неожиданное появление этой девицы-прапорщика и желание ее поступить к нам в пулеметную часть, признаться, сильно меня смутило. Мысли понеслись в недавнее прошлое. Семнадцатый год. Июнь месяц. Мы расположены в Двинском лесу. Недалеко немецкие позиции. Русская армия получила приказ перейти в "революционное наступление". Мимо нас проходит женский батальон Бочкаревой. Эта встреча с проходящим мимо нас женским батальоном производит на нас гнетуще-тяжелое впечатление обиды за "слабый пол". Молча провожаем глазами их удаляющиеся ряды. Им приказано атаковать позицию немцев.

Слышим - ввязались в бой. Стрельба все сильнее. Выстрелы орудий. Рвется шрапнель. Таким салютом встречают немцы русских amazонок... Расстроенные, окооавленные, в пыли и грязи бегут мимо нас по лесу обратно, преследуемые шрапнельным огнем, воины женского батальона. Это было их первое боевое крещение...

- Хорошо, я вас принимаю. Садитесь, прапорщик, с нами. За обедом поговорим об остальном.

Сели и приступили к трапезе. Хозяйка одобрительно посмотрела на нас, видя свою опекаемую в нашей среде.

- Расскажите, - обращаюсь к ней, - как вы скрывали прапорщика у вас. Не боялись?

- Да просто. Передела ее в наше женское. А боялась ли - не знаю. Моя "племянница".

Почти к концу обеда меня вызвали к командиру полка.

- Вот что, - были его первые слова: - приготовьтесь, к вечеру мы выступаем ночным переходом головной колонной. Пришлите мне своего связного, через которого получите указание часа выступления.

Переговорив еще о других вопросах, я при прощании докладываю:

- Ростислав Михайлович, разрешите вам доложить. Сегодня ко мне прибыло новое пополнение, - и рассказал ему о появлении у меня женщины-прапорщика.

- Как думаете ее применить?

- Сказать правду, еще не решил, но в строй во всяком случае не поставлю, - и рассказал ему о виденном год Двинском.

Возвратившись к ожидающим меня, даю указание:

- Вот что, господа. Сегодня вечером мы выступаем в неизвестное еще направление. Да оно и не подлежит оглашению. Вы, прапощик, приготовьтесь. Ночной переход, до дальнейших моих указаний, проведете в санитарной повозке. Вас проводит и познакомит с сестрами хорунжий.

У меня появилась идея, что наш новый прапорщик сможет применить себя в этом направлении - санитарном. Несколько дней я не обращал на нее внимания и не давал назначения. Она не сослась с сестрами и явилась ко мне.

- Прощу назначения в строй.

Как я указал выше, мне оставался лишь один выход - переговорить с ген.Марковым. Затем я ее видел на ксне в ординарческой команде ген.Маркова. По прибытии на Дон, в Егорлыкскую, она уволилась. Как мне потом передавали, она решила пробраться к родителям в Москву.

- о -

Я отдал распоряжение мое новое пополнение, до распределения, направить к нашему обозу.

Пополнялся в этом походе и наш 1-й Кубанский стрелковый полк, разворачивал следующий батальон. Особенно успешно шло разворачивание при вступлении в Кубанскую область.

Таким образом, моя чисто офицерская часть с очень небольшим составом казаков и не-казаков (последние - из юнопей интеллигенции) начала во Втором походе пополняться и рядовым составом. На походах вся наша пехота и мы, пулеметчики, передвигались на тачанках, продвигаясь благодаря этому большие переходы как днем, так и ночью. Благодаря этим ночным переходам красным нелегко было установить пути наших следований. И еще осложнялось это тем, что, тронувшись засветло в одном направлении, мы в темноте брали совсем другое направление. Красные также стали применять переброску своих частей на подводах. Надо полагать, переняли эту тактику от нас. Ночью мы привязывали лошадей к повозкам и спали. Верховые по наряду следили ночью за движением колонны.

Была у меня командирская тачанка, в которую я приманивался в ночных переходах. Конь мой шел сзади привязанный.

Из группы влившихся в часть военнопленных я выбрал себе ездового. Пулеметчики вначале как-то неодобрительно смотрели на это мое действие. Мои штаб-офицеры, когда мы разбили свои квартиры в Белой Глине, собравшись ко мне для обсуждения очередных, после каждого перехода и боя, вопросов, говорят:

- Не увез бы он вас ночью куда в сторону!

Мотивировали тем, что я при ночном переходе ехал во главе своей колонны.

Этого не случилось. Влившиеся к нам стали исправно нести службу. Сказывалось и обхождение с ними, и не выветрилась старая дисциплина. Они дошли с нами до Новороссийска, где или были демобилизованы, или продолжали службу. Главная масса пленных, взятых в Белой Глине, по приказу ген. Деникина разошлась по домам. Это произвело на них колоссальное впечатление. Не верили своему счастью.

- о -

Покончив с собиранием попрятавшихся в камышах и других местах, я приказал отвести поступившую к нам на пополнение группу на южную окраину селения и присоединить их к уже подтягивающемуся нашему обозу. Он был уже совсем на виду. В это время, и совершенно неожиданно для нас, начался со стороны красных артиллерийский обстрел южной части селения. Снаряды рвались сначала на окраине, а затем начали ложиться в поле и навстречу подходившему обозу. Было несколько попаданий в голову обоза. Разбиты две пулеметные тачанки и одна хозяйственная повозка. Люди на них и лошади разорвавшимися гранатами искалечены или убиты наповал.

Это северная группа красных на подступах к селению прорвалась от напавшей на них колонны Боровского. Повернув круто на юго-запад вдоль Белой Глины на Горько-Балковскую, они для обеспечения своего движения и прорыва приказали своей артиллерии открыть заградительный огонь.

- о -

В Белой Глине мы получили заслуженный отдых. Пробыли там неделю, до 30-го июня.

Разместились по квартирам. Мне достался отдельный небольшой дом с садом, где также стоял мой помощник, конный вестовой и заведующий канцелярией (писарь) хорунжий Ивченко, впоследствии в чине есаула мой адъютант, и еще два связанных ординарца из г.г. офицеров. Последние предпочли устроиться более "самостоятельно" - в летней

постройке в саду. Это дало повод Войсковому Старшине Староверову - человеку в годах - к шутке над ними:

- Понимаю, понимаю, почему отделяетесь от нас. Эх, молодежь! И я был такой!

Хозяйка, женщина средних лет, встретила нас очень смущенно, но старалась своей суетой показать услужливость. Старалась определить, кто в среде ее постояльцев начальство и какое будет к ней отношение.

Население Белой Глины, чувствуя свою вину перед нами за организованное ими сопротивление, боялось расправы с ними. Мужчины или попрятались или оказались у нас в плену. Поэтому сначала мы видели только женщин. Но, когда узнали, что взятые нами в плен распускаются, то обстановка изменилась.

Постепенно мы разузнавали, что творилось у них в период "совласти". Так, тут была проведена социализация женщин, и главными проводниками этого "достижения революции" были стоявшие тут матросы.

Наша хозяйка стала с нами осваиваться, видя, что мы с ней обращаемся, как и полагается, и за все платим. Охотно сама предложила вести нам хозяйство. На второй-третий день представила нам свою дочь. До тех пор скрывала ее.

- А где же ваши мужчины? Муж, сыновья ваши, если таковых имеете? - задал я ей вопрос.

- Она как-то смущенно уклонилась от моего вопроса. Я не настаивал.

- Скажите, почему вы скрывали от нас свою дочь?

- Да видите, вы не знаете, что у нас творилось до вашего прихода. У нас уже нет больше девушек. Все они были "реквизированы" (она так выразилась), матросы и красноармейцы их распределили между собой и с ними гуляли.

- А как было с замужними женщинами?

- У кого мужа угнали или была одна - тоже "обслуживала" их.

- о -

Мы поворачиваем на Тихорецкую.

За время нашей стоянки в Белой Глине мы имели возможность не только отдохнуть, выспаться вдоволь, вкусить горячую пищу, которую мы видели очень и очень редко - так и мерещится отварная, холодная и не совсем хорошо очищенная курятина, которую подавал мне мой вестовой-казак, часто на походе, в седле, иногда без соли и даже свежего хлеба, а так, засохший кусок, - а главное, что было и самым важным для малых и больших начальников и командиров, - привести свою часть в дальнейшую боевую готовность.

К 30-му июня, чтобы начать операцию против Тихорецкой, которая была намечена нашим Командованием на 1-ое июля, части Доброй армии начали занимать исходное положение с целью полного окружения ее и с тем, чтобы приступить к ее штурму.

К этому числу наша Дивизия под командованием полк. Кутепова сосредоточилась в станице Калниболочкой. Еще за несколько дней до этого к нам подошел стоявший в Новочеркасске 1-й Марковский полк. Отдохнувший, пополнившийся и развернувшийся там 3-й батальон, он, на пути своего движения к нам, совместно с 1-м Конным полком, также покинувшим Новочеркассск, вел бои и 26 июня стал в Горькой Балке.

В задачу нашей колонны входило: По занятии станции Поропинской, обогнув уступом Тихорецкую, выйти на жел. дорогу Сосыка-Тихорецкая

и, перерезав ее атаковать с севера!

Для обеспечения операции сосредоточиваемых сил Добрармии; ее командованием возлагается на Отдельную конную бригаду полковника Глазенапа, сформированную из кубанских казаков, тяжелая и ответственная задача охранять наш правый фланг от частей Сорокина, расположенных по линии Сосыка-Екатериновская- Кушевка; весь наш тыл до Торговой и нашего фронта, а также от напирющих на нас с тыла красных отрядов в северной части Ставропольской губернии.

- 0 -

Для прикрытия нашей колонны с севера в задачу конницы Эрдели (его дивизии) входило: взяв станцию Леушковскую, оставить там заслон, а с остальными своими частями выйти к западу от Тихорецкой на линию жел. дороги в Екатеринодар и ударить по ней с этого направления.

- 0 -

К началу 2-го Кубанского похода, в предвидении разворачивания, наши три бригады были переименованы в дивизии.

Наша 1-ая Дивизия к этому времени имела следующий состав: 1-й Офицерский пехотный полк; 1-й Кубанский стрелковый полк; 1-й Конный полк; 1-ая Отдельная батарея и 1-ая Инженерная рота. От начала 2-го похода и до боев за Тихорецкую Дивизия вышла лишь в составе Кубанского стрелкового полка, батареи и инженерной роты.

- 0 -

Штурм Тихорецкого узла.

От начала нашего Второго похода и до Тихорецкой мы встречали то или другое сопротивление превосходящих нас сил красных, которое мы сравнительно легко ломали.

У Тихорецкой же мы натолкнулись не только на сосредоточенный кулак, но также на сильно укрепленные позиции.

Туда к основным силам стягивались бежавшие от нас и недобитые нами части красных. Было также мобилизовано, вооружено и загнано в окопы население. Окопы подчас обведены проволочным заграждением.

Заняв исходное положение, наша колонна в ночь на 1 июля выступила из Калниболотской. Обойдя Порошинскую, красные стали отходить под защиту Тихорецких укреплений. Обхватив Тихорецкую с севера и перерезав жел. дорогу на Сосыку, двинулись в направлении станицы. Пройдя самую станицу и наступая в направлении станции, мы встретили сильное сопротивление красных, засевших в окопах. Наше движение и порывы были приостановлены сильным огнем из окопов, и, в частности, на 1-й Кубанский стрелковый полк (Марковцы шли развернутым строем рядом) неожиданно из засады подвергся атаке двух броневиков, прошедших даже наши цепи. Полк отхлынул и заново стал собираться, перейдя вновь в наступление. Наша артиллерия поддержала нас, разбив один броневик; второй скрылся.

Поле сражения покрыто высокой пшеницей, что с одной стороны давало прикрытие при движении вперед, но с другой стороны мешало связи своих частей. Цепи не могли держать равнение, отрывались или заходили на участок соседей.

Ожидая возможной снова засады, двигались осторожно и без выстрелов. Красные стали нас подпускать и даже совершенно моментами

прекращали огонь. Мы уже недалеко от их окопов, рукой подать. Виднеется уже и окраина пшеницы, а за ней и окопы. Приостановив движение, стали выравниваться и подтянули в цепь пулеметы, выдвинув их местами вперед для обеспечения движения цепей.

- Сдаются, - вдруг разносятся по нашим цепям.

Действительно, видим на поднятых кверху ружьях белые флаги. Многие просто размахивают ружьями вправо и влево. Наши цепи поднялись и стали быстро подходить. Но действительность оказалась другая. Красные сразу открыли залпами огонь по поднявшимся и движущимся к ним цепям. Мы попали в ловушку. Цепи отхлынули за линию наших пулеметов, которые немедленно открыли по окопам огонь, заставивший засевших в них скрыться и прекратить огонь. Наши кубанские стрелки воспользовались этим моментом и бросились на окопы в штыковой бой. Пулеметчики, принужденные прекратить огонь, стали немыми свидетелями голгофы красных. Хотя наши атакующие были снова встречены уже у самых окопов жидкими залпами красных, едва опомнившись от ураганного по ним пулеметного огня, но порыв их был настолько стремителен, что ничто не могло их остановить. Разъяренные обманом со стороны красных, они не давали никому пощады. Шло поголовное истребление, и никакая сила не могла их остановить.

Пожалеть можно было тех, кого силой вогнали в окопы - мирных жителей. Я видел их в их обычной партикулярной рабочей одежде или в форме железнодорожников, были среди них также подростки, промелькнули и женские лица.

Увлечшись, я выдвинулся вперед, от меня не отставала моя связь, и очутился в линии рукопашного боя. Картина была кошмарная. Стоны умирающих, раздирающие душу крики о пощаде... Часть красных продолжала сопротивление, что ухудшало положение тех, кто побросал оружие. Падали и наши.

Вижу - в каком-то шаге впереди меня, подняв руки кверху и припав на колени, с залитым слезами лицом, юноша в форме телеграфиста с ужасом смотрел на штык, направляемый на него подсакивающим к нему нашим стрелком. Вот, вот он должен его проколоть. Я делаю быстрый шаг вперед и ударом руки по прикладу отвожу в сторону уже двинувшийся вперед штык, который должен был проколоть его насквозь. Удар попадает под левую мышку и лишь прорывает рукав. От такой неожиданности - резкий поворот в мою сторону, но тут же наш стрелок молча ринулся дальше на расправу.

Мой спасенный - а таких было немного, может быть, он был единственным, сказать трудно - сразу очутился около меня и вцепился в полу моего кителя. Я попытался его успокоить и стряхнуть его руку, мешавшую моему движению, но это было не так легко - он считал, что так будет вернее..

Я затем передал его своим, которые поздно ночью, благо мы попали на ночлег в железнодорожный поселок, вручили его родителям, жившим в этом поселке.

На утро другого дня мы узнали, что ген.Деникин решил посетить поле нашего сражения.

"Я видел на другой день это поле. Жуткое зрелище представляли длинные линии окопов - по обе стороны дороги... сплошь заваленные человеческими трупами... Они - вчера еще вольные или невольные защитники окопов - прекратили огонь и подняли на ружьях белые флаги (платки); но когда добровольцы подошли... их встретили залпами...

Поэтому, когда окопы пали... пощады не было никому." (Том 3-й, стр. 175. Ген.Денигин, "Очерки Русской Смуты").

Э.Ф.Карнус, ген.майор.
(Продолжение следует)

- - ооо - -

Ш И Ш К И Н О.

После германской войны 1914-1917 годов национальная война в России продолжалась. Годы 1917-1922 были войной за национальное бытие России.

Историки всяких толков и воззрений, имея или не имея под рукой достаточно исторического материала, естественно, освещали события и явления той эпохи под своим углом зрения.

"Цветные" дивизии и "цветные" артиллерийские бригады создали коллективным трудом хронологическую правдивую историю своих частей.

Автор этих "Кратких очерков" описывает только те события, которые лично пережил и видел и которые чем-либо выделяются из общей массы боевых будней.

Таковым было село Шишкино Ставропольской губернии.

Батарея работала с сильно поредевшими в предыдущих осенних боях Кубанским стрелковым и 1-м Офицерским (Марковским) полками.

Наступали через Спицовку, Грушевку на село Медвежье (или Медведь), но села не взяли и остались лежать в снегу перед селом. Был порядочный мороз. Захватили село только на следующий день утром.

Отсюда отряд пошел в наступление на село Шишкино, и начались для отряда неудачные дни.

В бою перед селом стрелявшая батарея выбила преждевременным разрывом запряжку своего же орудия, менявшего позицию. Левый фланг Кубанского стрелкового полка сильно загнулся под напором противника, перешедшего в контр-атаку с броневиком. Командир батареи, забывший полковник Миончинский получил до боя новое назначение, но, узнав о неустойке, прискакал в отряд и разрывом снаряда был смертельно ранен. Его умирающим провезли на мажаре мимо батареи.

Покойный Д.Миончинский происходил из артиллерийской семьи. Высококультурный и образованный, он принадлежал к знаменитой плеяде русских кадровых артиллеристов. Свой опыт Великой войны и Национальной он использовал с исключительным успехом. Конечно, найдется достойный, кто напишет его полную биографию и тем воздаст должное его памяти.

Отряд отступил от села Шишкина и пытался задержаться в громадном селе Орехово-Высоцком.

Пехотное начальство приказало выставить на правом фланге села одно орудие в сторожевое охранение. Несмотря на возражения артиллеристов, что в случае атаки на этом фланге и в случае общей неустойки орудие не сможет уйти из-за крутого террасообразного склона к деревне, все же было приказано орудие там оставить. Ночью противник атаковал на правом фланге, и орудие батареи погибло.

Общее положение отряда было тяжелое, но в это время генерал

Врагнелъ с конницей перешел в наступление в тыл противника, и неприятель перед отрядом просто исчез.

Николай Прюц.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

От полковника-первопоходника Е.Цешковского из Аргентины на имя секретаря правления нашего общества В.П.Мяч получено письмо с стихотворением от 22 апреля 1962 г., которое мы полностью помещаем ниже:

Многоуважаемый Василий Павлович!

Поздравляю Вас и всех Первопоходников с Светлым Праздником - Христос Воскресе!

От всей души приветствую появление журнала "Вестник Первопоходника" и желаю полного успеха, сил, здоровья, вдохновения как Вам, так и всем участникам и похода, и журнала!

Дай Бог в добрый час!

Великое, сердечное спасибо за память обо мне и утешение.

ПЕРВОПОХОДНИКАМ.

В широких раздольях Кубанских степей,
Где ветер колышет ежу и ковыль,
Где клекот орлиный и ржанье коней,
Там вечно хранится великая быль.

Зимой студенкой из года и в год
Пурга о победах там песню поет,
О том, как свершался Кубанский поход,
Как слава его и поныне живет.

Величие духа и скромность живых,
Бессмертную славу всех жертв и могил -
На счастье России в потомках своих
Легенду похода казак сохранил.

К станции Калужской - кипел еще бой -
Разъезд от Корнилова с вестью прибыл,
Что Великий Бояр и текинский герой
В кольце окружения красных разбил.

И, силы удвоивши, Белая Рать
Идет и поныне в духовной борьбе
Державу Российскую снова создать
И мир воскресить, погребенный во зле.

Ев.Цешковский.

- - оОо - -

Выдержки из писем читателей журнала
"Вестник Первопоходника".

..... Отлично Вы делаете, что издаете свой журнал, и такой интересный. Пишу без похвальбы Обществу, но как факт. Не говоря о больших исторически интересных статьях генерала Э.Ф.Кариуса - кстати сказать, хорошо знаю по нашей 5-й Кавказской дивизии и Финляндии, - как и полковника Сербина, которого также хорошо знаю, - отличная статья "кадета" Н.И.Басова. Такая остроумная и "веселая", когда читаешь, но думаю, что тогда ВСЕМ, и ему лично - не было весело...

Полк. Ф.Елисеев
Нью Йорк.

- - оОо - -

НЕКРОЛОГ

В Ферфаксе, Калифорния, после продолжительной болезни в невыразимых мучениях умерла 17-го марта с.г. супруга первопоходника капитана Полянина, члена нашего Общества, - Тамара Фердинандовна, урожденная баронесса Вагнер.

Правление и члены Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода выражают нашему дорогому члену-соратнику искреннее соболезнование.

- - оОо - -

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

Чернецовец штабс-капитан Михайлов Николай Петрович, Марковской батареи, скончался 3 ноября 1961 года во Франции.

- о -

Поручик Яковенко Леонтий Филиппович, 1-ый Сводный Офицерский батальон - скончался в ноябре 1960 года, во Франции.

- о -

Капитан П.Литвиненко, корниловец, скончался 28 февраля с.г. под Парижем.

- - оОо - -

ПЕРВОПОХОДНИКАМ.

Жуткое время несчастной Отчизны -
Разгулялася Русь без царя.
В гуле кровавом мятущейся жизни
Восходит коммуны заря.

Навстречу разгульным и буйным ватагам,
Что родное, святое смели,
Встали с русским поруганным стягом
Витязи русской земли.

Шагали корниловцы медленным шагом
За вождем на буланом коне.
Рыцари чести, с открытым забралом
Творили преданья в огне.

Не клонил офицер головы под огнем,
Не молил, умирая, пощады.
Мирил их священник - братьев, врагов,
В траурном скорбном обряде.

Кровью детской легенды писали
Чернецовцы для русской земли.
Жертвой светлой сердца разбросали
В черноземной Кубанской пыли.

Оставляет казак свой мирный курень
Для борьбы против зла и порока.
Провожает мулла закубанских детей
Под флагом зеленым Пророка.

И в холодные дни последней весны,
По путям ледяного похода
Пронесли юнкера пылкой юности сны
О счастье родного народа.

Мальчик кадет и седой генерал
Вместе в скитаньях страдали
И в позорные дни одинокий бокал
За счастье России подняли.

Не слышала Русь боевой их призыв,
И Армия долг свой забыла.
Судьба же красивый, священный порыв
Терновым венцом наградила.

Шляйсхайм, Германия, 1949.

Атаманец

Это стихотворение было написано участником похода Хорунжим Войска Донского И.Г.Ситниковым. Автор стихотворения, ставший в Югославии ветеринарным врачом и уехал, как специалист, в Абиссинию. Стихотворение было лично вручено автором в Шляйсхайме Войск.Старшине А.И.Скрылову, который и препробовал его нам.

Правление Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода устраивает с благотворительной целью вечеринку с концертной программой в субботу 19-го мая с.г. в помещении Общества "Гуманити Коллс", 655 Н.Серрано авеню, Лос Анжелес.

Концертная программа:

Григорий ГЕ	Баритон
Альберто САБРИО	Тенор
Е.КОНОВНИЦЫНА	Меццо-сопрано
Шанон ГЕЛЬСИН	Фортепиано
Н.Гудим-Левкович)	
М.КУТЕПОВА)	Скетч
Б.КУДИНОВ)	
П.ГУРСКИЙ	Конферансье

Буфет, прохладительные напитки, кофе и чай.
Лотерея.

Начало ровно в 8 часов вечера.
Вход - добровольное пожертвование.

Правление.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- - оОо - -

Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" - 3.00 дол. в год.

Желательны добровольные пожертвования для увеличения и улучшения издания.

- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

В.П.Мяч, Н.Приц, М.Коваленский.

Главный редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 9

ИЮНЬ 1962 г.

Издание Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского
генерала Корнилова похода.

Адрес: 901 No. Kenmore Ave.,
Los Angeles 29, California,
U.S.A.

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

- - оОо - -

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ:

ПЕРВОМУ КУБАНСКОМУ ПОХОДУ,
ЖИЗНИ ПЕРВОПОХОДНИКОВ,
ИСТОРИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

- - оОо - -

СМЫСЛ НАШЕГО НАХОЖДЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ - ОКАЗАНИЕ
ПОМОЩИ ЕЙ В ЕЕ БОРЬБЕ ПРОТИВ КОММУНИЗМА.

ДЛЯ ЭТОГО НЕОБХОДИМО ЕДИНЕНИЕ ЖИВЫХ СИЛ ЭМИГРАЦИИ. ПАР-
ТИЙНЫЕ ПЕРЕГОРОДКИ НЕ ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ ДЛЯ СЕГО ПОМЕХОЙ.

НАСТУПИТ ВРЕМЯ В ОСВОБОЖДЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕ, КОГДА ПАРТИИ
СМОГУТ БОРОТЬСЯ ЗА СВОИ ИДЕАЛЫ.

СЕЙЧАС ЖЕ ОДНА ЦЕЛЬ: БОРЬБА ПОД ЛОЗУНГОМ -

"ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ РОССИИ ! "

ГЕНЕРАЛ ГЛАЗЕНАП.

КОННИЦА ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ (из воспоминаний участника)

1. "БАШКИРЫ".

В середине марта 1918 года, в станице Ново-Дмитриевской, сейчас же после соединения отряда Кубанского правительства с Добровольческой армией ген.Корнилова, все мелкие конные части и соединения обоих отрядов были сведены в один полк. Кубанцы, офицеры и юнкера, стали 2-й офицерской ротней этого полка; в ее 3-й взвод вошли те немногие офицеры кубанцы, которые незадолго перед этим, в ауле Шенджи, были отрезаны от ядра дивизиона полк.Кузнецова и избежали его печальной участи, уйдя по плавням к главным силам Кубанского отряда. Был в этой группе и автор этих строк. (Дивизион же полк. Кузнецова, оторвавшись от главных сил, ушел в горы, там был разбит, большая часть офицеров, вместе с самим полк.Кузнецовым, была зверски переколота штыками, а часть отряда посажена в Майкопскую тюрьму; оттуда уцелевшие, и среди них полк.Бабиев, были потом освобождены восставшими казаками ген.Геймана).

Ядро 3-го взвода состояло из нескольких офицеров 1-го Черноморского полка; вообще же состав взвода был смешанный: были в нем и линейцы, и черноморцы, разных полков; были и пластуны, которым надоело месить тяжелыми сапогами жирный кубанский чернозем; чины не играли никакой роли: рядовыми всадниками, с "винтачем" за плечами, были и заслуженные есаулы и только что произведенные прапорщики; были и одиночные казаки "рядового звания", не пожелавшие расстаться со своими офицерами. Не знаю почему - быть может за наш смешанный состав или за тенденцию многих из нас "воевать по собственному усмотрению" - наш взводный командир, подесаул 1-го Черноморского полка Владимир Чигрин шутя назвал нас "башкирами"; так мы и сами стали себя называть.

После переформирования наша сотня принимала участие в бою за взятие станицы Георгие-Афипской, прикрывая правый фланг нашей наступающей пехоты со стороны Екатеринодара. Вместе с нами в этом боюковом отряде был 1-й эскадрон полка, состоявший из офицеров регулярной кавалерии - многие в погонах и в фуражках своих полков. Наше внимание особенно привлекла небольшая группа всадников на прекрасных, по большей части рыжих конях и с казачьей седловкой. Из расспросов выяснилось, что это были донцы, офицеры л.-гв. Казачьего полка: братья Рыковские, Плеве, Краснов и еще несколько молодых офицеров, - почти все со своими вестовыми. С ними мы быстро подружились.

2. КОННИЦА ГЕН. ЭРДЕЛИ.

В станице Елизаветинской, после переправы на правый берег Кубани, ген.Корнилов приказал мобилизовать несколько годов молодых казаков; из этой не нюхавшей порошу молодежи Елизаветинской и Марьевской станиц был создан Кубанский казачий полк, вместе с нашим 1-м офицерским кавалерийским полком составивший кавалерийскую бригаду; командовал ею генерал Эрдели; кажется, входил в нее еще и черкесский дивизион.

Когда ген.Корнилов решил взять Екатеринодар штурмом, эта конная бригада получила задание - обойти город с севера и с востока,

рис. худ. К. Кузнецов

КУБАНЦЫ

перерезать Черноморскую, Тихорецкую и Кавказскую жел.-дорожные ветки и, замкнувши город в кольцо, отрезать Екатеринодарских большевиков от подвеса подкреплений и боеприпасов. Задача эта, к сожалению, была выполнена только частично, и гарнизон Екатеринодара беспрерывно пополнялся и людьми, и амуницией, в то время как наша пехота расстреливала последние патроны. Как развивался штурм города, мы, рядовые конники, не знали, но слухи доходили, что большевики дерутся упорно, города не покидают, и что наша пехота несет большие потери.

К вечеру 31 -го марта конница Эрдели вернулась из рейда в глубокий обход Екатеринодара и втянулась в Сады. Там и ночевали - кто в летних домах екатеринодарских огородников и садоводов, а кто под плетнями и под навесами; спали "с одним открытым глазом". Еще за светло наши заставы обстреливали небольшие группы красных, приближавшихся со стороны Тимашевки, а разъезды, вернувшиеся с того направления, доносили о митинговании громадной толпы "товарищей" в занятой ими Новотитаровской станице.

3. ПЕШИЙ БОЙ.

С рассветом затакали винтовки в охранении, совсем близко; сон как рукой сняло. Приказано - поест, чем Бог послал, напоить коней и проверить, у кого сколько патронов осталось после вчерашней перестрелки (за день до этого "лишние" патроны были у нас отобраны для

передачи пехоте, и нам, конникам, оставили всего лишь по три обоймы). Через короткое время приказ: нашей сотне, передав лошадей коноводам, в пешем строю занять стрелковую позицию поперек дороги, идущей вдоль Садов, с севера, от Новотитаровской к Екатеринудару.

Только что рассыпались в цепь - в канавах по обе стороны дороги, за домами, плетнями и земляными валами, - как мимо, по дороге, проскакало полным ходом наше охранение, десятка два всадников. И буквально в тот же момент, шагах в 500 от нас, с обеих сторон на дорогу высыпали пешие "товарищи". Без всякой команды мы открыли огонь "пачками", и красных как рукой сняло: некоторые из них скрылись за кустами и заборами; кто не успел, прыгнули в придорожную канаву и залегли там; а несколько тел остались лежать на дороге. Завязалась перестрелка; от командира сотни и от взводных все время слышатся напоминания: "беречь патроны, целиться, бить только наверняка". И в самом деле, кое-кто из нас сгоряча расстрелял все патроны и теперь просит: "Хоть одну обойму дай, выручи"; а тут у самого патроны считанные. Огонь с нашей стороны подзатих; по цепи слышатся только одиночные редкие выстрелы. Большевики смелеют; их выстрелы все чаще и все ближе. От времени до времени видны их одиночные люди, перебегающие с одной стороны дороги на другую; некоторым это не удается, и на дороге то там, то сям остаются жертвы нашей стрельбы "наведя на мушку". Но и на нашей стороне есть потери: то вскрик слышится - того, кого "нашла пуля"; то соседи уносят тяжело раненого; есть и убитые.

Большевики наглеют: уж очень редок наш огонь; их одиночные храбрецы выскакивают на середину дороги и грозят нам сружьем; все ближе они показываются; уже слышны их крики: "Кадеты, мать вашу перетак... не уйдете, гады; всем килки повыпустим, живыми пожжем..."

Мы постепенно отходим, то по левой стороне дороги, то по правой; одиночками, от плетня до следующего плетня. К счастью, наши откаты противнику не видны: кусты, земляные валы и канавы скрывают отходящие пригнувшиеся фигуры; сильно помогают, сдерживая порыв большевиков, наши два "Люиса". Но положение становится все более "корявым"; патронов почти ни у кого не осталось: у кого были припрятаны, пришлось отдать пулеметчикам для их дисков. Помощи нет, да ее и не обещали. Озираемся: "Где коноводы? Всегда их черти куда-то заносят". Время тянется: минуты кажутся часами. Неприятельские цепи все ближе; их выстрелы сливаются в сплошной треск. Становится не по себе: "Не уйти, ведь, не добежишь до коноводов". На губах молитва: "Господи, спаси, не допусти попасться в руки красноармейцам". Наконец - желанное приказание: "Оставить позицию, незаметно отойти за укрытие, а там - бегом к коноводам". Хотелось "ура" кричать от радости, да опасно: догадаются красные, чему мы рады. Приказание было выполнено с потрясающей быстротой. Большевики так и не заметили, когда перед ними уже не оказалось противника. А мы, задами да садами, кто "в поводу", а кто уже в седле, запылавшись, но с счастливыми лицами, собрались к командиру сотни.

Время было уже к полудню. От командира сотни мы узнали "обстановку": вся наша конница уже очистила Сады, отрвалась от противника и оттянулась к западу "на поддержку нашей пехоты, застрявшей на кирпичных заводах".

4. КОННАЯ АТАКА.

Только что мы нашли свои взводы и отделения, как послышалась команда: "Садись, справа по три, за мной", - и сотня рысью пошла к видневшейся вдаль конной массе. То были два полка конной бригады ген.Эрдели: наш 1-й офицерский кавалерийский полк и только что сформированный пяти-сотенный полк из казаков, Елизаветинцев и Марьинцев. Полки стояли в невыравненных резервных колоннах, в укрытии от противника за скирдами соломы и отдельными куренями. Наша сотня подошла к колонне и выравнялась по 1-му эскадрону. У соседнего куреня вправо виднелись наши щегольские "конвойцы", а немного подалее донские партизаны "Баклановцы" с их черным значком и с белой "мертвой головой и костями" на нем. Влево были Елизаветинцы и Марьевцы. На невысоком бугорке видно было "начальство": ген.Эрдели со штабом, командиры полков и их ординарцы. Мы спешили.

По рядам передавались всякого рода слухи: "кто-то слышал от кого-то, а тот узнал от знакомого". Передавали, что наша пехота понесла огромные потери, завязла ни взад, ни вперед, и что нас в пешем строю пошлют ей на поддержку. Роток пошел: "Это как же, без патронов? Знал бы, с самого начала в Улагаевский батальон пошел бы, к пластунам; ни к чорту нали командиры не годятся: как конницу, нас не используют, а какие же мы воики в пешем строю?" Надо заметить, что каждый из нас недавно сам командовал - кто взводом, а кто и сотней или дивизионом, - и каждый критически рассматривал любой приказ или распоряжение начальства. Единственно, чьи приказы никем из нас и никогда не критиковались, это приказы самого "Верховного", генерала Корнилова. О том, что еще накануне не стало "Верховного", мы, рядовые всадники, не знали; начальство правильно соображало, что в такой критический момент нельзя было убивать в нас веру в победу; а уверенность в победе для всех нас заключалась в самой личности Корнилова.

Бригада стояла фронтом на восток; впереди, по возвышенности, по буграм видны были одиночки и группы; то красные гуськом двигались на юг, во фланг и тыл нашей пехоте.

Но вот начальство спустилось с бугорка. От командиров полков прискакали к сотням ординарцы с приказанием: "Приготовиться к атаке в конном строю; подтянуть подпруги, осмотреть холодное оружие и выбросить из сум лишнее барахло". Подьесаул Чигрин в двух словах объяснил нам положение: неприятель крупными силами, двигаясь с севера, из Садов, стремится выйти во фланг и тыл нашей пехоте; конной бригаде приказано разбить эту группу противника и ликвидировать обход, грозящий пехоте.

Наступал момент, о котором каждый из нас мечтал с раннего возраста - атака в конном строю и рубка противника. Подтянув подпругу у моего горячего и не совсем послушного коня и проверив, легко ли шашка выскакивает из ножен, я огляделся. Взвод был готов. По совету бывавших уже в конных атаках офицеров - подьесаулов Чигрина, Помазанова и Перекотия - мы оставили наши "кожухи" и бурки под скирдою и в строй стали налегке. Опять команда: "По коням; садись", - и взвод выравнялся по соседям юнкерам. Правее нас выстраивался 1-й эскадрон; левее виднелись густые ряды Елизаветинцев и Марьинцев. Передние сотни сразу же построили двух-шеренжный развернутый фронт; кто был во второй линии, не знаю, но кто-то был. При этом построении мы высунулись из-под закрытия, и со стороны красных затакали

довольно редкие выстрелы; пули запели у нас над головами. До неприятеля в этот момент было шагов с тысячу.

Командир сотни, гвардеец полковник Рашпиль, выехал на уставную дистанцию вперед, повернулся в седле и, указывая в сторону противника, скомандовал: "Сотня в атаку - Пашки вон - рысью - МАРШ!" - и сразу же поднял своего большого гнедого коня в свободную рысь. сверкнули наши пашки, и сотня двинулась за своим командиром.

Первое время мы шли по твердому грунту, и наши кони охотно и легко следовали за бывшими впереди взводными командирами. Мой "Азиат" ("Азиатом" его перекрестили казаки за его горячность и тенденцию куснуть соседнего коня) вообще не терпел кого-либо впереди, и мне трудно было сдерживать его порыв вперед. Злился я на него ужасно: негодую на сдерживающий повод, он уклонялся то вправо, то влево, и ломал строй. На этого коня и двух рук было мало, а тут ведь в правой руке была пашка; как я не отрубил себе ухо, не знаю. Еще более негодовали на меня мои соседи, прапорщик Кадушкин слева и подьесаул Помазанов справа.

Направление нашей атаки было с запада на восток. Мы быстрою рысью сближались с неприятелем. Видно было, как одиночные люди и небольшие группы, двигавшиеся по возвышенности к югу, останавливались и поворачивали фронт в нашу сторону, на запад. Огонь противника был редким, но пули уже находили случайные жертвы в наших рядах.

Прошли мы так, рысью, шагов 300-400; полк. Рашпиль перевел нас на намет, и только что мы начали скакать, как твердый грунт кончился и мы очутились на вспаханном поле. Кто знает кубанский запаханый чернозем, да еще весной, после таяния снега и дождей, тот поймет наш ужас, когда мы начали чувствовать, как все больше и больше уменьшалась скорость нашего движения. Красные цепи открыли по нас шквальный, но короткий огонь. Мы продолжали скакать, но уже на тяжело дышавших лошадях. С расстояния 400 шагов красные открыли огонь залпами. Здесь уже можно было видеть, как падали лошади и валились с них люди. А немного впереди, еще 100-150 шагов, сотня напоролась на болото (какие всегда остаются в низинах после дождей). Лошади с трудом, где "собачьей рысью", а где и шагом, двигались вперед по этому болоту.

Против нас красные были в двух шеренгах; передняя стреляла "с колена", а задняя стоя. Цепи красных были неровные: местами они сбивались в кучки, а в других местах стояли одиночки, в 3-х, 4-х шагах друг от друга. Каждый из нас смотрел вперед и ждал - когда же они повернут и побегут назад. Но ни беглецов, ни потерявших дух не было. Вглядываясь вперед я, к своему удивлению, увидел на некоторых рыжие и черные мохнатые шапки, каких много было у закубанских пластунов. Так вот почему не было паники у нашего врага! Мы продолжали атаку, хоть наше "Ура" уже перестало быть грозным и мощным. Нас продолжали расстреливать, теперь уже частым огнем.

Тут, собственно, и погибла наша сотня. Пал Рашпиль, многие юнкера; получил рану в грудь и наш взводный, подьесаул Чигрин; рядом со мной был ранен в руку подьес. Помазанов.

Линия атакующих перестала быть линией: кто выбыл из строя по ранению, у кого упала лошадь, а кто и повод начал укорачивать, не видя рядом соседей. Нашей кучке - я, сотник Ярош, прапорщик Кадушкин, урядники Скрыпник, Телеганов и Шрайко - нам повезло: грунт перед нами был выше и суше, чем у соседей, и коням было легче идти.

Кричим "Ура" и наддаем ходу. По сторонам уж некогда оглядываться, но слышим, что "Ура" замирает и, наоборот, становятся слышны крики и "Ура" от противника. Вот тут-то, не дойдя до неприятеля всего лишь шагов 50, кто повернул назад, а кто вдоль фронта вправо. Вперед продолжали скакать лишь те, кто не мог остановить разгоряченных лошадей, да еще те, кто даже в этой ужасающей обстановке инстинктом понимали, что на такой дистанции повернуть спину к противнику - значило стать мишенью для стрельбы в упор.

Низина кончилась, и грунт стал повышаться. Против нашей кучки всадников (а скакали мы в интервалах 2-х, 3-х шагов) были одиночные люди неприятельской цепи. Передняя шеренга встала с колен, и тут у них началось небольшое замешательство: кто начал отступать к задней шеренге, кто перемещался вдоль цепи, кто вкладывал в затвор новую обойму, кто брал винтовку за дуло для встречи нас "в приклады". Это волнение и спасло нас. Как мы проскакали последние шаги, не знаю, не до того было. Помню только, что для себя я наметил точку удара: вразрез между красногвардейцем в солдатской "ушанке" справа и "рыжей шапкой" слева. "Ушанка", видимо, выпустив очередную пулю в несущегося на него всадника (и, к счастью, "промазав"), колебался - не то досылать следующий патрон в ствол, не то готовиться встретить врага штыком. Его-то, "ушанку", я и выбрал для себя, оставивши "рыжую шапку" Мише Кадушкину. Так мы и влетели в цепь: слева от меня Кадушкин, справа урядник Скрыпник, чуть дальше вправо урядник Шрамко, сотник Ярош, урядник Телеганов и еще кто-то. Еще до удара я решил рубить сначала вправо, и сейчас же влево.

В последний момент моя "ушанка" подняла винтовку, чтобы закрыться от моего удара шапкой, но одновременно этот человек уклонился от меня полуоборотом влево, и этим открыл шею и правое плечо. По шее я и рубанул. В следующий момент я перегнулся влево, рубить пластуна в рыжей шапке, но мой "Азиат" как-то внезапно рванул вправо, и я ударом влево промахнулся. Сейчас же за этими двумя красными показалась еще какая-то фигура, опять у меня слева. Я ее кольнул, но, далеко перегнувшись, чтобы достать ее концом клинка, я сам чуть не слетел с коня.

Впереди меня никого не было; крики и стрельба были уже позади, и мне стало ясно, что я очутился в тылу у противника, сзади его цепей. Подскочили ко мне мои одностаничники прапорщики Кадушкин и Шкарлат, невредимые, и сотник Ярош, раненый в ногу. Урядник Скрыпник остался убитым при прорыве через цепь. Недосчитались мы и Телеганова; были и еще, кто не прорвался. Уже в тылу у неприятеля мы потеряли ур. Шрамко (Шкарлат уверял, что Шрамко уцелел, но подался на Васюринскую, "кончивши воевать").

Мы, уцелевшая четверка, сразу же сообразили, что единственной возможностью для нас выйти назад к своим, было пробовать обогнуть неприятельский отряд подалее от места атаки. Так мы и сделали: по кустам и за деревьями мы взяли влево и очень скоро нашли конец неприятельской цепи; загнувши еще больше влево, мы довольно быстро очутились "на нашей стороне". Выехав из-за укрытия на открытое место, мы заметили, что по нас стреляют, и пустили коней карьером, стремясь поскорее достигнуть видневшегося впереди "куренья с левадой". Подскакали ближе к этому укрытию и заметили, что там много всадников и пеших. На мгновение сжалось сердце: "а вдруг не наши!" Но так как к этому куреню то и дело, и не спеша, подъезжали всадники из

нашего тыла, то мы сообразили, что это были "кадеты". Так оно и оказалось: это были казаки-Елизаветинцы, не дошедшие в атаке до Садов и "благоразумно задержавшиеся" у разных закрытий. Подъехавши к ним, мы свалились с коней: тут мы почувствовали страшную усталость. Ярошу перевязали раненую ногу; пуля, ранившая Яроша, вошла в плечо его коня, но, очевидно, не затронула ни кости, ни артерии, так как конь был в полном порядке. Зато с моим "Азиятом" было хуже: у него в левом бедре была рваная рана, и из нее беспрерывно шла кровь. Это была штыковая рана; "рыжая шапка" метила штыком в меня, но, уклоняясь от удара Кадушкина, запоздала и вместо моей ноги ударила штыком в "Азията". Тут я вспомнил, как вздрогнул мой верный конь, когда мы проскакивали цепь. На мне же не было ни царапины, хотя два пулевых отверстия испортили рукав и левую полу моей "бичераховки" (дачковая гимнастерка, с грудными карманами "под газыри").

Переведя дух, мы уже спокойно, то рысью, то шагом отправились к скирдам, где, по словам Елизаветинцев, собирались остатки нашего полка. Под одним из стогов мы нашли нескольких офицеров и юнкеров из нашей сотни; было там два-три человека и из нашего 3-го взвода: поручик (теперешний полковник) Пухальский, хорунжий Острецов, братья Романцовы и раненый подьесаул Помазанов, который отказался эвакуироваться в лазарет в ст.Елизаветинскую. Тяжело раненого подьесаула Чигрина уже отвезли туда; там он и принял мученическую смерть, когда, при нашем отходе, лазарет был оставлен на милость большевикам и все раненые были зверски переколоты ликующими победителями красногвардейцами. Тут же мы узнали о смерти полк.Рапила и многих его гвардейцев; другие части тоже сильно пострадали; погибли у неприятельских цепей и те гвардейцы донцы, которыми мы так восхищались: есаул Рыковский и подьесаул Плева. В 1-м эскадроне была убита женщина-прапорщик баронесса Бодэ, отличный и храбрый офицер, и многие другие. Припомнилось: "Тогда считать мы стали раны..."

К вечеру мы начали отходить на северо-запад. Мой "Азият" совсем обессилел, и я часто вел его в поводу. В малонькской станичке, через которую мы проходили, я оставил "Азията" одному из жителей, а вместо него заседлал какую-то шкапу, до того никогда в жизни не имевшую ни седла, ни всадника на спине. Позже, в колонии Гнечбау, я и ее оставил "благодарному населению", после того как Помазанов, сжалившись надо мною и над моей клячей, отдал мне своего лысого, белоглазого коня, а сам перебрался на лазаретную линейку.

На месте сбора после атаки уцелевших юнкеров влили в наш взвод, назвали взвод сотней, и в командование ею вступил есаул Малышенко.

Так печально и трагически окончилась наша отчаянная атака. Но цели мы достигли, дошли до противника и рубили его, хоть и не все; а главное, мы выполнили свою задачу - не дали большевикам выйти во фланг и тыл нашей изнемогшей пехоте; обход мы остановили. В этот же вечер наши пехотные цепи, незаметно для противника, снялись с позиции, и, севши на подводы, уцелевшие герои Корнилова покатали к Гнечбау и к дальнейшим боям и скитаниям.

Полковник В.Черешнев.

ПРИМЕЧАНИЕ:

При составлении этого отчета "о том, что глаза мои видели", мне сильно помог полк. Пухальский, с которым вместе, в одном взводе, мы вышли в Закубанье, голодали по черкесским аулам и замерзали

в "ледяном походе"; вместе мы шли в атаку на нерасстроенную пехоту и вместе, с остатками "Корниловской Армии", ушли в Задонье -- готовиться ко 2-му Кубанскому походу.

За его помощь в припоминании забытых подробностей, имен и мест я бесконечно благодарен полк. Пухальскому.

В.Черешнев.

- - оОо - -

КАК МЫ ЕХАЛИ НА ДОН.

Записки юнкера 17-го года.

10-го ноября 1917 года наша семья в последний раз собралась вместе.

Две недели уже прошло, как большевики захватили власть в городе, но по инерции жизнь шла по старому пути.

После позднего обеда в кругу близких я должен был ехать на Николаевский вокзал, откуда группа юнкеров Константиновцев артиллеристов отправлялась "на Дон" в надежде найти там организованное сопротивление красным.

Старший брат находился на фронте, и я чувствовал, что пришел и мой черед исполнить свой долг перед родиной. Большой нравственной поддержкой для меня были слова отца: "На твоём месте я бы поступил так же".

Бесконечно жаль было плачущую мать, и сердце сжималось при мысли, что семья остается "на произвол врага".

Наконец, простившись с родными, я поехал на вокзал, вместе с провожавшими меня сестрами.

Свеже выпавший пушистый снег и сумерки скрывали грязь и запущенность города, и, хотя пустынный и плохо освещенный, он в последний раз был для меня все тем же любимым, родным и прекрасным Санкт-Петербургом.

На вокзале уже ждали нас раньше приехавшие две подруги сестры. Моих друзей юнкеров также провожали сестры, и присутствие таких провожатых мало соответствовало нашей маскировке "под революционных казаков".

Несмотря на большую толпу отъезжавших солдат, мы благополучно заняли места в вагоне 3-го класса скорого поезда Петроград-Ростов, и набитый до отказа поезд тронулся по расписанию.

Мои друзья заняли верхние места и улеглись спать, я же расположился внизу, присматриваясь к соседям.

Большинство из них казались безобидными, и разговор шел о том, что "теперь войне конец и все вернутся по домам".

К несчастью, среди соседей оказался субъект лет сорока, имевший вид рабочего, с испитым, озлобленным лицом, одетый в черное пальто. Он вытащил кипу прокламаций и, предложив солдатам послушать, начал, запинаясь на чужестранных словах, читать трескучую пропаганду о необходимости углублять революцию.

Изредка он злобно поглядывал на меня и, очевидно заметив иронию на моем лице, обратился ко мне со следующими словами:

- Товарищ, здесь плохое освещение, мне трудно читать, а у вас глаза молодые - вот вы и почитайте нам про всю правду, здесь написанную.

Еле сдерживаясь от смеха, я ответил:

- Да я, товарищ, неграмотный.

Агитатор, казалось, хотел убить меня своим взглядом, но ничего не ответил. Я же притворился спящим.

Через несколько времени один из солдат, посматривая на наши лампасы, сказал, что много казаков нынче едет. Рабочий злобно возразил:

- Много юнкеров и прсчей гидры к Каледину пробирается. Вот приедем в Москву - там разберут, кому куда.

Когда все заснули, я вызвал друзей на площадку и сообщил им о сказанном. Мы решили в Москве перейти в другой вагон.

Утром наш поезд медленно проходил через Москву и остановился на Южном вокзале. Здесь произошло что-то неожиданное.

Огромная толпа солдат, поджидавшая поезд, бросилась штурмовать окна и двери. Прикладами ружей били стекла закрытых окон и лезли внутрь, подсаживая друг друга. Часть прибывших лезли через окна на перрон.

Конечно, никакой проверки в этой свалке быть не могло. Мой "разоблачитель" исчез, и состав ехавших с нами солдат переменялся. Ехать в вагоне с выбитыми стеклами было неуютно, и в Харькове, где многие покинули поезд, мы вышли на платформу.

К нашей радости мы увидели двух наших юнкеров в очереди за билетом. Они пригласили нас к себе. Оказалось, что за взятку кондуктору они втроем ехали в отдельном купе 1-го класса, запертом на ключ. На дверях была вывеска: "Делегация революционного фронтового комитета"; такая же вывеска была и на окне.

Находившийся в купе юнкер открыл нам окно, и мы, забравшись внутрь, отлично выспавшись, доехали до Таганрога. Здесь "товарищи", ехавшие в коридоре и на площадках, покинули вагон, и проводник открыл наше купе.

Чудесная теплая осенняя погода позволила нам из открытого окна наблюдать спокойную жизнь на станциях Донской Области. На платформах бабы продавали всякую снедь, и отсутствие толпы солдат напоминало дореволюционное время.

После Ростова в наш пустой вагон вошел казачий патруль, проверяющий документы. Один из наших юнкеров находился в коридоре, и мы услышали громкий спор его с казаками. Старший казак, заглянув в наше купе, спросил:

- Кто вы такие, братцы? Тут ваш товарищ заврался, назвал себя приписным казаком с 16-го года, а во время войны приписки не было.

Оценив обстановку, мы объяснили, что мы юнкера из Петербурга и что союз казачьих войск послал нас к атаману. Казаки рассмеялись и сказали:

- Давно бы так, а то дурить вам нас нечего. Мы коммунистов задерживаем, а вы поезжайте себе спокойно. Видно, что вы... юнкера.

К вечеру мы прибыли в красочный Новочеркасск и направились на Барочную улицу, куда имели словесное приказание явиться к полковнику Баркалову.

Заканчивая Петербургский период своих воспоминаний, невольно вспоминаю дальнейшую судьбу своих друзей-однокашников, выехавших со мною на Дон.

Юнкер Всеволод Янишевский убит в отряде Чернецова в январе 1918 г.; юнкер Анатолий Бутовский - убит на Кубани при сел. Выселки

в отряде полк. Покровского весной 1918 г.; юнкер - позднее шт.капитан - Виктор Бахмурич умер в 1921 г. в госпитале в Константинополе от последствий контузии позвоночника; юнкер - позднее шт.капитан - Борис Земчихин застрелился в Болгарии, заболев в тяжелой форме туберкулезом. Царство им небесное!

Всем известно, каково было путешествовать в то время. Да и "товарищи" быстро опознавали "юнкарей". И далеко не всегда дело ограничивалось руганью и угрозами. Так погиб юнкер моего отделения, вызвавший чем-то гнев толпы на станции Воронеж:

К вечеру 12-го ноября мы явились в лазарет на Барочной, где уже было несколько десятков офицеров и добровольцев. Нас встретила дежурный офицер-женщина, прапорщик со значком Александровского Военного Училища, записала нас в общую ведомость прибывших и направила нас в распоряжение командира Сводной Юнкерской роты, помещавшейся в барачном предместьи Хотунок. Там находились склады и жилые бараки двух запасных полков. Ротой командовал уже знакомый нам капитан гвардии Парфенов. Он направил нас в Сводно-артиллерийский взвод. Ежедневно прибывали все новые и новые партии юнкеров-артиллеристов из Петербурга, и через несколько дней нас выделили в Сводную Михайловско-Константиновскую артиллерийскую роту и перевели в помещение Платовской мужской гимназии. Там нам выдали винтовки и расположили нас в рекреационном зале и в прилегающих классах.

Вскоре прибыли два курсовых офицера Михайловского арт.Училища: капитан Шаколи, принявший роту, и капитан Менжинский. Всего прибыло больше 150 юнкеров-Константиновцев, составивших первые три взвода, и 50 юнкеров-Михайловцев, составивших 4-й взвод.

Все добровольцы находились как бы на нелегальном положении, но несли караулы и наряды в городе. Нам внушали держаться скромно, незаметно и пореже находиться на улице. Наша рота несла караулы у складов с оружием и в Торгово-Промышленном Комитете, где находился Штаб Формирования. Вскоре, обзавясь честным словом, все мы дали подписку служить 4 месяца в Организации Воссоздания Русской Армии. Среди ряда пунктов, перечисленных в этом "обете", были обещания не пить и не играть в карты, также и ряд других, определявших безусловное подчинение интересов **л и ч н ы х** - интересам РОДИНЫ.

Командование присылало нам пехотных офицеров Георгиевского полка для занятий рассыпным строем и изучения пулеметов Максима и Кольта. Попытались было наладить лекции, но не до них было: два запасных полка, стоявшие на Хотунке, отказались разойтись по домам и предъявили ряд наглых требований к Атаману. В городе не было надежных частей, и разоружение двух-трех тысяч распропагандированных и распуценных войск выпало на долю Новочеркасского Казачьего Училища, офицерской добровольческой роты и нашей роты.

Большое нравственное удовлетворение получили мы за два дня разоружения казарм и складов оружия. Масса винтовок, ручных гранат, патронов и проч. было отправлено в Войсковой арсенал. Стало явным, что дисциплинированные небольшие части могут решать, казалось бы, непосильные задания.

Началась новая страница нашей боевой службы в рядах Добровольческой Армии.

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА.

Девель был убит первым выстрелом.

Пуля пробила патронташ и вошла прямо в сердце. Там и осталась. Это была его пуля.

Стоял январь 1919 года.

Наш разъезд получил задание нащупать неприятеля.

Был морозный солнечный день. Все кругом сверкало белизной свежее выпавшего снега. Далеко вдаль темнели очертания Штеровских динамитных заводов. Кругом в складках местности чернел кустарник. Было тихо и как-то торжественно печально.

Полувзвод двигался медленно, маленькой неровной лавой. Снег скрипел под копытами коней. Они шли бодрим шагом, слегка похрапывая и фыркая от свежего морозного воздуха. Впереди маячили дозорные. Одним из них был Девель.

Когда он упал, его конь прибежал к нам, а он остался лежать между нами и красными на широкой снежной поляне.

- Стой!.. Слезай!.. Коноводы!.. В цепь!..

Мы спешили и залегли. Началась перестрелка. Немного погодя, подошла лава эскадрона. Под вечер пришла пехота.

Наша задача была исполнена, и нам было приказано отойти версты за две на хутора.

Ночью мы вернулись и вынесли тело Девеля.

Ночь была лунная. Медленно плывшие густые и тяжелые облака часто и надолго закрывали месяц, что очень облегчало нашу задачу. Тяжелое замерзшее тело с трудом передвигалось по рыхлому снегу. Когда мы сошли с бугра, дело пошло скорее. Положив Девеля на пулеметную тачанку, мы быстро домчали его до хуторов.

Бобка ушел, обещав сменить меня часа через два, и я остался один.

В хате стояла немая тишина. Каганец дымил.

Теперь я был предоставлен самому себе и стал невольно прислушиваться к тому, что незримо хранилось в моей душе.

Нас было трое. Три неразлучных друга. Жорж Девель - кинкер Гвардейской школы, Бобка Сукин-Брызгалов - юнкер Южной школы, и я.

Молодость и походная жизнь соединили нас, а вечный страх перед неизбежным сроднил нас троих в крепкую братскую дружбу.

Для меня он все еще был Девель, несмотря на то, что теперь его уже не было с нами, и я с тоской смотрел на тело дорогого мне человека.

Девель лежал на столе под образами. Колеблющееся пламя каганца неровно освещало его лицо. Оно было спокойно и выражало как бы удивление. Очевидно, смерть наступила сразу, не причинив ему боли.

Было около двух часов ночи.

Вдали на буграх слышались сдиночные выстрелы и очереди из пулемета.

Ухо, еще полное дневного шума, слышало несуществующие звуки, а глаз отчетливо видел в перебегающих и колеблющихся тенях создания моего собственного воображения. Мне было немного жутко.

Еще не так давно на одной из ночевок, которые нам теперь так редко выдавались, после солидной порции борща и закулив цыгарку из самосада, смешанного с древесными листьями, мы начали философствовать, и он убеждал нас, что каждый солдат имеет свою пулю, которая

рано или поздно найдет его. Тогда он был убежден, что его пуля еще не вылита. А вот, смотри же, какой-то красный носил ее уже в своей обойме, а он и не знал об этом. Вот и мы с Бобкой не знаем, где и у кого находятся наши пули. Может быть, их еще вообще нет, а может быть, их кто-нибудь уже загнал в дуло своей винтовки.

Мысли переходили от одного к другому. Время тянулось. Старая обстановка потрескивала, и в окна стучался лютый мороз. В хате было тепло и пахло талым снегом и сыростью сохнувшей одежды.

Затихший воздух чутко держал каждый порох и параллельно с этим мои собственные чувства.

Мне хотелось плакать. Хотелось хоть как-нибудь освободить ту тоску и боль, которые находились в моей душе.

Я вспомнил рассказы Девеля о его матери. О том, как он любил ее и как был дружен с нею. Рассказы о семье, с Гвардейской школе.

Великий Боже, за что Ты наказал нас этой ужасной войной? За что поднял брата на брата? За что разлучил нас навеки с нашими дорогими? Мы не знаем, что с ними, и они, может быть, никогда не узнают, что случилось с нами.

И вспомнились мне слова казачьей песни:

"А там за горами, где вьются метели,
Зимой морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны и ели,
Казачие кости под снегом лежат."

Было тихо. Стрельба на буграх прекратилась

Эта непривычная тишина давала полный разгул воображению и создавала тревожное настроение, готовое каждую минуту перейти в панику. Я посмотрел на Девеля, и меня охватил жуткий страх. Что-то сильное сдавило горло, и тяжелая кровь ударила в голову.

Девель стал вытягивать руку.

Я ясно видел, как разжимались его скрюченные пальцы.

Стол заскрипел, и нога мертвого, соскользнувши, повисла, слегка покачиваясь.

В ужасе я хотел бежать, но не мог двинуться с места.

Его веки полуоткрылись, и он смотрел на меня немигающим взглядом.

Почти без сознания, с диким криком, я выскочил во двор и, добежав до хаты, где спали наши, открывши дверь, упал. Меня била лихорадка, и челюсти стучали одна о другую.

Пока меня привели в себя и мы рассудили, что все это произошло от того, что замерзшее тело бедного Девеля в теплой хате стало принимать свое нормальное положение, прошло, может быть, около часа.

Вернувшись в хату, мы нашли Девеля лежащим на столе во весь его исполинский рост. Его руки были сложены на груди и глаза закрыты.

У иконы горела свеча, и какая-то старая женщина стояла на коленях и молилась. Может быть, она молилась не только о Девеле, но и о своем сыне, судьбы которого она не знала...

Утром Девель был похоронен, и эскадрон ушел.

Ушли с ним и мы, так как мы тоже принадлежали к этой дружной братской семье, которая называлась 3-м эскадроном, и, садясь в холдное седло и разбирая поводья, невольно думали о той пуле, которая нас когда-нибудь и где-нибудь найдет... А может быть, и нет.

Шилле.

ЗАГАДКА ВОЙНЫ.

Целые недели отступления являлись для частей Алексеевской пехотной дивизии одним сплошным боем. С трудом оторвавшись вечером от наступавшего противника и заночевав где попало, уже на рассвете части должны были опять отбивать противника. Для взвода 3-ей батареи под командой покойного капитана М. не было часто времени искать позицию. Стреляли с места, на котором находились пушки в момент атаки противника.

Войдя поздно ночью в село Д. и оставив взвод артиллерии, по опыту того времени, на дороге южной окраины села нераспряженным и только с отпущенными нашильниками и подпругами, оба оставшихся офицера взвода явились к командиру батальона, к которому были вызваны.

В это время в село ворвался небольшой отряд кавалерии противника и отрезал офицеров-артиллеристов от взвода. Пулеметным огнем кавалерия была отбита.

М. и П. поскакали к своему взводу, но последнего на месте не оказалось. По глубоким колеям пушек взвод нашли в 2-3 верстах от села, куда его отвели по собственной инициативе великолепные солдаты - ставропольские крестьяне.

Город Е. (Л.). Приближаясь к нему с севера, нужно было перейти по бревенчатому мосту и взобраться на кручу.

В то время, когда артиллерийский взвод преодолевал кручу, к отступавшему батальону подошел конный полк в погонах. Впоследствии выяснилось, что это был одетый на манер белых полк имени Троцкого и Ленина. Полк атаковал, и трагедия батальона завершилась.

Когда артиллерийский взвод взобрался наверх и встал на позицию на пустой площади города, как раз над высоким и крутым склоном к реке, то там внизу, за рекой, все уже было закончено.

Из одного дома на пустой площади вышел ко взводу крупный, пожилой мужчина в форме подпрапорщика старой армии. На груди у него было четыре георгиевских креста. Он вынул револьвер и перед глазами взвода застрелился.

Кто он был? Почему он застрелился?

Эти вопросы остались неразрешенной загадкой.

Прискакал разведчик и привез приказание немедленно уходить полным аллюром, так как за взводом уже никого не было, а фланги сбтекались кавалерией противника.

Полным карьером шел одинокий взвод артиллерии по совершенно пустынным, молчаливым улицам города Е. (Л.).

Николай Пруц.

Х Р О Н И К А.

В субботу 26-го мая 1962 года состоялась очередная встреча первопоходников и их друзей (гостей) в помещении клуба О-ва - 901 Норт Кенмор авеню, Лос Анжелес.

Присутствовало членов-первопоходников и их гостей 35 человек, среди которых был приглашенный впервые американец, видный адвокат в Лос Анжелесе, зять Ф.Пухальского г-н Дональд Холл с супругой Аллой Федоровной.

Нина Борисовна, супруга А.П.Мяч, продемонстрировала через проекционный аппарат цветные фотоснимки городов Советской России, взятые ею у своей сослуживицы по Университету, которая недавно вернулась из поездки, как туристка, в СССР.

Демонстрирование продолжалось, примерно, около часа. По окончании сеанса снимков, гости и хозяева уселись, где кто хотел, и угощались яствами сбилъного буфета.

Галлиполиец, друг первопоходников, Алексеевского полка капитан К.В.Мустафин сказал первопоходникам приветственное слово по случаю подношения флагов цветных полков - Алексеевского, Марковского и Дроздовского - Калифорнийскому Обществу Первопоходников в знак кровной и братской дружбы, спаянной на полях Дона и Кубани в борьбе за ОТЧИЗНУ, национальную РОССИЮ.

Все эти флаги вместе с Корниловским составили альянс Цветных полков 1-й Дивизии Добровольческой Армии и послужат нам, как знак нашего тесного единения, братства и дружбы на вечные времена. Присутствовали от Марковского полка полковник П.Я.Сагайдачный, подполковник Георгий Н.Залеткин - первопоходник - и Дроздовского полка капитан Н.Витте.

Затем была оглашена телеграмма от члена Общества корнета Я.Г. Меллона - приветствие новому гостю американцу Дону Холлу. Корнет Меллон, к сожалению, не мог быть в клубе в этот вечер, ввиду его отъезда из Лос Анжелеса по личным делам, но он прислал в подарок 4 бутылки шампанского, которое заведующий клубом А.П.Мяч и дежурный по клубу Ф.В.Пухальский предложили всем членам Общества и гостям.

Приводим полностью сказанное кап.Мустафиным приветственное слово первопоходникам.

"ЧЕТЫРЕ ФЛАГА".

Почти 45 лет прошло с момента, когда первые меткие залпы прогремели в степях Дона и Кубани, когда первые добровольцы открыли огонь по врагам не только нашей Родины, но и всего человечества.

Был этот огонь порой убийственным, но недостаточным, чтобы спалить, уничтожить заразу в корне.

Никто нам не помог. Со всех сторон мы видели недругов.

Никто нас не понимал - будь это только толща русского народа, будь это безхребетная наша интеллигенция, будь это седовласые державные мужи - короли или президенты - или их мудрые министры.

Почти 45 лет прошло с тех пор, как мы покидали родной дом, любимый город, уходя от наших близких, уходя в неизвестное, которое могло сулить нам только походы и раны, бои и бои за честь Родины и за нашу личную честь.

Нас всегда было мало, но как мало нас осталось сейчас, спустя 40 с лишним лет с начала нашей активной борьбы против коммунизма!

Россия будущая и цивилизованный мир, когда придет время, - а оно придет - спросят:

- Кто же были те люди, которые первыми взяли коммунизм на меткий прицел, но, по разным и многим причинам, его не добились?

И страницы истории засверкают названиями добровольческих белых полков и дивизий: Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы и Алексеевцы; полки со знаменами и штандартами старой Русской Армии; полки казацких войск и единицы Белого Флота.

В память последующих поколений пребудут во веки имена белых Вождей: Корнилова, Алексеева, Деникина, Маркова и Дроздовского, Врангеля, Кутепова, Покровского и многих, многих других...

Как давно за каждым из нас захлопнулись двери родного дома...

Как трудны и как длинны были тропинки, по которым мы шли, стремясь на широкую дорогу, на открытый тракт, ибо мы верили, что где-то далеко мерцает тот свет, который вспыхнет ярким пламенем в конце нашего пути, вспыхнет светлыми огнями всероссийского Воскресения.

И до сих пор мы верим в это - мы, б е л ы е добровольцы.

Пусть мало нас осталось, пусть годы сделали с нами свою физиологическую работу, но, оглядываясь назад, мы гордимся, что мы не согнулись идейно.

Мы шли, повинясь крику сердца, за обманутый народ, за распятую Россию, не строя политических целей и не зная, как долгод будет наш страдный путь.

Миру, старому и культурному миру, понадобилось сорок лет, чтобы хотя отчасти понять простую истину, которая была так ясна нам, тогда молодым и неискушенным ни в политике, ни в человеческой неправде.

И какая простая была эта истина!

За достоинство человека, за Божескую правду - против учения, основанного на лжи, на насилии и крови!

Эмблемой несломанного Духа, верности заветам наших белых Вождей, веры в неизблемость нашей юношеской Правды; эмблемой памяти наших идейных соратников, отдавших свои молодые жизни в разное время на разных фронтах, - являются эти четыре флага, сейчас украшающие скромное помещение первопоходников в Лос Анжелесе.

Пусть недругам - справа и слева - это покажется смешным и ненужным. Они и в молодости растерялись и не знали, что делать, не знают и сейчас.

А было так ясно: за светлое, прекрасное России вперед - под знамя черно-красное к Корниловцам иди!

Четыре флага: Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевский - олицетворение жертвенного подвига за честь и величие Родины.

- о -

В глубокую полночь гости и члены Общества разъехались по домам в радужном и веселом настроении до следующей встречи, имеющей быть в субботу 23-го июня с.г.

В.М.

9-е ФЕВРАЛЯ 1918 года.
НАЧАЛО ЛЕДЯНОГО ПОХОДА

Посвящается первоходникам.

Слава погибшим борцам,
С жизнью умевшим бороться!
Пусть их порыв по сердцам
Нашим, гудя, пронесется.

В дикие, хмурые дни
Злого и страшного века
Нам показали они
Силу любви человека.

Годы, меняясь, пройдут...
Пусть же всегда для народа
Жгучим примером живут
Дни ледяного похода.

Жалкий развал Февраля,
Речи паяца-кумира...
Ложь их Россию вела
К подлости Брестского мира.

Грянул удар Октября,
Вопли измены о мире,
Горькие думы Царя
В саване белом Сибири...

Русь захлестнула волна
Низости, крови и смрада:
Черни привольна она -
Чернь междувременью рада.

Все, чем гордились мы,
Рухнув, в крови потонуло...
Ночь... но средь горестной тьмы
Что-то, блеснув, промелькнуло.

С скорбью на гордом лице,
Там, на далекой Кубани, -
Слава в терновом венце
Встала в кровавом тумане.

Кенигсберг
Декабрь 1921 г.

П.Булыгин

.....

... Орел погиб... но есть орлята!
Остры их когти, взгляд суров -
И ждет жестокая расплата
Друзей коварных и врагов!...

- - оОо - -

- Готовятся к печати обширные воспоминания Хана Хаджиева,
адъютанта ген.Корнилова.

. - о -

- Полковник Ф.В.Пухальский и Георгий Л.Корнилов вступили в редакционную коллегию Вестника.

- о -

- Известный коллекционер П.В.Пашков продал свою обширнейшую коллекцию полковых значков и миниатюрных погончиков всех кадетских корпусов.

Купил коллекцию внук ген. Корнилова Лавр Алексеевич Шапрондю-Лааре, историк и коллекционер русской старины.

- - оОо - -

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ
ПРАВЛЕНИЮ КАЛИФОРНИЙСКОГО О-ВА ПЕРВОПОХОДНИКОВ.

Письмо из Австралии.

Дорогие соратники!

Так радостно было обнаружить гнездо первопоходников, продолжающих Корниловское дело через 44 года после его начала!

С сердечной признательностью подтверждаю получение 6-го и 7-го номеров "Вестника". Покорнейше прошу дослать мне предшествующие, т.е. 1, 2, 3, 4, и 5 номера; деньги за годовичную подписку - 1 австралийских фунта, по моим расчетам 3 доллара - вышлю в течение ближайшего месяца.....

Несмотря на то, что из-за занятости не успеваю прочитывать всех получаемых газет и журналов, Ваш "Вестник" - оба номера - проглотил сразу и, не откладывая в долгий ящик, решил сразу откликнуться..... Шлю всем горячий привет.

А.Г.М-и

26-го мая 1962 г.

Бывший корниловец-доброволец,
кадет 1-го Московского кад. корпуса.

- о -

..... что касается журнала, то таковой случаем исправно (последний получил № 7-й) и нахожу, что лучшего издания, как по внешнему виду, так и, что особенно важно, по содержанию, первопоходники за все время своего существования не имели. Поэтскому сердечному приветствую его издание и достигнутые успехи, столь необходимые как для истории Белой Борьбы, так и нам старикам, как "чувство локтя".

Душевно желаю дальнейшего преуспевания. Был бы очень благодарен, если бы и в дальнейшем не отказали в регулярном получении моего журнала.

Искренне уважающий Вас

Н.К.

- о -

Многоуважаемый Василий Павлович!

Ваше письмо от 22 с/м и расписку в получении 3-х долларов от А.Ф.Клюшкина я получил и благодарю Вас.

Вы напрасно благодарите меня за внимание. Если бы "Вестник Первопоходника" мне не понравился, то я бы и не подписывался на него.

Это нам, первопоходникам, надо благодарить Вас, что Вы взяли за издание Вашего "Вестника".

Жаль, конечно, что начал он выходить поздновато, когда одни уже в могиле, другие ушли в свою скорлупу, а другие устроились уже в дома старцев, и их возможности очень скудны.

Я с удовольствием постараюсь распространять "Вестник"...

Искренне желаю Вашему, да и напему "Вестнику" успеха.

Уважающий Вас А.К.

Франция, 25.5.1962 г.

- о -

..... меня особенно трогает и горжусь за всех Вас в издании печатного органа "Вестник Первопоходника". Все номера от 1-го до 8-го прочитал с большим вниманием и нахожу журнал очень и очень хорошим. Статьи ген. Карнуса представляют большой интерес правдивостью изложенных событий, участником которых я был. Прекрасным по стилю и чистоте русским языком написаны очерки Николая Бассова, которые читаются легко и с интересом. Очень хорошо, что начали помещать к рассказам рисунки, что украшает журнал и дает картину боевых сцен добровольцев.

Великое спасибо Правлению за инициативу в издании журнала и подборе материала. Желаю от души и сердца процветания "Вестнику Первопоходника". Читая хронику в журнале, заключаю, что Вы сильны духом и товарищеской спайкой, а это залог успеха.

Искренне преданный Вам М.Г.Д.
Франция, 2.6.1962 г.

- - оОо - -

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т Ь

Правление Калифорнийского Общества Участников 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода приносит искреннюю благодарность всем принявшим участие в устройстве нашего концертного вечера 19-го мая с.г. в помещении общества "Гуманити Колле", а именно лицам, участвовавшим:

в концертной программе:

Глубокая благодарность г-ну П.Ю.Гурскому, как конферансье, за успешное проведение программы и артистам: г.Гр.Ге, г.Альберто Сабрио, г.Б.Кудинову, г.Ш.Гельсину, г-же Е.Коновницыной, г-же Н.Гудим-Левкович, г-же М.Кутеповой - за безвозмездные выступления;

в устройстве буфета:

Дамскому Комитету о-ва "Гуманити Колле" в лице его председательницы г-жи А.Ржаченской и г-ж Н.Кадушкиной, В.Донцовой, И.Корсленко, А.Тенета и пожертвовавшим в буфет Ю.Чернову, З.Зиберт

в устройстве лотереи:

Г-жам М.Л.Пухальской, О.И.Небо и О.Г.Авраменко, работавшим в лотерее во время вечера.

Пожертвовавшим подарками:

Ф.Беляеву, А.Барот, М.Воробьевой, В.Ветровой, А.Велешинац, Е.Волменской, М.Габриэль, И.Григорьеву, З.Зиберт, И.Колюбакину, В.Кейзерову, З.Лаврушиной, Я.Меллону, Н.Мяч, К.Мустафину, К.Марсовой, В.Новикову, А.Переход, Е.Подымову, Н.Прозоровой, Г.Постовской, семье А.И.Скрылза, П.Субботину, П.Сагайдачному, Е.Селичевской, В.Сиракуз, О.Трембовельской, А.Трембовельскому, Т.Треньковской, В. фон-Шлиппе, В.Черешневу, Н.Эберт, З.Языковой, К.Ярина, Н.Христенко.

Сердечная благодарность всем, посетившим наш вечер и тем способствовавшим успеху его морально и материально.

- o -

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТ О ВЕЧЕРЕ 19 МАЯ.

П Р И Х О Д

Добровольное пожертвование при входе	92.25
Буфет и напитки -	74.96
Лотерея	62.95
Продажа торта (пожертвованного)	20.20
Пожертвовано инж.Кейзеровым	10.00
Пожертвовано разными лицами	<u>20.82</u>

ИТОГО 281.08

Р А С Х О Д

Напитки и прч.	40.37
Аккомпаниатору	15.00
Аренда зала, скатерти, уборка	18.21
Почтовые марки, письма, цветы и проч.	<u>22.19</u>

ИТОГО 96.07

Чистый доход 185.01

281.08

Полученная прибыль в сумме 185.01 долларов поступает в фонд помощи нашим первопоходникам в Европе.

Правление.

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 10

ИЮЛЬ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:

1-му Кубанскому Походу,
истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.
California Incorporated.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A

- - oOo - -

О Д О Б Л Е С Т И.

Доблесть в Армии Корниловского похода была необычайна. И она все крепла в носителях ее с каждым боем, пусть число их с каждым же боем и уменьшалось.

Дух железного Вождя увлекал их все выше и выше на пути доблести.

Ею-то и совершались чудеса, истинные чудеса этой единственной в истории войн и мира армии. П.Зотов рассказывал:

Раненый в обе ноги с раздроблением костей реалист екатеринодарского реального училища (фамилии, к сожалению, не знаю), не желая уменьшать числа бойцов цепи, сам пополз к полотну железной дорожки, куда приполз через несколько часов с винтовкой и найденной по дороге цинковой коробкой с 300 боевыми патронами. У полотна он оставался неподобренным сутки, - и вот, когда я 24 марта в 2 часа ночи проходил с ротой по полотну, то услышал скромную просьбу пододбрать раненого, если это будет возможным. И когда его, истекающего кровью, укладывали на бурку, он просил не забыть его винтовку и цинковую коробку с патронами.

Подпоручик (студент) Герман Дмитриевич Михайлов после двух разновременных полученных и неизлеченных ран шел в новый бой; по дороге он обратился ко мне и другим офицерам с такой просьбой: "если меня серьезно ранят, прошу не перевязывать и не выносить из боя, так как я сам застрелюсь, ибо не желаю увеличивать большой транспорт раненых". Такое же решение приняли и другие офицеры. На другой день, 1-го апреля, Михайлов был тяжело ранен в живот и незаметно для всех, в то время, когда к нему был послан санитар для перевязки, сам покончил с собой.

- Слава Богу, я счастлив - я убит! - с этими словами оставил мир Петр Михайлович Васильев, смертельно раненый в том же бою, как и Г.Д.Михайлов, - при взятии станицы Андреевской.

Вырывая из рук большевиков брод через реку Лабу под Некрасовской, три юнкера студенческого батальона ген.Боровского перешли по горло в воде реку и с криком "ура" выскочили из воды, обратив в бегство десятки большевиков, в панике бросивших три пулемета.

- o -

Бой и в бою победа!

Вот что было общим заветом в этой героической армии.

Офицерский полк не знал ни одного отступления за все бои Корниловского Похода.

А.Суворин.

- - oOo - -

НАЧАЛО 1-го КУБАНСКОГО ПОХОДА.

Очерк.

26-го февраля 1918 года, в станице Ново-Леушковской, Командир 1-го Кавалерийского Дивизиона полковник Гершельман передал мне приказание генерала Корнилова: "назначить в разъезд 20 офицеров, и сегодня с темнотою разъезду под моим командованием, оторвавшись от Армии, выступить к станице Ново-Донецкой, где захватить живым атамана этой станицы и сдать его в Штаб Армии".

В разъезд я назначил 1-й взвод 1-го Офицерского эскадрона, и с темнотою мы выступили в направлении станицы Ново-Донецкой. Не доходя полверсты до станицы, разъезд спешился у стогов сена и, оставив здесь коноводов, спешенные офицеры двинулись к станице. Я предупредил г.г. офицеров соблюдать полнейшую тишину и без моего приказа не стрелять.

Было около полуночи; станица спала. Мы тихо вошли в улицу и сейчас же услышали топот лошадиных копыт. Было ясно, что в станицу вошел красный разъезд. г.г. офицеры залегли, и стало видно, что к нам приближается разъезд в 12-15 коней. В тот момент, когда разъезд поравнялся с нами, г.г. офицеры без крика и шума окружили разъезд и потребовали, чтобы всадники слезли с коней; те, не пытаясь сопротивляться, соскочили с седел. Оказалось, что это разъезд красных кубанских казаков. Отобрав у пленных винтовки и пашки, их самих под конвоем четырех офицеров отвели к коноводам.

Пошли дальше. Во всей станице темнота, и лишь в одном доме свет в окнах. Снаружи было видно, что внутри этого дома за большим столом сидят 20-25 человек и о чем-то говорят. Оставив около дома наблюдение, мы вошли, чем вызвали у сидевших испуг и смятение. Я предупредил вставших, что мы им ничего дурного не сделаем, но нам надо поговорить с атаманом. Получив ответ, что атаман уехал в соседнюю станицу, мы быстро нашли его лежащим под лавкой у стены.

Забрав атамана, мы вышли на улицу и вновь услышали шум приближающегося к нам разъезда. Опять залегли, и в тот момент, когда разъезд был уже ясно нами виден, с нашей стороны вдруг грянул выстрел. Приблизившийся к нам разъезд буквально улетел; взяв атамана, мы присоединились к коноводам, где нашли полковника Гершельмана с офицерским эскадронам. Полковник Гершельман, беспокоясь за участь офицер-

ского разезда, пришел к станции Ново-Донецкой с остальными тремя взводами офицерского эскадрона, чем показал нам, насколько все мы были братски близки один другому и насколько велика была забота Командира о своих подчиненных.

По приказанию полковника Гершельмана пленные казаки были отпущены вместе с их конями, а их оружие осталось у нас. На следующее утро атаман был сдан в Штаб Армии.

- 0 -

Прошло 44 года. Я в Америке и стою у церкви, в которой идет богослужение. Мимо меня прошел высокий, седой, благородной осанки господин; его поддерживает под руку, помогая его больной ноге, молодая очень интересная дама. Прошли мимо меня и недалеко сели на садовый диванчик. Ко мне подошел староста церкви и, указывая на них, сказал: "Вот этот господин хочет вам что-то сказать".

Я подошел и спросил:

- Вы хотите мне что-то сказать?

Господин ответил:

- Вы были командиром 1-го Офицерского эскадрона в 1-м Кубанском походе?

- Да, я был.

- Вы помните поручика Сукачева?

- Конечно, помню!

- Так это я - поручик Сухачев.

Мы стали встречаться, вспоминать былое, и как-то в разговоре я его спросил:

- Лев Павлович! Помните вы, как мы ходили ловить атамана?

- Конечно, помню!

- Скажите, пожалуйста, кто тогда выстрелил?

- Выстрелил я, так как я боюсь собак, а когда мы залегли, ко мне шла собака.

Выстрел был сделан, разезд ускакал, не было тогда смысла спрашивать: кто выстрелил? почему выстрелил? и т.д. А вот теперь, через 44 года, я узнал, кто выстрелил и почему выстрелил.

Мы с бывшим поручиком Сукачевым живем, как и тогда, в Первом походе, но теперь он не поручик Сукачев, а бригадный генерал Итальянской армии.

Полковник А.Крицкий.

- - 000 - -

"Не мщение, а государственная необходимость ведет нас по пути борьбы; мы знаем меру ответственности, и если вождям и деятелям большевизма нет ни прощения, ни пощады, то рядовым борцам, отрекшимся во имя Родины от прежних преступных заблуждений, мы найдем место в наших рядах."

Ген. М.Г.Дроздовский.

- 0 -

"Я не спрашиваю людей, идущих со мной работать, - какой ты партии? Я спрашиваю их - любите ли вы Россию?"

Ген.Алексеев.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ПОБЕГУ ГЕНЕРАЛА Л.Г.КОРНИЛОВА из Австро-Венгерского плена.

Нужно сказать, что Корнилов еще в мирное время и задолго до войны совершил не один геройский подвиг в Азии и на Дальнем Востоке Российской Империи.

Жизнь этого незаурядного человека началась в день мученика Лавра, в честь которого он и носит имя свое. Сын казака Георгия станции Каркаралинской, Акмолинской области, Сибирского Казачьего войска - хорунжего в отставке, волостного писаря и хозяина-землепашца - молодой Корнилов с самых ранних лет не был избалован легкостью жизни, что, вероятно, и определило его последующую жизнь.

Он самостоятельно подготавливается к поступлению в Сибирский кадетский корпус в Омске, чего и достигает с успехом. Будучи в корпусе, он много читает, особенно по истории, с прошлых войн и путешествиях исследователей. Русско-Турецкую войну 1877 - 1878 гг. он знал так, что помнил всех героев ее от генерала до рядового солдата. Путешествия Пржевальского и Вамбери его особенно увлекали и, вероятно, они вдохновили его в будущем на путешествие в Персию под видом "дервиша" и на разведку, уже будучи офицером, афганской крепости Дейдади, с риском быть пойманным и повешенным афганцами.

Лавр Георгиевич со школьной скамьи выдвинулся блестящими способностями, большим самолюбием и твердой волей. Девятнадцати лет он первым оканчивает кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище, которое также оканчивает первым в чине подпоручика. Имея право выбирать любую вакансию с лучшей стоянкой, он выбирает захолустную - одну из Туркестанских артиллерийских бригад в Ташкенте. Не по какому-либо капризу - нет, он еще будучи юнкером все свободное время посвящал усовершенствованию в иностранных языках, а особенно изучал восточные языки.

По прошествии трех лет, в 1895 году, он поступает в Академию Генерального Штаба, которую отлично оканчивает в 1898 году, и возвращается в Туркестанский военный округ. Он исследует Афганскую границу, Китайский Туркестан и провинции Персии, пройдя первым "Степь отчаяния" - безводную, песчано-знойную пустыню.

Уже в 1903 году, в чине капитана ген.штаба, он командирован в Индию, где его застают Русско-Японская война. Он переводится в действующую армию в чине подполковника и в феврале 1905 года в знаменитых Мукденских боях проявляет геройство и награждается первым орденом Св.Великомученика Георгия 4-й степени, а в декабре того же года за боевые отличия награждается Георгиевским (золотым) оружием и чином полковника. Затем - служба при Главном Управлении Ген.Штаба, а в 1907 году Л.Г. был послан в качестве военного агента в Китай, где оставался до 1911 года. Затем он был командиром 8-го Эстляндского полка, а после - начальником 2-го Заамурского Отряда отдела корпуса Пограничной стражи, где в 1911 году был произведен в ген.-майоры, имея от роду 41 год.

В 1913 г. он был назначен командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии во Владивостоке.

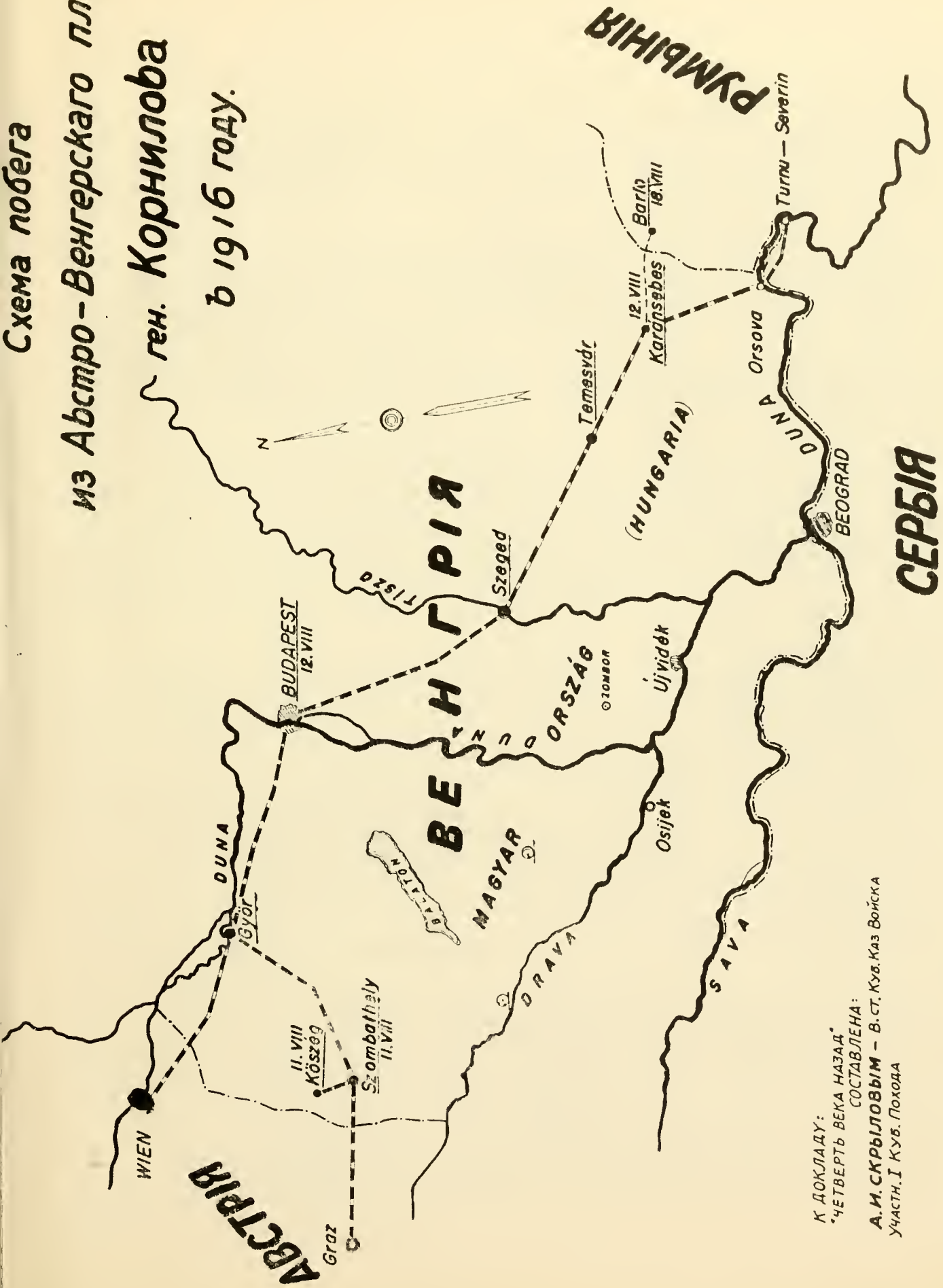
Так прошла его подготовка к 1-й Великой Мировой войне.

Схема побега

из Австро-Венгерского плена

ген. Корнилова

в 1916 году.

К ДОКЛАДУ:
"ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД"
СОСТАВЛЕНА:
А. И. СКРЫЛОВЫМ — В. ст. Куб. Каз. Войска
УЧАСТН. I КУБ. ПОХОДА

На фронт 1-й Мировой войны в 1914 году ген. Корнилов пошел во главе бригады 49-й пехотной дивизии, но уже 25 августа был назначен начальником 48-й дивизии, стяжавшей в боях под его командованием название "Корниловской железной". В начале 1915 года за отличия в боях он был произведен в чин генерал-лейтенанта - ему было всего 45 лет.

В апреле 1915 года, при отходе русской армии из Карпат, его дивизия, будучи в арьергарде, была окружена со всех сторон превосходящими силами противника. Сам Корнилов с горстью храбрецов прикрывал отход своей дивизии из окружения, в штыковом бою в окопах был ранен и взят в плен австрийцами, вместе с шестью бойцами, остававшимися с ним до последнего боя.

Впоследствии он был награжден за это орденом Св. Георгия 3-й степени, а позже орденом Св. Анны 1-й степени с мечами (на шею).

- 0 -

С тех пор прошло много бурных лет во всем мире. О Корнилове писали газеты, журналы, статьи и книги, но материалы о его побеге из плена в 1916 году в печати не так многочисленны. А вообще говоря, образно выражаясь словами немецкого генерала фон-Арнима - "эх, русские, и не умеете же вы ценить своих героев!", - сказанных им по поводу убитого на Кубани Корнилова, в некоторых книгах о нем написано непростительно поверхностно и небрежно.

- 0 -

Только такой человек, как Корнилов, человек непреклонной воли и характера, мог совершить побег из плена, вписав одну из самых ярких страниц его феерической жизни. Мы знаем, как нелегко бежать из плена простому солдату. Еще реже это удавалось молодым офицерам. Но мы не знаем в истории войн побегов генералов. И еще какой генерал! Хотя и не очень старый, но едва оправившийся от своего последнего ранения в штыковом бою, генерал с громким именем, начальник грозной для противника дивизии, особо оберегаемый им, ибо побег его представлял большую опасность, как после увидим.

Говорят, что "война родит героев". Но Корнилов был героем еще до войны. Результатом его неустанных трудов, начиная с раннего скромного детства, в школе и Академии, - были не только похвальные дипломы, но и дела.

О самом побеге ген. Корнилова мы приведем здесь сведения из четырех источников:

1) Книга В. Севского "Генерал Корнилов" - изд. 1919 г.

2) Статья, помещенная в журнале "Часовой" за 1932 год, под заглавием: "Человек, который спас Корнилова" - перевод с чешского: "Воспоминания Францишека Мрняка", напечатанные в чешской газете за 1928 год и подписанные "Пехотным офицером".

3) Сведения, данные в вышеупомянутой статье, вполне совпадают с имеющимися у Первопоходников достоверными материалами, как копии телеграмм и фотографии, собранные на местах пребывания генерала Корнилова в плену одним из участников 1-го Кубанского Похода - шт. капитаном А. И. Секирка-Байбусом, что и надлежит считать третьим источником.

4) Статья ген.штаба полковника В.М.Пронина, помещенная в "Военном Сборнике" Общества Ревнителей Военных Знаний в 1921 году в Белграде, составленная на основании лично им слышанного рассказа самого ген.Корнилова.

Для иллюстрации пути побега мы предлагаем здесь карту - схему, на которой путь его обозначен подчеркнутой линией под названиями городов и станций и датами его пребывания в них.

Разбирая источники, приходится определить, что источник № 1, хотя и составлен на основании рассказов и показаний лиц, знавших ген.Корнилова, но в нем есть некоторые детали, которые вызывают сомнения в достоверности рассказов "очевидцев".

Так, например, по В.Севскому - ген.Корнилов бежал по железной дороге на Вену. Но при этом он не говорит ни откуда побег начался, ни его времени. Путь его он определяет так: 4 часа по жел.дороге, а затем он шел пешком 400 верст до Турн-Северина, куда, якобы, явился 22-го августа/4 сентября на пункт, установленный для бежавших из плена русских солдат.

По Севскому Корнилов шел пешком 48 дней, а всего, считая и жел. дорогу, был в пути 50 дней. Если отсчитать эти 50 дней от указанной даты явки - 22 авг./4 сент. 1916 года - мы приходим к выводу, что Корнилов бежал уже 4/17 июля.

Несомненные документы венгерских властей (приводимые ниже) недвусмысленно доказывают, что побег его был обнаружен ими 30 июля/12 августа, что дает разницу с Севским в 26 дней. Кроме того, взглянув на карту, мы увидим, что лазарет в городке Косег, из которого Корнилов бежал, лежит в западной части Венгрии у самой границы нынешней Австрии, а конец его бегства - на юго-востоке государства. Спрашивается: для чего было ему бежать в совершенно противоположном направлении, то есть удалиться от границ перехода к своим? Если предположить, что он этим желал бы "замести след", то ведь он понимал и то, что он удлиняет свой путь, а значит - подвергает себя опасности быть обнаруженным.

И третье. В.Севский говорит, что в Турн-Северин Корнилов прибыл "в истрепанной форме" русского солдата, тогда как по всем другим источникам (да и у самого Севского в другом месте) говорится, что путь пешком до границы он совершил в штатском платье.

Перед изложением данных о побеге ген.Корнилова напомним, что в плен попал он во время кровопролитнейших боев на Карпатах в районе известного "Дуклинского перевала, между городами Дуклой и Змиградом у деревни Ивна (теперь это на северной границе Словакии в Галиции) в ночь 24 апр./7 мая 1915 года, когда, командуя 48-й пехотной дивизией, получившей название "Железной Корниловской", имел задачу прикрывать отход нашей армии под давлением превосходных сил противника.

Пленен он был, будучи раненым в левую руку, что видно на редкой фотографии его в обществе австро-венгерского генерала, которая была помещена однажды на страницах "Памятки о 1-м Кубанском походе" 1926 года, изданной в Белграде.

С ним вместе в плен попали и 6 солдат 192-го Рымникского пехотного полка, остававшихся с ним в окопах до последней рукопашной схватки с австрийцами. Ввиду того, что пленен он был на Венгерской территории и венгерскими частями, то он и содержался исключительно на территории, им принадлежащей. Заключен был сначала в лагерь под

Главнокомандующий Венгерской Армии Эрцгерцог Иосиф Габсбургский разговаривает с пленным Генералом Корниловым /с редкого снимка сделанного в бытность его в Австро-Венгерском плену/

именем Неленбах. Впоследствии, будучи переводим из одного лагеря в другой, он прошел лагеря: "Лек", "Шлайнинг", "Печь" и, наконец, "Косег". Из них он дважды пытался совершить побег, но оба раза неудачно. Первый раз при помощи военно-пленного офицера Александра Васильева на работах при аэропарке, а второй раз - из замка графа Эстерхази в городе Печь. Там ему помогали два военно-пленных офицера: ген.штаба капитан князь Солнцев-Засекин и поручик Дворниченко.

Несмотря на безуспешность покушений, это обстоятельство доказывает патриотизм Корнилова и его соучастников, а особенно железную волю и энергию его в достижении намеченной им цели.

Но самая лучшая аттестация ему - это аттестация неприятеля, что мы увидим из приводимого здесь приказа тогдашнего штаба Австро-Венгерской армии.

В своих воспоминаниях Францшек Мрнъяк говорит, что он был командирован из своего полка, стоявшего в гор. "Надь Канижа" (Великая Канижа на Драве выше Осиека), на службу в качестве санитаря в госпиталь для военно-пленных (7-й запасный лазарет) в гор. Косег в начале июня 1916 года.

В госпитале был получен приказ, оглашенный дежурным офицером ген.штаба, который гласил:

"Во время победоносного прорыва русского фронта в Карпатах пленен был у гор. Горлицы, со всем своим штабом, один из наилучших генералов русской армии, генерал Корнилов.

В короткое время этот генерал дважды пытался бежать из плена, и лишь благодаря наблюдательности и исполнительности стражи повторный побег не удался.

Генерал Корнилов теперь заболел и будет отправлен в здешнюю больницу на излечение. Военное командование видит в ген. Корнилове человека в высшей степени энергичного и твердого, решившегося на все, и убеждено, что оный от замысла побега не откажется, болезнь же симулирует, дабы легче было повторить попытку бегства. Бесспорно, что в случае его побега в настоящее время Державы наши бы в нем серьезного и военным опытом богатого противника, который все свои способности и полученные в плену сведения использовал бы для блага России и вообще наших врагов.

Обязанность каждого этому воспрепятствовать.

Высшее командование поэтому приказывает ген. Корнилова, хотя и тайно, но строго охранять. Каждое сношение с ним кому-либо запретить, а в случае побега воспрепятствовать этому любой ценой.

Начальник больницы лично является ответственным за точное исполнение этого приказа и ежедневно обязан давать сведения о положении дела.

Тот, кто будет способствовать побегу ген. Корнилова, будет судим на основании § 37 Военного Государственного Закона, как за преступление против Государственного Благополучия, устанавливающего - смертную казнь.

Вот такая высокая цена в глазах неприятеля была ген. Корнилову!

По прибытии в госпиталь ген. Корнилов был помещен в офицерском павильоне на втором этаже здания, а рядом с ним в комнате помещался его вестовой - Цесарский Дмитрий.

К организации же побега Корниловым было привлечено 5 человек: 1) Францишек Мрнъяк - солдат австро-венгерской армии, чех по национальности, санитар; 2) доктор Гутковский - русский военнопленный, работавший в госпитале в качестве дежурного врача; 3) Константин Мартынов и 4) Петр Веселов, оба русские военнопленные, работавшие в качестве массажистов при госпитале, и 5) вестовой генерала Дитрих Цесарский.

Мрнъяк достал для генерала документ на имя Штефана Лацковича (имя под возможного хорвата или буневца, т.е. католиков - граждан Австро-Венгрии), подделав на бланке подпись начальника госпиталя. А для себя - такой же документ на имя Штефана Немэта, поместив на обоих "разрешение на проезд по жел. дороге до Карансебеша (на румынской границе) и обратно".

Кроме того, он для себя достал также фальшивый документ на имя того же Штефана Немэта, которому, якобы, "поручается розыск военнопленных в лесах около того же Карансебеша".

Карты, компас, карманный электрический фонарь и деньги у ген. Корнилова были. Накануне побега д-р Гутковский добился отмены проверки больного через каждый час. Однако, взамен этого была усилена стража снаружи и у выходных ворот.

- 0 -

В день побега санитар Мрнъяк написал письмо своему отцу о том, что он будет в бегах с ген. Корниловым, но второпях забыл это письмо в ящике стола в госпитальной аптеке. Оно-то и послужило обнаружению их побега на другой же день и основанием к поднятой по всему государству тревоге (телеграммы).

А произошло так:

29-го июля (11 августа н.ст.) в 12 часов дня ген. Корнилов, переодетый в русскую солдатскую форму своего вестового Цесарского, выскочил из окна уборной и пришел в госпитальную аптеку. Здесь уже ожидали его Мрнъяк и Мартынов, которые переодели его в форму австрийского солдата, а Мрнъяк подстриг ему усы и поставил ляписом "родинку" на левой щеке. Ген. Корнилов надел темные очки и взял в рот трубку.

Снятую русскую солдатскую форму вестового Цесарского унес обратно Цесарскому Петр Веселов. Цесарский же временно был "генералом", лежа в его кровати, а доктор Гутковский, исполняя приказ начальника госпиталя, продолжал навещать "больного", как и полагалось.

Беглецы, в виде двух австрийских солдат, прошли мимо стражи и беспрепятственно вышли на улицу. Они поспешили на железнодорожный вокзал и в 13 часов сели в поезд, отходящий на юг, на узловую станцию Сомбатхаль. Станцию эту они благополучно миновали и в 15 ч. 30 м. уже были в Рабе (на карте, по венгерски, Дьор - крупный центр). Здесь им пришлось ожидать полтора часа, чтобы попасть на поезд прямого сообщения Вена - Будапешт.

В 23 часа того же дня они прибыли в Будапешт. Заночевали на вокзале в ночлежном помещении для солдат. А на другой день, 30 июля (12 августа н.ст.) в 6 часов утра беглецы поездом продолжали путь на юг. Они проехали крупные города: Кечкемет, Сегед (Сегедин), Темешвар и в 18 ч. 30 мин. прибыли в Карансебеш (на полдороге между Темешваром и Оршавой). Эта станция была их конечным пунктом пути по железной дороге.

- 0 -

Как видно, письмо Мрньяка его отцу было обнаружено лишь 30-го июля (12 авг. н.ст.), то есть на другой день после начала побега, т.е. тогда, когда ген.Корнилов уже проехал самую опасную для него станцию - Будапешт. Из приводимых ниже телеграмм можно заключить, что лишь утром 30 июля госпиталь Коссег поднял тревогу, считая этот день первым днем побега.

Телеграммы эти гласили:

- 1) "Императорский и Королевский запасный госпиталь Коссег, 1916, авг. 12 (у мадьяр пишется: год, месяц и число - в таком порядке. -А.С.). Сегодня бежал один русский генерал в штатском платье вместе с одним чехом санитаром. Генералу 45 лет, худощав, продолговатое лицо. Левая рука санитаря, на почве ревматической болезни, парализована. Просим распоряжения всеместного оповещения (Подпись неразборчива). Полицейское управление."
- 2) Правительственная телеграмма. Министерству Внутренних Дел, Будапешт. "Из Императорского и Королевского запасного лазарета бежал сегодня утром Корнилов Лавр, военно-пленный генерал, и вероятно будет пытаться пробраться в Румынию. Наружное описание: 45 лет, среднего роста, продолговатое, худощавое лицо, коричневый цвет лица, плоский нос, большой рот, глаза, волосы, острая бородка черные, говорит по-немецки, французски, по-русски. Вероятно, в штатском платье. Вместе с ним бежал Мрньяк Франц, чех-денщик, голубые глаза, блондин, длинное лицо, пушистые усы. Его левая рука парализована ревматизмом, один из пальцев не действует. Говорит по-чешски и плохо по-немецки. Этот, по всей вероятности, с помощью других, возможно, что при содействии русских военнопленных, подготовил побег, так как в оставленном письме он сообщает своему отцу, живущему в Требнице (Окружного правления Сельчан в Чехии), что он за 20.000 крон вознаграждения помогает бежать одному генералу. Главное Полицейское Управление". (Эта телеграмма, повидимому, датирована 12-м августа 1916 года.)
- 3) Снова: "Коссег, 1916, авг.13. 1841. - Из Коссегского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье с одним чехом санитаром. Генерал 45 лет, худощавый, продолговатое лицо. Левая рука санитаря парализована ревматизмом. Низкого роста. Приказываю задержать их. Вице-начальник".
- 4) Телеграмма Полицейскому Управлению Коссега, Приемный отдел Сомбатхель, Иск. № 2183. Слов 36. 13 авг. 2 часа дня. "Из Коссегского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье, вместе с одним чехом санитарем. Генерал 45 лет, худощавый, продолговатое лицо, левая рука санитаря парализована ревматизмом, низкого роста. О преследовании отдал приказание. Вице-начальник."
- 5) Телеграмма Полицейскому Управлению Коссег. Приемный отдел Сомбатхель. Иск. № 13190. Слов 26. 18-го авг. "Сообщаю для опубликования, что Военное Министерство за задержание бежавшего из Коссегского запасного лазарета русского генерала Корнилова Лавра - назначило 1000 крон награды. Вице-начальник".

Из только тут приведенных пяти телеграмм видно, какой переполох во всем государстве противника произвел побег генерала Корнилова.

- о -

А теперь восстановим то, что произошло дальше на последней станции жел. дороги Карансебеш, куда беглецы прибыли вечером 12-го августа.

Когда их поезд прибыл на эту станцию - конечный пункт их жел. дорожного пути, - к их немалому удивлению оказалось, что поезд оцеплен со всех сторон солдатами, делающими проверку документов всех прибывших. Повидимому, телеграфное распоряжение о поимке их было здесь уже получено. Но еще к большему удивлению - их пропустили свободно. То обстоятельство, что в телеграмме определенно указывалось, что генерал в ШТАТСКОМ платье, помогло им и сбило с толку проверявших. Очки же, трубка и "родинка" на щеке сильно изменили наружность ген. Корнилова по сравнению с данным властями описанием его наружности.

Дальнейшее Мрньяк описывает так: на станции Карансебеш они пробыли до полуночи того же дня, а в 24 часа вышли на гребень возвышенности за городом. Там, зайдя в лес, переоделись - только теперь - в штатское платье.

Взяв направление на Румынскую границу, они всю ночь шли. Но утром 13 августа они обнаружили пропажу компаса, что явилось причиной в дальнейшем их блужданий в течении целых пяти дней. Днем они прятались, а шли ночами. Они тщательно обходили опасные места - как посты и патрули, - что очень замедлило их движение вперед.

5/18 августа в 8 час. утра, уже близко к самой границе, в окрестностях дер. Барло, Мрньяк в поисках пищи зашел в кантину ("Корчма Барловица"), где и был арестован жандармами.

- о -

С этого места описания побега ген. Корнилова опять не все источники тождественны. Мрньяк в своих воспоминаниях говорит, что ген. Корнилов, оставшись один, через 2 часа, т.е. в 10 час. утра 18-го августа, перешел Румынскую границу и из первого же села телефоновал в Русское Посольство в Бухаресте, которое выслало за ним автомобиль.

В книге же В. Севского сказано, что ген. Корнилов долго блуждал, пока перешел границу с Румынией, а приют ему оказал какой-то пастух.

То же самое сказано и в статье ген. штаба полковника Пронина, который писал, что ген. Корнилов (по его рассказу) после ареста Мрньяка несколько дней шел до Румынской границы и здесь, прожив два дня в шалаше укрывавшего его пастуха, ночью перешел границу в наименее охраняемом, указанном ему пастухом месте.

Таким образом, по версии Мрньяка, ген. Корнилов находился в побеге 8 дней, из коих 2 дня по железной дороге, а 6 дней шел пешком, пройдя свыше 100 километров. По версии полковника Пронина - этот срок на несколько дней больше.

В плену же всего пробыл 1 год и 4 месяца.

- о -

Общезвестна дальнейшая судьба ген. Корнилова: по прибытии в Россию он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и получил в Командование 25-й Армейский Корпус.

Считая своего помощника и спутника погибшим, он настоял на смертном зачислении его "стрелком 1-го взвода, 1-й роты, 1-й Чешской дружины в России". При вечерней переключке вызывали фамилию Францишка Мрнъяка, а ротный фельдфебель отвечал: "Расстрелян австрийцами в Прессбурге (ныне Братислава) за освобождение генерала Корнилова".

- 0 -

На самом же деле это произошло несколько иначе. Мрнъяк был судим 11/24 - 13/26 октября 1916 года военно-полевым судом в Братиславе и приговорен к смертной казни, лишению всех гражданских прав и исключению из списков армии.

Доктор Гутковский, Мартынов, Веселов и Цесарский мужественно признали на суде свое участие в деле, но при этом заявили, что содействие побегу генерала Корнилова было для них, как русских, прямой и священной обязанностью.

С таким доводом тогдашний суд, хотя и неприятельский, не мог не согласиться, и все они были приговорены лишь к 2-месячному дисциплинарному взысканию.

Мрнъяк же подал жалобу, и через 9 месяцев Верховный Суд отменил приговор о Мрнъяке и судил его заново, приговорив к 10 годам заключения в крепости (в Комароме). Мрнъяк в конце концов симулировал сумасшествие, а при перевозке его в Трнаву выскочил 7/20 сентября 1918 года из окна вагона поезда и, добравшись до Трнавы же, некоторое время скрывался в госпитале для душевно-больных, а по ночам вылезал на поиски пищи и питался объедками.

Страдания его кончились в день объявления Независимости Чехии 15/28 октября 1918 года, и среди других осужденных патриотов получил свободу и он.

Чешское Правительство наградило его званием фельдфебеля, чешским военным крестом и двумя медалями. Всего в тюрьме пробыл он 2 года, 1 месяц и 12 дней, а 38 дней скрывался в госпитале.

- 0 -

В заключение нужно сказать, что военная история знает не один случай пленения многих генералов всех армий света. Но какая из них может гордиться таким побегом? Вот как Корнилов действительно любил Россию, свою Родину. И как он засвидетельствовал свой высокий патристический долг перед нею.

Будучи произведен в генералы от инфантерии, в должности командующего армейским корпусом в 46 лет - кончилась его служба в Российской Императорской Армии.

С началом Февральской революции, после отречения Государя от престола, Временное Правительство назначает его Командующим Петроградским Военным Округом. В мае он - Командующий 8-й (Калединской) Армии, в июне - Главнокомандующий Юго-Западного фронта и, наконец, Верховный Главнокомандующий всей Русской Армии.

14-го августа 1917 года его знаменитая речь на Государственном Собрании в Москве о надвигающейся на Россию грозной опасности с призывом к ее спасению не одними красивыми словами, но решительными мерами и действиями - испугала крикливых болтунов на верху власти. Возрастающая популярность ген.Корнилова вызвала у "главного говоруна" опасения за свою "с неба упавшую" власть, и он прибег к прово-

кации лучшего из лучших и сорвал дело спасения России от большевизма. Корнилов отказался сложить с себя обязанности Верховного и обратился с воззванием к народу и казакам, закончив его словами:

"Родина - накануне смерти!"

Провокация Керенского закончилась арестом ген. Корнилова и Быховской тюрьмой. Через три дня он - Главковерх после ареста Корнилова - выпускает на свободу Льва Троцкого, бывшего в тюрьме после "июльского пробного переворота". А 25-26 октября 1917 года Ленин и Троцкий вышвырнули "освободителя", который, используя женскую юбку и косынку и предав юных юнкеров и женщин с винтовками, "стругнул", как тать в ночи, в соседнюю Финляндию.

Подведем итог. Революционная Россия Керенского уготовала ген. Корнилову Быхов а Красная Россия Ленина-Троцкого - могилу на берегу Кубани. Рожденный на казачьей земле в далекой Сибири, он жизнь свою пожертвовал на казачьей же земле. Русский народ, ради которого билось его рыцарское, могучее сердце, не поддержал его, не понял его и даже его бездыханное тело не уберег от извергов, надругавшихся над ним из страха за свою власть.

Есть люди, которые и мертвые - страшнее живых для подлецов.

А.И.Скрылов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Возможно, не всем читателям понятно название госпиталя, неоднократно упоминаемое здесь. Венгрия в старину управлялась королями мадьярской крови. С прекращением рода последнего короля венграми стали управлять Императоры австрийские, ставшие таким образом "Императорами и Королями" для Австро-Венгрии, а отсюда и название военного госпиталя получилось: "Императорский и Королевский".

Материалом для части этой статьи послужила статья, напечатанная в однодневной юбилейной газете "Первопоходник" № 3, 9/22 февраля 1927 года, Белград, Югославия.

А.С.

- - ооо - -

ГЕРОЯМ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.

Не забывшим, не разлюбившим,
Всем, кому Родины честь дорога,
За нее свою жизнь положившим,
Не простившим врага;

Всем, Отчизны своей не продавшим,
Всем, чья участь теперь не легка,
Всем, бороться не переставшим,
Всем, кто белым остался всегда;

Всем, кому наше прошлое свято;
Не упавшим в неравном бою
Нашим доблестным русским солдатам -
В своих песнях я честь воздаю.

Иван Гончаров.

Рис. худ. К. Кузнецов.

НОВО-ДМИТРИЕВКА.

После тяжелых боев у Филипповских хуторов и трудных переходов наша 1-я Отдельная батарея стала на ночлег в ауле Шенджий. Отведенная нам бедная сакля с трудом вмещала состав батареи, и от тесноты спать было невозможно.

Еще перед рассветом нас, номеров, вызвали помогать выкучить лотки со снарядами на строевых лошадях для облегчения передков и зарядных ящиков. Предстоял трудный переход по заполненной водой равнине. На дворе — острый ветер и мелкий холодный дождь. Выступили еще в темноте. Идем по сплошной воде и размокшей грязи. Изредка раздаются отчаянные крики ездовых: "Номера на колеса!" Надо помогать лошадям вытащить попавшее в покрытую водой рытвину колесо ящика или орудия. Быстро промокли до нитки и перемазались с головы до ног. Становится все холодной и трудней идти против ветра.

Непрерывные переходы и бои и связанные с ними недостаточный уход и кормежка лошадей — сказываются. Запряжки орудий идут еще бодро, но ящики, где лошади послабее, сдают. Начинают выпрягать более слабых лошадей и дают их номерам — вести на поводу. Впрягают заводных и строевых.

Веду и я одно из выбившихся из сил животных. Часто конь останавливается, и мне все труднее заставить его двигаться. Все больше отстаю от колонны. На ногах у меня сапоги с кожаными грубыми голов-

ками и брезентовыми голенищами. На правом сапоге брезент оторвался от кожи, и верх кожаного задника, скоробившись, буквально резал ногу. Носок в крови, и каждый шаг - мучение. Наконец, в отчаянии, снимаю и выбрасываю сапог. Боль утихает, но нога мерзнет.

После долгих напрасных усилий я оставил бедное животное. Поднялась метель, и давно уже никто не перегонял меня. Медленно брел я по затопленным просекам и полянам, ориентируясь по брошенным повозкам и павшим лошадям.

Нога все больше коченела. Господи, думаю, хотя бы тряпку найти на ногу! Вдруг вижу в стороне от дороги занесенную снегом полевою двуколку. Пробираюсь по воде к ней и думаю: "Дай Боже, чтобы в ней была обувь!" Взобрался на двуколку и вижу ботинок. Мелькнула мысль - только бы на правую ногу. Не верю глазам - новый, крепкий ботинок - на правую ногу. Перевязываю рану носовым платком и надеваю ботинок. Как раз впору! "Слава Тебе, Господи!" Больше в двуколке ничего не было.

Ветер становился все крепче. Шинель превратилась в ледяной панцирь. Выйдя из леса, увидел толпу людей у овечьего загона. Оказалось - отставшие от колонны наши номера и пеший взвод.

Рассказывают, что станица близка, но перед нею разлившаяся горная река, и конные перевозят пеших. Передохнув за плетеным загонем, я направился к реке.

Там энергично распоряжался ген.Марков и наш командир подполковник Миончинский. Конные искали брод для второго орудия. По направлению, указанному конными, с разгона, рысь спустилось в реку наше орудие. Среди облака брызг наша лихая запряжка вынесла орудие на другой берег.

Нас - счастливых и гордых номеров - перевезли вне очереди конные. Помню, как потешались конные, когда я в своем ледяном "кринoline" с трудом поднимался на лошадь.

Орудие, покрытое ледяной корой, шло за нами.

Впереди начался оживленный ружейный огонь, и пули засвистели над нами. Команда: - Стой! С передков! Почти в темноте навели орудие на окраину станицы. Перед нами - две яркие вспышки и резкие звуки орудийных выстрелов. Гранатами красные били по переправе. Одна из них ударила по костру и ранила несколько человек. По звуку ясно, что дистанция минимальная.

- Прямой наводкой по орудийным вспышкам, гранатой, прицел 15! Огонь!

Вслед за выстрелом - разрыв нашей гранаты.

Здесь произошло нечто исключительное. Наше орудие образца 1902 года после отката не накатилось обратно, то есть дуло орудия осталось под лафетом, и мы не могли продолжать огонь. То был единственный орудийный выстрел нашей армии в этом бою.

Пехота вошла в станицу и выбивала красных из домов. Красная батарея больше не стреляла и успела удрать. Наш пеший взвод и пулеметчики отправились греться в стоящую на окраине хату.

Отправился и я, но когда я забрался в набитое людьми помещение, началась жаркая стрельба, и я решил вернуться к орудию. По дороге свистели пули.

В темноте я увидел нашего доблестного командира пулеметной команды поручика 5-й пулеметной команды Гагемана. После ранения в Чернецовском походе он ходил хромым. Я подошел к нему и, взяв его под локоть, сказал:

- Разрешите мне помочь вам идти.

На что он ответил:

- Да вы, голубчик, сами еле двигаетесь.

Мы пошли рядом и подходили к батарее под уже редким огнем, когда раздался звук шлепнувшей о что-то пули. Поручик, не сгибаясь, навзничь упал. Пуля попала ему в висок. Через несколько минут он умер.

Наше орудие вышло на площадь. Нам отвели хаты и, распрягши лошадей, мы завалились спать.

На другой день наши ездовые ездили за реку помогать перевезти первое орудие и ящики.

Мы же чистили и приводили в порядок наше орудие. Потеплело, и орудие само накатилося, как должно.

3-й номер 2-го орудия 1-й Отдельной батареи
Прапорщик Иван Лисенко:

- - оОо - -

КОРНИЛОВЦАМ.

Террором, разгулом и битвами
Гредел восемнадцатый год,
Когда уходили с молитвами
Корниловцы в славный поход...

Одни (эта горсточка смелая!)
Вели героический бой,
И знамя Корнилова белое
Их в степи вело за собой...

Не зная слепой безнадёжности,
Одни, словно факел во мгле,
Шли рыцари, полные нежности
К восставшей, но милой земле...

Шли гордые силой бессилия,
Одетого в яркие сны
О гибели злого насилия
Под солнцем Российской весны...

Они умирали без ропота,
Шагая сквозь бури вперед,
И болью предсмертного шопота
Молились за грешный народ...

Могилы их снегом заваяны
В степи, без имен, без креста,
Но вечною славой овеяны
И кроткою лаской Христа...

Господь нам сулил испытания,
Герои погибли, но вот:
Мы видим, что в море страдания
Мечта их упорно живет:

Над тиной мечанства унылого
Для тех, кто с борьбою знаком, -
Бессмертисе сердце Корнилова
Горит боевым маяком.

Приблизились дни долгожданные
Решения Русской судьбы,
И встанут соратники бранные
Для новой и грозной борьбы...

Зажженный Божественным пламенем,
Проснувшийся к жизни народ
Пойдет под Корниловским знаменем
В последний Крестовый поход...

И Русь со слезами суровыми,
Но с нежностью ласковых слов
Укроет венками лавровыми
Могилы погибших орлов...

М.Надеждин.

ПЕЧАЛЬНЫЙ АПОФЕОЗ.

В своей замечательной статье "Конная атака" (Вестник Первопоходника № 9) полковник В.В.Черешнев пишет на стр. 6-й:

"Командир сотни, гвардеец полковник Рашпиль, выехав на установленную дистанцию вперед, повернулся в седле и, указывая в сторону противника, командовал:

" - Сотня в атаку - шашки вон - рысью - марш! - и сразу же поднял своего большого гнедого коня в свободную рысь."

После описания, как по тяжелому раскисшему грунту кубанского чернозема была тяжела конная атака, Черешнев свидетельствует:

"Тут, собственно, и погибла наша сотня. Пал Рашпиль, многие юнкера; получил рану в грудь и наш взводный, подьесаул Чигрин; рядом со мною был ранен в руку подьесаул Помазанов".

Прошло четыре месяца. Из Ставрополя, от полковника Шкуро, я прибыл в Екатеринодар, чтобы в его партизанский отряд набрать казаков из Кубанского запасного полка. Не знаю почему, но я шел по Красной улице на север, уже за памятником 200-летия Кубанского Войска, когда я увидел шедшую мне навстречу громоздкую похоронную процессию с хором трубачей и Войсковым хором певцов. Процессия шла тихим шагом, торжественно. По христианскому обычаю я остановился, снял папаху и смотрел на печальный ход процессии, не зная, кого хоронят, но видя, что хоронят какое-то заслуженное в Войске лицо. И когда за гробом на катафалке пожилой урядник-конвоец с седою бородою вел высокого гнедого коня под седлом и под черным траурным чепраком, - я, заинтересовавшись, спросил: кого это хоронят?

- Полковника-конвойца Рашпиля, что убит был в бою под Екатеринодаром 31 марта этого года, - ответил кто-то.

Умное животное, высокий гнедой конь "в летах" спокойно шел за гробом; его держал под уздцы старик-конвоец в выцветшей синей черкеске при красном бешмете. Мне сказали, что этот урядник-конвоец был эпохи Императора Александра 3-го, а может быть, - и Императора Александра 2-го. Родственник ли он был полковнику Рашпилю - я не знаю, но меня тронуло это внимание старого гвардейца к своему героически погибшему молодому офицеру той же части войск, служить в которой считалось высшей честью на Кубани и на Тереке.

Гнедой же высокий конь "в летах", на котором служил и пал в неравном тяжелом бою полковник Рашпиль, - шел спокойно, не сознавая ни славы, ни трагедии своего бывшего седока, хотя взоры многих - ох, как многих! - и мои лично в спокойном шествии "высокого гнедого коня" видели именно и славу и трагедию полковника Рашпиля, которая зрительно переносилась на эту благородную лошадь.

Печальный апофеоз....

Полковник Елисеев.

- - оОо - -

"Верьте, что Родина снова будет Единой, Великой, Могучей!"

Предсмертные слова ген. Маркова.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Правление Калифорнийского Общества Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода выражает сердечную благодарность всем ниже поименованным лицам, пожертвовавшим в Фонд издания журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

1. Белоусов Н.	дол.	1.00	23. Мяс Н.	Дол.	1.00
2. Булюбаш Е.	"	5.00	24. Мурзанев С.	"	10.00
3. Велло Е.	"	17.00	25. Новиков Г.	"	1.00
4. Григорьев И.	"	7.00	26. Писарев Е.	"	2.00
5. Грегор Н.Н.	"	2.00	27. Пунитский С.	"	2.00
6. Гончаров И.	"	5.00	28. Пухальский Ф.	"	10.00
7. Долгополов А.	"	9.00	29. Переход А.	"	7.00
8. Елисеев Ф.	"	2.00	30. Проценко С.	"	3.00
9. Залеткин Г.	"	2.00	31. Прюц Н.	"	6.00
10. Корнилов Г.	"	33.00	32. Скрылов А.	"	5.00
11. Кудинов Б.	"	1.50	33. Самойлович о.Алекс.	"	4.50
12. Кейзеров В.	"	10.00	34. Скидан Б.	"	5.00
13. Крицкий А.	"	6.00	35. Стефанов П.	"	1.00
14. Кадушкина Н.	"	2.50	36. Троцкий Н.	"	3.00
15. Кучеря П.	"	5.00	37. Фирсов В.	"	1.00
16. Коваленский М.	"	2.00	38. Юрченко С.	"	6.00
17. Кур А.	"	3.00	39. Чернов С.	"	9.00
18. Лисенко И.	"	3.00	40. Черешнев В.	"	8.00
19. Ляшков М.	"	5.00	41. Шилле М.	"	11.50
20. Меллон Я.	"	4.00	42. Эльм В.	"	7.00
21. Мяс В.	"	11.50			
22. Мяс А.	"	6.00			
			Итого	дол.	245.50

- o -

В Фонд издания "Вестника Первопоходника" получено от одного подписчика журнала пожертвование в сумме 25.00 долларѳв в память ушедшего в иной мир друга:

IN MEMORY of CAPTAIN

A E N E A S M c K E N Z I E

SEAFORTH HIGHLANDERS

ARMY of BRITISH EMPIRE

G.K. & E.P.

Х Р О Н И К А

- В субботу 23-го июня с.г. состоялась очередная встреча членов Калифорнийского Общества Первопоходников и их друзей, на которой, как и на прежних встречах, царил дружеская атмосфера.

Полк. Б.П.Есипов сделал доклад на тему: появление первых железных дорог в России в царствование Императора Николая 1-го. Докладчик кратко, но образно дал характеристику той эпохи и отношения как правительства; так и Императора Николая 1-го к предложенному профессором Венского Политехнического Института фон Гернстером проекту постройки железной дороги в России. По приказу Императора Николая 1-го были проведены три Железнодорожные ветки: Петербург - Царское Село, Петербург - Москва и Варшава.- Вена. Между прочим, докладчик указал, что в те времена - немного раньше - были начаты постройки жел. дорог за-границей, и привел интересный пример того, как в Англии жители и ученые противились постройке дорог; говорили, что они окажут пагубное влияние как на жителей того района, где будет проходить дорога, так и на животных - что куры перестанут нести яйца, а коровы не будут давать молока.

Докладчик заслужил сердечную благодарность всех присутствующих, выразившуюся шумными аплодисментами.

В.М.

- 0 -

- Следующая очередная встреча членов Общества состоится в субботу 28 июля 1962 года. Д-р И.Е.Гончаров любезно согласился сделать доклад на тему: "Как сохранить здоровье до глубокой старости".

- 0 -

- Правление Калифорнийского Общества Первопоходников приступило к печатанию в журнале иллюстраций художника К.К.Кузнецова, который любезно предоставил Обществу 26 различных рисунков.

Мы должны отметить на страницах нашего журнала, что художник К.К.Кузнецов, по случаю 33-летней годовщины 1-го Кубанского Похода, проживая тогда в Мюнхене, издал на свои средства и средства ныне покойного доблестного первопоходника генерала Глазенапа прекрасный очерк-альбом. Художник К.Кузнецов, издавая свой иллюстрированный очерк, поставил своею целью правдиво, кратко и жизненно изобразить Первый генерала Корнилова поход против мирового зла - коммунизма.

Искреннее сердечное спасибо дорогому Константину Константиновичу за его бескорыстное внимание к первопоходникам и за предоставленные Обществу рисунки.

Правление.

- 0 -

- Наши друзья - представители Цветной Дивизии Добро-Армии - по случаю годовичного существования Клуба Первопоходников преподнесли флаги с древками и наконечными копьями от своих полков в память вечной дружбы Алексеевцев, Корниловцев, Марковцев и Дроздовцев, стяжавших себе славу на полях Дона и Кубани в борьбе за Отчизну.

Сердечное спасибо Марковского полка полк. П.Сагайдачному, Алексеевского полка кап. К.В.Мустафину, Дроздовского полка капитану Н.Витте.

- Правление Общества благодарит всех подписчиков журнала за поддержку и распространение нашего "Вестника Первопоходника" среди своих друзей и знакомых, что способствовало расширению его и увеличению тиража до 210 экземпляров ежемесячно.

Правление.

- о -

- Правление О-ва выражает глубочайшую признательность Петру Я. Сагайдачному и Алексею Н.Беленицыну за их внимание к изданию нашего журнала и бескорыстную техническую работу, которую они вели, начиная с выпуска № 1-го в сентябре 1961 года и которую продолжают вести и теперь.

Правление.

- о -

- Редакция благодарит всех, поддержавших наш "Вестник" присылкой подписной платы и пожертвований на улучшение издания.

- о -

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- о -

- Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" - 3.00 долл. в год. Цена отдельного номера - 30¢.

Желательны добровольные пожертвования для увеличения и улучшения издания.

- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч, Н.Прюц и Ф.Пухальский.

Главный редактор А.Долгополов.

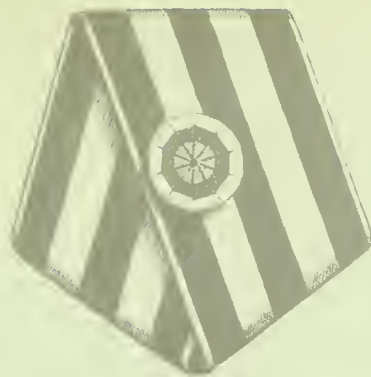
- - оОо - -

III.

5
3

.

2
3

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 11

АВГУСТ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
Charter # 434602

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

ПРИКАЗ РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ № 6А.

Париж

20-го августа 1957 года.

В ночь с 19-го на 20-е августа в Мюнхене, после тяжелой болезни и мучительной операции, скончался АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ ТУРКУЛ.

Преждевременно ушел из белых рядов кавалер Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия Российской Императорской армии и доблестный начальник Дроздовской дивизии Добровольческой и Русской армий на Южном фронте Гражданской войны за освобождение России.

Горестно сожмется при этой тяжелой весте сердца белых добровольцев, соратников почившего и всех русских людей, знавших о покойном и его героической службе Великой России.

Тяжело переживут эту потерю близкие генералу Туркулу дроздовцы, на долю которых выпадет почетная обязанность сохранить его прах и принести его с собой на возрожденную Родину, когда это волею Божией совершится.

ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

Начальник Союза

Генерального Штаба Генерал-майор ЛАПШЕ

С подлинным верно:

Начальник канцелярии РОВСоюза ПОПОВ

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА А.В. ТУРКУЛА.

Наше русское Белое Движение дало много героев, доблестно сражавшихся против сил зла и умевших руководить людьми в этой святой борьбе. Одним из таких героев, и притом из славнейших, был Антон Васильевич Туркул.

Многие, очень многие из этих героев, большинство из них, пали смертью храбрых на полях сражений в своей священной борьбе. Юг, восток, север и северо-запад России обильно обогреты их жертвенной кровью.

Среди немногих, сбереженных милостью Божией, оказался Антон Васильевич, вместе со многими сотнями тысяч русских людей пошедший в тяжелый путь изгнания.

И вот на этом новом тяжелом пути явил он и новые свои достойнейшие качества.

Многие из вождей, из тех, кто поражали и пленяли педших за ними людей своей доблестью и неустрашимостью в огне и грохоте битв, не выдержали испытания изгнаннической жизни; среди серости, нужды, безысходности беженских путей морально опустили и увяли, сдались жизни.

Но не таков был Антон Васильевич. Он и в изгнании сохранил духовную бодрость и высокую доблесть, не сдаваясь жизни. Добрый семьянин, он ничем не пятнал образа высокого, нравственно чистого русского человека; и он и его супруга для всех русских изгнанников служили примером добрых хранителей чистого семейного очага, примером, особенно нужным и драгоценным среди искушений нашего беспочвенного и смутного беженского существования.

Глубоко верующий человек, он крепко прильнул к Церкви, стяжав себе дружеское уважение и почитание со стороны таких столпов Церкви, как Первоиерарх Русского Зарубежья митрополит Анастасий и глава Германской епархии архиепископ Александр.

Стойкость в вере нужна для всего. В частности, без нее не может быть настоящего, крепкого, бескомпромиссного, постоянного, ни от чего непоколебимого противостояния сатанинской силе коммунизма. Этой стойкостью в вере и основной на ней принципиальной неприступностью к сатанинскому злу, поработившему нашу Родину, в полной мере обладал покойный Антон Васильевич Туркул.

Поэтому до конца своих дней сохранил Антон Васильевич ничем не запятанную чистоту совести, и потому все русские люди зарубежья могли в последние годы возлагать так много надежд на него, видя в нем ничем незапятнанного, многожды и разнообразно проверенного в горнилах различных испытаний вождя, руководителя и учителя.

И если Господу Богу было не угодно выполнить эти наши чаяния, и Он взял от нас нашего любимого и почитаемого вождя, то внутреннее значение этого факта не меняется.

События последних дней на нашей Родине показывают, что и там спасение ожидается от военной руки. Насколько мы можем судить, для наших братьев там это единственная надежда. И если это совершится, то, конечно, с новыми сияниями войдут в русскую историю имена всех наших великих вождей и воинов, и среди них будет одним из славнейших имя Антона Васильевича Туркула - рыцаря без страха и упрека, доблестно поражавшего силы зла на полях битв и не сдавшегося никаким видам зла и среди серости эмигрантских будней. Епископ Нафанаил.

Генерал-майор Туркул Антон Василъевич

11.XII.1892 - 20.VIII.1957

ГЕНЕРАЛ А.В. ТУРКУЛ.

В ночь с 19 на 20 августа 1957 года в Мюнхене скончался после тяжелой операции один из известнейших генералов Белой армии, командир Дроздовской стрелковой дивизии Антон Васильевич Туркул. Кончина генерала Туркула - тяжелая потеря для российской антикоммунистической эмиграции. Из ее рядов смерть вырвала не только доблестнейшего и талантливое генерала, но и крупного эмигрантского политического деятеля. Эта потеря тем более тяжела, что судьба, хранившая его в бесчисленных боях Первой мировой и Гражданской войн, не пощадила его еще в полном расцвете сил и способностей: А.В.Туркул умер в возрасте 65 лет. Каковы же были эти духовные силы и способности генерала Туркула, - имели счастье ощущать те, которые в совместной службе с ним в Первую мировую и Гражданскую войну или в совместной работе в последующий период и во Вторую гражданскую войну, когда он вошел в Освободительное Движение генерала Власова, могли ближе узнать выдающуюся личность покойного.

Эти выдающиеся качества личности А.В.Туркула ярко проявлялись на всех этапах его жизни и деятельности. Молодым офицером 75-го Севастопольского полка в Первую мировую войну стал штабс-капитан Туркул гордостью и надеждой своего полка. Командиром отдельного ударного батальона, после февральской революции 1917 г., сделался капитан Туркул образцом воли к борьбе с захватывавшим Россию большевизмом. Один из первых добровольцев отряда полковника Дроздовского, отряда, развернувшегося после смерти генерала Дроздовского в полк его имени, а затем в Дроздовскую дивизию, стал капитан, полковник и, наконец, генерал-майор Туркул символом доблести, героизма и того особого порыва, который сделал его имя в то время легендарным, а успехи дроздовских частей - "туркуловскими" успехами.

Этому выдвижению рядового офицера белого офицерского полка на должность командира ударной дивизии Белой армии обязан был 27-летний генерал исключительно личным качествам: беззаветной доблести, смелости в принятии решений, стремительности в их проведении, кипучей инициативе, творческому прозрению новых тактических форм гражданской войны, блестящей боевой интуиции и особенно - редко встречающемуся качеству - гражданскому мужеству, выражавшемуся в отсутствии боязни действовать в случае нужды и вопреки запоздавшим или неудачным приказам.

Те же инициатива, гражданское мужество и непримиримость к коммунизму заставили генерала Туркула искать и в эмигрантских условиях, после смерти генерала Врангеля и гибели генерала Кутепова, новых возможностей борьбы за Россию, когда формы открытой военной борьбы с коммунизмом стали невозможны. В роли политического деятеля, издателя военно-политической газеты, а в последнее время военно-политического журнала, действовал генерал Туркул, несмотря на все трудности этой работы в эмигрантских условиях существования.

Вхождение генерала Туркула в ряды Освободительного Движения генерала Власова, в период Второй мировой войны, было естественным долгом для него вложить свои силы в дело активной антикоммунистической борьбы, хотя обреченность этой акции, на которую генерал Туркул смотрел, как на продолжение "белой" борьбы, была ему очевидна.

В этот период и новая эмиграция смогла узнать и оценить личность генерала Туркула, когда в тяжелых условиях разгрома дела Власова многие тысячи "власовцев" и просто новых эмигрантов смогли найти защиту и спасение от принудительной выдачи благодаря защите и помощи генерала Туркула.

После Второй мировой войны генерал Туркул, объединив часть остатков власовцев в "Комитет Объединенных Власовцев", установил тесный контакт и с третьей, новейшей, послевоенной эмиграцией, найдя к сердцам молодого поколения советского офицерства, "избравшего свободу" после победы, легкий доступ, как он всегда находил его в сердцах русских солдат и офицеров, шедших с ним в тяжелой борьбе. Так, единственный из белых генералов А.В.Туркул был связующим звеном трех поколений эмиграции, не делившим ее на старых, новых и новейших, а стремившимся объединить всех в единую российскую антикоммунистическую эмиграцию.

Его преждевременная смерть оставляет незаполненным это место. Однако, в своих воспоминаниях "Дроздовцы в огне" генерал Туркул, говоря о смерти Дроздовского, отмечал: "Солдаты не умирают; Дроздовский не умер, он живет в каждом из своих солдат; пока жив хотя бы один из них - часть души и воли Дроздовского живет в каждом из нас". Генерал Туркул всей своей жизнью доказал эту истину: дух Дроздовского жил в личности Туркула. Будем верить, что дух Туркула останется жить в сердцах и душах его соратников и друзей из старой, новой и новейшей эмиграций, которые продолжают до победы непримиримую "туркуловскую" борьбу за Россию.

Тем не менее, потеря остается невозместимой, так как ушел не только доблестный генерал и крупный российский патриот, но ушел Человек, имевший право называться так с большой буквы: верующий христианин, верный и надежный командир и товарищ, сердечный и вливавший бодрость в сердца других, снисходительный к слабостям людей и готовый всегда прийти на помощь.

ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

Николай Галай.

- - оОо - -

"Учитесь любить жизнь и не теряйте ее красоты. Жизнь хороша и красива только тогда, когда вы не дрожите перед нею и презираете смерть".

Ген. А.А.Боровский.

- - оОо - -

РЫЦАРИ ДУХА.

"У погибающих наций нет недостатка в людях ума, но исчезают люди с характером".

Президент Франции ДУМЕР.

Дни февраля 1917 года. Дни пресловутой "бескровной", впоследствии породившей моря крови и океаны слез. Группа лиц, дерзнувших принять на себя Верховную власть в России, нарушив ее национальные основы, естественно не могла удержать эту власть в руках. Лишившись привычных и оправданных историей устоев, Россия покатилась к трагическому октябрю.

Бесталанное, погрязшее в бесплодной болтовне, так называемое Временное Правительство не нашло в себе мужества защищать не только "февраль", но даже персонально себя.

Тогда казалось, что все беспросветно, что все моральные устои русского народа и его религиозные верования безвозвратно рухнули в темную бездну.

Летом того же 17-го года на развалившемся фронте возник Офицерский Союз, этот прообраз будущей Белой Армии, а через несколько месяцев на юге России уже стали собираться первые белые герои, решившие отдать свои жизни ради попытки спасти честь и величие своей Родины. Из этой горсточки людей родились Белые Армии: на юге России, на севере, на юго-западе и в Сибири.

Имена Каледина, Корнилова, Алексеева, Деникина, Маркова, Дроздовского, Врангеля, Колчака, Юденича и других вошли в синодик верных сынов России, своей кровью запечатлевших свою верность долгу и заветам предков.

Основоположником Белой борьбы явился Юг. Сюда со всех сторон с невероятными трудностями потянулись патриоты. Здесь был зажжен, по словам ген.Алексеева, свечок за честь и славу Родины.

Особое место среди плеяды белых вождей занимает генерал Михаил Гордеевич ДРОЗДОВСКИЙ. Он, в отличие от других, начал свое Белое дело вне России, в Румынии.

В своем "Дневнике" полковник Дроздовский так характеризует отношения Штаба румынского фронта и румын к его начинаниям: "Официальная любезность, тайное запрещение, итальянская забастовка. Агитация против похода исходит со всех сторон. Каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов, вносят раскол в офицерскую массу"... "Запрет румынским кабинетом министров выхода с оружием. Мотивы - предстоящий мир Румынии, а главное - Украина заключила мир и объявила нейтралитет; без ее разрешения нельзя".

Но ничто не останавливает полк.Дроздовского в его непреклонном решении. С невероятным упорством и энергией он работает над осуществлением похода.

Но не одинок был полк.Дроздовский в эти тяжелые для него дни. С ним был, как один человек, его отряд в с.Соколах. По свидетельству ген.Туркула в его книге "Дроздовцы в огне", Дроздовский был

выразителем нашего вдохновения, средоточием наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших волей, слитых в одну волю борьбы за Россию и русской победы. Мы все одинаково понимали, что большевики не политика, а беспощадное истребление самых основ России, истребление в России Бога, человека и его свободы. Между нами не было политических разнотолков."

26 февраля /11 марта по нов.ст. 1918 года полковник Дроздовский в своем "Дневнике" отмечает: "Все письменные разрешения на руках".

С этого дня и начался исторический поход Дроздовцев Яссы - ДОН.

Говоря о самом походе, полковник так характеризует его в своем "Дневнике": "Кругом враги. Мы, как остров в море, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь от одних, ведя политику налево и направо, идем по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист!"

Для преодоления всякого рода препятствий, полк. Дроздовский талантливо пользовался военной хитростью. В своем "Дневнике" 26 марта он отмечает: "В приказе на завтра дал фальшивое направление через деревню Дудино с указанием переправы у м.Меловое - все равно офицеры не сумеют сдержать язык за зубами; авось их разговоры принесут пользу".

Эта военная хитрость вводила в заблуждение и большевиков и немцев. "Забавно, до чего грозная слава нас окружает. Наши силы не считают иначе, как десятками тысяч. В этом диком хаосе, что может сделать даже горсточка, но дерзкая и смелая", - отмечает в "Дневнике" Дроздовский.

Во время похода к отряду присоединился полк.Жебрак со своим отрядом, сформированным им в Измаиле. Он шел под знаменем Балтийской дивизии: морской Андреевский флаг. Этот флаг впоследствии стал полковым знаменем стрелкового офицерского полка.

Отношение населения местности, по которой проходил отряд, так характеризуется Дроздовским в его "Дневнике": "В общем, массы довольны. Просят защиты, установления порядка; анархия и дезорганизация измучили всех, кроме небольшой горсти негодяев.

После двухмесячного похода отряд достиг Ростова н/Дону. 22-го апреля началась атака Ростова.

Полк.Войнолович, начальник штаба отряда, с конным полком атаковал вокзал. Пехота заняла привокзальные улицы. Большевики бежали. На другой день (в первый день Пасхи) большевики громадными силами повели контр-атаку на Ростов.

Отряд Дроздовского, после тяжелого боя, оставил Ростов, отступив на Мокрый Чалтырь. В боях под Ростовым отряд понес большие потери. Первой жертвой был полк.Войнолович, убитый на вокзале Ростова.

В Мокром Чалтыре Дроздовский узнал, что ген.Корнилов убит. Добровольческая армия истощена Ледяным Походом и подходила к границе Дона. Эти сведения дал донской есаул, прибывший к полк. Дроздовскому от донского атамана Попова с просьбой помочь донцам в их борьбе с большевиками за Новочеркасск.

Дроздовский немедленно отозвался на просьбу донцов, и части его отряда выступили в различных направлениях к Новочеркасску.

Неожиданным своим появлением под Новочеркасском отряд Дроздовского создал панику в рядах большевиков, обратив их в бегство.

Вступление отряда в Новочеркасск было встречено населением восторженно. Засыпая отряд цветами, население приветствовало его радостным "Христос Воскресе!" Своевременным появлением на Дону, а главное - помощью донцам у Новочеркаска отряд Дроздовского вдохновил донских казаков на дальнейшую борьбу с большевиками, а тем самым спас и все добровольческое движение, которое приобрело плацдарм, чтобы оправиться после Ледяного Похода, пополниться и подготовиться к дальнейшей борьбе.

Ген.Алексеев, встречая отряд Дроздовского у станицы Мечетинской, скинул свою кубанку, низко поклонился отряду и сказал:

"Спачибо вам, Рыцари Духа, пришедшим издалека, чтобы влить в нас новые силы".

31-го октября 1918 года полк.Дроздовский был ранен у Иоанно-Мартинского Монастыря под Ставрополем, а 1-го января 1919 года, уже генералом, скончался от этой раны в Ростове.

Его отряд в Добровольческой Армии развернулся в дивизию, получившую наименование Дроздовской.

Дроздовцы, в период белой борьбы, покрыли свои знамена легендарной славой. В своем служении России для дроздовцев ген.Дроздовский был знаменем.

Ни испытания эмиграции, ни нужда, ни страдания не столкнули дроздовцев с пути истинного служения России.

Кровью спаянная семья дроздовцев в настоящее время может служить примером братской боевой спайки.

Так, например: 29-го апреля сего 1962 года исполнилось 80 лет старшему по возрасту дроздовцу - артиллеристу полковнику А.К.Медведеву, и к этому дню юбиляр получил из С.Ш.А., Аргентины, Канады, Германии, Бельгии, Швейцарии, а также и из всех крупных центров Франции - где и живет наш юбиляр - приветствия с соответствующими денежными подарками. Кроме того, болящий, немощный дроздовец Г.Орлов, проживающий в Берне в Швейцарии, 11-го марта с.г. прочел обстоятельный доклад о походе дроздовцев Ясы - Дон, для граждан Швейцарии, живших в России и говорящих по-русски. Доклад произвел сильное впечатление, и докладчик, говоря о доблести командиров и твердости бойцов, привел многие эпизоды из боевой жизни дивизии Дроздовского и в заключение упомянул о нашем юбиляре полковнике А.К.Медведеве, которому не так давно ампутировали ногу. На такое сообщение слушатели ответили дружным сбором значительной суммы в адрес юбиляра.

- o -

19-го августа с.г. исполняется 5-ая годовщина смерти творца легендарной боевой славы дроздовцев генерала Антона Васильевича ТУРКУЛ. Со скорбью и душевной болью Дроздовцы и Белые воины в благоговейном молении об усопшем отметят эту дату.

- o -

И в эту горькую утрату
Мы вложим воинский завет:
России Верному Солдату
Забвенья нет и Смерти нет!

А.П.Пенкин.

Э.Кариуе.

В Т О Р О Й . . .

(Описание боев, впечатления и личные воспоминания участника)

(Продолжение, начало см.
"Вестник Первопоходника" № 8)

Разворачивание Добровольческой Армии.

Прошло ровно три недели (с 9 июня по 1 июля 1918 г.) с выхода нашего во Второй Кубанский поход. Разбивая по пути нашего движения встречного или укрепившегося на известных рубежах противника, мы прошли около 260 верст с почти непрерывными боями.

1-го июля под нашими ударами пал Тихорецкий жел.дорожный узел. Овладение им было весьма велико. Мы разбили тут сосредоточенную и хорошо вооруженную группу красных под командованием Калнина, насчитывающую 30.000 человек.

В наши руки попали значительные военные трофеи, так нам необходимы.

Разъединили противника на отдельные группы; укрепили наш тыл; взяли много пленных, из которых часть пошла на пополнение или формирование новых частей (Солдатский полк - в Дивизии Дроздовского), а расширяя и укрепляя занимаемые нами рубежи, дали возможность широкого притока добровольного пополнения, которое частично пошло также на пополнение полков Доброармии, и из них формировались новые полки конницы - Кубанские полки и пластунские батальоны.

В наши руки попал большой подвижной жел.дорожный парк и мастерские. На занятых жел.дорожных линиях и станциях быстро было восстановлено движение, можно сказать - почти на ходу. Это сразу дало нам возможность переброски по ним воинских частей.

Несмотря на понесенные нами потери, иногда доходившие, в весьма жестоких боях, до 25% состава, как, например, в бою за Тихорецкую, - Доброармия, надо считать, удвоилась и дошла до 20.000 своего боевого состава.

Несравненные качества добровольцев позволяли с 20-тысячной Армией вести одновременно операции от Тихорецкой, как центра своего боевого разворачивания, до Кущевки - 90 верст - и в направлении Кавказской - 58 верст - и даже от последней, тем же ударом, расширив свои действия, ворваться в Армавир - еще 62 версты, - развернувшись затем лицом к противнику на фронте 210 верст.

Разгром Армии Сорокина у Кущевки.

По взятии нами Тихорецкого узла часть Армии Сорокина, силою в 30.000 бойцов, занимала район Сосык-Кущевка. Оба эти пункта - жел. дорожные узлы, дающие противнику возможность маневрирования. По их жел.дорожным линиям циркулировало Три бронированных поезда с дальнобойными орудиями, направленными против нас.

Задачу разбить эту группу и овладеть Кущевкой получили:

- а) главная колонна - пехота: дивизия под командованием полковника Кутепова. Направление - вдоль железной дороги на Сосыку.
- б) Дивизия Эрдели (конница) влево от нас на Уманскую и
- в) конница генерала Покровского (его бригада к этому времени была развернута в Дивизию, при начальнике штаба Дивизии полковнике

Ю.В.Сербине) получила задание, двигаясь справа от нас, из Незамаевской, охватить Куцевку с востока.

Ввиду важности задачи и для объединения командования трех колонн в одних руках, генерал Деникин лично на себя принял руководство и вел нас в бой, дав генералу Боровскому самостоятельную задачу разбить кавказскую группу красных и взять жел.дорожный узел "Кавказская", а полковнику Дроздовскому выдвинуться на Екатеринодарское направление со стороны Тихорецкой.

Два дня спустя по взятии Тихорецкой, 3-го июля 1918 года, Добармия перешла в новое наступление, бросив в бой все свои наличные силы, для выполнения поставленной ей задачи. Противник во много раз превышал наши силы.

Так наши три колонны, руководимые ген.Деникиным, имея не более 8-9 тысяч, противопоставили себя противнику в 30 тысяч.

Бой у жел.дорожного узла Сосыка.

Двинувшись вдоль железной дороги, наша колонна разделилась: 1-й Кубанский стрелковый полк с двумя орудиями батареи подполковника Мианчинского и он сам с нами - двинулись налево, имея железную дорогу справа от себя. Остальные части дивизии - Марковский и Конный полки - пошли справа.

Оставив позади нас станцию Леушиковскую, наш полк 5-го июля утром оказался в виду Сосыки.

Ровное поле, покрытое колосившейся еще пшеницей. Мы осторожно продолжали наше движение вперед. Справа и впереди уже обозначились строения станции. Затем по железно-дорожной ветке, отходящей от Сосыки-Узла на Сосыку-Ейскую, мы увидели приближающийся со стороны последней бронепоезд красных. Он то исчезал из поля нашего зрения, то снова появлялся.

Несходя полторы - две версты и прикрытые от взора красных, мы увидели какие-то постройки. Они оказались покинутыми и состояли из жилого дома и хозяйственных построек. Повидимому, хозяева-хуторяне его уже давно покинули. Все было запущено и имело нежилой вид. Расположились за этим прикрытием, дав людям передышку. Стали ориентироваться и выслали разведку. Справа от нас - железнодорожное полотно на дистанции, примерно, шагов 800. От построек в направлении станции и вкось направо шла полевая дорога. Хотя на ней были еще хорошо обозначенные колеи от колес, но видно было, что ею уже некоторое время не пользовались - пробивалась и травка. Справа и слева от дороги и почти до станции стояла еще неубранная пшеница.

Показавшись из-за деревьев, росших у станции, выдвинулся бронепоезд красных. Продвинулся на значительное расстояние в нашем направлении. Впереди - орудийная площадка с дальнобойным морским орудием; два бронированных вагона и паровоз. Остановился, попыттел и скрылся на медленном ходу обратно.

Разведка донесла, что впереди видимых нами деревьев от полотна и налево по нашей руке видны окопы. Определили дистанцию в 2500 шагов от нас. Предстояло решить задачу, как подойти и атаковать противника.

На происшедшем совещании, выслушав разные предложения, я попросил разрешения высказаться и выдвинул следующее:

Дистанция слишком большая, чтобы незаметно подойти пехоте.

Поле ровное, и, несмотря на пшеницу, мы будем быстро обнаружены. Красные окопались и из-за своего прикрытия покроют нас стрелковым и пулеметным огнем, не говоря уже о возможности наличия у них артиллерии за окопами. Кроме того, только что нами обнаруженный бронепоезд ударит по нас фланговым огнем. Поэтому нужно действовать быстро. Наша артиллерия займется бронепоездом. Я, развернув пулеметные тачанки веером, поведу их на карьере к позиции красных, загнув также свой левый фланг, чтобы ударить по ним фланговым огнем. Подойдя по возможности ближе к окопам, сбросить с тачанок пулеметы (тачанки на карьере повернут обратно) и открыть из них сразу огонь по окопам. Пехота сможет безболезненно двинуться вслед.

Вижу - мое предложение встречено полным молчанием.

Наш командир покачал головой:

- Это что-то новое для меня. Пулеметы атакуют, а мы идем в хвосте их.

На это я возразил, что техника пулеметного боя за последние годы сильно изменилась. Внесены существенные поправки. Так, при Офицерской стрелковой Школе, которую, кстати сказать, я сам окончил и был даже при ней оставлен в качестве инструктора стрелково-пулеметного дела, изучались разные варианты новой тактики, которые уже частично проводились на фронте, и я имел возможность применять их как на западном, так и на турецком фронтах.

Что касается предложенного мною плана, то он - один из вариантов новой тактики, как то: заградительный пулеметный огонь, дающий возможность нашей пехоте подойти к позиции противника, выдвинув вперед пулеметы; или стрельба через головы своих цепей; или, используя баллистические свойства пулемета до предела - 5000 шагов, то есть более 3-х верст, - ибо на этой дистанции пуля еще выводит из строя живое тело, можно обстрелять из серии пулеметов всю площадь засеженного на этом рубеже противника, и т.д.

Мой же план базируется на одном из этих вариантов с применением уже принятой нами новой тактики пулеметного боя - тачанки, которые в двухконных упряжках легко и быстро переносят в нужное место не только пулемет с боеприпасами, но и его прислугу.

Неожиданно в лице подполковника Мианчинского нахожу союзника. Как артиллерист, выслушав внимательно мои доводы, он сразу понял:

- Мне этот план очень нравится. Я к нему присоединяюсь. Одно орудие я поставлю у самого железнодорожного полотна против бронепоезда. Со вторым двинусь тоже на карьере по дороге за пулеметчиками.

После некоторых колебаний мой план принят, и мы приступаем к его выполнению.

Уже 11 или начало двенадцатого до полудня. нас еще не обнаружили. Мианчинский уже готов. Одно орудие - вплотную у жел. дорожной насыпи. Я также развернулся и даю сигнал. Тачанки стрелой двинулись вперед. Я - по дороге, верхом в их рядах. В ушах свист ветра. Оборачиваюсь с любопытством - как там Мианчинский? Вижу - не на особо далекой дистанции и также по дороге, вслед за мною и впереди своего орудия верхом скачет он. Махнул ему рукой, и он ответил. Больше я уже не поворачивался. Мы шли быстрее. Все внимание впереди. Поле боя ожило. Красные открыли по нас ружейный и пулеметный огонь. Ответила и их артиллерия. Разрывы ложатся позади нас. Все перелеты. Мы мчимся навстречу, и все ближе. Настал момент сбросить пулеметы.

Две тачанки стали. Кони в них пали. Даю сигнал, и сброшенные пулеметы открывают огонь. Поле загудело. Мианчинский тоже вступил в бой. У меня не ушло обратно с поля боя с тачанками 7 лошадей. Несколько человек ездовых ранены.

Пехота, двинувшись за нами, находится где-то сзади. Поле гудит. Но вдруг мы все поворачиваем наши головы в направлении станции, откуда раздался страшный взрыв. Давление воздуха дошло и до нас. Высоко в небе мы увидели поднявшийся над станцией гриб черного облака. От него стали отделяться, колыхаясь в воздухе, какие-то черные большие листы не то бумаги, не то картона. Мы в этот момент не подозревали, что это были действительно листы, но не картона, а брони взлетевшего в воздух бронепоезда красных.

В один момент окопы противника были им брошены, и он стал удирать от нас. Прекратив огонь, пулеметчики по моему приказанию двинулись следом за мною, и мы, заняв окопы, двинулись на станцию.

Что же случилось?

Подполковник Мианчинский, как я указал выше, поставил у самого полотна жел. дороги одно из своих орудий и приказал орудийному офицеру исключительно заняться бронепоездом красных, не давая ему возможности выдвинуться со станции вперед и обстрелять нас с фланга, когда я, бросив свои пулеметы вперед, ввяжусь в бой.

Так и случилось. Бронепоезд начал выдвигаться, но удачные попадания по нем заставили его несколько раз отходить обратно. Он также открыл огонь по нашему орудью, и между ними завязалась артиллерийская дуэль. Выпущенный нашим орудием снаряд с затяжным разрывом удачно лег между рельс и разорвался в момент, когда на него накатился вагон со снарядами двинувшегося вперед бронепоезда. От происшедшей детонации поезд взлетел на воздух.

Когда мы вошли на вокзал, то увидели лежащие целые составы вагонов, повергнутые на землю боком. Какие-то туловища голых негров, без голов, ног и рук, были разбросаны в разных местах. То были трупы команды бронепоезда, на которых сгорела их одежда, а сами они обуглились.

Подошедшая пехота, не сделав ни одного выстрела и не потеряв ни одного человека, "закрепила" позицию. Мы двинулись дальше...

(Примечание: Означенный эпизод боя за Сосыку был в ноябре 1918 года также описан в газете "Приазовский Край" и вышел из-под пера участника-артиллериста).

- 0 -

Бои за Крыловскую, Екатериновскую и Кисляковскую.

Двинувшись в тот же день дальше в направлении Кушевки, мы 6-го июля, встретив сильное сопротивление, ввязались в бой у станции Крыловской и станицы Екатериновской. После неоднократных атак с нашей стороны мы все же овладели станцией Крыловской, понеся потери. Справа от нас Марковцы и Первый конный полк вели бой за овладение станицей Екатериновской, где встретили неожиданно еще сильнее сопротивление красных, переходивших неоднократно в контр-наступление. Бой затянулся, и им пришлось ночевать в поле. На утро красных уже не оказалось. Ввиду угрозы частей, появившихся со стороны Покровского, они спешно бросили свои позиции и ушли в направлении Кушевки.

По вечеру 7-го, отдохнув в течение дня, мы двинулись ночным маршем в направлении станции Кисляковской. Под утро следующего дня мы

начали развсрачивание и двинулись на соединение с окопавшимся во-круг станции противником. Он нас встретил ураганным огнем, и наши порывы и попытки продвинуться вперед не имели успеха. На левом фланге нашего полка произошла заминка, и он стал отходить, преследуемый красными. Бросив на этот участок из резерва пулеметы и две сотни пехоты, выравнивали положение и загнали красных в исходное положение. Поле боя стонало от грохота разрывающихся снарядов, трескотни ружейной и стрекотания пулеметов. Противник оказывал и дальше упорное сопротивление и местами старался снова перейти в наступление. Лишь после полудня, когда Покровскому удалось обойти станицу и ворваться в нее, большевики заметно стали нервничать, боясь обхода с тыла. Мы стремительно перешли в наступление, ворвались в их расположение и овладели станцией, преследуя бежавшего противника в открытом поле.

Но... отойдя версты 3-4 и, повидимому, оправившись и пополнившись подошедшей помощью, противник повернул и перешел в контр-наступление. Снова начался упорный бой. То мы отходили, то заново его отбрасывали, и лишь к вечеру, бросив в бой все свои резервы, мы разбили его на голову, и красные стали в беспорядке отходить и исчезли за горизонтом.

Ночь на 9-ое мы провели спокойно. Также и весь день.

Кущевка.

На рассвете 10-го мы очутились в виду Кущевки, предполагая ее штурмовать. Наша колонна 1-й Дивизии Кутепова и Дивизия Покровского вошли в нее без боя. Кущевка была очищена противником в ночь на 10-ое июля. Последние арзергарды разбитой нами армии Сорокина спешно отступали по Черноморской жел. дороге.

С севера подходили Донские части... и немцы. По приказанию Деникина отделявший нас от них жел. дорожный мост через реку Ею был взорван.

"Раздавшийся... взрыв Кущевского моста был тяжелой данью политике, сковавшей стратегию"... - говорит ген. Деникин на стр. 184-й 3-го тома "Очерков Русской Смуты".

Ставрополь.

В тот же день, по вступлении в Кущевку, мы из Сводки Штаба Армии узнали о взятии Ставрополя. 1-й Дивизии приказано погрузиться для переброски по жел. дороге на Екатеринодарское направление через Тихорецкую.

Дивизию от Кутепова принимает ген. лейт. Казанович. Кутепов остался при дивизии и стал бригадным командиром.

Генерал Деникин так характеризует нашего нового Начдива Казановича: "... безудержный... у Казановича лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть добровольцев и впечатлительность большевиков..." (стр. 195, т. 3-й).

По основному роду оружия ген. Казанович - артиллерист.

Прибыв на станцию Тихорецкую 12-го июля, над 1-й Кубанский стрелковый полк получает спешное задание с двумя батальонами (батальон Крижановского остался в распоряжении ген. Казановича) и всеми пулеметами полка, при гаубичной батарее, двинуться по жел. дороге через Кавказскую, которая была в руках Боровского, на выручку Ставрополя.

Будучи с 8-го на 9-ое очищен большевиками без боя по ультимативному требованию подошедшего к городу партизанского отряда Войск. Старшины Шкуро, он через несколько дней подвергся с их стороны нападению. Слабые силы гарнизона Ставрополя едва его удерживали, и вот-вот город попадет в лапы большевиков. Впоследствии, но уже другим, пришлось неоднократно выручать Ставрополь.

Высадившись на другой день перед городом и развернувшись в боевой порядок, мы ударили по наступающим на город большевикам и разбили их на голову, взяв большое количество пленных. Встревоженные жители города успокоились и с энтузиазмом приветствовали освободителей, а благодарные "отцы города" решили нас чествовать. До поздней ночи и на следующий день мы были заняты очищением районов вокруг города.

На другой день командир полка подполковник Туненберг получил от "отцов города" уведомление об устраиваемом в честь освободителей банкете с приглашением всех г.г. офицеров и просьбой явиться на таковой 16-го к полудню.

Такое неожиданное приглашение вызвало в нашей среде приятное возбуждение. В течение многих месяцев нашей боевой жизни мы оторвались от "культуры", ведя примитивный образ жизни, а тут, попав в большой город, культурный центр, чувствовали себя как бы не совсем на месте. Но... приобщение началось: все стали приводить себя в порядок - мыться, бриться, чиститься, лататься, приводя свою поношенную одежду в порядок. Начали цеголять в ярко начищенных сапогах - конечно, у кого они еще имелись и сохранились. Молодежь "сияет", а кто из нас не был молод тогда? "Старики" - этак в возрасте 30-40 лет - более серьезные: неловко как-то проявлять "легкомыслие"! Все забыто - недавние страды - хоть день, да наш! А тут "потчуют", и еще - как освободителей! Картина незабываемая! Мечты, мечты роятся в наших головах... нам дано... мы победим... и встанет из праха и засияет снова Родина наша...

Не успели отзвучать приветственные речи и наши ответные тосты, как начались боевые будни.

Поступила телеграмма из Штаба Армии - мы отзывались: "Немедленно погрузиться точка прибыть в Тихорецкую точка за инструкциями явиться штаб Армии точка Генерал Романовский " № 0000.

Повидимому, мы им спешно нужны. Что могло там случиться? Думаю, что и комендатура на станции уже тоже имеет соответственные инструкции приготовить нам состав для погрузки нашего эшелона. Не будем терять времени!

Положение на нашем центральном фронте - Екатеринодарское направление.

К 15-му июля ситуация для наших войск этого направления была следующая:

Части нашей 1-й дивизии под командой ген. Казановича и дивизия Дроздовского, двигаясь со стороны Тихорецкой, дошли до Кореновской и, заняв ее, продвинулись дальше до Платнировской.

Войска Сорокина, подошедшие из Тимашевской, на широком фронте перешли в наступление, направляя свои главные силы на Кореновскую. Отбросили конницу Эрдели и 15-го взяли Кореновскую. Обойдя нашу центральную группу с востока и перерезав жел. дорогу, зашли им в тыл. Положение оказалось отчаянное. Пришлось вести бой на два фронта.

Все атаки и контр-атаки не дали никакого результата. Обе стороны вели кровавый бой на уничтожение друг друга. Перевес склонился на сторону красных. Нашим войскам почти не было выхода. Тихорецкая - ставка Деникина - отрезана. Связь потеряна.

Но наши еще "живы"; агонизируя, продолжают бой. Ждут помощи!

- 0 -

Создавшуюся ситуацию нашего фронта генерал Деникин (Том 3-й) описывает, как следует ниже:

"... станица Кореновская была атакована крупными силами противника и взята им; гарнизон наш частью уничтожен, частью попал в плен. Большевицкие войска с занятием Кореновской оказались в тылу центральной нашей группы, разъединили ее от конницы Эрдели и штаба армии и создали непосредственную угрозу Тихорецкому узлу, для обороны которого оставались лишь 1-2 формирующиеся батальона, 1-2 сотни и мой конвой.

"...легкость овладения Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили Сорокина использовать свое положение и попытаться разбить Добровольческую Армию.

"Дивизии наши понесли тяжелые потери; были сняты и преследуемы противником. Были случаи самоубийства добровольцев, не имевших возможности уйти. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть. Красные проявили нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали затем на кострах.

"Положение создалось грозное. Я приказал немедленно отозвать из Ставрополя полк с батареей для нанесения совместно с бронепоездами удара по Кореновской с северо-востока...

"...Прошли томительные сутки..."

Наши войска ждуть помощи.

В ожидании таковой со стороны Ставки Командующего Д.А., на происшедшем у Дроздовского с Казановичем совещании обстановка рисуется в крайне мрачном свете.

Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и изыскать кружным путем соединения с Командующим Армией или Боровским... (Части последнего дрались со стороны Кавказской). Что надо спасать части от уничтожения... (Деникин, том 3, стр.193).

Ген. Казанович с планом Дроздовского не соглашался, говоря, что нельзя себе представить, чтобы ген.Деникин остался в бездействии...

В такой ситуации мы получили приказ идти на выручку...

Мы в Тихорецкой.

Нашему эшелону, тяжелому и длинному, с двумя паровозами, дан открытый путь, и мы, не задерживаясь на станциях, проходим их. Лишь на Кавказской некоторая задержка: маневрирование и замена паровозов. Кроме того, очищается путь по линии на Тихорецкую.

Штаб полка, за неимением полагающегося "классного" вагона,

едет в товарном - на 40 человек, 8 лошадей - также набитом до отказа, как и другие вагоны; даже в вагонах с лошадьми полно людей.

У командира полка (я в его вагоне), замечаю, немного пылающее лицо; часто прикладывает руку к голове. Мы сидели в углу на ящиках.

- Ростислав Михайлович, - обращаюсь к нему, - вам что, нездоровится?

- Да вот, не знаю. Голова болит и, повидимому, жар. Также и с животом что-то неладно. Не был бы тиф...

Устроившись в углу, прилег...

Четыре часа утра 17-го июля. Поезд, уменьшив ход, вошел на станцию Тихорецкую. Приказано всем до распоряжения оставаться в вагонах.

- Пойдем в Штаб, - обращается ко мне командир полка, - вы со мною. Из ординарческой команды нарядите с нами двух человек.

Я взял еще и одного своего. Проплутав немного, мы разыскали Штаб Армии. Принял нас генерал Романовский:

- Командующий заснул, наконец. Только недавно прилег.

Это было в духе Романовского.

Обрисовал нам обстановку на фронте:

- Связь с войсками Дроздовского и Казановича прервана. Разведка доносит, что наши еще живы и ведут бой. Слышна орудийная стрельба. Вам, не выгружаясь, двинуться до предела возможности. Затем выгрузиться и ударить по тылу красных. Задача - прорвать их фронт и соединиться с нашей центральной группой. К вашему отряду придается бронепоезд.

По указанию командира полка, я двинулся на вокзал, чтобы приготовить наш эшелон к немедленному отходу по сигналу. Он еще задержался в Штабе.

Меня сразу окружил командный состав полка. Тут же и командир батареи. Кратко обрисовал им положение. Лица стали напряженные.

На перроне появился командир полка и приблизился к нашей группе. Мы расступились.

- Вступите в командование полком, - обратился он ко мне. - Я остаюсь в Тихорецкой. По приказанию врача я должен лечь в полевой госпиталь.

Попрощавшись с нами, он медленной походкой удалился.

- Повидимому тиф, - высказываю я предположение на вопросы окружающих меня.

Но мои тревоги оказались напрасными. За несколько дней до взятия Екатеринодара, выздоровев, он снова вступил в командование полком.

Слоеный пирог.

Так мы окрестили, после прорыва из "объятий" красных, положение нашей центральной группы, ибо красные врывались в их расположение и делили их на части, образуя "прослойки" - наши, затем они, снова наши и они: слоеный пирог. Они - "начинка" в нашем "пироге".

Я приказал бронепоезду двинуться в голове, держа дистанцию от нас 1500 - 2000 шагов. Скорость средняя. В случае, если наткнется на противника, немедленно открыть по нему огонь, чтобы дать нашему эшелону возможность выброситься из поезда и развернуться - пехоте, которая тут же перейдет в наступление. Лошадям и повозкам остаться

в поезде и выгрузиться, когда по пути движения на одной из станций окажется платформа для этого.

Тронулись...

Миновали Челбас и благополучно дошли до Бурсака. Кругом тихо. Никаких признаков противника, и не слышно, как ни прислушивались, какой-либо оружейной стрельбы впереди.

Бронепоезду приказал выдвинуться вперед за станцию и стать в сторожевое охранение. Впереди станция Выселки, за ней Станичная и при ней Кореновская. Там где-то напи.

Решил попытаться выяснить положение в Выселках, чтобы решить дальнейшее наше движение - продолжать ли в эшелоне или тут выгрузиться.

С адъютантом полка отправляюсь на станционный телеграф. Чиновнику-телеграфисту объясняю, что нам желательно выяснить:

- Свяжитесь с вашим коллегой в Выселках, но не говорите ему ничего о нас. Как бы сами интересуетесь, как у них там. Ваши вопросы и ответы тут же отбивайте через аппарат на ленту. Они мне нужны будут, - добавляю я. Это была моя мера предосторожности. Не знаешь, с кем имеешь дело.

- Знаете ли вы вшего коллегу и можно ли положиться на него?

- Да, он мне даже кум, и если там все в порядке, он ответит. Но я сам это увижу по его ответам, даже, если его заставят отвечать под диктовку. У нас "код".

Аппарат Морзе застучал, отбивая тире, точку, тире и т.д. Лента выходит из аппарата. Я пытаюсь читать, но... для меня это уж чересчур быстро. Когда-то нас этому учили.

Телеграфист тут же читает:

- У нас спокойно. Где-то вдали в направлении Кореновской оружейная стрельба с перерывами.

- Ружейной не слыши, - отвечает на заданный вопрос.

Время летит. Надо как-то быстрее сблизиться с противником, а расстояние еще большое.

- Задайте ему вопрос - может ли войти на станцию к ним поезд? Там поняли, о каком "поезде" может быть речь.

- Может. У нас прибыл из Журавской атаман. Позову его к аппарату. Подождите.

- У аппарата хуторской атаман подхорунжий Х.

Задаю ему те же вопросы, и он подтверждает сказанное телеграфистом, считая, что без риска можно войти на станцию.

Обрываю и даю распоряжение двигаться, но уже темпом, чтобы взять быстрее пространство. Не доходя станции - остановить эшелон в поле.

Подходит. Поезд останавливается и выбрасывает с двух сторон по сотне. Двинулись вперед. Среди них и пулеметчики с легкими пулеметами. Впереди маячит наш бронепоезд. Все тихо, но вот где-то, далеко впереди нас, раздалось несколько оружейных выстрелов. Наш эшелон медленно двинулся вперед, чтобы не обогнать впереди идущую пехоту. Бронепоезд тоже держит дистанцию. Вошли. Закилело. Бронепоезд ушел вперед в сторожевое охранение. Выгрузка. Пехота развернулась и двинулась вперед. Остальные нас догонят.

"В то время, когда силы добровольцев были на исходе, возле Платнировской спустился летчик Штаба Армии. Он сообщил так страстно желанную весть о приближении помощи со стороны Тихорецкой...

"Настроение войск сразу поднялось.

"По полудни над Кореновской появились разрывы шрапнелей.

"Это 1-й Кубанский (стр.) полк с батареей и бронепоездом атаковал Кореновскую группу противника.

"1-й Кубанский (стр.) полк ворвался в Кореновскую; навстречу ему шел стремительно Марковский.

"Разбитый противник спешно уходил... смяв правый фланг марковцев... Связь с Тихорецкой была восстановлена..." (Деникин, том 3-й, стр. 133-134).

Упорные бои за рубежи у Выселок, Журавской и Березанской.

Прорыв удался. Наша центральная группа войск вышла из мешка.

Но... положение наше продолжало быть серьезным, и требовалось напряжение всех сил измотанных и понесших сильный урон войск.

Мы стали откатываться обратно к Выселкам, и почти во время.

Обозначилась новая угроза нашему тылу. К Журавской подходили красные. Также и со стороны Березанской, где красные, оттеснив конницу Эрдели, заняли станицу.

Это северная группа войск Сорокина, на которую напирал Покровский, ища выхода и встречая нас на своем пути у жел. дороги Тихорецкая-Екатеринодар в районе Платнировская-Кореновская, стала обтекать нас.

Ген. Казанович, произведя перегруппировку, приказал мне укрепиться в Выселках и отражать наступление подходившей со стороны Журавской сильной группы противника, придав мне батарею (2 полевых орудия) капитана Виноградова.

Я расположил свою позицию вправо от жел. дороги (если смотреть по направлению на Кореновскую). Генерал же Казанович - по левой стороне, для отражения могущих появиться со стороны Кореновской красных.

Положение дивизии Дроздовского у Кореновской, где он оставался, оказалось весьма тяжелым. Ведя весь день 18-го упорный бой, он под давлением противника с трудом оторвался от него и отступил в ночь на 19-ое на восток (30 верст) к Бейсугской.

На другой день (19-го) около 4-х часов пополудни ген. Казанович вызвал меня к себе. Он расположился недалеко, налево от жел. дороги, в поле. Около него были в это время лишь его ординарцы. Об отходе Дроздовского к Бейсугской и о том, что этот участок фронта оголен, мы еще не знали, как и ген. Казанович.

Он сообщил, что им получено донесение от ген. Эрдели (конница Эрдели вошла в его подчинение), что его выбили из Березанской.

- Вам сейчас ставится в задачу сняться с занимаемой позиции, двинуться на Березанку (задание флангового движения) и выбить оттуда большевиков. Для усиления вашего отряда придается к вам Черкесский полк. Когда подойдете к Березанской, то Эрдели, отошедший в направлении Тихорецкой, также ударит по ней одновременно с вами.

Учтя по ходу распоряжения, что мне придется сняться с позиции на виду противника и днем (красные, так же, как и мы, окопавшись, заняли позиции на ровном поле против нас, но мы держали их в "шахе"),

я, чтобы прийти к правильному решению, задал вопрос:

- Прикажете сняться с наступлением темноты?

Но это в планы ген. Казановича не входило, и он потребовал (это и было понятно) немедленного действия, ввиду угрозы со стороны Березанской.

Я указал, что если я очищу занимаемое мною пространство, то красные ворвутся в него и могут и его отрезать. На это он мне указал, что у него в резерве имеется батальон нашего полка (батальон полка Крижановского был оторван от нашего полка, когда мы были посланы в Ставрополь, и к полку еще не вернулся), который и заменит нас.

Объяснив нашу новую задачу людям, я приказал сниматься с позиции и отойти назад с тем, чтобы иметь возможность свернуться и фланговым движением двинуться к Березанке. Черкесский полк должен был выдвинуть вперед разьезды и следовать за нами, имея перед собою наш обоз.

Как я и предвидел, оторваться от противника оказалось не просто. День. Пришлось несколько раз его отгонять и оставить на позиции пулеметы и некоторое количество стрелков, пока мы сворачивались.

Двинулись. Скоро покрыла нас темнота. По расчету времени, я должен был подойти к Березанской, так, около двух часов утра. От Черкесского полка было послано к Эрдели сообщение, что мы будем там между часом и двумя.

Не доходя до Березанской (в темноте мы ее еще не видели), мы были обстреляны из минометов и пулеметов неприятелем, занимавшим позицию влево и параллельно дороге, по которой мы приближались к Березанской.

Оказалось, что головные разьезды конного полка не заметили красных и не натолкнулись на них, иначе - пропустили их, ибо левый разъезд держался весьма близко дороги, по которой двигался средний разъезд. Правый же очутился в поле на уровне середины нашей колонны.

Огонь красных оказался совершенно недействительным, произведя панику лишь своей неожиданностью в обозе среди лошадей. Обоз был отведен в сторону, и мы начали перестраиваться, растянувшись вдоль дороги. Я указал, куда стать резерву (две сотни пехоты). Артиллеристы становились на свои позиции. Кроме приданных двух полевых орудий кап. Виноградова, я имел еще в отряде 2 гаубицы и одно горное (по принятому выражению - горняжку!),

К этому времени начало чуть-чуть светлеть, но окопы противника еще не обозначились, а первое, что мы увидели, была верхушка колокольни станицы Березанской. Ориентируясь по обозначенной колокольне, я увидел, что красные выбрали свою позицию вне станицы и верстах в двух от нее. Пшеница скошена и расставлена по полю снопами. Это было наше единственное прикрытие. Поле ровное. Противник окопался шансовым инструментом - это мы увидели, когда он обозначился. Продолжал стрелять по нас редким пулеметным огнем с перерывами. Иногда - из одного-двух минометов. Мы молчали и подготавливались к атаке. Стало яснее, и мы перешли в наступление.

Мы встретили со стороны красных упорное сопротивление. Наше движение стало захлебываться и остановилось. Уже совсем светло. Меня стал беспокоить наш правый фланг. Там обозначилось особо сильное сопротивление противника с попытками перейти в наступление против нас, но наши стрелки загоняли его в исходное положение.

Приказал нашему резерву продвинуться направо и стать позади. Мне показалось, что со стороны станицы их левый фланг усиливается новыми частями и что тут обозначается центр тяжести нашего боя. Я передвинулся и сам ближе туда.

В это время мне доложили, что от ген. Казановича прибыл ординарец с приказанием. Не желая выпускать из поля моего зрения наш правый фланг, ибо я видел, что мне придется с минуты на минуту его подкреплять из резерва, приказал его подвести ко мне, к линии огня.

На нашем правом фланге мы имели некоторый успех. Он начал загибаться вперед, а красные, упорно отстаивая свои позиции, медленно отходить загибом. Наш левый фланг поворачивался лицом к станице.

На правом фланге происходило у нас обратное явление. Тоже загиб в сторону и лицом к станице. Я подкрепляю его сотней из резерва. Ось фронта начинает поворачиваться весьма медленно — мы лицом все больше к станице.

Я за прикрытием снопа, упершись спиной в него. В офицерском кителе. Воротник и две верхние пуговицы расстегнуты. В золотых погонах с малиновым просветом стрелковых частей. В темно-синем "галифе" плотного сукна Штиглица, а сапоги уж очень хорошо пригнаны.

Марковато, и спокойно не усидишь за "прикрытием" снопа, и я часто уклоняюсь, показывая погоны, на которых ярко отражается солнце. Хорошая цель. Кроме того, жажда, но... несмотря на все это, страшно хочется спать, как только присядешь за сноп, меняя позицию. Сказываются бессонные дни и ночи последних дней. Кругом поют пули — вью, вью... Что-то ударяется в сноп и падает за отстегнутый воротник, пытаюсь по спине уйти вниз. Засовываю руку и вытаскиваю пулю. Секунду полюбовался и спрятал "сувенир".

Полковые ординарцы вокруг меня тоже за снопами. Молодежь. Больше в чинах прапорщиков, но есть и кикера. Хорошо вышколены командиром полка. Он смотрит на них, как на своих "юнkerов". Сам — старый ротный командир военного училища и вышел с кикерской ротой из Екатеринодара в поход, а в Шенджи, сформировав 1-й Кубанский стрелковый полк, влил их в него.

Когда я окликал "очередного", чтобы отдать распоряжение, приказал не вставать. Но с одним не мог "справиться". Молодой, подтянутый хорунжий Войска Донского. Выше среднего роста, блондин с голубыми глазами. Уже в наших боях от Тихорецкой обратил на себя внимание тем, что, несмотря на сильный огонь и свист пуль, подскакивал вплотную, вытягивался и прикладывал руку к козырьку.

Мне было всегда жаль и больно, когда злодейка-пуля вырывала их из нашего строя. Может быть, я вынес это чувство еще из войны на Западном фронте. Кадровый офицерский состав таял. На пополнение нам присылали юношей 17-18 лет из военно-учебных заведений ускоренного выпуска. Часто в первых боях мы ставили над их могилами простые деревянные кресты. Нам, "старикам", казалось, что это мы их не уберегли. Командир нашего полка, герой и кавалер ордена Св. Георгия Японской войны, отдал приказ не вводить их в бой сразу и дать им присмотреться и "обстреляться" хотя бы две недели. Но не всегда это можно было выполнить.

Вызываю очередного ординарца (они вели между собою очередь) для отдачи приказа.

— Что прикажете? — появляется передо мною вытянувшийся хорунжий, подойдя вплотную к моим ногам. Полным ростом изображает близ-

кую для противника цель. Лампасы краснеют. Рука под козырьком.

У меня мелькнула мысль приказать ему лечь, но... была только мысль, а превратить ее в приказ не успел. Головой вперед он падает мертвый. Пуля в лоб сразила его.

Явился посланец ген.Казановича, ординарец-поручик, но с устным приказом: прийти ему на помощь, ибо у Выселок, откуда я был выслан и на Березанскую, положение его оказалось тяжелым. Из Журавской на Выселки, обтекая расположение Казановича, сильно напирают красные. Возможно его окружение.

"...Казанович... производил перегруппировку сил и отражал наступление большевиков на Выселки всего одним батальоном", - говорит ген.Деникин (стр.194, том 3-й) о ситуации нашего дня по тому времени. Поэтому, благодаря этой перегруппировке, я и получил задание взять Березанскую, разбить или оттеснить из этого района противника.

- Вы видите, какова у меня обстановка. Я нахожусь в самом разгаре боя. Резервы мои почти на исходе, и противника я еще не опрокинул. Передайте все видимое вам ген.Казановичу.

Бросив наш последний резерв на правый свой фланг, я решил перейти в атаку. Сев на коня, поскакал к двум черкесским сотням, выстроившимся в поле по моему вызову, и лично, вызвав офицеров перед фронтом, дал им задание поддержать нашу атаку, ударив по флангу противника. Нашей артиллерии поддержать атакующих своим огнем.

Я спешил скорее опрокинуть противника ввиду ситуации, создавшейся в Выселках. Да и не только потому.

Под нашим сначала сильным огнем и потом, когда мы двинулись на него вперед, противник дрогнул и стал отходить. Черкесы также бросились в атаку, но были отброшены. Мы стали занимать брошенное противником пространство, и он стал отходить за станицу, обтекая ее.

В этой ситуации застало нас прибытие второго ординарца от ген.Казановича и уже с письменным приказом: немедленно двинуться к нему.

Ввиду отхода противника, мне было легко свернуться, и я снова и весьма спешно, погрузив пехоту на повозки, двинулся фланговым движением обратно. Черкесский полк я отпустил, и он ушел на соединение с дивизией Эрдели.

По пути моего движения прибывший от ген.Казановича ординарец указал, что нам следует свернуть на Бурсак и прибыть туда. Сам Казанович со штабом отбыл туда, кажется, на дрезине.

Там я застал ген.Казановича и полк.Кутепова. Последнего, после того, как он сдал дивизию, я видел впервые. Остальные части нашей дивизии оставались влево от жел.дороги в районе Выселок.

"На Екатеринодарском фронте создалось для нас положение тягостной, томительной неопределенности" (Деникин, стр.195, том 3-й).

На следующий день из Тихорецкой прибыл ген.Деникин и принял на себя перегруппировку войск, отдав приказ 24-го перейти в наступление.

Дроздовскому из Бейсугской двинуться на Кореновскую. Нам атаковать красных в районе Выселки-Журавская. Эрдели занять Березанскую.

"Казанович атаковал опять, опять понес большой урон и безрезультатно... Севернее между тем, у Журавской, 1-й Кубанский стрел-

ковый полк и конница Эрдели вновь с большим подъемом атаковала позицию противника с севера и с.-востока и, опрокинув большевиков, заняли станицы." (Деникин, стр.195, том 3-й).

Опрокинутый противник повернул на юг. К вечеру 25-го части Дроздовского заняли Кореновскую. Красные спешно стали отходить на Екатеринодар.

Операции на пути к Екатеринодару и взятие столицы Кубани.

Сорокин был разбит и спешно отступал к Екатеринодару.

Мы двинулись вслед, разбивая по пути нашего движения отступающего противника и его заслоны. Они еще оказывают нам сильное сопротивление.

Под прикрытием Екатеринодарских укреплений Сорокин переводит свои части за Кубань.

29-го наша дивизия (ген.Казановича) сосредоточивается в районе Динской, причем наш бронепоезд подходит к Лорису.

Ген.Деникин со Штабом Армии в тот же день из Кореновской переходит к нам в Динскую. Прибыл и наш выздоровевший командир полка.

Влево от нас ведет бои дивизия Дроздовского.

1-го августа наши части заняли Лорис и, продвинувшись вперед, заночевали.

Генерал Деникин - с "войсками Казановича".

На утро 2-го августа у нас идет упорный бой. "...быстро продвигался 1-й Кубанский стр.полк под сильным огнем; лезе цепи Дроздовского"... (198, т.3), скрывшись в Пашковской, появились снова и начинают отступать. За ними - густые цепи противника.

"Я, - говорит Деникин, - направляю Кубанский стр.полк в обход большевикам, и скоро треск его пулеметов и ружей вызвал смятение у большевиков - волна их повернула вновь и откатилась к Екатеринодару".

К вечеру 2-го Дроздовский заночевал в Пашковской, а мы - в предместьи Екатеринодара.

3-го утром наша колонна со Штабом Армии вошла в Екатеринодар.

Дойдя до Кубани и овладев мостом, мы отбросили красных от берега.

Мой отпуск.

Наш полк разместился в Екатеринодарском Епархиальном Училище.

Я снова на своей старой квартире, где, по выходе в Первый поход, оставалось мое небольшое "имущество". Приняли меня мило и сердечно.

Примерно на третий день, когда город, по нашем вхождении в него, принял "будничный" вид, меня попросил к себе командир полка полковник Туненберг.

Поблагодарив меня за службу в период его болезни, когда я его замечал, он неожиданно для меня предложил мне отпуск на несколько дней:

- Хочу дать вам небольшой отдых и отпуск на три-четыре дня. жел.-дорожная связь с Ростовом и Новочеркасском восстановлена прямыми поездами. Прокатитесь туда, но заодно хочу просить вас выполнить одно мое поручение. Оно частного порядка и касается моей семьи.

Рис. худ. К. Кузнецов.

Тут же и рассказал мне, в чем вопрос.

— По моим сведениям мы еще задержимся в Екатеринодаре, и вы успеете во время возвратиться.

Я охотно принял сделанное мне предложение. Выехал на следующее утро. На станции Тихорецкая привлекало внимание пассажиров и местной публики, что на перроне вокзала, как в старое время, прохаживался, встречая поезда, настоящий жандармский унтер-офицер.

Сначала побывал в Ростове, затем сутки в Новочеркасске. Жизнь там уже снова и быстро вошла в колею.

Новороссийск.

Пребывание наше в Екатеринодаре подошло к концу.

На второй и третий день по его занятии войсками Добровольческой Армией город был свидетелем официального въезда Командующего генерала Деникина (последний "неофициально" пребывал на Екатеринодарском вокзале со своим Штабом в поезде) и приема его хозяевами земли Кубанской — молебствия в соборе, военного парада и чествования в Войсковом Собрании, а на следующий день въезда и такого же чествования Верховного Руководителя Д. Армии Генерала от Инфантерии Алексева.

Полк покидает столицу и включается в Новороссийскую операцию.

Наше движение вдоль жел. дороги, но... уже не в составе войск 1-й пехотной Дивизии. Мы выделены из нее.

Идем с отрядом под командованием полковника Колосовского.

По жел.-дорожному пути двигаются с нами два бронепоезда. В отряде артиллерия и кавалерия. Мы, пехота, — остов отряда.

С боями на пути нашего следования к Новороссийску, в середине августа 1918 года входим в него.

Выйдя из состава отряда, располагаемся в нем гарнизоном.

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД закончен.

Добровольческая Армия утвердилась на Черном море.

Черноморским Генерал-Губернатором назначается полковник Кутепов.

Ставка генерала Деникина обосновалась в Екатеринодаре.

Армия обрела плацдарм для разворачивания и перехода к выполнению обще-Российских задач.

В течение сентября и половины октября происходит реорганизация частей, но военные операции идут интенсивно без перерыва. Кубань Д.Армией продолжает очищаться. Идут и дальше упорные и кровопролитные бои. Даже на занятом пространстве у Черного моря и в пересеченной гористой местности, заросшей лесом и кустарниками, войсковые части ведут операции по очищению от разбитых частей противника, проявляющих нам то или другое сопротивление.

Батальоны разворачиваются в полки, полки в бригады, и т.п.

Лицо нашего полка тоже меняется. Происходят перемены размещения командного состава на новые должности в полку и на новые назначения вне его; повышения приказом Командующего Д.Армии в должностях и чинах. Так, среди них, Командир нашего полка полк. Туненберг производится в генералы с назначением Бригадным Командиром.

Эти перемены коснулись и меня.

Я получаю новое назначение вне полка, а затем прочитал приказ ген. Деникина по Д.Армии о повышении меня в чине.

Прощаюсь с возглавляемой мною в полку частью и с полком.

Тут же формирую свой штаб и беру с собой некоторых своих офицеров, дав им соответствующие назначения: адъютант, заведующий хозяйственной частью и т.п.

Взяв своих лошадей (верховых с ординарцами), две тачанки, отправляюсь с ними походным порядком к месту моего назначения.

Примечание: Все указываемые в настоящем очерке даты приведены по старому стилю.

Э.Ф.Кариус
генерал-майор.

- - оОо - -

"Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной, униженной России".

Ген. С.Л.Марков.

- - оОо - -

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

1.

Несомненно, "Вестник Первопоходника" отвечает идейным запросам каждого белого воина-добровольца.

Цели, поставленные журналом, являются актуальными и в данное время для тех, кто не сменил идею на быт и компромисс.

Для будущих историков "Вестник Первопоходника" явится ценным материалом, отразившим правдивое описание событий непосредственными участниками Белого Движения, силу идеи, верность заветам Белых Вождей и сознание честно выполненного долга перед Родиной и Историей.

Алексеевского пехотного полка
штабс-капитан К.Мустафин.

2.

... В № 10 Вашего журнала в статье А.И.Скрылова на стр. 5 ошибочно напечатано: "Впоследствии он был награжден за это орденом Св. Георгия 3-ей степени, а позже орденом Св.Анны 1-й степени с мечами (на шею)".

В действительности же 1-ая степень ордена Св.Анны представляет из себя:

Крест золотой, большой, покрытый красной финифтью и украшенный короной; в середине лицевой стороны на белом поле изображение св. Анны, а на обороте на таком же поле латинский синего цвета вензель начальных букв орденского знака, под короной; крест носится на красной с желтой каймою ленте через левое плечо, с кованой серебряною на правой стороне груди звездю, в середине коей красный крест, а вокруг креста латинский девиз - "Inimantibus Iustitiam, Pietatem, Fidem" (то есть любящим правду, благочестие, верность; этот девиз взят из заглавных букв имени Великой Княжны Анны Петровны: А.И.Р.Ф., то есть Анна Imperatoris Petri Filia); над крестом Императорская корона. (Св.Зак. т.1 Учр. Орд., стр. 357-629).

С почтением П.С.

- - оОо - -

ПРИМЕЧАНИЕ:

В журнале "Вестник Первопоходника" № 10 была допущена досадная ошибка на стр.18, внизу, в отделе хроники. Нужно читать:

"Сердечное спасибо подп. Г.Залеткину Марковского пех.полка".

- - оОо - -

Х Р О Н И К А.

- Калифорнийское Общество Первопоходников устраивает вечеринку с концертной программой в субботу 8-го сентября 1962 года, в помещении о-ва "Гуманити Колле" - 655 Норт Серрано авеню.

Концертная программа будет объявлена в журнале "Вестник Первопоходника" № 12.

- o -

- В субботу 28-го июля в помещении клуба первопоходников состоялась очередная встреча первопоходников и их друзей - гостей.

Присутствовало 24 человека. Как и всегда, царила дружеская атмосфера.

Д-р И. Гончаров сделал небольшой доклад на тему: "Как сохранить здоровье до глубокой старости". На задаваемые вопросы д-р И. Гончаров охотно давал разъяснения.

Затем гостям был предложен чай. В 12 часов ночи все разъехались по домам.

- o -

- В фонд издания "Вестник Первопоходника" поступили следующие пожертвования:

От полк. И. Кулебякина	\$ 3.00
" В. Долинского	" 5.00
" ген. И. Полякова	" 3.00
" полк. Ф. Елисеева	" 3.00
" Е. Ф. Збсровской	" 1.00
" И. Гончарова	" 3.00
" капит. К. Мустафина	" 5.00
" разных лиц	" 5.20

Редакция всем вышеупомянутым лицам приносит искреннюю благодарность за внимание и отзывчивость.

- o -

- Объединение чинов МАРКОВСКОГО пехотного полка объявляет, что ПЕРВЫЙ ТОМ истории полка - "МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОДИНУ" - около 400 страниц текста, фото и схемы - сдан в типографский набор и в сентябре с.г. выйдет в свет.

Этот том охватывает всю эпопею, начиная от зарождения военных организаций противодействия как на догорающем фронте Великой войны, так и в Петрограде, Москве и на Дону. 1-й и 2-й Кубанские походы.

Вся героическая борьба Добровольцев проходит перед читателем в живых красках свидетельских показаний непосредственных участников этих событий и читается с неослабевающим интересом от первой до последней страницы.

Для предварительной подписки на это издание цена книги - 20 новых франков, а с выходом из печати - 25 нов. франков.

Пересылка - по почтовому тарифу.

С заказами обращаться по следующему адресу:

Monsieur V. PAVLOFF 27 rue Bateliers, CLICHY, Scine, France

Для Калифорнии: журнал "Rodniye Dali", 4001 Clayton Ave., Los Angeles 37, California.

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- o -

- Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" - 3.00 долл. в год. Цена отдельного номера - 30¢.

- o -

- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "Вестника Первопоходника".

- - oOo - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч, Н.Прюц и Ф.Пухальский.

Главный редактор А.Долгополов.

- - oOo - -

III.

et 13 101-62

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 13

ОКТАБРЬ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - ooo - -

СВОДКА СВЕДЕНИЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ.

Секретно.

14 апреля 1918 года.

Район к северу и сев.-западу от станции Успенской.

На станции Тихорецкая усиленная охрана. Все пути забиты эшелонами, среди коих есть и бронированные поезда. Поезда направляются в различные стороны. Жел.-дорожная линия Тихорецкая - Ростов исправна; по линии ремонтируются мосты.

Станции Терновская и Новопокровская заняты отрядами противника. В Новопокровскую из Тихорецкой прибыло подкрепление 300 человек кавалерии и пехоты.

Жел.-дорожная линия на участке Тихорецкая - Белая Глина бдительно охраняется противником. По полотну, у железнодорожных будок размещены заставы силой в 15-20 человек каждая; на участках между заставами наблюдение ведется дозорами и разъездами. На место тревоги немедленно прибывает бронированный поезд.

По жел.-дорожной линии Торговая - Батайск участки Кагальницкая - Батайск и Егорлыцкая - Целина разрушены восставшими донцами.

На участке Торговая - Царицын жел.-дорожное полотно и мосты на протяжении нескольких верст приведены в полную негодность казаками прилегающих станций.

По слухам, противник сосредоточил в Торговой большие запасы снарядов и оружия.

Большевики станции Торговой обращались в село Медвежье за помощью для борьбы с донскими казаками, но Медвеженцы в помощи отказали, ссылаясь на приближение Добровольческой Армии и грозящую им отсюда опасность.

- o -

Район к востоку от станицы Успенской.

Из показаний пленных, захваченных 14 апреля, выяснилось, что большевиками в Ставропольской губернии - в селах: Ладовская Балка, Медвежье, Прегардное, Дмитриевское, Ново-Михайловское, Безопасное, Птичьё и др. - произведена мобилизация призывов с 10 по 14 год.

Село Ладовская Балка по мобилизации 12 апреля выставило около 500 человек, несмотря на то, что населению села Ладовская Балка была известна через делегацию цель, преследуемая Добровольческой Армией. Того же числа из Ставрополя в с. Ладовская Балка прибыл отряд в 400-500 человек при двух пулеметах, который, соединившись со вновь мобилизованным Ладовским отрядом, был направлен на Деминский завод. Из допроса пленных выяснилось, что все отряды, мобилизованные в Медвежинском уезде, стягиваются в с. Ново-Михайловское, где имеется в настоящее время одно орудие.

В селе Медвежьем Совдеп располагает двумя орудиями.

- 0 -

Район к юго-западу от станицы Успенской.

Севернее станицы Темижбекская вырыты небольшие окопы фронтом на Расшеватскую.

По северному берегу реки Челбас у дороги Дмитриевская - Кавказская небольшой неприятельский отряд занимает оборонительную позицию.

Вследствие отказа подчиниться приказу о мобилизации большевики обстреляли артиллерийским огнем станицы Темижбекская и Кавказская, после чего мобилизация была проведена полностью.

По сведениям от 12 апреля у монастыря восточнее Кавказской стоит батарея фронтом на Дмитриевскую.

На жел.-дорожном участке Кавказская - Расшеватка укреплены все переезды; по линии курсируют два бронированных поезда.

Приказом Военного Штаба за № 1915 хутор Романовский объявлен на осадном положении. Выход на улицу после 7 часов вечера без особых пропусков запрещен.

Подполковник Бар.....

(Из документов-оригиналов ген.Алексеева, находящихся у жены полковника И.М.Алексеева. О.А.).

- - оОо - -

Если хочешь изучить что-либо,
начни обучать этому другого.

Ген. Л.Г.Корнилов.

Адъютант Генерала КОРНИЛОВА
Поручик Разак Бек Хан Хаджиев

родился в Хиве в 1895 г. Воспитывался в Москве в 3-м Кадет. Корп. и по окончании в 1916 г. Тверского Кав.Училища в чине корнета вышел в Нерчинский каз.полк, коим командовал В.Старшина бар.Врангель П.Н. Будучи переведен в Текинский кон. полк, участвует с ним во всех боях на Зап. фр. (Австр. и Германск.). Во время революции распоряжением Команд. 8-й Армии ген.Корнилова из полка был выделен отряд Текинцев для охраны Штаба Армии, и Начальником такового назначается пор. Хан Хаджиев. Воинской дисциплиной, выдержкой и преданностью заслужил доверие и состоял при

Ген.Корнилове в занимаемой должности до смерти последнего.

Развалив Армию и Госуд.Аппарат, Керенский смещает Верховного Гл.-командующего ген.Корнилова и друг.военачальников - Деникина, Романовского, Маркова, Эрдели и проч. - и заключает их всех в Быховскую тюрьму. Быховских узников охраняет Текинский полк. Керенский, выпустив из рук власть, скрывается, и она переходит к Ленину. Корнилов с Текинским полком пытается прорваться на Дон. Полк, в зимнюю стужу и без зимней экипировки преследуемый красными ордами с артиллерией и бронепоездами, несет в боях большие потери. Видя это, ген.Корнилов, оторвавшись от полка, одиночным порядком отправляется на Дон, где вступает в командование Доброармией, формируемой в это время ген.Алексеевым, бывш.Начштаба Государя и Верх.Главкомандующего. Таким же порядком пробирается на Дон и Хан Хаджиев и является к ген.Корнилову.

Совершив с Доброармией Первый Кубанский поход, в котором на его глазах, в бою под Екатеринодаром, погиб смертью храбрых ген.Корнилов, он после похода отбыл на свою родину, в Хиву; оттуда отправился в Багдад и Индию и, прибыв в Сибирь для продолжения борьбы против красных, вступил в Армию Адмирала Колчака. После гибели Сибирской Армии был в Шанхае (Китай), Японии, а затем переселился в Мексику, где пережил много сказочных приключений среди диких племен индейцев, яки и мексиканцев.

Хан продолжает и там борьбу с коммунизмом пером, помещая в мексиканской прессе свои статьи о сущности и преступности коммунизма.

Содержит фото-ателье и иногда охотится в дебрях Мексики.

Остался верен России и памяти Великого Бояра Ген.Корнилова, и мы рады тому, что Хан продолжает быть с нами в наших рядах Первопоходников. ИИИ АИИА!

Редакция.

Р. 01 окт. 4. →

А Т Ч А П А Р

В четыре часа утра в щель двери просачивается свет свечи - это условный знак Реджеба, вестового Верховного, пришедшего разбудить меня.

Я очень осторожно поднимаюсь с дивана, чтобы не разбудить Верховного, однако, несчастный скрип ржавых пружин предательски выдает мое движение.

- А... Хан, вы уже уезжаете? - спрашивает меня, проснувшись, Верховный. Мне очень неловко и неприятно, что я разбудил его, спавшего так мало после долгой ночной работы.

- На столе два письма, - говорит он, - пожалуйста, захватите их с собой.

Мои веки, тяжелые от сна, почти закрыты. Быстро схватив шинель, которая мне служит также одеялом, я осторожно, на ципочках, подхожу к столу, на краю которого, одно на другом, лежат два письма.

Должен сказать, что всегда, когда я возвращался из Могилева в Быхов, по приказанию Верховного я спал в его комнате на диване. Спал не раздеваясь, чтобы быть готовым ко всяким случайностям и не терять времени на одевание, дабы не опоздать с поручениями узников в Могилев.

При моем возвращении иной раз диван был занят. На нем сидели генералы Деникин, Лукомский, Романовский и другие, приходившие только по приглашению Верховного. В таких случаях ген.Деникин что-то читал, остальные же слушали.

Я стучал в дверь, прося разрешения войти. При звуке моего голоса чтение прерывалось и некоторые из сидящих вставали, идя ко мне навстречу, а некоторые оставались на местах. Входил я обыкновенно после того, как из комнаты слышался голос Маркова - "Да!".

Раньше всех ко мне подходил ген.Лукомский, который брал из моих рук пакет с письмами и газетами, развязывал его и раздавал содержимое присутствующим, оставшееся передавал мне обратно для передачи прапорщику Никитину, который и раздавал все по назначению.

Ген.Деникин в таких случаях прерывал свой доклад и уходил к себе, чтобы наедине прочесть письмо своей невесты Ксении Васильевны.

Интересно добавить, что еще при проходе мною корридором замной бежал ген.Эрдели, крича: "Дорогой Хан, нет ли мне письма?", - на что я ему всегда отвечал: "Ваше превосходительство, разрешите мне вручить все содержимое моего багажа Верховному, а оттуда вы изволите получить то, что есть на вале имя".

После передачи пакета я, зараженный общей радостью, отправлялся в "кош" (комнату) Баба Хана, к Истул-Бояру, чтобы поделиться с ним своими дневными впечатлениями, а когда корридор погружался в тишину и галдеж узников прекращался, я уходил в комнату Верховного, где наконец старый диван-кровать принимал меня в свои дряхлые объятия. Это был мой повседневный режим...

Итак, взяв письма, я вышел в корридор, где у двери Верховного стоял вестовой Реджеб с зажженной свечей, а за ним часовой-туркмен.

Увидев меня, Реджеб заулыбался и, показав свои белые зубы, сказал:

- Хан Ага, не сердитесь на меня, что я разбудил вас немного раньше, а не по обыкновению в пять часов утра, - часы мои остановились.

- Ладно! Спасибо, Реджеб!.. - говорю я, пригоняя свои шпоры, чтобы выйти на улицу.

В это время внезапно отворяется дверь и на пороге показывается в нижнем белье Верховный...

- Хан, дорогой, пожалуйста, купите сегодня мне маленькое зеркало, маленькие ножницы и зубную щетку, вот вам деньги, - сказал он, давая их мне. - Почему Реджеб со свечей, да еще с приставленным часовым?

- Ваше превосходительство, свет свечи будит меня без стука в дверь, а часовой не хочет впустить его без вашего разрешения в комнату.

Верховный улыбнулся и приказал нам не шуметь, чтобы не разбудить ген. Эрдели и Лукомского, живших вместе в комнате напротив.

Окончательно одевшись и пройдя длинным и темным корридорм рядом часовых из текинцев и георгиевцев, я вышел на двор тюрьмы, где, ржа на весь двор, нервно перебирая передними ногами, ждал нас, на сей раз, мой Булан.

- o -

У меня были две лошади - одна серой масти, а другая золотистой; я их менял по очереди.

Поздоровавшись с моим вестовым, преданным мне джигитом, я сажусь на мокрое седло.

Стоял конец сентября, кругом была такая тьма, что ни зги не видно. Тронулись мы ровно в пять утра.

Булан, по своему обыкновению, кусая удила, нервно рвется вперед, с неба падает что-то мокрое - не то снег, не то дождь; эта мокрота бьет в лицо так, что нельзя открыть глаза и рассмотреть дорогу, а холод также дает себя чувствовать, и так сильно, что руки и ноги в стремях немеют. Чтобы согреться, мы пускаем лошадей в галоп.

Выходим на шоссе. Все вокруг утонуло в мокром тумане; деревья, как призраки, покрытые инеем, стоят не шевелясь.

Чем дальше мы едем вперед, тем больше становимся мокрыми, холод пронизывает все тело противной сыростью, предрассветная муть отсвечивает желтизной, шоссе слегка покрыто ледяной пленкой, делающей быструю езду весьма опасной.

Мертвую тишину утра нарушает внезапно крик Бяшима. Оборачиваясь и вижу, как что-то упало с лошади. Конь без хозяина летит куда-то в сторону.

Сворачиваю в поле, кричу: - Бяшим!.. Эй, Бяшим! Что с тобой?

Ответа нет. Подъезжаю к месту, на котором темнеет какая-то фигура. Булан испуганно поднимается на дыбы, поворачивается и полным карьером несется за лошадью Бяшима.

Мои окоченелые руки не в состоянии удержать бешено мчащегося коня, не помогают и шенкеля, чувствую, что я в полной власти животного.

Наконец, сквозь мокрую иглу я различаю какую-то темную фигуру. Булан успокаивается, храпит и ржет. Тогда я, согревшись немного скачкой, беру его в руки и даю ему себя чувствовать.

В это время слышу голос Бяшима и, встав на стремя, кричу:

- Бяшим, что с тобой, что случилось, где ты?..

- Здесь, Хан Ага, посмотри! Я убил шакала, он пересек нашу до-

рогу, а я за ним, срубил ему голову ятаганом, Ага, - говорит он, таща за собой убитого шакала.

При виде убитого животного Булан опять вздымается на дыбы, но я его быстро успокаиваю, наказав ударом шпор.

- Охота тебе была гнаться за ним и наделать такое беспокойство и шум! - говорю я ему недовольным тоном.

- Ай, Хан Ага, больно холодно было, - говорит он, смеясь и укладывая на ветки дерева свой трофей.

Мы подъехали к месту, где лежала черная фигура, которая оказалась его буркой, сброшенной им в погоне за шакалом.

В восемь часов утра, замерзший, весь покрытый инеем и промокший, вхожу в свою комнату, где меня встречает улыбающийся и довольный, до фантазии преданный мне и Верховному мой вестовой Фока Штогрин.

- Здравствуй, что ты ржешь!?!.. На, бери мой ятаган, - говорю я ему.

- Здравия желаю, ваше благородие, ничего, ваше благородие, при были благополучно? - скалит он зубы.

- С кем ты спал, говори!

- С Богом, ваше благородие, - отвечает он, хохоча и закрывая рот рукой.

- Знаю твоего Бога, какого цвета юбку она носит? Она все еще служит Кант-Бекову? - задаю ему вопрос, раздеваясь.

Он еще больше хохочет...

- Чай, Фока!..

- Чайник кипит, ваше благородие.

- Это хорошо, спасибо за службу! На, тащи сапоги, - приказываю я.

Пыхтя, кряхтя и вода меня почти по всей комнате, он старается стащить с меня мои мокрые сапоги.

- Ваше благородие, вас ждут полковник Кант-Беков, Новосильцев, капитан Иоль и другие.

- Никого не впускай до 10 часов, и чаю не хочу, накрой меня хорошенько и не шуми.

- Две барыни приходили и спрашивали, когда, в котором часу можно вас видеть.

- Их тоже нельзя... К чорту всех, слышишь, до 10 часов...

И я быстро хочу отдать себя в объятия небытия, но горькие мушкетеры, смешанные со слезками, как назойливые мухи, обступают меня, не давая уснуть.

Не успел я забыться, как слышу - з... з... з...

Беру телефонную трубку и слышу голос гвардии капитана Измайловского полка Павского - одъютанта Н.Н.Духонина...

- Хан Хаджиев?

- Да, он с вами говорит.

- Будьте добры, Хан, явиться к нам по срочному делу, вас хочет видеть ген.Духонин.

- Фока, давай выходные сапоги, китель и ятаган, я должен бежать.

- Ай, ваше благородие, что же это такое, вам и минутки не дают покоя...

- Не разглажься, нет времени, давай, давай!

- А чай, барин! - кричит он мне, но я не отвечая ничего, вылетаю из комнаты.

В коридоре меня встречают ротмистр Апрелов и Шапрон-де-Ларэ. Они хотят поговорить со мной по весьма спешному делу, но я, пожав им руки и назначив время встречи, направляюсь во дворец, где статный и красивый молодой Павский встречает меня, говоря, чтобы я подождал немного: у генерала Духонина сейчас иностранная миссия.

Жду 30 минут.

Выходит французский генерал в сопровождении своего адъютанта.

Генерал останавливает Павского и что-то ему говорит, а затем уходит. Павский после этого докладывает обо мне. Вхожу в кабинет г ген.Духонина.

- Здравствуйте, Хан. - говорит своим тенором красивый и румяный генерал с зачесанными вверх черными усами.

- Здравия желаю, ваше высокопревосходительство, - отчеканиваю я ему в ответ, стоя перед его столом.

- Как поживает Лавр Георгиевич и как остальные? - спрашивает он меня и добавляет: - небось, нервничают?

- Кроме Верховного, все[№] - отвечаю я и, вспомнив, что я стою перед настоящим Верховным, чувствую неловкость...

Протягиваю ему письмо Верховного.

Взяв его и тут же прочитав, ген.Духонин спрятал его в боковой карман кителя, потом, взглянув на меня, сказал:

- Да вы садитесь.

Я сажусь на кожаный стул и чувствую оставленную французом теплоту.

- Хан, я вызвал вас сюда, чтобы сообщить о желании иностранной миссии побывать в Быхове, чтобы повидаться с Лавром Георгиевичем. Я отговорил их от этой мысли, чтобы избежать последствий их визита. Хан, вы, конечно, понимаете, о каком последствии я вам говорю.

- Так точно, ваше высокопревосходительство, - Петроград, Керенский, - ответил я и просил разрешения доложить.

Получив его разрешение, я сказал:

- Желание ген.Бартера ехать в Быхов и вручить орден Св.Михаила, пожалованный Королем Великобритании Верховному тоже было отложено Бартером до подходящего момента.

Ген.Духонин спросил, когда я видел ген.Бартера, и, получив мой ответ, сказал:

- Так вот, по моему совету они не поедут, а просят разрешить послать туда корреспондентов, которые, как представители печати своих стран, могут ехать, но только опять-таки без шума.

- Ваше высокопревосходительство, никакого шума не будет, если мы, текинцы, пригласим их, чтобы они присутствовали на скачках Текинского конного полка. Они явятся туда в качестве простых зрителей, не говоря о своей главной цели - повидаться с узниками и узнать об условиях их жизни.

- Ну, что же, мне кажется, что эта идея является подходящей как для них, так и для нас, - ответил генерал и добавил: - Вот это письмо вы передайте Лавру Георгиевичу, а сейчас явитесь к Квашнину-Самарину (коменданту ставки) и вместе обсудите, что и как, - сказал он, вставая со стула, чтобы выйти из кабинета.

От него я отправился прямо к Квашнину, в кабинете которого за-

стал полковника Тимановского с его адъютантом шт.-кап. Кудининым. Адъютант коменданта прапорщик Лузин стоял у стола, ожидая бумагу, на которую комендант ставил свою резолюцию.

Взглянув на меня, Квашнин поздоровался и, сказав: "садитесь!", - опять углубился в свою работу.

Тимановский, привстав, очень горячо пожал мою руку, а Кудинин, схватив меня за руки, произнес: "Жму и обнимаю рыцаря Хана".

Лузин улыбнулся и кивнул мне головой. Я сел между Тимановским и его адъютантом.

Наступила тишина, нарушенная Тимановским, задавшим мне вопрос - не произошла ли еще схватка между его питомцами георгиевцами и текинцами

- Г.полковник! Никаких тренировок между георгиевцами и текинцами пока что нет, и вообще, я надеюсь, этого не случится, потому что все текинцы, начиная с их начальников, подготовлены на этот случай. Мне думается, что причин к тренингу вообще нет.

- Дай Бог, Хан, дай Бог, - ответил Тимановский, адъютант же заметил, что текинцы очень дисциплинированы и послушны своим начальникам.

- Как приятно и как успокаивающе действуют на душу начальников такие отзывы в нынешние времена, - сказал Тимановский, вынимая из кармана портсигар и предлагая папиросу Квашнину, который в это время, окончив свою работу, протирал очки.

- Нет, лучше ты возьми вот эти, - сказал Квашнин, вынимая квадратную пачку "Ширмана", и прибавил: - твои очень крепкие.

Потом, выпуская клубы дыма, Квашнин обратился ко мне, говоря:

- Ну, Хан, докладывайте. Я надеюсь, что сегодняшней ваш визит не будет похож на укусы комара, правда?

- Г-н полковник, я от Верховного, - начал было я, но он перебил меня и спросил:

- От первого или от второго? Ведь мы сейчас служим двум, - улыбаясь, сказал он.

- Их и наш - это Лавр Георгиевич Корнилов, - вставил Тимановский.

В это время зазвонил телефон, и комендант, взяв в руки трубку, начал отвечать:

- Так точно, ваше превосходительство... Слушаю... Так точно...

И затем, положив трубку, обратился ко мне:

- Хан, иностранная миссия в Быхов не поедет, вместо этого едут туда военные корреспонденты по приглашению Текинского полка. Мне приказано вести их без шума и затей, - и, обращаясь к Тимановскому, добавил: - Ты со своим адъютантом поезжай сегодня же и подготовь своих, как ты выразился, питомцев, чтобы этот приезд не оказался для них неожиданным сюрпризом.

- Г-н полковник, разрешите доложить, - заметил я, очень удивленный тем, что известный мне факт оказался таким искаженным, и, получив разрешение, сказал:

- Текинский полк еще не приглашал иностранцев и я еще не доложил Верховному. Разрешите ему доложить и узнать его мнение по поводу этого вопроса, а также дать время для подготовки полка к скачке, - закончил я.

- Что за путаница! - воскликнул комендант. - Лузин, соедини меня с дежурным генералом.

- Слушаю, - сказал Лузин и исчез в свою комнату. Через минуту комендант, взяв трубку, попросил разрешения дежурного генерала видеть его по неотложному делу и, получив разрешение, вскочил и вылетел из комнаты, сказав на ходу: "Сейчас возвращусь!"

Приблизительно через час он вернулся и, вытирая вспотевший лоб, сказал:

- Корреспонденты поедут в Быхов послезавтра, поездка будет неофициальной. Вы, Хан, сейчас же отправитесь в Быхов и доложите Верховному обо всем, что вам известно.

Обращаясь к своему второму адъютанту, приказал:

- Я буду во второй квартирмейстерской части, и если меня вызовут иностранцы, то пусть их соединят туда.

Видя, что он уходит, я его остановил и доложил, что мой немедленный отъезд вряд ли возможен, так как я прибыл сюда в 8 часов утра, ничего не ел и не спал, а кроме того, я еще не вручил писем от узников и не получил на них ответы; мне необходимо дать туда и обратно машину, так как лошадей я попаду туда только ночью, а затем, я, ведь, страшно устал...

Выслушав мои резоны и взяв меня за плечи, полковник сказал:

- Хорошо, Хан, вы поедете туда и обратно на дежурной машине, но когда?

Я посмотрел на часы, был 1-й час дня...

- Через час, г-н полковник, а пока я поеду в штабную столовую позавтракать.

- Отлично, Хан. Лузин, дай Хану две бутылки коньяка, чтобы он, бедный, согрелся и подкрепился. Ну, Хан, досвиданья, завтра в девять жду вас здесь.

Сказав это, он вышел.

Получив бутылки, я отправился прямо в столовую, которая была полна военными. При моем появлении ко мне со всех сторон стали подходить офицеры, предлагая сесть с ними, другие поднимали руки, показывая, что за их столом есть место.

За одним столом сидели военные атташе и с ними был полковник Базилевский, который, увидев меня, встал, подошел ко мне и спросил, знаю ли я, что иностранные корреспонденты собираются посетить Быхов, и просил меня сообщить об этом Верховному.

В это время ко мне подошел заведующий столовой и сказал:

- Хан, я вижу, что вам здесь не дадут покоя, пойдите в мой кабинет, обед вам подадут туда, - после чего, взяв меня под руку, увел меня из зала.

В кабинете солдат накрыл чистой скатертью стол и подал мне обед, и через 30 минут я был уже опять у Квашнина, чтобы узнать его мнение относительно предупреждения исполнительного комитета.

- Это дело поручаю вам, - сказал Квашнин, - надеюсь на вашу опытность и сообразительность, а я, ваш покорный слуга, не хочу видеть эту трущобу. Получаемые мною от них горячие души очень скверно отражаются на моем здоровье. Итак, с Богом, - сказал он, взяв меня за плечи.

После этого я отправился в исполнительный комитет солдатских и собачьих депутатов, как их тогда называли. Там был один человек, на которого я надеялся, так как он когда-то нам немного помогал. Имя его было Морковин. Он оказал услугу семье Верховного при выезде ее из Могилева в Москву, достав от комитета пропуск для выезда.

Будучи дальним родственником Таисии Владимировны Корниловой, он, по моему мнению, должен был помочь и на этот раз.

Итак, я отправился к нему.

Он был занят какими-то бумагами. Взглянув на меня и поздоровавшись со мной, он осведомился, в чем дело, а я, взяв стул, подвинулся к нему ближе.

- Ну, как узники? - спросил он меня.

Ответив, что все обстоит благополучно, я начал было излагать причину моего визита, но он перебил меня, говоря, что не все там обстоит хорошо.

"Все пропало!" - подумал я.

- Вы, текинцы, не охраняете их, как требует устав. Они там живут почти на свободе: принимают своих родственников, жен, посторонних посетителей, читают газеты, получают письма, сообщаясь очень свободно с внешним миром. Как вы думаете, по вашему, все это хорошо?

Я не отвечаю - в горле сухо, во рту горячо...

- Я боюсь, - продолжает он себе под нос, - если это будет так продолжаться, то их всех переведут в Петроград, в Петропавловку.

- На следующей неделе у нас маленький праздник, - осторожно замечает я.

- У кого это у нас? - перебивает он меня.

- У текинцев. Вот мы и решили вас, как секретаря комитета, пригласить, чтобы вы познакомились с бытом и традицией степняков, - прямо смотря ему в глаза и наблюдая, какое это произведет на него впечатление, ответил я.

Вижу, что моя лесть подействовала и лицо его просветлело.

- В чем же заключается ваш праздник? - полюбопытствовал он.

- Атчапар, - отчеканиваю я.

- Что это за слово?

- Скачка текинского конного полка.

- Так, а где думаете устроить эту вашу скачку, небось, во дворе тюрьмы?

- Нет, вне его, в поле. Наверное будет много зрителей, отсюда поедут военные корреспонденты - наши и иностранные, - я думаю, что описание скачек для них будет прекрасным материалом. Мы, текинцы, прекрасно показали себя во время войны с нашим врагом, немцами.

- Да, я, кажется, читал где-то, если не ошибаюсь - в Москве, о текинцах... А скажите, вы не можете мне сообщить точно о количестве джигитов в Быхове и Могилеве? - неожиданно спросил он.

Ответив ему, что всего текинцев 4 эскадрона, я опять предложил ему посетить Быхов.

- Спасибо, но мне кажется, что я не могу оставить Могилева, - и мы распрощались.

Выйдя из исполнительного комитета, я не знал, что мне делать от радости по поводу так успешно подготовленной почвы и, почувствовав себя героем и дипломатом, отправился к ген. Дитриксу, к Сапожникову и Новосильцеву.

Вручив все письма, я отправился на вокзал и, запасшись там газетами, вернулся в ставку, где меня уже ждал автомобиль.

- Машину! - крикнул я шоферу-солдату.

Он вскочил за руль, и я, устроившись удобно на заднем сиденье, полетел в направлении к Быхову, где великий узник бесечно сидел,

углубляясь в свои думы и планы и не подозревая, какие новости я ве-
зу ему и сколько неприятных минут пережил преданный ему человек.

- . 0 -

Было 6 часов вечера, когда машина остановилась перед тюрьмой
Выхова.

Когда я вылез из машины, то меня ожидал у ворот вахмистр 4-го
эскадрона Баллар Яронов со спешным и секретным поручением от Ураз
Сердара, командира 4-го эскадрона. Он попросил меня уделить ему 15
минут времени для доклада.

- Хан Ага, меня прислал к тебе Сердар Ага, он хочет знать твое
мнение о том, что ему делать в создавшемся положении. Вчера коман-
дир полка фон Кюгельген получил от Керенского телеграмму, где Ке-
ренский просит его перевести полк из Могилева в Асхабад, где полку
предстоит служба на персидской границе. Кюгельген одобрил план Ке-
ренского и отправился в ставку для выяснения некоторых технических
вопросов, связанных с переброской полка. Сердар просил меня передать
тебе это письмо, а также сказать тебе, чтобы ты немедленно прибыл
в полк для переговоров с ним. Он хочет знать твое мнение, чтобы по-
том согласно с ним переговорить с другими. Я был у тебя на кварти-
ре, но Фока сказал, что ты поехал в Выхов. Я здесь с утра, жду те-
бя.

- Передай привет Сердару и скажи ему, что завтра утром буду у
него. Скажи ему, что его просьбу доведу до сведения Верховного.

Попрошавшись с Балларом, я стрелой полетел внутрь тюрьмы.

Сердар писал:

"Хан, дорогой, пишу тебе эти строки, чтобы ты довел их до све-
дения Верховного. Дело в том, что условия нашей жизни здесь в Лупо-
лове сложились тяжело в смысле жилищного вопроса, скверного снабже-
ния нас продовольствием, ничего-не-делания джигитов и лошадей, весь-
ма замкнутого положения и халатного отношения к своим обязанностям
и людям русских офицеров, неопределенности нашего положения, а са-
мое главное - пропаганды обозников, которые каждый день говорят джи-
гитам: "Чего мы ждем, почему не едем в Ахал, война ведь кончилась.
Не слушайте вы вашего небесного посланника Хана. Он продал вас гене-
ралам из тюрьмы, их песенка уже спета".

"Все это очень беспокоит меня и джигитов.

"Дело дошло до неслыханной для нас, текинцев, степени.

"Потеряв совесть, чиновничество, а главное - дисциплину турк-
мена, мой джигит дерзнул обратиться ко мне в следующей форме:

" - Ты, - говорит, - Сердар Ага, нас доставил на фронт, чтобы
мы воевали против немца - врага Ак Падшаха, которому мы присягну-
ли верностью туркмена, а теперь Ак Падшаха нет, немец не хочет
войны. Керенскому мы не присягали, значит, мы имеем право разъехаться
по домам. Ты вези нас в Ахал к нашим семьям.

"Я ему ответил:

" - Нет, балан (сын), ты сказал все хорошо, но ты не сказал,
кто ты и кто наши предки. Ты не сказал ничего о совести и чести
туркмена и не сказал о силе присяги. Если Ак Падшах ушел, то не
ушла Россия, частью которой мы являемся и частью которой являются
те верные сыны ее которых Керенский, незаконный правитель, интрига-
ми несправедливо бросил в тюрьму.

"Мы сейчас охраняем их по традиции наших предков, чтобы не быть предателями и не отдать их на поругание черни, обманутой пустословием негодяя Керенского.

"Хан вас не продал и не продаст. Он хочет, чтобы ты, ротозей, попавший под влияние обозников, не пошел по их дороге, а вернулся в Ахал, как истинный сын его, и таким честным воином, каким из него пришел сюда.

"Не хочу тебя наказывать, потому что знаю - ты говоришь не своим языком, а языком обозников или же языком георгиевцев. Мы не продадим честь, как это делают они, чтобы заразить тебя и купить твою честь.

"Подождем Хана и послушаем его совета, тогда будем действовать, как он нам скажет."

Письмо это я передал Верховному.

При первом моем появлении в коридоре ко мне подошел ген.Лукомский, спрашивая, что и как с ответом и что нового.

- Ваше превосходительство, вы все узнаете от Верховного, - с этими словами я направился к двери Верховного.

- Постойте, Хан, я ведь ему написал, он должен был немедленно ответить. (Письмо было к Дитриксу). Вы ему вручили? Что он вам ответил? - с этими словами Лукомский меня задерживает:

Подходит к нам мрачный, обе руки в карманах, ген.Деникин в сопровождении генералов Романовского, Вановского и Маркова. Слыша от меня: "Все узнаете от Верховного", они ошеломлены, и на лицах их я читаю знак вопросительный.

Подходят есаул А.Родионов, Аладьин, ген.Кисляков, полковник Пронин, задают вопрос - что случилось?

Генерал Деникин, отзывая меня в сторону, шепчет:

- Хан, если будет в машине место, привезите Ксению Васильевну. На шум выходит Верховный.

- А, Хан! Приехал?

С этими словами, крутя бородку, он подходит ко мне и, обращаясь к остальным, задает вопрос: что за митинг?

Все шарахаются, кто куда, давая дорогу Верховному.

Здесь я должен сказать об обстановке и взаимоотношениях между узниками, создавшихся за время их пребывания в Быхове.

Люди, живя на одинаковом положении, все вместе, под одной крышей, одинаково чувствуя горечь обиды, несправедливость судьбы, чувствуя одиночество, ежеминутную опасность, висящую над ними горькое переживание души, а главное - привыкшие ежечасно, ежеминутно видеть друг друга, начали терять то взаимное уважение, с которым они вошли в Быхов.

Начались взаимные сплетни, при встречах с генералами младшие как бы не замечали их и не проявляли к ним особого уважения.

Генерал Марков по натуре своей был офицером старой русской кавалерии - бесшабашный, море по колено, жизнь радостная, душа нараспашку.

На все смотрел так:

- Ну, что же, случилась беда, надо ее выкурить, давай лучше играть в чехарду.

Он прыгал через людей и люди прыгали через него.

Под конец игры, вытирая лоб и глядя в сторону мрачной группы, состоящей из Деникина и Романовского, начинал кричать:

- Ваня, иди же сюда, Ванюша!..

А Ваня не отвечал, продолжал разговор с Деникиным, который, держа обе руки в карманах, исподлобья глядел на узников.

Единственно, к кому у всех чувства были одинаковы, это был Верховный.

Его любили, уважали, верили и на него надеялись, питая к нему безграничную преданность. Он появлялся без всякой церемонии, как среди генералов, так и среди офицеров и солдат.

Ах, как его уважали и ему верили, и как это чувствовалось всеми, с кем он был в общении.

При его появлении все - от ген.Деникина до солдата Реджеба - одинаково чувствовали его превосходство. Он - лев, все остальные - волчишки и шакала.

Все сидящие и лежащие вскакивали и с затаенным дыханием ждали, что скажет Верховный. Ни шопота, ни вздоха, руки вытянуты по швам, безмолвная команда "смирно".

Он просто подходил к тому, к кому считал нужным, и разговаривал с ним просто на просто, отвечая на вопросы.

Видя, что Верховный говорит с одним из узников, его сейчас же окружали, стараясь ему сказать слово и получить его ответ.

Он привык говорить коротко и ясно, а отвечал - как резал. Во время разговора пронизывал глазами своего собеседника, передавая ему свое спокойствие, уверенность и надежду.

- Ага Хан, когда Улан Бояр говорит со мной, то я чувствую - отец со мной говорит, - признавался мне его вестовой Реджеб.

- Когда со мной разговаривает ген. Корнилов, то я чувствую, что не ошибся, идя за ним, - говорил И.А.Родионов-Донской, писатель, автор книги "Жертва вечерняя".

- Ген.Корнилов настоящий полководец, потому что, не говоря много, дает почувствовать свое дарование, - говорил полк.Тимановский.

- Хан, дорогой, вся надежда на вас. Берегите и охраняйте его для будущей России, а сейчас для нас. Он герой и полководец, а такого человека Россия родит в столетие раз, - говорил мне полковник Симоновский, бравший под командой Верховного недоступную крепость "Орлиное гнездо" в 1915 году.

- Хан, дорогой, храните этого человека, он вам верит, - сказал мне, выйдя от Верховного и идя на смерть (в Петроград), начальник туземной дивизии генерал Крымов.

- Я Сердар и мое сердце чувствует другого Сердара, мы должны поддержать его, - сказал командир 4-го эскадрона Ураз Сердар, помощник командира полка, посылая меня к Верховному. - Хан Балан, моя седая голова поддержит тебя, скажи ему (Верховному), что мы, текинцы, не георгиевцы. Мы его не выдадим на поругание черни, на радость чернолицего ворона Керенского.

Ураз Сердар впоследствии был командующим Закаспийского фронта. Ген. Деникин послал туда ген.Савицкого взамен Ураз Сердара. Сердар ушел, а с ним ушел и Закаспийский фронт...

Итак, я вернусь к той части повествования, на которой остановился, отклонившись в сторону для разбора обстановки и взаимоотношений узников.

Подходя ко мне, Верховный спросил:

- Вы ко мне? Идемте! Вы, господа, простите, что я забираю от вас Хана, - и увел меня в свою комнату.

- Ваше превосходительство, вот это письмо от Ураз Сердара - оно на мое имя, но вы извольте его прочесть.

Верховный взял письмо, углубился в него и долго со вниманием читал. Я думаю, что его, очевидно, затруднял почерк Сердара, так как он ежесекундно подносил листок близко к своим глазам.

Глубокий вздох...

Положив письмо на стол, он поднимается, идет к двери, но затем возвращается и садится так, что я вижу его профиль.

- Ну, что еще у вас?..

Я передаю ему письмо Духонина, он быстро его пробегает, задает мне вопрос, когда приедут корреспонденты.

Я подробно передаю свой разговор с Духониным, о согласии его прислать в Быхов, под предлогом посещения текинской скачки, иностранных корреспондентов, о встрече и разговоре с Морковиным и о своем дипломатическом маневре.

Верховный внимательно слушал меня, сидя на краю стола профилем ко мне, и задумчиво чертил что-то на листке бумаги.

- Их визит сюда с одной стороны желателен, а с другой нет... Впрочем, подождите, Хан, - и он направился к двери.

Я вскочил; когда дверь закрылась, листок упал со стола на пол. Я подошел, поднял его и положил на стол. Глядя на лист, я заметил, что он был испещрен рисунками. Чего, чего только на нем не было начерчено! Бюст женщины с распущенными волосами, голова текинца в папахе, ятаган, дом с дымящейся трубой, солдат, лежащий на земле, рыба и т.д...

Вешел Верховный, а за ним генералы Деникин и Лукомский.

Я собирался выйти, но Верховный приказал мне остаться с ним. Я заметил, что лицо Лукомского стало красным, как рак, а лицо Деникина походило на цвет восковой бумаги.

Они садятся на мой диван-кровать, а мне Верховный приказывает сесть на стул слева от дивана, ближе к Деникину.

- Ну, Хан, повторите все, что рассказывали мне, - приказывает Верховный.

Я повторил от А до Зет.

- Хан, по чьему совету вы пошли в комитет и зачем это вам понадобилось? - спросил меня ген. Деникин нервным тоном и поплевывал в сторону через плечо (это его привычка).

- Ваше превосходительство, я пошел туда по своему почину, никто меня туда не посылал.

- Я пошел туда потому, чтобы они не подумали, что мы их обходим и не желаем признать их авторитет. Просто я не хотел, чтобы они раздражались, а во-вторых, я обещал их пригласить на следующей неделе на праздник, желая отвести их внимание от завтрашнего визита иностранцев. Если бы я сказал им, что скачка будет завтра, то наверное кто-нибудь из них привязался бы к иностранцам, тогда цель визита не была бы достигнута, - закончил я.

- А почему вы не пошли туда с комендантом? - недоверчиво задал мне вопрос ген. Деникин.

Я передал, что мне сказал Квашнин.

- Нет, Хан поступил очень хорошо, - заметил Лукомский. - У него очень богатая натура, - добавил он, беря письмо Ураза из рук Верховного.

- Почва для бунта у текинцев подготовлена, да еще как! Ну и Керенский, такого трудно подыскать, - подавая прочитанное им письмо Деникину, сказал Лукомский. Он покраснел еще больше и начал часто обтирать свой лоб.

- Разве нельзя попросить Духонина, чтобы 4-й эскадрон тоже перебросили сюда? - обратился он Верховному, разводя руками.

Но тот, молча и как бы ничего не слыша, продолжал чертить на том же листе, но потом, как бы пробудившись, сказал:

- Нет, пусть лучше останутся в Могилеве, я уверен, что Сердар удержит текинцев... Вот и Хан тоже поможет...

Глаза его при этом не сходят с хмурго лица Деникина.

Ген.Лукомский, чтобы не мешать чтению письма, поднялся с дивана и подошел к окну, из которого смотрел хмурый октябрьский день, серый и мозглый, нагоняющий тоску и еще более тревожащий взбудораженные нервы.

- Хан, почему вы заблаговременно не предупредили нас? - сказал Деникин, встав со своего места, чтобы положить на стол письмо Сердара, которое, однако, Верховный взял у него и положил на место.

- Ваше превосходительство, я получил это письмо только перед входом сюда. Завтра я обещал быть у него и постараюсь узнать от него новости, - ответил я.

- Их положение незавидное, надо им помочь и помочь немедленно, - сказал ген.Лукомский, садясь на диван.

Ген.Деникин сидел молча, с бледным лицом, глядя на пол.

- Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить, - обратился я к Верховному, который, посмотрев на меня, произнес:

- Ну, ну, Хан, пальните, что еще у вас, - а сам, глядя на сидящих, слегка улыбнулся.

- Мои усилия и моя воля направлены только в одном направлении: довести всех вас до благополучного конца и нам, текинцам, выйти с честью из создавшегося положения. Я работаю в этом направлении, а внутренние дела и улучшение положения людей - это дело командира полка, - закончил я.

- Вот видите, какой у нас Хан. Я Хана просил и одобрил его план с самого начала. Лучше пусть он действует так, как действовал до сих пор. Не надо возлагать на него больше ответственности, - сказал Верховный, а Лукомский, встав и взяв меня за плечи, сказал:

- Спасибо, Хан... Работайте... Мы вас не забудем.

Глядя на меня, Деникин слегка переменил свое положение на диване.

Когда я попросил разрешения выйти, Верховный приказал мне вызвать коменданта Эргарта.

Корридор кишел и шумел, как улей. Из плотного кольца сразу окруживших меня узников неслись встревоженные вопросы:

- Ну, что, Хан? - Как дела, Хан? - Дорогой Хан, что утешительного, все ли обстоит благополучно?

Многие просили сообщить им о том, что было в кабинете и почему я там находился так долго. Подошел ген.Марков, прогуливающийся в компании ген.Романовского.

- В чем дело, Хан, что это за сборище?

- Да вот, мы хотели узнать от Хана новости, - ответил Иван Алексеевич Родионов.

- Лучше спросите его, скольким девчатам он вскружил голову...

Ну-ка, Хан, отвечайте!

Я покраснел и ответил Маркову, что за девочками ухаживать не имею времени.

- Так... - протянул он, - а вот они (кивнув головой в сторону Аладьина и Родионова) на это имеют времени, сколько угодно.

Вызвав своими словами хохот окружающих, он удалился.

- Суровой жизнью утомленные, полезней быть не можем, ваше превосходительство! - крикнул ему вслед Аладьин. Смех и шутки увеличились.

Разыскав коменданта, я явился вместе с ним к Верховному.

- Полковник, - обратился к нему последний, - послезавтра придут сюда иностранные корреспонденты. Они хотят познакомиться с текинским полком. Выведите эскадроны в поле и покажите им эскадронное ученье. Хан вот говорит, что у вас есть джигиты виртуозы, поэтому не мешало бы показать им и джигитовку, - закончил Верховный.

Громко щелкнув шпорами, Эргарт вышел.

Доложив о просьбе ротмистра Шапрона, приехавшего из Петрограда от ген.Алексеева и желавшего повидаться с Верховным, я вышел снова в корридор, в котором уже никого не было, и бросился на скамейку.

Чувствую, как нервы постепенно успокаиваются, и закрываю глаза.

Внезапно пришел в себя - около меня стоит Верховный и спрашивает:

- В чем дело, Хан, не больны ли вы?..

Вскочив со скамейки, отвечаю:

- Никак нет, Ваше высокопревосходительство.

- У вас усталый вид, ну, ничего, потерпите немного... Вы сами знаете, в каком положении мы здесь находимся. Потерпите, пожалуйста. Эти два письма прошу передать по назначению. Ну, с Богом, Хан.

Сказав это, Верховный удалился в свою комнату.

Иду по корридору, который оживает. Открываются двери, подходят люди, слышу возгласы:

- Хан, дорогой... Дорогой Хан...

Получаю письма.

От Эрдели, Кислякова, Родионова, Пронина, Романовского, Маркова и других...

Голодный и холодный, бросаюсь на заднее сиденье машины и мчусь в Могилев...

- Г-н поручик, приехали!

Слышу голос шофера, он улыбается...

- Вы хорошо спали!..

Хан Р.Б.Хаджиев.

(Продолжение следует)

ОТРЯД ПОЛКОВНИКА КУТЕПОВА.
Памяти первых добровольцев.

На просторе южных степей, где когда-то обитали казары, половцы, печенеги и скифы, где до сих пор можно найти фигуры каменных баб на буграх, в степи, в глубоких балках - немые памятники исчезнувших народов; где когда-то татарские орды Чингис Хана и Тамерлана прошли, неся гибель и разрушение; где Царь Петр выковывал Великую Россию, - в конце 1917-го и в начале 1918-го годов разыгрались трагические события, успешный исход которых мог изменить судьбы мира.

Автору этой статьи привелось быть свидетелем и участником первых боев Добровольческой Армии с большевиками.

Немного осталось в живых участников этих боев.

Много воды утекло за эти 44 года - рухнули Великие Империи, погибли миллионы людей, снесены с лица земли города, народы и страны...

- 0 -

После захвата власти большевиками 25-го октября 1917 года казачьи области не подчинились советской власти, им чуждой.

На Дону, Кубани, Тереке, Урале, в Астрахани, Сибири и Оренбурге начали организовываться отряды самозащиты.

Бывш. Верховн. Главнокомандующ. Российской Армии генерал Алексеев прибыл 2-го ноября 1917 года на Дон и начал организовывать отряды по борьбе с большевиками.

Донской атаман генерал Каледин всячески старался помочь генералу Алексееву, но Казачий Круг отнесся недружелюбно, думая сохранить свою независимость, что обещали им большевики, если они сохранят нейтралитет.

Казачьи части возвращались на Дон в полном порядке, с офицерами, орудиями и обозами.

60 казачьих полков и 32 батареи были слишком большой силой, чтобы вступить с ними в бой.

Генерал Алексеев, объявив свою идею борьбы с большевиками и продолжения борьбы с немцами, остался верен союзникам. Немцы и большевики, поняв опасность, которая им угрожала от Алексеевской Организации, всеми силами мешали Алексееву, расходуя огромные суммы денег на подкуп и агитацию. Казакам-фронтвикам внушали, что солдаты-красногвардейцы их братья, а добровольцы хотят восстановить монархию и уничтожить все свободы. Донские части постепенно разлагались, расходились по домам и переходили к красным.

Красные отряды стояли по всей границе Донской Области, выжидая удобный момент, производя восстания в тылу и грабя население.

Два пехотных запасных полка были расположены под Новочеркасском, в Хотунке, четыре полка в Ростове и три полка в Таганроге.

Большевики отдали приказ уничтожить зарождающуюся Добровольческую Армию.

20-го ноября в Новочеркасске 10000 солдат 272-го запасного полка и других полков - собрали митинг.

600 человек добровольцев, наведя орудия и пулеметы, обезоружили их и распустили по домам.

22-го ноября в Ростове было объявлено военное положение. 23-го ноября солдаты четырех запасных полков, стоявших в Ростове, с помощью черноморских матросов, прибывших на вооруженной яхте Колхида и других кораблях, семи напали на казачьи части, охранявшие город.

Генерал Потоцкий, комендант Ростова, с небольшим отрядом 6-го Донского Пластунского батальона, защищался на эвакуационном пункте около железнодорожного вокзала до 28-го ноября.

Казачи решили сложить оружие - генерал Потоцкий, градоначальник Зеелер и другие видные лица были арестованы большевиками.

Когда стало известно о восстании в Ростове, из Новочеркасска был выслан сводный отряд добровольцев, числом около 100 человек.

26-го ноября под Балабановской Рожей произошел первый бой, и добровольцы отступили - наступали тысячи красных. Из Новочеркасска были высланы все имеющиеся силы - всего около 600 человек казаков и добровольцев, а большевиков было 15.000.

У Кизитиринки был бой и красные отступили до Нахичевани, но казаки действовали вяло. Не было боевых припасов и пищи. Отряд был почти окружен большевиками, но подошедший из Таганрога генерал Назаров с 2-мя пушками, 2-мя зарядными ящиками, командой фельдшеров, офицеров, юнкеров-добровольцев - всего 50 человек - орудийным огнем разогнал всех большевиков, обстрелял красную флотилию на Дону, потопив один корабль и принудил большевиков освободить генерала Потоцкого и других арестованных.

Не подозревая численности отряда добровольцев, большевики разбежались, и 2-го декабря добровольцы вошли в Ростов. Все запасные полки, стоявшие в Ростове, были распущены по домам.

30-го ноября есаул Чернецов начал формировать свой отряд партизан - юнкеров, офицеров и учащейся молодежи.

6-го декабря в Новочеркасске прибыл бывший Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, легендарный побег которого из Австрийского плена вызвал взрыв народного восхищения.

Жертва провокации, истинный русский патриот был обвинен в измене и заключен в Быховскую тюрьму по приказу паяца русской революции Керенского. Вышедший из Быхова с Корниловым Текинский Конный полк погиб в неравных боях с большевиками по дороге на Дон.

27-го декабря Алексеевская Организация переехала в Ростов и стала называться Добровольческой Армией. Генерал Корнилов стал во главе ее, согласно приказа ген. Алексеева.

Началась вербовка добровольцев; со всех концов России потянулись на Дон, к Корнилову, все те, у кого горел огонь любви к Родине.

По городу были расклеены афиши, призывающие всех верных сынов России идти спасать страну от большевиков.

"Труба Зовет", "Родина в Опасности" - так начинались призывы ген. Алексеева и Корнилова.

Город был полон офицеров, но желающих поступать в армию было немного. Отозвалась, главным образом, молодежь Ростова, Новочеркасска. Молодые офицеры, юнкера, студенты, кадеты и учащиеся средних учебных заведений.

На улицах появились Корниловцы с черепами на рукавах. Местные большевики поджали хвосты. Одно имя Корнилова вселяло страх и ужас у большевиков. Например, шесть корниловцев разогнали митинг нескольких тысяч готовившихся к забастовке железнодорожных рабочих Главных Мастерских Владикавказской железной дороги, где советские агитаторы разжигали ненависть к Добровольческой Армии.

Несколько человек Московских и Петроградских юнкеров, чудом спасшихся во время большевистского переворота, рассказывали о зверствах и насилиях большевиков над несчастными юнкерами и ударницами — последними защитниками Временного Правительства труса Керенского, бежавшего в Финляндию.

Донские партизанские отряды Чернецова, Семилетова, Грекова и др., общей численностью в 250 человек, совершали чудеса храбрости, борясь с восстаниями местных большевиков в каменноугольном районе.

Донские казачьи полки переходили к большевикам. Красные казаки Подтелков, Миронов, Голубов, Кривошлык, Лагутин и др. открывали дорогу красной армии на Дон.

Полковник Кутепов, последний командир Лейб-Гвардии Преображенского полка, был назначен 30-го декабря 1917 года комендантом города Таганрога; отряд его состоял из 200 человек и двух орудий.

В начале января 1918 года большевики прислали на Дон Латышскую дивизию Сиверса — 20 тысяч человек. Полного состава стрелковые батальоны со своими офицерами, прекрасно вооруженные, обкундированные и дисциплинированные, созданные еще до революции исключительно из латышей, были верными слугами советов.

10-го января 1918 года Латышская дивизия повела наступление и у Матвеева Кургана, в 45 верстах к северу от Таганрога, была дважды отбита с большими потерями небольшим отрядом полковника Кутепова, состоявшим из сводных рот сформировавшихся частей:

- 1-го Офицерского батальона,
- 2-го Офицерского батальона,
- Юнкерского батальона,
- Георгиевского батальона,
- Студенческого батальона,
- Корниловского полка,
- Кавалерийского дивизиона полк. Гершельмана,
- Инженерной роты.

Общая численность отряда была 300 человек.

Ночным налетом на хутор Адабашева были захвачены спящими расседланные два эскадрона красной конницы. Выдав комиссара, они изъявили желание служить в Добровольческой Армии и были оставлены на свободе.

Утром, изменив решение, они ушли к красным.

Потери добровольцев — начальник пулеметной команды подпоручик Андреев.

Под Матвеевым Курганом погиб подрывной поезд поручика инженерных войск Ермолаева от взрыва по неосторожности или злему умыслу.

Начавшаяся железнодорожная забастовка парализовала все движение и чуть не погубила весь отряд Кутепова.

Организованный Ростовским Союзом Инженеров и Техников Военно-Технический Штаб смог наладить железнодорожное сообщение и пустить в ход электрическую станцию и водопровод.

Переодетые техники и добровольцы были посланы по угольным рудникам для скупки динамита, Бикфордова шнура и капсулей.

Было приступлено к устройству броневых поездов, начинке снарядов, ремонту броневых автомобилей и т.п.

Отряд Кутепова, под давлением превосходных сил противника, медленно отступал к Таганрогу. Красными были взяты Денисовка, Ряженое, Неклиновка, Кошкино, Марцево.

По утрам прибывали из дальних разведок всадники дивизиона полковника Гершельмана на измученных, понурых лошадях.

Иногда появлялись донские конные партизаны, юнцы 15-17 лет в новеньких дубленых полушубках, только что захваченных в тылу у большевиков. На воротниках у них химическим карандашом были нарисованы буквы "С" - Семилетовцы.

- 0 -

Древняя греческая колония Танаис, Таганий Рог - Таганрог, где по приказу Царя Петра капитан Матвей Симонтов построил в 1709 году порт, за что и был награжден золотой медалью - "За Дело Гавани".

Провинциальный город с большими кожевенными и сталелитейными заводами гордился своим славным прошлым.

Старинный Петровский парк с аллеей двухсотлетних дубов, посаженных самим Петром. Главная улица - Петровский Проспект, с прекрасным памятником Петру, лицом к заветному морю. На мысу - реликвии былой славы России - старинные пушки, кучи ядер, огромные якоря, по преданию - кованные самим Петром. Скромный дом, где жил Император Александр 1-й до своей смерти или ухода от мира в 1825 году. Домик Чехова, где великий писатель так ярко описал жизнь русской провинции.

В городе было 25.000 рабочих, стояло три запасных пехотных и кавалерийский полк.

Сбор в пользу раненых добровольцев дал 40.000 рублей - из них 30.000 дал грек-коммерсант. Городское самоуправление ассигновало 40.000 рублей, но белья, хранившегося на складах Земского Союза, не дало.

В гарнизоне города была Школа Прапорщиков - 3-ье Киевское Военное Училище, начальником которого был полковник Мастыка, потерявший на войне пальцы на одной руке. Полковник Мастыка и 125 юнкеров помещались в здании Петровской гостиницы, а еще 125 юнкеров - в Коммерческом клубе.

Медленно отступая к Таганрогу, отряд Кутепова чуть не погиб полностью.

В тылу, в Таганроге, 17-го января 1918 года, в 3 часа дня произошло восстание большевиков. Патрули, часовые и небольшие отряды, охранявшие железнодорожный вокзал, склады и другие правительственные места, были предательски убиты. В городе погибло более 300 офицеров и юнкеров, но захватить врасплох Военное Училище большевикам не удалось. Юнкера отбили все нападения большевиков.

Имея небольшой запас провизии и оружия, но без воды (большевики выключили воду в первый же день осады), - юнкера оказались в тяжелом положении.

Большевики подвезли орудия и день и ночь обстреливали здания, занимаемые юнкерами, разрушая все окружающее.

Убедившись, что юнкеров им не победить, большевики с радостью ухватились за предложение Комитета Общественных Организаций г. Таганрога о перемирии. Дабы не подвергать опасности мирное население и избежать разрушения города, Городская Дума, Земский Союз и другие организации предложили большевикам выпустить юнкеров из города с оружием в руках.

В начале большевики отвергли это предложение, а потом согласились.

После клятвенных заверений, с гарантией общественных организаций, что большевики исполняют условия перемирия, полковник Мастыка, находившийся в безвыходном положении и узнавший, что ждать помощи от полковника Кутепова безнадежно, согласился на перемирие. Выход был назначен на 22-ое января. Юнкера вышли строем на улицу и двинулись к окраине города.

Большевики, под прикрытием заборов и домов, открыли ружейный и пулеметный огонь по юнкерам. Произошла кровавая расправа. Ни один юнкер не сдался в плен. Живыми из города вышли 7-8 человек.

Юные герои пали в неравной борьбе, сражаясь до последнего издыхания. Над ранеными совершались чудовищные издевательства, над трупами надругания.

Были мобилизованы жители для рытья общей могилы, и все убитые, 141 человек, сброшены в нее.

Глубокой ночью несколько тяжело раненых, принятых за убитых, пришли в себя. Некоторым из них удалось выбраться из неглубокой могилы и расползлись по кладбищу. Одни из них укрылись в склепах на кладбище, некоторые нашли приют в лачугах бедноты, ютившихся около кладбища. Выжило из них только три человека.

- о -

Полковник Кутепов, с большим трудом отбивавшийся от атак Латышской дивизии, услышав орудийную стрельбу в городе у себя в тылу, почувствовал, что там неладно, от перебежчиков узнал о случившемся восстании и осаде юнкеров.

Из Таганрога большевики большими силами стали наступать на отряд Кутепова, попавший в тиски. Всею отряду грозила гибель, но, по счастью, узнав о существовании железнодорожной ветки от Карцова до Безсергеновки, минуя Таганрог, отряду удалось отступить по ней, увозя поезд Штаба, раненых, скудные запасы снарядов и патронов, две пушки и весь личный состав отряда.

О Таганрогской трагедии в отряде Кутепова узнали на ст. Безсергеновка (первая станция от Таганрога к Ростову) через день от старушки - матери железнодорожного телеграфиста, ушедшего с отрядом Кутепова.

Не найдя своего сына среди убитых юнкеров, старушка под пулями перешла фронт и нашла сына здоровым и невредимым.

В селе Безсергеновке был обнаружен телефон, корректировавший стрельбу большевиков. Доброволец офицер-наблюдатель сидел на трубе цементного завода, находящегося поблизости от станции, и корректировал стрельбу двух пушек добровольцев, изредка отвечая меткими попаданиями на сотни выстрелов большевиков.

30-го января сводную роту Корниловского полка сменила офицерская рота штабс-капитана Зарембы - 120 человек, 2 пулемета.

Война велась вдоль полотна железной дороги. Красные большими отрядами заходили с флангов по льду замерзшего Азовского моря и в обход железной дороги. Все ночные обходы красных по льду моря кончались неудачно. На зеркальной поверхности моря даже в темные ночи видны были отдельные фигуры людей, слышна была команда на чуждом языке.

Подпустив латышей поближе, перекрестным огнем добровольческих пулеметов отряды большевиков уничтожались до последнего человека. Гладкая поверхность льда не давала никакого укрытия.

Глубокие обходы со стороны железной дороги с опасностью ее перереза, ввиду малочисленности отряда, принуждали Кутепова к отступлению.

Красные бронепоезда являлись главными грозными противниками. Имевшиеся в отряде трехдюймовые пушки не могли состязаться с шестидюймовыми морскими дальнобойными орудиями бронепоездов.

При отступлении подрывной взвод Корниловцев методично взрывал все мосты, водосточные трубы, рельсы и стрелки.

Красные, заняв местность, в спешном порядке чинили мосты, заменяли рельсы. Ночью небольшие отряды добровольцев пробирались в тыл большевиков и взрывали все исправленное.

Красные быстро освоились с положением и стали устраивать засады у мостов. После нескольких печальных вылазок добровольцы, разгадав замыслы красных, сначала находили и уничтожали заставы врагов, а затем уже и железную дорогу.

Штаб Кутепова, все запасы оружия и провизии помещались в поезде - 12 пассажирских вагонов, несколько товарных и одна платформа, на которой перевозили орудия.

Все части на отдыхе жили, спали, ели в поезде. Кормили неважно: утром чай, два куска сахара и ломоть хлеба. На обед борщ с куском мяса, вечером чай и хлеб.

В свободное время развлекались, сидя в самых безопасных местах - в поезде или в железнодорожных станциях, являвшихся главными целями артиллерии красных. Не было ни одного случая попадания в цель!

Пели по вечерам песни, сидя в полутемных вагонах. Иногда прибегал адъютант полковника Кутепова и просил прекратить пение: в Ростов передавали сводку Штаба - тогда можно было узнать все новости: "Наличный состав отряда - 265, убитых 2, раненых 6; немедленно прислать трехдюймовых снарядов, патронов и динамита. Красные непрерывно заходят с севера. Идут упорные бои".

Через два дня большевики, починив полотно железной дороги, снова начали обстрел бронепоездами.

Между Бессергеновкой и Марцевым был только один небольшой мостик через речку "Самбег" ("Сам" Царь Петр, построив первый корабль, спустил его по реке). Видимо, большевики его починили.

Были вызваны охотники пробиться в тыл красных и взорвать снова этот мостик. Нашлось 5 подрывников под командой поручика Серебрякова, вызвавшихся на это опасное дело.

Была найдена железнодорожная дрезина, приводившаяся в движение руками. С трудом 6 человек поместились на маленькой вагонетке, погрузив тяжелый мешок с динамитом.

В ясное прохладное утро подрывники двинулись в путь.

В тот год была бесснежная зима. Проехали мимо железнодорожной будки, занятой нашими; на крыше сарайчика лежали два корниловца, изредка стрелявшие по красным цепям, долго целясь.

По дороге решили разгрузить часть динамита, чтобы не таскать с собой тяжелого мешка, так как, исполнив главное задание - взрыв моста - нужно было еще взрывать полотно железной дороги. С собой было взято лишь столько, сколько казалось достаточным.

Не успели выехать на степной простор, как большевики открыли огонь; дрезина понеслась с невероятной быстротой. Многочисленные цепи красных, находившиеся в версте от железной дороги, открыли пулеметный и ружейный огонь, боясь однако выйти наперерез.

Запели свою нежную песню смерти русские трехлинейные пули, зажужжали, как жуки, страшные пули Гра. Французские ружья системы Гра, времен Франко-Прусской войны 1870 года, были проданы нашими милыми союзниками России во время войны, когда русское правительство лихо-радочно закупало все оружие на мировом рынке для борьбы с немцами.

Большевики нашли несколько тысяч этих ружей в Таганрогском арсенале. Пули были размером в палец и причиняли ужасные раны.

Вот и 62-ая верста, вот и мостик через Самбег. Дрезина стаскивается с рельс за небольшую насыпь. В ровной степи дрезина слишком хорошая цель для красных.

Пока три добровольца отстреливаются от наступающих красных, поручик Серебряков с двумя добровольцами прикрепляют пачки динамита к устоям и балкам моста.

Все готово, зажжен Бикфордов шнур, все бегут в стороны за прикрытием насыпи.

Страшный взрыв, на который большевики уже отвечают орудийным огнем. Снова все бегут к мосту осмотреть разрушение и - о ужас! - мост не разрушен. Покоробило рельсы, вывернуло несколько шпал и балок, но мост мало поврежден.

Нужно срочно ехать за оставленным в запасе динамитом.

Кто хочет? Выходят двое.

Под градом пуль дрезина вытаскивается на рельсы и начинается гонка со смертью. Огонь всех красных орудий и пулеметов сосредоточен на дрезине. Снаряды рвались со всех сторон. Пули шлепались о рельсы, о колеса дрезины, свинцовая пыль больно впивалась в руки и лицо. Дрезина неслась, как на крыльях.

Оставшиеся у моста, увидев неминуемую гибель дрезины, открыли частый огонь, чтобы отвлечь на себя огонь красных.

Вот и знакомые кусты, где был оставлен динамит. Болят руки, грудь, плечи и ноги. Несколько минут отдыха и снова в путь - в ад!

Дрезина вылетает из прикрытия кустарника, и огонь красных переносится на нее. Но - милостив Бог - дрезина подкатывает к мосту.

Дружеские руки подхватывают обессилевших ездоков.

Наконец, мост разрушен окончательно. Никто не хочет возвращаться на дрезине, предпочитая возвращаться вдоль железнодорожной насыпи, но красные заметили движение и пошли наперерез - сотни против шести. Единственное спасение - дрезина; снова все размещаются, и начинается такой обстрел, что все предшествовавшее кажется детской забавой. Теперь вся красная артиллерия, расположенная кольцом у самого Таганрога, открыла ураганный огонь, красные пристрелялись и снаряды рвутся на рельсах.

Каждые сто сажень остановка, пачки динамита прикрепляются к стыку рельс. Местами предупредительные красные артиллеристы уже разрушили полотно. Дрезина тащится на руках.

Был ясный день. Как на ладони, был виден Таганрог, красные батареи, цепи наступавших большевиков.

Добровольцы отряда Кутепова, желая отвлечь внимание красных от обреченной дрезины, открыли частый огонь и местами пошли в наступление. Наконец, выбрались из ада. Полковник Кутепов встретил возвратившихся подрывников. Назвав их молодцами, Кутепов был поражен, когда узнал, что все вернулись невредимыми, никто не был ранен, только волдыри на ладонях напоминали о происшедшей гонке со смертью.

Поправки к № 12 "В.П."

- Страница 5: Пропущена фраза между строками 6-й и 7-й - "23-го марта 1914 г. И.Д.Генерала для поручений при командующем Войсками Киевского Военного округа".
- " 9: 9-ая строка снизу: вычеркнуть "бы" в конце строки.
- " 13: Строка 29 - следует читать: "...также помню ген.Маркова в белой папахе, когда он вышел навстречу красному бронепоезду...
10-ая строка снизу следует читать: "ген. Марков отошел в сторону..."
- " 18: 36-ая строка сверху следует читать: "...починить всю эту массу..." (в смысле исправить, чинить, привести в порядок).
- " 19: 24-ая строка следует читать: "...поджидая своего связного офицера из штаба корпуса..."
- " 23: В конце письма Войск.старшины А.Скрылова следует читать: "...посвященный генералу А.И.Деникину".

- - оОо - -

В Редакции имеется ограниченное количество полных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год от № 1 до № 12 включительно. Стоимость комплекта с пересылкой 3 дол. 50 ц.

Отдельные №№ 1 - 12 - цена 30 ц.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Годовая подписка на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" - 3.00 доллара в год. Цена отдельного номера - 30/с.

- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА".

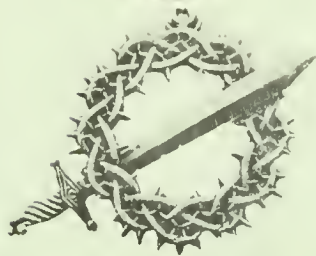
- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч, Н.Прюц и Ф.Пухальский.

Главный Редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 14

Н О Я Б Р Ъ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- 000 - -

ПРИКАЗ ДОВОЛЬНОЧЕСКОЙ АРМИИ.

Сел. Лежанка.

№ 237

19 апр. 1918 г.
22 час. 30 мин.

1. Противник силою примерно до 2.000 пехоты при 6 орудиях ведет наступление на ст.Егорлыкскую, охватывая станицу с запада.Большевики, сосредоточившись в Белоглинской, активности не проявляют. Части, занимавшие сел.Лопанское, сегодня утром под давлением бригады ген.Маркова бежали на Песчанокоспскую.

2. Завтра 20-го апреля приказываю ударить по группе противника, ведущей наступление на ст.Егорлыкскую, и разбить эту группу.

а) Г.-М.Богаевский - 2-ая бригада (без чехословацкого бат-на) и Кубанский конный полк выступить из Лежанки в 2 часа и, следуя долиной балки Водяной и затем на хут.Лисицына, ударить в тыл противника.

б) Полковник Глазенац - 1-й Конный полк, Кубанский пластунский бат-н и ополчение ст.Егорлыкской - активно оборонять ст.Егорлыкскую, а с подходом ген.Богаевского перейти в наступление и гнать противника к Северу.

в) Г.М.Покровский - 3 сотни наступать в указанном особой директивой направлении и захватить Гуляй-Борисовку.

3. Г.М.Маркову - 1-ая бригада - оставаться в сел.Лежанка, прикрывая ее с востока и юга, для чего немедленно один батальон перевести на южную окраину селения и сменить заставы Г.-М.Богаевского.

4. Ген.Эрдели - Черкесский конный полк и разъезд Кубанского конного полка - вести разведку в прежних направлениях.

5. Штаб Армии остается в Лежанке.

Подлинный подписал
Ген.Лейт. Деникин.

Верно: Ген.Шт.Подполковник Терванов.

(Из архива ген.Алексеева).

ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ И.В.АЛЕКСЕЕВ
Верховный Главнокомандующий Российской Армии, основатель
и руководитель Добровольческой Армии.

К 105-летней годовщине рождения
1857-1962

3-го (16-го) ноября с.г. исполняется столетилетняя годовщина со дня рождения генерала Михаила Васильевича Алексеева, этого выдающегося ученого, талантливого полководца, большого патриота, мудрого государственно мыслящего человека, основателя Белого Движения.

Сын героя славной Севастопольской обороны штабс-капитана 64-го пех.Казанского полка, бывшего крепостного, выслужившегося из рядовых, и жены его, урожденной Галаховой, образованной женщины, привившей сыну стремление к учению и любовь к Родине.

С детства впитавший воинский дух, глубоко религиозный, в высшей степени скромный, он без всяких протекций, исключительно благодаря своим незаурядным способностям, талантливости, трудолюбию, настойчивости и энергии из скромного армейского прапорщика достиг высоких ученых степеней, высоких штабных и командных должностей и, наконец, поста Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего - Государя Императора, то есть фактически стал Верховным Главнокомандующим всех Вооруженных сил в 1-ую Мировую войну.

Не окончив гимназии, Михаил Васильевич поступил вольноопределяющимся во 2-й Ростовский Гренадерский полк, а оттуда в Московское Юнкерское училище, которое окончил одним из первых в 1876 году. В чине подпрапорщика он был назначен во 2-й Ростовский Гренадерский полк. Вскоре по производстве в чин прапорщика по своему желанию был переведен в 64-й Казанский полк, в котором служил еще его отец.

В русско-турецкую войну, участвуя в сражениях под командой легендарного генерала Скобелева, был под Плевной ранен в ногу. За свою находчивость и расторопность назначается ординарцем к генералу Скобелеву. За храбрость и проявленное мужество награждается орденами Св.Станислава и Св.Анны 3-й степени.

Пробыв в строю 11 лет, Михаил Васильевич в чине штабс-капитана поступает в Академию генерального Штаба, которую оканчивает в 1890 году первым с награждением Милютинской премией. Производится в чин капитана, переводится в Генеральный Штаб с назначением на службу в Главный Штаб и в то же время преподает военные науки в Петербургском Юнкерском и Николаевскомкавалерийском училищах и читает лекции в Академии Генерального Штаба.

Заслуживает большого внимания его доклад о вооруженных силах Японии, представленный в 1894 г. Военному Министру. В этом докладе он в точности определил силы Японии, что и выяснилось во время Русско-Японской войны.

В 1898 году полковник Алексеев экстраординарный, а с 1901 года ординарный профессор истории военного искусства в Академии Генерального Штаба. В 1900 г. он назначается на должность начальника отдела Главного Штаба и в 1901 году был произведен в генерал-майоры.

В 1904 г. по личному желанию принимает добровольно участие в Русско-Японской войне, занимая должность генерал-квартирмейстера штаба 3-й Маньчжурской Армии.

10-го января 1905 г. за боевые отличия был награжден золотым оружием.

ОСНОВАТЕЛЬ И ВЕРХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

„Мольба о
сильной, крѣп-
кой власти, думаю,
есть общая мольба всѣхъ
любящихъ Родину и ясно

отдающихъ
себѣ отчетъ объ
истинномъ ея поло-
женіи“.

Слова генерала АЛЕКСѢЕВА.

ГЕНЕРАЛЬ
МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
АЛЕКСѢЕВЪ

† 25го СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА.

23-го ноября 1905 г. получил орден Св. Станислава 1-й степени с мечами.

В одном из сражений с японцами разорвавшимся снарядом генерал Алексеев был выброшен из седла, чудом уцелел, но лошадь под ним была убита.

Возвратясь с войны, продолжает быть профессором Академии и в то же время занимает ответственную должность 1-го Оберквартирмейстера Главного управления Генерального Штаба, где усиленно работает по вопросам подготовки России к войне, планов войны и разработки стратегических операций.

В 1908 году, 24 марта, за отличие по службе производится в генерал-лейтенанты с назначением начальником штаба Киевского Военного округа. Здесь его творческая оперативная работа состояла в разработке планов и подготовке стратегических операций в предполагаемой войне с Австро-Венгрией, так как, согласно мобилизационному плану, он предназначался на пост Начальника штаба Юго-Западного фронта.

Предложенные генералом Алексеевым на съезде начальников военных округов изменения мобилизационных планов были одобрены и частично проведены в жизнь к началу войны 1914 года.

В итоге, занимая должности начальника оперативного отдела 1-го Оберквартирмейстера Ген. Штаба, генерал-квартирмейстера Армии и начальника штаба Киевского Военного округа, генерал Алексеев приобрел огромный стаж теоретической и оперативной подготовки в управлении вооруженными большими силами в 1-ую Мировую войну.

Генерал Головин, автор многих военных трудов, дает такую характеристику генералу Алексееву, как офицеру генерального штаба:

"Генерал Алексеев представлял собою выдающегося представителя нашего Генерального Штаба. Благодаря присущим ему уму, громадной трудоспособности и военным знаниям, приобретенным одиночным порядком, он был на голову выше остальных представителей Русского Генерального Штаба".

Генерал Алексеев был назначен в 1912 году командиром 13-го Армейского корпуса, а с началом войны 1914 года занял должность Начальника Штаба Юго-Западного фронта.

За блестящие успехи в "Трехнедельной Галицийской Битве", в результате которой была занята Галиция со столицей Львовом, с переходом Русских войск через Карпаты в Венгерскую долину и продвижением к Кракову, которые были заслугой полководческого таланта генерала Алексеева, он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в генералы от инфантерии.

В 1915 году, после падения Перемышля, ген. Алексеев был назначен Главнокомандующим Северо-Западного фронта, который был ослаблен и расстроен боями и неудачами 10-й армии и гибелью 20-го корпуса в Августовских лесах. Ген. Алексеев энергично приложил все меры к восстановлению боеспособности войск фронта, пополняя ряды новыми укомплектованием и снабжая их артиллерией, а также привел в порядок тылы и тыловые позиции, создал резервы, укоротил некоторые участки фронта и отвел в тыл поредевшие дивизии. Таким образом, приведя в порядок фронт, он имел в это время в своем подчинении 37 армейских корпусов, то есть почти две трети всех вооруженных сил, и главная роль на всем театре военных действий перешла к генералу Алексееву.

23 августа 1915 года Император Николай 2-й, ставший во главе Российской Армии, назначил своим начальником штаба Ставки генерала Алексеева, который фактически стал руководителем всей Российской Армией.

20-го ноября 1916 года генерал Алексеев, измученный и утомленный непрерывной ответственной работой в Ставке, заболел и по настоянию врачей отправился на лечение в Севастополь, но уже 17-го февраля 1917 года вернулся в Ставку и погрузился в разработку планов больших операций, которые тогда намечались союзными Главными Штабами к предстоящему генеральному сражению на всех союзных фронтах против Германии в апреле 1917 года.

Несмотря на то, что здоровье его не восстанавливалось и он снова заболел, он продолжает все же работать в Ставке.

Февральская революция с ее последствиями разрушила Русскую Армию, и вся огромная работа по намеченному ген.Алексеевым плану не могла быть осуществлена. Генерал Алексеев был лишен возможности показать свой полководческий талант до победного конца.

27-го февраля 1917 года генерал Алексеев, не оправившийся еще от болезни, был вызван к Государю. Желая покинуть в дни революции Ставку, Государь упомянул об этом генералу Алексееву, который умолял Императора не делать этого в виду тревожных событий в Петрограде, но Государь был непреклонен в своих решениях и сказал, что он едет лишь на два дня повидать свою семью.

Генерал Алексеев, почувствовав, что его уговоры тщетны, стал на колени перед Государем, умоляя во имя России не покидать Ставки, но его мольбы были напрасны. Этот эпизод показывает, как точно генерал Алексеев оценивал обстановку тех тревожных дней.

Государь уезжает ночью 27-го февраля из Могилева, а на другой день подписывает в Пскове отречение от престола. Перед отречением он назначает Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим, а генерала Алексеева - Начальником штаба.

9-го марта 1917 года Временное правительство отрешает Великого Князя Николая Николаевича от должности Верховного и назначает на эту должность генерала Алексеева. Приказ о назначении обнародован Временным правительством 2-го апреля.

Но его речь - открытая и обращенная ко всей стране, охарактеризовавшая положение в Армии и его опасения за будущее, произнесенная им на офицерском съезде при Ставке 7-го мая, - послужила Временному правительству поводом для его отставки, и через две недели, 22-го мая, он был снят с поста Верховного и отбыл в распоряжение Правительства в Петроград.

В тот же день в газетах появилось официальное сообщение Правительства:

"Несмотря на естественную усталость генерала Алексеева и необходимость отдохнуть от напряженных трудов, было признано все же невозможным лишиться ценного сотрудника этого исключительно опытного и талантливого вождя, почему ген.Алексеев и назначен ныне в распоряжение Временного правительства".

Таков официальный "мотив" ухода вождя с поста для успокоения Армии и общественного мнения.

Но в заседании Совета рабочих и солдатских депутатов г.Керенский на вопрос, как он реагировал на речь ген.Алексеева на офицерском съезде в Ставке, ответил, что ген.Алексеев уволен, чем весьма

утешил большевика Розенфельда (Каменева), который выразил полное удовлетворение принятым решением, что соответствовало неоднократным пожеланиям и самого Совета.

Верховный Главнокомандующий генерал Алексеев издал прощальный приказ по Армии, который гласит:

"Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути Русской Армии. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в призвание русского народа и в доблесть русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родной земли.

Низкий поклон от старого солдата и бывшего вашего Главнокомандующего.

Не поминайте лихом!

Генерал Алексеев".

Генералу Деникину, Начальнику Штаба Ставки Верховного, высказывает с несомненной уверенностью мысль, что придется снова взяться за работу, ибо все скоро рухнет.

- Вы согласны, Антон Иванович, тогда опять работать вместе?

События последующих месяцев показали, что прогноз генерала Алексеева был верен.

Со сцены лишь временно сошел крупный государственный и военный деятель. Он усиленно готовился к последующим событиям.

Он продолжал, будучи в распоряжении Временного правительства, принимать участие в тех или других вопросах, к которым его привлекали. Так, например, в попытках восстановления Армии, в совещании при Ставке 16-го июля, собранном А. Керенским при участии министров и главнокомандующих фронтами, на предмет выяснения действительного состояния Армии вследствие июльского разгрома и направления военной политики будущего.

Прибыв на это совещание больным, он и тут в своей речи заново высказал свои опасения, обрисованные им до его увольнения с поста Верховного, и ярко охарактеризовал положение тыла и состояние запасных частей в тылу фронтовой Армии.

Как известно, попытки высшего командного состава Армии, присутствовавшего на этом совещании и тех, кто по обстановке фронта не могли прибыть (среди них ген. Корнилов, главнокомандующий Юго-Западного фронта), но прислали свои пожелания, не увенчались успехом, ибо Керенский, закрыв совещание своей демагогической речью, обвинил командный состав Российской Армии, видевший, по его словам, поражение исключительно в революции и ее влиянии на русского солдата, и в тех "реформах", которые проводились им в Армии.

Московское Государственное совещание 14-го августа. Все полны надежд. Выступление на нем генерала Алексеева и других военачальников. Но оно прошло и не внесло никаких перемен в государственную и военную политику.

Наоборот, государственное здание, имея уже глубокие изъяны, подтачивалось и дальше и грозно начало трещать...

Затем последняя попытка - выступление 27 августа 1917 г. ген. Корнилова.

Генерал Алексеев в Петрограде. Готовится к близким событиям. Готовится к борьбе и вырабатывает свои планы в тиши.

Больной, слабый физически, но сильный духом и неугасимым горением любви к гибнущей Родине, при захвате власти большевиками приступает немедленно к началу борьбы.

Согласно выработанного им заранее плана, он отбывает на юг России, на Дон. Туда должны стечься и те, кому он дал соответственные директивы. Туда придут и быховские узники, с которыми он непрерывно держал контакт.

В Новочеркасск он прибывает 2-го ноября и немедленно приступает к организации вооруженной борьбы.

День 2-го ноября - день основания "Алексеевской организации" - считается днем зарождения Добровольческой Армии.

С этого дня, под его Верховным Руководством, началась героическая борьба белых воинов на юге России.

Первый Кубанский или Ледяной поход...

В нем решалось - быть или не быть.

Потеряв своего командующего Вождя генерала Корнилова, небольшая по численности Добровольческая Армия вырвалась из тесного кольца многочисленного противника, понесла большие потери, и окровавленная залечивала свои раны в донских степях с тем, чтобы снова своими небольшими силами ринуться на поработителей Родины в свой Второй поход по тем же стопам, как и в первом, имея целью приобрести необходимый ей плацдарм для своего разворачивания и перехода к борьбе в Обще-Государственном масштабе.

Руководимая ген.Алексеевым, под непосредственным водительством ген.Деникина, она выполнила свою задачу, дойдя до берегов Черного моря, установив связь с Западной Европой.

Но не судьба была генералу Алексееву продолжить дальнейшую борьбу за честь и возрождение горячо любимой им Родины.

В скорости по завершении Второго похода, 25 сентября 1918 г., в гор.Екатеринодаре, он ушел от нас в лучший мир.

А.Долгополов.

Использованные материалы: "Очерки русской смуты" ген.Деникина; "Галлиполиец", ноябрь 1957 г.; "Белая Россия", альбом № 1 и другие.

- - оОо - -

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ ЧЕСТИ.

Похороны убитого в бою 25 июня генерала С.Л.Маркова сопровождал 1-й Общармейский полк, находившийся в то время на отдыхе в Новочеркасске. Я стоял в трех шагах от могилы и от генерала Алексеева. Когда гроб был опущен в землю, генерал Алексеев, став на одно колено, обратился с коротким словом к матери убиенного генерала:

- Благодарю вас, матушка, от имени Земли Русской за то, что вы воспитали сына - рыцаря без страха и упрека!..

Потом он встал и продолжал свое надгробное слово настолько патристическое и драматическое, что масса народа, стоявшая у могилы, поголовно плакала.

Д.Марченко.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В настоящем номере, посвященном памяти основателя и Верховного руководителя Добровольческой Армии генерала М.В.Алексеева по случаю 44 лет со дня его смерти, мы помещаем также отрывок из воспоминаний бывшего офицера конвоя генерала Алексеева, штаб-ротмистра М.К.Борель, в котором автор правдиво и образно повествует о последних днях земной жизни его, кончине и похоронах.

Этот отрывок из воспоминаний М.Борель нигде не был опубликован и впервые появляется на страницах нашего журнала. Он несомненно послужит ценным материалом для истории Белого Движения.

- 0 -

25-ое СЕНТЯБРЯ 1918 г. (8/X по нов.ст.)

Состояние здоровья генерала Алексеева с каждым днем ухудшалось. Наступившее было улучшение снова исчезло, и многие уже начали опасаться за его жизнь. А последняя была особенно драгоценна для армии. Ведь им она жила; его вдохновением, его высоким духом и верой в будущее она разбивала сейчас противника. И если бы вдруг не стало его, то морально это отразилось бы в сильной степени.

Кровати своей он уже не покидал. И если нужны были какие-нибудь совещания, на которых его присутствие было необходимо, то генералы Деникин или Романовский принимались им обыкновенно у постели.

- Что я буду делать без Михаила Васильевича? - часто говорил в эти тревожные дни генерал Деникин, - ведь я же только солдат и только по солдатски умею решать политические вопросы!..

Трудно было генералу Алексееву даже подумать, что он расстанется со своим детищем. Часто во время болезни, когда чувствовалось некоторое улучшение, генерал требовал блокнот и что-то усердно записывал. Даже болезнь не могла оторвать его от привычного труда.

Но грозная и жестокая судьба решила иначе. Она не прислушивалась к нашим молитвам, пренебрегала нашими мольбами и твердо вела по предначертанному пути. Лекарства, лечение и внимательный уход - ничто не помогало, здоровье ухудшалось. Генерал невыносимо страдал. Он уже ничего не мог ни есть, ни пить, от одной ложки чая его тошнило. Доктора он почему-то ненавидел и каждый раз, когда тот входил в комнату, он его гнал и просил оставить его в покое.

Воспаление легких было в полном разгаре. Числа с 20-го сентября все ходили, повесив головы. Дежурные не спали в течение всей ночи и один за другим ездили за кислородом в Войсковую аптеку.

24-го вечером был приглашен священник. Еще в прошлую болезнь, в Могилеве, принятие Святых Тайн сразу вернуло ему жизнь. Надеялись, что и теперь Причастие поможет ему восстановить здоровье.

Приехал генерал Деникин и еще до прибытия священника просидел у постели больного, очевидно, мысленно прощаясь с умирающим.

В это время генерал Алексеев передал своему непосредственному сотруднику генералу А.М.Драгомирову всю кассу Армии, которую бережно хранил у себя. Он чувствовал приближение смерти, чувствовал, что придется скоро навсегда расстаться со своим детищем. С

великой скорбью на уже угасающем челе генерал передал денежный ящик.

В ночь с 24-го на 25-ое почти никто не спал. Приходилось каждый час поочередно ездить за кислородом, за лекарствами и за врачами. Но все это не помогало, жизнь генерала клонилась к концу. Часов около 6-ти утра наступила агония. В 7 часов пришла моя очередь ехать за кислородом.

- Только потропитесь, - сказал мне ротмистр Шапрон, когда я садился в автомобиль. - Генералу нехорошо, а последняя подушка приходит к концу.

Быстро пролетели мы с прапорщиком Слюсаревым, шофером генерала, по улицам просыпавшегося города, забрали, для скорости, весь сосуд с кислородом и часам к 8-ми вернулись в штаб. У балкона к нам навстречу вышел ротмистр Шапрон.

- Не надо уже больше ничего, - грустно сказал он, - генерал только что скончался!

Эти слова подействовали на меня ужасно. Точно оборвалось что-то в сердце. Почувствовалась какая-то пустота, и трудно было владеть собой. При встречах все молча расходились, и никто не имел ни силы, ни даже желания говорить.

В штабе корнет Крупин сразу передал нам различные распоряжения и разослал нас во все концы города с извещением о смерти, о первой панихиде, с приглашениями священников и т.д.

На улицах, почти на всех углах, были уже расклеены траурные объявления о кончине генерала (около 9 часов):

"25-го сентября в 8 часов утра скончался после долгой и тяжелой болезни (от крупозного воспаления легких) Верховный Руководитель Добровольческой Армии генерал-от-инфантерии Михаил Васильевич Алексеев..

Комендант Главной Квартыры Полковник Корвин-Круковский".

В 2 часа дня была назначена первая панихида. Так как комната, в которой скончался генерал, была слишком мала для вмещения того количества народа, которое ожидалось на панихиде, то тело было перенесено в зал. Гроб был поставлен в левом, противоположном от входных дверей углу. Зал был убран в темные тона, а гроб утопал в зелени и цветах, принесенных многочисленными русскими людьми, пришедшими в последний раз поклониться своему усопшему вождю. У гроба стоял все время офицерский караул, который сменялся каждые полчаса, дабы дать возможность представителям всех полков отдать последнюю дань своему любимому полководцу.

Через опущенные жалюзи робко пробивался в зал луч осеннего солнца и боязливо прятался в мягких складках ковра. Пахло ладаном. И монотонный голос монахини-чтицы еще более усиливал величественность гробового молчания.

На панихидах, служившихся по несколько раз в день, собиралось много людей. Присутствовали и генералы, и офицеры, дамы, казаки, рабочие и крестьяне. Зал был слишком мал, чтобы вместить всех, пришедших помолиться за упокой души раба Божия боярина Михаила; строгое, скромное пение церковных певчих звучало безвыходной тоской и горем. Здесь на панихиде так ярко чувствовалась та утрата, которую понесла Добровольческая Армия в лице генерала Алексеева. Он был ее основателем и ее вдохновителем. И благодаря его гению Армия

М. В. Алексеев в гробу

выросла в могучую организацию и совершала героические подвиги, ибо твердо знала, что жизнь каждого офицера и солдата бесконечно дорога генералу, что и днем и ночью его мысли обращаются к ним — как им помочь, как одеть и снабдить. Под Ставрополем в Марковском Офицерском пехотном полку у стрелков оставалось по обойме патронов на человека, но они шли вперед с твердой верой, что их не оставят и что им помогут, когда явится возможность, и они совершили героический подвиг, бросившись в штыки на противника, упорно отстаивавшего город. Его любили бесконечно, а любовь к вождю всегда вызывает подвиг.

Громадная толпа народа стояла за оградой. Церковное пение вырывалось из особняка, на улицу доносились тихие печальные звуки, — и толпа крестилась широко, по-русски. Во время панихид трамваи прекращали движение по Екатерининской улице из-за большого наплыва народа и количества экипажей и автомобилей, запруживших улицу.

Газеты вышли в этот день, окаймленные черными, и все были посвящены смерти "Великого русского патриота". В Ростове, Новочеркасске, Новоросвийске — везде были отслужены панихиды, на которых присутствовала большая часть населения.

Под вечер часто приходили одиночные офицеры и просили разрешения проститься с покойным генералом. Но когда они подходили к гробу и останавливали полный тоски взгляд свой на челе усопшего, они теряли самообладание, начинали плакать и громко рыдать, стоя на коленях и низко склонив свои головы к полу. Их приходилось выводить под руку, успокаивать и утешать в соседних комнатах. Нам самим было невыносимо грустно, и при виде такой глубоко драматической картины становилось подчас так тяжело, что мы сами едва сдерживали спазмы, душившие горло. Старые генералы, почтенные полковники, грудь которых была иногда украшена Георгиевскими крестами и многочисленными боевыми орденами, не были в состоянии сдерживать себя, а нам приходилось показывать пример холодного спокойствия, чтобы хоть этим успокоить до глубины души потрясенных и тяжко страдавших в эти минуты людей.

В течение целого дня происходило паломничество ко гробу. Со всего Екатеринодара приходили люди, приезжали казаки из окрестных станиц. Они молча входили в зал, становились на колени перед гробом, целовали холодный лоб и накрест сложенные руки генерала и так же молча выходили, преисполненные той грустью, которая овладевала всеми при виде неподвижного теперь тела покойного великого русского полководца, столь любимого и уважаемого всеми истинно русскими людьми.

27-го сентября состоялись торжественные похороны. Первый, после двухмесячной засухи, нестерпимого блеска и жара раскаленного солнца, — бледный, тихий осенний день, подходящий для похорон; редкие, редкие капли дождя, а главное — тишина. Точно плакала матушка Русь о преждевременно ушедшем в лучший мир боярине Земли Русской рабе Божьей Михаиле.

С самого утра начал стекаться народ. Войска выстраивались шпалерами по Екатерининской улице в ожидании начала процессии. Целые шеренги пехоты — офицеры всех родов оружия; гимнастерки, белые и цветные рубахи, сапоги, ботинки, краги, обмотки, рыжие голенища — пестрели в стройных рядах выравнивавшихся частей, и только винтовки были все русские.

Наконец, часов около 9.30 начали приготовляться к выносу тела. Подвезли ближе к воротам лафет Кубанской батареи, прислуга которой состояла исключительно из войсковых старшин и полковников. Лафет был обтянут черным сукном и усыпан ветками ельника. Раздалась команда: "в ружье", и толпа начала бросать взоры в сторону дома Ирзе. Вскоре послышались чередовавшиеся одна за другой команды: "слушай, на караул", и плавно, так безумно тоскливо полились звуки величественного "Коль Славен"...

В дверях показался гроб; его несли генерал Деникин, генерал Драгомиров, генерал Лукомский, генерал Иванов, генерал Эрдели, генерал Романовский и многие другие, успевшие проникнуть в зал. На улице снимали фуражки, и все застыло в мертвом ожидании, когда тронется лафет. Сменившие "Коль Славен" звуки похоронного марша Бетховена повестили, что процессия тронулась.

Впереди всех шли офицеры и несли венки, присланные от многочисленных частей Армии и различных учреждений и организаций, от союзных представителей, французов и англичан, сербов, чехов и поляков. Лес венков!.. Может быть, впервые за все существование России и Польши на гроб русского генерала добровольно, от сердца, был возложен венок от Польши. До глубины души тронули всех дети, которые несли небольшой венок с удивительной надписью: "Не видели, но знали и любили". На такое большое количество венков не хватило цветов ни в Екатеринодаре, ни в Ставрополе, ни в Новороссийске. Не хватило также и лент, и некоторые венки были обвиты марлевыми и даже бумажными лентами с надписями на них.

За офицерами, несшими венки, ехали зарядные ящики, все с теми же венками, затем шел прапорщик князь Накашидзе с терновым венком от нашего штаба, обвитым георгиевской лентой. Терновый венок был собственноручно сделан казаками конвоя генерала; затем шел офицер с орденами, потом лафет с телом покойного, близкие, а за ними шла кобыла "Единица", ведомая подпрапорщиком Дорошенко, вестовым генерала, конвой, в последний раз сопровождавший своего вождя под командой поручика Александрийского Гусарского полка Андреевского, и в хвосте процессии - два хора трубачей со следовавшими за гробом войсками. От каждого полка, где это представлялось возможным, были присланы для участия в похоронах роты, эскадроны или взводы, которые следовали за лафетом или стояли шпалерами вдоль по Екатерининской улице и частью по Красной.

Процессия двигалась по Екатерининской, по Красной, затем свернула на Соборную и вышла на площадь к Екатерининскому собору, куда было поставлено тело для отпевания. Громадная, в десятки тысяч толпа провожала гроб усопшего до собора, возле которого произошла невероятная давка: все стремились попасть во внутрь храма к отпеванию, но офицеры быстро образовали цепь, и толпа должна была остановиться.

После Божественной заупокойной литургии тело было перенесено вниз в усыпальницу и похоронено в склепе. В воздухе вокруг собора кружились аэропланы, а когда гроб был спущен на дно, загремела где-то вдаль артиллерия, а войска тремя отрывистыми залпами в последний раз отсалютовали своему вождю, преданному земле.

У самого края великой Русской равнины, под массивными сводами Екатерининского собора, тихо спит мудрая седая голова первого солдата Русской Императорской армии. Там серьезно и величаво спокойно

мерцает огонек лампы, поблескивает золото лент и одиноко высится навсегда успокоившийся Георгиевский флюгер на пике — эмблема стоянки главнокомандующего. Кругом тесным кольцом окружают покойного вождя его верные соратники, отдавшие жизнь за счастье и величие России в бесчисленных боях с полчищами красных.

Когда мы вернулись домой в штаб генерала Алексеева, комнаты нам показались пустыни, даже нежилыми. Все уже было приведено в порядок. И вот эта разница от утреннего убранства, когда еще стоял гроб с дорогим покойником в цветах и зелени; так бросалась в глаза; от нее повеяло холодом, и еще большая тоска вкралась в душу.

После смерти генерала Алексеева генерал Деникин издал приказ уже как Главнокомандующий Добровольческой Армии:

Приказ Главнокомандующего Добровольческой Армии

№ 1.

Гор.Екатеринодар, сентября 25-го дня, 1918 г.

"Сегодня окончил свою полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни — он принес в жертву служению отчизне. Тяжелая лямка строевого офицера, ученый труд, боевая деятельность офицера генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководства всеми вооруженными силами Русского Государства в отечественную войну — вот его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и героической любовью к Родине — Великой, растоптанной.

Когда не стало Армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он же отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой Армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верой в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины. Бог не судил ему увидеть рассвет, но он близок. И решимость Добровольческой Армии продолжать его жертвенный подвиг до конца пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя земли Русской.

Главнокомандующий Добровольческой Армии
Генерал-Лейтенант Деникин.

Прошло уже 44 года со дня смерти генерал-адъютанта генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева (8 окт.1918 г. по н.ст.)

Верные его соратники глубоко в сердце благоговейно хранят память о нем, великом полководце земли Русской, отдавшем все свои силы для спасения ее. И пусть помнят все неверные, что кристаллическая душа генерала Алексеева стоит много выше всех и что только Господь может быть наивысшим Судьей. Это была Божья воля, что ему не суждено было увидеть торжество победы над врагами — сперва над немцами, а потом над присланными ими же большевиками. Но как только уйдут большевики, слава о ген.Алексееве широкой волной разольется по всей Руси: это был большой русский полководец, которому пришлось даже после смерти продолжать духовную борьбу с приспешниками зла.

Михаил Борель.

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ Н.ПОТОЦКОГО.

В газете "Наша Страна" я прочла статью Н.Потоцкого "Украденная победа" ("Наша Страна" № 339, 19 июля 1956 г.), заставившую меня взяться за перо. Буду кратка и отвечу на нее по пунктам.

Эта статья меня так возмутила, что я не могу на этот раз промолчать и не ответить. 39 лет я воздерживалась от возражений, исходя из убеждения, что те, кто создают злостные легенды и клеветуют, вовсе не интересуются исторической правдой, а пишут или по чьему-то заданию или по своим собственным соображениям, догадкам, озлобленности, а главное, сознавая свою полную безнаказанность.

Отвечаю по пунктам на статью.

1916 год был годом стабилизации фронта и напряженного снабжения армии боевыми припасами. Н.Потоцкий приводит правильную схему роста нашей военной промышленности и зарубежных заказов. В этой работе много сил, здоровья и настойчивости пришлось вложить ген. Алексееву, ведя огромную работу и требуя как от союзников, так и от своей промышленности ускоренного снабжения наших армий всем необходимым для ведения войны.

Автор сравнивает несравнимое: подавление солдатских бунтов во Французской армии с подавлением беспорядков в нашей столице.

Несмотря на то, что наша армия была совершенно стойка, но в 1916 году и у нас бывали вспышки солдатского неповиновения, и наше военное начальство так же с ними справилось, как ген.Петэн. Эти случаи оставались военной тайной, но для военных начальников были показательны — армия не была больше армией 1914-15 г.г., так как свежие пополнения, вливавшиеся в армию, были не скоро обучены и не были еще настоящими, дисциплинированными, проникнутыми чувством воинского долга солдатами.

Автор задает вопрос, почему наше командование не справилось с революцией.

Проще подавлять солдатские бунты на фронте, восстание же в столице требовало начала гражданской войны. По опыту 1905-6 г.г. мы видим, как быстро возникали очаги восстания даже на окраинах (республики Иркутская, Читинская), а для успокоения страны приходилось разбрасывать войска даже по отдельным усадьбам.

Насколько перспектива возможного повторения у нас революции беспокоила ген.Алексеева мы видим из его докладной записки Государю Императору в июле 1916 г. о необходимости установления диктатуры тыла ввиду тыловой разрухи транспорта, продовольствия и общей разболтанности. Не по вине ген.Алексеева тыл взнудать не удалось и со второй половины 1916 г. "процесс духовного разложения ведущего строя и передовой интеллигенции" (слова автора) пошел усиленным темпом.

Мне доподлинно известно, что по всем вопросам, волновавшим и потрясавшим в то время Россию, ген.Алексеев докладывал Государю Императору, обычно после оперативного доклада. Ген.Воейков прозвал его за это "паническим генералом".

Но ген.Алексеев так настойчиво докладывал об этом, так как видел и понимал надвигающееся несчастье. Он ведь уже пережил одну революцию на фронте и вот как он к ней относился. У меня имеется десяток его писем с 21 октября по 31 декабря 1905 года. Привожу несколько выдержек.

Уже 21 октября он пишет: "Пришла ген. Диневичу телеграмма Кутайсова из Иркутска: "беспорядки достигли крайнего предела, объявлено революционное правительство, без помощи войсками ничего сделать не могу". Забайкальская дорога бастует по строгому плану, который начертала вражеская рука, сидящая вне России".

Письмо от 1.X.1905: "Вчера по телефону Линевиц получил сведения; во Владивостоке военный бунт... что творится, что пишется здесь, какое растление вносится в неразумные умы солдатской среды, которая захлебываясь читает теперь "Харбинский листок", который открыто зовет к общему разрушению, развращает мысль солдат, убивает понятие о долге, о дисциплине"...

Но к счастью для России и армии, война с внешним врагом была в то время уже закончена, и была к этому времени полная возможность сосредоточить свое внимание на усмирении внутренних беспорядков.

Не по вине генералов наше правительство в феврале 1917 года в полном составе в первые же дни беспорядков в Петрограде сложило с себя полномочия, не выполнив приказания Государя ликвидировать эти беспорядки, а председатель Совета Министров не использовал возложенных на него Государем диктаторских полномочий. Вот почему наш февральский бунт нельзя сравнивать с Францией 1917 года. Там правительство оставалось на месте, имея к тому же во главе бессменного и энергичного "тигра" - Клемансо.

У нас в 1917 г. нерв страны - транспорт и телеграф - оказались сразу в руках восставших. Вспомним, как несжиданно и молниеносно возник "Викжель" (Всероссийский Исполнительный Комитет Железных Дорог), который уже имел возможность не допустить движение Царского поезда (28 февраля) к Царскому Белу, где находились Императрица и больные Дети.

Уже 27 февраля утром ген.Алексеев снова докладывал Государю о необходимости введения военной диктатуры в Петрограде, выбрав на эту роль очень решительного и энергичного человека. Вечером этого же дня он узнал о назначении на пост диктатора престарелого генерал-адъютанта Иванова, в распоряжение которого был дан Георгиевский батальон. Передано лично ген.Алексеевым распоряжение ген.Данилову (Нач.Штаба Сев.фронта - ближайшего к столице): "Спешно направить в Петроград 2 кав. и 2 пех.полка. В распоряжение ген.Иванова дать надежных распорядительных и смелых помощников. Минута грозная, и надо сделать все для прибытия прочных войск, в этом заключается вопрос нашего будущего."

Ген.-Адъют. Иванов единолично достиг Царского Села, повидал Государыню, но зато оторвался от войск и оставил их без управления. Первый прибывший с фронта Тарутинский полк, как и Георгиевский батальон, оставшись без возглавления и распоряжений, сложили оружие. Дальнейшее продвижение войск остановлено повелением Государя из Пскова.

В это время уже начались беспорядки в Москве, Кронштадте, резня морских офицеров в Гельсингфорсе.

Отвечаю на следующий вопрос Н.Потоцкого - кому был нужен февраль?

Февраль был пагубен для России и абсолютно не нужен, и меньше всего он был нужен генералам и вовсе не нужен ген.Алексееву - этому человеку глубокой веры, долга и присяги, во главу угла своей жизни поставившему служение Родине, неотделимой в его сознании

от Монархии. Надо было его знать, чтобы понять всю абсурдность и гнусность возводимых на него обвинений.

В. Кроме того, все озлобленно нападающие на ген. Алексеева преувеличивают его роль и возможности: он ведь не был диктатором, и сфера его обязанностей была строго и определенно ограничена; он не имел возможности влиять на ход событий.

Дума вела себя возмутительно в своих открытых заседаниях и речах, а наша пресса распространяла эти мерзкие ядовитые речи по всей России.

Не во власти генералов было ни закрыть Думу, ни арестовать думских депутатов, ни даже запрещать печатание их речей. Однако, ген. Алексеев неоднократно предупреждал приезжавшего в Ставку Председателя Государственной Думы Родзянко беречь Думу от ложного и опасного пути.

Н. Потсцкий сообщает о посещении больного ген. Алексеева Гучковым. В действительности Гучков в Севастополь не приезжал и никаких "карт" ген. Алексееву никогда не открывал; и вообще никакого "заговора генералов" никогда не существовало. Лучшим доказательством тому может служить то, что творцы февральской революции, воспоминания которых я все перечитала, не могут похвастаться участием в их планах кого-либо из генералов и ген. Алексеева в частности.

На генералах лежала обязанность ограждать страну от внешнего врага и огромная ответственность за сохранение духа и боеспособности армии; за каждое свое решение и каждый свой приказ. Ответственность, которая сейчас не мыслится и не понимается современными "судьями". Развал армии означал гибель страны.

Естественно, что Ставка не имела точных информации о происходящем в столице, так как Царского правительства там уже не существовало. В страшнейшем напряжении удерживая армии от проникновения в них тлетворной заразы, запрошенные Государем через ген. Алексеева Командующие фронтами высказались за отвлечение в пользу СЫНА, во имя сохранения Династии и умиротворение страны, оставляя себя в то же время в полном подчинении Государю и ожидая, - как писал ген. Алексеев, - Его повелений.

Телеграмма ген. Алексеева Государю Императору от 2 марта заканчивается словами: "Умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь внушит Вам. Ожидаю повелений".

Горе наше в том, что клевета и лживые легенды ширятся, а благородные и правдивые произведения замалчиваются и игнорируются и просто не читаются теми, кто клеветает и судит.

В начале ложь мне показалась настолько нелепой, кристально-чистая жизнь и дела покойного мужа настолько еще были свежи и всем памятни, что, казалось, клевета сама изживет себя. Да она бы и изжила себя, если бы не нужна была нашим врагам. Шаг за шагом шла планомерная работа большевиков по раздроблению эмиграции - все им было по-пути, а людская пошлость и глупость - наилучшие их спутники и помощники.

Клеветники и озлобленные самозванные судьи прикрываются своими монархическими чувствами, не замечая того, какой вред они приносят на самом деле монархической идее, работая вольно или невольной, сознательно или по недомыслию на пользу врагов.

В одной из местных газет я прочла статью "Готтентотский суд" (Нюрнбергское судилище). Там хотя бы судили живых, и судили совре-

менники, которые имели действительно данные и документы для привлечения к суду, и, все же, судьи оказались не на высоте юридической справедливости.

Пора перестать трепать легенду об измене генералов. Ее не было, и ни в каких архивах ее не найдут.

Заголовок статьи Н.Потоцкого - "Украденная победа":

Да, совершилось непоправимое несчастье: украдена у нас победа - у нашей родной России, украдена победа у нашей могучей и необычайно выносливой армии, украдена победа у наших генералов, которые в тяжких условиях боролись 2 1/2 года, хотя и с переменным успехом, имели крупные победы, неоднократно серьезно выручали и союзников. Украдена победа и у ген.Алексеева. Для достижения этой победы он отдал все силы своего духа, ума и здоровья, разрабатывая планы, подготавливая армию к совместному с союзниками весеннему наступлению. Непосильный труд сломил и его крепкое здоровье.

Как мог логически мыслящий человек лишиться сам себя победы, над которой так напряженно и самоотверженно трудился?

Заболев в ноябре 1916 г., он так и не оправился от этой болезни до своей кончины 25/IX - 3/X 1918 г.

Я предполагала на этом закончить свое письмо, отвечая на последнюю клевету Н.Потоцкого, так как предыдущие все инсинуации были уже достаточно опровергнуты. Но в той же газете "Наша страна" от 14 марта 1957 года появился критический разбор книги адм.Бубнова "В Царской Ставке".

Конечно, вся критика построена тенденциозно в тоне "фальшивок" Солоневича и его наследников. Выдвинув новое подозрение против ген.Алексеева, на этот раз базируясь на его якобы подозрительное окружение в лице ген.Борисова и полк.Носкова.

Автор повторяет вопрос адм.Бубнова, чем объяснить близость ген.Алексеева к ген.Борисову и полк.Носкову.

Полковник Носков не был в Ставке во время переворота, получив соответствующее назначение на фронт задолго до этого горестного события. В эмиграции уже в 1921 году появилась его книга на французском языке "Nicolas II, l'Inconnu", написанная в опровержение появившихся тогда в иностранной прессе несоответствующих характеристик нашего Императора. Книга написана в тоне старого русского офицера, преданного и верного своему Царю.

Ген.Борисов прежде всего был однополчанин ген.Алексеева. Вместе они готовились к экзаменам в Академию Генерального Штаба, которую одновременно окончили. Алексеев, окончивши Академию первым, взял вакансию в Петербургский Военный округ. Борисов, будучи вообще человеком очень нелюдимым и замкнутым, относился к Алексею с исключительным доверием и благодарностью за помощь во время прохождения курса в Академии и изредка поддерживал с Алексеевым связь своими письмами. Спустя несколько лет Борисова постигло большое несчастье в его личной жизни. Письма прекратились. Оказалось, что Борисов был помещен в психиатрическое отделение военного госпиталя в Варшаве, откуда обратился с просьбой к Алексею хлопотать о переводе его в Николаевский военный госпиталь в Петербург, так как в Варшаве он был совершенно одинок. Алексею удалось быстро исполнить эту просьбу, и Борисов был переведен в Петербург. Алексеев часто навещал больного. Затем Алексею было сообщено, что для лечения больного необходима перемена обстановки - лучше всего по-

местить его в семью. Пришлось решиться и взять больного к себе. Тяжело было видеть всегда у себя в доме этого ирачного, неряшливого человека, но он вскоре подружился с нашими маленькими детьми и возня с ними благотворно на нем отразилась, так что даже вскоре затем он смог вернуться к своему любимому занятию - изучению стратегии Наполеона. Спустя несколько месяцев он уже мог возвратиться к своей службе. Все же эта болезнь оставила свой след, и ген.Борисову пришлось несколько лет спустя выйти в отставку с мундиром и пенсией. Он поселился в Петербурге и посвятил свой досуг изучению японского языка и начал писать историю Русско-Японской войны, пользуясь как русскими, так и японскими источниками.

Вообще Борисов был всецело поглощен военными вопросами и интересовался исключительно стратегией великих полководцев. Приходится удивляться, откуда адм.Бубнов нашел у Борисова революционное прошлое, ведь он очень молодым офицером прибыл в полк и за все долгие годы нашего знакомства его "хвастовства" о революционных подвигах мы никогда не слышали.

Адм.Бубнов сообщает, что будучи в Ставке Борисов отказывался от приглашений к Царскому столу. На самом деле отказа не было, но появиться у Царского стола на первое приглашение была полная невозможность в том неряшливом виде, в каком Борисов обыкновенно себя держал. Но когда Борисов соответственно обмундировался, постригся и побрился, он с нетерпением ожидал скорохода и без пропуска занял свое место на Высочайших завтраках. Любя детей, там он сумел подружиться с цесаревичем Алексеем Николаевичем. Со временем, как ни странно, он стал "приятелем" ген.Воейкова, который, сжидая выхода Государя после доклада ген.Алексеева, проводил время с ген. Борисовым.

Борисов закончил свою жизнь в Югославии, в Белграде, работая в военной библиотеке и сотрудничая с ген.Аранджеловичем в его труде по составлению книги "История подвигов Суворова".

Что касается ген.Гурко, то все предположения адм.Бубнова о его либерализме ни на чем не основаны, так как в военных кругах вся семья покойного фельдмаршала Гурко считалась непоколебимо преданной Престолу. Таковым его оценивал и ген.Алексеев, таковым он был и на самом деле.

Вероятно, это мое последнее опровержение "отсебятины" "судей" нашего времени. Утешаю себя тем, что история нашей великой войны 1914-18 г.г. и революции будет изучаться серьезно и беспристрастно по подлинным документам Ставки и государственным архивам. Найдется, вероятно, и беспристрастный историк, который справедливо оценит самоотверженные труды всей жизни покойного ген.Алексеева, который никогда ничего не искал для себя. А обязанности Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего возложили на него такую огромную ответственность за исход войны, требовавшую такого напряженного внимания и труда для руководства нашим огромным фронтом, что этого было достаточно для сил одного человека. Как можно требовать от него ответственности за происходящее в тылу? И все же, отвлекаясь от своей непосредственной задачи, он неоднократно докладывал о необходимости диктатуры тыла. Как может человек, сочувствующий переменам власти, желать диктатуры?

Наши "судьи" игнорируют факт пребывания Государя Императора в Ставке уже после отречения и отношение к Государю как ген.Алексеева лично, так и всех чинов Ставки. На поставленный Алексееву

вопрос: "когда же Государь покинет Ставку?" - ген.Алексеев ответил: "Его Величество пробудет здесь столько, сколько Ему будет угодно". И новое правительство этого Алексею не забыло. Разногласия начались сразу, главным образом из-за разрушаемой дисциплины в Армии, и уже в мае он был смещен, успев перед уходом создать офицерский Союз в противовес приказу № 1, который был подписан Гучковым (военным министром) и Керенским, и их распоряжением, минуя Ставку и Штабы Фронтов, передан непосредственно в окопы. Но и будучи не у дел, он все время работал, стараясь остановить развал Армии, стараясь восстановить ее работоспособность, бесконечно страдая за судьбу России и горячо им любимой Армии.

А известен ли нашим "судьям" факт командировки в Сибирь ген. Алексеевым полковника Ген.Штаба Д.Н.Лебедева со специальным заданием организации спасения Государя Императора и всей Царской Семьи? По имеющимся сведениям полк.Лебедев достиг пункта своего назначения, со временем вошел в организацию адм.Колчака и первоначальные шаги по данному ему заданию были им сделаны.

Наши "судьи" совершенно не имеют понятия о том большом затруднении к подавлению бунта в Петрограде, которое создавало пребывание в Царском Селе Государыни Императрицы и больных Царских Детей. Приходилось действовать особенно осторожно.

Незадолго до своей кончины ген.-адъют. Иванов заходил к нам в Новочеркасске. Старик был удручен и сквозь слезы несколько раз говорил: "Не мог же я начать бои в столице, не обеспечив безопасность Царской Семьи. На какие части я мог опираться и в ком мог быть действительно уверен?"

Я сообщаю лишь то, что я доподлинно знаю. Наши "судьи" знают меньше моего и несмотря на то своей "отсебятиной" и подтасовкой эпизодов решаются оскорблять память человека, прослужившего безусловно трем Императорам, проделавшего три серьезных войны, пережившего революцию 1905 года на фронте в Манчжурии.

А известно ли "судьям", как ген.Алексеев торопил объявление Манифеста Великого Князя Михаила Александровича о вступлении Его на Престол и настаивал на скорейшей присяге новому Императору нашей Армии. Этот факт, конечно, имеется в архиве Ставки.

Не буду сама оценивать этих "судей", предпочитаю сослаться на отзыв ген. Абрама Михайловича Драгомирова: "Наши собственные соотечественники, находящиеся в эмиграции, в громадном большинстве своем, не только до сих пор не уразумели глубочайшего исторического значения белой борьбы, но еще с садистическим наслаждением, захлебываясь от восторга, всячески его осуждают и поносят память его вождей, самоотверженно взваливших на свои плечи тяжкий крест спасения гибнущей Родины. Этому мало почтенному делу посвящены уже вороха книг и статей, при чтении которых краска жгучего стыда не будет сходить с лиц наших потомков, для которых вся белая борьба, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, будет святым делом". (Бюлл.Корниловца 31 июля 1954г., стр.6, Париж).

Трагические дни февраля 1917 г. застали ген.Алексеева серьезно больным, с высокой температурой, и все же, несмотря на это, он был единственным, который пытался бороться с событиями в столице, оценивая всю сложность обстановки как на фронте, так и в стране, оставшейся без правительства. Мир душе его и добрая память!

+ А.Н.Алексеева.

МОИ ЗАМЕТКИ.

Как участник 1-го и 2-го Кубанских походов, позволю себе указать маленькие неточности в воспоминаниях наших соратников.

1) В журнале № 3 помещена заметка ген.Кариуса о приезде генералов Алексеева и Деникина в стан.Егорлыкскую и собрании начальников воинских частей, которым приехавшие генералы сделали сообщение о немецких предложениях Добровольческой армии, об установлении мирных отношений и сотрудничестве в борьбе с большевиками.

Я в то время был рядовым в команде конных разведчиков ген.Маркова и никакой воинской частью не командовал. Однако, Евграф Евграфович Ковалевский настоял, чтобы я пошел с ним на это собрание.

Собрание офицеров на этом собрании было многочисленным, человек десять. Генералы кратко сообщили предложение немцев, обрисовали нашу (Добровольческой армии) жуткую обстановку и предложили собравшимся офицерам искренне высказаться по этим вопросам: с немцами против большевиков, или без немцев, не нарушая нашу верность нашим союзникам -- Франции, Англии и Америке?

Высказались человек 4-5, из них один Кубанский полковник, стоявший у двери (скамеек было очень мало), единодушно за верность нашим союзникам. Генерал Деникин одобрительно отнесся к этим высказываниям офицеров и заключил собрание приблизительно такими словами: "Конечно, мы должны остаться верными нашим союзникам, оставив без внимания предложения немцев, и продолжать нашу борьбу против большевиков".

В этом была причина и смысл приезда генералов, наших Вождей, в станицу Егорлыкскую.

2) В последнем, 12-м номере журнала наш соратник в своих воспоминаниях пишет: "Генерал Марков на белом коне встретил бронепоезд..." В действительности ген.Марков ездил на неказистой лошади гнедой масти. Шалку же носил ген.Марков большую белую.

3) Ген.Кариус в журнале № 11 описывает боевые операции против многочисленного отряда Сорокина и овладение станицей Кисляковской и ж.-д. станцией Кисляковка.

Так как я в то время был начальником конной разведки и неразлучно был при полковнике Кутепове, то все боевые события того времени мне хорошо известны.

Я опишу лишь боевые операции около ж.д. станции Кисляковка. Было хорошее летнее время на Кубани. В станице Павловской ранним утром я торопился к своей лошади и шел боковой стороной церковной площади. Ст.Павловская утопала в роскошных фруктовых садах. Справа вижу большое дерево абрикос, обремененное спелыми плодами. В этот момент над моей головой разрывается шрапнель... и все абрикосы с дерева зашумели, падая на землю. Но мне было не до абрикосов. Неприятель уже обстреливал артиллерийским огнем наши колонны, вышедшие из ст.Павловской в сторону ж.д. станции Кисляковка. В поле было солнечно, хорошо. Кой-где стояли копны необранного хлеба. Пройдя несколько верст от станицы Павловской, наша колонна отдыхала. Здесь полк.Кутепов приказал полк.Тимановскому идти с 1-м Офицерским полком на станицу Кисляковскую. После короткого привала

полки разошлись: 1-й Офицерский пошел вправо, а 1-й Кубанский Стрелковый полк пошел левее ж.д. полотна в направлении ж.д. станции Кисляковка. Шли медленно, отдыхали и ждали донесений от полка Тимановского, ибо по плану 1-й Офицерский полк должен был занять станицу Кисляковскую первым, а уже потом Кубанский Стрелковый полк должен был обрушиться на ж.д. станцию Кисляковка.

Три раза по приказанию полк. Кутепова я посылал парных конных разведчиков для связи с полк. Тимановским, и всякий раз наши разведчики не возвращались обратно, попадая в руки большевиков. Весь этот район кипел большевиками. Полк. Кутепов недоумевал и нервничал. Было уже далеко за полдень. Противник уже давно обстреливал нас огнем, но это мало нас беспокоило. Беспокоило же нас то, что от полк. Тимановского не было никаких сведений.

Передовая цепь Куб. Стрелкового полка медленно теснила противника к ж.д. станции. Наконец, под вечер, Куб. Стрелковый полк ввязался, без команды начальства, в жестокий бой с большевиками. Большевики открыли по нашим стрелкам ураганный огонь. Полк. Кутепов, не получая до конца дня от Тимановского никаких донесений, нервничал. И когда огонь противника стал явно подавлять огонь наших редких стрелков, Кутепов приказал Стрелковому полку прекратить атаку ж.д. станции и залечь. Явно абсурдное приказание: пло жестокое единоборство двух противников и ложиться, подставляя себя противнику для расстрела, уж не приходилось.

Бой разыгрался с левой стороны ж.д. путей, то есть с восточной стороны от ж.д. станции. Кубанские стрелки занимали позицию невыгодную: они были в низине, а большевики занимали доминирующую местность.

В это время полк. Кутепов находился со своими конными разведчиками за ближайшей к ж.д. станции будкой. Большевики поливали пулеметным огнем и нас. Один из моих разведчиков был тяжело ранен. Кубанский Стрелковый полк, несмотря на упорное сопротивление противника, однако уже оттеснил его от ж.д. станции.

В этот критический момент вдруг с возвышенной гряды Кисляковка - ст. Уманская развернулись густые цепи большевиков и пошли своей массой на редкую цепь наших стрелков. Наши стрелки не выдержали этого натиска и стали отступать. Положение грозило катастрофой. Наш полк был в одиночестве. Выручки неоткуда было ждать. Резервов никаких. От Тимановского никаких вестей. Полчища большевиков прут на наших стрелков неудержимо.

Полк. Кутепов приказывает мне остановить отступление наших стрелков. Я со своими разведчиками бросаюсь в цепи наших стрелков и именем Кутепова приказываю стрелкам остановиться. Объясняю им, что эта масса большевиков, высыпавших против наших стрелков, прикрывает свою отступающую колонну. Наши стрелки заявили мне, что у них уже нет патронов. Немедленно мои разведчики доставили металлические коробки с патронами и разбросали их по стрелковым цепям.

Здесь, на этом боевом поле я увидел нечто потрясающее: наши стрелки, отступая поспешно от большевиков, оставили своего командира сотни капитана Носак... Этот командир, оставленный своими стрелками шагов на 300-400, стоял один впереди, ни шагу назад, и обстреливался от большевиков!

Трижды стрелков и указав на пример их командира, я двинул их в контр-атаку и... о чудо! Через короткий промежуток времени

наступления наших стрелков вражеские цепи исчезли, и все боевое поле покрылось дымкой догоревшего дня; смеркалось. Боевое поле осталось за нами, но... потери наши убитыми и ранеными были большие. Все станционные постройки были заняты нашими неизвестными героями - убитыми и ранеными. Одному Богу известны они и их неизвестный жертвенный порыв.

В тот же вечер полк.Кутепов в моем сопровождении обошел все станционные помещения и успокаивал ж.д. персонал, что Добровольческая армия не несет населению мщения и т.д. и просил нести службу добросовестно и дальше.

На следующий день полк.Кутепов жаловался мне так: "Ген.Покровский, занявший вчера своей конной бригадой станицу Кисляковскую, сегодня неожиданно явился здесь на станции, не явившись ко мне, как старшему и занявшему станицю раньше его, повесил несколько человек из старшего ж.д. персонала и был таков".

Я спросил полк.Кутепова, а что было с 1-м Офицерским полком и где он. Полк.Кутепов нехотя ответил крепким словцом в адрес полк. Тимановского (непечатно). 1-й Офицерский полк в тот день не принимал никакого участия в операциях против отряда Сорокина.

Н.Кисиль.

- - оОо - -

КТО - МЫ?

Кто - мы?.. Да мы живая совесть,
Для тех, кто серебро принял,
Кто вместе с гнусными врагами
Народ свой на кресте распял.

Мы - те, кто верит в Правду Бога,
Присяге верен до конца,
Кто носит мысленно погоны,
Не потерял своего лица...

Кто русским был и им остался,
Порою нищ, убог и сер,
Но кто открыто заявляет,
Что Русь не есть СССР.

(Из Инф.Бюлл. "Криловцы"КМБ49, окт.1961 г.)

- - оОо - -

А Т А К А.

Наступает 45-ая годовщина с тех пор, как казак полководец Корнилов, восставший против коммунизма, в неравной битве не победивший, а создавший стимул для подвига, во имя Отчизны и за свою идею, в последний день осады Екатеринодара - заплатил жизнью...

В этот день (мой именины!)... тучи пехоты красных охватывали левый фланг белых, чтобы окружить стальным кольцом и захватить всю корниловскую армию...

На конницу легла вся надежда спасения; приказ - атаковать пехоту!..

Два офицерских эскадрона на ходу развернулись для атаки центра; почти все всадники были командирами, водившими своих подчиненных в атаки; им знакомо чувство опасности, когда до боли в руке сжималась острая сабля; им без слов была понятна обстановка, обеспечивающая успех впереди, у опушки рожи стоящего противника - сереющую пехоту.

И ясна была необходимость сознательной жертвы, когда малодушные и паника охватили всех и когда уже в гробу лежавший Корнилов с а м призывал офицеров на возвышенный, бескорыстный подвиг - пожертвовать жизнью "за други своя".

Блеснули пашки...

На полудиком, быстром кабардине полковник Рашпиль, бывший командир сотни конвоя Государя, резко вырвавшись вперед, повел за собою лаву всадников. Из бешеного галопа кони порывисто перешли в карьер, быстро увеличивая собою мишень.

Грозная сила вихревого налета конницы встречена гробовым молчанием пехоты, моментально перестроившейся, одевшись в панцырь штыков.

И вдруг... началась пляска смерти... Стройный, губительный, залповый огонь открыли красные по атакующим, с дистанции шагов в тридцать.

Этот свинцовый концерт смерти давал, видимо, опытный дирижер - командир.

Рой стальных пчел осел на всю лаву; огневая завеса отделяла всадников от противника, и металлический смертоносный дождь, казалась, остановил лаву...

Поднялся на дыбы рослый скакун-дончак и упал, а с ним есаул Дронов грузно сорвался убитым.

Вторым упал - Рашпиль.

Степь наполнилась кровью убитых. Дорогой ценой вызван моральный надлом красных, оставивших позиции. Уводил их к черноморскому вокзалу хорунжий Дронов (родной брат убитого!), георгиевский кавалер всех степеней, за боевые отличия произведенный в офицеры в 6-м кубанском пластунском, Цесаревича Алексея, батальоне.

Армия спасена! В эту ночь, с гробом Корнилова, она свободно ушла из-под Екатеринодара.

Был жуткий ночной поход... К этой ночи относится начало легенды - созданной духом армии, после перенесенных тридцати пяти боев в сорок дней насыщенной инстинктом смерти, - будто из темноты ночной голос убитого Рашпиля рапортовал у гроба Корнилова:

- Ваш приказ - атаковать - исполнил! В составе тридцати двух убитых офицеров в ваше распоряжение прибыл!
- Состоять при мне! - был ответ из гроба...

Острецов Ванно.

- - оОо - -

Дополнение к статье Ф.В.Пухальского

"ОТХОД В НЕИЗВЕСТНОСТЬ"

"В.П." № 12

Из письма полк. В.Черешнева.

...Дело в том, что ген.Топорков, к которому ты явился в Шенджи, был моим начальником и старшим другом с тех пор, как я явился к нему, командиру 1-го Запорожского полка, за день до взятия Екатеринодара. С ним я прошел по Закубанью; под Михайловской он уже был командиром нашей бригады; потом очишали Ставрополье; под Ставрополем он принял дивизию от Врангеля (а и стал помощником командира полка); потом вместе мы дошли до Святого Креста, потом на Моздок, Кизляр, в сторону на Грозный. С Терека Топорков ушел с терцами в Донецкий район, а наша 1-ая конная дивизия была брошена на Царицынское направление. Потом, уже осенью 1919 года, Топорков опять стал моим начальником, принявши 4-й конный корпус под Камышиным; и в последний раз мы воевали вместе, правда, очень коротко, в Крыму.

Судьбой 1-го Запорожского полка я поэтому был очень заинтересован; за пару дней перед оставлением Ростова, в сочельник 1919 г., я, тогда командир полка, был снят с коня и в сыпном тифу отправлен в тыл и в дальнейшем эвакуирован в Египет. А полк принял В.Ст.Пономарев. И вот этот самый родной мой полк "замитинговал" в Закубании на твоих глазах. Командовал им тогда В.Ст.Сухенко (Пономарев был ранен на Маныче), прекрасный офицер, но из "левых", из учителей. При митинговании, когда выяснилось, что большинство казаков за то, чтобы расходиться по станицам, сдавшись фактически красным, Сухенко тайком и с риском для жизни приказал адъютанту сотнику Коршенюку с его ординарцами "отвести наш Георгиевский штандарт в обоз", а на самом деле дал инструкцию держать направление на Новороссийск и не останавливаться, пока не дойдут до парохода. Так Коршенюк и сделал, и штандарт перевезли в Крым. А Сухенко остался с полком, вернее с большинством, потому что человек сто осталось при Топоркове и он их погрузил в Новороссийске, и из них был образован кадр полка в Крыму.

- - оОо - -

Хан Хаджиев.

А Т Ч А П А Р

(Продолжение)

Голос шофера-солдата разбудил меня. Придя в себя, я заметил, что я уже в Могилеве во дворе Ставки. Голодный и холодный и в высшей степени нервный, но бодрый духом, я отправился к себе. Было 10 часов вечера, когда я вошел в свой номер, где сидел и ожидал меня полк. Кантбеков. Он крепко обнял меня и помог снять шинель и ятаган.

Он сообщил мне, что у него в комнате ждут меня корреспонденты из Москвы, генералы, офицеры и дамы. Все они хотят видеть меня и поговорить со мной... "Пойдем ко мне!" - просил он.

Поговорив и пообещав каждому из них оказать мое содействие, в 12 часов ночи я вернулся из комнаты полк. Кантбекова к себе. Глядя на меня и лоя своим инстинктом мое душевное состояние, мой верный вестовой Фока просит меня немного отдохнуть и покушать.

- А что у тебя есть пожевать? - спрашиваю я.

- Ваше благородие, г-н полковник (хозяин штабной столовой) прислали вам очень вкусный обед и горячий ужин, а кроме того вот этот пакет, - заканчивает он, подавая мне пакет, в котором оказались очень вкусные пирожки, начиненные мясом, рыбой, рисом, приготовленные заботливыми руками жены и дочери полковника. Эта очень милая семья всегда заботилась о Верховном и обо мне, балуя нас своим кулинарным искусством домашнего производства.

Разложив все это на стол и подкрепившись хорошей дозой Спотыкача, мы с Кантбековым взялись за еду.

- Хан, дорогой, я ждал тебя, чтобы поговорить с тобой по весьма важному делу, - говорит Кантбеков за чаем.

Хочу заметить, что Кантбеков - магометанин из Дагестана, участник нескольких боев, георгиевский кавалер, пять раз раненый, состоявший в союзе Георгиевских кавалеров, до фанатизма преданный идее Верховного и ему самому, брошенный Керенским в Быхов, теперь освобожденный по болезни, находился помощником подполк. Новосильцева, тоже освобожденного из Быховской тюрьмы. Он жил со мной рядом в одной из 32-х комнат, отведенных Ставкой для офицеров и их семейств.

- Ты, дорогой мой, устал и вид твой не хорош, но, принимая во внимание отношение и доверие великого патриота Корнилова к тебе, я хочу тебя поставить в курс дела. Так вот что: у тебя в полку не все обстоит благополучно. Там идет форменное брожение и разногласие. Я боюсь, что эта зараза может переброситься в Быхов. Повидайся, пока не поздно, с Ураз Сердаром. Ты, ведь, у нас, узников, единственный человек, на которого мы смотрим с верой и надеждой. Баллар Яранов, вахмистр 4-го эскадрона, был здесь. Я с ним поговорил и посоветовал немедленно повидаться с тобой в Быхове, так как он не застал тебя здесь, - закончил полк. Кантбеков.

Был час ночи. Кантбеков ушел, а я пошел спать, собираясь с мыслями, что делать завтра, как меня встретит новое солнце и что меня ждет.

Ровно в восемь трещит телефон - меня зовут в дежурную часть ставки, к дежурному генералу. Вручив письмо ген. Духонину, а через него ген. Алексееву, который находился в Петрограде, вручив по наз-

начению письма заключенных и успев вручить письмо ген. Бартеру, я отправился к дежурному генералу. Было 11 часов утра.

Тонкий, низенького роста, весь издерганный, нервный, с желтым смятым лицом, генерал обращается ко мне:

- Хан, завтра в 9 часов утра выедут в Быхов иностранные корреспонденты. Вы и Квашнин-Самарин будете сопровождать их. Я дал офицеров-переводчиков из штаба, чтобы облегчить им разговор с текинцами. А пока повидайтесь с комендантом, - заканчивает он, пожимая мою руку. Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он бросает: - Передайте, пожалуйста, привет Быховцам.

Я вышел от дежурного генерала и направился прямо в Луполово, в расположение 4-го эскадрона, который оставался в Могилеве со всем своим штабом и всем хозяйством.

Командира пока не было. Он со своей женой жил в Могилеве, а Ураз Сердар, помощник командира полка, жил в Луполове со своими людьми. Поговорив с полковником, Георгиевским кавалером Ураз Сердаром, передав ему приказание Верховного и переговорив с офицерами-текинцами 4-го эскадрона в присутствии Ураз Сердара и объяснив им очень толково о положении Быховцев и о благодарной роли полка, несущего охрану беззащитных людей, я просил их, как сынов рыцарей, не поддаваться агитации обзвиков, Георгиевцев и агитаторов, а также дьявольскому плану Керенского. "Все они стараются, чтобы мы подпали под их влияние и, продав себя за презренный металл, нарушили нашу Туркменскую честь, подвергая себя проклятию наших Туркменских предков-рыцарей. Сейчас оставить без нашей помощи беззащитных и невинных людей, бежать на Персидскую границу, где нас ждет не честь, а позор! Верховный, знает святость традиций Текинцев, ждет подвига от вас. Подвиг Текинца против неприятеля знал Государь Император и вся Россия, но наш последний подвиг - защищать людей от их недругов - да знает наше потомство. Нося на груди вот эту эмблему, знак чести воина и храбрости, преданности родине (я указал пальцем на Георгиевский крест, пожалованный рукой Государя), мы не должны спрятать его в карман, а должны гордо и с достоинством выйти с честью из создавшегося положения, а не ронять честь Туркмена."

- Хан Ага, если полк не захочет исполнить свой долг, то я один остаюсь с тобой и с Быховцами, - сказал взволнованный Танг Ататар Артиков - Георгиевский кавалер.

- Вот, господа, слышали, что сказал Хан, нам надо сплотиться и довести дело до конца. Сын мой, мы не Георгиевцы и мы не оставим генерала Корнилова. Иди, работай, мы с тобой, - сказал седой старик, отец Текинцев - Ураз Сердар.

Я, счастливый, удостоенный их вниманием, зараженный их верой, с возвышенным духом поехал в штабную столовую, которая кипела, жужжала, как пчелиное гнездо. За одним столом я видел девять генералов, один из которых, ген. Драгомиров, позвав меня, спрашивал, как попасть в Быхов. Потом пошли рукопожатия с офицерами, отнимающие время обеда.

Опять полковник спас меня, уведя меня в свой кабинет.

Быстро покушав и летя на вокзал за газетами, в ставку за письмами и в свою комнату за пакетами, оставленными дамами и знакомыми, я прибежал к машине, в которой уже сидела Ксения Васильевна,

одетая в каракулево пальто с большой муфтой, м-м Лукомская, адъютант ген. Деникина капитан Малинин и два офицера ген. штаба.

Все тронулись в путь. За неимением места я ехал на подножке автомобиля. Дул резкий ледяной ветер, он резал мое лицо. Руки ооченели, но ничего, через 55 минут мы уже были перед воротами Быхова.

Через два часа мы пустились в обратный путь.

По прибытии в Могилев, в 9 час. вечера я отправился на квартиру к Фон Кюгельгину, командиру Текинского полка. Он жил в очень уютной квартире в обществе жены.

Принял он меня очень сухо. Глядя на меня в упор своими холодными глазами, задает вопрос:

- Ну, что твой генерал? - и долго ли я буду ворочать судьбой полка.

- Верховный чувству...

- Не называй его Верховным. Он уже не Верховный, - обрывает меня он. Затем, не давая мне ответить на вопрос, задает еще другой вопрос - успел ли я побывать в полку и знаю ли я, что по приказанию Керенского полк будет переброшен в Ахал.

- Г-н полковник, судьба полка не в моих руках а в руках Текинского полка.

- Ну, довольно философии. А вот скажи мне лучше, знает ли твой генерал о телеграмме Керенского?

- Да, он знает и просит вас прибыть к нему послезавтра, захватив с собой телеграмму, - отвечаю я. Жена, сидевшая на диване и занятая вязаньем, бросает взгляд на мужа; у нее в лице появляется вопросительный знак.

- Хорошо! Я сам собирался было ехать туда, а вот скажи лучше мне, как туда попасть. Не может ли мне облегчить комендант Ставки получить для поездки туда и сюда машину? - и, глядя на жену, бросает, не дожидаясь моего ответа: - не хочешь ли прокатиться?

- Нет, лучше ты поезжай один, чего доброго генерал арестует тебя и меня за неприятную новость.

- Г-н полковник, в мое распоряжение комендант ставки предоставил машину, буду рад помочь вам, - отвечаю я.

- А, вот как! Смотри, держись на этой высоте, никто из нас не может дойти до нее, говорит он и, беря меня за плечи, жмет мою руку и, сказав: "с Богом!", отпускает меня.

Я направляюсь к двери под взглядом полковника и его жены.

- Значит, ты заедешь за мной в 10 утра, - бросает он мне в спину. Ответив утвердительно, шаркнув серебряными шпорами, пулей вылетаю на улицу.

Когда я вернулся к себе, Фока сообщил мне, чтобы я немедленно прибыл в ставку. Лечу. Там в 1-й Ген.-квартирмейстерской части советуют мне немедленно ехать в Быхов и вручить пакет Верховному.

Хан Хаджиев.

(Продолжение следует)

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Не имея возможности документально проверять все имена, чины, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на совесть и память авторов.

- Годовая подписка на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" - 3,00 доллара в год. Цена отдельного номера - 30 центов.

- В Редакции имеется ограниченное количество полных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год - от № 1 до № 12 включительно. Стоимость комплекта с пересылкой - 3 дол. 50 ц. Отдельные номера от 1 до 12 - цена 30 центов.

Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА".

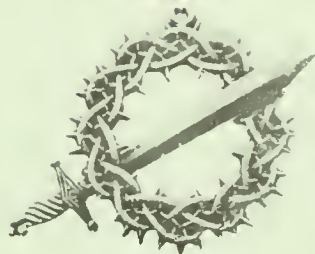
- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

М.Коваленский, Г.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.Пухальский.

Главный Редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

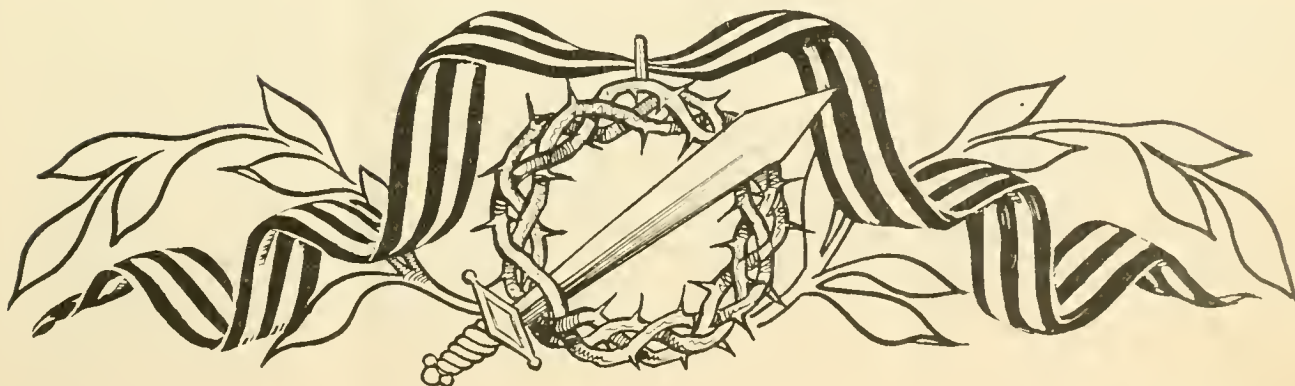
ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

Правление Общества Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова похода сердечно поздравляет членов Общества и всех Первопоходников, а также участников Белого Движения, с Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом с пожеланиями здоровья и благополучия на многия лета.

= = = =

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" сердечно поздравляет дорогих читателей с Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом при наилучших пожеланиях здоровья и благополучия.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 15

ДЕКАБРЬ 1962 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - oOo - -

СВОДКА СВЕДЕНИЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ к вечеру 24 апреля 1918 года.

1. Ростовское направление.

Сведения об эвакуации большевиками Ростова подтверждаются. По слухам, требующим проверки, гайдамаки наступают на Ростов со стороны Б.Салы. Таганрог ими будто бы еще не занят.

Захваченными документами установлено, что в боях под Гуляй-Борисовкой участвовали, между прочим, 1-й батальон револ.полка Сев. Кавказа, отряды Ильинский, Кавалерский, Конно-латышский и Дивизионный; более крупным соединением является, повидимому, "1-й Южно-Донской револ. отряд "Рыбалки". "Командир фронта" Жлоба издал воззвание, приглашающее казаков забыть распри и совместно с большевиками идти против немцев.

2. Новочеркасское направление.

По слухам, 21 апреля вечером или 22 апреля утром Новочеркасск занят войсками ген.Попова.

Относительно обстоятельств, предшествовавших занятию города, штаб Походного Атамана дает следующие сведения: 20-го апреля большевики наступали на ст.Мелеховскую, но были отбиты. К утру 21 апреля большевики северо-восточнее Новочеркасска занимали линию хуторов Ягодин - Маркин - Сидоров, где держали себя пассивно.

По тем же сведениям, на жел.-дорожный узел Звереве-Лихая в больших силах наступают украинцы. Ими же заняты станции Каменская и Митякинская, причем в последней у них много артиллерии и даже аэропланы. На ст.Миллерово два казачьих полка. Ст.Белокалитвенская (по линии Лихая - Царицын) под давлением большевиков оставлена казаками.

3. Царицынское направление.

Станции Ремонтная и Котельниково после упорного боя с большевиками оставлены казачьим отрядом князя Тундудова, подчиненным Походному Атаману В.Д.

По частным сведениям, 1-й и 2-й донские округа активно выступили против большевиков, и некоторые части создают угрозу сообщению по ветке Торговая-Царицын.

4. Тихорецкое направление.

23 апреля в сл.Ильинка подвезено две подводы винтовок. По слухам, в Ильинку ожидается прибытие 2-3 отрядов со стороны Степной с целью обратного наступления на Гуляй-Борисовку. Сведения эти нуждаются в проверке, так как войска, действовавшие под Гуляй-Борисовкой, двигались в сторону ст.Степная, где 22 апреля наблюдалась их погрузка в поезда для отправки на Куцевку-Тихорецкую.

На ст.Куцевка около того же времени наблюдалось прохождение эшелонов со стороны Ростова на Тихорецкую (будто бы до 40 поездов). Через станцию Тихорецкая тоже проходило много эшелонов из Ростова и Екатеринодара, которые, по словам большевиков, шли на Б.Глину для действий против Добр.Армии. Вокруг станции и хут.Тихорецкого вырыты окопы.

Общие сведения.

Лицо, прибывшее из Новороссийска, сообщает, что в город приехала делегация от украинцев в составе 70 чел. для ведения переговоров о сдаче города.

"Изв.Новочерк. сов. р., каз. и кр. д." от 17/30 апреля дают следующие сведения:

- а) В Новочеркасске 14 апр. стоял Титовский пех.полк, подчиненный совету.
- б) В Москве после ожесточенного артиллерийского огня обезоружены анархисты.
- в) В Оренбурге собрание рабочих высказалось за советскую власть. В резолюции говорится об уходе из Оренбурга войск Дутова.
- г) Воронежский губ.исп.комитет организует штаб для обороны губернии от немцев и украинцев.
- д) В Крыму немецкие войска ген.Коша достигли Симферополя.
- е) В Финляндии под начальством фон-дер-Гольца немцы взяли узловые пункты Синние и Рихимяки.
- ж) Германское официальное сообщение говорит о боях местного значения на французском фронте и об отбитии немцами английских атак. Только в одном месте отмечается взятие германцами высоты.
- з) Из Луганска члены совета Донецкой республики бежали, и власть перешла к "правым организациям", образовавшим дружину охраны города.
- и) О Мариуполе сообщается следующее: "город находится во власти контр-революционных фронтовиков".
- и) О Таганроге говорит газета: "Из Таганрога выехала делегация по направлению к гайдо-немецкому расположению для выяснения вопроса об установлении, согласно распоряжению Ленина, подтвержденному не-

мецким радио, твердой демаркационной линии на границе Донской Республики."

Начальник Разведывательного Отделения
Штаба Добровольческой Армии,
Генерального Штаба
Подполковник Ряснянский.

(из архива ген.Алексеева).

- - ооо - -

Б Е Л Ы Й Р Ы Ц А Р Ъ

Светлой памяти друга-Первопоходника
(Встречи и служба)

Кто только не знал Романа Филипповича? В церковно-общественной жизни эмиграции он был известен, как само воплощение св.Сладкопевца Романа, имя которого он носил, а для нас, корниловцев, это был еще и дорогой друг и соратник и мой первый командир полковник Пух. Его имя знала вся Добровольческая Армия; его лично знал и ценил ген.Корнилов. Белый Рыцарь! В его лице мы потеряли добровольца без страха и упрека. Его отличительными чертами характера были: пренебрежение к смерти и бесстрашие, непоколебимая вера в Бога и в Россию, безграничная любовь к русскому народу; кристальная чистота, безоговорочное исполнение приказов своего начальства; прямой путь к достижению намеченной цели. Все эти качества покойный унес вместе с нами, вложившими наши мечи в ножны, в новую, не менее тяжелую, чем на поле брани, жизнь русского эмигранта, готового каждую минуту отозваться на клич спасения подневольного и обманутого русского народа.

Сорок лет тому назад, когда над Россией нависли грозные тучи и беспросветная тьма объяла жизнь и душу нашего народа, когда он иступленно приветствовал красные полотнища, реявшие над Кремлем, и срывал с куполов кресты, эти символы Божьей к нам благодати, заменяя их кровавыми звездами ненависти и братоубийства, - сердце, разум и душа подсказали Роману Филипповичу идти туда, "где еще семь тысяч мужей не преклонили колен пред современным Ваалом и не изменили Господу Истине". Туда, на Дон, устремился он, где зажжен был светоч борьбы за поруганные святыни, за Право и Правду.

Пишущий эти строки имел счастье встретить капитана Пуха в Ростове н/Дону в конце 1917 года, куда он прибыл один из первых, оставив любящую жену Ларису Александровну и малютку дочь. Чувство долга перед Родиной, честь офицера и любовь к правде Божией взяли перевес в его душе и сердце над чувствами семейного порядка.

Прибыв в Ростов, капитан Пух был зачислен в ряды партизанского отряда полк.Симановского. Затем он зачисляется в Корниловский Ударный полк. Мы, молодежь, не знали тогда еще этого человека. Он не выделялся из общей среды, но первая же наша боевая совместная служба в боевой обстановке в бою на Таганрогском направлении под Мокрыми Чалтырем сразу выдвигает Пуха в первые ряды. Его воля и героическая красота сразу приковали к нему наши взгляды, и мы шли за ним, очертя голову.

Его решимость, распорядительность и жертвенность ярко выявились в бою на кладбище Чалтыря, где он сдерживал натиск многочисленных банд матросов и рабочих до тех пор, пока последний его подчиненный доброволец не покинул хутора. Сам же он оставался на кладбище последним, отстреливаясь из нагана, перебегая от одного надгробного памятника к другому и тем самым создавая у неприятеля впечатление, что кладбище еще занято многими "кадетами". И так было всегда в боевой обстановке. "Пух останется всегда пухом, - говорили корниловцы, - легким, проворным и вездесущим!"

Начался легендарный Ледяной поход. Капитан Пух впереди, под губительным пулеметным огнем или артиллерийским обстрелом, поражающим редкую цепь роты; у него всегда одна команда: "Не пригибаться! Вперед!" - и... целые полки красных не выдерживали штурма роты, как на парад, идущих в атаку корниловцев.

В апреле 1919 года он получает тяжелое ранение. Первый его заместитель в этом же бою пал смертью храбрых, второй - ранен. До рассвета капитан Пух оставался на участке в наскоро вырытом окопе и, несмотря на тяжелое ранение, стойко и мужественно давал советы, не думая о тыле, и только тогда, когда положение было восстановлено, отдав последние распоряжения и приказав мне принять роту, позволил увести себя в тыл.

А сколько было радости, когда на одном из эвакуационных пунктов мы снова встретились с капитаном Пух, я - тоже подстреленный. На одной повозке двигались мы по Донским степям к Манычу и на пароходе - в Новочеркасск, в Госпиталь Дворянского Собрания, где были помещены в 6-ую палату. Сразу же по городу "подметная почта" разнесла новость о прибытии нового эшелона раненых с фронта, среди которых "тяжелый" Пух. Потянулись к нам добровольцы, родственники их и жители города с расспросами о близких, о боевых друзьях. В начале госпитальной администрации недоумевала и поражалась огромному количеству просьб раненых, размещенных в других госпиталях, о переводе их к нам, в 6-ую палату. И только после того, как все раненые и персонал нашего госпиталя хорошо узнали "тяжелого" Пуха, старший врач отгадал причину просьб, сказав:

- Теперь мне понятны все эти просьбы о переводе.

Вскоре наша 6-ая палата стала именоваться "Корниловской капитана Пух". Все доктора, сестры, санитары и прислуга любили "шестую". Все просьбы Пуха об уходе за ранеными, или перемещении, или срочной операции прибывшему с фронта, об улучшении пищи и проч. выполнялись всегда охотно. Образцовый порядок, чистота и дисциплина были в 6-й палате. А потом, благодаря кап.Пуху, она превратилась в певческую капеллу. Пусть кто-либо не обладал голосом, пусть имевший голос не имел понятия о нотах и не знал, как свой голос "подать", - кап.Пух знал за них все и находил им всем место в хоре, в котором каждый с любовью принимал участие: в спевках, в утренней и вечерней молитвах.

И вот тогда-то впервые предстал перед нами Пух, носивший в своем теле дух его Ангела-Хранителя, св.Сладкопевца Романа...

Часто по вечерам он собирал всю 6-ую палату, и голосистые и безголосые, руководимые его опытной рукой и подсказками, устраивали настоящие концерты. Весь госпиталь был тогда на ногах, заполняя собою не только 6-ую, но даже и ее корридор. Трудно было заснуть госпиталю после таких пуховских концертов. Не было у нас, посему, и

самовольных отлучек из госпиталя и праздного шатания по городу.

Залечив ранения, разбрелась 6-ая по полкам... Фронт... Бои... Опять ранения, снова госпиталь, опять боевая жизнь. И... всегда весело, бодро идет впереди с Корниловцами кап.Пух. Отдан ген.Деникиным его исторический приказ: "На Москву"...

Снова нам пришлось встретиться с Пухом на подступах к Орлу. Передовые наши части были уже между Тулой и Орлом. 3-й Корниловский Ударный полк немного задержался в штыковых схватках по дороге на Орел. В этот период Пух - уже имя; он уже с двумя просветами - полковник, все его знают, любят и ценят; вокруг его имени сплетаются и растут легенды.

Несправедливая и незаслуженная оценка иудой-Скоблиным Есаула Милеева, командира 3-го полка; подлая интрига иуды в Штабе породила тогда много толков среди добровольцев. Прибывает в 3-й полк полковник Пух и вступает во временное командование. Полк выстроен на церковной площади только что занятой деревни. После отдания воинских почестей прибывшему новому командиру, Пух вызывает вперед, на середину 3-го батальона, командира 10-й роты и так его разносит, что бедный поручик не знал, как пережить стыд и позор за свою роту, всегда бывшую образцовой в полку. "Разнес" же вр.командующий ротного за то, что в расположении роты обнаружилась кража. У местного жителя в хате были украдены часы. Стоя в строю, вор тут же сознался, и ему было приказано лично, в присутствии фельдфебеля, вернуть украденное. Перед строем своих солдат ротный командир получил строгое внушение, имевшее чисто воспитательное значение, но ударник, укравший и искренно раскаявшийся в совершенном преступлении, не был отдан под суд и впоследствии был примерным добровольцем. Вр.командующий полком полк.Пух предпочел в этом деле прибегнуть к воздействию моральному, а не к более легкому для него - рутинной законности. Командиру 10-й роты он в тот же вечер объяснил это:

- Мой друг Головань, это во имя нашего общего дела, во имя долга и справедливости. Ты знаешь, как я преследую грабежи и как борюсь с этим злом в Армии, многие полки которой стали уже просто соперничать в грабежах, позорящих ее честь и доброе имя.

После Орла началось общее отступление и медленная агония Добровольческой Армии, возвратившейся на берега Кавказа и Крыма. Казалось порой - она будет смята и раздавлена под напором врага. Но сохранившаяся твердость духа, любовь к Родине, вера в правоту Белой идеи не дали рассеяться в прах остаткам Белых рыцарей, мужественно встретивших день печали, день оставления ими последней пяди родной Русской земли. Вынужденные оставить отчизну, полк.Пух и Корниловцы сделали это с высоко поднятой головой, и на чужбине они не свернули свое национальное знамя, а высоко его подняли, возвещая миру о нашей национальной гордости, непримиримости со злом коммунизма и верности родным историческим заветам. Так исповедывал свою веру и так жил русский патриот-корниловец Пух.

Лагерь Галлиполи. Болгария. Здесь в гор.Ломе на берегу Дуная мы вновь встретились с Пухом. В этот город он приехал, чтобы встретить вырвавшихся от красных свою супругу Ларису Александровну и маленькую Алю. Он не совсем был уверен в их приезде, волновался и делился своими сомнениями со мной и с небольшой группой Корниловцев, уезжавших из Болгарии вверх по Дунаю, через Вену, в Бельгию. Его семья должна была прибыть из Вены. В ожидании ее он изливал свои

чувства в песне, и в хоре его голос, в этот раз особенно вдохновенный и радостный, звучал красиво:

"Сажу за решеткой в темнице сырой..."

"Вскормленный на воле орел молодой -

"Мой верный товарищ..."

Несколько раз мы повторяли за ним эту песню. Подтрунивал я над ним:

- Скоро, скоро кончится твоя "сырая темница"... Видишь, уже виден силуэт парохода, идущего из Вены. Он везет тебе твою царицу...

Болгары собрались толпой возле нас, и не было конца их восторженным овациям. Пароход приближался. Забилось ретивое Романа Филипповича. Пристань была занята нашим отходящим пароходом, и приближающийся из Вены должен был привартоваться к нему. Стояла чудная погода, солнце начало скрываться за горизонт, и на палубе приближающегося парохода трудно было разглядеть родные лица. Из-за волнения Роман Филиппович боялся с берега спросить в рупор - "Прибыли ли?", чтобы не выдать себя дрожащим голосом или не получить в ответ: "на борту нет..." Мы подавали вопросы на пароход с берега за него и долго не получали ответа. Но вот до нас донеслось радостное, сияющее, успокаивающее, огромное и отчетливое: "Есть!.. На борту!"... Перекинули сходни, и пассажиры начали сходить на берег. А Пух, крепкий и волевой, не выдержал... бросился обнимать нас, и слезы радости катились по его лицу.

- Вот они!.. Идут!.. - вскрикнул он, - мои родные...

Но раздалась команда капитана нашего парохода, поднимался якорь, дрогнули машины, и пароход, набирая скорость, пошел вверх по Дунаю. Впереди Европа - холодная, неизвестная и черствая. Жаль было покидать братскую славянскую землю. Лом ушел в сумерки вечера, за которыми настала прекрасная южная звездная ночь. В ушах еще звенели последние слова песни:

"Мы вольные птицы, пора, брат, пора,

"Туда, где за морем синеют брега"...

и последние пожелания Сладкопевца Романа:

- Да будет Господь со всеми вами. Прощайте, родные мои, дорогие Корниловцы!..

Нет, не "прощайте", г-н полковник, а "до свиданья"... Вслед за нами перебрался в Европу и полк Пух и обосновался в герцогстве Люксембургском, где зажил спокойной жизнью честного трутеника, сменившего свой офицерский Корниловский мундир на рабочую куртку, добровольческий меч на орало. Аля не осталась его единственной дочерью - Господь послал ей двух братьев, Сергея и Кирилла. Сейчас все они живут в США, и мой низкий поклон осиротевшей русской патриархальной семье Пуха.

Дети воспитывались родителями в страхе Божиим, любви к неизвестному им отечеству. Стерлись земные несчастья, и моральные страдания за общее российское дело нашли себе выход в тесном объединении Корниловской семьи и в бережном хранении воспоминаний о героическом времени, проведенном на родной земле, служа великой идее освобождения России. Полковник Пух всегда был душой таких встреч Корниловцев в изгнании и всегда был нашим Баяном. Он одарен был чарующим голосом, и мы никогда не забудем его песен и между ними ту, которую он пел на фронте в минуты тоски, под звуки гитары, грустную и жалобную:

"Бабуся ридненька, ты всим помогаешь,
"Яке в мене горе - ты може вгадаешь"...

А горе это было не только его, оставившего за огненной завесой в стане полоненной Антихристом России свою верную Ларису и маленькую Алю, но горе и нас всех, оставивших там же своих близких.

Рассеялись корниловцы по всему земному шару, сохраняя заветы Лавра Корнилова. Хотя Люксембург и является соседом Бельгии, но только изредка приходится встречаться нам, корниловцам, живущим в этих странах. Последняя встреча с покойным относится к 40-летнему юбилею основания Корниловского полка. Чета Пух, ставшая бабушкой и дедушкой, ездила в Париж и приезжала к нам в Бельгию. Как и в 1918 году - сеятель слова Божия, верный и бесстрашный, и пламенный и любящий сын своего Отечества.

Страшная болезнь, неожиданно его посетившая, быстро унесла его в могилу. Он умер, сторел на руках обожавшей им Ларисы Александровны.

Тяжелым камнем легла на сердце корниловцев утрата их любимого друга, сослуживца, обожавшего начальника, прекрасного человека и редкого семьянина.

Мир праху твоему, дорогой и незабвенный друг, достойный сын твоей Родины, оставшийся верным до конца заветам Великой России.

Спи спокойно, Белый Рыцарь, и вечная память твоей светлой душе.

Брюссель.

Поручик Головань

- - оОо - -

х
х х

За нами солдаты шагали
В тревожные, грозные дни,
И в девичьих взорах,
Как в синих озерах,
Для нас загорались огни

Промчатся, как вешние воды,
Пройдут молодые года,
Но шум непогоды,
Бои и походы
Душа сохранит навсегда.

Споем, как бывало,
В минуту привала,
Прошли мы не маленький путь.
Нам есть, что за черкой
Веселой и жаркой
Сегодня, друзья, вспомнать.

Алякритский

(Информ. бюлл. "Корниловцы" № 23 за 1955 г.)

А. Векслер.

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗА ЧЕСТЬ РОССИИ.

Кадеты Морского Корпуса в первых боях с большевиками.

6-ое ноября 1917 года. Последний праздник в стенах родного корпуса. Скошенный обед окончен. Все спешит поскорее одеться и уйти в отпуск. Настроение у большинства подавленное. Только маленькая группа кадет 5-й роты оживленно шуткуется. Часть из них уже сегодня вечером сядет в поезд на Николаевском вокзале и будут пробираться на Дон. Деньги и документы, подписанные членами корпусного комитета, получены еще накануне через ст. гардемарина Фуса.

Я со второй группой еду на следующий день. Есть время смотаться на 2-3 часа в Псков, предупредить родителей и попрощаться с ними.

7-го ноября вечером собираемся на Николаевском вокзале. Вид у нас революционный: бушлат на распашку, фуражка на затылке, карманы полны семечек. Расталкивая толпу, занимаем купе второго класса. Лексикон соответствующий. Ни одному штатскому не пришла бы в голову мысль устроиться в купе с такой красой русской революции. "Товарищей" в купе тоже не пускаем. Едем в восьмером с большим комфортом.

На каждой остановке контроль - поиски офицеров и "юнкеров". Нас оставляют в покое, даже документов ни разу не спросили. В соседнем купе тихохонько едут какие-то очень прилично одетые солдаты, но без погон и поясов.

Благополучно проезжаем Москву, где только что окончились бои. После Москвы та же картина: контроль, обыски. Ругань такая, что даже наш лексикон - детский лепет. Незадолго до Харькова картина начинает меняться - солдатня подтягивается, на станциях появляются бабы с жареной птицей, белым хлебом и мальчишки с пакетами неизвестных нам папирос.

Харьков. На перроне спокойно разгуливают офицеры, солдаты с погонами и подпоясанные. Чудеса! Вытаскиваем глубоко запрятанные погоны, нацепляем их двойными булавками, меняем ленточки на фуражках и в таком виде появляемся в коридоре, где натыкаемся на наших соседей - юнкеров Михайловского артиллерийского училища, в погонах и с поясами. Путь держат туда же, что и мы. От Харькова едем уже одной компанией. Оказалось, что они очень побаивались соседства с нами - значит, вели мы себя подобающе. Едем от той же организации - Союза офицеров казачьих войск. Должны явиться в Новочеркасске в войсковой штаб за инструкциями. В Петербурге нам дали какой-то совершенно фантастический пароль - сейчас его не помню.

В Ростове порядок образцовый. Пришлось даже купить билеты до Новочеркасска.

Новочеркассск. Первого встречаем - нашего однокашника, барона Ивана Черкасова, приехавшего накануне и дежурившего теперь на вокзале, чтобы направлять приезжающих на Барочную улицу № 38.

Усаживаемся на извозчиков и медленно поднимаемся в гору. Проезжаем площадь. На ней - величественный собор. В тот момент и не думали, что через несколько дней в нем будут отпевать первые жертвы Белого Движения.

На Барочной являемся дежурному офицеру. Офицер, как офицер: широкая гимнастерка, револьвер, перчатки, погоны прапорщика. Рапортует: "Господин прапорщик, кадет такой-то является по случаю прибы-

тия в распоряжение...", а кого - неизвестно. Рапорт принимается стоя, очень серьезно. Потом прапорщик улыбается: "Очень рада". И тут же поправляется: "Очень рад. Устраивайтесь вот в этой комнате, как хотите, коек свободных еще много". Дежурным офицером оказалась баронесса Бодэ, только что окончившая Александровское военное училище. В Корниловском походе она была убита в конной атаке. Таких прапорщиков у нас оказалось несколько. Все они проявили необыкновенную доблесть и мужество. Не могу не выразить здесь моего преклонения перед этими чудными светлыми русскими девушками.

Еще в этот вечер вся будущая Добровольческая Армия уместилась для ужина за одним длинным столом. Но уже со следующего дня приток приезжающих начал сильно увеличиваться. Появились юнкера почти всех военных училищ и кадеты многих корпусов, особенно Орловского, Одесского и Московских. Приехал в очень элегантном синем костюме шт.капитан Л.Гв.Измайловского полка В.Д.Парфенов.

Таким образом, через два, три дня собралось около 250 человек кадет и юнкеров, и на Барочной стало тесно. нас перевели на Грушевскую улицу, в бараки запасного госпиталя. Разбили на две роты: 1-ая юнкерская и 2-ая кадетская, в последнюю четвертым взводом вошли все моряки. Была создана первая часть будущей Добровольческой Армии, "Особый юнкерский батальон". Командиром его назначен был шт.капитан Парфенов, 1-й роты - ротмистр Скасырский, 2-й роты - Л.Гв.Волынского полка шт.кап.Мезерницкий. Нашим взводным командиром стал пор.Зотов, а взводным унтер-офицером - О.Г.К. ст.гардемарин Дьяков.

Сразу же начались занятия. Нам дали инструкторами юнкеров пехотных училищ, которые и стали нас обучать стрелковому делу. Целыми днями разбирали и собирали выданные нам драгунские винтовки. Рассыпались в цепь и снова строились - по-взводно, по-ротной и батальонно. После 4-5 дней такого режима мы стали походить на настоящую стрелковую часть. Тут же вскоре появилась возможность проверить нашу подготовку. В пригороде Новочеркасска - Хатунке - стоял 273-й запасный пехотный полк, разнузданный и совершенно распропагандированный. На предложение казачьих властей сдать оружие, солдаты отказались. Были тогда выставлены на бугре две казачьи пушки, а нашему батальону было приказано цепями окружить Хатунок. Завидев пушки и надвигающуюся на них цепь, доблестные "товарищи" начали тащить из всех барачных винтовки, пулеметы, патронные ящики и складывать их на площади. Так что, когда мы вошли без единого выстрела в Хатунок, полк в 2500-3000 человек был уже совершенно разоружен.

На следующий день меня вызвали в штаб на Барочную (не знаю, почему именно меня). Полковник ген.штаба Полевой передал мне три письма, с приказанием немедленно доставить их в Эссентуки генералам Рузскому и Радко-Дмитриеву и полковнику Веденяшину, представителю ген.Алексеева на Минеральных Водах. Приехав на вокзал, я обнаружил, что поезда на Ростов не идут. Началась забастовка на ветке Новочеркасска-Ростов. Пошатался по станции и нашел маленький паровозик, который должен был тянуть к Ростову какие-то цистерны. После долгих уговоров удалось пристроиться на тормозе. В Ростове же попал на настоящий поезд и благополучно добрался до Эссентуков, где и передал письма полк.Веденяшину. Много позже узнал, что в этих письмах ген.Алексеев приглашал двух генералов приехать в Новочеркасска, но что они оба отказались. Через несколько месяцев оба были зверски заму-

чены у подножья Машука. На вокзале Эссентуков, при моем отъезде, я совершенно случайно увидел обоих генералов, в штатском и в соломенных шляпах.

Чем ближе подъезжали к Ростову, тем настойчивее были слухи о возможном там восстании большевиков. Но в Ростове все было еще нормально, и я благополучно вернулся в батальон, где по прежнему с утра до вечера разбирали и собирали винтовки, обучались стрельбе, рассыпались в цепи.

Тон задавали Павлоны, и мы всячески старались им подражать - отчетливо отдавали честь офицерам, становились во фронт генералам. Помню такой случай: на Платовском проспекте два моих приятеля и я очень ловко стали во фронт казачьему генералу. Тот в недоумении остановился и сказал: "А, вот оно что началось!"

Опять поползли слухи о возможном восстании в Ростове, и вот 25-го ноября нас срочно переводят в помещение казачьего училища. Это очень не понравилось местным юнкерам. С ними у нас с самого начала приезда отношения были натянутые. На наши приветствия они не отвечали и вообще смотрели на нас, как на контр-революционеров. В училище нас всех одели в кавалерийские шинели. Вид у нас получился очень оригинальный: брюки на выпуск, кавалерийская шинель и горская фуражка с ленточками.

Весь день 26-го были в помещении училища. Получили патроны и индивидуальные перевязочные пакеты. К вечеру же нас повели грузиться на вокзал, где уже стоял поезд. Стало известно, что Ростов занят восставшими большевиками, что в городе стрельба и что мы должны будем принять участие в подавлении восстания. Настроение у всех радостно-приподнятое. Идем к вокзалу с песнями, четко отбивая ногу. На тротуарах много народу. Вот и старенький генерал, с непокрытой седой головой, крестит проходящих мимо него войк. Долго усаживаемся по теплушкам. Поем песни. Бегаем за кипятком. Внезапно поезд тронулся и медленно пополз в направлении Ростова. Бывшие еще на перроне кадеты и юнкера на ходу вскакивают в вагоны. По пути несколько раз останавливаемся. С рассветом медленно подходим к станции Нахичевань. Вдруг на нас градом посыпались пули. Станция оказалась занятой большевиками. Тогда, по команде, мы на ходу стали вскакивать из теплушек и с винтовками на перевес ринулись к вокзалу и станционным постройкам. Это произошло так стремительно, что ошеломленные "товарищи" или бросали винтовки и сдавались, или удирали к Балабановской роше.

В несколько минут станция оказалась в наших руках. Продолжая преследование убежавших, настигнутых мы или кололи штыками или били прикладами по головам. Успевшие удрать засели в роше и опять стали нас обстреливать. Нам было приказано залечь в глубокой канаве на окраине роши. Мы оказались в чудном окопе, куда вскоре подтащили пулемет, обслуживаемый нашими доблестными "предпорщиками".

Наш взвод был отправлен на самый левый фланг. Один же взвод кадет, под командой кап. Данского, был выдвинут на правый фланг против бойни, где тоже засели большевики. Что там произошло - неизвестно, но из этого взвода никто не вернулся. После окончания боя нашли всех пербитыми. Особенно изуродовано было тело кап. Данского.

Это и были первые жертвы Белого Движения, про которых атаман Каледин сказал: "Казачи двинулись только тогда, когда пролилась детская кровь".

Вели непрерывную перестрелку, но двинуться дальше не было возможности, очень уж нас было мало. Ждали казачьего эшелона, но он в этот день так и не пришел. Выгрузившая под нашим прикрытием лошадей полу-сотня донских юнкеров тоже участия в бою не принимала.

Помню, какое ужасное впечатление на меня произвел первый раненый, которого я увидел: это был штыком раненый в живот солдат, кричавший совершенно нечеловеческим голосом. К счастью, его скоро унесли на вокзал, где был устроен перевязочный пункт. Не могу забыть и другую картину: лежавшему в окопе рядом со мной грузину, кадету Орловского корпуса, пулей Гра снесло чуть что не пол черепа. А в это самое время атаман уговаривал казаков выступить и помочь нам. Удалось ему это только на следующий день, когда батальон уже истек кровью.

Первый раненый в нашем взводе - ст.гардемарин Сербинов, в плечо. Потом ранен мой одноклассник Карцев в живот и руку. Ст.гардемарин Дьяков и я с трудом доносим его до перевязочного пункта и бегом возвращаемся назад.

Большевики пускают в ход артиллерию. Обстрел сперва редкий, очевидно из одного орудия с яхты "Колхида", стоявшей на Дону. Снаряды ложатся далеко за нами, у железной дороги. Потом обстрел усиливается и снаряды ложатся ближе. Один снаряд разорвался совсем рядом, и я вижу, как задрогался завалившийся ст.гард. Клитин. Следующий снаряд - это уже для меня.

Прихожу в себя в госпитале, в Новочеркасске, с мучительной головной болью. Левая рука, как свинцовая, еле двигается. Жена атамана Каледина обходит раненых и благословляет их маленькими серебряными солдатскими крестиками.

Восстание подавлено. Убитых уже похоронили. Идут разговоры о переезде нас в освобожденный Ростов.

Так, в первом бою, произошло боевое крещение первой части будущей Добровольческой Армии, 27-го ноября 1917 года, под Нахичеванью на Дону.

А.Векслер.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Несколько месяцев тому назад в "Вестнике Первопоходника" была помещена оригинальная статья морского офицера Эльмановича "Морская Рота", в которой впервые были даны подробности боевой деятельности и гибели Морской роты отряда полк.Ширяева в Батайске в начале 1918 года.

В списке чинов роты значилось: ...Кадет Векслер - судьба неизвестна...

Откликом на эту статью Редакцией было получено письмо и статья из Бельгии от бывшего кадета А.Векслера. Из этого письма, к нашей общей радости, мы узнали, что он жив и здоров, шлет привет всем Первопоходникам и подписывается на журнал.

ЗАПИСКИ ЮНКЕРА 1917-го ГОДА.

Как мы ехали на Дон.

10-го ноября 1917 года наша семья в последний раз собралась вместе. Две недели уже прошло, как большевики захватили власть в городе, но по инерции жизнь шла по старому пути.

После позднего обеда в кругу близких я должен был ехать на Николаевский вокзал, откуда группа юнкеров Константиновцев артиллеристов отправлялась "на Дон" в надежде найти там организованное сопротивление красным.

Старший брат находился на фронте, и я чувствовал, что пришел и мой черед исполнить свой долг перед родиной. Большой нравственной поддержкой для меня были слова отца: "На твоём месте я поступил бы так же". Бесконечно жаль было плачущую мать, и сердце сжималось при мысли, что семья остается "на произвол врага". Наконец, простившись с родными, я поехал на вокзал вместе с провожавшими меня сестрами.

Свеже-выпавший пушистый снег и сумерки скрывали грязь и запущенность города, и, хотя пустынный и плохо освещенный, он в последний раз был для меня все тем же любимым, родным и прекрасным Санкт-Петербургом. На вокзале уже ждали нас приехавшие раньше две подружки сестер. Моих друзей юнкеров также провожали сестры, и присутствие таких провожатых мало соответствовало нашей маскировке "под революционных казаков". Несмотря на большую толпу отъезжавших солдат мы благополучно заняли места в вагоне 3-го класса скорого поезда Петроград-Ростов, и набитый до отказа поезд тронулся по расписанию.

Мои друзья заняли верхние места и улеглись спать. Я же расположился внизу, присматриваясь к соседям. Большинство из них казались безобидными, и разговор шел о том, что "теперь войне конец и все вернутся по домам".

К несчастью, среди солдат оказался субъект лет сорока, имевший вид рабочего. Одетый в черное пальто, с испитым озлобленным лицом, он вытащил кипу прокламаций и, предложив солдатам послушать, начал, запинаясь на чужеземных словах, читать трескучую пропаганду о необходимости углублять революцию. Изредка он злобно поглядывал на меня и, очевидно заметив иронию на моем лице, обратился ко мне со следующими:

- Товарищ, здесь плохое освещение, мне трудно читать, а у вас глаза молодые - вот вы и почитайте нам про всю правду, здесь написанную.

Еще сдерживаясь от смеха, я ответил:

- Да я, товарищ, неграмотный.

Агитатор, казалось, хотел убить меня своим взглядом, но ничего не ответил. Я же притворился спящим. Через несколько времени один из солдат, поглядывая на наши лампы, сказал, что много казаков нынче едет. Рабочий злобно возразил:

- Много юнкерей и прочей гидры к Каледину пробирается. Вот приедем в Москву, там разберут - кому куда.

Когда все заснуло, я вызвал друзей на площадку и сообщил им о сказанном. Мы решили в Москве перейти в другой вагон.

Утром наш поезд медленно проходил через Москву и остановился на южном вокзале. Здесь произошло что-то неопишное. Огромная толпа солдат, поджидавшая поезд, бросилась штурмовать окна и двери.

Прикладами ружей били стекла закрытых окон и лезли внутрь, подсаживая друг друга. Часть прибывших лезли через окна из вагонов на перрон. Конечно, никакой проверки в этой свалке быть не могло. Мой "разоблачитель" исчез, и состав ехавших с нами солдат переменялся.

Ехать в вагоне с выбитыми окнами было неудобно, и в Харькове, где многие покинули поезд, мы вышли на платформу. К нашей радости мы увидели двух наших юнкеров в очереди за кипятком. Они пригласили нас к себе. Оказалось, что за взятку кондуктору они втроем ехали в отдельном купе 1-го класса, запертом на ключ. На дверях и в окне была вывеска: "Делегация революционного фронтального комитета". Находившийся в купе юнкер открыл нам окно, и мы, забравшись внутрь, отлучившись, доехали до Таганрога. Здесь "товарищи", ехавшие в коридоре и на площадках, покинули вагон, и проводник открыл наше купе.

Чудесная теплая осенняя погода позволила нам из открытых окон наблюдать спокойную жизнь на станциях Донской области. На платформах бабы продавали всякую снедь. И отсутствие толпы солдат напоминало дореволюционные времена.

После Ростова в почти пустой вагон вошел казачий патруль, проверяющий документы. Один из наших юнкеров находился в коридоре, и мы слышали громкий спор его с казаками. Старший казак, заглянув в наше купе, спросил:

- Кто вы такие, братцы? Тут ваш товарищ заврался. Называет себя приписным казаком с 16-го года, а во время войны приписки не было.

Оценив обстановку, мы объяснили, что мы юнкера из Петербурга и что "Союз Казачьих Войск" послал нас к атаману. Казаки рассмеялись и сказали:

- Давно бы так, а то дурить вам нас нечего. Мы коммунистов задерживаем, а вы поезжайте себе спокойно. Видно, что вы и впрямь юнкера.

К вечеру мы прибыли в красочный Новочеркасск и направились на Барочную улицу, куда имели словесное приказание явиться полк. Баккалову.

- 0 -

Первые пушки Добровольческой Армии.

Во время нашего пребывания в Ростове командование узнало, что в селе Лежанка Ставропольской губ., в 18-ти верстах от Донской области, расположилась часть самовольно ушедшей с "Турецкого фронта" 39-й артиллерийской бригады. С разрешения атамана туда была послана группа конных юнкеров артиллеристов под командой поручика Давыдова. Для "маскировки под казаков" к нам добавили юнкеров казачьего училища. Начальником экспедиции был лейтенант Герасимов.

После двухдневного похода отряд ночью проник в село, снял казачью батарею в батарейном парке и, будя по хатам ездовых, заставил их замунчивать и запрягать лошадей. К рассвету из села выступили два орудия образца 1900 года, 4 зарядных ящика со снарядами и телефонная двуколка. Несмотря на организованное Дербентским полком преследование, отряд благополучно вернулся в Новочеркасск и сдал добычу в первую артиллерийскую часть Добр. Армии - Михайловско-Константиновскую юнкерскую батарею.

По возвращении юнкеров из Ростова был произведен оружейный расчет. Я попал 3-м номером во второе орудие. В батарею прибыли артиллерийские офицеры и заняли командные должности. Начались занятия при орудиях и уход за лошадьми. "Пленных" ездовых 39-й бригады отпустили по домам.

Вскоре скончался от ран, полученных под Ростовом, юнкер К.А.У. Малькевич. Батарея заимствовала для похорон орудие запасной казачьей батареи. Сняли тело орудия, отвезли на лафете гроб и похоронили соратника. Но орудие образца 1902 года не вернули.

Долго требовали казаки обратно свою пушку, но им отвечали, что "юнкера не умеют собрать орудие". Тогда казачий комитет заявил, что будет разговаривать только с юнкерским комитетом. Командир приказал юнкерам-студентам постарше разыграть роль комитета. После долгой торговли постановили: вернуть казакам деревянную платформу, на которой прикреплялся гроб, и траурное покрывало. Орудие же осталось в нашей батарее до перевооружения летом 1919 года на английские орудия. Благополучно прошло Чернецовский, 1-й и 2-й Кубанские походы под командой доблестнейшего штабс-капитана Шперлинга, нося название 1-го или похоронного орудия батареи.

Юнкер Иван Лисенко.

- - ооо - -

ХАРЬКОВ 1919 ГОДА.

То были дни веселья,
На улицах везде -
Малиновые шапки
И на погонах "Д"!

Повсюду гордо вьется
Трехцветный флаг родной,
И радостно смеется
Старик и молодой!

Пьянят красавиц взгляды,
Кафе, сады полны,
И шляпы, и наряды
Белой цветов весны!

В тылу пусть радость жизни
Играет, как вино,
А мы служить Отчизне
Поклялися давно!

В честь нашего погона
Прошли победно мы
Район угольный Дона,
И Харьков, и Сумы!..

- Оставайтесь, - молят взгляды,
Вам надо отдохнуть!..

- Нам отдыхать - не надо, -
В Москву теперь наш путь!

Прощайте же, красотки!
Спасибо за любовь!
Мы за стаканом водки
Не раз вас вспомним вновь!

(Из дроздовских мотивов)

- - ооо - -

Хан Хаджиев.

А Т Ч А П А Р

(Окончание)

В 12 час. ночи с наполненными письмами и газетами харжумом я прибываю в Быхов; как дед мороз, с харжумом на плече поднимаюсь по скудно освещенной лестнице на второй этаж. Я был уверен, что все спят, но нет - одного крика: "Хан!.." было достаточно, чтобы меня окружили плотным кольцом люди, кричащие: "Хан, дорогой, что для меня?"... "Дорогой Хан, какие новости? И зачем в такой неурочный час?" и т.д.

На крик, шум людей выходит Верховный.

Весь галдеж как ножом отрезается, и все жмутся к стене.

Верховный, глядя на меня с удивлением, произносит только два слова:

- Здравствуйте, Хан. Идемте.

Входим в его комнату. Кладу мою переметную сумку на диван. Он задает мне вопрос. Голос озабочен.

- Почему в такой поздний час? Все ли благополучно?

- Все обстоит благополучно, ваше превосходительство, Иншала, все будет хорошо.

Глядя очень недоверчиво в мои глаза, задает мне вопрос:

- Видел ли Духонина? Побывал в полку?

Ответив подробно о том, что знал в ставке и о мнении полка, я стараюсь успокоить его, но он, все еще недоверчиво глядя на меня, спрашивает:

- Как вы, дорогой Хан, думаете и уверены ли вы, как вы говорите о полке, останутся ли они с нами до конца? Не подкупят ли их агитаторы Керенского через обозников или же через Георгиевцев?

Я хочу написать письмо в Петроград, прося денежную помощь как для нас, так и для Текинцев с их семьями, но я ждал вас, чтобы узнать ваше мнение. Но, дорогой Хан, спасибо вам, что успокоили нас. Мы вам верим, Хан. А теперь, пожалуйста, попросите ко мне ген. Лукомского и Деникина.

Когда я отворил дверь Верховного, то нос к носу столкнулся с Лукомским, его живот вошел раньше, чем хозяин.

На противоположной стороне от комнаты Верховного спиной к стене стоял ген. Деникин в обществе ген. Романовского и Маркова; недалеко от них стояли в группе ген. Кисляков, Ванновский, Эрдели, Эльснер и другие.

Заметив мое движение к нему, ген. Деникин, не говоря мне ни слова, вошел в комнату Верховного. Я, окруженный тесным кольцом, стал отвечать на вопросы томлящихся и усталых людей, переживающих весьма тягостные дни и минуты, ожидающих в каждый момент неприятную новость. Они отпускали весьма нецензурные слова по адресу Керенского, называя его трусом, негодяем, предателем родины и т.д.

- Этот предатель и трус убежит, предав в руки большевиков Россию и нас, - кричал Иван Александрович Родионов.

- Надо послать телеграмму этому мерзавцу, чтобы он не являлся с большевиками, ставленниками немцев, и освободил, пока не поздно, патриота генерала Корнилова, - кричал прапорщик Никитин.

- А Хан будет с нами до конца, неправда ли, дорогой Хан, - спрашивал меня А.Ф.Аледин, пытливо глядя на меня и желая знать о моем визите в такой поздний час.

- Эй, вы, давайте-ка попрыгаем, - кричал, заглушая всех своим тенором, ген.Марков, вызывая по фамилиям тех, кто, принимая участие в его чехарде, этим самым вносил свежую струю в жизнь мрачно настроенных людей. Потом, оборачиваясь к Романовскому, он сказал: - Ну, Ваня, пойдем, поддержи желание товарищей. Не хотите ли и вы с нами, ваше превосходительство, - обратился он к дряхлому ген.Эльснеру.

Тот, не расслышав хорошенько, переспросил: "Что?"

- Да попрыгать, ваше превосходительство!

Но генерал Эльснер костлявой рукой с папиросой в длинном мундштуке отмахивался от такого марковского предложения. Люди хохотали.

Вышел ген.Лукомский и, увидев меня в толпе узников, крикнул:

- Хан, пожалуйста сюда! - и со мной вместе вошел в комнату Верховного.

- Вот Хан, спросите сами, Антон Иванович, - сказал Верховный, когда я вошел в комнату.

- Хан, вы передали Кюгельгину приказание Лавра Георгиевича, и каково настроение ваших людей? - задал мне вопрос Деникин.

- Ваше высокопревосходительство, полк.Кюгельгин прибывает сюда послезавтра, а относительно моих людей я уже доложил Верховному все, что знал.

- Нет, Хан, лучше повторите все, что вы мне сказали, - сказал мне Верховный, удивляя меня. Я тогда подозревал, что Деникину нужны были сведения для его мемуаров и что он хотел слышать и знать все подробно от меня. Я сказал о решении джигитов 4-го эскадрона и о том, что думает полковник Ураз Сердар.

- А какое еще их желание? - перебил меня ген.Лукомский.

- Послезавтра сюда прибывает полк.Ураз Сердар, и вы, ваше пр-во, извольте спросить его обо всем, доложенном мною сейчас. Я уверен, что он поддержит и подтвердит все, что я сообщил в моем докладе, - закончил я, чувствуя себя очень усталым и нервным, а самое главное - думая, что они, говоря со мной и уверяя, что мне верят, в то же время что-то подозревают.

- Ну, дорогой Хан, спасибо вам. Дай Бог, чтобы вышло так, как вы сказали нам. Мы вам верим, и мыслящая Россия не забудет вас Текинцев, - проговорил Лукомский.

- А вы, Хан, передали Кюгельгину, чтобы он захватил с собой документы Керенского? - сказал ген.Деникин.

- Ваше превосходительство, ген.Дитрикс пишет, что ген.Духонин берет на себя заботу о Текинцах, - сказал Лукомский, преподнося полученное от Дитрикса письмо Верховному.

- Да, да, Духонин мне обещает, - сказал Верховный.

- Разрешите, - сказал Деникин и вышел из комнаты. Я вышел за ним. Он услышал за собой мои шаги и остановился, спросив:

- Вы ко мне, Хан?..

- Так точно, ваше высокопревосходительство, - и передал ему бутылку водки, посланную ему его адъютантом Малининым. Поблагодарив меня, он присоединился к ожидавшим его генералам Романовскому и Маркову, с которыми вместе отправился в свою комнату.

Было 2 часа ночи, когда я постучал к Верховному, прося его о разрешении отбыть в Могилев.

Услышав знакомое слово: "Войдите", я вошел к нему. Он сидел за столом профилем ко мне и что-то писал.

- Ваше высокопревосходительство, разрешите мне уехать в Могилев. Завтра в 9 часов утра я должен выехать сюда с иностранными корреспондентами, - сказал я.

- Хорошо, Хан, дайте мне закончить это письмо, - сказал он, не глядя на меня и не отрываясь от своей работы.

Я вышел в корридор, который постепенно оживал. Люди искали меня для передачи различных устных и письменных поручений к своим родным и знакомым. В это время дверь из комнаты Верховного открылась и на пороге ее показалась его фигура. Галдеж, царивший в корридоре, прекратился, как срезанный ножом, и наступила полная тишина. Верховный, подойдя ко мне, произнес:

- Господа, не задерживайте Ханя, он должен уезжать в Могилев и через каких-нибудь 5-6 часов снова быть здесь. Хан, когда кончите с ними, пожалуйста, зайдите ко мне, - и, сказав это, он вернулся в свою комнату.

Покончив с поручителями, я зашел проститься к Верховному. Он мне вручил письмо на имя Духонина и затем сказал:

- А вот это письмо от моей семьи. Она очень довольна, что вы со мной и посылает вам поклон. Вот рука Юрика, - улыбнулся он, показывая мне в конце письма на какие-то китайские знаки, намалеванные рукой сына, из которых я понял только первые слова: "Дорогой папа, мы слава Богу..."

Верховный, свернув письмо, положил его в бумажник. На мой вопрос, как они устроились и не дойдут ли до них щупальцы товарищей, он ответил, что Голицын пишет ему, что он устроил их в безопасном месте.

- Я очень рад, Хан, что он доехал до Москвы благополучно и находится среди своих людей.

Сказав это, он почему-то опять вынул письмо и, развернув его, впился в строки, написанные любимой рукой его друга жизни.

Быть может, глядя на письмо, вспоминал он теперь о разных мимолетных минутах, проведенных вместе, утешая друг друга черные дни в ставке, а также он думал, наверное, о том, сбудется ли его мечта еще раз встретиться с ними. Верховный очень глубоко погрузился в думы. Мне показалось, что он отдыхает, успокаивается, уходя далеко от неприятной, сложной обстановки, в которой он сейчас находился, сознавая свою ответственность за всех узников. Он совсем забыл о моем присутствии, и, глядя на его профиль со впившимися в письмо глазами, я не хотел выводить его из этого положения. Вдруг, как бы проснувшись от глубокого сна, он говорит:

- А... Хан, дорогой, извините, что я вас беднягу задержал.

- Ваше высокопревосходительство, разрешите передать вашей семье мою благодарность за память обо мне, а также прошу вас передать Трисию Владимировне и Наталии Лавровне, что я с вами и буду до последней минуты жизни. Свое обещание, данное им, я не забыл и не забуду.

Верховный улыбнулся.

- Хорошо, дорогой Хан, я исполню вашу просьбу. Иншала, все будет хорошо, не правда ли, Хан? Мы вам верны и признательны за вашу преданность общему делу.

Сказав это, он очень сладко зевнул, прикрыв рот рукой, а потом встал и, подняв руки и выпрямляя свое тело, отпустил меня, сказав:

- С Богом, Хан!

Я вышел - было 4 часа утра. В 5.30 я уже был у себя в комнате, принял ванну и, выпив чашку чая, ровно в 8 часов собираюсь выходить, но, глядя на Фоку, вижу, что он что-то хочет сказать.

- Фока, пальни! Что у тебя, барышни, а?..

Фока смеется и краснеет, говоря:

- Ваше благородие, и это было, но главное не то.

- Говори, Фока.

- Ваше благородие, в 10 часов ночи полковник Новосильцев и штабс-капитан Иоль принесли ящик гранат, четыре револьвера Маузер в деревянных кобурах, 8 наганов и два маузера карманного образца с патронами и велели, чтобы вы доставили их в Быхов, - закончил мой денщик.

По мере того, как он докладывал, мои глаза стали шириться, как океан, от ужаса.

-- А где же этот смертельный багаж?

- Положил под вашу кровать.

- Почему ты, дурак, не предупредил меня, когда я вошел сюда?

Сейчас же убери их отсюда. К черту. Лучше положи их под кровать Кантбекову, пусть он первый взлетит на воздух, а не я с тобой, - сказал я, думая, что Новосильцев и Иоль принесли их по совету Кантбекова - моего соседа, который в это время беспечно спал, не подозревая, что я очень сердит на него и хочу за его медвежью услугу взорвать его первым.

- Ваше благородие, я привел их в порядок, и они не опасны, вы их свободно можете везти до Быхова, - говорил опытный артиллерист Фока.

Гранаты были английской фабрикации, похожие на ананасы, и очень хорошо упакованы, их было 40 штук. Один маузер с деревянной кобурой и 200 патронов к нему я оставил для себя.

Вручив письмо Верховного, адресованное на имя ген.Духонина, его адъютанту Павскому, я на первой машине (их было четыре) отправился в штабную столовую, у входа в которую стояли уже наготове иностранные корреспонденты и один русский офицер, фамилии которого я не помню. Полк.Квашнин-Самарин со своим адъютантом прапорщиком Лузиным, говорившим по-французски, и подполк.Тимоновский, командир Георгиевского батальона, со своим адъютантом шт.кап. Кудининым и я ехали впереди, чтобы остальные машины ориентировались по нашей машине.

В 10.30 утра, когда мы подъехали к Быхову, то еще издали нашим глазам представились славные Текинцы в конном строю. Они, как хорошо и правильно, опытными руками нанизанные на нитку жемчуга, стояли в идеальном порядке в конном строю. Высокие стройные джигиты в своих малиновых халатах, вооруженные стальными пиками и винтовками за спиной, с ятаганами в дорогах оправах на боку, сидели на своих знаменитых тонконогих англо-арабах, которые по быстроте равны дикой козе, легкости воздуха и гибкости стали ятагана и которы, чуя важность момента, храпя и нервно, как струнами, перебирая тонкими ногами по мерзлой земле, то и дело направляя свои ножницеобразные уши в сторону гостей, ожидали сигнала трубача.

Казалось, и небо очень сочувственно отнеслось к моменту, усилив свою синеву, чтобы на этом фоне еще красивее, ярче и величественнее выделялись фигуры сынов далекой Азии, которые только несколько месяцев тому назад высоко, крепко держали штандарт Великой Империи и без страха, гордо шли в кровавый бой за свою родину Россию. Теперь, в черные дни смуты, оставаясь верными присяге Ак Падишаху и традиции своих предков, говорящей о том, чтобы не предавать того, кто ищет у тебя защиты и не менять честь туркмена на золото предательства, они продолжают служить, охраняя от черни беззащитных, чистых патриотов и верных сынов родины во главе с их Великим Бояром, брошенных в тюрьму нечестным трусом и предателем Керенским.

Машины остановились на шоссе, и мы все пешком направились по мерзлой, покрытой инеем земле к месту стоянки полка.

Полковник Эргарт, командовавший двумя эскадронами, сделав салют, подъехал к нам, спешил и присоединился к нашей группе. Корреспонденты немедленно, вынув свои блокноты, облепили Эргарта, задавая вопрос за вопросом.

Особенно в этом отличился назойливый, как муха, нервный и расторопный маленький и щупленький француз.

В противоположность ему хладнокровный, умеренный в своих движениях, высоко ценящий свое достоинство, очень эксцентричный, но выдержанный и расчетливый, знающий, чего он хочет, англичанин держится пока в стороне, но его холодные глаза не отрываясь впились в Текинцев.

Очень пылкий в своих разговорах, но вялый в движениях, раб иллюзий, одуренный величайшей долей самолюбия и принимающий близко к пылающему сердцу все, что видит и слышит, итальянец, часто хватая Эргарта за локоть, что-то писал.

Весьма сдержанный, с почти закрытыми узкими глазами, как бы не замечая своих коллег, но в то же время видящий и слышащий больше всех и как раз именно то, что ему нужно, - не волнуясь, не шевеля ни одним мускулом своего лица и почти не обращаясь с вопросами к своему переводчику, сосредоточенно и деловито строчил на своем языке японец.

Задавая вопросы шутливого тона, веселого характера, душа нараспашку, ежеминутно глядя на всех и часто мешая сербский и русский языки, торопливо писал серб.

- Сколько таких полков в Русской армии? - задавал вопрос японец.

- Почему их называют Ахал Текинцами и что за слово Ахал? - спрашивал серб, ставя в тупик переводчика, который очень неясно, в туманной форме и по возможности кратко объяснял, что Ахал - это такой народ в Азии, и тому подобную чушь.

Я молчал: ведь чем больше чуши, тем интереснее, и тем популярнее становятся корреспонденты, а бумага все терпит.

Взяв за рукав Эргарта и отведя его в сторону, англичанин спросил его о количестве людей в полку, как и чем вооружены всадники и имеет ли полк легкие скорострельные пушки, когда люди находятся в спешном строю.

После этих разговоров наступил, наконец, долгожданный момент. Трубач подвел коня полк.Эргарту, и он, заняв свое место, начал отдавать команду.

Первый эскадрон, сидевший на гнедых жеребцах, второй - на ка-рих и часть третьего на серых начали плавно и красиво двигаться со-гласно сигналам трубача.

Очень стройно и легко в движениях проходили эскадроны перед зрителями. Когда кончилось ученье, эскадроны показали сцену стаки. Эшелонированные эскадроны, держа пики наперевес, со сверкающими ятаганами, крича: "Алла!", летели на своих гибких армаках прямо на зрителей, вызвав среди них панику.

После окончания этого номера Атчапара - скачки - началась джи-гитовка. Виг джигиты первого эскадрона и части второго расстались со своими халатами, оставшись в одних гимнастерках цвета хаки. Вот выделился Текинец - он летит на своем скакуне, держа голову на сед-ле, а ноги в воздухе. За ним другой так сдился с лошадью, что его нельзя было заметить, и зрители спрашивали недоуменно, почему ло-шадь без всадника, а когда его лошадь проходила мимо зрителей, то текинец, снявшись из-под брюха лошади, внезапно оказался в седле, что страшно озадачило всех. Вот летит третий, сверкая своим ятага-ном; ятаган, подброшенный в воздух, светит, как полумесяц. Он его ловит сперва правой рукой и режет воздух рубкой, потом снова подбра-сывает, ловит левой рукой и снова рубит влево. Четвертый летит и затем, держась за луку седла, на ходу соскакивает с коня, касается носками ног земли и снова, взлетая, садится в седло для того, что-бы в следующий момент показать тот же прием с левой стороны. А вот летит джигит - он "ранен" и падает с лошади, распластавшись на зем-ле; лошадь останавливается, как вкопанная, и сторожит своего всад-ника. За ним летит другой и, не слезая со своего жеребца, на скаку подхватывает "раненого", кладет его поперек своего седла и летит дальше. За ним, не отставая, несется лошадь "раненого"...

Наконец, все это, сопровождаемое охами и ахами зрителей, кончи-лось при бесконечных аплодисментах, которых не слышали ни джигиты, ни я, стоявший в группе аплодирующих, так как их руки были в перчат-ках. Зато голоса: "вери гуд", "бонзай", "мусье бьен", "карош", "трэ бьен" - ясно долетали до джигитов, показывая, что они произвели на иностранцев огромное впечатление. Корреспонденты были в восторге, глядя на людей и лошадей Российской конницы.

Особенно их интересовали знаки отличия джигитов. Один из них имел два георгиевских креста, а другой медаль и крест, полученные лично из рук Государя за дело под Черным Потоким в 1915 году.

Все поле кричало "ура", и местные жители Быхова, никогда не видевшие джигитовки, сопровождали всадников до села, места стоянки полка.

Храп усталых лошадей, громкие разговоры вспотевших джигитов и восторженные крики посторонних зрителей наполняли поле.

Когда мы все гурьбой дошли до своих машин, то одного корреспон-дента не оказалось - это отсутствовал юркий француз. Оказалось, что при содействии полк. Тимоновского он успел юркнуть в тюрьму. Он в одно мгновение успел повидеться с "мосье генераль Корнилофф" и воз-вращался оттуда, выполнив свою миссию, повидевшись с Верховным. Он начал делиться своими впечатлениями с остальными, тоже желавшими побывать у Верховного, но вынужденных отказаться от этого ввиду то-го, что Квашнин не согласился на это, прося их не осложнять положен-ные узники.

Тогда они, ходя вокруг тюрьмы, зашли в польский костел. В это время узники, столпившись за решеткой, с завистью смотрели на свободных людей. После выхода из костела они сели в машины и уехали в Могилев, ибо было время обеда. Квашнин-Самарин, полк. Тимановский и я поднялись наверх. Они пошли навещать Деникина, а я — к Верховному, которого застал в обществе Аладьина. Они разговаривали.

При виде меня Верховный, с желтым лицом и горящими глазами, слегка взволнованный, обратился ко мне с вопросом:

— Ну, как, Хан? Понравился им прием Текинцев?

Рассказав все, что видел и знал, я задал ему вопрос: — был ли у него корреспондент француз?

— Да, он хотел поделиться своим интервью со мной со своими коллегами, так ли я понял? — обратился он к Аладьину.

— Да, Лавр Георгиевич, — подтвердил тот.

— Ну, что у вас есть, Хан, вручили ли вы мое письмо Духонину?

Ответив ему утвердительно, я хотел сообщить ему о том, что говорят англичане, но стук в дверь помешал мне.

Дверь приоткрылась раньше, чем Верховный сказал: "Да", и на пороге показалась полная фигура Деникина, произнесшего:

— Я думал, вас нет. Можно?

Деникин вошел в комнату в сопровождении какого-то офицера Ген. Штаба. Я вышел.

После того, как Деникин кончил свое посещение, я снова вошел к Верховному, чтобы попросить его разрешения на выезд в Могилев. Когда я вошел, то Верховный стоял у окна спиной ко мне, глядя на тюремный двор. Одна рука в кармане брюк, а другой он теревил подбородок. Медленно повернулся он ко мне, смотря безразличным взором, углубленный в свои думы. Я стал около двери, не смея мешать ему.

Глубокий вздох, и потом, не отделяясь от окна, обращается ко мне:

— Хан, посмотрите, сколько птиц налетело! Посмотрите, сколько их на земле и на деревьях. Смотрите, Родионов старается их ловить, но неудачно.

— Ваше высокопревосходительство, они собирают крошки от обеденного стола, их выбрасывают в это место, и они поэтому инстинктивно ловят время обеда и прилетают сюда, — ответил я.

— А! Да! — протянул он и подошел к столу.

— Ваше высокопревосходительство, иностранцы уже отбыли. Они уехали с неизгладимым впечатлением и восторгом от Текинцев, которые доказали на деле, что они в самом деле Текинцы, — сказал я, вызывая его на разговор.

— Хан, они очень наивны, или хотят это показать для отвода нашего внимания. Знаете, Хан, какой вопрос мне задал француз? — "Мосье генераль, а какая ваша идея в случае смены Керенского?" — А кто, по вашему, его сменил? — спросил я. — "Но — тот же народ, сменивший Царя..." — Моя идея служить народу. — "А если большевики?" — Большевики не народ. Это кучка интернационалистов, желающих захватить власть, обмануть русский народ, обратить его в рабство. Я пойду против этой кучки.

Кто-то постучал в дверь, и наш разговор был прерван. Вошел Аладьин с какой-то бумагой в руке.

— А, готово, — сказал Верховный и, взяв бумагу из рук Аладьина,

долго просматривал ее, спрашивая что-то у Аладьина, смотревшего в бумагу через плечо Верховного, потом вложил ее в конверт, заранее подготовленный Аладьиным, затем, сняв свое кольцо и приложив на капавший сургуч, поднес его к глазам, чтобы убедиться в ясности печати. После этого он вручил письмо мне, говоря:

- Хан, пожалуйста вручите это письмо ген. Бартеру, главе английской миссии. А.Ф., мне кажется, иностранцы чуют неблагонадежное положение Керенского, - сказал он, обращаясь к Аладьину.

- Он слетит, иного выхода для него нет, Лавр Георгиевич.

- Боже мой, до чего он довел Россию! - и тут же, глядя на меня, добавил: - Хан, пожалуйста, передайте Кюгельгину, чтобы он вместе с Ураз Сердзором явились сюда. Ну, с Богом, Хан, - сказал он и пожал мне руку.

- Дай Боже, чтобы свержение Керенского произошло после нашего ухода отсюда, Лавр Георгиевич, - долетели до меня слова Аладьина, когда они оба вышли и отправились в столовую. Верховный очень редко появлялся в общей столовой, получая в своей комнате обед, сервированный Реджебом Тельгиевым, своим вестовым и денщиком, состоящим в этой должности со дня заключения Великого Бояра.

Полк. Эдвардс принимает меня очень любезно. Принимая от меня письмо Верховного, тщательно, через увеличительное стекло рассматривает печать, сравнивая ее с прежней печатью.

Разговор велся по английски.

- Садитесь, пожалуйста, Хан!

Я сажусь.

- Генерала здесь нет, он с Деникиным. Как генерал Корнилов?

- Все очень хорошо, спасибо.

- Вы хотите ответ сейчас же или зайдете потом? - говорит Эдвардс.

Я отвечаю незначимом важности письма Верховного.

- Все-таки я не понял и не понимаю, почему ген. Корнилов арестован. Какая цель Керенского держать генералов в арестном доме? - раздается голос из угла комнаты сидевшего за столом английского офицера.

- Это длинная история, - бросает Эдвардс. - Какая идея генерала Корнилова?

Я говорю, что ген. Корнилов против большевиков, если они возьмут власть в свои руки.

- Почему?

- Потому что они интернационалисты и опасны не только для России, но и для всего мира, - говорю я.

- Они не представляют опасности для нас. Мы давно в нашей лаборатории изучаем бактерии Ленина, - говорит тот же голос. Эдвардс улыбается, пишет что-то.

- Будет ли оказана поддержка генералу Корнилову в случае его выступления против большевиков? - спрашиваю я.

- Очень трудно, почти невозможно. Наша рабочая партия против этого, - отвечает полк. Эдвардс.

"Предатели и торгаши! Обманутая, униженная и оскорбленная моя великая Родина Русь!" - думаю я и прошу разрешения удалиться.

Мне очень хотелось бы встретиться теперь с этим высокопарным, надменным и гордым британцем и спросить его о Ленинских бактериях,

которые они, цивилизованные и культурные англичане, в 1918 году хотели изучать при помощи микроскопа.

В 1962 году эти бактерии почти слопали того страшного, рычащего на весь мир английского льва, не оставив ему для самозащиты ни когтей, ни зубов, и угрожают его короне, которая тоже чуть-чуть держится, чтобы не слететь в бездонную пропасть!

Придет день, когда все недруги, оскорблявшие и унижавшие нашу родину Русь, придут, прося прощения, и этот день недалек, и имя его Возмездие.

За добро добром, а за зло дважды будем платить.

Хан Хаджиев
6-го апреля 1962 г.
Мексика.

- - ооо - -

Х Р О Н И К А

- В субботу 1-го декабря с.г. в 8 час. вечера состоялась очередная встреча первопоходников в своем клубе. Присутствовало 19 членов О-ва и их друзья.

Председатель правления О-ва Первопоходников А.Ф.Долгополов сделал интересный доклад на тему: "150-летие Форта Росс".

А.Долгополов лично побывал в этом году на торжествах по случаю 150-летнего юбилея основания первого русского селения и крепости на берегах Тихого океана в Калифорнии.

Присутствующие с большим вниманием слушали доклад А.Ф.Долгополова, который образно, кратко и ясно поведал историю этой забытой и малоизвестной местности, где русские впервые высадились и основали первое русское селение. Доклад сопровождался демонстрацией цветных фотоснимков.

Наградой докладчику были шумные аплодисменты. После этого всем присутствующим был предложен чай и кофе.

Согласно решения правления О-ва, в 12 час. ночи клуб был закрыт.

В.М.

- 11-го ноября с.г. русскими национальными организациями гор. Лос Анжелеса было устроено торжественное собрание, посвященное 1100-летию основания Российского Государства.

Обширный зал американского Брекфаст Клуба вместил до 700 человек.

Ген.Свищев открыл собрание, объяснив смысл данного собрания антикоммунистической русской эмиграции:

воскресить славное прошлое России,
сохранить любовь к поработанной Родине и
укрепить веру в светлое будущее Освобожденной России.

Ряд докладчиков осветили деятельность выдающихся русских государей и полководцев, ходивших в битвы с врагами, подвижников, уче-

ных, писателей, художников, композиторов, в лице которых русский народ дал миру духовную культуру Великой России.

Казачий хор и ряд талантливых артистов воскресили в душах собравшихся произведения великих русских поэтов и композиторов.

Богатейшая выставка исторических предметов, документов, старинных икон, орденов, медалей, монет, оружия, гравюр, картин, серебра, бронзы и т.д. наглядно показали образцы произведений русского народа.

Наши первопоходники принимали деятельное участие в устройстве собрания. С.И.Чернов составил музыкальную программу и заведывал сценой, А.Долгополов, с помощью членов О-ва Любителей Русской Военной Старины, устроил выставку.

По отзывам посетителей и прессы собрание было исключительным по своему характеру и содержанию и произвело неизгладимое впечатление на всех, его посетивших.

А.Ф.

- Редакция журнала "Вестник Первопоходника" сердечно благодарит нижепоименованных читателей, приславших пожертвования в фонд издания журнала:

1. Е.Булюбаш	дол. 6.-	8. П.К.	дол. 3.-
2. И.Гергель	" 4.-	9. Н.Прайс	" 1.50
3. Н.Грегор	" 1.-	10. И.С.Свищев	" 1.-
4. А.Гельбке	" 2.-	11. М.С.	" 1.-
5. Г.Головань	" 2.-	12. Д-р Н.Рябухин	" 4.-
6. Е.Карпенко	" 3.-	13. В.Черешнев	" 2.-
7. В.А.Кариус	" 10.-	14. В.Эльманович	" 5.-
		Всего	дол.45.50

- - оОо - -

Скорбный Листок:

- В Париже умер первопоходник Пятницкий Николай Владимирович.

- - оОо - -

- Редакции нужны тексты следующих песен добровольцев:

С берегов Кубани, Дона,
С Волги матушки реки
Красных бить полки идут...

- - - -

Песни Корниловцев:

Оковы новые куют большевики
Из золота Иудина и стали,
Но их сорвут корниловцев штыки,
Как прежние оковы посрывали...

Песни Марковцев:

На мрачных полях Армавира,
Где вечная память живет
Про ночи кровавого пира,
Про Марковцев славный поход...

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Не имея возможности документально проверять все имена, чины, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на совесть и память авторов.

- Годовая подписка на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" - 3.00 доллара в год. Цена отдельного номера - 30 центов.

- В Редакции имеется ограниченное количество неполных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год - от № 1 до № 14 включительно. Стоимость каждого отдельного номера - 30 центов.

- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в Фонд Издания "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА".

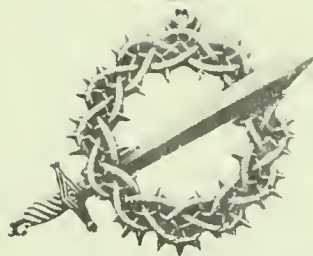
- - оОо - -

Редакционная Коллегия:

Г.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.Пухольский.

Главный Редактор А.Долгополов.

- - оОо - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 16

ЯНВАРЬ 1963 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - oOo - -

П Р И К А З
ВОИСКАМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ
№ 266

станция Михайловская

Апрель 28 - 1918 г.
13 час.10 мин.

1. Противник, разбитый ген.Марковым, бежал на станцию Уманскую. Против ген.Богаевского сегодня большевики повели наступление со стороны станции Кисляковки.

2. В виду законченной операции в районе жел.дороги, приказываю сегодня частям армии перейти в район станции Ново-Пашковской (хутор Ново-Пашковский), станции Екатериновской.

а) Ген. М.Покровскому с конным отрядом оставаться в хуторе Зубова (между Кисляковской и Екатериновской) и прикрывать движение Армии с Запада.

б) Ген.лейт. Маркову с 1-й бригадой выступить в 14 часов из ст.Михайловской и перейти через станцию Крыловскую в ст.Екатериновскую, в ст. Ново-Пашковскую, имея не менее роты за армейским транспортом.

в) Полковнику Мальцеву с армейским транспортом выступить и следовать за 1-ой бригадой.

г) Ген.майору Богаевскому со 2-ой бригадой выступить непосредственно за транспортом и перейти в ст. Ново-Пашковскую.

д) Ген.Эрдели с конной бригадой и Мечетинским конным полком перейти сегодня в ст.Екатериновскую, составляя арьергард.

е) Кубанской запасной сотне следовать за Штабом Армии.

3. Пехоте двигаться на подводах.

4. Квартирьеров выслать к 14 часам в голову колонны в распоряжение капитана Шатилова.

5. Я со Штабом буду двигаться при колонне генерала Маркова.

Подлинный подписал Ген.Лейт. Деникин.

Верно: Нач.Опер.Отделения Ген.Штаба Полковник Сальников.

- - oOo - -

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК В ПЕРВОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

9 февраля 1918 года из Ростова в составе армии ген. Корнилова выступило три донских партизанских отряда, носивших названия по фамилиям их начальников: отряды Краснянского, Лазарева и Чернецова. Последнего не было уже в живых, но отряд сохранил имя своего доблестного начальника.

В станице Ольгинской отряды были сведены в партизанский полк под командой ген. Богдеевского. Отряды стали именоваться сотнями, сохранив свои названия: 1-я сотня Краснянского, 2-я Лазарева, 3-я Чернецова.

Молодой полк показал себя с наилучшей стороны в первых же боях Добровольческой Армии. После боя у Кореновской полк выдвинулся по направлению к станице Платнировской. Из рядов Корниловского полка я наблюдал спокойное, решительное наступление партизан. В их строю было уже несколько черкесок, так что полк производил впечатление кубанской части: по вступлении в пределы Кубанской области полк стал быстро пополняться кубанскими казаками - преимущественно бывшими пластунами.

При движении за Кубань партизаны оказались в арьергарде и выдержали тяжелые арьергардные бои у Усть-Лабы и хуторов Филипповских, прикрывая армию от наступающих с тыла большевиков, в то время, как остальные части форсировали переправы.

Перед стан. Калужской я видел, как ген. Богдеевский, стоя открыто верхом под огнем большевиков, переправлял своих партизан на крупах лошадей через вздувшуюся горную речку.

После соединения с Кубанским отрядом в ст. Калужской к партизанскому полку был придан один из батальонов Кубанского Стрелкового полка, составивший 2-й батальон, в то время, как основное ядро партизан образовало 1-й батальон. Здесь же ген. Богдеевский был назначен командиром 2-й бригады в составе корниловского и партизанского полков, а меня ген. Корнилов назначил командиром Партизанского полка.

Из станицы Калужской полк в составе 2-й бригады был двинут на станицу Григорьевскую, а по взятии ее - самостоятельно на станицу Смоленскую. Бой у Смоленской вышел тяжелым. Наш берег реки, прикрывавшей станицу, зарос густым лесом, простиравшимся почти до ст. Григорьевской, откуда мы пришли, так что об артиллерийской подготовке не могло быть и речи. Напротив, от станицы, стоявшей на высоком берегу, пологий скат спускался к реке, давая большевикам отличный обстрел, чем они и воспользовались, разбив сильный огонь. Долго все попытки переправиться оканчивались неудачей, и полк нес большие потери. Между прочим, был убит командир 2-го батальона, фамилию которого не помню, так как знал его только несколько дней. Здесь особенно отличился капитан Бузун, который нашел переправу у мельницы и перебежал со своей сотней на другой берег реки, после чего станица была взята. Казаков в станице не оказалось, а инородные встретили нас настолько недружелюбно, что пришлось пригрозить им репрессиями, чтобы получить ночлег и продовольствие.

Из Смоленской полк был направлен на Георгие-Афонскую. В упорном бою под этой станицей 1-я бригада и корниловцы закрепились под убийственным огнем большевиков и не могли двинуться дальше. Партизаны тоже закрепились было в болотистой долине к юго-востоку от станицы

железной дороги, но моего окрика: "Ну, что вы, утки, что ли, что полочетесь в болоте? Вылезай вперед на сухое!" - было достаточно, чтобы двинуть их вперед. Атака партизан решила участь боя. После этого боя ген.Корнилов сказал мне, что очень доволен действиями полка.

Действия партизан при штурме Екатеринодара подробно описаны мною в сборнике, посвященном десятилетию 1-го похода, а поэтому я здесь повторяться не буду. Полк взял ферму, на которой впоследствии был убит ген.Корнилов, предместье Екатеринодара - "Кирпичные Заводы" и был единственной частью, ворвавшейся в Екатеринодар и дошедшей до Сенной площади. Начав штурм в составе 800 штыков, полк к концу штурма имел 300. В числе многих достойных офицеров и партизан был убит доблестный капитан Курочкин - командир 1-го батальона. Убит и заместитель командира 2-го батальона, убитого под Смоленской, и в командование 2-м батальоном вступил капитан Бузун. Ранены: мой помощник Полк. Писарев, командир 2-й сотни есаул Лазарев, ранен и я.

При движении от немецкой колонии Гнадау (которую почему-то называли Гначбау) полк составлял арьергард. Партизаны перешли в короткое наступление и взяли пулемет, после чего большевики перестали наступать.

Под станицей Медведовской, в то время, как ген.Марков совершил свой известный подвиг с бронепоездом, партизаны были направлены на станицу и взяли ее после короткого боя.

При полку был очень хороший перевязочный отряд, включенный в состав полка вместе с отрядом Чернецова, при котором он был сформирован. Этот отряд давал возможность возить своих раненых при полку. Я слышал, как ген.Корнилов говорил ген.Богаевскому: "В вашем отряде раненные выздоравливают, не то, что в общем лазарете". В станице Дядьковской, когда я обходил своих раненых они с тревогой спрашивали меня, правда ли, что решено оставить тяжело раненых. Я успокоил их, назвав эти слухи провокацией, и дал слово, что ни один партизан оставлен не будет. Едва я вернулся к себе на квартиру, как меня позвали на совещание к ген.Алексееву и я к своему ужасу услышал, что обсуждается вопрос об оставлении раненых. Я рассказал о своем разговоре с партизанами; это вызвало некоторое смущение, но тем не менее большинство высказалось за оставление тяжело раненых. К счастью, у нас подвод оказалось достаточно, и я мог сдержать слово, данное моим раненым.

До возвращения в Донскую область я не припоминаю сколько-нибудь значительных боевых действий полка.

Из станицы Егорлыцкой 2-ая бригада была направлена на большевицкое село Гуляй-Борисовку. Партизаны шли в авангарде. Подходя к селу, я с удивлением увидел, что вырытые впереди него окопы никем не заняты. Оказалось, что большевики ожидали подхода каких-то своих частей и, увидев издали нашу колонну, приняли ее за своих и спокойно оставались по квартирам. Не теряя времени, мы атаковали село. Большевики были захвачены врасплох. Началась ловля и истребление их по дворам, в чем тотчас приняли участие и корниловцы. Пленных сгоняли на площадь на краю села. Вскоре их набралось у меня более 300.

Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание ген.Богаевского: по случаю страстной субботы, пленных не расстреливать.

В Гуляй-Борисовке мы отстояли пасхальную заутреню и провели несколько дней праздников. Здесь же полк впервые надел погоны - си-

ние с белым в отличие от корниловцев, имевших черно-красный погон. Шитьем этих погон было занято чуть не все женское население села.

Из Гуляй-Борисовки 2-ая бригада была послана в набег за снарядами и патронами на жел.-дорожную станцию Крыловскую (в это же время 1-ая бригада производила набег на Сосыку). Во время этого набегга, когда мы готовились атаковать станицу Екатериновскую, ко мне со стороны большевиков подъехал казак и доложил, что их человек 70 желают перейти на нашу сторону.

Мы с ним условились, что они сделают вид, будто идут на нас в атаку, а мы стрелять не будем. Конечно, был известный риск, но казак внушил мне доверие. Все было выполнено по условию: показалась как бы идущая в атаку сотня, которая, вместо атаки, пристроилась к моему левому флангу. Это произвело отличное впечатление у нас и удручающее впечатление на большевиков, которые вслед затем легко сдали нам станицу.

Однако, оправившись, они сами на другой день перешли в наступление с целью взять обратно Екатерининскую. Целый день партизаны и корниловцы отбивали большевиков, которые к вечеру расположились полукругом на ближайших подступах к станице. Ген. Богаевский решил, оставив для обороны станицы 2-й батальон партизанского полка под командой капит. Бузуна, с корниловцами и 1-м батальоном партизан выйти ночью из-за фланга большевиков и атаковать у них в тылу станцию Крыловскую. План удался блестяще: с соблюдением полной тишины бригада выполнила свой рискованный маневр. На Крыловской была захвачена богатая добыча патронов и снарядов. 2-ая сотня Партизанского полка взяла и два орудия. Услышав выстрелы у себя в тылу, большевики, стоявшие перед Екатерининской, начали отступать. Кап. Бузун перешел в наступление, и большевики, взятые нами в два огня, рассеялись. На другой день пришлось выдержать тяжелый бой у станицы Михайловской, совместно с подошедшей на соединение с нами 1-й бригадой, против большевиков, получивших новые подкрепления и снова перешедших в наступление.

После этих боев Добровольческая Армия расположилась на продолжительный отдых в ст. Мечетинской. Здесь я принял 2-ую бригаду отставшего во главе Донского правительства ген. Богаевского, а Партизанский полк сдал полковнику Писареву. Вскоре затем я уехал в командировку в Москву, а вернувшись оттуда, командовал 1-й дивизией и 1-м корпусом. Партизан мне больше не пришлось видеть вплоть до Кубанского десанта 20-го года, во время которого полк, носивший уже название Алексеевского, под командой полковника Бузуна входил в состав сводной дивизии. Но это уже не имеет отношения к первому походу.

В. Казанович.

ПЕРВЫЙ БОЙ НА КУБАНИ.

К концу января 1918 года красная волна хаоса и анархии грозила захлестнуть и столицу Кубани — Екатеринодар.

Фактической и реальной силой, на которую опиралась кубанская власть, были два маленьких партизанских отряда — первый войскового старшины Галаева и второй капитана В.Л.Покровского. Отряды эти состояли почти исключительно из молодых офицеров, не старше капитанского чина, юнкеров и другой учащейся молодежи. Первое время деятельность отрядов заключалась в несении караульной службы в разных пунктах города, а главным образом — в разоружении проходивших через Екатеринодар эшелонов, чтобы лишить возможности разнузданные солдатские массы предать анархии еще уцелевший край. Отряд Галаева был расположен в центре города в духовном училище, и при отряде мною была сформирована 4-орудийная батарея, причем первые два орудия были обманом и хитростью добыты у армянского ополченского дивизиона, расположенного в здании кинематографа в городском саду. Вся батарея состояла из офицеров и учащейся молодежи.

На рассвете 22-го января население Екатеринодара было разбужено орудийным огнем со стороны Энема — первой железнодорожной станции в Новороссийском направлении. Это были первые выстрелы, с которыми началась кровавая эпопея Кубани.

Сторожевая застава от отряда, охранявшего жел.-дорожный мост через Кубань, донесла, что от Новороссийска движутся эшелоны большевиков и разложившейся 39-й пехотной дивизии, бросившей турецкий фронт. Наступавшими частями было предъявлено требование о сдаче Екатеринодара. Войсковой старшина Галаев без всяких колебаний, в ответ на это требование, со своим отрядом около 130 человек пересек жел. дорогу в 4-5 верстах к западу от Екатеринодара, встретив наступающих убийственным пулеметным и ружейным огнем.

Одновременно с выступлением отряда, я приказал немедленно запрягать орудия и двигаться за пехотой. К этому времени лошадей и упряжи было только на два орудия. Лошади, раздобытые всякими путями, никогда в упряжи не ходили и только пятились назад, так что первые две версты пришлось орудия катить на руках, ведя лошадей в поводу. Пройдя по шоссе мимо городского сада, около жел.-дорожного моста батарея была встречена большевицки настроенными рабочими завода "Кубаноль", которые отпускали угрожающие замечания по нашему адресу, и только присутствие двух пулеметов Люиса сдерживало их от активных враждебных действий.

Я занял позицию непосредственно на полотне железной дороги, сейчас же за цепями и пулеметами галаевцев и открыл беглый огонь по наступающим, в колоссальном количестве превосходящим маленький отряд Галаева. Позиция, на которой мы встретили красных, очень благоприятствовала обороне. Это было узкое дефиле — полотно жел. дороги и рядом шоссе; справа и слева непроходимые кубанские плавни, так что противник не имел возможности развернуть свои силы, насчитывающие до 6 тысяч человек, и в то же время наши фланги были совершенно обеспечены.

Весь фронт боя не превышал пятидесяти шагов. Огонь прямо в лицо наших 10 пулеметов Максима, ружейный и шрапнель моих орудий — был настолько силен, что каждая попытка противника продвинуться

вперед немедленно пресекалась, а придорожные вербы были совершенно срезаны и снесены огнем. Мой наблюдательный пункт был тут же, на правом фланге цепей, на крыше железнодорожной будки.

К 4 - 5 часам вечера наше настроение стало падать. Ружейной пулей был убит доблестный командир пулеметного взвода прапорщик Татьяна Бархап. Стало закрадываться неприятное чувство - что же дальше? Назад пути не было, так как местные большевики с рабочими завода "Кубаноль" уничтожили бы отступающую горсть галаевцев; впереди - противник, справа и слева - плавни. Был один выход - сражаться до конца! И каждая попытка противника опрокинуть галаевцев отмечалась новыми сотнями трупов, устилавших узкое пространство боя.

Около 6 часов вечера со своего наблюдательного пункта я заметил сильное движение у противника, и огонь стал слабеть. Немедленно вперед была выдвинута разведка, которая обнаружила паническое бегство красных. Взявшись в передки, я со своими орудиями, меняя позицию за позицией, почти в упор шрапнелью преследовал бегущих по шоссе и полотну жел. дороги. Паника у большевиков объяснилась тем, что командир другого партизанского отряда капитан Покровский, увидев, что бой принял затяжной характер, со своим отрядом в 160 чел., обойдя плавни с юга, через аул Тахтаукай вышел к станции Энем, находящейся на три версты в тылу у большевиков, и все красные, бывшие против нас, очутились в узком мешке, из которого вырваться уже было невозможно.

Разгром противника был полный. У станции Энем были захвачены 4 действующих орудия, что дало нам возможность заперчь остальные два орудия и пополнить снаряды.

Эта первая победа подняла дух и повлекла за собой усиленный приток партизан.

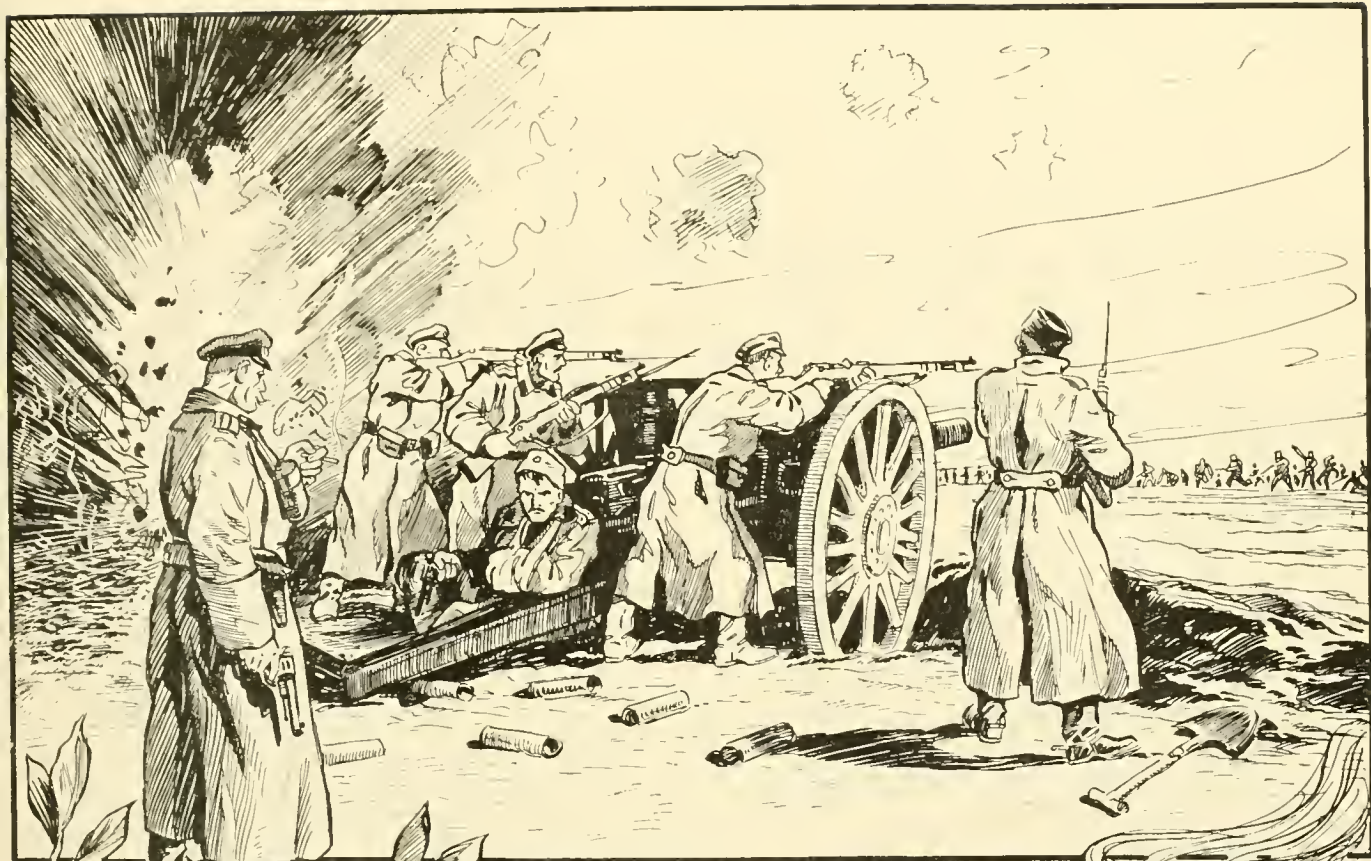
Но нам, галаевцам, победа стоила дорого: мы лишились души отряда, своего первого командира - первого партизана Кубани, грудью принявшего натиск красных и смертью своею запечатлевшего содеянный подвиг.

Соединившись на ст. Энем, оба отряда, под общим командованием кап. Покровского, уже 25 января лихой атакой, в которой кап. Покровский лично работал штыком, взяли станцию Георгие-Афипскую, захватив при этом 12 легких и 4 тяжелых орудия. На самой станции был убит военный министр "Новороссийской республики" кнгер Яковлев.

Население Екатеринодара восторженно приветствовало победителей, торжественно продефилировавших по городу с отбитыми трофеями.

Эти две победы, после которых капитан Покровский был произведен в полковники и под нашим давлением был назначен командующим войсками Кубанского края вместо ген.-лейтенанта Гулыги, нанесли такой разгром красным на Новороссийском направлении, что на этом фронте до самого оставления Екатеринодара и ухода в 1-й Кубанский поход противник не решался приступить к активным действиям.

Е. Полянский
бывш. командир 1 Кубанской Добров. батареи
имени в. старш. Галаева.

... Мы часто давали пощаду
врагу, но сами ее не просили!..

ЗАПИСКИ ЮНКЕРА 1917-го года.

После разоружения 272-го и 273-го пехотных запасных полков в Новочеркасске Сводная Михайловско-Константиновская батарея продолжала свои занятия пехотным строем и несение караулов. Но недолго продолжалась спокойная жизнь батареи в Платовской гимназии.

В город Ростов н/Д прибыла яхта Черноморского флота "Колхида" и вооруженные тральщики. Местный подпольный революционный комитет с помощью красной гвардии из рабочих и солдат двух запасных пехотных полков захватил важнейшие учреждения города, разоружил казачий гарнизон и заключил начальника Ростовского войскового округа генерала Потоцкого и его офицеров на яхте Колхида. "Донской круг" поручил атаману подавить восстание.

Вернувшиеся с фронта и запасные казачьи части были ненадежны. Утром 25-го ноября Донской атаман послал по железной дороге спешную сотню юнкеров Новочеркасского казачьего училища и, по соглашению с ген. Алексеевым, - Юнкерский батальон добровольцев. Отряд под командой полк. Хованского с боем занял гор. Нахичевань, но, понеся большие потери, отошел к станции Казитеринка.

К нам пришел казачий полковник и спросил: "Правда ли, что юнкера-артиллеристы не владеют винтовками?". Мы, конечно, возмутились и объяснили, что большинство из нас кадеты и что мы занимались пехотным строем под руководством пехотных офицеров. Оказывается, наш командир доложил, что мы не подготовлены для ведения пехотного боя. Так как положение стало угрожающим, командование вызвало на погрузку вторую сотню казачьих юнкеров. Пришло приказание приготовиться к отправке и нашей роте (батарее).

Утром второго дня наступления на Ростов наша полурота должна была атаковать кирпичные заводы на окраине Нахичевани. После первого неудачного боя настроение у всех было напряженное. Каждый понимал, что будут большие потери, и вспоминал убитых и раненых вчера друзей.

Позади нашей цепи появилась фигура в черных форменных пальто и фуражке. Взводный спросил:

- Кто вы такой и что вам нужно?

на что получил спокойный ответ:

- Семинарист - я хочу воевать с вами.

- Но у вас нет винтовки.

- А вот, когда кого-нибудь из вас убьют, я и возьму винтовку.

Хотя этот юноша был совершенно прав, но юнкера возмутились и потребовали, чтобы он ушел "подальше".

После двухдневного боя и пребывания почти все время под открытым небом все мы испытывали чувство зверского голода. Выданный заплесневелый и промерзший насквозь хлеб приходилось есть, отковыривая куски штыком. Желтое с черными пятнами сало вызывало отвращение. К вечеру первого дня пребывания в резерве удалось найти путевого сторожа, желающего продать нам барана. Собрали по карманам необходимую сумму и получили живого барана. Резать его никто из нас не хотел. Наконец, кто-то решился застрелить беднягу. Видя нашу "неприспособленность к жизни" сторож предложил освежевать барана, если мы дадим ему шкуру. Конечно, мы с радостью согласились. Тушу разрезали на кусочки, и каждый, нанизав на шомпол свою часть, поджаривал

ее на костре. То был первый урок приспособления к жизни в Добровольческой армии петербургских юнкеров.

Нам прислали пехотных офицеров, занявших места взводных и полуротных командиров. В строевой отношении роту принял поручик Костандов, но и наш командир капитан Шаколи остался с нами. После короткой молитвы мы отправились на вокзал и погрузились в поданный состав. Долго ждали отправки - оказалось, что машинист не хочет нас везти, так как "Викжел" (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников) держит нейтралитет. Донское командование занялось угонщиками. Пользуясь темнотой, машинист скрылся. Тогда кап. Шаколи вызвал юнкеров путейцев и технологов, отбывавших летнюю практику машинистами. Вызвались юнкера Раскин и Ф. Эти машинисты долго потом обслуживали наш состав. Юнкер же Ф. получил пожизненное прозвище "Викжел".

Поздно ночью, в полной темноте двинулся в путь наш эшелон. Грязные, холодные товарные вагоны тускло освещались свечами. Неопытные машинисты "дергали состав" и вели его медленной скоростью, ожидая попыток вызвать крушение. Казалось - все кругом враждебно, а впереди ждут нас потерпевшие неудачу наши немногочисленные соратники.

Настроение поддерживалось несмолкаемыми песнями, связывающими нас со славным прошлым. Оно обязывало нас двигаться по выбранному пути. Продрогшие и сонные, прибыли мы на ст. Казитеринку. Все помещения ее были наполнены вповалку спавшими юнкерами и кадетами. Люди настолько утомились, что не чувствовали, когда проходившие наступали им на тело. После неудачи настроение у них было неважное. Я спросил про знакомого юнкера-павловца. Ответили - убит.

Опасаясь ночного нападения, кап. Шаколи "заблиндировал" шпалами открытую платформу и приспособил ее для пулеметов. Юнкера на руках выдвинули это сооружение на линию заставы.

С рассветом первая полурота юнкеров-константиновцев повела наступление на гор. Нахичевань правее железной дороги. Навстречу ей вышли густые цепи большевиков - матросов и рабочих. Их поддерживала судовая артиллерия с Дона. 3-й Константиновский и 4-й Михайловский взводы залегли на линии окраинных огородов станицы Александровской, прикрывая станицу и станцию.

Обойденная с флангов, 1-ая полурота отошла к станице, и до темноты мы пролежали под сильным огнем, неся потери. Ночью огонь прекратился и, выставив охранение, мы отошли на станцию.

На другой день в наступление пошла 2-ая полурота. Командир 3-го взвода поручик 148-го Каспийского полка Харламов вызвал охотников обнаружить противника. Вызвалось трое. Только что мы поднялись на ближайший гребень возвышенности, как увидели поднимающуюся нам навстречу густую цепь. Резко выделались черные фигуры матросов и рабочих. Мы легли на землю и открыли огонь. На наше счастье - красные сделали то же.

Через несколько минут подошел наш взвод и мы оказались на правом фланге цепи. Поручик Харламов, положив цепь, управлял огнем. Сам же, стоя, с руки бил красных. Мы пытались встать, но он резко приказал нам лечь, заявив, что стоять может только командир. Скоро он упал, раненый в кость ноги, а за ним и заценивший его, тоже раненый, взводный портупей-юнкер Голицынский. Санитаров не было, и цепь таяла, относя в тыл раненых и их винтовки.

Красные стали обходить нас с правого фланга, и отделенный портупей-юнкер Иегулов подал команду:

- Правофланговому отделению занять положение, перпендикулярное существующему!

Долго потом мы вспоминали это "восстанавливание Перпендикуляра в цепи". Но тогда было не до смеха, и, загнув фланг, мы удачно отбили залпами красных.

Одновременно наступали и отходили юнкера казаки, но мы слышали только их ружейный и пулеметный огонь. К вечеру отошли к станции. Долго еще пришлось нам лежать в замерзшей степи в сторожевом охранении. Выручил нас единственный раненый, но оставшийся в строю офицер - командир 4-го взвода, поручик 5-го пулеметного полка Гегеман, сменивший нас и пославший нас на станцию.

За эти два дня мы потеряли убитыми 5 юнкеров: ст. порт.юнкер Неклюдов (правовед), юнкер Левцов (2-й Моск. корпус), юнкер Баранов (студент) и кадет Донского корпуса Горбачев. Юнкер Малькевич (2-й Кад. корпус) был смертельно ранен и умер в Новочеркасске. Ранено было 5 офицеров и 29 юнкеров. Красные стреляли из старых французских винтовок Гра. Крупные пули с тупыми концами оставляли тяжелые ранения.

Сменила нас подошедшая студенческая дружина, старики станицы Аксайской и часть (добровольцы) 6-го пластунского батальона. Следующие три дня мы были в резерве, находясь в готовности, на станции, и ноцую в холодных вагонах и случайных помещениях. Наскоро посланная батарея не имела кухни. Нам прислали только пожелтевшее сало и насквозь промерзший серый хлеб. Юнкерские шинели не спасали от холода.

На станцию прибыло несколько дам-казачек во главе с Ольгой К. Мягковой. Они привезли нам шоколад и теплые перчатки. Они не предполагали, что у нас нет теплых вещей и горячей пищи. Тотчас же они организовали заботу о раненых и питательный пункт. Эвакуацию раненых, доставку боевых припасов и продуктов производили все те же наши юнкера-машинисты.

Часть юнкеров под командой капитана Шаколи была послана занять места номеров в казачьей батарее. Ездовые казаки согласились привезти орудия, но номера воевать не хотели. Здесь впервые юнкера артиллеристы стреляли по красным из орудий. Я же с двумя десятками юнкеров попал в команду бомбометчиков и минометчиков. Мы произвели только пробную стрельбу по Дону.

30-го ноября на станцию прибыл атаман ген. Каледин. К его вагону и паровозу выставили караул сводной юнкерской батареи.

Утром 1-го декабря началось согласованное наступление на Ростов. От станицы Николаевской шел наказной атаман генерал Назаров с возвращающимися с фронта казаками. От Казитеринки юнкера добровольцы и казаки, прибывший из Новочеркасска офицерский отряд, студенческая дружина, сводная сотня 6-го Донского пластунского батальона, пулеметная команда 5-го пластунского батальона, дружина Аксайских стариков и 4 орудия казачьей батареи с номерами юнкерами-добровольцами. Красные испугались окружения и рассеялись без боя. Команда бомбометчиков предназначалась для уличного боя. Для перевозки материальной части нам дали две одноконные повозки. Наши бедные клячи с трудом поднимали тяжелый груз на заснеженных холмах.

Так как шли мы по каким-то тропинкам и колеса скользили на подъемах, юнкерам приходилось помогать лошадям втаскивать повозки. Уже в темноте вошли мы в гор.Нахичевань и остановились для выяснения обстановки, выслав вперед патрули. Мы были очень утомлены и голодны, но голод заглушала жажда. Нарядные освещенные домики городка казались чем-то из другого мира. Из-за закрытых шторами окон доносились заглушенные звуки рояля и мелькали фигуры людей.

Я не выдержал и постучал в дверь. Вышел хорошо одетый молодой человек и спросил, что мне угодно. Я ответил: "воды - пить". Он вынес стакан воды и спросил, кто мы такие. Ответил: "Юнкера, освободившие Ростов от большевиков". Вопросавший исчез и больше не появлялся.

Ко мне подошел мой одноклассник и возмущенно сказал, что не ожидал от меня подобной выходки.

- Посмотри, какой ты грязный и обтрепанный. Ты совсем перепугал мирных людей.

Патрули выяснили, что дорога свободна, и мы втянулись в улицы Ростова. Веселая, живая южная толпа поглотила нашу грязную скромную группу. Казалось, никому до нас нет дела. Город жил своей жизнью и обыватели совсем не понимали происходящих событий. На ночлег мы остановились в какой-то гостинице, выставив часового. А на утро присоединились к нашей батарее, расположившейся в женской гимназии Берберовой.

Через два дня наши машинисты отвезли нас в Новочеркасск, и мы вернулись на старое место в Платовскую гимназию на Ермаковском проспекте.

- o -

"Чернецовский поход"

В середине декабря 1917 года в Новочеркасск прибыли "Быховцы" - генералы Корнилов, Марков, Деникин и другие. Первым неожиданно пришел к нам в штатском ген.Марков. Собрав вокруг себя юнкеров, он сказал, что счастлив видеть нас здесь, так как сам он окончил в 1898 году Константиновское артиллерийское училище и преподавал в Михайловском. В живой и остроумной беседе он знакомил нас с общей обстановкой и просил задавать вопросы, обещая и впредь навещать нас. Эта и последующие беседы очень поднимали наше настроение. Однажды генерал прочел нам блестящую двухчасовую лекцию "о национальном воспитании", произведшую сильное впечатление на юнкеров и вызвавшую еще большие уважение и симпатию к лектору.

После инспекции батареи ген.Алексеевым он назначил нам нового командира батареи, подполковника 31-й артиллерийской бригады, георгиевского кавалера Дмитрия Тимофеевича Миончинского, создавшего боевую репутацию батарее.

Красная пропаганда разложила казачьи части, и на них Донское командование не могло положиться. Были созданы "Партизанские отряды" из учащейся молодежи. Они поддерживали порядок и защищали область от вторжения большевиков. Среди них прославился отряд есаула гвардии Василия Михайловича Чернецова. Он быстро перебрасывал свой отряд по железным дорогам и, внезапно нападая, громил собирающиеся на границах области части красных. Особенно удачно было его ночное нападение в канун Рождества Христова на ст.Дебальцево.

Горячо призывал Чернецов казачьих офицеров присоединиться к нему. И, получив ответ, что его силы ничтожны и что он "только зря погибнет", - сказал:

- Я знаю, за что я иду умирать, а вот вас будут истреблять, как баранов, и вы не будете знать, "за что".

Дошла очередь и до нас. Наша батарея выделила 13 юнкеров в распоряжение полк.Мамонтова. Его группа партизан заняла ст.Чир и прикрывала Царицынское направление. Была выделена "подрывная команда" из юнкеров и офицеров и послано несколько юнкеров на Кубань в экспедицию за орудиями.

На севере, в станице Каменской, возвращавшиеся "фронтвики" и лейб-гвардии 6-ая казачья батарея объявили "Донскую Советскую республику". Их вожаки - войсковая старшина Голубев и подхорунжий Подтелков - угрожали разогнать войсковой круг и Правительство. Их подкрепляли отряды красной гвардии и запасные части из Воронежа и Орла.

12-го января 1918 г. вечером в помещение батареи прибыл есаул Чернецов и от имени атамана просил нашего командира выделить два орудия для усиления его отряда. Подполковник Миончинский ответил, что он подчиняется только штабу Добровольческой Армии, и предложил есаулу отправиться туда. На это Чернецов возразил, что "если мы будем делиться на казаков и добровольцев, то через два дня здесь будут красные и не станет ни тех, ни других. Затем, обратившись к собравшимся юнкерам, он спросил:

- А вы, юнкера, хотите работать со мной? Если да, то я поеду к ген.Алексееву, если нет, то буду драться и без вас.

Юнкера дружно просили популярного партизана ехать к ген.Алексееву. Через два часа пришло приказание ген.Корнилова выслать взвод для погрузки с отрядом Чернецова. Одновременно 2-й взвод добровольцев должен был грузиться для отправки на "Таганрогский фронт" в распоряжение полковника Кутепова.

13-го января, во время погрузки сотни партизан и взвода батареи с пулеметной командой, получено было донесение, что запасный казачий дивизион идет громить дворец атамана. Отряд прекратил погрузку и отправился ко дворцу, где и расположился на площади. Действия отряда отрезвили казаков, и их делегаты прибыли к атаману с повинной. Отряд с песнями вернулся на станцию.

Наш эшелон был составлен следующим образом. Впереди обычная товарная платформа, на которой при помощи шпал и стальных тросов прикреплено трехдюймовое орудие и передок со снарядами. Затем паровоз тендером вперед, с укрепленными на нем пулеметами. Дальше классные вагоны с людьми и товарные с лошадьми. За ними опять паровоз с пулеметами и товарная платформа с орудием.

14-го января эшелон прибыл на ст.Каменоломная, где соединился с двумя "державшими фронт" сотнями партизан. 15-го отряд занял узловую станцию Зверево, а 16-го, давши для острастки два выстрела шрапнелью, - ст.Лихую. С последней в панике бежали передовые отряды красной гвардии и революционная сессия Луганского военно-революционного комитета.

В ночь с 16-го на 17-ое прибывшие из Дебальцева большевики выбили оставленный на ст.Зверево взвод партизан, и связь отряда с Новочеркасском была прервана. Чернецов с одной сотней и одним орудием капитана Шперлинга отправился назад очищать Зверево. Остальному отряду под командой командира батареи подполковника Миончинского при-

казал двигаться на север к ст. Каменской. Перед разъездом "Северный Донец" эшелон Миончинского остановился, ибо перед ним по обе стороны полотна жел. дороги находились густые цепи красной гвардии и казачьих частей Голубева. От них отделилась группа с белым флагом, подошедшая к эшелону. В ней оказались очень смущенный сотник и два урядника Лейб-гвардии Атаманского полка, предложившие партизанам для избежания кровопролития вернуться в Новочеркасск. Они уверяли, что казаки не хотят "братоубийственной бойни". Миончинский предложил казакам собраться вправо от пути и сказал, что если они не будут стрелять, то и он по ним стрелять не будет.

К этому времени Чернецов выбил красных со ст. Звереве и, подъехав к эшелону Миончинского, приказал открыть огонь. После первого нашего выстрела красные сосредоточили огонь многочисленных пулеметов по передней орудийной платформе. Быстрое продвижение эшелона и бегущих за ним цепей вызвало бегство красных.

Батарея потеряла убитыми двух юнкеров - телеграфиста Николаевского Инженерного училища Евг. Крамаренко и юнкера Константиновского Артилл. Училища Перница - и ранеными двух юнкеров и офицера-пулеметчика. Партизаны не имели потерь, так как все внимание и огонь красных были устремлены на импровизированный "бронепоезд". Одна из последних выпущенных красными пуль попала в снаряд, уложенный в передке. Все оставшиеся в передке шрапнели загорелись ярким пламенем. Подполковник Миончинский остановил эшелон и приказал юнкерам подавать ему снег, а сам снегом тушил огонь, изрядно обжегши себе руки.

В темноте отряд занял Каменскую, откуда правительство Донской советской республики во главе с Подтелковым и Голубевым, а также все их вооруженные силы отошли на север к станциям Глубокое - Миллерово. Население окружной станции тепло встретило партизан. Из старших классов местной гимназии и других учащихся была сформирована 4-ая сотня отряда. Дамы и гимназистки устроили на вокзале питательный пункт и лазарет.

18-го, опять в тылу у отряда, красные заняли ст. Лихую. Оставив сотню в Каменской, Чернецов двумя эшелонами пошел на Лихую. Орудия, стрелявшие с платформы, сбили запасную конную батарею, прибывшую из Орла. Партизаны бегом во весь рост двинулись на станцию. Красные не выдержали порыва партизан и бежали. Было захвачено более 1000 снарядов для трехдюймовых орудий, часть лошадей бежавших поездом конно-артиллеристов и более 10 пулеметов 5-го пулеметного полка из Воронежа. Но и партизаны потеряли 25% своего состава.

Ночью вернулись в Каменскую и Чернецов решил предпринять наступление на Глубокую. Обходная колонна под командой произведенного атамана в полковники Чернецова состояла из сотни партизан, офицерского взвода (местных офицеров), 2-го орудия юнкерской батареи (образца 1900 года), нескольких разведчиков и телеграфистов, а также двух легких пулеметов батареи.

Колонна отправилась перед рассветом степью без дорог, рассчитывая обойти Глубокую и внезапно атаковать ее с севера. Остальному отряду Чернецов приказал к 2-м часам дня подойти к разъезду Погорелово и по условленному высокому разрыву обходного орудия начать наступление на Глубокую с юга. План был дерзок до отчаянности, но вся предыдущая работа доказывала, что только в нем надежда на успех.

Лихой кавалерийский начальник ошибся во времени. Голодные и замерзшие пешие партизаны не могли двигаться быстро против сильного

северного ветра и только к заходу солнца вышли в тыл поселка Глубокое. Чернецов приказал открыть огонь из орудия и двинул вперед цепи. В ответ орудие покрыли ровные очереди 6-й Гвардейской батареи, управляемой кадровым артиллеристом войск старшиной Голубевым, и появились густые цепи красных. Они давно открыли движение колонны, следили за ним и ждали партизан. Темнота прекратила неравный бой. У орудия были ранены два юнкера (Икишев и Полевой).

Партизаны ворвались на станцию, но, понеся большие потери, были выбиты. Остатки офицерского взвода, потеряв связь с остальным отрядом, пробились через цепи красных и в темноте отошли вдоль железной дороги к Каменской. В затворе орудия был сбит боек. Собрав отряд у орудия, Чернецов, пользуясь темнотой, решил заночевать в будке церковного сторожа у одиноко стоявшей церкви на окраине селения. Там удалось передохнуть и исправить затвор.

Части 5-й казачьей дивизии и 6-ая гвардейская батарея под командой Голубева тем временем искали в степи исчезнувший отряд.

С рассветом партизаны обходной дорогой вышли на Каменский шлях и, желая всполошить красных, Чернецов открыл орудийный огонь по станции. Красные после первого замешательства густыми цепями вышли из селения, а привлеченный выстрелами отряд Голубева преградил партизанам путь в Каменскую. После утомительного марша усталые партизаны встретили отряд Голубева. Шесть орудий 6-й гвардейской батареи прямой наводкой разметали жидкие цепи партизан и заставили замолчать одинокое орудие.

Чернецов начал отход, преследуемый артиллерийским огнем и густыми лавами казаков. Прямым попаданием гранаты выбило лошадей передних уносов. Далее орудие шло на корне. При переходе глубокого оврага сломалось дышло, и по приказу Чернецова юнкера, утопивши под льдом ручья прицел и угломерный круг, сбросили орудие с крутого склона оврага, где оно и повисло, зацепившись колесом за дерево. Подполковнику Миончинскому с конными Чернецов приказал пробиваться на юг, а сам наотрез отказался от лошади. Чудом удалось двум десяткам измученных людей на заморенных упряжных и строевых лошадях (частью без седел) уйти от свежей конницы.

На дне оврага возле Чернецова собралось около 60 человек партизан и юнкеров. Подпустив без выстрела лаву донцов партизаны залпом в упор отбросили ее назад. Огнем Голубевских пулеметов Чернецов был ранен в ногу. Подъехали два парламентаря с белым флагом с предложением сдаться. Чернецов сказал им:

- Передайте войсковому старшине Голубеву, что мы не сдадимся изменникам.

Еще две атаки были отбиты. После второй был захвачен подхорунжий 27-го казачьего полка, потерявший убитой лошадь. Он кричал, что все это недоразумение, что казаки не хотят кровопролития и если партизаны сдадут оружие, то их отпустят в Каменскую. Желая выиграть время и ожидая помощи, Чернецов послал его к Голубеву с предложением выпустить нас в Каменскую. Стрельба прекратилась, и казаки густыми толпами придвинулись к группе партизан. Подъехавший Голубев подтвердил "словом русского офицера", что отпустит остатки отряда.

Вопреки всем обещаниям, бросивших оружие партизан с издевательствами повели в обратную сторону, к хутору Гусеву. Часа через два обнаружилось наступление партизан и одного юнкерского орудия от Ка-

менской вдоль железной дороги. Голубев повел 27-й полк и батарею против наступающих, а пленных поручил вести подхорунжену Подтелкову с сотней конвоя. Впереди колонны ехали Подтелков и раненый в ногу Чернецов. Уже в сумерки вышли к железной дороге, по которой медленно двигался железнодорожный состав. Чернецов шепнул ближайшим партизанам приказ кричать ура. Сам же неожиданно вырвал револьвер у Подтелкова и, ударив его, поскакал в степь с криком:

- Ура, напа взяла! Наш эшелон!

Дружное ура пленных ошеломило конвоиров. Их лошади пархнули в стороны, партизаны с криком побежали - частью к эшелону, остальные же врассыпную. Эшелон встретил бегущих пулеметным огнем, так как в нем были красногвардейцы, возвращавшиеся после боя у Каменской. Все побежавшие к эшелону погибли, и трупы их зверски изуродованы. Около 15 человек - и я в их числе - под покровом темноты, после долгих мытарств и приключений добрались до Каменской.

Чернецов, отвлекая конных, добрался до ст. Бело-Калитинской, был там выдан казаками и зарублен Подтелковым. В этот день батарея потеряла 17 юнкеров и одного офицера убитыми и замученными.

На другой день подполковник Миончинский выдвинул оставшееся орудие к хутору Астахову и под огнем противника погрузил (с помощью рельс) 6 орудий и 12 зарядных ящиков, оставленных в хуторе разошедшимися после предыдущего боя гвардейскими казаками. Пущенный большевиками паровоз-брандер был расстрелян орудием кап. Шперлинга и не произвел ожидаемого крушения платформы с орудием.

Вечером оставшиеся в живых юнкера погибшего орудия во главе с подполковником Миончинским отправились с захваченными 6-ью орудиями в Новочеркасск для формирования батареи заново. Этот эшелон счастливо проскочил Лихую и Звереву и в Новочеркасске, пополнившись добровольцами учащимися, сформировал новый взвод. В ту же ночь красные заняли Звереву и Лихую.

Партизаны и орудие батареи под командой капитана Шперлинга пытались пробиться на Лихую, но были отбиты. При вторичной попытке прямым попаданием снаряда в орудийную платформу были убиты три юнкера и офицер. Ранено два юнкера. Остатки отряда, сгрузивши орудие и взорвав путь, двинулись походным порядком в Новочеркасск, куда и прибыли после тяжелого шестидневного перехода.

Подполковник Миончинский, закрепив два новых орудия на пулеметных металлических платформах, и с пулеметами на паровозе, отправился эшелоном на ст. Сулин на выручку Чернецовцев. Но зенившие Сулин партизаны Семилетова получили приказание войскового штаба взорвать мост и отойти на юг.

Подполк. Миончинский, считая отряд Чернецова погибшим, направился с оставшимися чинами батареи в Ростов, где собирались части Добровольческой Армии. Туда же направилось позднее орудие кап. Шперлинга и присоединившиеся к нему юнкера Чирской экспедиции.

Второй взвод батареи принимал участие в боях под ст-ми Морской, Хопры и Синявской в составе отряда полк. Кутепова, сдерживая наступление красного военачальника Ф. Сиверса от Таганрога. В бою у хутора Адобашева была убита разведчица батареи супруга поручика Давыдова (урожденная княжна Черкасская).

30-го января взвод получил приказание сдать орудия во 2-ую офицерскую батарею и отправиться в Ростов, где находился подполковник Миончинский с 6-ью орудиями.

На ст. Матвеев Курган, окруженная со всех сторон, взорвала себя команда подрывников. Здесь погибли 5 офицеров и 13 юнкеров.

После смерти атамана Каледина Добровольческая Армия сосредоточилась в Ростове. Юнкерская батарея, сдав два орудия 3-ей офицерской батарее, с двумя орудиями на пульмановской платформе и двумя погруженными эшелонами отправилась на ст. Батайск. Там в эшелонах находились спешенный кавалерийский дивизион полк. Ширяева и Морская рота. Паровоз эшелона батареи обслуживали юнкера путейцы.

3-го февраля на рассвете с юга подошел бронепоезд противника и открыл огонь по нашим составам. Его сопровождали эшелоны красных из Ставрополя. Местные большевики и железнодорожники ждали этого нападения и тотчас же присоединились к красным. Все железнодорожные стрелки были повернуты в тупики.

Эшелон батареи, стреляя картечью с платформ под сильным ружейным и пулеметным огнем, стал отходить к Ростову. Капитан Менжинский и юнкера шли впереди и переводили стрелки, причем был убит юнкер Мышкин и ранен кап. Менжинский.

Эшелон отошел к Дону и, обстреливая Батайск, зажег его.

Морская рота и кавалеристы с большими потерями отошли по льду реки Койсуг частью к разъезду Заречный, а частью к ст. Ольгинской. Батарея в продолжение дня защищала мост через Дон и потеряла четырех человек ранеными.

К вечеру прибыл ген. Марков с юнкерским батальоном и начал охрану моста. 7-го и 8-го февраля части готовились к выступлению в поход.

9-го февраля красные повели комбинированное наступление с севера и обходное движение с юга. 1-й взвод с корниловцами отбивал атаки красных, а 2-й, будучи к вечеру в Темернике окружен обходной колонной, отбилась картечью и гранатами и, оставленный своей пехотой, отошел на рысях через занятое уже красными предместье к Лазаретному городку, где и присоединился к выступающим из Ростова частям Добровольческой армии. Взвод потерял убитым подпоручика Дормана.

Так начался для 1-й юнкерской батареи Первый Кубанский Поход.

Юнкер Иван Лисенко.

ОТ ТАГАЙРОГА ДО РОСТОВА С ОТРЯДОМ ПОЛК. КУТЕПОВА.

Сбежавший в Бессергеновке машинист поставил поезд отряда Кутепова в отчаянное положение. Но, к счастью, среди добровольцев нашлось несколько человек, имевших некоторое теоретическое представление об управлении паровозом.

Паровоз был Владикавказской железной дороги, серии А - нефтяной; огонь в топке был потушен сбежавшим машинистом и что-то было испорчено в тормозах Вестингауза.

Горе-механики развели огонь, бросив горящую паклю в топку; раздался взрыв, впрочем, кроме обожженных бровей и рук, повреждений не причинивший.

Разведя пары, узнали, что вода на исходе, поехали к водоналивному крану. Тормоза не работали; после многократных попыток стали, наконец, так, что только часть воды лилась мимо бака; решили, что вряд ли сможем стать лучше.

Нефти в баке паровоза тоже оказалось немного. На запасном пути была обнаружена цистерна с нефтью. Паровозы Юго-Восточной железной дороги ходили на угле, и приспособлений для наливки нефти не было.

Собрал человек сорок, подкатили цистерну с нефтью и поставили на соседнем пути, рядом с паровозом. Разыскали несколько ведер, и началась наливка вручную. Стояли две цепи, передававшие из рук в руки грязные, маслянистые ведра. После нескольких часов тяжелой работы баки были наполнены нефтью.

Из Штаба каждые полчаса прибегали адъютанты с просьбой ускорить приготовления к отступлению.

Наконец, решив, что все готово, глубокой ночью начали подходить к поезду для прицепки; как ни старались "механики", паровоз с такой силой ударил стоящий поезд, что порвались телефонные провода; спящие попадали с верхних полок; многие, решив, что это нападение большевиков, выскочили из вагонов в одном белье с оружием в руках.

Из Штаба прибежал адъютант с револьвером в руке, грозя застрелить виновных; ему было любезно предложено управлять паровозом, если он хочет.

После нескольких неудачных попыток паровоз был прицеплен и поезд медленно двинулся в темноте на станцию Морскую.

Среди офицеров был найден бывший студент-политехник армянин А., работавший на практике и умевший управлять паровозом. С нескрываемой радостью ему и был передан паровоз.

- о -

У станции Морской был уничтожен пулеметным огнем батальон латышей 6-го Тукумского Стрелкового полка, зашедший по замерзшему мору в тыл отряда Кутепова. Захваченные два пленных были приведены к полк. Кутепову.

Молодые, рослые блондины, бывшие петроградские рабочие, были одеты в офицерские сапоги и кожаные куртки и вели себя независимо.

При допросе, не скрывая, заявили, что они коммунисты, возможно называя Кутепова - господин полковник.

Круто повернувшись, Кутепов ушел, махнув рукой.

Перед смертью латыши попросили закурить. На их бледных лицах не было никаких признаков волнения. Жадно втягивая табачный дым, на

вопрос окружавших их добровольцев - зачем они, латыши, хотят заставить русский народ подчиниться иностранной советской власти? - латыши не отвечали.

Не докурив папирос до конца, они их отбросили.

- o -

29-го января 1918 года в Новочеркасске застрелился первый выборный Донской Атаман генерал Каледин, не поддержанный Донским Казачьим Кругом и видя измену в казачьих частях.

Настроение добровольцев сильно упало: значит, казаки не помогут защитить свой Дон!

Отряд Кутепова медленно, но неизбежно отступал к Ростову, цепляясь за каждую пядь земли.

Морская, Синявка, Хопры, Гниловская...

У Синявки был убит доброволец-подрывник Райгородский, Ростовский еврей, вызвавшийся зайти в тыл большевикам для взрыва моста. Выполнив задание, он был убит у моста большевиками.

На станции Синявка пришло неожиданное подкрепление - 200 казачков-стариков станицы Гниловской во главе со священником с крестом в руках. Пойдя в атаку, они отбили большевиков от станции.

Через день, бросив фронт, они ушли домой; стоявший рядом на фронте Корниловский полк - 500 человек - спасся поспешным отступлением; красные уже зашли в тыл.

- o -

С северо-запада двигалась армия Сиверса (бывшего прапорщика), состоявшая из:

3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков; двух Интернациональных бригад, в которые входили военнопленные немцы и венгры, китайцы, латыши и балтийские матросы;

отрядов петроградских рабочих;

кавалерии - 1000 сабель;

двух бронепоездов - 10 тяжелых и 32 легких орудия.

10.000 вооруженных рабочих присоединились к Сиверсу после захвата Таганрога.

С севера двигалась Воронежская армия - 10.000 красных казаков Подтелкова.

С востока - Царицынская армия; с юга - 39-ая пехотная дивизия, бросившая Кавказский фронт, с отрядами Кубанских большевиков и черноморских матросов.

Прекрасно снаряженные, одетые и вооруженные, с массой орудий, пулеметов и бронепоездов, красные двигались со всех сторон на Ростов, многочисленные местные большевики которого делали нападения на небольшие патрули и часовых добровольцев, охранявших город.

Петля вокруг обреченного города затягивалась туже. Бои уже шли в предместьях Ростова; вся Добровольческая Армия - 2000 бойцов - выступила на фронт. Отряд полк. Кутепова, как таковой, перестал существовать.

Дальнейшее пребывание в городе грозило гибелью всей армии.

9-го февраля 1918 года, в 4 часа 15 минут, в морозный вечер, генерал Корнилов выступил из Ростова в свой последний поход - Кубанский. Там в Екатеринодаре еще держались Кубанские добровольцы.

Верный текинец нес трехцветный флаг, считный за несколько часов до выступления в поход из девяти аршин белой, синей и красной материи. До тех пор, пока флаг этот развевался, - Россия еще существовала.

Флаг этот неизменно следовал за Корниловым до дня его смерти 30-го марта 1918 года, под Екатеринодаром.

Дальнейшая судьба этого исторического флага неизвестна.

Александр Долгополов.

- - оОо - -

ПЕСНЬ ДОВОБОЛЬЦА.

От Кубани до Байкала,
Вдоль степей, лесов и гор
Прокатился мощным валом
Громкий пушек разговор!

Было время, на Кубани
Мы боролись одни,
Крестный путь на поле брани
Нами пройден в эти дни.

Но несметной вражьей силе
Русских духом не сломить,
Нас невзгоды закалили,
Им наш путь - не заградить!

Мы идем дорогой славной,
Жизнь несем мы на алтарь,
Чтоб Единой и Державной
Русь восстала, как и встарь.

Нас к спасению Отчизны
Голос совести зовет,
К светлой цели нашей жизни
Мы все ближе: Марш вперед!

От Кубани до Байкала,
Вдоль степей, лесов и гор
Прокатился мощным валом
Русских пушек разговор.

Бельгия.

А.Г.

- - оОо - -

Э.Кариус.

О статье "МОИ ЗАМЕТКИ"

Статья под вышеуказанным названием помещена в № 14-м "Вестника Первопоходника".

Цель статьи - "указать маленькие неточности в воспоминаниях наших соратников", как отмечает автор ее г. Н.Кисиль, бывший сам участником 1-го и 2-го Кубенских походов.

Статья разбита на три пункта.

Так как пункты 1-й и 3-й касаются моих очерков, помещенных в № 3-м и 11-м "Вестника Первопоходника" (второй пункт отношения ко мне не имеет), то коснусь затронутых автором "Моих Заметок" вопросов.

ЕГОРЛЫЦКОЕ СОБРАНИЕ.

На стр. 24-й, в № 3 журнала "Вестник Первопоходника", в моем очерке "Ледяной" я кратко коснулся об имевшем место, незадолго до выхода Добр.Армии во второй поход, собрании в станичном правлении Егорлыцкой, на которое прибыло из Печетинской наше (Добрармии) Командование во главе с генералами Алексеевым и Деникиными.

На таковое были приглашены, как я писал, офицеры командного состава для выслушивания их доклада.

Затем я писал дословно (цитирую):

"Первым взял слово ген.Алексеев, за ним говорил генерал Деникин. Ситуация к этому моменту была следующей:

Немецкое командование через генерала Эльснера, представителя Добрармии (Ростов) для связи с Доном, предлагает войти с ними - немцами - в соглашение до перемирия включительно от имени России (видя в нас старую Русскую Армию). Они согласны отбросить Брест-Литовский договор с большевиками, помочь нам в борьбе с ними и гарантируют занятие Москвы в три месяца.

Это предложение Командование Добрармии категорически отвергает, считая, что мы не можем изменить нашим договорам с союзниками, хотя вести войну против немцев тоже не можем, но остается одно - держать вооруженный нейтралитет. Дойдя до Черного моря, мы установим связь с союзниками, которые нас поддержат в борьбе против большевиков."

По затронутому выше вопросу генерал Деникин отмечает (Очерки Русской Смуты, глава 15-я, том 3-й):

"Попытки эти остались безрезультатными: командование Добровольческой Армии, избегая каких бы то ни было активных действий в отношении немцев, категорически отказалось войти с ними в сношения. Создалось весьма оригинальное "международное" положение, которое с некоторым приближением можно назвать "вооруженным нейтралитетом".

Автор статьи "Мои Заметки", касаясь того же вопроса, пишет, как ниже следует:

"Собрание офицеров на этом собрании было малочисленным, человек десять. Генералы кратко сообщили предложение немцев, обрисовали нашу (Добровольческой Армии) жуткую обстановку и предложили собравшимся офицерам искренне высказаться по этим вопросам: с немцами против большевиков или без немцев, не нарушая нашу верность нашим союзникам - Франции, Англии и Америке?"

Высказалось человек 4-5, из них один Кубанский полковник, стоявший у двери (скамеек было очень мало), единодушно за верность нашим союзникам. Генерал Деникин одобрительно отнесся к этим высказываниям офицеров и заключил собрание приблизительно такими словами: "Конечно, мы должны оставаться верными нашим союзникам, оставив без внимания предложение немцев, и продолжать борьбу против большевиков".

В этом была причина и смысл приезда генералов, наших Вождей, в станицу Егорлыцкую", - заканчивает автор г. Н.Кисиль.

Сравнивая по существу затронутого вопроса то, что я писал (взаимоотношения, установленные Добровольческой Армией с немцами), и то, что изложил автор "Моих Заметок" по тому же вопросу, вижу то же самое - предложение немцев было отвергнуто, чтобы остаться верными союзникам.

Поскольку автор "Моих Заметок" касается некоторых деталей - как протекало само собрание офицеров в станичном правлении Егорлыцкой, количество собравшихся (10 человек?), предложение им высказаться по затронутому вопросу со стороны наших вождей, а также поскольку были вопросы, которых ни я, ни он не коснулись, именно - вопрос, под каким флагом Добровольческая Армия ведет и будет вести борьбу, иначе - ее политические цели, - то мне кажется, было бы в данном случае уместно коснуться более широко тех вопросов, которые были подняты нашими вождями - генералами Алексеевым и Деникиным - на этом собрании, и каковы были причины того, почему наше Командование нашло нужным собрать в Егорлыцкой офицеров до командиров взводов включительно, вести с ними беседу и осветить им не только их взгляд на отношения с немцами, но и политические цели борьбы Добровольческой Армии.

В описываемое время (май 1918 года) части Доброй Армии, закончив к концу апреля Первый Кубанский поход, расположились в трех донских станицах (должен оговориться, что к моменту указанного собрания в Егорлыцкой и в преддверии Второго Кубанского похода бригады Добровольческой Армии были приказом по Армии переименованы в дивизии), и дислокация их была следующая: в станице Егорлыцкой стояла 1-ая пехотная дивизия генерала Маркова и Конная дивизия ген. от кавалерии Эрдели; в станице Мечетинской - 2-ая пехотная дивизия ген. Боровского, а в станице Кагальницкой стоял 1-й Конный полк полковника Глазенапа.

3-ья пехотная дивизия полковника Дроздовского была еще в Новочеркасске и, подтянувшись немного позже, влилась в ряды Добровольческой Армии, выйдя с ней во Второй Кубанский поход.

К этому времени немецкие войска широким фронтом продвинулись далеко в глубину Российской территории, заняв на юго-западе украинские просторы, Крым, иначе - северные берега Черного моря, и, продвигаясь на восток вдоль Азовского, вошли на территорию Дона, заняв Ростов.

От Ростова и Пскова были открыты пути в российские области, где не было войны и не было большевиков.

Дон установил дружеские отношения с немцами. Строил свою самостоятельность "ныне и на будущие времена" при Войсковом атамане Краснове. Установил дружеские связи также с Гетманом Украины Скоропадским. Получал широко от немцев вооружение и часть его, "омывая в водах Дона", передавал Добровольческой Армии.

Представителем для связи с Доном был назначен от Добрармии генерал Эльснер. Кубань, в лице своих представителей, находясь в стане Добрармии, выслала свои посольства на Дон и Украину для установления дружеских отношений и связи, в том числе и для контакта с немцами.

В таких крупных центрах, как Киев и Ростов, стали проявлять деятельность наши политические и общественные организации.

Со всех сторон, свободных от большевиков, а также и прорываясь через их кордоны, к Добровольческой Армии стали тянуться и стекаться добровольцы - и в одиночку, и организованными частями. Так, из далекой от нас Румынии, через немецкий стан, к нам пришли добровольцы отряда полк. Дроздовского. Немцы, по началу, не только не препятствовали этому, а во многих случаях даже помогали в этом стремлении пополнения рядов Добрармии для борьбы с большевиками - разрешали устройство вербовочных пунктов на занятой ими российской территории, пока не определилось к ним отношение Добрармии.

Когда же это отношение определилось, то по этому вопросу генерал Деникин отмечает:

"Я должен добавить еще одно: оставаясь неизменно нашим врагом, немецкое командование на юге России относилось всегда с большим уважением к Добровольческой армии."

Помимо взаимоотношений с немцами, властно назревал еще один вопрос - вопрос политической ориентации!

К тому времени Добровольческая армия сохраняла независимость от политических организаций, союзников и врагов, и непосредственно возле нее не было и видных политических деятелей, не считая быв. Председателя Государственной Думы Родзянко, к которому ген. Алексеев не питал никаких дружеских чувств, и других, делавших поход с Армией.

К концу Первого похода, 23-го апреля 1918 года, в станице Егорлыцкой генералом Деникиным, как Командующим Добр. Армией, было выпущено его первое политическое обращение к русским людям.

Напечатано оно было в большом количестве экземпляров в походной Кубанской типографии для распространения в Ростове, Киеве и отправки в Москву и дальше по России.

Но среди офицерства стало вызывать толки упоминание в воззвании о народоправстве и Учредительном Собрании (доклад по этому вопросу ген. Маркова генералу Деникину).

Когда открылось для Добрармии маленькое "окно" в некоторые области России - Дон и оккупированные немцами области, - ворвавшаяся в это окно жизнь, - говорит ген. Деникин, - поставила к тому же два острых вопроса - об ориентации и политических лозунгах.

В Армии начался кризис и стал принимать глубокие и опасные формы. Так, в смысле "ориентации" серьезное влияние оказывали киевские германофильские круги. Шла эта тенденция и с Дона - от его ориентировки взаимоотношений с немцами.

Милюков в своем письме от 7-го мая 1918 года писал, что он вступил уже в сношения с ген. Алексеевым, чтобы убедить его обратить Добровольческую Армию на объединение России путем контакта с немцами и восстановления конституционной монархии.

Несравненно труднее "ориентировки", на что указывает и ген. Деникин, был вопрос с "лозунгами".

Лозунги о народопрямстве и будущем Учредительном Собрании не удовлетворяли офицерство. Мало кто верил в возможность их осуществления. Громадное большинство командного состава и офицерства были монархистами. На это указывает и ген. Деникин и приводит пример, что на военном совещании, при выработке плана похода на Кубань, имело место столкновение ген. Маркова с Дроздовским по вопросу ориентации, ибо последний не скрыл того, что он за монархическую ориентацию Добровольческой Армии.

В отношении генерала Алексеева ген. Деникин указывает, что последний разделял монархические убеждения вплоть до решения этого вопроса в положительном смысле и принятия монархической ориентировки, как политической программы Добр. Армии.

Так, в письме к ген. Щербачеву (Румыния) от 31 июля 1918 года ген. Алексеев писал ему:

... "Руководящие деятели Армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целостность, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию"...

Генерал Деникин:

... "Утверждаю, что этот взгляд был присущ ему (генералу Алексееву) во всех стадиях нашей совместной деятельности на Юге России".

Таким образом, принимая во внимание, что большинство офицерства и командного состава, до ген. Алексеева включительно, было настроено монархически, можно было рассчитывать на то, что будет выброшен этот лозунг, но... этому препятствовало, по утверждению генерала Деникина, то, что этот вопрос недостаточно созрел, ибо преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач; да и казачество, на территории которого происходило собирание антибольшевских сил, не было настроено монархически.

Чтобы разрядить атмосферу, Командованием Добр. Армии было решено поговорить непосредственно с офицерами.

Для этого была избрана станица Егорлыцкая, где сосредоточивалась большая часть войск Добр. Армии.

Как я указал выше, на это собрание Командованием были приглашены офицеры, занимавшие должности до командиров взводов включительно.

Прибыв из Мечетинской со своим штабом и ген. Алексеевым, Командующий Армией сделал смотр войскам Егорлыцкого гарнизона. Войска были выстроены в поле за станицей.

Фронтом к станице - пехота. Перпендикулярно к ее левому флангу построилась кавалерия, на фланге кося стоял конный черкесский полк во главе со своим командиром полк. Келеч Гиреем.

В ожидании прибытия наших вождей священнослужители готовились к молебствию. Был солнечный прекрасный день - около десяти часов утра, когда построились войска. Из степи нослись запахи свежей весенней травы и первых цветов, как и пение жаворонков из небесной выси.

Все замерло. Показались наши Вожди в сопровождении чинов штаба. Раздалась команда войскам для снятия головных уборов для молитвы, - и началось молебствие.

По окончании молебствия, в сопровождении чинов свиты, ген.Деникин и ген.Алексеев стали обходить войска, начав с выстроившейся фронтом к станице пехоты.

Должен отметить, как указал выше, что смотр войскам производил Командующий Добр.Армией ген.Деникин, несмотря на присутствие ген.Алексеева, Верховного Руководителя Добрармии. Объясняется это тем, что ген.Алексеев, из соображений авторитета и непосредственного общения с Армией, считал необходимым, даже в своем присутствии, чтобы смотр войскам и принятие парадов производил Командующий Армией.

Ген.Деникин отмечает, что ему ни разу не удалось переубедить в этом ген.Алексеева, и лишь только один раз, по взятии во время Второго Кубанского похода Екатеринодара, генерал Алексеев произвел смотр и принял парад дивизии ген.Покровского, и то только после того, как ген.Деникин указал на то, что он уже смотрел дивизию Покровского.

После смотра мы отправились в станичное правление на указанное выше собрание для выслушивания (но не обсуждения) того, что намерены были сказать нам наши Вожди - генералы Алексеев и Деникин.

Все офицеры, подлежащие присутствию на этом собрании, с большим интересом устремились в станичное правление и рассаживались на скамьях, которых для всех не хватило; остальные заняли, стоя, места вдоль стен.

В каком порядке расселись за столом против нас и лицом к нам генералы Алексеев и Деникин и остальной наш генералитет, - я описал в моем очерке и указал, что некоторые из них также стояли, ибо и им не хватило места за столом. Так, в числе других также стояли позади стола и наши Начальники дивизий Егорлыцкого гарнизона - ген.от кавалерии Эрдели и ген.-лейтенант Марков.

Принимая в расчет, что в станичное правление были собраны начальники до взводного командира включительно, как указывает сам генерал Деникин в своих "Очерках Русской Смуты", - то, конечно, таких на собрании было во много раз больше, чем десять человек.

Теперь, чтобы не быть голословными, обратимся к тому, как сам генерал Деникин описывает, как протекало собрание:

Генерал Алексеев, взяв первым слово, говорил о немцах, как о враге жестоком и беспощадном, таком же враге, как большевики... и т.п.... О малых шансах Германии на победу... О том будущем, которое сулит России связь с Германией...

Словом, он обосновал два положения:

- 1) Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен;
- 2) Пока - ни мира, ни войны.

Исходя из вышеуказанных предпосылок о моральной недопустимости какой-либо связи с немцами и необходимости оставаться верными нашим союзникам, генерал Алексеев указал, что ставка должна быть поставлена только на союзников и на их помощь по свержению большевизма в России. (См. сноску в конце следующей страницы).

Тут необходимо отметить, на что указывает и ген.Деникин, что, когда ген.Алексеев развивал свою мысль о невозможности какого-либо

сотрудничества с немцами и принятия от них помощи, о их нечестной политике и о том, что они - враг жестокий и беспощадный, - его прервал, поднявшись во весь рост со скамьи, командир Кубанского стрелкового полка подполковник Туненберг (Ростислав Михайлович) и произнес, обращаясь к ген.Алексееву:

- Да, но это враг культурный, - и добавил, что немцы, дав обещание, его и выполняют.

Настушила полная тишина. Ген.Алексеев, прервав свой доклад собранию офицеров, молча смотрел на него. Все взоры были обращены на "оппонента". Никто не дал ему ни одной реплики, ни со стола нашего Командования, ни со скамей слушателей.

Атмосфера, чувствовалось, стала напряженной. Не все полностью разделяли "тезисы" ген.Алексеева по затронутому им вопросу, и генералу Деникину пришлось отметить (том 3-й, стр.136 его "Очерков"): "Мы ушли с собрания, не вынеся определенного впечатления об его результатах".

Подполковник Туненберг, высказав свое мнение, вытянулся по военному и, сделав военный поклон, сел на свое место. Я сидел на той же скамье, почти рядом с ним.

При продолжавшейся молчаливой и напряженной атмосфере ген.Алексеев ни одним словом или жестом не реагировал на происшедший инцидент и продолжал свой доклад.

Генерал Деникин, по вопросу происшедшего инцидента, отмечает только следующее:

"Показательно, что из рядов послышалась произнесенная каким-то хмурым полковником фраза: - Да, но это враг культурный..."

После ген.Алексеева слово взял ген.Деникин.

Говорил он о монархизме. Его речь, как он и сам отмечает, была кратка и резка:

"Когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны и мира, монархии или республики, то армия развалилась. Теперь повторяется, повидимому, то же. Наша единственная задача - борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага.

Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы круги, которые теперь, если и не помогают Армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход - вера в своих руководителей. Кто верит нам - пойдет с нами, кто не верит - оставит Армию".

После речи ген.Деникина слово попросил ген.Марков и от имени своей дивизии заявил, что все они верят в своих вождей и пойдут за ними.

*) По вопросу этих надежд на союзников будет к месту привести слова полк.Давинского, предс.Главного Првления О-ва Галлиполицев, помещенные в Информ.Бюллетене Главн.Правл.Общества "Галлиполиец", № 52 от июня 1962 г., Париж:

... "Генерал Деникин стал во главе всех Вооруженных Сил Юга России, а появление союзников открывало широкие возможности и надежды, увы - несбывшиеся, на их помощь". Это же самое отмечает и ген.Деникин в "Очерках".

То же самое сделал и ген.Эрдели от имени своей конной дивизии.

На этом собрание было закончено, и никаких обсуждений по затронутым вопросам не было предложено. Это и не совмещалось с военной этикой. Наши Вожди пригласили нас для выслушивания их и пришли они на это собрание со своими готовыми решениями, что и отметил ген.Деникин:

- Кто верит нам - пойдет за нами, кто не верит - оставит Армию.

Когда наши Вожди генералы Алексеев и Деникин удалились с нашим генералитетом, офицеры медленно и задумчиво стали расходиться. Некоторые оставались в помещении, некоторые образовывали небольшие группы вне его и обсуждали меж собой возникшие вопросы. Многие были взволнованы.

Начальники в своих частях сообщали главной массе офицеров, не бывших на собрании, о том, что имело место на собрании.

Генерал же Марков в скорости после собрания имел открытую беседу с собравшимися офицерами своей дивизии, в большинстве рядового состава, которые являлись по тому времени главной прослойкой строевых частей.

Его авторитет имел решающее значение. Углы были сглажены.

Как отмечает ген.Деникин, вечером того же дня к нему явился ген.Марков и доложил:

- Теперь публика успокоилась.

- о -

БОЙ ЗА ОВЛАДЕНИЕ ж.д.станцией КИСЛЯКОВКА и станицей КИСЛЯКОВСКОЙ.

Автор статьи "Мои Заметки", будучи начальником разведки 1-й пехотной Дивизии, которой в описываемое время временно командовал полковник Кутепов (Начальником ее был предназначен ген.Казанович, который принял ее после взятия нами Кущевки) и находясь при начальнике таковой, выполнял не раз ответственные задания. Он имел в поле своего зрения всю картину ее боевых действий, когда она разворачивалась и вступала в бой.

Он мог наблюдать всю фазу ее действий в целом, а также и ее подразделений: полков, батальонов и сотен (рот), и у него могли запечатлеться отдельные эпизоды, имевшие место в бою в той или другой ее части.

Описывая бой 1 -го Кубанского стрелкового полка за овладение станцией Кисляковка, г. Н.Кисиль очень подробно и красочно освещает его действия в целом, а также дает картину и отдельных эпизодов, имевших место в этом тяжелом для полка сражении с превосходящими силами противника, в котором полк понес большие потери, но доблестно разбил противника и овладел его позицией - жел.-дорожной станцией, которую тот яростно защищал.

Командир сотни капитан Носак, когда его цепи отхлынули под давлением противника, остается - и ни шагу назад, отстреливаясь от большевиков. Картина, достойная героя!

В моем описании боя за ж.д. станцию Кисляковка, о чем упоминает г.Кисиль, я коснулся его сравнительно кратко и описал лишь действия нашего 1-го Кубанского стр.полка в целом, не касаясь действий другой части нашей дивизии - в частности 1-го Офицерского имени ген.Маркова полка. Сделал я это отчасти потому, что этот бой за указанные рубежи (станция и станция) входил у меня очередным эпизодом в

мой очерк "Второй" помещенный в № 8 и 11 журнала "Вестник Первопоходника", в котором я описывал всю гамму Второго Кубанского похода, поскольку, являясь его участником, смог описать то, в чем сам принимал участие.

Хочу заметить еще следующее:

В описываемое время генерал Покровский не был бригадным командиром, как указывает г.Кисиль, а начальником Дивизии, что я и отметил на стр.8-й, № 11 журнала "Вестник Первопоходника", в моем очерке "Второй".

Кроме того, указав, что задачу разбить группу войск Сорокина получили: 1-ая Дивизия под командованием полковника Кутепова, Конная дивизия ген. Эрдели и конница (дивизия) ген.Покровского, - я на стр.9 указал, что, ввиду важности задачи и для объединения командования в одних руках, ген.Деникин лично принял на себя руководство этими войсками.

Таким образом, указанные три начальника дивизий подчинялись непосредственно директивам ген.Деникина и были, один в отношении другого, совершенно самостоятельны, а потому полковник Кутепов, по тому времени, не мог претендовать, как указывает г.Кисиль, на старшинство перед генералом Покровским и возражать, что Покровский не явился к нему, как к старшему, а на следующий день "был таков". Последнее объясняется тем, что ген.Покровский двинулся во исполнение полученных от ген.Деникина Директив, а мы весь этот день и до ночи оставались на месте.

В отношении того, что ген.Покровский атаковал и взял станицу Кисляковскую, то это задание он получил непосредственно от генерала Деникина, чем сильно облегчил положение нашей дивизии и в частности нашего полка, особенно если принять во внимание, как и отмечает г.Кисиль, что 1-й Офицерский полк, в задачу которого входило взять станицу, по неизвестным причинам в этот день участия в бою не принимал.

Э.Кариус.

- - оОо - -

Н Е К Р О Л О Г

В Лондоне (Англия) 7-го декабря 1962 года после продолжительной и тяжелой болезни скончался участник 1-го Кубанского генерала Корнилова похода штабс-капитан Ляхницкий Сергей Григорьевич, член нашего Общества.

Покойный родился 2-го июля 1893 года в г.Темрюке Кубанской области. Учился в 1-й Екатеринодарской мужской гимназии, затем в Московском Университете на юридическом факультете. Прослушавши три курса, он по собственному желанию поступает в Московскую школу прапорщиков. 1-го февраля 1916 года был произведен в чин прапорщика с назначением в 154 пехотный Дербентский полк на турецкий фронт. Участвовал в походах и боях против турок. После Октябрьского переворота прибыл в гор.Екатеринодар и немедленно вступил добровольцем в отряд полковника Лисивицкого.

В 1-м Кубанском походе был тяжело ранен, вследствие чего была ампутирована кисть левой руки. Будучи инвалидом, шт.капитан Ляхниц-

кий не оставляет ряды Армии и продолжает служить при комендатуре г.Екатеринодара.

После общей эвакуации поселяется в Югославии и служит в статистическом отделе одного из министерств. В Белграде он женился на англичанке, милой и сердечной женщине, всегда заботливой к своему мужу. От этого брака родилась дочь Елена, в настоящее время проживающая в Лондоне.

Во время 2-й войны, при бомбардировке немцами Белграда, покойный Сергей Григорьевич был опять тяжело ранен - с потерей ступни левой ноги.

Покойный был пламенный патриот, религиозный, не изменявший своим антикоммунистическим убеждениям. Характера был твердого, честен и отзывчив к чужой беде и всегда готов помочь всякому, кто бы ни обратился к нему. Два года тому назад умерла его жена, после долгой болезни. Любящая его дочь Елена всегда о нем заботилась и нелегко переживала его страдания и мучения продолжительной и тяжелой болезнью, регулярно извещая нас о ходе его болезни.

Мы, первопоходники, скорбим о смерти нашего дорогого соратника и выражаем искреннее соболезнование его дочери, милой Елене, оставшейся одинокой, без родителей, которых она любила и память которых чтит, что подтверждают ее письма к нам.

Мир праху твоему, дорогой наш соратник и горячий патриот своей Родины.

Правление О-ва Ветеранов
1-го Куб. ген.Корнилова Похода.

ПАМЯТИ ПИАНИСТКИ А.И.СТЕНРОС-МАКРИДИ.

Два месяца назад в Сиднее, Австралия, после продолжительной болезни тихо угасла на 80 году жизнь известной в России пианистки Агды Ивановны Стенрос-Макриди. Родители ее были шведами, жившими в г. Баку, где отец А.И. служил на нефтяной концессии на Каспийском море.

Там в Баку будущая пианистка родилась и училась в гимназии. По окончании гимназии она отправилась в Москву для совершенствования в игре на рояле в Консерватории, которую окончила с золотой медалью. В Москве она вышла замуж за пианиста Г.С.Макриди, с которым совместно на двух роялях давала концерты. Позже она посвятила себя педагогической деятельности, которой и занималась до последних дней своей жизни. В преклонном возрасте, с большими трудностями она переселилась из Риги в Австралию, где еще продолжала играть и преподавать.

Ко всему этому надо добавить, что она - мать первопоходника Анатолия Г.Макриди, благословившая его на подвиг во имя любви к Родине и отпустившая его в поход против большевиков, несмотря на то, что ему тогда - кадету Московского корпуса - было всего 15 лет от роду. Не каждая мать, любящая своего сына, была бы способна на это.

Правление и члены Общества Первопоходников в Калифорнии выражают дорогому соратнику Анатолию Григорьевичу искреннее соболезнование по случаю смерти любимой им матушки.

В.И.

Собр. 211² ст. 112.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

17

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

В Е С Т Н И К П Е Р В О П О Х О Д Н И К А

№ 17

ФЕВРАЛЬ 1963 года.

Ежемесячный журнал, посвященный:
1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

- o -

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

- o -

California non-profit Corporation
901 No. Kennore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - ooo - -

1951 - 1963.

Двенадцать лет тому назад инициативная группа из 12-ти участников 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода, проживавших в Лос Анжелесе, решила организовать с целью помогать нуждающимся первопоходникам в Европе.

Первое организационное собрание состоялось 10 февраля 1951 г. при участии 10 первопоходников: М.А.Скворцова, Ф.В.Пухальского, И.А.Колюбакина, А.Д.Трембовольского, В.П.Мяч, А.П.Мяч, С.И.Чернова, М.Э.Шилле, А.Ф.Долгополова и С.И.Проценко.

Было выбрано временное правление:

Председатель - М.А.Скворцов,
Вице-председатель - Ф.В.Пухальский,
Секретарь-казначей - В.П.Мяч,
Член правления - С.И.Чернов,
Запасн. член правления - М.Э.Шилле.

Этому временному правлению было выражено пожелание созвать на общее собрание всех первопоходников, проживавших в Лос Анжелесе.

Первое общее собрание в составе 12 первопоходников состоялось в день 33-ей годовщины выхода в 1-й Кубанский поход, 22-го февраля 1951 года; это собрание утвердило в должности членов правления, выбранных 10-го февраля, и приступило к обсуждению ряда текущих вопросов повестки дня и изысканию денежных средств для оказания помощи нуждающимся первопоходникам.

Правление энергично начало подготовку к намеченному балу, который 20-го октября того же года состоялся с хорошей концертной программой, лотереей и буфетом. Успех материальный и моральный превзошел все ожидания.

- - ooo - -

В общем, за период времени с 1951 по 1962 год было устроено 8 больших концертов-балов, 5 малых вечеринок и несколько обедов, доходы с которых поступали в фонд помощи соратникам.

Общая сумма денежных и вещевых посылок составила 7.355 долларов, и помимо этого было выдано безвозвратных ссуд на сумму 285 д.

С каждым годом общество Первопоходников увеличивалось новыми членами, и в настоящее время по списку числится 42 действительных члена-первопоходника и 4 члена-соревнователя, проживающих в Лос Анжелесе, его окрестностях, других штатах, в Канаде, Мексике, Англии и Австралии.

Общество, вместе со всеми воинскими и гражданскими организациями, всегда принимало участие в устройстве ежегодных Концертов-балов в пользу Русских Военных Инвалидов; во всех "Днях Неприимости", а также в других культурных начинаниях русской общественности в Лос Анжелесе.

В сентябре месяце 1961 года обществом был выпущен первый выпуск журнала "Вестник Первопоходника". Заветная мечта - иметь свой печатный орган - осуществилась. В начале тираж не превышал ежемесячно 100 экземпляров, но постепенно тираж увеличивался и ныне достиг 250 экземпляров ежемесячно.

Приступая к изданию журнала, Общество ставило себе целью предоставить участникам всех походов против большевиков - помещать на страницах "Вестника Первопоходника" свои воспоминания, очерки и статьи о событиях, ушедших в историю, о том, чему они были участниками и свидетелями.

Благодаря журналу "Вестник Первопоходника", посылаемому во все страны света, нам удалось войти в контакт с несколькими первопоходниками, о которых были сведения, что они погибли в боях еще во время гражданской войны. Таких случаев у нас было несколько.

- 0 -

Заканчивая краткий обзор деятельности общества Первопоходников, хочется верить, что наше благотворительное дело помощи нашим нуждающимся первопоходникам при поддержке всех первопоходников будет и впредь продолжаться и мы обращаемся к нашим соратникам с просьбой продолжать посылать свои пожертвования как в кассу помощи, так и в фонд издания нашего печатного органа, который, к слову будет сказано, никаких коммерческих выгод не преследует, но лишь чисто идеологически желает оставить в наглядное нашей семье память "о делах дедов и отцов", отдавших свою жизнь на алтарь спасения ОТЕЧЕСТВА от красной коммунистической заразы.

В.М.

Правление.

- - 000 - -

х

х х

Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим,
А в нетленные скривжали
Имена их начертим...

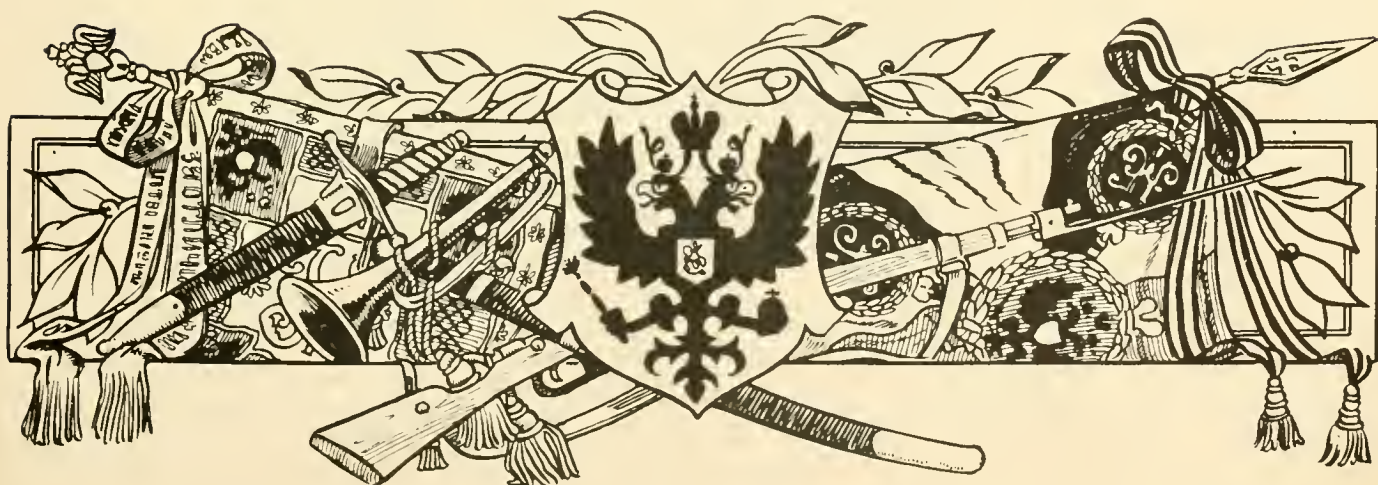
(из песни Константиновцев-артиллеристов)

Г Р У П П А П Е Р В О П О Х О Д Н И К О В

Снимок 1951 г. Лос Анжелес

Стоят слева направо:
Г.Корнилов, С.Проценко, В.Мяч, И.Хмельницкий-Меллон,
М.Скворцов, С.Чернов, Ф.Пухальский, Г.Залеткин, А.Мяч,
А.Переход, Н.Прюц, А.Долгополов.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

«НУЖНО ЗАЖЕЧЬ СВЕТОЧ, ЧТОБЫ БЫЛА
ХОТЬ ОДНА СВЕТЛАЯ ТОЧКА СРЕДИ ОХВА-
ТИВШЕЙ РОССИЮ ТЬМЫ».

Ген. АЛЕКСЕЕВ.

... "Ледяной Поход" является лишь отдельным эпизодом всего 1-го Кубанского, но это был самый тяжелый, самый трагический и самый героический эпизод. В нем Добровольцы проявили высшие духовные качества, высшую жертвенность и доблесть. Этот эпизод носит совершенно особый, символический характер всей начатой тогда Белой Борьбы, происходившей в атмосфере ледящего ужаса охватывавшего Россию коммунистического ада.

Константин Кузнецов.

- - оОо - -

В 45-ю годовщину выхода в "1-й Кубанский генерала Корнилова поход" горсточки русских патриотов, ПЕРВЫХ АКТИВНЫХ БОРЦОВ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ПРОТИВ КОММУНИЗМА, все человечество стоит перед насущной необходимостью ПОСЛЕДНЕГО и РЕШИТЕЛЬНОГО ПОХОДА против этого смертельно-опасного мирового зла.

В настоящее время всем стало ясно, что борьба с коммунистической заразой не только необходима, но и СОВЕРШЕННО НЕИЗБЕЖНА, ибо в случае непротивления надвигающейся мировой коммунистической революции погибнет вся современная культура, а обезумевший, обманутый род человеческий станет жертвой КРАСНЫХ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ СОВРЕМЕННОСТИ.

Никем не понятые и не поддержанные тогда, в 1918 году, ПЕРВОПОХОДНИКИ, Белые Воины, ныне встают перед миром во всем своем исполненном пророческом значении. Никем не замеченный возженный ими СВЕТОЧ БЕЛОЙ ИДЕИ БОРЬБЫ с КРАСНЫМ ЗЛОМ неожиданно вспыхнул ярким светом в умах миллионов лучших людей мира, в сознании всех великих и малых народов.

Этот СВЕТОЧ особенно ярко должен гореть в сознании Русских Людей. О ПЕРВОПОХОДНИКАХ, о их славном пророческом почине БЕЛОЙ БОРЬБЫ против красного зла, о их самоотверженных героических подвигах должен знать каждый русский патриот от мала до велика. Имена уже ушедших от нас ВОЖДЕЙ Первого Похода должны быть священным примером для каждого из нас. Те из них, которые еще с нами, должны вести нас к победе, освещая наш путь СВЕТОЧЕМ, возженным ими для нас...

Отдел печати РОНДД.

22-го (9-го) февраля 1949 г.

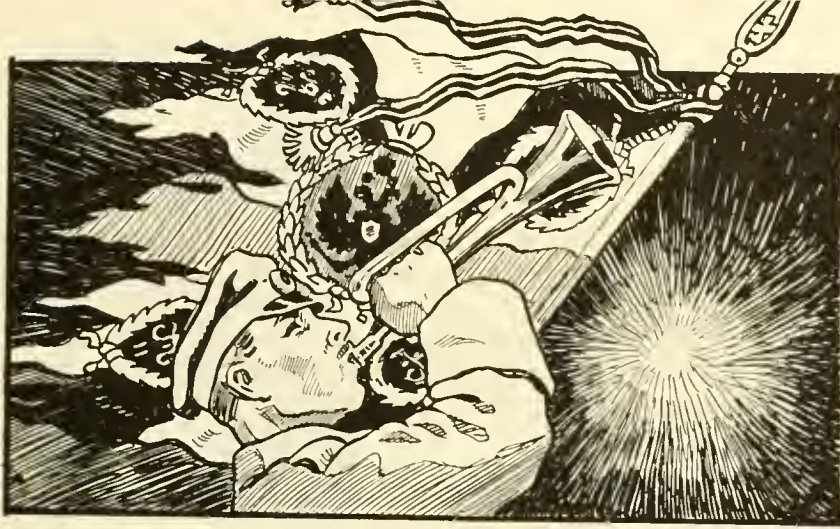
1. 1

- - оОо - -

Девиз "Рыцарей Тернового Венца".

"Душа - Богу,
Жизнь - Родине,
Сердце - женщине,
А честь - мне!"

- - оОо - -

П Р И З Ы В
к БОГЬБЕ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
Р О С С И И.

С захватом власти большевиками в 1917 году в октябре месяце даже для самых неисправимых оптимистов стало ясно, что Россия катится в бездну по наклонной плоскости.

В вакханалии, созданной революцией и приведшей к полному разложению армии и к смуте в стране, прибавился новый ужас — нависла угроза над самым бытием России, как великой национальной Державы.

На мрачном фоне общей растерянности и разрухи, в ноябре 1917 года, с Дона прозвучал призыв о необходимости начать вооруженную борьбу с разрушителями русской государственности. Генералы Алексеев и Корнилов решили сформировать Добровольческую Армию для спасения России, а Донской Атаман генерал Каледин задался целью установить порядок на Дону, поднять его против большевиков и создать для Добровольческой Армии прочную исходную базу.

На призыв русских патриотов и военных вождей, пользовавшихся громадным авторитетом и всеобщим уважением, начали стекаться на Дон со всех концов России офицеры, юнкера, кадеты, воспитанники гражданских учебных заведений и честные русские граждане, желающие помочь работе по спасению своего Отечества, прибывало некоторое, хотя и незначительное, число простых солдат, не забывших свой долг перед Родиной.

Началось формирование Добровольческой Армии и одновременно началась борьба с большевиками, решившими раздавить народившееся "контр-революционное гнездо".

Пробраться на Дон стало трудным уже с декабря 1917 года, и сформированная маленькая Добровольческая Армия, буквально истекавшая кровью и очень слабо пополняемая, героически отбивалась в окрестностях Новочеркасска и Ростова от большевиков, наседавших на нее со всех сторон. Дон окончательно развалился, и Армия принуждена была в феврале 1918 года двинуться на Кубань, где, как рассчитывали генералы Алексеев и Корнилов, предполагалось усилиться кубанскими казаками и получить новую базу для борьбы с большевиками. Но и эта надежда рухнула, и, потеряв генерала Корнилова, своего героя-вождя, сраженного вражеским снарядом 31 марта 1918 года на берегу Кубани, остатки Добровольческой Армии были отведены ген.Деникиным обратно на Дон.

Неудачно закончился первый период борьбы с большевиками, но эта эпическая борьба явилась первым проявлением совести и чести русского народа, одурманенного ложными лозунгами большевиков и начавшего разрушать свою Родину. Толчок, данный первыми добровольцами, нашел отклик и в других районах России, и вновь разгорелась борьба

с большевиками на Юге России, в Сибири, в Архангельском районе и в Прибалтийском крае.

В течение вооруженной борьбы с большевиками, продолжавшейся до ноября 1920 года, было несколько периодов, когда казалось, что близок момент падения советской власти. Но русский народ в своей массе еще не изжил большевизма, и интернационал, руководя одурманенной рабочей и крестьянской массой и терроризируя непокорных, а также найдя поддержку против "белого" движения в социалистах, одержал победу.

Вооруженную борьбу пришлось прекратить и всему противобольшевицкому - покинуть Россию.

Для слабых духом представилось, что все погибло. Но это не так: не может быть такого эпилога для драмы, переживаемой великим русским народом!

Русское воинство и честная русская эмиграция, выброшенная за пределы своей Родины, с каждым днем очищаются, крепнут, учатся, сплачиваются около Церкви Православной и готовятся отдать свои силы на служение России. Все вести, идущие с Родины, определенно показывают, что в русском народе просыпается совесть и он, вернувшись к вере православной, готовится на смертный бой с захватчиками власти - коммунистами и их приспешниками.

Уже слышится дальний благовест пасхальных колоколов и все чаще и громче произносится имя Того, Кому, очищенный своими страданиями, русский народ поручит вывести его на временно покинутую им историческую дорогу.

Верим, что близок час, когда Верховный Вождь, в полном единении с Церковью Православной и Русским народом, возродит поруганную Святую Русь.

Генерал А.Лукомский.

- - оОо - -

Р О Д И Н Е

Тебе - Великая, Жестокая, Родная,
Всегда любимая с далеких детских лет -
Я песни верности слагаю

И плю, как дар, как дочерний привет.

Нет нужды в том, что Ты сошла с дороги;

Пора придет - Ты путь найдешь прямой,

И лик прекрасный Твой, загадочный и строгий,

С улыбкой склонится, быть может, надо мной.

Нет нужды в том, что жизнь Ты мне разбила,

Услав к чужим, холодным берегам, -

Того, что раньше сердцу было мило,

Я никому и ныне не отдам.

Пусть - нищета, пусть все кругом - не наше;

Пусть коротка, непрочно жизни нить, -

Я пью безропотно мне посланную чашу,

Благодаря за счастье русской быть.

И если не войду под сень Твою, Родная,

Не устояв в болезни и борьбе, -

Умру, за то судьбу благословляя,

Что петь могла Тебе и о Тебе.

Мария Волкова.

ГЕНЕРАЛ М. АЛЕКСЕЕВ В КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

Сколько раз мне приходилось видеть в степи генерала Алексеева. То он шел в сопровождении ротмистра Шапрона, своего адъютанта, то один, опираясь на палку. Я вглядывался в знакомое мне лицо, всегда такое спокойное, и здесь тоже — спокойствие в выражении его лица, в его голосе, в его походке.

Он шел стороню, вдали от других. Он не мог командовать армией, не мог нести на себе тяжелое бремя боевых распоряжений на поле сражения. Физические, уже слабеющие силы не позволяли ему ехать верхом. Он ехал в коляске в обозе.

Как будто он лишний был в походе. А между тем, попробуйте вычеркнуть генерала Алексеева

из Кубанского похода — и исчезнет все значение его. Это уже не будет Кубанский поход.

Одним своим присутствием среди нас этот больной старик, как бы уже отошедший от земли, придавал всему тот глубокий нравственный смысл, в котором и заключается вся ценность того, что совершается людьми.

Корнилов один во главе армии — это уже не то. Это отважный доблестный подвиг, но это не Кубанский поход.

Судьба нам послала в лице Алексеева самый возвышенный образ русского военного и русского человека. Не киписие крови, не честолюбие руководило им, а нравственный долг.

Он все отдал. Последние дни своей жизни он шел вместе с нами и освещал наш путь. Он понимал, когда, уходя из Ростова, он сказал:

"Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы".

Никогда в тяжелые минуты, когда одинокий, как бы выброшенный из жизни, он шел в Кубанской степи, он не терял веры.

Я помню: обоз спускался медленно по покатости холма на мост через речку. Алексеев стоял на откосе и глядел на далекую равнину, расстилавшуюся на том берегу. О чем он думал? О том, чем была русская армия и чем стала в виде этих нескольких сот повозок, спускавшихся к переправе? О том, что ждет нас впереди в туманной дали?.. Я подошел к нему. На душе было тяжело. Наше положение и неизвестность удручали. Он угадал то, о чем я думал, и ответил на мои мысли: "Господь не оставит нас Своею милостью".

Для Алексеева в этом было все. В молитве находил он укрепление своих слабых сил. Те три тысячи, которые он вел, — это была армия составом менее пехотного полка, но это была русская армия, невидимо хранимая Провидением для своего высшего предназначения.

Н. Львов.

- - оОо - -

Г И М Н Б Е Л Ы Х
(Посвящается генералу Л.Г.Корнилову).

Мы слуги России, мы дети народа,
Мы верные рыцари Белой Мечты.
Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
Державная воля родимой страны.

Отвергли мы иго кровавого строя:
Под красное знамя служить не пошли.
Под стягом трехцветным, по зову героя,
Распятой Отчизны мы честь сберегли.

Под небом свинцовым, не зная лазури,
По морю житейскому яростных вод
Плыл смерти навстречу, сквозь грозы и бури,
Под парусом белым отважный наш челн.

Испытанный кормчий железной рукою
Тот челн направлял сквозь туманы и мрак,
И ярко горел лучезарной звездой
На стенах Кремля путеводный маяк.

Но Бог ниспослал испытанье России,
Победы нам не дал безжалостный рок.
Слепыми волнами безумной стихии
Смыт Вождь незабвенный, разбит наш челнок.

Кружимся по свету мы пылью земною,
Страдаем и гибнем по лику земли,
Но свято храним мы свою душу
Наш клич боевой: "Все - для счастья Руси!"

Мы слуги России, мы дети народа,
Мы верные рыцари Белой Мечты.
Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
Державная воля Великой Страны.

Н.Н.Николаев.

От редакции: Автор - член Государственной Думы,
присяжный поверенный Н.Н.Николаев, доброволец -
первопоходник.

Информ. Бюллетень "КОРНИЛОВЦЫ" № 47
Январь-Февраль-март 1961.

МЫ УХОДИЛИ...

Мы уходили.

За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города беспощадным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя.

Мы начали поход в условиях необычных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания...

За синей птицей. Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят "СВЕТОЧ", слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, — те, кто пока еще не проснулись...

В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского Похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все - в области духа и творимого подвига. На привольных степях Дона и Кубани ходила Добровольческая Армия, малая числом, оборванная, затравленная, окруженная, - как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг - это ставка Корнилова.

Первый Кубанский поход - "Анабазис" Добровольческой Армии - окончен. Армия выступила 9-го февраля 1918 года и вернулась 30-го апреля, пробыв в походе 80 дней. Прошла по основному маршруту 1050 верст.

Из 80 дней - 44 дня, ведя бои. Вышла в составе 4-х тысяч, вернулась в составе 5-ти тысяч, пополненная кубанцами.

Начала поход с 600-700 снарядами, имея по 150-200 патронов на человека - вернулась почти с тем же: все снабжение для ведения войны добывалось ценою крови.

В кубанских степях оставили могилы Вождя и до 400 начальников и воинов; вывезли до полутора тысяч раненых; много их еще осталось в строю; много было ранено по несколько раз.

В память похода установлен знак: МЕЧ в ТЕРНОВОМ ВЕНЦЕ.

Издали из Румынии на помощь Добровольческой Армии пришли новые бойцы, родственные ей по духу. Два с половиной года длилась еще их борьба.

И тех немногих, кто уцелел в ней, судьба разметала по свету: одни - в рядах полков, нашедших приют в славянских землях, другие - за колючей проволокой лагерей-тюрем, воздвигнутых недавними союзниками, третьи - голодные и бесприютные - в грязных ночлежках старого и нового света.

И все на чужбине, все "без Родины".

Когда над бедной нашей страной почнет мир и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто ПЕРВЫМИ поднялись на защиту России от красной напасти.

Ген. А.Деникин.

- - оОо - -

"...Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевицкой власти и принести свою кровь и жизнь за разрушенную Родину, - это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому Русскому народу."

Ген. А.Деникин.

- - оОо - -

АНГЕЛ - ХРАНИТЕЛЬ
Памяти ген. Маркова.

Колония Гначбау. Настроение подавленное. На совещании у нового Командующего генерала Деникина генерал Марков сказал:

— Необходимо поднять веру действием...

1-ая батарея прикрывала отход армии с остатками офицерского полка. Ее прихода поджидал ген. Марков.

Не успели вытянуть орудия вдоль широкой улицы и распредить лошадей, как новое распоряжение: — "Быть готовыми к движению". Два часа срока на кормление лошадей. Людям заботами генерала Маркова приготовлены двадцатифунтовый мешок колбасы и два каравай хлеба.

Лаконическая записка: — "Немедленно прибыть к школе". Там простояли без дела в течение всего совещания. Наконец, вышел ген. Марков: — "Полковник Миончинский, два орудия со мной, одно с Эрдели, а одно уничтожено. Не так ли?"

Вытянулась маленькая колонна авангарда. Впереди ген. Марков с подполковником Миончинским, несколько конных ординарцев полка и команда батарейных разведчиков с батарейным пулеметом, затем два орудия и около десятка повозок с пехотой. К наступлению темноты запретили курить.

Перед рассветом отряд остановился. Шопотом пронеслось — "железная дорога"... Коноводы приняли лошадей, разошлись небольшой цепочкой. Уже из темноты видны очертания телеграфных столбов, переезд, за ним — черное пятно путевой сторожки.

Дальше - ползком... Возле домика на скамейке, облокотясь обеими руками на винтовку, спал часовой. Выскочили и без шума сняли его, а затем и весь спящий караул.

Задребезжал телефон со станции Медведовской: - "Спокойно ли у вас?". Генерал Марков ответил утвердительно, добавил: "Слухаю", поддержал еще с полминуты трубку и выбежал наружу: "Скорей пушку на переезд!" - и с окружающими начал наваливать шпалы.

Подъехало орудие, ящик рысью проскакал через полотно и скрылся в темноте.

Рельсы стучали на стыках все звятней, все громче... Поезд... Уже из предрассветного полумрака блеснул фонарь, потом послышалось мерное дыхание паровоза и, наконец, обрисовалось расплывчатое черное пятно. Замедлил ход.

- Кто на путях?

Генерал Марков ответил: - "Свой" - и, повернувшись к пушке, крикнул: - "Скорей огонь!".

Выстрел...

Разрыв. Но черная масса продолжает двигаться.

- Плохо. Скорей гранату.

Торопливо подносят. Стук оружейного замка и одновременно два выстрела друг другу навстречу.

Паровоз в облаках белого пара. Треск пулеметов. Шум выстрелов и голос ген. Маркова: - "Кубанцы, вперед, ура!". С группой офицеров он бросился к поезду. Взметнулось несколько ручных гранат. Крики, шум и мольба о пощаде.

Из вагона прыгнула фигура: - "Товарищи, я свой - комиссар Подкидыш".

Ген. Марков крикнул: - "Тебя-то нам и надо..."

Армия спасена.

- o -

Спустя несколько часов колонна армии вытянулась за вагоном ст. Медведовской. Перед походом командующий ген. Деникин здоровался с частями. Подъехал к 1-й бригаде: - "Сергей Леонидович, этого дня никто не забудет - вы спасли армию..."

- Нет, это не я, это они... - волнуясь, отвечал ген. Марков, указывая на батарею: - сегодня их день...

Армия ушла на Дон...

Ген. Марков со своей 1-й бригадой задержался в селе Лежанка, покрывая ее отход.

Перед Светлой Заутренней штыковыми атаками и криком "Ура" отбивалиседавших красных.

Ударила ночной благовест...

- Христос воскрес! Верю - воскреснет Россия...

А утром Светлого дня, по его выражению, "пошли с визитом к товарищам в село Лежанку", вернулись и снова пошли через хутор Грязнухина Балка в станцию Егорлыцкую.

Выписка из "Шаблиевка", изд. Марковцев, Париж 1933 года.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

Первый Кубанский поход является вторым этапом боевых действий Добровольческой Армии и тесно связан с ее первым периодом формирования.

Для полного ознакомления и понимания 1-го Кубанского похода необходимо знать, как вообще создавалась Добровольческая Армия и что она переживала в первом периоде своего бытия.

В этом году исполнится 45 лет со времени начала похода. До сих пор очень многие о нем или не знают или имеют смутное представление.

В своих воспоминаниях я умышленно не буду касаться ее боевых действий ни в ее первый период - от 2-го ноября 1917 года до 9-го февраля 1918 года, - ни второго периода - от 9 февраля до 30 апреля 1918 года. Заинтересованный читатель найдет изложение боевых действий Доброармии за эти периоды в воспоминаниях других авторов.

Я только скажу одно: действия Доброармии этого времени были легендарными. Кубанский поход называют часто Ледяным и легендарным. Первое определение я считаю далеко неверным: "Ледяным" он был 3-4 дня, в остальное время погода стояла почти весенняя, более или менее теплая.

Второе название "Легендарный" дано походу по всей справедливости и без всякого преувеличения. Но это не значит, что вся армия состояла из легендарных бойцов, - нет, но все ее чины от большого до малого творили во время похода "легендарные дела". Если бы добровольцы не творили этих дел, то от Доброармии осталось бы пустое место.

Крохотная армия по количеству бойцов при выступлении в поход равна была пехотному полку в конце 1-й мировой войны. Выйдя в поход, эта маленькая армия находилась в полном окружении врагом, превышавшим ее во много раз количеством своих бойцов. Армия не была обеспечена ни боевыми припасами, ни санитарными средствами, ни продовольствием, - вообще ничем. Она была вынуждена добывать все это ценою крови своих бойцов у жестокого врага, богатого всякого рода снабжением, - такая армия была богата только своим духом.

Благодаря своему духу, любви к своей Родине, Армия творила свои чудеса... и свои подвиги. Хотя не все первопоходники действовали в одном месте, на одном участке, но условия боевые были всюду одинаковые, как в боевой линии, так и в обозе. Со всех сторон был фронт, не было тыла и не было пункта, на который армия в бой могла бы опереться.

В настоящих моих воспоминаниях я коснусь первого периода создания Добровольческой Армии до ее выхода из Ростова 9-го февраля 1918 года (все дни месяца указаны по старому стилю).

- o -

Поезд прибыл в Новочеркасск ночью под 2 ноября 1917 года. Утром я пошел в Донской кадетский корпус к моему бывшему сослуживцу - Лейб-гвардии Петроградского полка полковнику Васильеву, командиру 3-й сотни корпуса. В свое время мы оба были младшими офицерами в одной и той же роте.

На другой день, 3-го ноября, я посетил Донского Войскового Атамана генерала Каледина с просьбой принять меня на службу в Дон-

ское Войско. Атаман произвел на меня смутное впечатление своим грустным видом и своим отношением к моей просьбе.

Внимательно выслушав мой доклад о бегстве из Петрограда от большевиков, Атаман задал мне вопрос:

- Вы казак?

Получив мой отрицательный ответ, он сказал:

- В таком случае я вас принять не могу.

На это я сказал, что могу быть полезен, как опытный преподаватель в военном училище. Генерал Каледин заметил:

- Если начальник военного училища вас примет, я лично ничего не буду иметь против. Попробуйте.

Полча откланявшись, я повернулся к выходу, и вдруг Атаман промолвил:

- А здесь есть какая-то русская организация.

На мой вопрос - где и какая? - Атаман Каледин ответил незнаком.

Оказалось, что он говорил о Добровольческой Армии. Из Атаманского дворца я отправился прямо к начальнику Новочеркасского Военного училища ген.-майору Попову Петру Харитоновичу. Не могу сказать, чтобы он меня принял приветливо. Выслушав меня, он сказал:

- Когда нам нужны были преподаватели, тогда сюда не шли, а теперь многие бы хотели. Не смогу принять.

При моем уже отходе он добавил:

- Если я вас приму, то должен вам и платить, а у меня нет никаких кредитов.

Для меня это было понятно. Выйдя из здания Военного училища, я направился искать "какую-то русскую организацию". В скорости я ее нашел. Она была на Барочной улице № 56. У ворот изнутри стоял дневальный в штатском платье, который меня остановил и пытался задержать (я был в штатском костюме), но потом весело сказал:

- Здравия желаю, г-н полковник.

На мой вопрос, откуда он меня знает, дневальный ответил, что он юнкер Павловского Военного училища и знает меня, как преподавателя в этом училище.

Юнкер пропустил меня и указал, куда нужно обратиться. Это была канцелярия - Штаб Добровольческой Армии, которую формировал генерал Алексеев.

Оказалось, что ген. Алексеев и я приехали в Новочеркасск одним и тем же поездом. Утром 2-го ноября 1917 года ген. Алексеев был у ген. Каледина с просьбой разрешить формирование Добровольческой Армии на Дону.

3-го ноября я записался в Добровольческую Армию, следовательно, я считаюсь одним из первых и старейших добровольцев. Записавшись добровольцем, я попросил на несколько дней отпуск, чтобы съездить и повидать мою семью в гор. Ейске Кубанской обл., которая, оставив Петроград раньше меня, поселилась в этом городе.

Вернувшись из Ейска, я был назначен Начальником гарнизона Добровольческих частей в Новочеркасске. В этой должности я являлся помощником ген. Алексеева.

Днем основания Добровольческой Армии считается 2 ноября 1917 г. В этот день ген. Алексеев выпустил свое воззвание о призыве добровольцев в Добровольческую Армию.

Захват власти большевиками, отсутствие какой-либо государственной силы, способной оказать сопротивление узурпаторам, и побудило ген. Алексеева взяться за "последнее дело на земле" - основание Армии на добровольных началах. Отвечал ли подход к формированию Армии на таких началах текущему моменту - трудно сказать. Будущий историк даст на это правдивый ответ.

Формирование первых добровольческих частей протекало в довольно сложных и тяжелых условиях. Во-первых, добровольцы собирались на Земле Войска Донского, где тоже, как и в остальных частях Российского государства, большевицкая зараза глубоко проникла в людскую среду. Отсутствие каких-либо значительных денежных средств, ограниченное количество вооружения, продовольствия, обмундирования, слабый приток добровольцев и недостаток времени... Мы знаем, что генерал Алексеев сам обходил богатых людей и собирал по фунтам продовольствие для формируемой армии. Оружие кое-как получалось из складов запасных батальонов, но давалось оно очень скупо и неохотно. Решено было запасные батальоны на Хотунке распустить по домам и взять оружие. Хотя солдаты и отказались расходиться, но когда несколько сот добровольцев из юнкерского и офицерского батальонов появились в виду, запасные батальоны были обезоружены и распущены. Все это произошло спокойно и благополучно.

Времени для подготовки поступающих совершенно не было. Продвижение большевиков в землю Войска Донского угрожало формированию Армии, а потому люди поступающие без всякой подготовки направлялись в угрожаемые места. Часто шли в бой новички, еще ни разу не державшие винтовки в руках, и погибали в неравном бою.

Казачество Донского Войска само переживало тяжелые моменты, а потому Доброармия не могла надеяться на его помощь, так как многие Донские части за время следования с фронта настолько разложились и были распропагандированы, что и на призыв своего Атамана не откликнулись. Многие полки и станицы держали нейтралитет, а иные даже вместе с большевиками сражались против формируемой Армии.

За время от 2-го ноября и по день выхода в 1-й поход формирование Армии не было организацией, а скорее импровизацией, следовательно, при таких условиях не могло не быть крупных недостатков. А где их нет? Добровольческая Армия перед выходом в поход была, по своему большому количеству офицеров, - офицерская часть. Остальной состав: юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, семинаристы, солдаты, не забывшие присягу, и казаки. На рядовых должностях были офицеры. Это было крайне ненормальное явление, имевшее много отрицательных, как и положительных сторон.

Итак, Доброармии приходилось в одно время формироваться, воспитываться, обучаться и воевать. В нормальных и спокойных условиях все это можно было вводить в жизнь в постепенном порядке, не нарушая принципов военного дела. Конечно, при всяком формировании является главным элементом и играет решающую роль кадр опытных начальников. В Доброармии на первых порах таковых не было, а если и были, то в ограниченном числе. Мы знали, что в начале офицерскими ротами командовали офицеры ускоренных четырехмесячных курсов подготовки. Штаб-офицеров для батальонных командиров не хватало. Юнкерским батальоном командовал штабс-капитан Парфенов, военной подготовки из вольноопределяющихся, с 4-мя степенями Ордена Военного Знака. На редкость он был прекрасным командиром батальона.

Командиром 1-го Офицерского батальона был подполковник Борисов, Корниловским Ударным полком в то время командовал капитан ген.штаба М.Нежинцев, командиром Георгиевского полка был полк.Кириенко.

В Артиллерии было иное положение: там и командир дивизиона полковник Шмелев и все его три командира батарей были в штаб-офицерских чинах с большим опытом 1-й Мировой войны.

Все эти части формировались в Новочеркасске и подчинялись мне, как начальнику гарнизона.

Позже, уже в станице Ольгинской, произошло переформирование Добровольческой Армии в более постоянные боевые единицы, и потому произошла некоторая перемена в командном составе. Между прочим, в Новочеркасске мне представилась возможность сделать смотр Корниловскому Ударному полку, и там я оценил энергию и деятельность капитана Неженцева, даже сказал ему, что если я уйду с должности Начальника гарнизона, то хотел бы быть в Корниловском Ударном полку, на что капитан Неженцев ответил: "Милости просим, г-н полковник!"

Добровольцы прибывали по началу на Барочную ул. № 56, где уже истом распределялись по частям. Заведующим там был полковник Шмидт, а потом я заменил его полковником Хованским, а полк. Шмидт принял батарею.

Полковнику Хованскому я предоставил распределение добровольцев по частям, а определение на должности генералов и штаб-офицеров оставил в моих руках.

Штаб-офицеры были редкими добровольцами, и нужда в них была крайняя; по мере возможности они назначались на должности соответственно их чинам. Но бывали случаи, когда они получали только роту. Такой случай был и у меня. Ко мне в управление явился один штаб-офицер и получил распоряжение принять роту в 1-м Офицерском батальоне, которым командовал подполковник Борисов. Как мне стало потом известным, за нетактичное поведение подполк. Борисов попросил штаб-офицера оставить квартиру. Уже потом, по окончании похода, я, будучи раненым, был эвакуирован в Новочеркасск и встретил этого штаб-офицера с нагрудным знаком Дроздовской дивизии. Я помню, что за все время, пока я был начальником гарнизона, через мои руки прошло всего три штаб-офицера.

По должности начальника гарнизона гор.Новочеркасска мне приходилось наблюдать за тем, чтобы войсковые части были удовлетворительно размещены и также несли исправно караульную службу. Последнее заключалось не только в проверке несения караульной службы, но и в постоянном обучении добровольцев этому важному отделу.

Благодаря тому, что в Добровольческой Армии все время была не организация, а импровизация, времени на обучение не было. Хотя караульная служба в то время считалась важной необходимостью, но мне при проверке караулов приходилось встречаться со случаями, когда не только рядовой состав караула, но и сам начальник караула не знал своих обязанностей. В таких случаях мне приходилось пояснять обязанности чинов караула на месте их службы.

Кроме Новочеркасска, Добровольческие части были и в Ростове. Там были сформированы части:

2-й Офицерский батальон - полк. Лаврентьев,

3-й Офицерский батальон - полк. Кутепов,

Морская полурота - капитан 2-го ранга Потемкин,

"Дивизион смерти" Кавказской Кавалерийской дивизии - подполковник Ширяев.

Конные части:

1-й дивизион полковника Глазенапа,

2-й дивизион - полк. Гершельман,

3-й дивизион - подполк. Корнилов.

Легче всего было формировать пехоту, труднее конницу: люди были, но конского состава не хватало или, если и добывались, то с большими затруднениями. Труднее всего было формировать артиллерию. Нужны были не только кони, но и орудия. А откуда их можно получить? За время моего пребывания Начальником гарнизона я помню случай, когда на похороны нашего офицера-артиллериста мы попросили у донской казачьей батареи один взвод (2 орудия) на время похорон. После похорон одно орудие вернули казакам, а другое "позабыли" вернуть.

Нам стало известно, что часть артиллерии 39-й пехотной дивизии расположилась недалеко - в расстоянии каких-либо 100 верст от Новочеркасска.

Командир 1-й батареи подполковник Миончинский послал разезд человек 15 из юнкеров его батареи с целью захватить орудия у этой дивизии. Юнкера из такого предприятия вышли благополучно, и через несколько дней в Новочеркасске появился этот разезд с двумя орудиями, полной упряжкой и зарядными ящиками.

Таким образом у нас стало три орудия. Донская батарея имела в парке 5 орудий (одно осталось у нас от похорон). Орудия охранялись. Решено было эти 5 орудий купить. Донцы рвались по своим станицам. Покупка состоялась. Однако случилось одно непредвиденное обстоятельство. У донцов произошла смена частей, и новая смена обнаружила пропажу всех пушек. Казаки в свою очередь решили свои пушки отобрать. Когда об этом доложил подполк. Миончинский, то я немедленно отправился к походному атаману генералу Назарову, которому объяснил всю правду. Походный атаман признал, что Добровольческой Армии нужны орудия, но он официально своей властью не может разрешить передать пушки нам, но неофициально благословляет взять и как можно скорее с ними уходить. Потом временно 2 орудия были даны полковнику Чернецову.

В тот же день Добр. Армия из Новочеркасска ушла в Ростов. Батарея полк. Миончинского в большинстве состояла из юнкеров Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, прибывших на Дон маленькими группами или одиночками. Между прочим, при осмотре этой батареи я обратил внимание на очень стройного и красивого юнкера - оказалось, что этот юнкер был - княжна Волконская, бывший вахмистр конных разведчиков в женском батальоне прапорщика Бочкаревой. Это была одна из лучших батарей в формируемой Добр. Армии. Из этой же батареи была в свое время отправлена группа юнкеров в Екатеринодар, чтобы там получить пушки. К несчастью, она целиком попала в руки большевиков и очутилась в Новороссийской тюрьме.

6-го декабря 1917 года в Новочеркасск прибыл ген. Корнилов. Вскоре потом на Дон стали приезжать и остальные Быховские узники. Приказом генерала Алексеева генерал Корнилов 25 декабря был назначен Командующим Добр. Армией, а в руках ген. Алексеева сосредоточилась лишь политическая и финансовая часть Добр. Армии. Генерал Деникин возглавил все сформированные части Армии, как в Новочеркасске, так и в Ростове. Таким образом, ген. Деникин стал начальником гарнизона в Новочеркасске с нач. штаба ген. Марковым, а я занял должность офицера ген. штаба, соответствующую по должности старшему адъютанту штаба дивизии. Все остальные генералы числились при штабе армии. Начальником штаба Армии был генерал Лукомский.

Расположение Добровольческих частей в двух городах при неустанном приближении большевиков и при растущей неурядице на Дону побудило командующего Армией сосредоточить все части в одном месте. Таким пунктом в то время был выбран Ростов. В середине января (кажется, 11-го числа) части из Новочеркасска перешли в новое расположение. Штаб Армии занимал особняк во дворе Пармезнова, и сам штаб стал называться полевым штабом Добр.Армии. Вход в помещение полевого штаба разрешался только по пропускам, которые выдавались в другом месте. Дежурство по полевому штабу исполнялось офицерами из конвоя ген. Корнилова. При входе посетителя дежурный офицер требовал пропуск. Служба неслась добросовестно. Одним из таких дежурных офицеров я помню прапорщика баронессу Боду, позднее убитую в конной атаке дивизиона полк. Раппа под Екатеринодаром. Прапорщик Бода была строгим дежурным офицером.

В Ростове я был назначен начальником "инспекторско-хозяйственного отдела". Собственно хозяйственного дела в нем не было, но лишь инспекторское - близко ксавшееся финансов.

Дабы не забыть, вернусь назад к своему пребыванию в Новочеркасске, чтобы поведать случай, свидетелем которого я был. В Новочеркасске в доме штаба сформированных частей жили ген. Корнилов и ген. Деникин. К ним могли приходить те лица, которых я предваритель-но решил допустить. От нежелательных посетителей я коротко отделывался.

Штаб же Армии располагался в другом месте - в одном из зданий донских правительственных учреждений.

Как-то мне пришлось зайти в штаб Армии. Штаб Армии находился в большом помещении, где была отдельная комната, стены которой и двери были из тонких досок. Я говорил с начальником связи полк. Трескиным, и в этот момент вдруг открывается дверь комнаты, выходит генерал Корнилов, резко хлопает дверью и говорит: "Мерзавцы!"

Оказалось, что в этой комнатке происходило совещание общественных деятелей, прибывших из Москвы, в том числе и Милюкова.

Добровольческая Армия, находясь в Ростове, представляла из себя как будто бы "проходной двор". Места убитых и раненых немедленно заполнялись новыми добровольцами. Материальное положение было весьма тяжелое и не только в финансовом отношении, но и по части снабжения обмундированием, бельем, сбутью и т.д. И это при условии, что все было в изобилии в интендантских складах. Помимо материальной необходимости, Добр.Армия обладала еще одним недостатком и довольно крупным: она была Добровольческая. Поступали добровольцы по контракту, после чего по желанию могли или оставаться в Армии или уходить.

Счастье то, что в Армию большинство записывались ИДЕАЛНО. Несомненно, что этот стимул спаял всю Армию в одно целое и духовно крепкое тело. К сожалению, если солдаты не записывались, то это было понятно, но и офицеры мало откликнулись на зов Добр.Армии. И это было тут же, под рукой у Добр.Армии, в самом Ростове, который был заполнен офицерами в несколько тысяч человек, а записывались в Армию единицы. Остальная масса пассивно относилась к вступлению в Добровольческую Армию, чтобы потом молча сложить свои головы от руки большевиков. Мне припоминается один день в конце января или начале февраля 1918 года, когда я по делу посетил командатуру Ростова и был свидетелем безобразного явления. В этот день происходила регистрация офицеров, и вот среди собравшихся раздался громкий голос:

- И что это за безобразие! Все регистрация и регистрация! И когда этому будет конец?..

Говоривший был в чине ротмистра и явно был из кадровых офицеров. Мне тогда казалось, что настало время перехода от добровольчества к исполнению воинской повинности по мобилизации, но командование Добр. Армии придерживалось системы добровольной записи.

С каждым днем положение Добр. Армии ухудшалось. Большевики давили со всех сторон, Дон переживал свою трагедию. Атаман Каледин 29-го января покончил самоубийством, но и смерть атамана не взбудоражила Дон.

При такой обстановке командование Добр. Армией решило оставить Ростов и двинуться в неизвестность: "за синей птицей".

За несколько дней до начала 1-го Кубанского похода в Ростове был сформирован Инженерный батальон из двух рот, личный состав которого состоял из пленных чехословаков под командованием полковника Кроль и другого офицера-чеха - Немец. Я принимал живейшее участие в формировании этого батальона.

За 3-4 дня до нашего оставления Ростова произошли два события, при воспоминании о которых я волнуюсь и сейчас:

Сижу я в инспекторско-хозяйственном отделе Добр. Армии с двумя адъютантами ген. Деникина (один - поручик 18 стрелк. полка, а другой - 4-го полка какой-то дивизии). Дверь в комнату открыта. Мимо проходит штатский в пальто, бритый, без усов и бороды, в очках. Я его не узнал в тот момент. Он прошел к ген. Деникину и в скорости ушел из штаба. Это был Милюков. Приблизительно в то же время к генералу Корнилову приезжал Керенский. По слухам, ген. Корнилов предложил ему убраться из Ростова, если он не желает быть повешенным. Керенский пробыл в Ростове, говорят, 3 дня.

На моей душе грех: одного не узнал, а о другом узнал, когда было поздно. Как Милюков, так и Керенский являются главными виновниками гибели нашей Родины. Я бы их обоих тогда же ликвидировал бы, и они не могли бы продолжать свое злое дело. А за три дня до выхода из Ростова к Добровольческой Армии присоединился и известный матрос Баткин, о котором я буду говорить в следующей части моих воспоминаний.

8-го февраля ген. Корнилов решил произвести мобилизацию лошадей и подвод. Мобилизация была поручена штабс-ротмистру Н.М. Алексееву (сыну ген. Алексеева).

Штабс-ротмистр Алексеев зашел в мое инспекторское отделение и просил дать ему сведения о количестве транспортных средств, необходимых для отдела. Нужна была одна пароконная подвода и одна верховая лошадь. На второй день я получил верховую лошадь без седла и даже уздечки, а лошадей для подводы без всякой упряжи. В тот же день все это пришлось оставить, а дела отдела сжечь. Я вышел пешком в поход.

Поздно вечером 9-го февраля 1918 года Добровольческая Армия начала отходить из Ростова.

Начался 1-й Кубанский генерала Корнилова поход.

Ген. Е. Булюбаш.
(Продолжение следует)

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ 1917 год.

Турецкий фронт...

Мой полк был правофланговым всей Российской Армии, а моя рота была началом фронта у Черного моря.

В декабре месяце я был срочно вызван в штаб полка, где мне было сказано:

- Завтра в 7 часов отходит транспорт в Новороссийск, и вы должны уехать в "семинедельный отпуск", иначе могут быть для вас результаты плачевные.

Мой отъезд прошел благополучно. Транспорт был забит отпускными офицерами и солдатами 123-й пехотной дивизии. Утром я высадился в Новороссийске и устроился в товарном вагоне - поезд следовал через Екатеринодар, Ростов. В вагоне я встретил подпрапорщика и двух унтер-офицеров дивизионной учебной команды, коей командовал мой брат, так что я почувствовал себя спокойным. Поезд прошел от Новороссийска до Ростова без препятствий, разве что был остановлен в чистом поле в нескольких верстах от Ростова двумя сотнями донцов для проверки и реквизиции оружия, после чего мы прибыли на станцию Ростов.

Был вечер, мои унтер-офицеры вынесли мой багаж, нагрузили на извозчика, и мы дружески расцеловались, пожелав "счастья" в жизни.. В Ростове обосновались мои родители, к ним-то я и держал путь... Я уже знал о ситуации в городе и в Донской области и на следующий день я посетил моего однополчанина Алекс. Ликушина, коренного ростовца, и мы решили записаться в отряд полк. Симаповского, который сформировался в Госпитальном городке на окраине Ростова. Нас встретил сам полк. Симаповский и его помощник, георгиевский кавалер штабс-капитан князь Чичуров, они обрадовались нашему приходу. Полк. Симаповский смеясь сказал: "Вот еще двое..." - и познакомил нас с фельдфебелем роты шт. кап. Садовень, который, указывая на койки, прибавил: "Размещайтесь, господа". Так началась моя служба... Родина!

Первое, что бросалось в глаза в Ростове, - это масса офицерства, повсюду в городе, в театрах, синема, на балах и особенно на тротуарах... Веселился наш брат офицер... и НИКТО не собирался внять призыву генералов Алексеева и Корнилова.

Через два дня пребывания в казарме нас троих офицеров с винтовками послали в здание градоначальство на Таганрогском проспекте в караул. Происходила регистрация находящихся в Ростове и окрестностях г.г. офицеров. Пришла такая масса, что пришлось разделить регистрацию по буквам, и вот тут-то я увидел отношение офицеров к нам, добровольцам. Мы наводили порядок, наши золотые погоны и винтовки на ремне вызвали смех и улыбки. Всем выдавали анкеты: чин, полк и фамилия, и главный вопрос: "поступаете ли в Добровольческую Армию?" Если нет, то предлагалось покинуть пределы Донской области. Результаты были плачевны, так как никто в Армию не вступал, и впоследствии выяснилось, что около 17 тысяч офицеров прошли этот контроль! Вот тут и сказались солидарность и патриотические чувства Российского офицерства... Спрашивается, какой был бы результат, если бы хотя половина зарегистрированных последовала за Корниловым в поход?..

Ведь нас было приблизительно 6 рот боевого состава, остальное.. обоз! Генерал Марков, обращаясь к офицерам, говорил: "Господа, вы меня знаете, я был начальником штаба фронта, водил массы войск в бой, а ныне я горжусь и счастлив командовать кучкой честных и храбрых офицеров".

Да, ни в Ростове, ни в Екатеринодаре русский офицер не выполнил своего долга перед Родиной!... Несмотря на унижения, на оскорбления, на дикую расправу со своим братом офицерами, офицерство было инертно. Что за причина? Почему? Ведь генерал Дроздовский с трудом собрал четыре тысячи офицеров из всего Румынского фронта, несмотря на более выгодную обстановку для формирования. Генерал Туркул часто говорил о начале нашей борьбы, что по спискам Генерального штаба на 1917 год было около 460 тысяч офицеров, и если бы из этой цифры 5 или 10 процентов пришло на призыв своего главнокомандующего ген.Алексеева, то наверное результат был бы в нашу пользу. Значит, такова судьба России!

Итак, отряд полк.Симановского дальше одной роты в 53 человека (вернее - одного взвода военного времени) не увеличился и начал свою боевую службу. Нас направили охранять Ростовский вокзал, мы патрулировали вокруг и внутри вокзала, который кишел публикой. Было произведено несколько арестов подозрительных лиц. На следующий день вечером часов в 7 рота с песнями возвращалась в казармы; нам было приказано не реагировать на выпады гуляющей публики на Садовой улице (главная улица Ростова).

В тот момент, когда мы проходили около сада "Клуба Приказчиков" полк.Симановский, обернувшись, сказал: "Налево стоит генерал Корнилов", и мы без всякой команды дали ногу и повернули головы. Ген.Корнилов снял папаху и нас благословил... Пройдя молча шагов десять, мы, не сговариваясь, закричали: "Так за Корнилова, за Родину, за Веру - мы грянем русское Ура!!!"

Поздно вечером приказано приготовиться к выступлению, и утром, погрузившись в вагон, прибыли на станцию Хопры. Часов в 11 дня мы увидели движущуюся на горизонте кавалерию, она шла шагом по-эскадронно, держа строго интервалы. Полк.Симановский построил роту и скомандовал: "По кавалерии прицел... рота пли!" Выстрелили мы, как один, но на кавалерию это не произвело никакого впечатления, и второй залп дал те же результаты, но все же эскадроны пошли чуть живее, быстрее... наверное, думая - а вдруг попадут! Полк.Симановский, видно, расстроился, так как вышел перед строем и сказал: "разойдись по вагонам". Все почему-то пришли в радостное настроение от нашей стрельбы... Разговоров и смеху - хоть отбавляй... Да, мы все были молоды и веселы! После того, как мы простояли на станции целый день и не видели больше на горизонте кавалерии, нас послали в село Большой Чалтырь - большое армянское село. Поместили нас почему-то в одном доме в отдельную комнату, а всего нас было 60 человек, так как пришли к нам несколько офицеров артиллеристов. Как мы там улеглись, одному Богу известно. Наверное, ни один знаменитый геометр не смог бы отмерить площадь на одного человека, но... так было, ибо мы были молоды... На дворе был солидный мороз и шел снег, а в нашей комнате был пар от дыхания и, главное, веселое настроение. Смех был непрерывный от "соленых" анекдотов, и, как помню, в этот день отличался один артиллерист-офицер.

В эти два дня нашего пребывания вне Ростова полк.Симановский проявлял какую-то необъяснимую нервозность - он писал в штаб и посылал своего адъютанта с просьбой нас сменить и т.д. Из штаба он получал ответ, что сменить нас некем и мы должны стоять на месте. Он все же не исполнил приказания, и вечером около 6 часов мы выступили из Чалтыря на ст.Хопры - расстояние около 5 верст. Был сильный мороз и поднялась метель с ветром, ничего не было видно, и примерно через минут двадцать мы сбились с пути. Тут-то и начался поход". Все стали кричать, полк.Симановский ползал по земле, ища телефонный провод, соединявший деревню со станцией. Бывший в нашей роте полк.Мухин сел на землю и кричал: "Г-да офицеры, я замерзаю, спасите!" Полковник Мухин, будучи в 1-м походе командиром 2-го батальона Корниловского Ударного полка, пал смертью храбрых в боях под Филипповскими хуторами. На наше счастье, на нас натолкнулся отряд в десять коней полк.Гершельмана, который еще раз подтвердил приказание штаба стоять на месте в Чалтыре и ждать приказа, и мы с похода вернулись в свою теплую калугу. Результатом "поступка" полк.Симановского было то, что мы отморозили себе, особенно, уши и носы; я отморозил уши, несмотря на теплую папаху.

Конечно, было смешно видеть раздувшиеся носы и уши. Пострадал особенно поручик Лихущин, у него уши приняли такие невиданные размеры, что нельзя было предполагать, что природа может подобное "изобразить". Такую форму ушей можно было видеть разве лишь в паноптикуме!..

- 0 -

Утром 9-го февраля мы вернулись в Ростов и вечером ушли в поход!

Наша рота была в арьергарде Армии до станицы Аксайской. Перейдя через реку Дон в станицу Ольгинскую, где была произведена реорганизация Армии, рота вошла в Корниловский Ударный полк и стала 2-й ротой. Судьба же полк.Симановского была решена: он не получил никакой должности и оставался в обозе. После окончания похода полк.Симановский уехал в свой родной город Полтаву, где был убит на улице во время какого-то выступления солдат местного гарнизона. Так погиб этот храбрый офицер. Полковник Симановский, кавалер Георгия 4-й степени, участвовал в Русско-Японской войне солдатом, а во время 1-ой войны 1914 года был награжден орденом св.Георгия 4-й степени.

15-го декабря 1962 г.
Франция.

А.Д.В.,
первопоходник.

- - 000 - -

Иллюстрации, помещавшиеся как в предыдущих выпусках журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", так и в настоящем, принадлежат труду художника К.К.Кузнецова, которому редакция журнала приносит сердечную благодарность за прекрасные иллюстрации, жизненно и правдиво изображающие эпизоды Первого Кубанского Похода.

- - 000 - -

ПЕТРОГРАД и НА КУБАНИ

Закончив курс лечения в одном из госпиталей гор.Петрограда, куда я был эвакуирован после ранения в Карпатах, я был направлен в 1-й Запасный полк, расположенный в казармах 145-го Новочеркасского полка на Охте.

Прибыл я туда в конце декабря 1916 года и оставался там в ожидании маршевой роты. Время было зимнее, маршевые роты отправлялись, но редко. За время моего пребывания в этом полку мне пришлось быть свидетелем многих событий с 14 февраля по 27 февраля 17-го года.

14 февраля начались демонстрации из-за хлеба, как тогда говорили, и кончилось все, как нам известно, революцией.

В городе продолжались беспорядки. По улицам бродили шайки в серых шинелях и под видом обысков грабили всех, и были нередкие случаи убийств.

Полиции, как таковой, в это время уже не было, она еще в первые дни революции была физически уничтожена или попросту разбежалась. Мирное население осталось без охраны. В городе был хаос.

Жители города по кварталам создали на первых порах свою местную охрану, а потом постепенно создавалась городская милиция. В состав милиции во многих частях Петрограда входили рабочие, вооруженные захваченным оружием. Но служба милиции не спасала обывателя от грабежа, а милиционера от побоев. Грабительские шайки целыми днями и ночами бродили по определенным домам и, под видом обысков, забирали ценности или арестовывали, чтобы здесь же, за полученную мзду, освободить.

Милиция не смогла бороться с подобным произволом, особенно когда такие случаи делались ночью и сама жизнь милиционера была в опасности.

Поэтому, для прекращения беспорядков, гор.Петроград был разбит на районы. Милиция и охрана порядка усиливалась еще военной силой. Были созданы районные комендатуры.

Командир полка назначил меня комендантом Охты, приказал сформировать роту в 200 человек, выбрать двух офицеров и указать для реквизиции помещение на Охте.

Из роты днем и ночью по некоторым улицам Охты посылались патрули, а ночью многие посты милиции усиливались одним или двумя солдатами, смотря по важности пункта. Приказывалось всех, производящих обыски без соответствующих документов, задерживать и направлять в Главное Комендантское Управление. В общем же на меня возлагалась обязанность оказывать помощь милиции.

В служебном отношении я подчинялся Командиру полка, как Начальнику гарнизона на Охте и Главному Коменданту гор.Петрограда.

Так продолжалась моя очень беспокойная и тревожная служба несколько месяцев, когда мне пришлось быть свидетелем захвата власти большевиками, и все последующее время до моего окончательного отъезда из Петрограда на юг.

Первого ноября я оставил Петроград. А на следующий день проехал Москву, где в это время были бои. Через несколько дней я приехал на Кубань. Живя в станице, ничего тревожного не наблюдал.

В конце ноября, запасшись "на всякий случай" фиктивным документом от нашего станичного кооператива, выехал обратно в Петроград и доехал до Ростова. Там же узнал, что прямого поезда на Москву нет

и не будет, так как впереди идут бои между казаками и большевиками. В Ростове мне стало известно, что в Новочеркасске находится генерал Алексеев, который формирует Добровольческие отряды.

Я вернулся обратно в Екатеринодар, потом в станицу и решил ехать через Тамань - Керчь на Москву. Из станицы, задержавшись там два дня, я выехал на Тамань и через Керчь - Синельниково проехал в Петроград, куда и прибыл 11 декабря 1917 года поздно ночью.

В Москве пришлось пересест в Петроградский поезд. Одет я был в военную форму при погонах. Вошел в вагон 2-го класса и нашёл свободное купе, где был лишь один пассажир - вольноопределяющийся. Поезд тронулся. Через некоторое время мой спутник, который при моем появлении не потрудился встать, обратился ко мне с вопросом:

- Господин офицер, почему вы в погонах, разве не знаете, что товарищ Муралов отдал приказ снять погоны?

В свою очередь я спросил его:

- Кто такой Муралов?

Оказалось, что товарищ Муралов - командующий войсками Московского Военного округа.

- Я из Петроградского Военного округа, возвращаюсь из отпуска и мне неизвестно, какие распоряжения в Петрограде, - ответил я.

На какой-то станции вольноопределяющийся сошел с поезда.

Поздно ночью 11-го декабря поезд подошел к платформе Николаевского вокзала. С поезда я отправился к выходу на Знаменскую площадь, чтобы найти извозчика. Не успел я сойти со ступенек вокзала на площадь, как почувствовал, что кто-то дернул за мой правый погон, и вслед затем грубый голос:

- Снимай, тебе говорят, погоны!

Оглянулся назад и увидел здорового верзилу-матроса в компании с другими. Погон он сорвал и держал в руке. Вступать в пререкания безоружному мне было опасно. На первой пролетке, с одним погоном на шинели, я поехал к себе на квартиру на Охту.

Утром 12 декабря я побывал в моей канцелярии и переговорил с моими двумя офицерами о положении в комендантской роте и в самом Петрограде. Ознакомившись с докладами, я заявил, что сегодня побываю у коменданта г. Петрограда и завтра, 13-го декабря, постараюсь оставить должность и уехать.

Обсудивши положение, я предложил офицерам отпуск, предоставив им право при желании вернуться обратно. Решено: я возьму отпуск, мой помощник получит от меня командировку в Киев во вновь формируемые украинские части, а адъютант - уроженец Петрограда - займет мою должность и будет продолжать исполнять обязанности коменданта Охты и постепенно ликвидировать комендантскую роту.

Также я решил - солдат роты снабдить отпускными удостоверениями и разрешить им выехать. Касалось это, главным образом, сибиряков. Пока в роте готовились к отпуску, я отправился в Главное Комендантское Управление, явился к коменданту, доложил ему полную информацию о моей поездке на Кубань и Дон и просил дать мне отпуск на два месяца.

Комендант заметил мне, что он не может дать мне длительный отпуск, а даст мне командировку по делам службы в Тифлис, так как, по его мнению, это будет безопасней. Он уже знал кое-что о ген. Алексееве. На такую комбинацию я согласился. Утром 13-го декабря я был

вновь у него, и он узнал от меня, что я еду вступать в отряды ген. Алексеева. Он вручил мне документы, без указания моего чина, рекомендовал мне снять военную форму и переодеться в штатское платье. Прощаясь, благословил меня, поцеловал и пожелал счастливого пути. В тот же день я оставил Петроград.

За день до своего отъезда я подписал увольнительные документы солдатам, и половина моих подчиненных с моим помощником-офицером оставили роту.

Обратная моя поездка из Петрограда на Кубань вместо нескольких дней заняла 11 дней. Движение поездов было нарушено и поезда шли без расписаний, ибо с фронта все бежало и все было переполнено солдатской массой. При внимательном наблюдении можно было среди этой толпы отличить и нашего "брата" - офицера. Проверки документов пока не было, но еще далеко до Харькова ходили слухи, что в Харькове ловят офицеров и "буржуев" и на 11 линии их расстреливают. Забирают их потому, что они едут к Калединому, с которым уже бьется красная гвардия.

Наслушавшись таких сведений, на одной из станций перед Хпрьковом оставило поезд десятка полтора людей. Среди них, как я потом узнал, большинство было офицеров, которые решили вернуться в Москву, а я предполагал через Москву - Грязи пробраться на Кубань.

С трудом и с разными задержками и пересадками приехал я, наконец, в Грязи. Из Грязей можно было ехать на Миллерово или на Царицын. В то время у Миллерова были бои, но говорилось, что, возможно, успокоится и поезда пойдут на Ростов. На Царицын я ехать не рискнул. В Грязях же, затерявшись в толпе, провел я два дня и одну ночь, и на мое счастье пустили поезд на Ростов. На станции Миллерово я увидел уже другую обстановку: донцы офицеры и казаки в погонах и полный порядок, и мы, приехавшие, кое-кто надели погоны.

Прошла проверка документов, и поезд тронулся на Ростов. Дальше - Екатеринодар, Черноморская железная дорога, и 24-го декабря, в сочельник, когда вся моя семья сидела за столом, я вошел в наш дом. Тяжелый и опасный путь остался позади. Не было за столом моего младшего брата штабс-капитана Николая, который в то время, когда я пробирался на Кубань, был на фронте где-то под Ригой.

Был январь 1918 года, фронт на его участке - в полном развале. Мой брат оставил полк и решил вернуться также в станицу. Штатского платья у него не было, все было военное без погон. В таком обмундировании ехать было опасно, в особенности, когда путь шел на Дон. Брат потом рассказывал, что где-то в пути в поезде он познакомился с матросом Балтийского флота. Матрос был уже в пожилых годах и, по-видимому, из младшего командного состава, а родом из Саратовской губернии. О политике они вообще ничего не говорили. Брат откровенно рассказал ему, что он сам родом с Кубани, офицер и едет домой, но не знает, удастся ли ему добраться домой. И вот матрос, "краса и гордость" революции, как их тогда называли, посмотрев на моего брата - юнца 21 года - предложил взять его под свою охрану и привезти его на последнюю станцию, откуда уж он сам доберется домой. Из Москвы они пустились на Грязи, потом на Царицын до ст. Тихорецкой. Там матрос посадил брата на поезд на Екатеринодар, а сам вернулся обратно в Царицын. Прибывши в Екатеринодар, брат домой уже не поехал, а записался добровольцем в Кубанский правительственный отряд и принимал участие в боях под Энемом, а потом вышел в 1-й Кубанский поход.

25-го декабря 1917 года, в штатском платье, я отправился на базарную площадь посмотреть и послушать, о чем там говорят. Мать моя просила не вмешиваться в разговоры толпы, так как меня знают в станице, как офицера, и в это тревожное время это может плохо кончиться. Успокоив мать, что я уже стреляная птица и знаю это по Петрограду, я вышел из дома. Базарная площадь и двор станичного правления представляли в то время место встреч и летучих митингов для любителей поспорить и потешковаться. Большинство таких митингов начиналось в 9-10 часов утра, а в обеденное время площадь пустела, чтобы после обеда опять исполниться. В этот день я заметил, что толквалось и говорилось о советской власти и о перемене станичного правления, а это означало, что руководство делами станицы перейдет в руки большинства, то есть иногородних.

Старое казачество держалось за свои вековые права и в этом вопросе не уступало противной стороне. На стороне же иногородних была и часть фронтовых казаков, а в особенности казаки-фронтовики 1-го Таманского полка Кубанского каз. Войска. Этот полк не так давно вернулся из Финляндии, где он уже пропел если не основательную, то все же достаточную большевицкую подготовку. Между казаками стариками и фронтовиками образовался прорыв.

Старое поколение опиралось на свои старые казачьи устои и на право владеть своим краем без вмешательства со стороны пришлого элемента; молодое же казачество - фронтовики - считали иногородних за своих братьев, с которыми делили горести и радости фронтовой жизни.

В станичной казачьей среде шла явная борьба стариков с молодыми. Что творилось в казачьей столице, в Екатеринодаре, никто толком не знал. Местных газет не было, а из Екатеринодара получались редко. Новороссийск, Крымская и Темрюк уже были в руках большевиков. Из Темрюка до праздников и во время праздников проезжали операторы, и ходили слухи, что Новороссийск после праздников решил водворить советскую власть в Екатеринодаре.

Первого или второго января станичная власть спасовала и передала свой авторитет советам. Перемена произошла внезапно, без боя и кровавых потерь. Во главе комиссариата был какой-то пришелец Рондо (фамилия что-то в этом роде). Вокруг него образовался комитет, и в этот комитет вошел мой дальний родственник, взявший на себя обязанности комиссара юстиции. Человек не кровожадный, и возможно, что благодаря ему в нашей станице не было повальных арестов и произвола. Жил он недалеко от меня. Каждое утро, идя в комиссариат, он заходил ко мне поболтать. Беседы наши принимали иногда довольно резкий и затяжной характер. Дело в том, что, будучи идеалистом, он защищал позицию советов и старался убедить меня, что совершившийся переворот принесет нам благополучие и покой. Он был искренне убежден в своих взглядах, - я же, познав большевизм и революцию на себе, был для него несвернувшим Фомой.

В то время станица составляла часть какой-то Темрюкской республики с центром в нашей станице. Новороссийск и Крымская, собиравшись в поход на Екатеринодар, просили нашу станицу прислать людей для красной армии. В одно утро мой родственник, зайдя ко мне, предложил мне принять командную должность в местном красном отряде. Предложение я отклонил по своим политическим убеждениям. Этот наш родственник диспут продолжался бы до бесконечности, если бы не пришли казаки станицы Полтавской и не разогнали бы всех республиканцев Темрюкской Советской республики.

За семь-десять дней до критического дня 2-го февраля 1918 года - гибели Темрюкской республики - в станице Полтавской казаки под руководством своего станичного атамана Омельченко Григория Васильевича организовались и решили прикончить центр республики в станице Славянской.

О восстании в станице Полтавской нам было известно, и несколько нас офицеров решили переправиться через реку Протоку и явиться в станицу Полтавскую. Наше решение запоздало, как это часто случается, когда нет организатора. Казаки станицы Полтавской сами пришли в наду станицу и освободили нас. Я не знаю, кто руководил военными действиями полтавцев, но потом, после Кубанского похода, была легенда, что станицу Славянскую взяла Мария Васильевна Омельченко, жена станичного атамана. Она-то, как говорили, привела в исполнение наступление на славянцев. Полтавцы были еще далеко от переправы через Протоку, когда Мария Васильевна, сидя на общественной тройке, приказала артиллеристам открыть огонь. Орудие выстрелило в сторону железнодорожного моста, и вся народная армия Темрюкской республики бросилась в рассыпную и отошла на Крымскую и Темрюк. Полтавцы заняли нашу станицу и, не теряя времени, приступили к розыску членов "правительства Темрюкской республики".

Придя с базара, моя мать рассказала, что она видела большую толпу народа около комиссариата, и не успела она докончить свой рассказ, как в передней раздался гул многих ног. Без стука, грубо открывається дверь в столовую, и вваливается группа человек 8-10 вооруженных людей; мне сразу бросилось в голову, что это большевики.

- Здесь живет Пухальский?

- Да, это я, - отвечаю им.

- Вот вас нам и нужно!

- А что вам нужно?

- Пришли арестовать вас, как комиссара, - был ответ.

- Какого комиссара? - спрашиваю я.

- Что вы притворяетесь? Вы же комиссар!

- Нет, - отвечаю я.

- А кто же ты такой?

- Нет, я не комиссар, а офицер, всего пять недель тому назад, как прибыл домой в отпуск. А вы кто же будете такие?

- А мы полтавцы, - хором отвечают. - Только что освободили вашу станицу и теперь ищем всех комиссаров. Кто же был комиссар, не ваш ли родственник?

- Да, - отвечаю я.

- В таком случае извините, мы ошиблись!

Вежливо попрощавшись, толпа ушла искать моего родственника.

Итак, создавалась новая обстановка. Нужно было решать, как быть дальше. Узнаю, что казаки станицы Славянской мобилизуются, организируются и собираются гнать большевиков из Крымской. Сообщается приказание исп. обязанности Атамана отдела всем офицерам собраться. На дворе станичного правления собираются казаки, разбиваются по сотням, требуются сведения об оружии и патронах. Офицеры назначаются по сотням, а нас, армейских офицеров, никуда пока не определяют. Мы как-то невольно остаемся в стороне от станичных событий. Полтавцы еще в нашей станице. Но к вечеру того же дня они уходят в Полтавскую, чтобы завтра наверняка вместе со славянами наступать на Крымскую.

Собралось нас 4 армейца около станичного правления и решили: Так как славяны нас не взяли, а мы, присмотревшись к организации казаков нашей станицы, не имели ни малейшего сомнения, что организация и мобилизация у них распадутся, то нам лучше направиться в станицу Полтавскую, а там будет видно, как поступать дальше. Решили на следующий день рано, чуть свет, выступить в Полтавскую. Утром 3-го февраля мы, четверо армейцев, к которым потом за рекой Протокой присоединился еще казак-сотник, двинулись в путь. Спешили мы, чтобы присоединиться к полтавцам, когда они будут еще в станице. У нас не было багажа, кроме необходимых вещей в торбах на спине, винтовки и патронташа с патронами.

Пять офицеров рано утром появились на вокзале в станице Полтавской. На путях стоял поезд с паровозом, готовый к отправке; эшелон уже был наполнен полтавцами. Мы одиноко стояли на вокзале, присматривались и решали, к кому надлежит обратиться, кто начальник этого эшелона и где он. Время тянулось, а эшелон не двигался. Солнце уже высоко поднялось; казаки то в одиночку, то группами входили и выходили из вагонов, а поезд продолжал стоять, и никаких внешних признаков его отхода не было. Наконец мы спросили, когда же эшелон двинется и кто же начальник эшелона. Кто-то ответил, что пока еще отъезд неизвестен и что командир где-то в станичном правлении, а казаки еще сами не договорились, ехать или не ехать. Многие спорят, что, дескать, мы славянцев освободили, так "пуцой" славяны освободят Крымскую.

Вот солнце высоко поднялось над головой. Казаки сразу целыми вагонами двинулись в станицу. Была обеденная пора, и все разошлось по своим домам.

В станицу Полтавской мы уже получили верные сведения, что под Екатеринодаром идут бои с большевиками и что сейчас есть возможность пробраться туда. До Тимашевской ходят поезда, только неизвестно, когда такой будет. На чем же можно все же добраться до Тимашевской? Видно было, что полтавцы сегодня уже не двинутся и окончательно разойдутся по домам. Мы на вокзале, и оставаться здесь не было смысла. Необходимо было искать средств транспорта, чтобы выбраться из Полтавской. В то время никто из нас не думал возвращаться в свою станицу, а ведь было всего 12 верст. И, как иногда бывает, что случай выручает из безвыходного положения, так случилось и с нашей группой. Нашелся среди нас один - кажется, поручик Вася Зорин, сын нашего станичного священника отца Николая.

- А что, господа, не используем ли мы железнодорожную дрезину? Она вот здесь стоит! - сказал Вася Зорин.

Мысль хорошая, почему бы не взять дрезину? Быстро на рельсы, попеременно на рычаги - и покатили. Я полагаю, что в тот момент мы и не думали, что может случиться на любой станции, на любом перегоне с маленькой группой офицеров - в погонах и с винтовками. Никто нас не задержал. Прибыли мы в Тимашевскую. На этой станции не было поезда на Екатеринодар. Не задерживаясь, на дрезине мы покатили в Екатеринодар. Кажется, с 3-го на 4-ое февраля мы добрались до Екатеринодара. Остаток ночи переслали на Черноморском вокзале, а утром отправились в город. Там я разыскал моего брата, собрал все сведения о записи в добровольческие отряды. В самом Екатеринодаре было несколько пунктов, где записывались добровольцы в ряды правительственных войск.

Наша группа разбилась на три части: я и Зорин записались в конную сотню, два других в пехоту, а сотник куда-то в другую часть. Выехало нас из станицы Славянской пятеро, потом разделились, чтобы уж никогда в жизни больше не встречаться. Двое погибли в боях под Екатеринодаром: 31 марта 1918 года, Зорин закончил 1-й Кубанский поход, чтобы потом сложить свою голову в боях с зелеными в районе Гелендики.

- o -

В Кубанском правительственном отряде.

По приезде в Екатеринодар я и поручик Зорин 5-го февраля записались в конную сотню, хотя ни я, ни Зорин не были природными кавалеристами. Часть, в которую мы записались, была сотня имени Войскового старшины Галаева и располагалась на Сенном Базаре, в помещении бывшего постоянного двора. Кто такой был Войсковой старшина Галаев - я не буду на этом задерживаться. Многие кубанцы знают этого казачьего патриота и какую роль он играл в конце января 1918 года в боях под Екатеринодаром. Смерть его в этом бою дала возможность позвать лазры победы другим.

Помещение, где нас расквартировали, не было особенно представительным. Все было пригнано по казарменному образцу: кровати стояли в несколько рядов, оставляя узкий проход между ними; соломенные тюфяки, подушки, а о простынях даже помину не было. Во дворе - широкий и большой навес, как встречается это на постоянных дворах.

Записалось нас человек 40-50, это и составило сотню. Наличный состав - чисто офицерский. Если не ошибаюсь, ядром этой сотни послужила группа офицеров Черноморского полка Кубанского Казачьего Войска. Хотя дело подходило к кубанской весне, нам выдали полушубки, папахи, бурки и пр. Вооружение - палки и кинжалы, а у кого не было винтовки, то и винтовку и все, что полагалось для коня, с придаточной щеток и гребенок. У меня была винтовка пехотного образца.

Наличный состав разделился по своим полкам или держался вместе старой дружбой. Учений не было. Все спешили как можно скорее закончить формирование. Мой друг Зорин, кажется, за всю свою жизнь до записи в конницу не имел дела с конем и не знал, как к нему подойти и засесть, а нужно сказать, что и конь ему попался не спокойный. Через несколько дней он решил оставить сотню и вернуться в свою родную пехоту.

Формирование наше продолжалось недолго. Да и некого было формировать и учить: приток добровольцев ослабел, а учить тоже было некого. Весь командный и рядовой состав сотни - природные конники: войсковые старшины, есаулы, сотники да хорунжие, уже не раз водившие своих подчиненных в жестокие схватки. Сколько нас, пехотинцев, было там? Один, два... и все. Затерялись в массе, присмотрелись, выучились и потом позже не уступали в боевом отношении сильным, храбрым и отважным бойцам.

Кое-как на скорую руку сбили нас в крепкую группу, закончили формирование, вернее импровизацию - и на фронт. Фронт правительственных войск трещал по всем швам. Пришли неудачливые Выселки, не то - пропили, не то - проспали, и покатила наш фронт к Кубанской столице. Нужно было спасать положение, и послали нашу сотню на подмогу.

На счастье, большевики не были особенно напористыми, но все же с каждым днем фронт приближался к Екатеринодору. Наша сотня походным порядком прибыла в район ст. Пластуновской. Здравый разум подсказывал, что уже всему пришел конец и Екатеринодар нам не удержать, но у каждого из нас теплилась маленькая надежда, что наше кубанское казачество перед опасностью сдачи Екатеринодара проснется и выступит на защиту своей столицы. По прибытии на фронт, я попал в число всадников разъезда. Нашей целью было выяснить, занят ли женский монастырь в районе Пластуновской противником. Разъезд отправился, достиг монастыря, узнал, что монастырь не занят большевиками, и, отдохнув в монастыре, вернулся обратно. Как сейчас помню: когда мы уже оставили монастырь и были в пути, влево от нас мы встретили группу в 20-25 всадников, которые направлялись в монастырь. Ни начальник нашего разъезда, ни командир этой группы не остановились, не встретились и не обменялись своими сведениями о противнике. Разъезд в одну сторону, а сотня к монастырю, и как будто бы так и следовало быть, хотя обе группы были друг от друга в расстоянии 500-600 шагов. Мы вернулись в расположение нашей сотни.

Было ли это в тот же день или на следующий день, я не помню, но вдруг сотня поднимается и вместе с двумя сотнями казаков - Пластуновской и Динской - направляется к этому монастырю. Оказалось, что та группа всадников, которая встретила нас на разъезде и заняла монастырь, очутилась в тяжелом положении. Эта группа была сформирована в Екатеринодаре есаулом Забайкальского казачьего войска. Есаул занял монастырь и в свою очередь был окружен большевиками, появившимися со стороны железной дороги Екатеринодар - Кавказская. Нашей целью было желание выручить наших. Не доходя до монастыря, все три сотни остановились в поле. Казачьи сотни почему-то не захотели двигаться вперед на выручку. Я вспоминаю, что наш командир и некоторые другие офицеры уговаривали казаков идти с нами на выручку. Я не знаю, на чем основывались казачьи сотни в отказе нам в помощи, ибо я не был близко от нашего командира, а некоторые детали этих уговоров теперь улетучились из головы. Так или иначе, казачьи сотни собрались и направились к своим станицам. Наша сотня тоже двинулась к своему исходному положению. Не берусь утверждать точное время, когда добровольцы погибли в этом монастыре - было ли это до нашего митинга в поле с казачьими сотнями или после того, как мы их оставили на произвол судьбы.

О гибели этой группы добровольцев вместе с есаулом я узнал уже через несколько недель от сотника Н.Т. Он мне рассказал и подробности всей этой катастрофы. Когда они заняли монастырь и расположились там, то большевики окружили их и захватили врасплох. Внутри монастыря произошел короткий бой, часть добровольцев отстреливалась даже с колокольни, но быстро все было кончено, и ему одному лишь удалось спастись в сарай, где он закопался глубоко в соломе. Несмотря на то, что красные щупали штыками, они его не достали. Ночью он вылез из сарая, перешел какое-то болото или гнилую речушку и во мраке ночи скрылся. Позже он присоединился к Добровольческой Армии. До сего времени я ничего не встречал ни в воспоминаниях, ни в печати о гибели группы есаула-забайкальца, и желательным было бы, чтобы кто-нибудь из живущих соратников дополнил мои сведения более точными подробностями.

Кажется, в тот же день сотне было приказано оставить фронт и с наступлением темноты отходить в Екатеринодар и дальше за Кубань. Стемнело. Сотня свернулась и пошла считать версту за верстой в сторону Екатеринодара. Ни остановок, ни привалов - вперед и вперед.

Вот и наша столица. Кое-где мелькают огоньки. Молчит город. Впереди лишь слышен стук колес и приглушенный шум. Подходим к железнодорожному мосту. Сотня сразу попадает между повозок и движется в один конь, с трудом пробиваясь вперед. Только и слышно:

- Не отставать! Куда прешь? Не видишь - отряд проходит!

Конец моста. Сотня сразу сворачивает влево и, немного пройдя, собралась и остановилась. Здесь же рядом - разъезд "Кубань", забитый вагонами. Ну как же не заглянуть в вагоны - все павно останется большевикам! Маленькая насыпь впереди - и наша братия около вагонов. Сахар, белье, шинели и прочее добро. Взял я себе две пары белья, несколько фунтов сахару и еще что-то, а главное - попалась винтовка кавалерийского образца.

Команда - по коням! - и тронулись в аул Тохтомукай. По дороге - привал. Начинался рассвет. Приближалось утро. Многие из нас при дороге прилегли, и я тоже. Уснул и очнулся, когда солнце уже поднялось. Оглянулся кругом - ни души. Сотня ушла. Мой конь стянул повод с руки и тоже ушел вместе с сотней. Я сознавал, что сам виноват, но не мог понять, как же это могло случиться, что никто не обратит внимания на меня спящего. Посмотрел в сторону моста - все было пусто, только впереди к Тохтомукаю в нескольких верстах маячила группа. Запыхавшись, добежал я до группы, и на мое счастье это была моя сотня на привале. Кто-то из моих соратников закричал:

- Ну, что, сотник, заспал?

В тот момент давила меня злость на такой вопрос.

Двинулись дальше. По пути все повернули головы направо, и нам представилась печальная картина: в стороне от дороги лежало около двадцати убитых и уже основательно раздетых. Кто же были эти неудачники? Одни говорили, что днем раньше ушла группа добровольцев с целью уйти в горы и попалась в руки большевикам, а другие тогда утверждали, что красные расстреляли черкесов. Сотня прошла и в скорости вошла в аул Тохтомукай. Не останавливаясь в ауле, мы вышли на дорогу на Шенджий, где предполагался сбор всех частей правительственного отряда. В этом ауле произошло переформирование всех отдельных отрядов в крупные единицы. Простояли мы в ауле несколько дней, и за эти дни пехоту соединили в стрелковый полк и батальон полк. Улагая, а конница была сведена в дивизион полковника Кузнецова из двух сотен. Одной из сотен командовал полк. Песполитаки, а другой, кажется, полк. Деменик. Моим взводным был подъесаул В. Чигрин.

За время пребывания в ауле Шенджий из сотни ушла группа человек 8-9 под командой есаула Терского Войска с целью пробраться на Терек. Наверяд ли удалось этим смельчакам повидать свой Терек. За это время уходили одиночки и из других отрядов. Да и трудно было рассчитывать на такое счастье - пройти незаметно у врага под носом! Позже почти что целый дивизион полк. Кузнецова оторвался от нас и погиб. Тогдашняя обстановка складывалась так, что нужно было крепко держаться друг за друга. Уходить одиночным порядком или группами было большим риском.

Через несколько дней весь отряд перепел в ст. Пензенскую. Теперь было ясно многим из нас, что Атаман и его командование будут стараться прорваться в горы. Еще в ауле Шенджий ходили слухи, что на верхах нашего командования существуют какие-то неладки. Позже в дивизионе полк. Кузнецова среди нас кое-что начало прорываться наружу. Мы младшие были вдали от всех этих разговоров и слухов, но и среди нас подала вера в Покровского и в его штаб. Старшее офицерство в своей массе было против Покровского и не верило ему. Почти целую неделю мы крутились на одном месте от Шенджия до Пензенской.

Во время пребывания в станице Пензенской коннице было приказано построиться на площади и ожидать приезда Покровского. Прошло некоторое время, к коннице подъехал Покровский и начал говорить. Наша сотня стояла на правом фланге развернутого фронта, и слова Покровского доносились слабо. Из отдельных его фраз можно было заключить о существовании какого-то заговора. Наконец, с громким криком произнес он несколько раз слово: "Расстреляю! Расстреляю!" - и уехал. Сотни разошлись по квартирам. О каком заговоре говорил Покровский, так и осталось для нас неизвестным.

Простояли мы в Пензенской 2-3 дня, и отряд выступил в направлении Кубани. Были получены сведения, что генерал Корнилов разбил красных и наступает на Екатеринодар. Покровский и его штаб тоже решили брать Екатеринодар, переправившись через Кубань в районе ст. Пашковской. От нашего дивизиона была выделена застава для охраны со стороны Тохтомукая, а весь дивизион остался в районе Шенджий.

Как это случилось, я точно не могу сказать. Наш взвод из охраны был опять при дивизионе. Врезалось мне тогда в память, что кругом была вода и вдруг весь дивизион рванулся вперед и быстро исчез. Получалось впечатление, что конница бросилась в атаку. Позади остались разбросанные всадники нашего взвода со взводным подъесаулом Чигриным. Собрались мы, и оказалось, что от дивизиона полк. Кузнецова остался наш неполный взвод. Знал ли подъесаул Чигрин о плане Кузнецова?

Полковник Кузнецов и лучшая часть конницы правительственного отряда ушли. Только после 1-го Кубанского похода стало известно о жестокой участи ушедшего дивизиона. Кузнецов, Деменик и многие другие были захвачены и расстреляны, часть погибла на месте боя, а часть попала в Майкопскую тюрьму.

Что делал правительственный отряд у Пашковской, нам не было известно. После ухода Кузнецова остатки взвода присоединились к Покровскому в районе аула Гатлукай или Вочеошый. Если не ошибаюсь, то все мы присоединились к сотне войск старшины Золотаревского, которая была назначена в охрану правительства, Атамана и казначейства. В этой сотне мы находились весь день 10-го марта, когда юнкера вели бой с большевиками за переправу через Псекупс.

Бой начался утром и длился почти что целый день. Взять переправу и разбить противника не удалось, а потому к вечеру было приказано просмотреть обоз, сократить его до минимума и все лишнее бросить; часть орудий привести в негодность и тоже оставить. За короткое время пространство около обозов превратилось в кладбище брошенных повозок, чейлоднов и других вещей.

С наступлением темноты было приказано в полной тишине выступить. Предполагалось ночью с 10 на 11 марта незаметно пройти пространство

между Калужской и Пензенской и открыть себе путь в горы. Сотня, по всей вероятности, была в аррьергарде. По пути попался ручей или, быть может, горная речушка; воды в ней было мало, но берега были настолько круты, что лошади выбивались из сил, чтобы осилить переправу двуколку и повозок на другой берег. Этот ручей очень нас задержал. Движение, пожалуй, не было предусмотрено нашим штабом, так как нам не удалось проскользнуть намеченным путем и с раннего утра пришлось отряду вступить в тяжелый бой с большевиками у ст. Калужской. Наша сотня была в прикрытии. Мы спешились и оставались в небольшой низине; здесь находилось казначейство, часть обоза, недалеко — не то шалаш, не то палатка: там были Атаман, члены рады, правительство и Покровский.

Впереди шел бой. К нам подходили раненные и сообщали о большом количестве большевиков, об их убийственном огне, о недостатке патронов у нас, а главное — что противник местами потеснил наших.

Подобные сведения получали мы много раз во время боя. Создавалось тревожное положение. Тут же, по слухам, где-то близко находился и сам Командующий отрядом полковник Покровский. Вера в удачный исход боя постепенно падала, и в сотне начали "шущукаться", что в случае безвыходного положения нам нужно взять казну, Атамана, правительство и самостоятельно уйти в горы.

В то время, как среди нас в аррьергарде росли и ширились слухи и предположения, вдруг раздался чей-то крик:

— Погибаем!!!.. Все, кто может, с оружием — вперед!!

Кто поддал этот сигнал, так и осталось неизвестным, но вслед за этим криком последовал женский возглас:

— Где мой конвой? Где мой конвой? — и я увидел жену нашего атамана.

Сигнал: "Погибаем!" сделал свое дело. Чувство опасности взбодорило всех нас. Все кругом заволновалось: обозные, беженцы, члены Рады и Правительства — все высыпало на склон небольшой возвышенности и цепь за цепью, без команды и командиров, двинулось вперед. Среди них я увидел и наших двух стариков-кубанцев, генералов Карцевых. Скоро наш последний "инвалидный" резерв скрылся за возвышенностью. Прошло некоторое время, впереди как будто бы все стихло.

Командир сотни или взводный подъесаул Чигрин (кто из них — не помню) послал меня узнать, что делается на фронте и почему наступила тишина. Когда я, исполняя приказание, перевалил возвышенность и отъехал некоторое расстояние от сотни, то услышал крики — Ура! Еще не зная причины победного крика, я на пути встретил председателя Государственной Думы Родзянко, который остановил меня и сказал дословно:

— Не верьте, что это Корнилов. Большевики уже раз нас спровоцировали! — и тронулся дальше в тыл.

Разузнав впереди, что большевики разбиты и что от Корнилова прибыл разъезд, я вернулся в сотню. Там уже знали о разъезде от ген. Корнилова. В тот же день мы заняли ст. Калужскую. Наша сотня пришла в станицу основательно мокрая и покрытая снегом. Начался снегопад, дождь и мороз.

Из ст. Калужской наша сотня сопровождала Покровского в аул Шенджий для встречи с ген. Корниловым. Дорога за время ненастной погоды превратилась в болото, кругом была вода, сильный холод с ветром.

Навстречу нам двигались повозки с ранеными корниловцами. Перевозили их в Калужскую.

Вот и аул Шенджий. У каждого из нас забилось тогда сердце увидеть того, кому мы верили и вручали свой души с надеждой на освобождение нашей Родины от большевцкой напасти.

Построили нашу сотню вдоль улицы. Командир сотни подал команду, и мы увидели ген. Корнилова. Он подъехал к нам на коне с нашего левого фланга. Одет был не то в полушубок, не то в так называемую поддевку, в серой солдатской шапке.

Поздоровался, сказал небольшую речь и уехал обратно в свой штаб.

Не знаю, как другие, но я в тот момент испытывал сильный нервный подъем от этой встречи. Это был первый и последний раз, что я видел нашего вождя ген. Корнилова.

Из аула Шенджий мы вернулись обратно в ст. Калужскую на свои старые квартиры, а через несколько дней весь отряд должен был принять участие в боях у ст. Новодмитриевской. Но так не случилось.

Ненастная погода, дождь, снег с морозом продолжались. Сотня выступила по приказу, чтобы принять участие в бою у Новодмитриевской. На пути нашего следования попалась речушка — возможно, что это был лишь маленький горный ручей, каких немало в нашем Закубаньи.

Но ко времени нашего подхода к нему дождь и снег с морозом покрыли нас и наших коней твердым ледяным покровом. Сам же ручей превратился в будущую стихию. Сорван был мостик или гать через него, и нам пришлось всей сотней следовать вдоль берега в поисках хотя бы бродя. Мы его не нашли, и сотня принуждена была вернуться обратно в станицу. Корниловцы взяли Новодмитриевскую без нас.

Только на второй или третий день мы перешли в Новодмитриевскую и влились в офицерский конный полк.

Дальше — Смоленская, Афицкая, переправа через Кубань, смерть Вождя...

Наконец, тихий Дон. Добровольцы вернулись вновь в те места, откуда вышли в свой П Е Р В Ы Й К У Б А Н С К И Й П О Х О Д, но... без Вождя, замкнув восьмерку — бесконечность — своего "Легендарного" пути.

Ф. В. Пухальский.

х

х х

Не говори, что Родина забыта,
Не говори, что разлюбил ее, —
Моя любовь во мне сокрыта,
Она моя, она мне все.

Мне день и ночь одно и то же:
Родимый край, родной язык...
Все, что на русское похоже, —
Мило, к чужому не привык.

Тебя лелю видеть снова,
Твою и мощь и доброту.
Во мне и нет иного слова:
Тебя люблю, тебя я чту.

В. Сехин.

РЫЦАРИ "ТЕРНОВОГО ВЕНКА".

Был февраль 1918 года... Теперь - СОРОКАПЯТИЛЕТИЕ 1-го Кубанского Корниловского похода!

"Вестник Первопоходника" отмечает эту дату. "Вестник", счастливо созданный последователями идеи генералов Алексеева и Корнилова, ныне уже приобрел заслуженную известность.

Во всех уже вышедших номерах "Вестника" сами же первопоходники, хотя еще и далеко не все, изложили свое правдивое сказание об исторических фактах, как героический эпос о Легендарном Походе.

Первопоходники (это слово пишется с большой буквы) всегда были одержимы благородной скромностью, составлявшей часть их основных качеств, ярко выраженных в девизе: "Ничего для себя - все для России!"

Кому неизвестна эпопея Первопоходников - их подвиги во имя России - следует прочитать в "Вестнике Первопоходника" хотя бы только то, что пишет о Походе в №№ от 6 до 10 когда-то кадетик Коля Басов, ныне почтенный дедушка; следует также прочесть в № 10 статью "Ново-Дмитриевская" прапорщика И.Лысенко.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" собрала для истории Первопоходников много исторического материала. Там же можно найти и статистические данные: около 4.000 добровольцев-Корниловцев совершили поход в 80 дней с 45 боями, пройдя около 1000 верст. Армия потеряла 500 человек убитыми, 1500 ранеными. Бои велись часто с десятикратным по числу противником. Военный обоз не имел ни продовольствия, ни военных припасов, которые специально по заданию брались у противника. Весь обоз состоял из сотен телег... с ранеными и беспощадно при всяком случае обстреливался противником, всегда державшим Армию в кольце штыков и орудий.

В передней боевой цепи, в сьергарде и... и... в обозе раненых - всюду витала смерть!..

Для каждого ежедневно чередовались мистические явления: случай, совпадение, вероятность счастья и инстинкт... и для сохранения жизни требовалось чудо!..

Рок обрушился на Белое Движение и беспощадно определял, кому лечь в могилу, кого сделать на всю жизнь калекой... а иным спас жизнь для заграничных страданий - во имя Родины и для повествования о легендарном походе Корнилова и его соратников, побежденных по малочисленности (физической, но унесших в изгнание свой Стяг с девизом: "У нас у всех одно желание, дать России мир! Мир Родине, мир народу!", о тех -

Кто видел смерть не издали, а рядом,
Когда она плетется по пятам!

На костях убитых соратников, на крови и страданиях изувеченных, раненых, инвалидов - душой, умом и сердцем Корниловцев воспета кантата:

Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слез, не надо!
Молись о павших и живых -
Молитва нам награда!

В аспекте историческом Первопоходники - основное ядро Белой Армии - за совершенные во имя Родины подвиги в праве считать название "Первопоходник" - титулом.

В изгнании плохие люди, потерявшие чувство человеческого благородства, спасенные Первопоходниками же, иногда критически называли своих спасителей: Патриции, Каины, Преторианцы... Через призму 45-ти лет эти эпитеты превратились в часть славы Первопоходников титулованных.

...Сколько Первопоходников еще в живых? - "Вестник Первопоходника" это безусловно выяснит!

Это те, что в прошлом в Армии составляли две категории: Одни так называемые "младшие", идеалисты-добровольцы - юнкера, кадеты, гимназисты, семинаристы, реалисты, студенты - теперь уже дедушки, начавшие содымой десяток лет, а прежние "старшие" достигли своего восьмидесятилетия.

Младшие, в прошлом интуитивные фанатики-Корниловцы, в жестоких кровавых боях учившиеся военному делу, и старшие офицеры и рядовые добровольцы, в прошлом исеченные в боях Первой Войны, - обе категории, обе группы были монолитны для актов, выраженных в древнейшем изречении-возгласе:

Merituri te salutant!

или: "Тебя, Россия, приветствую, обреченные на смерть!"

Ныне Первопоходники - все старики, в прошлом имевшие стимул, идею и пролитую кровь во имя России, величины, постоянной, имеют все основания верить, что в благодарной России их имена, их Титул - останутся в истории навсегда.

...Это только кратчайшее экспозе для тех, кому не ведомо о подвигах Первопоходников.

Первопоходник,
знак отличия № 2196.

- - оОо - -

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

...Он не увидел, он не понял, этот народ, что в отличие от большевиков, не боящихся лжи, у Добровольцев, бивших в набат, зовущий в 1-й Кубанский поход, были только войны, не помышлявшие ни о корысти, ни о гражданской или воинской славе и чести для себя, но только о спасении поруганной Родины, о Вере Христианской, о народе и счастье народном. Он не понял, что лишь в силу того, что Белая Идея была выше всех социальных проблем и над всяческими партийными программами - БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ не предпрещало ничего, все отдавая на волю народа, которую тот мог бы свободно изъяснить после очищения от коммунистическо-большевицкой нечисти, что Белые идейные и военные Вожди, генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Покровский, Улагай, Романовский, Богдановский, Марков, Кутепов, Глазенац, Казанович, Боровский, Эрдели, Неженцев и др., эти доблестные войны, помнившие долг и присягу - не хотели и не могли хотеть присваивать себе функции дипломатов, министров и политиков! Их дел было бороться и мечем пролагать для русского народа ту дорогу, которая вела бы

к свету и счастью, через царство варварства, безбожия и тьмы, а не улавливать души "малых сих" лживыми посулами, как это делали Ленин и его подручные.

Чем закончились сладкие песни большевистских сирен в кожаных куртках - сейчас известно всем и лучше всех - самому русскому народу. Но тогда, в те годы, зажженный ПЕРВЫМ КУБАНСКИМ ПОХОДОМ свет - погас... Надолго ли? Один Бог знает! Да и не погас он окончательно! Всей душой верим и знаем, что теплится ещё в выжженной и опустошенной русской душе огонек, что он возгорится вновь в бушующее пламя народного гнева, который испепелит мучителей и растлителей души народной.

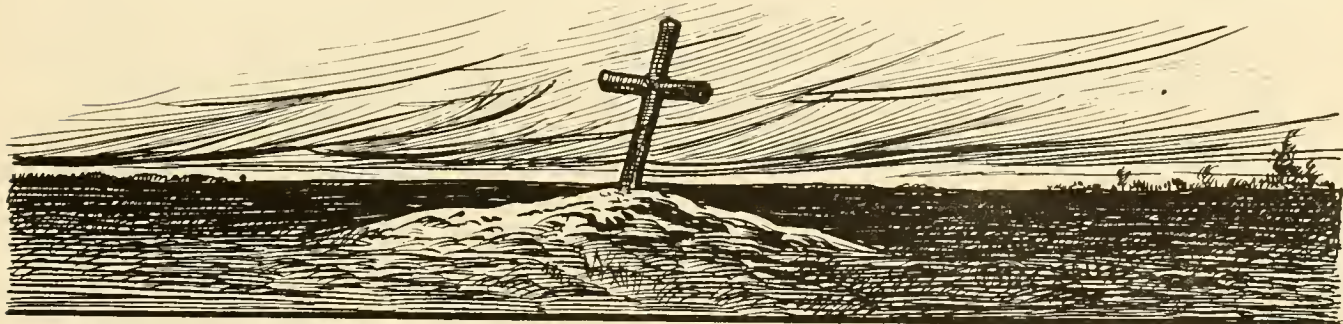
И здесь, в рассеянии, кажется, заглох священный огонь, расплеснулся широкой волной мрак и хаос... Подобно династии Бурбонов, о которой в свое время сказал Талейран, что "они ничего не забыли и ничему не научились" - и русские люди вдали от Родины ничему не хотят научиться, не умеют извлечь полезного опыта из тяжелых, но поучительных уроков недавней своей истории. Вместо жертвенного объединения под великим знаменем Белой Борьбы против красной чумы, за спасение Отечества, вот уж скоро 45 лет, с усердием, достойным лучшего применения, русские люди стараются перегрызть друг другу горло. Забыты принципы, стерлись высокие идеалы жертвенного служения долгу и Родине, сама Идея расплылась и исчезает... Вместо этого - свирепая борьба личных самолюбий... Кажется, совсем измельчал народ! Прозвучавший 45 лет тому назад призыв Первопоходников и ныне горит огненными буквами, как тот приговор, что был начертан на стене во время пира Вальтасара. Горит и жжет стыдом и гневом.

Каких же лозунгов нужно вам, русские люди, кроме одного, единственного - ОТЕЧЕСТВО?!..

Но мы не хотим видеть пока грозного смысла этих огненных слов, раздираемые ненужными внутренними раздорами. А великая идея - "Борьба за Отечество" - забыта нами за междоусобной борьбой, дробящей и расслабляющей нашу силу.

Вспомним же и благоговейно преклоним головы перед чистой и светлой памятью тех, кто первый, не задавая никаких вопросов и не задумываясь над программами, клал свою жизнь на Алтарь Великой Белой Идеи БОРЬБЫ ЗА ОТЕЧЕСТВО, выступая в Первый Кубанский "Ледяной" Поход, раздуем вновь пламя священного светоча, зажженного ими, и еще раз вспомним о том, что за нашими плечами лежит покинутая нами прекрасная Русская Земля!

В.Федорович.

Р О Д И Н Е

Я - сын твой по крови, я русский душой
И этии я всюду горжусь,
И где бы я ни был, я всюду с тобой,
Моя несбывшая Русь!

Я помню леса твои, реки и горы
И зори с холодной россей,
Крестьянские нивы, степные просторы
И неба шатер голубой.

Тебя я, Отчизна, не предел забвенью
И всюду тобою горжусь!
И в сердце моеи лишь одно есть стремленье:
Бороться за новую Русь.

Нет, я не изменник родного народа.
В жестокой кровавой борьбе
Прекрасное счастье, любовь и свободу,
Отчизна, несу я тебе!

Я часто на фронте тебя вспоминаю,
Где дым и разрывы гранат.
Народ мой любимый! Отчизна родная!
Я - сын твой! Я - русский солдат!

Добровolec POA Азин.

- - oOo - -

Вышел из печати 1-й том истории Марковского полка "МАРКОВИЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ". Первый том начинается от начала развала фронта и зарождения первых офицерских организаций сопротивления коммунизму, содержит также 1-й и 2-й Кубанские походы.

В капитальном своем труде полк. Павлов красочно, правдиво и всесторонне изображает не только боевые эпизоды и походы Марковцев, но и все внутреннее, душевные переживания Добровольцев, иллюстрируя повествование многочисленными выдержками из записок и дневников соратников, а также дает верную оценку отношения русской общенности и простого народа к Идее Белой Борьбы.

Эта книга читается с большим интересом и несомненно послужит будущему историку большим вкладом для истории Белой Борьбы за спасение Отечества. А нам, участникам 1-го и 2-го Кубанских походов будет вечной памятью о легендарном герое ген. Маркове и его сподвижниках.

Редакция "Вестника Первопоходника".

Выписывать книгу можно по адресу:

Mozniakoff, P.O. Box 224, Spring Valley, N.Y.

КОРНИЛОВЦАМ
(К СОРОК ПЯТОЙ годовщине Ледяного Похода)

По зову Отчизны и правды извечной
Вы к небу взметнули Корниловский стяг
И в путь неизвестный, как мир, бесконечный
Направили твердый и смелый свой шаг.

Покрытые тьмою пред вами лежали
Просторы Кубани, поверженной в прах,
Но вы не боялись неведомой дали:
Корниловцам чужд был губительный страх.

Кипела, бурлила пучина людская
И пенилась злобой кровавой кругом.
Так пенится гневно стихия морская,
Когда разразится вдруг буря и гром.

Сквозь грозную бурю свирепой стихии
Вы чудное знамя с собой пронесли:
На знамени - светлое имя России
И образ поруганной русской земли.

Пройдут большевицкой поры помраченья,
Заблещет над Родиной яркий рассвет;
И в песнях прославят Руси поколенья
Корниловцев славных, их славный обет.

Порфирий Кюшкин-Котлобанский.

- - оОо - -

ПАМЯТИ ДРУГА
(некролог)

26-го декабря 1962 года скончался от кровоизлияния в мозг доктор медицины Корниловского артиллерийского дивизиона Иван Иванович Лавров.

Родился И.И.Лавров в Москве в 1889 году и там же окончил медицинский факультет Московского университета. Будучи призван в Армию военным врачом в войну 1914-1917 года, после демобилизации работал доктором в г.Курске. При взятии Курска частями Корниловской дивизии добровольно вступил в ряды Белой Армии и был назначен врачом в Корниловский артиллерийский дивизион.

С частями армии ген.Врангеля прибыл в Галлиполи, затем в Болгарию, где работал общинским врачом в г.Свищев, а потом в г.Котел.

В 1942 году оставил семью и службу и вступил в ряды Русского Корпуса в Югославии и был назначен врачом во 2-й полк.

По окончании 2-й Мировой войны работал доктором в лагере Д.П. "Парш". Женившись в Австрии на сестре милосердия Софии Андреевне Андерс, И.И. переехал в США - в Лос Анжелес, а затем в Санта Барбара, где и скончался в возрасте 74 лет.

Хороший доктор и редких душевных качеств человек, - Иван Иванович оставил по себе память и глубокое горе у всех, знавших и любивших его.

К.В.Мустафин.

ПАМЯТИ ВЕРЫ ЯКОВЛЕВНЫ БЕЛОУСОВОЙ.

15 января с.г. скончалась Вера Яковлевна Белоусова в возрасте 89 лет. Происходя из чисто военной семьи - дочь и сестра полковников Кубанского Казачьего Войска и жена Генерального штаба генерал-майора, Начальника 20-й Пехотной Кавказской дивизии - она особенно горячо принимала к сердцу нужды наших военных и особенно - раненых и искалеченных воинов. Во время Японской войны она образовала на Кубани общество "Братской Помощи", которое со временем распространилось и на другие части России. Это общество собирало средства и помогало искалеченным воинам. Многие семьи брали себе "крестников", то есть какого-нибудь искалеченного воина и о нем специально заботились. "Общество Братской Помощи" открывало в разных городах ремесленные школы и обучало военных инвалидов разным ремеслам, которые они были в состоянии выполнять. За это она была награждена бронзовой медалью.

В течение всей 1-ой Мировой войны Вера Яковлевна помогала устраивать частные госпитали для раненых воинов и сама в них работала.

Кроме того, она устраивала "Дамские Комитеты", которые собирали разные вещи для наших солдат и офицеров и посылали их на фронт. В ее доме в Киеве всегда жили два выздоравливающих раненых.

Во время Гражданской войны она продолжала эту свою деятельность: устройство госпиталей в гор.Екатеринодаре и сбор вещей и продуктов и медикаментов для наших Кубанских отрядов полк. ген.штаба Лисивицкого, Войск.старшины Галсеева и тогда еще капитана Покровского, в которых наши отряды остро нуждались. Эту свою кипучую деятельность она продолжала до конца 1919 года, пока сама не заразилась на Екатеринодарском вокзале, обращенном в госпиталь, сыпным тифом. Еще не совсем оправившись, она была эвакуирована в Сербию. В этой нашей братской стране в гор.Сараево она была еще долгие годы председателем Сестричества, которое помогало, по мере возможности, всем нуждающимся и несчастным.

Мир праху этой неутомимой и исключительно энергичной русской женщины, посвятившей всю свою жизнь на помощь несчастным и обездоленным.

ПРАВЛЕНИЕ

О-ва Первопоходников.

- - оОо - -

О П О В Е Щ Е Н И Е

В ознаменование памяти 45-летней годовщины выхода в 1-й Кубанский поход против большевиков, Правление Калифорнийского О-ва Ветеранов 1-го Кубанского ген.Корнилова похода извещает всех членов Общества, что 24 февраля 1963 г. в Св.Преображенском Храме (Фаунтен авеню) будет отслужен молебен с поминовением усопших и павших на поле брани в борьбе с большевиками за спасение России Вождей и Всиннов.

В субботу 23 февраля состоится Общее Годовое Собрание всех членов Калифорнийского О-ва в помещении клуба О-ва, 901 Норт Кенмоге авеню, в 6 часов вечера. После решения всех вопросов повестки дня будет товарищеская трапеза по подписке.

Присутствие всех членов ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Правление.

ОТ РЕДАКЦИИ:

- Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестника Первопоходника", с настоящего № 17-го Редакция вынуждена повысить годовую подписку на журнал до 3 д. 50 ц., а цену отдельного номера до 35 ц.

-- Редакция просит авторов писать отчетливо на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право исправлять и сокращать статьи.

- Не имея возможности документально проверять все имена, чины, даты и события, описываемые сотрудниками, Редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на совесть и память авторов.

-- Годовая подписка на журнал "Вестник Первопоходника" 3.50 д. в год. Цена отдельного номера - 35 центов.

- В Редакции имеется ограниченное количество неполных комплектов "Вестника Первопоходника" за истекший год, от № 1 до № 16 включительно.

-- Редакция обращается с покорнейшей просьбой к читателям жертвовать в фонд издания "Вестника Первопоходника".

- - оОо - -

Редакционная коллегия:

Г.Л.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.В.Пухальский.

Главный Редактор - А.Ф.Долгополов.

- - оОо - -

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР ВЫШЕЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ В.МЯЧ и Ф.ПУХАЛЬСКОГО.

- - оОо - -

СО Д Е Р Ж А Н И Е № 17.

	Стр.
1. 1951 - 1963 - Правление Калифорн. О-ва Первопоходников	1
2. Фотография группы Первопоходников	3
3. "Ледяной Поход" - иллюстрация худ. К.К.Кузнецова . . .	5
4. Ледяной поход... - К.Кузнецов	6
5. 45-ая годовщина - Отд.печати РОНДД	6
6. Призыв к борьбе за освобождение России - ген.А.Лукомский	7
7. "Године", стих М.Волковой	8
8. Генерал Алексеев в Кубанском походе - Н.Львов	9
9. "Гимн Белых", стих. И.Н.Николсва	10
10. Мы уходим... - ген. А.Деникин	11
11. Ангел-Хранитель - из "Габリエвки", изд.Марковцев	13
12. Мои воспоминания о 1-м Кубанском походе - ген. Е.Булюбац	15
13. Мои воспоминания, 1917 г. - А.Д.В.	22
14. Петроград и на Кубани - Ф.Пухальский	25
15. ... - стих. В.Сехинг	36
16. Рыцари "Тернового Венка" - Первопоходник, зн.отл. № 2196	37
17. Послесловие - В.Феодорович	38
18. "РОДИНА", стих. Азина	40
19. "Марковцы в походах за Россию" - от Редакции "В.Первоп."	40
20. "Корниловцы", стих П.Юшкина-Котлобанского	41
21. Памяти друга - К.Мустафин	41
22. Памяти В.Я.Белюсовой - Правление О-ва Первопоходников	42
23. Оповещение Правления О-ва Первопоходников	42
24. От Редакции	43
25. Содержание	44

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА
1819

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

№ 18-19

Март - Апрель 1963

Ежемесячный журнал, посвященный: 1-му Кубанско-
му походу, истории Белых Армий и жизни первопоходников

MONTHLY MAGAZINE OF
SOCIETY OF GENERAL KORNILOV'S VETERANS OF THE FIRST KUBAN CAMPAIGN
AGAINST THE COMMUNISTS.
CALIFORNIA NON-PROFIT CORPORATION
901 NO. KENMORE AVE., LOS ANGELES 29, CALIFORNIA, U.S.A.

-----ooOoo-----

Тебе, Россия дорогая -
"Христос Воскрес" с чужбины шлем,
Тобю, Родина Святая,
Одной Тобю мы живем!

Мы все, поверь, с Тобю вместе
Свершаем тяжкий, крестный путь,
Не оскверняя Русской чести,
Не мысля в "красный стан" свернуть!

Мы твердо верим: нету мира
Между Христом и сатаной!
Мы не поклонимся кумиру
С пятиконечною звездой!

Но говорить мы громко в праве:
Великий Русский день придет
Россия встанет в прежней славе,
И солнце русское взойдет!

Мы в это верим, с тим длым
И ждем веления с небес!
Тогда на Родине услышим
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Стихотворение неизвестного автора.

" ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ И ДА РАСТОЧАТСЯ ВРАЗИ ЕГО "

Христос Воскрес! Пусть звон пасхальный
Проникнет в дальние углы,
Где коротают век печальный
Мои соратники-орлы

Пусть в этот день расправят крылья,
На Белый Путь борьбы взглянут,
И пусть над нашей русской бивью
Теперь, подумавши, вздохнут .

Не раз Россия погибала,
Не раз была она в слезах,
Не раз из праха восставала
Врагам на зависть и на страх

Была под ханскою Ордою,
А покоила все ж Орду
Одна с тевтонским грозным строем
Боролась доблестно на льду

Была Полтава. . . Бой под Шипхой
И знаменитый перевал . . .

Для Бонапарта - бни сибкой
В Москве заманчивой привал . . .

Так, с Божьей помощью, Россия
Веками жила и росла,
Пока не русская стихия
Все наше русское сменя

Россия вновь под тяжким игом
Страдает, стонет наш народ
И гнева Божьего вериги
Он за грехи свои несет

И колыхает: Царю Небесный,
Ты вновь России помоги!
По вере будет: Бог воскреснет
И да божат Его враги!

А мы одной надеждой дышим: -
Россия полная чудес
Восстанет вновь И мы услышим -
"ХРИСТОС ВОИСТИНУ ВОСКРЕС"

Дрозд полка пор А. Гонгин

Инф бюллетеня "Корниловцы" № 47 1961 г

КАЛИФОРНИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВETERАНОВ

1-го КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА

И

РЕДАКЦИИ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮТ СОРАТНИКОВ ПО БЕЛОЙ БОРЬБЕ И

ЧИТАТЕЛЕЙ НАШЕГО ЖУРНАЛА С ВЕЛИКИМ ПРАЗДНИКОМ

СВЕТЛОГО ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ

О ЧЕМ ШУМИТ КУБАНЬ

Шумит и бурлит по степям разливаясь
Кубань, колыбель наших славных орлов,
И стонет, и плачет, как мать убиваясь,
За храбро погибших родимых сынов.

И волны, как слезы горячие льются,
И в плеске их слышится - "вечный покой"!
И с лаской о берег крутой она бьется,
И быстро несутся одна за другой.

- Зачем же ты стонешь и плачешь, родная,
Зачем эту грустную песню поешь?

Гордиться должна ты, Кубань боевая,
Что витязей славных России даешь

- Герои, орлы мои милые дети,
Я ими гордилась, горжуся во век.
А бедные сироты, вдовы, калеки!
О них я рыдаю, родной человек!

И волны все льются, горячие льются,
И в плеске их слышится жалобный вой,
И с лаской о берег крутой она бьется,
И быстро несутся одна за другой.

О Аспидов.

-----ooOoo-----

Вышел из печати том 1-ий истории Марковского полка "Марковцы в боях и походах за Россию" сост. подполк Марковского пехотного полка В. Е. Павловым. Первый том начинается от начала развала фронта и зарождения новых офицерских организаций сопротивления коммунизму, содержит также 1-ий и 2-ой Кубанские походы.

В капитальном своем труде подполк Павлов красочно, правдиво и всесторонне изображает не только боевые эпизоды и походы Марковцев, но все внутренние, душевные переживания Добровольцев, иллюстрируя повествование многочисленными выдержками из записок и дневников соратников, а также дает первую оценку отношения русской общественности и простого народа к идее Белой Борьбы.

Эта книга читается с большим интересом и несомненно послужит будущему историку большим вкладом для истории Белой Борьбы за спасение Отечества. А нам, участникам 1-го и 2-го Кубанских походов будет вечной памятью о легендарном герое ген. Маркове и его сподвижниках.

Редакция "Вестник Первопоходника"

Выписать книгу можно по адресу:

MESNIAEFF. P.O. BOX 224. SPRING VALLEY N.Y.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Галина Гавриловна и Александр Феодорович ДОЛГОПОЛОВЫ поздравляют первопоходников и читателей "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Мелания Леонтьевна и Феодор Васильевич ПУХАЛЬСКИЕ сердечно поздравляют первопоходников и друзей с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Варвара Сергеевна и Василий Павлович МЯЧ поздравляют дорогих первопоходников и соратников по Белой Борьбе и читателей журнала "Вестник Первопоходника" с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Ница Борисовна и Александр Павлович МЯЧ поздравляют первопоходников, друзей и знакомых с Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Генерал Иван Сергеевич СВИЩЕВ поздравляет всех дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Зинаида Сергеевна и Константин Константинович КУЗНЕЦОВЫ сердечно поздравляют основоположников Белой Борьбы с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Марина Андреевна и Валентин Николаевич КЕЙЗЕРОВЫ сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

DONALD K. HOLL с супругой Аллой Феодоровной сердечно поздравляют первопоходников Калифорнийского общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Надежда Николаевна ГРЕГОР поздравляет дорогих первопоходников Калифорнийского общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Дорогих соратников-первопоходников сердечно поздрав-

лю с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.
Христос Воскресе!

И В. ГРИГОРЬЕВ.

-----oOo-----

Ирина Соломоновна КАДУШКИНА и Татьяна Петровна ВЕБЕР сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калиф Общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Ирина Петровна и Алексей Николаевич БЕЛЕНИЦЫНЫ сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калиф общества с Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Сергей Иванович ЧЕРНОВ сердечно поздравляет первопоходников с Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Дорогих первопоходников Калиф.общества я и моя жена сердечно поздравляем с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

П А СТЕЦЕНКО, худ

-----oOo-----

Георгий Осипович ГОЛЬДШИДТ с супругой поздравляет дорогих первопоходников Калиф.общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения

-----oOo-----

Дорогих первопоходников Калиф.общества сердечно поздравляю с Праздником Светлого Христова Воскресения.

Д-р И.Е.ГОНЧАРОВ.

-----oOo-----

Михаил Эрнестович ШИЛЛЕ с супругой сердечно поздравляют дорогих первопоходников с Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Д-р Виктор Михайлович ШИЛЛЕ сердечно поздравляет с Праздником Светлого Христова Воскресения дорогих первопоходников Калифорнийского общества

-----oOo-----

Общество "ХУМАНИТИ КОЛМС" сердечно поздравляет дорогих первопоходников Калиф общества с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

-----oOo-----

Зинаида Степановна и Эдуард Фердинандович КАРИУС сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калиф общества со Светлым Праздником Христова Воскресения.

-----oOo-----

Надежда Владимировна и Павел Федорович СУББОТИНЫ поздравляют членов Калифорнийского общества первопоходников со Светлым Праздником Христова Воскресения

-----oOo-----

А. Криштановский.

ГЕНЕРАЛ М. Г. ДРОЗДОВСКИЙ
(14 января 1919 г.)

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ДРОЗДОВСКИЙ

В декабре 1917 г., когда смолкли орудия и развал армии достиг своего апогея, взоры тех, кто не считал возможным так позорно закончить борьбу, обратились в Яссы, в сторону штаба румынского фронта. Ждали, что этот штаб, находящийся вне власти большевиков, организует борьбу за честь и спасение родины.

Штаб фронта представлял собою в это время пеструю картину. Там создавались "жовто-блакитные" гайдамаки, формировалась белорусская дивизия, польские полки. Ген. Сулькевич старался из православных христиан сделать правоверных мусульман и, наконец, какая-то "партийная" сестра милосердия, обещая офицерам "землю и волю", набирала рекрутов в армию Учредительного Собрания.

Все формировались, но никто не сформировался. Среди всеобщей неразберихи нашелся единственный горячий русский патриот, который начал собирать вокруг себя тех, кто считал себя просто русским и хотел стать на защиту поруганной Родины. Это был командующий 14 пехотной дивизии, ген. шт. полковник Михаил Гордеевич Дроздовский.

19 декабря 1917 г. он приступает к созданию отдельной бригады добровольцев для борьбы с большевиками и немцами.

При скрытой поддержке штаба и французской военной миссии быстро создаются пулеметная рота и конно-горная батарея. Когда успех первых формирований выяснился, штаб начинает проявлять "кипучую" деятельность. Ген. Кельчевский назначается начальником всех формирований, создаются штабы корпусов и дивизий, составляются штаты и разрабатываются планы борьбы. Весной предполагалось с целой армией, пока существовавшей на бумаге, перейти Днестр и ударить на большевиков.

Но прошел февраль. Румыния вынуждена заключить мир, и Югу России грозит австро-венгерская оккупация. Растерявшееся командование отдает за подписью ген. Кельчевского приказ о роспуске добровольческих бригад. Две сформированные бригады подчинились приказу, но в третьей бригаде, расположенной в м. Скинтя у г. Ясс, ген. Дроздовский, прочитав приказ командному составу бригады, сказал: "а мы все-таки пойдем"... ни одного возражения не последовало. Бригада сосредоточилась возле самых Ясс. Войска ген. Авереско окружили бригаду и пытались ее разоружить. Конно-горная батарея кап. Колзакова была наведена на королевский дворец и на парламент. Вмешательство румынского короля предотвращает готовый начаться бой, и Дроздовский получает разрешение на выход из Бессарабии с оружием в руках.

26 февраля отряд вышел из Ясс и, пройдя Кишинев, сосредоточился в м. Дубосары на берегу Дуная. Всего в отряде было не более 1000 бойцов. Никто не знал, что будет впереди. Знали одно - впереди сотни верст похода, разлившиеся широкие реки, степи, весенняя грязь и со всех сторон враги. Кругом - слухи о разгule красных, о

падении Дона, о поголовном истреблении армии Корнилова. Бригада в этом забаламученном море была одинока и все-таки перешла Днестр и двинулась в поход. Вел ее полк. М.Г.Дроздовский.

Сын генерала, участника Севастопольской обороны, М.Г.Дроздовский родился 7 октября 1881 г. в Киеве. Окончив Владимирский-Киевский кадетский корпус и Павловское военное училище в 1901 г., М.Г. был произведен в офицеры М.гв. в Волынский полк. В 1904 г. поступил в Академию Генерального Штаба, но начавшаяся война оторвала его от занятий. В составе 34 Сибирского стр.полка М.Г. провел всю войну, получив все боевые награды а также рану в ногу под Ляояном. По окончании войны вернулся в академию, которую окончил в 1908 г. Во время Великой войны после службы в штабе армии был назначен начальником штаба 64 пех.дивизии. Осенью 1916 г. лично повел в атаку два полка дивизии, причем был тяжело ранен в правую руку. Пробывши затем недолгое время начальником штаба 15 пех. дивизии, получил в командование 60 пех.Замосцкий полк, а в конце 1917 г. назначен командующим 14 пехотной дивизией. За бой у горы Капуль награжден орденом св.Георгия 4-й степени.

Дроздовский сразу овладел своими добровольцами. Он стал средоточием всех их мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении родины, средоточием всех воле, слитых в одну волю борьбы за Россию, за победу добра над злом. О политике никаких разговоров никогда не было; все понимали, что вопрос сейчас гораздо важнее, что в России идет беспощадное истребление самых основ русской жизни, борьба против Бога, против человека и его свободы.

У Дроздовского было очень тонкое, сухое, гордое лицо, слегка потемневшее от загара. У обритых, плотно сжатых губ его лежала какая-то горькая складка. Было в нем что-то влекущее, но чувствовалось и что-то роковое. Во всех его движениях, всегда сдержанных, непреклонная воля, и воля эта покоряла людей, сразу в него поверивших и пошедших за ним на полную неизвестность.

Вот несколько заветов Дроздовского, выписанных из его дневника:

"Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы".

"Нам осталась только дерзость и решимость".

"Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно, на сколько времени. Это иго горше татарского."

"Через гибель большевизма к возрождению России! Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем".

"Я весь в борьбе. И пусть война без горща, но война до победы. Мне кажется, что вдали я слабо вижу мерцание солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный".

Да, в нем действительно была какая-то обреченность, он как будто бы переступил незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. За эту-то черту он и позел своих добровольцев, и они смело пошли за ним, сразу в него уверовав, и никакие страдания, никакие жертвы не могли их поколебать. Вотистину этот человек обладал какой-то совершенно непостижимой силой, и эту силу он умел передать подчиненным ему людям. Это - черта, отличающая всегда подлинного вождя.

Только человек, глубоко верящий в правоту своего дела, верящий сам в себя и умеющий передать эту веру окружающим его людям, может быть вождем. Яркий пример этой силы являет собой наш бессмертный Суворов. То же мы видим у Скобелева, в нашу эпоху у Врангеля и Кутепова. В большой степени обладал ею легендарный герой Белого Движения ген. С.Л.Марков.

Только наличием этой чудодейственной веры в себя, этой силы и можно объяснить, что вчера еще никому неизвестный полковник становится подлинным вождем и ведет доверившихся ему добровольцев в поход через всю разбушевавшуюся русскую стихию вдаль, в полную неизвестность.

Сила духа и глубокая вера в правоту своего дела взяли верх над всеми материальными преградами. На всем 1600-верстном фронте, кишевшем войсками всех рангов и положений, нашелся только один человек, у которого хватило мужества взвалить на свои слабые плечи такую безмерную ношу и донести ее до конца, не взирая на все стоявшие на пути трудности.

На карте Белого Движения путь отряда полк. Дроздовского - прямая линия, проведенная с запада на восток. Смело и упрямо прорезал этой линией весь Юг России Дроздовский со своим отрядом. И через два месяца небывалого похода, выдержав несдюжнократно бои, 25 апреля 1918 года отряд подходит к заветному пункту, к Новочеркасску, подходит как раз в самый нужный для казаков момент.

Думаю, что никогда донские казаки, бившиеся в тот день за спасение своей столицы, не забудут этого поистине чудесного появления дроздовцев из далекой Румынии, спасшего город от нового нашествия красной нечисти.

В конце мая бригада Дроздовского присоединяется к Добровольческой Армии. Сам ген. Алексеев, седой вождь Добр. Армии, низко снял свою кубанку перед проходившими мимо него дроздовцами - Алексеев, живое воплощение былой мощи России и ее воинства.

"Спасибо вам, рыцари духа, помедлившие издавека, чтобы влить в нас новые силы"... - молвил он.

С тех пор бригада, вскоре развернутая в дивизию, неизменно участвует во всех боях Добровольческой Армии.

31 октября ст.ст. под Ставрополем у Иоанно-Мартинского монастыря Дроздовский был ранен как будто бы не очень тяжело в ногу. Но произошло нагноение, не помогли операции. Раненого из Екатеринодара перевезли в Ростов, в клинику проф. Напалкова, личного друга М.Г. Дроздовского. Проф. Напалков решил ампутировать ногу, но было уже поздно, и до операции 14 января 1919 г. Дроздовский скончался.

Ген. Туркул, последний начальник Дроздовской дивизии, так описывает отношение дроздовцев к своему вождю:

"Добровольцы его отряда верили в него не меньше, чем в Бога. Вера в него была таким же само собой разумеющимся чувством, как совесть, как долг. Его слово было законом, что сказано, то и надо, и иначе не может быть. Он был следствием веры в совершенную правду борьбы за Россию, правду того дела, за которое дроздовцы в течение трех лет борьбы выдержали 650 боев и потеряли свыше 15.000 убитыми и 35.000 ранеными. Вера, которую вдохнул Дроздовский в своих добровольцев, всегда сопутствовала дроздовцам в тяжелых испытаниях борьбы. Не будь этой веры, не было бы и славных боевых

действий дроздовцев. Эта вера и сейчас поддерживает всех нас, вера в правоту Белого дела, в его святость. Полнота веры преобразовала каждого из дроздовцев, возвыгала и очищала их. Все пополнения более позднего времени, вчерашние красноармейцы, захватывались этой святой верой, все становились носителями общей правды. Нап вождь умер... Нет! Герои не умирают! Дроздовский жив в каждом борце, который носит его имя, имя, которое будет передаваться из поколения в поколение, пока жива будет Россия".

В связи со смертью генерала Дроздовского, Главнокомандующий генерал Деникин писал: "В начале января мы похоронили умершего от заражения крови вследствие раны, полученной под Ставрополем, ген. Дроздовского. Одного из основоположников Армии - человека высокого патриотизма и твердого духа. Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью. Навещая Дроздовского в лазарете, я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы Армии и своей дивизии и рвался к ней..."

Судьба не судила ему повести в бой свои полки.

Для увековечивания памяти почившего его именем был назван созданный им 2-ой Офицерский стрелковый полк, впоследствии дивизия, развернутая из этого полка".

Приказ, сообщавший Доброармии о смерти ген. Дроздовского, заканчивался словами: "Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединялись в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых всегда он ставил выше своей. Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека!"

Мы видим, что ни Дроздовский, ни все добровольчество в целом не ошиблись в своей вере в правоту идеи, в русский народ.

Все происходящее теперь на родине хотя и указывает, что революционный угар и большевизм еще не изжиты, но народ русский в неустанной борьбе и нечеловеческих усилиях сбрасывает с себя чуждые ему оковы коммунизма и медленно, но твердой стопой выходит на свой исторический путь, возвращаясь к Богу, воскрешая свои многовековые идеалы, очищая их от всей скверны, наложенной на него революцией.

И нет той силы, которая могла бы остановить это стихийное движение.

Мы, дроздовцы, с гордостью смотрим на возрождение и возвращение нашего народа в свой отчий дом, с гордостью, потому что наш шеф был одним из первых, кто преложил тропу к этому дому, тропу, обращающуюся теперь в широкую дорогу.

- - оОо - -

О П О В Е Щ Е Н И Е

Предполагаемый выпуск журнала "Вести с Первопоходника" под № 18 в Марте неслучайно посвящен памяти генерала Корнилова в ознаменование 45 лет со дня кончины его, по техническим обстоятельствам и ограниченности материала, выйдет позже

--оОо--

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ

Из Петербурга мы попали на Кавказ, в Ессентуки. После долгих перепитий и мытарств мы, наконец, в марте 1917 года, как-то устроились. Милые знакомые дамы нас подкармливали и относились к нам удивительно ласково. Несмотря на тяжелую обстановку, они делили с нами горе и радость, тем более, что мы, вместе с их сыновьями, находились в одинаковом положении скитальцев, непримиримых врагов большевиков. Большую часть времени мы проводили в наших комнатах, чтобы поменьше показывать себя на улицах и не возбуждать подозрений. К концу марта даже подвернулась работа, нас наняли садовниками в устроенное местными "буржуями" общество. Работали мы в большом саду, усердно копали грядки. В Ессентуках мы познакомились со многими друзьями по несчастью - офицерами, юнкерами, кадетами и вольноопределяющимися, поступившими так же, как и мы, на эту работу. Они в свою очередь познакомили нас с капитаном 2-го ранга Владимиром Николаевичем Потемкиным, принимавшим большое участие в молодежи и сыгравшем впоследствии большую роль во всей нашей судьбе. Он часто появлялся среди нас, много болтал с нами, подбуживал, угощал "голодающих индусов" - как он нас называл, папиросами и давал даже деньги. Он был офицером Балтийского флота, был ранен под Батайском (в 7-ми верстах от Ростова) в то время когда Добровольческая Армия уходила в Кубанские степи, будучи командиром роты морских офицеров, входившей в состав офицерского полка. Ранен он был пулей в голову выше правого глаза и с этого времени глаз свой потерял навсегда.

Наступил апрель, и вот как-то на Страстной неделе, дней за пять до Воскресения Христова, пришел как всегда повидать нас за работой Потемкин. Но вид у него был серьезнее и вдумчивее чем раньше.

- Вот что, господа! - сказал он нам тихо, почти шопотом, собрав нас около себя. - У меня имеются сведения, что взят Ростов, но кем именно, неизвестно. Возможно, что немцами, но может быть и добровольцами. Последнее вероятнее. Но это неважно, факт тот, что Ростов взят у большевиков и что я еду в Ростов. Если кто из вас хочет, то едемте со мной, деньги у меня будут. Так что вы обмозгуйте это дело, а потом сообщите мне о вашем решении.

Красенский, Векслер, Чегодаев и я сразу ответили, что ехать хотим, что жизнь здесь - это прозябание, а что долг наш теперь - стремиться в Добровольческую армию. Тогда же было решено, что мы все соберемся на первый день Пасхи у Потемкина и тогда окончательно подтвердим наше согласие, сразу же назначив день отъезда, заручившись заранее в местном совдепе нужными документами на выезд. Начались приготовления. Документы достали очень легко. Между прочим документы, удостоверявшие нашу личность, были сфабрикованы нами самими еще в бытность нашу

в Кабардинском конном полку "на всякий случай". Бланки с печатью, не к чести нашей пусть будет сказано, нам удалось случайно, благодаря подвернувшемуся обстоятельству, выкрасть из канцелярии комиссара Нальчинского округа.

Мы были на Заутрени в церкви и впечатление осталось неприятное: везде шныряли большевики с винтовками, с папиросами в зубах и в фуражках, безцеремонно входившие в храм в то время, когда все молились. Розговены были устроены у А. А. Никушкиной. Спокойно прошел этот великий праздник в тесном кругу своих друзей.

На следующий день в воскресенье, мы собрались у Потемкина и за пасхальным столом решили окончательно вопрос о нашем отъезде. Он был назначен на четверг 26-го апреля из Ессентуков в Минеральные Воды. Путь следования установили следующий: Минеральные Воды, Моздок, Изильд, Брянская Пристань на Каспийском море, Астрахань, Царицын, а дальше, как сложится обстановка, но предполагаемая конечная точка - станция Миллерово и Ростов. Все наши друзья сочувствовали нашему отъезду и помогали нам собираться в путь. Нужно было спешить, потому что красные готовили мобилизацию, что нам было совсем не по душе. 26-го вечером мы собрались у А. А. Никушкиной, поужинали, выпили посорок и собрались в дорогу. Нас благословили и мы, перекрестившись, вышли, забрав свои котомки под руки. Настроение было бодрое, но тяжелое, потому что шли на неведомое и опасное.

Мы предались воле Божьей - "Пусть будет так как Он хочёт". Рассчитывать только на свое счастье было бы безумием. Кто мог поучиться за то, что нас не поймут на первой же железнодорожной станции и не расстреляют. Большевики уже успели до некоторой степени окрепнуть. В Армавире, например, ими были устроены целые мастерские, в которых распаривались шинели, шаровары, рейтузы и даже сапоги с целью нахождения запряжанных документов и других ценностей. Поэтому лично я верил только в Провидение Божье. Зная это положение, мы поэтому выбрали круглый путь через Царицын.

- Господи, - молился я, проходя мимо церкви, по дороге на вокзал, - если Ты считаешь, что мы идем на правое дело, что шаг, предпринятый нами верен, то Ты спасешь нас, ибо велика Твоя правда.

Ехали мы по парам. Со мной в паре был Черодзев, Потемкин с полковником Амедунгом и гв Литовского полка, а Красенский с Векслером. Сделано это было ради предосторожности. Друг с другом, кто не состоял в паре, мы не разговаривали и делали вид, что не знакомы. Распоряжения, исходившие от Потемкина, передавались нам только через Векслера.

Когда мы находились в Ессентуках, мы знали о существовании Добровольческой Армии, но туда не поехали, потому что были уже зачисленны в Кабардинский конный полк. Генерал Половцов, командир Кавказского Туземного Корпуса, заявил нам, в ответ на наше обращение, что он присоединится к Добр. Армии.

и что в этом направлении им уже ведутся переговоры. Кавказский Туземный Корпус должен был войти в состав армии, как конница, потому что в армии тогда еще конных частей было мало. Мы были очень рады, что получили определенные места младших офицеров в сотнях и совершенно не ожидали, что все это кончится для нас так неудачно. Обвиняли самого ген. Потемкина, что он, будто бы, бездействовал и был в этом отношении слишком не энергичным. В конце концов Туземный Корпус развалился, всадники разбежались по своим аулам, а нам пришлось бежать и скрываться.

---00---

Сведения, полученные в Ессентуках Потемкиным, оказались, как мы потом узнали, вполне правильными.

Поздно вечером мы приехали на станцию Минеральные Воды. К счастью вскоре пришел поезд со станции Кавказская, в который мы вонзились, опять по парам, в разные вагоны и благополучно отбыли в Кизляр. По дороге нас почти совсем не тревожили расспросами о документах, так что настроение наше значительно повысилось. Вечером 27-го апреля, когда мы проезжали линию Грозного, (Грозный находился от линии железной дороги верстах в 50), мы увидели зарево пожаров. Горели нефтяные промыслы. Они горели еще в декабре, когда мы с Кабардинским полком случайно посетили этот город, и вот до сих пор их никто не был в силах или не хотел потушить. Поистине, зрелище было грандиозное.

28-го в 3 часа утра мы прибыли в Кизляр. Чегодаев и я прошли на вокзал и спокойно стали в уголок в ожидании распоряжений от Потемкина. Вскоре таковое последовало - идти на ближайший постоялый двор, где остановиться всем вместе. Так как большезиков в Кизляре было еще очень мало, то мы почувствовали сразу хотя и небольшое, но все же некоторое облегчение. Мы начали постепенно заговаривать друг с другом, сделав вид, что вот, дескать, только знакомимся, и уже вместе двинулись к постоялому двору. К нам присоединился еще один пожилой господин, очень милый и скромный на вид, который еще в поезде познакомился с Потемкиным и Амелунгом и не захотел

с нами разставаться. К счастью на постоялом дворе не оказалось никого из чужих, кроме нашего пожилого господина. Нам отвели комнату, в которой мы все вместе принялись умываться и готовиться к принятию пищи. Двое были сейчас же откомандированы в поиски за подводами и должны были заказать их к 11-ти часам. Деревня Тушиловка, куда мы должны были ехать, находилась недалеко по берегу от Брянской Пристаней и в 70-ти верстах от Кизляра.

К 11-ти часам подкатили 2 подводы, на которых мы вскоре выехали. Погода была неприятная, дул сильный холодный ветер, а пальто были далеко не у всех, поэтому по дороге приходилось делиться ими и укрываться от ветра вдвоем под одним покрывалом. По дороге мы остановились в одной из деревушек и там продегустировали чудное кизлярское вино, которое в этих краях было очень дешевым. От вина мы немного обогрелись и уже более веселыми двинулись дальше, пели песни, непринужденно разговаривали, благо в степи никто не услышит. Пожилой господин, который продолжал путь с нами, смотрел на нас дикими глазами. Ему, конечно, было странно видеть людей, только что познакомившихся и уже таких развязных друг с другом. Мы сперва не расспрашивали его, кто он, но сразу же догадались, что он не большевик и не революционер и ничего общего с этим барахлом не имеет. Его речь, его манеры, выдавали его, и мы при нем не особенно себя сдерживали.

Вечером, около 6 часов, мы приехали в деревню. Холодные и голодные, мы сразу набросились на хозяйку постоялого двора, приказали ей поставить самовар, затопили печь в отведенной нам большой комнате с окнами на Каспийское море, умылись, согрелись и принялись закусывать. После ужина пошли за провизией, дабы запастись едой на 2-х дневное путешествие по морю. Кстати зашли к одному рыбаку, с которым договорились относительно парусного судна. Он взялся нас возить на Астраханский рейд за 150 рублей на своей рыбацкой парусной шхуне. Покончив с делами, мы вернулись на постоялый двор и стали улаживать даль. Даль было ложиться, жаль было разставаться с наступившим на душе временным покоем. Большевики еще не успели проникнуть в эту деревню, и так было приятно отдохнуть от вечной тревоги быть узанными и арестованными. Но усталость взяла свое. Длинное, тревожное путешествие давало себя чувствовать, глаза слипались и сон не заставил себя долго ждать. В комнате стало слышно равномерное дыхание людей, всеми силами хватавшихся за покой, точно в предчувствии еще более сильных, жестоких и резких переживаний.

На следующий день, 29-го апреля, после утреннего завтрака, мы собрались на пристань. Для того, чтобы попасть на шхуну, мы должны были проплыть довольно большой кусок на веслах, на плоскодонке. Берег был очень мелкий, и парусные суда останавливались на своем маленьком рейде.

Кроме нас и старика, было еще 15 человек, так что всего подобралось 22 пассажира. Мы заняли рыбный средний трюм и устроились в своем роде прилично, если не считать ужасного рыбного запаха. Но дело было не в запахе. Мы были рады, что разместились отдельно от наших разношерстных спутников, подозрительных и хамоватых студентов, армян и других неприятных личностей. Около 12 часов дня мы вышли в море. Дул попутный ветер, но не сильный. К вечеру поднялся небольшой шторм, а ночью пришлось даже убрать паруса, так как управление сделалось невозможным. Но к утру погода снова установилась, и мы часам к 8-ми вечера благополучно дошли до Астраханского рейда, где на якорях стояли барки, к которым нам нужно было пристать. Когда мы только еще подходили к рейду, мы еще издали заметили освещенные суда. Эта красота среди моря в сумерки видеть освещенные корабли, мне врезалась в память. Особенная, еще неведомая мною жизнь - жизнь на корабле среди шумного моря, открывалась предо мной. Точно в степи стояли эти корабли, равномерно покачиваясь, омываемые волнами, вдали от людской суеты.

По трапу мы поднялись наверх. На палубе нас встретили какие то люди и повели вниз в помещение, в котором мы поселились в ожидании парохода на Астрахань. Через полчаса пришли красноармейцы, устроили обыск нашим вещам и спросили, нет ли у нас оружия. Получив отрицательный ответ и ничего не найдя в наших вещах, они быстро удалились и оставили нас в покое. Но один момент был очень неприятный для меня. Когда начался просмотр вещей, и мы развернули наши свертки, положив вещи впереди себя на койки, я стал перебирать свои рубашки и белье и к ужасу своему заметил, что на самом конце, между последней парой белья, лежали мои серебрянные шпоры. За всю дорогу я не разворачивал свертка до конца, а брал необходимое сверху из того, что мне было нужно, поэтому я не мог знать всего содержимого всего пакета, завернутого просто в газетную бумагу. А шпоры были очень изящные, которые я носил еще в бытность мою в Николаевском Кавалерийском Училище и которые я получил в подарок от моих однокашников за хорошую езду. Вынимать эти шпоры было уже поздно, могли заметить, да и спрятать их было некуда, кругом только голые нары. И я быстро решил ничего не предпринимать, оставить мои шпоры там, где они были и ждать, пусть будет, что будет. Я стоял последним в очереди, ко мне подошел только один красноармеец, поднял только две верхние рубашки и этим удовлетворился. Господь уберет меня от большой неприятности и сохранил. Невольно вспомнил я надпись на моей иконочке "спаси и сохрани". И она меня спасла. Разгляды красноармеец до конца мое белье и найдя такие шпоры, не выпустили бы меня, а может быть и всем остальным пришлось бы пережить много тяжелого.

Оказывается, наши барышни Никушкины, которые нам с

Чегодаевым приготовили свертки, положили в белье мои шпоры, так как я ведь отправляюсь в армию и там мне их будет нехватать. Вот как лучшие стремления могут оказаться роковыми!

Несмотря на покой, ночь была проведена неважно. Не давало спать безчисленное множество насекомых, которые уже с вечера повели наступление.

На следующий день, около 3 часов дня, пришел пароход "Кауфман" общества "Кавказ и Меркурий" за пассажирами в Астрахань. Мы были счастливы избавиться от нашего богатого помещения и с радостью перебрались на борт прибывшего парохода. Особенно порадовало нас то, что на "Кауфмане" мы нашли кухню. Во время путешествия на шхуне пришлось питаться почти исключительно воблой, а теперь, когда на столе появился, хотя и скудно приготовленный, но все же борщ, лица у всех нас расплылись в широкие улыбки. На рейде мы простояли еще 2 дня, так как ожидали прибытие парохода из Баку с большим количеством пассажиров.

4-го мая прибыл, наконец, ожидаемый из Баку корабль, было принято на борт много пассажиров и мы в тот же день вечером отбыли в Астрахань.

В Астрахани уже пришлось быть более осторожными. Там произошли восстания казаков и наехало много разной большевистской шантрапы, не стеснявшейся ни в чем и разстреливавшей людей направо и налево.

По прибытии мы сразу же разошлись - это было в 8 час. утра 5-го мая - в разные стороны. Распоряжение о времени отъезда мы должны были получить в доме моих родственников, куда я отправился вместе с Чегодаевым. Конечно, удивлений было много, когда меня увидели, сперва даже не узнали. Осторожностью ради мы сказали, что едем к матери в Петербург, были в Эссентуках, но прямо через Ростов проехать не смогли, так как там бродили какие-то шайки и мы боялись быть пойманными и расстрелянными. Здесь мы отдохнули, привели себя в порядок и сходили даже в баню. Когда мы остались одни с дядей, мы ему рассказали, что в Петербург не собираемся, что едем искать в Кубанских степях Добровольческую армию. Часа в 4 пришел Потемкин и сказал что в 8 часов вечера мы должны быть на пристани пароходного общества "Русь", так как в 8.30 час. вечера отходит пароход на Царицын, что здесь в Астрахани никому ничего неизвестно и что поэтому решено ехать дальше в Царицын.

Около 7-ми часов вечера мы вышли из дома. На дорогу нас снабдили провизией и дали денег, что было очень кстати, так как в этом отношении мы находились в полной зависимости от Потемкина. На пристани мы встретили всех наших. Билеты были уже взяты, так что мы сразу прошли на пароход. Старика уже не было с нами. С ним мы расстались утром. Он ушел на дру-

гом пароходе в Нижний Новгород. Удостоверившись в его порядочности - он оказался директором Дворянского Банка в Москве, мы ему откровенно сообщили, кто мы и куда едем и просили передать нашим родственникам в Москве, что он нас видел в добром здравьи и с нами путешествовал. Он обещал исполнить наши просьбы, и как мы много позже узнали, в точности сдержал свое обещание. Часов в 9 вечера мы отошли. Нас никто не провожал, чтобы не вызвать неприятных толков.

Астрахань произвела на нас плохое впечатление. Грязный маленький городок, с разбитыми большевиками зданиями, с массой красноармейцев на улицах - вызвал брезгливое чувство. Часто попадались матросы, в растерзанном виде, с длинными волосами и пьяными лицами. Хорошо одетых людей, кроме двух, трех комиссаров, совсем не было видно. Все сравнялось с общей массой, с общим хамством и грязью. И что нас больше всего возмутило - это то, что среди этого хамства, нередко выростала фигура пленного австрийского или немецкого офицера, великолепно одетого со всеми атрибутами и достоинствами, полагающимися офицерскому званию. Противно, и в то же время обидно было смотреть на этих офицеров. Они - пленные - имели право ходить, как им хотелось, а нам у себя же - это было запрещено, это даже преследовалось. В этом мы видели несуразность идеи. Раз были провозглашены и приводились в исполнение крайние лозунги и в то же время об уничтожении всего лучшего ("и лучшего из них убей"), то почему сейчас это уничтожение касалось только русских, почему правительство Лейбы Бронштейна и Ульянова объявило войну только русским офицерам, а австрийцам и германцам, врагам нашим, разрешило даже ходить в их обиденной форме. При этой мысли становилось ясно, что правительство немецких шпионов Ульянова и Бронштейна ничего общего с русским народом не имело, раз оно оставляло врагов наших в покое, а уничтожало именно тот элемент, который еще хотел и готов был сопротивляться врагу. Это был очевидно наказ шпионам, а они за высокую мзду, исполняли его пока-что в точности. Русских офицеров бей, а немцев и австрийцев не трогай! Следовательно наша борьба с ними была необходима, и сознание этого только увеличивало желание как можно скорее вступить с большевиками в борьбу.

Пароход медленно отошел от пристани. Опять я был на Волге-Матушке, опять слышу этот старый знакомый стук больших колес, внизу разбегавшуюся и шумную торопливую воду с гребнями kloкочущих волн, но все это было уже другое, все это только больно напоминало давно минувшие годы, когда мы с другим чувством и совсем в другом настроении плавали по той же самой Волге Матушке, наслаждался ее дивными берегами, особенностью ее прибрежных городов, игрой огней отражавшихся после наступления темноты длинными странными лучами на поверхности воды. Теперь уже не было ни того чувства, ни того на-

строения Красная звезда со страшными, кровавыми лучами висела над нами, и наши души, все наши помыслы были направлены к тому, как бы скорее добраться до Армии и скорее вступить в борьбу с поклонниками этой отвратительной красной звезды.

Сперва мы устроились в общем помещении 3-го класса, но часа через три после отхода, нам была предоставлена каюта на 4-х человек, так что нам удалось отделиться от публики. Ехать было скучно, старались не выходить из каюты, дабы не мозолить глаз и случайно не выдать себя. Потемкин и Амелунг сидели отдельно от нас во 2-ом классе. Буфета не существовало, раздавали лишь кипяток, да и то только в определенное время.

6-го мая в 2 часа дня мы пришли в Царицын. Здесь кипела советская жизнь: на улицах было много народу, гудели трамваи и автомобили, ездили и кричали извозчики; магазины, лавки, рестораны все еще были открыты и торговали.

Мы не сразу пошли в город, так как ожидали возвращения полка Амелунга, ушедшего к агенту Армии узнать некоторые подробности о ее местонахождении и судьбе. Когда он вернулся, мы с пристани сперва отправились на вокзал, чтобы ознакомиться с расписанием поездов. На вокзале Потемкин нам приказал разойтись по парам в город, чтобы не болтаться вместе и собраться снова на вокзале к 5 часам вечера. За это время Потемкин должен был решить, с каким поездом и куда нам ехать дальше. Мы разошлись. Чегодаев и я поехали к Волге на трамвае и зашли в маленькое кафе выпить кофе и вместе с тем подождать и как-нибудь убить время до 5-ти часов. Чувство было очень неприятное. По улицам каталось много красных офицеров, довольно прилично одетых, красноармейцев и матросов, что невольно нас пугало. Проходя потом мимо лазаретов, мы видели много раненых. Мысль, что они могли быть доставлены с фронта нашей Армии, заставляло сердце наше биться тревожнее и сильно напрягало нервы. Около собора были расставлены разных калибров орудия, взятые очевидно в бою с белыми, и проходя мимо, мы невольно поумали, не наши ли это?

К 5ти часам вечера мы собрались на вокзале. Когда мы вошли в помещение, теперь уже бывшем 1-го и 2-го классов, мы встретили всех наших в полном сборе. Потемкин сразу поднялся и проходя мимо нас, на ходу, почти и потом, сообщал, что решено ехать с поездом в 8 час. вечера на станцию Миллерово.

- Возьмите сейчас же в кассе 3-го класса билеты до Миллерова - сказал он и быстро отошел в сторону. Красенский и Векслер сидели в противоположном углу залы и сии какой то борлись. К нашему большому удивлению на этом вокзале действовал еще буфет, но на столах уже не было скатертей, посуда была самая простая, без всякого намека на какое либо издешество, а пол изобиловал великим мусором и грязью. Совсем по демонстративности - пили куда хочешь, загрязняя пол бумажками и окурками,

все до славы поднявшего голову пролетариата. Неизвестно, какими были мы буржуями в это время, разве что полностью отсутствовало хамство.

Билеты были взяты, но их нам выдали только до станции Кривомузгинской, последней по эту сторону Дона.

- Дальше - сказали нам - пока ехать нельзя, путь прерван.

Это показалось странным, но в сердце родилась надежда и вместе с тем увеличилась тревога за дальнейший успех нашего путешествия. Когда мы проходили по платформе, мы заметили стоявшего в дверях станции пьяного матроса Черноморского флота, разсуждавшего о том, что, дескать, погибла советская республика. - "Жаль мне, товарищи, - говорил он, - нашей пролетарской республики, душевно жаль советов, погибло все это, потому что нет настоящих работников, нет людей, могущих умереть за эту власть..." и т. д. Мы не дослушали, а прошли дальше, не останавливаясь. Но эти слова подбодрили нас. Значит борьба не прекратилась и большевикам очевидно сейчас неважно, где то на них нажимают.

Когда стемнело, мы с Чегодаевым заказали себе обед, который съели с большим аппетитом, так как уже с Астрахани горячей пищей не питались. Остальное время провели в томительном ожидании отхода поезда. Часов око 8 вечера с нам подсели две молоденькие дамы, которые мы уступили место, так как зал переполнился пассажирами. Дамы, как они нам сами признались, только что приехали со станции Кривомузгинской, потому что дальше их не пустили из за каких то бродящих в том районе банд. Когда они узнали куда мы едем, они пришли в ужас.

- Что вы - говорили они - разве можно ехать туда? На том берегу Дона бродят калмыки со своими офицерами и, если не расстреливают, то во всяком случае порют и избивают нагайками. Все равно вас дальше хутора Калач не пустят, а если и попадете на тот берег, то рискуете быть битыми. Бросьте эти мечты и езжайте обратно.

- Да кто же эти калмыки и их офицеры - отвечали мы - не всякого же вятречного и поперечного они будут бить, это ведь не звери!

Но с ними нельзя было сговориться, они всеми силами старались убедить нас, что ехать туда бессмысленно и безумно. Но эти их речи только лишь раз доказывали нам, что в этом направлении что-то творится, что кто-то борется, и по всем вероятностям, имеет успех, так как в Царицыне чувствовалось волнение.

Поезд сильно запаздывал, так что мы только к 11-ти часам ночи вышли из зала и направились к вагонам - теплушкам, заменявшим классные вагоны. Места, где можно было сесть, мы не искали, а влезли в первый попавшийся вагон, грязный, с отвратительным запахом, запомненный кроме того угольным му-

сорок

В наш вагон вонзилось немало народу, в большинстве крестьяне и казаки, возвращавшиеся домой из города на ближайшей станции. Потемкин отстал от нас, когда мы шли к вагону, и только потом уже, после того как мы сложили наши котомки, мы увидели, что Потемкин гуляет по перрону под руку с матросом и еще каким-то подозрительным типом. Это нас встревожило. Прозвучал второй звонок, а он все ходит взад и вперед по платформе и все продолжает оживленно разговаривать с этими "товарищами". Волнение наше увеличилось. Тогда я решил подойти к нему и сказать, что пора садиться, ибо поезд может отойти. Он на это коротко ответил:

- Не волнуйтесь, сейчас приду!

Я не имел права и даже смелости дальше уговаривать его и отошел обратно к поезду. Раздался третий звонок. Потемкин действительно начал быстро прощаться со своими, очевидно, новыми друзьями и во время свистка главного кондуктора вскочил в вагон. Заводить разговор было опасно, так как сидело много постороннего люда. Мы всю дорогу молчали, и, сидя на своих местах, дремали, насколько это было возможно. Расспросы и разговоры мы решили отложить до следующего удобного случая.

Ночь прошла спокойно. Доехали мы только в 12 часов ночи. Сперва было кто-то завел речь о гражданской войне, с ним вступил в спор другой; первый утверждал, что ничего этого не нужно, что "раз вышла свобода, требовало бы усилить покориться новым законам, а не заводить новые войны. Сказано без аннексий и контрибуций, так должно это всем понятно быть". Другой, наоборот, по всей вероятности из "интеллигентов", возражал и говорил, что это "партии борются за власть и пока одна из партий не победит, все равно мира не будет". Так как все остальные угрюмо молчали и не высказывали никакого интереса к этим безтолковым речам, то спор вскоре прекратился. Один только раз за всю ночь какие-то полуграмотные красноармейцы проверяли у нас документы, но никакого вреда не причинили. Часа в 4 утра наш поезд стал подходить к станции Кривокузгинской. Мы быстро соскочили из вагона и последовали за Потемкиным.

- Не вместе, держитесь по парам и ищите себе место, чтобы переночевать ночь на этой станции - цепнул мне Потемкин и пошел вперед.

Минуты через две мы вошли в здание маленькой захолустной станции, где уже по всем углам спало и изрядно храпело несколько человек. Убогие, старые и даже не чиненные керосиновые лампы висели на стенах и тусклым светом едва освещали помещение. В так называемом зале 1-го и 2-го классов мы решили разместиться. Поможив котомки под голову, мы легли прямо на грязный пол. Но спать было трудно. Все время кто-то ходил, другие сильно кашляли, третьи громко храпели и мешали.

8-го мая мы уже с раннего утра были на ногах. О каких либо чаях не могло быть и речи. Пришлось просто выпить воды с хлебом. О поездах никто ничего не знал. На станции было два комиссара, но оба что то умалчивали. Старший из них был угрюмый и ни с кем вообще не заговаривал, не отвечал на вопросы и старался держаться вдали от публики. Младший был более податливый. Его даже остановил Потемкин и расспрашивал, когда же мы в конце концов будем иметь возможность двинуться дальше. Но комиссар только пожимал плечами, очень любезно разъяснив, что "это зависит от независящих обстоятельств, что когда наладится движение неизвестно". Мы с Чегодаевым сидели в стороне и слушали этот разговор, потому что комиссар говорил обращаясь ко всей публике. Но по тому, как слушал комиссара Потемкин мы заметили, что он начал что-то понимать и соображать. Да и у нас немного просветлело в уме: мы догадались, что комиссару не приказано было говорить о наступлении казаков в направлении на Царицын. При этом мы вспомнили наш разговор с дамами на Царицынском вокзале, которые были в панике от калмыков, и нам показалось странным, что здесь об этих калмыках ничего не говорят.

Захотелось под вечер есть, но на станции никаких съестных продуктов не было. Для того чтобы не вызвать подозрения у окружавшей нас публики, мы опять сделали вид, что знакомимся друг с другом. В деревню нам хотелось идти вместе. И мы обратились к нашим спутникам:

- Товарищи, не хотите ли пройти с нами на ближайший хутор за продуктами?

Нас поддержал еще кто-то из публики, и мы все вместе двинулись к хутору, который находился в 4-х верстах от станции, выпили там молока, купили себе хлеба и мирно вернулись на станцию. Спустились сумерки, зажгли опять эти старие керосиновые лампы и публика начала укладываться спать. Но публики стало больше. Прибыли из Царицына еще поезда и привезли разношерстную кампанию.

На следующий день стало тревожнее. Утром мы проснулись рано и, закусив корочкой хлеба, уселись на платформе, чтобы подышать свежим воздухом. Напротив нас стоял какой-то эшелон с красноармейцами, которые несли охрану станции. За неимением других развлечений, было забавно наблюдать за краснокожими. У них в вагоне оказался граммофон, который ими усердно заводился. Они вторили ему, пели и танцевали около вагона. Велико же было наше удивление, когда мы вдруг услышали звуки нашего гимна "Боже Царя Храни". Солдаты не разбирались в пластинках и поставили ее нечаянно. Она была очень быстро остановлена и снята под нецензурную ругань.

Под вечер мы прошлись по поселку около станции, чтобы вымолить у когонибудь крынку молока. К счастью нам подвезло. По дороге с нами заговорил Потемкин:

- Дальше оставаться нам на станции нельзя, - сказал он серьезно - когда пойдут поезда, все еще неизвестно. Поэтому я решил идти пешком. По ту сторону Дона определенно идет сражение, сегодня ясно была слышна орудийная пальба. Я пережду еще один день. Если завтра ничего не выяснится, то нужно идти, иначе может быть и поздно. Но дело это серьезное, или пан или пропал, так что вы обсудите все сегодня, и я в свою очередь за ночь чтонибудь решу.

Конечно идти пешком было очень рискованно и смело, но по всем данным, ничего иного не оставалось и мы это решение приняли. На станции нас томил тоска. Мы не знали куда уйти от людских взоров чтобы отдохнуть. Потемкин, Чегодаев и я улеглись на травке в палисаднике перед станцией и думами здесь поспать. Но явился вдруг старший комиссар и выставил нас из палисадника.

- Нельзя же, товарищи, - обратился он к нам в вежливой форме, - лежать на траве. Вы ведь интеллигентные люди и должны понимать, что трава от этого портится.

- Он прав - тихо сказал Потемкин, и мы быстро вернулись на станцию.

- Слово "интеллигентные" - продолжал Потемкин, - мне совсем не нравится, надо скорее выметаться отсюда, уже подметили нас.

Только мы вошли в помещение, как послышался гул приближающегося поезда. Мы удивились, потому что поезд подходил со стороны Дона. Поезд остановился. Из вагонов, классных и теплушек, высыпало много народа, и все это сразу метнулось в буфет, который торговал только во время стоянок поездов. Тут были и матросы, и штатские, красноармейцы, казаки и рабочие. Все было сильно взволновано и старались заглушить свое волнение едой. Около буфета они не ели, а просто жрали. Что не нравилось, бросалось тут же на пол, швырялись деньгами и облигациями. Карманы у них были полны всякими денежными знаками. Некоторые из матросов и красноармейцев были босые. Все это произвело на нас удручающее впечатление. Хотя красноармейцы и говорили о том, что они со станции Миллерово, где дрались с немцами, но следы еще совсем недавнего боя были еще слишком заметны на них. До Миллерова было далеко, а их волнение, их суета, беспорядок в костюмах и несвязные речи указывали на что-то недавнее, свежее. Когда после первого поезда прошли в 20-ти минутные промежутки еще два, картина нам стала ясной. Люди бежали...

Опять настал вечер, опять зажглись эти тусклые лампы, и многие уже завалились спать. Народу набралось очень много, нигде было даже головы приткнуть, поэтому Потемкин, Чегодаев и я вышли наружу и решили устроиться просто на земле, в стороне от станции, чтобы не валяться на грязном полу и не дышать

ужасными топорными благоуханими. Мы улеглись и накрылись единственным имевшимся у нас пальто, вернее мы закрыли только верхнюю часть тела, ноги оставались непокрытыми, но к этому мы уже привыкли.

Под прикрытием пальто Потемкин нам рассказал про свою встречу в Царицыне на вокзале, незадолго до отхода нашего поезда.

- Когда мы вышли из замка и направились к вагонам - начал он - меня кто-то окрикнул "Потемкин" Я остановился, смотрю предо мной стоит лейтенант Абрамов, без погон, в большевизской амуниции, рядом с ним какой-то матрос. "Абрамов" - ответил я, какими судьбами ты здесь? - "Я служу на бронепоезде - сказал Абрамов, - деремся против немцев, меня назначили командиром этого бронепоезда. Ты вот что, Потемкин, - перебил он внезапно свой рассказ - расскажи подробно, куда едешь, как тебя занесла судьба в Царицын? Между прочим, ты не бойся, этот матрос мой друг, при нем можешь смело говорить все, что хочешь. Мы с ним заодно."

- Должен вам сказать - продолжал Потемкин, - что Абрамова я давно знаю, мы с ним даже вместе плавали. Он совершенно безхарактерный человек, страшно любил своих подчиненных матросов и относился к ним, как к детям. Часто заступался за них, выгораживал и защищал. Его матросы очень любили. Когда произошла революция, он по инерции, потому что у него не было своей воли, остался со своими матросами. И при большевиках он не ушел, и вот теперь возглавляет этот бронепоезд. Я ему рассказал, что еду с компанией к Корнилову, пробираемся осторожно в Армию, потому что не можем определить ее точного местонахождения. Еще поговорили о том и о сем, о наших офицерах и под конец он мне сказал, что никогда не будет драться против своих, что он, как и его матросы, против гражданской войны, и что сейчас они сражаются только против немцев. На этом наш разговор закончился, и мы распрощались. Очень он славный человек, жаль его, что он так втерся в это общество - закончил Потемкин.

Мы натянули выде пальто и попробовали заснуть. Но только мы сомкнули глаза, как пришел красноармеец и грозно сообщил, что здесь спать нельзя, разрешается только на станции. Делать было нечего. Взяли пальто подмышку и легли на грязный пол на станции. Тяжелые думы кружились в голове и мы вспоминали, как еще вечером пришел на станцию красноармеец и громко, окруженный большой толпой, рассказывал про свое последнее сражение с казаками.

- Идут в атаку, как один - распространялся он с увлечением - и если кто раненый у них падает с коня, то сперва втыкает пику в землю, а другой, кто позади был, схватывает эту пикку то и идет на нас. У них все больше молодые, безусые,

есть и постарше, но все в погонах, у ахфицеров они так и блестят. Много наших полегло, стрелки что ли у них лучше, но потеряли мы много. Я бы всех этих кадет перерезал (кадетами назывались белые воины). Теперь всех надо убивать, много их еще у нас шляется, поди здесь на станции не мало этой дряни. Нужно строго за ними следить и почаще проверить документы - закончил он.

Эти рассказы беглых красноармейцев, все их угрозы и заключения вызвали невольную тревогу. Нужно было скорее уходить, хотя бы пешком. Это сознавали все, потому что иначе мы рисковали быть пойманными.

9-го рано утром, мы были разбужены новой ввалившейся компанией красноармейцев. От них мы узнали, что казаки сегодня ночью заняли хутор Калач, уже по эту сторону Дона. Красноармейцы возбужденно пересказывали происшествие, находясь еще под свежим впечатлением разыгравшегося небольшого боя.

- Спим это мы спокойно, - говорили они в перемежку, - как вдруг услышали стрельбу по хутору. Мы за винтовками, да и на улицу. А там уже полно казаков, все в погонах и на конях, кричат что-то вроде улю-лю-лю, улю-лю-лю, гоп станичники, вставай, бей краснокожих, выгоняй с хутора; станичники гей, спасать вас прискакали. - Видим, дело наше плохо, уже спасти ничего нельзя было. Мы и не думали, что это так быстро могло случиться. А казаки, оказывается, через Дон-то переправились у станицы Голубинской, да прямо нам во "фланк". Все им оставили, и склад винтовок и 2 пущи и цейхгауз, сами то только в чем есть выскочили, лишь бы самим цпылыми остаться, сапоги и валенки поди все по дороге побросали, а кто и патронташ и винтовку, чтобы ловчее бежать то было! Эх, дело было!

- А много их то было, може всего разъезд какой? - переспрашивали из слушавшей публики.

- Какой разъезд, их видимо невидимо - отвечали красноармейцы, а нас всего то 300 человек, один батальон, куди там!

Потом уже мы узнали, что казаков было всего 45 человек.

Дело становилось серьезнее. Чувствовалось их озлобление, они готовы были разстрелять кого угодно в отместку за понесенное поражение. Мы вышли на платформу, чтобы развлечься и не слушать больше этих поветствований. Прошло около часа, как вдруг раздались крики:

- Казаки, кавалерия на горизонте!

Предчувствуя сражение, мы вернулись в здание станции, чтобы не быть глупо раненными или убитыми. Рота, стоявшая в вагонах, сразу кинулась к винтовкам, стала быстро выспаться из вагонов и готовиться к бою, заряжая винтовки, на ходу одевал патронташи и волоча за собой пулеметы. Из стан-

ции к роте быстрым шагом подошел с одним наганом в руке и с другим за поясом старший комиссар и стал истошно кричать:

- В цепь, товарищи, скорее вперед, занимай позицию!

Рота действительно быстро изготвилась к бою и уже цепь, за вагонами, начала двигаться вперед, очевидно только сейчас отыскивая себе более удобную позицию.

На станции публика страшно всполошилась. Все моментально стали пристраиваться к стенке, чтобы таким образом защитить себя от пуль. Лица у всех заметно побледнели и чувствовалась определенная паника. Прошло еще несколько мгновений, но выстрелов все еще не было слышно. Наступила странная волнующая тишина. Этим дело и закончилось. Как оказалось, красноармеец, стоявший на наблюдательном пункте на водокачке принял свой разъезд за неприятельскую конницу и нарушил этим своим ревностным отношением к службе на некоторое время общественный покой на станции.

Когда улеглась паника и трудолюбивый народ приступил к обыденным занятиям, к нам, в наше незабвенное помещение 1-го и 2-го классов вбежал старший комиссар и громко объявил:

- Приказываю всем пассажирам немедленно собрать свои вещи и садиться в поданные по моему приказанию вагоны. Дальше поезда вообще ходить не будут, поэтому я вас всех отправляю обратно в Царицын, а оставаться здесь запрещаю.

Речь ясна! Пока начали собираться, ко мне подошел Векслер и сказал, что Потемкин приказал двигаться по одиночке на хутор Платоновский, что в 4-х верстах от станции и разместиться там по парам, а к вечеру восстановить связь с Потемкиным.

- Кроме того, - сказал Векслер, отводя нас осторожно в сторону, - Потемкин просил передать, что мы разделены теперь на тройки, что Чегодаев и ты находитесь в подчинении у Амелунга, а Красенский и я у Потемкина. Во всяком случае, вы подойдете еще раз к Амелунгу и спросите его, что делать, он может быть распорядится по своему.

Но времени оставалось очень мало. Публика уже тащила свои тюки и выходила на платформу. Я посмотрел в сторону Амелунга и заметил, что он тоже одевается и спешит. Когда он увидел меня, он подмигнул правым глазом, как бы объясняя, как понял я, что пора идти. Будучи вполне уверены, что Потемкин и Амелунг сговорились и дальше двигаться вместе, мы с Чегодаевым не подошли в этой толчее к Амелунгу, а прямо вышли на улицу, в противоположную от платформы сторону и шагах в 100 друг за другом, направились к шлагбауму, а оттуда на хутор. Амелунг за нами не шел. Но в эти минуты мы уже решили действовать самостоятельно, предположив, что Амелунг все же сел в поезд и поехал обратно в Царицын, что нам совсем не

улыбалось. Сперва мы часто оглядывались, все боялись, что за нами будет устроена погоня, если спохватятся, что нас в вагонах не оказалось, но к счастью, наши страхи были напрасны. Никто за нами не гнался, да, очевидно, что мало кто нами интересовался в эти минуты. Через несколько минут после того, как мы прошли железную дорогу, промчался поезд с отосланцами обратно в Царицын пассажирами.

Когда мы подходили к хутору, то на окраине его, за перекрестком дорог, мы встретили Потемкина, сидевшего на бензине и о чем-то размышлявшего. И он, в свою очередь, заметив нас, подозвал к себе и сейчас же обратился с вопросом:

- Где полковник Амелунг?

- Мы не знаем - ответили мы - он нам подмигнул глазом, наверное сейчас придет. Он еще оставался на станции.

- Вот именно, что оставался! - разсерженным тоном перебил нас Потемкин - Вы должны были ехать с ним обратно, вы же в его тройке. А вылезать нужно было на станции Карповка и оттуда самостоятельно пробираться дальше. Неужели вы не понимаете, что вкостером пробираться теперь очень трудно и опасно?

- Мы были уверены, что полковник Амелунг пойдет вместе с нами на хутор - оправдывались мы с Чегодаевым.

- Так вот - продолжал Потемкин все в том же тоне - потрудитесь идти немедленно поиском в Карповку и найдите там Бориса Владимировича. Со мной вы быть не можете, иначе мы все попадемся - добавил он более мягко - Сейчас можете идти на хутор и у когонибудь передохнуть и поесть, а потом отправляйтесь.

Мы пошли. Настроение сразу понизилось на несколько градусов. Идти искать полковника Амелунга было делом очень рискованным. Где его найти? Может быть ему вовсе и не разрешили слезать на промежуточных станциях и просто приказали ехать со всеми пассажирами прямо в Царицын - рассуждали мы - а из Царицына уже будет труднее пробираться в Армию, да и денег у нас нет для того, чтобы жить самостоятельно и болтаться без определенных занятий. Следовательно идти искать полк. Амелунга бессмысленно. Это только удалит нас от нашей прямой цели. Поэтому нужно идти к Потемкину к 6 часам вечера, как он с нами условился, и ему доложить, что мы считаем поиски Амелунга обреченными на неудачу и что мы решили тоже пробираться к казакам, будь это даже совершенно самостоятельно от Потемкина. Иного выхода мы все равно не найдем.

(Продолжение следует)

Михаил М. Борель

Ч У Д О

45 лет тому назад, в темную апрельскую ночь, безшумно и без огней, Добровольческая Армия, самая маленькая из всех Армий когда либо существовавших, потерпев неудачу под Екатеринодаром и потеряв Вождя и незаменимого полковника

Неженцева, отступала

Трудно сказать куда она шла, окруженная будущим океаном развращенных, разнузданных, потерявших человеческий облик, полчищ большевиков. Армия должна быть в движении, и каждый из нас понимал, что остановка - это смерть, мучительная смерть. И мы шли, шли и отбивались от наседавшего на нас противника, умирали, калечились, но не просили пощады у врага.

Перед Пасхой армия подошла к станции Егорлыкской, с боем ее заняла и на время остановилась. Положение ее было весьма плачевное: отсутствие снарядов, недостаток патронов, медикаментов, обуви, к тому же равнодушие окружающих, подчас даже враждебное, и неизвестность в будущем - все это грозило армии гибелью. Кто мог спасти? Одно лишь чудо. И чудо совершилось.

Наступила Страстная неделя. Колокол станичной церкви возвестил начало Первого Евангелия - Страсти Господни.

Как нам были тогда понятны страдания Христа, Его одиночество, непонимание и ненависть окружающих, безсердечье папачей, насмешка фарисеев и неутешное горе Богоматери.

Ведь и мы, ничтожные люди, испытали часть страданий Христа, но Он одержал победу над смертью и своими мучениями и смертью спас человечество.

Я не ошибусь, если скажу, что в те дни все добровольцы, как глубоко верующие, мало верующие, и если были среди них и атеисты, - все мы обратились с молитвой к Тому, Кто Единственный, Милосердный, мог спасти нас и влить в нас новые силы к дальнейшей борьбе за Воскресение нашего поруганного Отечества.

Чудо свершилось, Христос Воскрес: - Он услышал наши мольбы "Прийдите ко Мне труждающиеся и обремененные и Я успокою вас".

Армия возродилась, явились силы и .. надежды и тот светочь о котором говорил генерал Алексеев - снова воспламял. В Армию отовсюду потянулись добровольцы; подходил из Руминин отряд доблестного полка Дроздовского, возстали Донцы, всколыхнулись Кубанцы.

Вскоре из маленькой Армии образовалась грозная сила, еще два с половиною года продолжалась борьба. В этот период вооруженной борьбы были моменты, когда казалось, что близок конец советской власти. Но не суждено было нам достигнуть нашей заветной цели и после потоков пролитой крови и мучений, остатки Русской Армии принуждены были покинуть пределы Родины.

Отгремели последние выстрелы на Западном фронте и вообразимые победители стали праздновать мнимую победу. В Версале дряхлая старуха Европа перекраивала карту Вселенной,

забыл о той - которая неоднократно спасала ее. И уже тогда элегантные дипломаты, после веселых и шумных банкетов, начали заигрывать и искать путей к торговле с красными канибалами - ведь деньги не пахнут!

Советы торжествовали. Казалось, что тот светочь, зажженный нами на полях Дона и Кубани, погас и нужно было чтобы прошли многие годы, чтобы прогремела самая кровопролитная в истории человечества 2-ая великая война, чтобы заметить, что Алексеевский светочь снова горит и не нам, заканчивающим свой жизненный путь, а тем тысячам и миллионам новых борцов освещает путь и не далек тот день, когда светочь вспыхнет ярким пламенем и осветит весь мир. И тогда каждый из нас может с гордостью сказать: "Я не даром жил и я что-то сделал для спасения не только моего Отечества, но и всего человечества."

Мы Первопоходники верим, что наступит то время, когда, если не наши дети, то внуки, под победный шелест наших старых полумистлевших знамен, вступят в борьбу, в последнюю борьбу, и мы хотим верить, что она будет победной и снова воскреснет наше прекрасное дорогое ОТЕЧЕСТВО.

Христос Воскресе!

В.Мяч.

--oOo--

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос Воскрес, как чудно это слово!
В нем жизни смысл скрывается для всех.
Распят В гробу Он в мир явился снова,
Он искупил нам первородный грех.

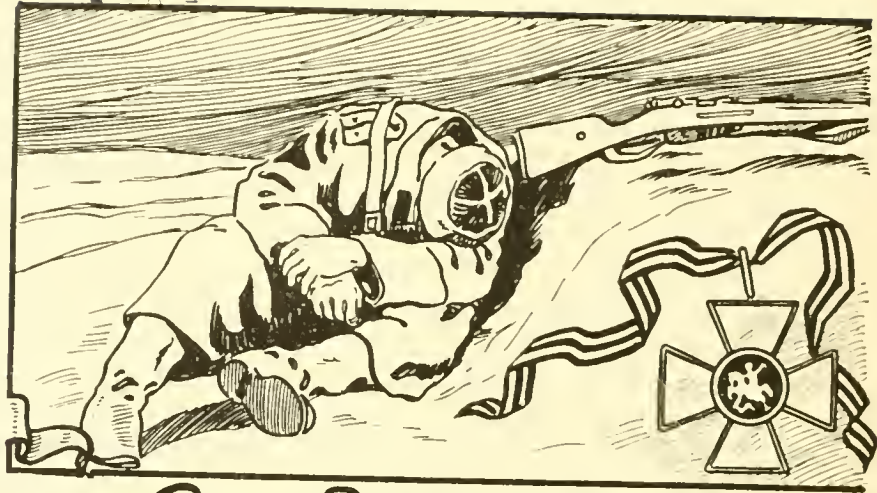
Пусть тяжела изгнанникам дорога,
Пусть за грехи мы льем потоки слез, -
Но день придет, когда, по воле Бога,
Воскреснет Русь, как некогда Христос.

В Петрушевский

БЛАГОВЕНОДАЕ -

ДЯДЬКОВСКАЯ -

НОВОЧЕРКАССК.

См больше жей!

Придите ко Мне, все
труждающиеся и обремененные,
и Аз успокою вы... Мат.12/28.

Пришел и конец нашему блаженству в Ново-Дмитриевской. Хорошо отдохнули, подкормились и набрались сил. Выступили из Ново-Дмитриевской мы вечером. На дворе темно, сыро и неприветливо. Грязь невылазная, и с трудом вытягиваешь ноги. Тяжело двигаться, грязь засасывает ноги. Иногда приходится наклоняться, рукой держать ушки сапога и тогда только вытягивать ногу. Перед самым мостом я все-таки не избежал своей горькой доли. Правый сапог остался в грязи, а наружу к моему горькому спорчению показалась босая нога. Портянка осталась в сапоге. Я стал рукой надуывать в грязи свой сапог, балансируя на одной ноге. Идушие за мною толкнули меня, я потерял равновесие и голой ногой погрузился в холодную густую грязь. Надував сапог и вытянув его из грязи, я вышел из колонны. Руки, нога, да и весь я был замазан грязью. Вытерев руки и ногу о полы шинели, я обмотал туго портянку и с трудом натянул сапог. В подавленном настроении попылся догонять роту.

Перейдя мост, идти стало легче, густая засасывающая грязь сменялась жидкой, но сразу промокли ноги и в них вмокала грязь. Идешь наугад — темнота, ничего не видно. Ноги то попадают в ямки, то скользят на кочках...

Красные, видно, знали о нашем выходе из станицы, обстреливали нас редким орудийным огнем, не причинявшим нам абсолютно никакого вреда. Где-то рвались крапнельные снаряды, и эхо вторило им в ночной тишине. Куда они стреляли — не знаю, да глубоко убежден, что едва ли отдавал себе в этом отчет и сам стрелявший. Благо, что снарядов много. Прекратился обстрел, только слышно, как булькают ноги в жидкой холодной грязи.

ли мы очень долго, сделали только один привал, и то короткий. На привале не пришлось и отдохнуть, ибо ни лечь, ни сесть было нельзя. Так и пришлось простоять на одном месте, переступая с ноги на ногу. Вошли в лес, идти стало тяжелей, ноги все время цеплялись то за корни, то за ветки. Чувствую усталость — хочется спать. Устал, видно, не только я, колонна тоже движется медленно; то остановимся,

видно, что впереди не все в порядке, то опять движемся вперед. Тихо передали, чтобы соблюдать полную тишину. Ну, думаю, значит у цели, где-то близко противник. Мои предположения не обманули меня. Вдруг ночную тишину нарушил глухой выстрел, и эхо покатилося по лесу. Сон и усталость как будто бы сняло рукой. Негромкая команда: - В цепь! Держать связь с соседями и не отставать!

Повернул полуоборотом вправо, стал пробираться между кустами и деревьями и всматриваться в темноту, чтобы не потерять из виду соседей.

Недленно двигаемся вперед. Лес ожил. Запели пули свою злое- щую заунывную песенку, летят ветки, сбитые ими. Влево застрекотал пулемет, ему отозвался другой, правее меня. Стрельба слилась в один сплошной шум. Прибавили шагу, и я вплотную уперся в плетень, дох- дивший мне по грудь. Зачем он оказался в лесу, каково было его на- значение - не знаю и по сегодняшний день. Впереди видны вспышки винтовочных выстрелов, а правее меня тонкая струйка огня - строчит пулемет. Приостыл карабин на плетень и начал стрельбу по вспыхива- ющим огонькам. Некоторые из пуль стали попадать в плетень. Я при- сел на корточки, но когда одна из пуль просвистела над самым ухом, я решил лечь. Ох! как не хотелось ложиться в эту жидкую ледяную грязь, но я все-таки лег. Меня сразу охватил озноб. Удовольствие было далеко не из приятных. Но, слава Богу, лежать почти и не при- шлось.

- Передай... Вперед!

Я поднялся и не перелез через плетень, а в буквальном смысле перевалился через него и упал в грязь. Поднявшись, я был весь в гря- зи; поспешно вытерев руки об шинель и убедившись, что вижу своих соседей, быстро двинулся вперед.

Противник открыл ураганный огонь. Влево, видно, пошли в штыки. Кричат - ура! Мы идем молча, но быстро. Лес стал редеть, стало как будто бы светлей, вышли на опушку леса и недалеко от нее наткнулись на брошенные окопы товарищей. Не задерживаясь, тем же скорым шагом, когда уже почти рассвело, мы достигли окраины станицы Григорьевской. Бой почти затих, только в некоторых местах то раздастся трескотня выстрелов и быстро заглохнет, то послышатся одиночные выстрелы. То- варищи покинули станицу. В этом ночном бою мы понесли большие поте- ри, потеряли мы здесь и нового своего командира роты капитана Тома- шевского.

В станице мы сделали дневку. В одной из домов расположился штаб полка, у колыска этого дома стояло захваченное знамя красных. Признаться, затрудняюсь и сейчас, как назвать это красное полотни- ще, прикрепленное к древку, и на нем боевой лозунг товарищей: "Смерть Корниловским бандам и филимонам". В этом "красочном" лозун- ге для меня не совсем было понятно слово "филимонам". Что за звери, думаю, эти филимоны и почему их прилепили к нам, Корниловцам? На мой удивленный вопрос о филимонах мне объяснили, что это - фамилия Войскового Кубанского Атамана, полк. Филимонова. После этого стал понятен и весь лозунг. Другое красное полотнище лежало на крыльце при входе в дом и служило вместо полковой тряпки, о которую вытира- ли ноги.

В станице немного отдохнули и рано утром на следующий день опять двинулись месить кубанский чернозем. Сейчас как следует и не помню, но, кажется, в этот же день мы ввязались в бой у подступов

к станции Георгие-Афинской. Завязался у нас бой уже к вечеру, сухо потому, что мы долго двигались днем походным порядком до того, как начали бой. Бой был жестокий и упорный, но мы сбили товарищей и они стали отступать к станции. Кругом степь - равнина, далеко видно вокруг. Вдали - станция, на ней дымки, не то бронепоезд, не то маневрированный паровоз. Наступаем быстро. Останавливаюсь, с моим карабином несчастье, выбрасыватель не берет гильзы. Стал рассматривать и возиться с ним, но убедившись, что ничего не сделаю, решил, что исправлю когда приду на станцию. Пока с ним игрался, отстал порывочно от цепи. Вскинув его за плечо, двинулся догонять цепь. На станции показались высокие столбы черного дыма, красные что то взрывали. Не прошел и шагов тридцать, как увидел - наискось ко мне приближается какой то человек. Я замедлил ход, кто бы это мог быть - думаю. Не доходя до меня, можно было сразу определить, это был офицер, уже в летах и прихрамовал на одну ногу. Поровнявшись со мною, я увидел на нем погоню полковника, одна нога была короче другой и на ней ботинок с высоким задником. "Что, доброволец, устали?" Я объяснил мое несчастье и причину почему отстал. "О. Да мы с вами друзья по несчастью! А я не могу открыть затвор, что то заело. Ну, идемте вместе"

Впереди опять завязался бой. Мы не спеша двинулись вперед. По дороге он меня расспрашивал кто и откуда я. Пришлось в кратких чертах дать свою биографию. Бой, видно, шел уже к концу. Идем медленно и разговариваем. Вдали виден железный мост, а вправо потянулся низкорослый кустарник. Вдруг, как из земли вырос, в шагах шестидесяти, а может и больше, здоровенный матрос, в растегнутом бушлате с безкозыркой на бекрень. "Товарищи! Какого отряда?" - От неожиданности я опешил. Мой же полковник, совершенно спокойно кричит ему: "Корниловцы" и снимает винтовку с плеча. "А я большевик! Бейте меня..." крепкое слово. Пока я приходил в себя от этой неожиданной встречи, полковник вскинул винтовку к плечу. Матрос же бросился быстро убежать в направлении железного моста. Мы долго следили за ним, пока он не скрылся. Первым нарушил молчание полковник:

"Вот это сюрприз! Хорошо, что у него не было оружия, а если бы было, что бы мы с вами делали, доброволец? Он бы нас перестрелял как кур. Вот этот случай лишний раз доказывает, что помимо винтовки надо иметь еще при себе всегда револьвер". Я же подумал про себя и пришел к другому заключению - надо не отставать от цепи, чего в последствии и придерживался.

Это неожиданное, столь загадочное происшествие, не только озадачило нас, но и задало нам неразрешимую загадку. Какими судьбами за нашей цепью появился матрос? Полковник

объяснил это очень просто, что по всей вероятности он при-
творился убитым и цепь его миновала. Это предположение име-
ло некоторые основания, ибо я сам видел лежащих убитых. Но
все это только предположения, а действительности мы не зна-
ли. По дороге, полковник рассказал мне и историю о своей ко-
роткой ноге. На западном фронте, в одной из атак на немецкие
окопы, он был ранен в ногу, недалеко от этих окопов. Атака
захлебнулась и наши отступили, оставив раненых на поле сра-
жения. Когда же наступила ночная тьма, появились немецкие
санитары. Подошел к нему и осветив его электрическим фона-
риком, и убедившись, что это русский, один из них почти в
упор выстрелил в него. Только благодаря темноте, он не убил
его, но попал во вторую не раненую ногу и раздробил кость.
Думая, что они покончили с ним - ушли. Только на другой день,
рано утром, после успешной нашей атаки, он очутился в нашем
лазарете. Он считал это просто чудом, что не умер. Об этом
эпизоде, он не мог говорить спокойно. Ненависть к немцам
сквозила в каждом его слове¹⁾

Так мы добрались до станции, которая представляла
из себя сплошной хаос. Кругом грязь, мусор, разбросанные
патроны, гильзы, ящики, и в довершение всего, между колея-
ми походная кухня с полугорячим борщом. Некоторые вагоны
горят, но они откатаны от других составов. Роту я отыскал
быстро, она была здесь же на станции. После Георгие-Афип-
ской, перепуталось у меня все. Идем день и ночь и безконеч-
ные плавни. В памяти только и осталось, непрерывный тяже-
лый поход, да кругом вода, вода и вода. На второй или на
третий день изнурительного тяжелого похода в воде и грязи,
без отдыха и сна, наконец, мы добрались к переправе, распо-
ложенной недалеко от станции Елизаветинской. Около переправы
был небольшой аул, названия его не помню. Ну, думаю, слава
Богу, отдохнем. Но отдохнуть, к моему большому прискорбию,
не пришлось.

Первым был переправлен на другую сторону наш Корни-
ловский Ударный полк. Переправляться, мне лично, пришлось
на небольшой лодке. Собравшись на другом берегу, двинулись
в станицу Елизаветинскую. Мои мечты на отдых не оправдались
и здесь. В станице мы не задержались, а только прошли ее и
выйдя из нее стали в сторожевое охранение. О самой станице
почти ничего не могу сказать, кроме того, что шли по ней
долго - значит большая, хаты хорошие и станица богатая. В
эту же ночь, в заставе, я почувствовал себя плохо. Правда, я
чувствовал и немного раньше, что мне не по себе, что то тво-

1)

Фамилии этого полковника не знаю, но был бы безконечно рад,
если он еще жив, списаться с ним и вспомнить этот эпизод под
Георгие-Афипской.

рится со мною, но приписывал это большой усталости и недосыпанию. В заставе почувствовал, что дело мое паршивое. Для смены поста я подняться уже не мог, а с наступлением утра, мой друг отвел меня в лазарет. Добрались мы с большим трудом, у меня была большая слабость и кружилась голова. Дежурная сестра попробовала мою голову, пульс, посмотрела язык, глаза и заявила, что я должен остаться в лазарете. О, как я не хотел этого! Я стал доказывать сестре, что я не настолько уж плох, чтобы меня оставлять в лазарете. А вот, если бы она была так добра и дала бы мне какие-нибудь порошки для облегчения моего состояния, за это бы я был ей премного благодарен. А надо заметить, что в чудодействие порошков, я глубоко верил. Убедить сестру не удалось, она категорически заявила, что я больной и видно болен серьезно, и что мой друг может быть свободным. Взяла меня под руку, повела в одну из комнат и уложила на соломе, постеленной на полу. Не знаю и до сегодняшнего дня, что за болезнь была у меня. Когда я лег, я действительно убедился сам, что дело мое швах. Да! - я болен, но - чем?! Этот вопрос я неоднократно задавал сам себе, но ответа на него не находил. Я совершенно раскис, есть мне не только не хотелось, но я чувствовал даже какое-то отвращение, но зато меня мучила нестерпимая жажда. Я все время просил пить, пить и только пить. Ночью, как будто стало легче, не было жажды, но я ужасно мерз, а к утру совершенно забился. Проснулся утомленным и разбитым. Я хотел подняться, правда мне удалось это, но стоило больших усилий. Я шел как пьяный, думал, что вот, вот упаду. Комната стала наполняться ранеными партизанами, слышались стенания, стоны, но большое впечатление на меня произвел тяжело контуженный, молодой офицер, который лежал третьим от меня. Он, то консультировался, то поднимался, становился на колени, раздевался до пояса, оставался совершенно голым, и шептал молитвы. Молился он пять, а иногда минут десять, после чего опять одевался и ложился, чтобы через минут тридцать или сорок возобновить то же самое, - раздевание, молитва и одевание. Представления о времени, по моему, у него не существовало, ибо он проделывал это с той же методичностью и ночью. И искренно его сожалел, о дальнейшей судьбе этого глубоко несчастного человека я не знаю. Я никогда не предполагал, что контузия может так отозваться на нервной системе человека. В моей памяти, с полувекковой давностью, с необычайной силой и яркостью встает суровая и жуткая эта картина. Потерял и я счет дней, силы меня постепенно ослабли, я ничего не ел и был бесконечно рад, что ко мне никто не пристает, - меня как будто бы забыли. Но в одно прекрасное утро, сестра насильно заставила съесть чашку горячего бульона и маленький кусочек сурани. Иногда я с большим трудом под-

нимался, но перед моими глазами все кружилось и рад был, когда опить валялся на солому. В последний день пребывания в станице, после обеда, сестры были чем то обеспокоены, о чем то шептались, искоса поглядывая на нас. И вдруг, пришла злобная новость, - Корнилов убит. Только и было слышно - Корнилова с нами нет - Что дальше? Позже, сестра сообщила приказ ген. Алексеева о том, что в командование вступил ген. Деникин. Признаюсь откровенно, в то время это имя ничего не говорило ни моему уму, ни сердцу; хотя и знал, что такой генерал у нас в армии есть. Синонимом боковой веры, нашей непобедимости было неразрывно связано с именем ген. Корнилова, и вот этот стержень был вынут из души армии. Известие о гибели ген. Корнилова на меня произвело большое впечатление, но не вырвало веры. Я думал, что мы переживем и это большое постигшее нас горе, не было у меня и никакого сомнения в том, что победить нас нельзя, на то мы - Корниловцы. Вечером, сестра объявила нам, что кто может двигаться без посторонней помощи, должен собираться для погрузки на подводу. Я поднялся, с трудом добрался до двери, но вспомнил, что карабин и патроны остались под соломой, пришлось вернуться и забрать их. Выйдя во двор, после больницыного спертого воздуха, меня обдало прохладой свежей ночи, у меня закружилась голова и я прислонился к стене. Подоспевшая сестра отвела меня к подводе. В ней уже кто то лежал. Помогла мне взобраться в нее и я улегся рядом с лежащим, при чем его ноги были перед моим носом, положила рядом карабин и патроны, после чего мы медленно двинулись в ночную темноту. Выехав за станицу, подводу начало немилосердно швырять из стороны в сторону. Мой сосед по несчастью стонал и ругал меня, что мои ноги толкают его в рану и чтобы я их убрал. На его неудовольствие и ругань я совершенно не реагировал, а только думал, что ты также мешаешь мне, как и я тебе. Самочувствие у меня было плохое, ехали мы томительно долго. О! Господи! Когда же будет конец этой тряски?! Впоследствии, я познакомился со своим соседом. Он оказался казачьим офицером, партизанского полка, был ранен в грудь под городом Екатеринодаром. В Великую войну он, оказывается, был вместе в одном полку с моим отцом на Западном фронте и прекрасно его знает. После нашего знакомства, мы стали с ним большие друзья и проделали вместе путь до станицы Дядьковской. По прибытии в Немецкую колонию, разыскали меня мои друзья, первым пришел мой друг Николай. Его рука покоилась на перевязи, а кисть руки вся забинтована, он был ранен под городом. Рассказывал мне о боях, как он был ранен, кто убит и кто ранен. От него я узнал, что наш доблестный командир полка полк Неженцев убит, взводный командир - пор Мичь ранен, фельдфебель убит. В обдем от роты остались рожки да

ножки. Пришли Иван и Митрофан, Иван - как всегда, что-нибудь да притаит, не изменил себе и на этот раз, принес почти пол охорова, но из него я оставил себе маленкий кусочек, а остальное вернул ему. Рассказывал и он о боях под городом, но они на него не произвели такого большого впечатления. Он всегда сравнивал с боями на западном фронте и заканчивал "зот те были бои". Митрофан же, наоборот, был печален и в подавленном настроении, бои под городом отразились на нем. Большие кровавые потери полка наложили отпечаток на его переживания. Пожелав мне скорого выздоровления - ушли. В колонии стояли мы целый день, красные беспрерывно нас обстреливали беспорядочным артиллерийским огнем. Снаряды ложились везде, редкий из них достигал цели. Под вечер, картина резко изменилась, огонь их утихнул, снаряды ложились уже более метко. Было отдано распоряжение обозу вытаскиваться в походную колонну. Дошла очередь и до нас, когда почти стемнело. Не успели мы и выбраться из колонны, как вправо послышалась ружейная стрельба, а за ней крики - Ура! - после чего наступила тишина. Здоровье мое не ухудшалось, а наоборот шло к худшему. Перед рассветом, впереди начался бой, но короткий, а на заре мы переехали железнодорожный переезд. Влево от него стояла черная машина подбитого паровоза. В ст Медведовскую въехали рано утром и не останавливаясь в ней, двинулись дальше. Силы меня совершенно оставили и я был в полузабытии. Смутно представляю, что где то остановились, куда то вели и уложили. После обеда, сестра с карандашом и листком бумаги в руке, обходила раненых и спрашивала, кто хочет остаться в станции. Дошла очередь и до меня, и я извещив свое согласие остаться. Я чувствовал, что дальнейшей тряски не выдержу. Кажется, на другой день у моего изголовья появился наш начальник хозяйственной части, сейчас не помню его чин, если не изменяет память, был кажется штабс-капитаном. Спросив, добровольно ли я остаюсь и получив утвердительный ответ, он на листе бумаги написал расписку о получении мною жалования в размере трехсот рублей за два месяца. Подписав это подтверждение, он сказал, что эти деньги будут оставлены сестре, которая остается с нами. Сперва я был рад, что наконец я могу лежать спокойно и меня не будут тревожить. В этот день, впервые за время моей болезни, я с болями, аппетитом поел и крепко уснул. Как долго спал не знаю, но отлично помню, что когда проснулся, то узнал, что армия ушла и мы оставлены. Теперь только понял я трагичное мое положение и меня обдало холодным потом. Я решил, что если оставлен, то ни в коем случае не оставаться здесь, а собрать все свои силы, выбраться отсюда и найти убежище в первой же казачьей хате. Вспомнил о своем карабине, но его не было со мной, он был оставлен в подводе. Не долго думая,

я начал осуществлять свой план. Господи!.. Помогите! Молился я. Ползком по полу и волоча свою шинель я добрался до двери, поднялся на колени, дотянулся до ручки от дверей и открыл ее. Я выполз в коридор и почти сейчас же увидел лестницу идущую вниз. Значит, думаю, это второй этаж. Добраться мне удалось только до лестницы. Появилась сестра и удивленная спросила: "Доброволец! Что вы здесь делаете?" - "Да я хочу подышать свежим воздухом, сестрица". - "Вам нельзя двигаться", - и водрузила меня на старое место. Хотя и кончилась моя попытка неудачей, но я твердо решил, что сбегу. Я долго лежал, следил за сестрой и когда она опять вышла из комнаты, я тем же путем двинулся к двери. На этот раз мне посчастливилось. Я выполз на крыльцо, напротив вижу хаты, но силы покинули меня. Я распластался на ней вниз головой, холодный камень леденил грудь, как долго лежал, не знаю. Далеко слышались редкие хлопанья выстрелов, потом отчетливо услышал конский топот и громыханье подводы. Ну, думаю, все. Я глубже втонул в себя голову, внутри как будто бы, что то оборвалось. Господи! Да будет воля Твоя!.. Стой! Нап лежит! Не успел прийти в себя и отдать отчет во всем происходящем, как чьи то сильные руки перевернули меня - О! Николай! Ты что здесь делаешь? - Юра! - и вместо ответа у меня полились слезы. Очнулся я только ночью, когда меня перекидывали на другую подводу. Я часто терял сознание, не помнил, что было вчера, вообще, время для меня не существовало. Только, когда мы покинули Ильинку, я почувствовал, что произошел какой то перелом в моем здоровье. У меня появился волчий аппетит, я стал более живо реагировать на окружающее.

В станице Успенской пришел навестить меня и мой спаситель и рассказал мне следующее: они были в заставе, далеко выброшены вперед за станицу с пулеметом на подводе. Когда прошли все сроки их смены и не имея связи, они забеспокоились, но все еще ждали, вот, вот придет смена. Но когда на горизонте стали маячить красные разьезды, они медленно стали стходить к станице. В первой же хате узнали, что армия ушла, а о них видно забыли. Они решили быстро проскочить станицу и догнать армию. Проезжая мимо школы, они увидели лежащую фигуру вниз головой, половина шинели свешивалась на первую ступеньку и был отчетливо виден погон Корниловского полка. Вот этот погон и заставил их остановиться. Но он никак не предполагал, что это буду я. Ночью они блуждали, но все таки вышли на правильную дорогу, догнали армию, а меня передали в лазарет. Здесь я ему рассказал какими судьбами я очутился на крыльце. Мой спаситель был сном хорошо знакомой нам семьи. В станице Успенской, я лежал в школе, на расстеленной на полу соломе.

Мое здоровье, видно, было на поправку. Я съедал все,

что приносили серебряные казачки в лазарет, а принесли они много, что называется нас закармливали. Они ткнули в лазарет все, что только было возможно. Около каждого раненого в изголовьи была темная кладовая. Но особенно, видно, большое впечатление на них производила моя не совсем воинственная персона. Они останавливались около меня и начинали причитать вслух: "О, Господи! Царица моя Небесная! Да какой же молодой..." и т.п. Иногда, их собиралось около меня три или четыре - причитали, делились вслух своими соболезнованиями, а некоторые из них, кончиком платка, вытирали набежавшую слезу. Поскольку, старые казачки, останавливались около раненых, вслух выражали свое сожаление и роняли слезы, совершенно иначе вел себя молодежь т.е. девчата. Они приходили по две или три вместе, как то неумоюще, боком, подбирались к изголовью, оставляли принесенное и украдкой поглядывали на раненых. Стали поговаривать, что с Дона пришел казачий разезд и просит о помощи восставшим казакам. У восставших нет ни винтовок, ни патронов, приходится драться холодным оружием да самоделными пиками. Я был очень рад этим слухам и совсем был обрадован, когда узнал, что мы идем на Дон. Вот, опять Лежанка, напомнила о первом ее взятии, но это казалось уже, что было так давно. Главное, что мы на пороге границы Донской области.

Лежал я не в лазарете, а в одной из крестьянских хат. Хозяйка попалась хорошая женщина и хорошо ухаживала за мной. Мужа ее не было дома, где он был не знаю, и я воздержался спросить ее. Где он? И есть ли вообще.

Вот и Лежанка за нами, в Страстную ночь, вернее зарей, мы подъехали к переезду железной дороги у станции Егорлицкой. По обе стороны стоят казаки, радушно приветствуют нас с праздником Воскресения Христова - христосуется. Стоит бравый сотник на самом переезде, останавливает подводы и просит, у кого есть винтовки и патроны, пожертвовать им. Нам они больше не нужны, мы идем в тыл, а у них в этом большая нужда. Приподнимаются раненые, извлекают из под соломы что винтовку, что патроны, но видно, не с охотой расстаются с этим. Казаки веселы, шутятся шутки, остроумия и след несется пожелание поправиться и хорошо отдохнуть. В Егорлицкой меня поместили в захиточную казачью хату, хозяйка - старая казачка, приняла живое и деятельное участие в восстановлении моего здоровья. Она, три раза в день, поила меня собственной медициной, которая была противна до отвращения. Состояла она из чашки горячего молока с примесью, по моему, всего, что у ней было в хате. Это была порядочная дрянь. Она не только издавала страшный запах, но и до тошноты была противна. По ее совету, я зажимал нос и залпом выпивал эту гадость. Не знаю, не то действительно ее доморощенная меди-

цина, не то пришло само время к выздоровлению, но я чувствовал, что с каждым часом я крепну. Когда пришло время и мы стали покидать Егорлыцкую, она советовала мне остаться у нее до моей полной поправки, а после этого ехать домой. Я сердечно поблагодарил ее за трогательное внимание ко мне, а остаться не мог, ибо перетерпел гораздо хуже и больше, а до цели осталось не так далеко.

Как то незамечено прошла Мечетка и вот мы в Задонских степях, кругом равнина, да разбросанные по необъятной степи курганы. Наш путь - станция Маническая. Под вечер показалась вдали белая полоса и из головы обоза, как волна катится - Ура! Дон!

Радости нет предела, даже и не веришь своему счастью, а ведь всего 25 верст - Новочеркасск. Вот мы и в Манической. Разместили нас по хатам и сообщили, что рано утром будет погрузка на пароход для отправки нас в Новочеркасск. Спалось паршиво, мысли роились в голове и не давали сну, а мысль одна - как дома? .. Живы ли? ..

Наконец и погрузка на пароход, кажется что она идет до бесконечности медленно. Пароходик паршивенький, маленький, принять всех не может, но я все таки на него попал. В трюм не спустился, а остался на палубе. Грузились мы долго, а потом почему то кружились около станции и только далеко за полдень, наконец, пустились в путь.

В полночь, причалили в станции Аксайской и узнали, поразившую нас всех, новость. В Аксае - немцы. Какими судьбами они попали в Аксайскую, сколько их было и зачем они здесь, конечно, на этот вопрос никто не мог ответить. Говорили, что наш пароход посетили немецкие офицеры, узнать, чем они могут нам помочь. Наше начальство вежливо отстранило какую либо помощь с их стороны, заявив, что добровольцы ни в чем не нуждаются, у них все есть.

Утром на другой день, мы причалили около Васильевской мельницы, возле железнодорожной станции. По выгрузке, посадили нас на извозчиков и отправили в Епархиальное училище, где расположен был лазарет. О! Чудо! Кругом чистота, белизна постелей, сестер - хоть отбавляй. Кругом забота, ухаживание, внимание. Я немедленно попросил одну из сестер сообщить моим родителям, что и в городе. Прошло несколько томительных часов, как после обеда в дверях палаты показалась мама.

По выздоровлении я опять попал в полк в станцию Мечетинскую, но на этот раз для того, чтобы получить бумаги и попрощаться с родным полком. Я никого не нашел из старых корниловцев своей роты. Все были для меня новые лица, по преимуществу кубанцы. Когда же я попал к заведующему хозяйственной части, для окончательного расчета, то при виде меня он остолбенел. "Да вы же остались в Дядьковской? Какими

судьбами вы здесь?!" Я рассказал ему мою одиссею. "Как и рад за вас! Вы долго не давали мне покоя, часто вспоминал вас. Слава Богу! Жив - здоров" После чего он стал рыться в бумагах, извлек из них небольшой листок и показал мне. "Узнаете?" - Это была моя расписка, подписанная мною в Дядьковской с получением мною жалования за два месяца - "Будем считать, что вы лично ничего не получили!" Перечеркнул се крест накрест, сделал на ней какую то пометку и положил обратно в свои бумаги. Получив все, что мне причиталось, и, сердечно с попрощавшись, двинулся в обратный путь. На сердце было грустно и печально, я покидал свой родной полк. Прощай черно-красный погон!

Прошли десятилетия, казалось бы, что отошли в область преданий минувшие радости и горечи побед и поражений

Улеглись страсти - потеряно все

Но сколько грязи, безответственной злостной лжи млет-ся и поныне на тех, кто первые когда то, из вони, грязи, из кровавого кошмарного угара, подняли Русский национальный флаг. Что можно ответить на все это? Нам Корниловцам - Первопоходникам

Пусть вокруг одно глуменье,
Клевета и гнет,
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Н Бассов.

-----oOo-----

Х Р О Н И К А

23-го февраля 1963 г. в 6 час вечера состоялось Общее Годовое Собрание членов Калифорнийского общества Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова похода в помещении нашего клуба

Председатель общего собрания А. Долгополов, открывал собрание, предложил присутствующим почтить память вставанием усопших и павших Вождей и воинов на поле брани с бойцами в борьбе за Россию

В кратком докладе А. Долгополов доложил Обществу о деятельности правления за прошедший 1962 год и информировал также о журнале "Вестник Первопоходника" указав, что тираж журнала увеличивается, что доказывает популярность среди читателей, что материалами-воспоминаниями, очерками и статьями о Белом Движении поступают, и что издание журнала с успехом покрывало все расходы при материальной поддержке читателей

Заслушаны были также доклады казначея правления Ф. Пухальского о приходе-расходе денежных сумм за про-

шедший год и председателя ревизионной комиссии С И Чернова о проверке всей кассовой книги

На предложение председателя собрания А. Долгополова указать кандидатов в новое правление, общее собрание единодушно и единогласно выразило пожелание оставить старое правление, одобряя всю его деятельность. Аналогичные письменные заявления, полученные от иногородних членов, были оглашены секретарем правления.

Общим собранием были приняты в общество 5 новых членов первопоходников и утвержден почетным членом Общества видный адвокат г Лос Анжелоса (капитан запаса американской армии) Дональд К. Холл за его внимательное отношение к нашему обществу и оказанные им услуги обществу.

По инициативе правления была собрана значительная сумма для издательства журнала "Вестник Первопоходника".

По окончании решения вопросов повестки дня, собрание закрылось в 7 ч 45 мин вечера.

В 8.25 минут прибыли приглашенные гости, в числе которых были: председатель комитета помощи Русским Военным Инвалидам генерал-профессор И. М. Свищев, его секретарь подполк Б. П. Есипов, Дональд К. Холл с супругой (урожденной Пухальской), генер. Кариус с супругой, полк П. Я. Сагайдачный (Марковец), председ. правления О-ва Галлиполийцев кап. К. В. Мустафин, полк. И. В. Григорьев с супругой, художник П. А. Стеценко с супругой, инженер В. Н. Кейзеров с супругой и др. И. Е. Гончаров.

Гости и их хозяйка заняли места за общим столом по распределенному плану. Перед каждым прибором - именная карточка, с красно-черной ленточкой и со Знаком отличия 1-го Куб. похода.

Обилие всяких закусок и кушаний были приготовлены членом правления Г. Л. Корниловым под руководством Н. Б. Мяч и А. П. Мяч.

Председатель правления А. Долгополов сказал краткое слово о 45-ти летней годовщине 1-го Куб похода и о 12-ти летнем юбилее существования нашего общества и предложил выпить за первопоходников рассеянных по всему миру.

Генерал И. С. Свищев сказал прекрасную речь, трогательную по содержанию о значении 1-го Кубанского похода и вообще о Белом Движении; полк П. Сагайдачный приветствовал первопоходников от марковцев, капитан К. В. Мустафин приветствовал первопоходников от общества Галлиполийцев. Коротко и тепло в своем слове о первопоходниках отозвался инж. В. Н. Кейзеров и наконец др. И. Е. Гончаров прочел свое стихотворение, посвященное первопоходникам, которое приводим полностью:

Дорогие наши Первопоходники!
Сегодня вспоминаем ваш поход

Здесь в стране свободной,
Вспомним также наш народ
Вспомним мы страну родную
Наши села, города;
Гусь бивалую, Святую,
Гусь без рабского труда.

Наши сестры, дети, жены
Утопают все в слезах,
Слышни нам сюда их стоны,
Видны цепи на руках.

Встанем все, - бокалы наши,
Мы осушим здесь до дна,
За страну, которой краше
Не найдем мы никогда

За рассеянных по странам,
За несчастный наш народ,
За погибель всем тиранам,
За Корниловский поход.

И. В. Гончаров.

Председатель правления А. Домоголов сообщил всем присутствующим о г. Дональде К. Холл, его исключительном внимании ко всему нашему обществу и огласил постановление общего собрания о зачислении его в списки общества почетным членом, которому и было вручено постановление с традиционной "чарочкой".

В коротком ответе г. Дональд К. Холл выразил сердечную благодарность за оказанную ему честь быть почетным членом общества первопоходников.

Банкет затнулся до глубокой ночи. Пели казачьи песни и песни добровольцев и после 2-х часов ночи гости и их хозяева разъехались по домам, унося с собой веселое настроение от проведенного вечера в дружеском и братском обществе первопоходников.

В М

ПАМЯТИ УСОПШИХ

12-го февраля 1963 года в Лос Анжелесе на 82 году жизни скончался от воспаления легких первопоходник генерал-майор Савицкий Вячеслав Григорьевич, казак Куб. Каз. Войска.

20-го Ноября 1962 года в Венецуэле в г. Каракасе скончался Войсковой старшина Федор Заволоко, участник 1-го Ку-

банского генерала Корнилова похода

В Буэнос-Айресе на 75-ом году жизни (род в 1888 г.), в марте с.г. скончался Первопоходник и сотрудник журнала "Вестник Первопоходника"

Полковник Ген Штаба Юрий Владимирович СЕРБИН.

Покойный, по окончании кадетского корпуса поступает в Константиновское артиллерийское училище и по окончании его в 1908 году выходит в Конную артиллерию, гор Александрополь в Закавказьи.

Перед революцией 1917 г. занимает должность Старшего Аджьютанта Штаба 5-ой Кавказской казачьей дивизии, а во время революции (август 1917 г.) И.Д. Начальника Штаба дивизии.

Прибывает с дивизией на Кубань, где, в хуторе Романовском, оставив жену с двумя малолетними сыновьями, принимает участие в начавшейся на Кубани борьбе с красными и состоит при Штабе генерала Покровского. С ним выходит в 1-ый Кубанский поход и когда генерал Покровский стал во главе дивизии, назначается Начальником Штаба таковой.

В этой должности начальника 1-ой Кубанской дивизии пребывает в течении 15-ти месяцев Белой борьбы на юге России.

Эмиграция. Беженская жизнь в Югославии. Служит чиновником в Югославском Военном Министерстве и принимает деятельное участие в Союзе Русских Военных Инвалидов, заведует одним из его отделов

После второй мировой войны переезжает на жительство в Аргентину, где находит свое последнее успокоение.

Мир праху его!

3. Готгард (1918 г.)

С П И Т Е Т И Х О

(В память погибшим в 1-м Кубанском походе)

Год жестокой войны по степи разбросал
Безпорядочный ряд невысоких могил
Понакрыл кое где побуревшей травой,
Разбросал и забил.

Год за годом пройдет и весна нашу степь
Ярким блеском цветов оживит, как всегда,
Только этого ряда убогих могил
Не найдется следа

Но безвестных имен, сколько б не было их,
Никогда не забудет родная страна,
Славный подвиг почтит и в молитвах своих
Помынет их она.

ОТ РЕДАКЦИИ :

Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестник Первопоходника", редакцией вынуждена была повысить годовую подписку на 3.50 долл., а цену отдельного номера на 35 центов

Статьи, присланные авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или исправлять статьи не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются при оплате почтовых расходов

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статьи на автора

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника": 6, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, по цене 35 центов за экземпляр

Ввиду увеличения расходов на печатание иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их на адрес редакции

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы: Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов, помещать свои воспоминания, очерки и пр. на страницах нашего журнала

-----ooooOOoooo-----

Редакционная коллегия: Г. Корнилов, В. Мич и Ф. Пухальский

Главный редактор: А. Долгополов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

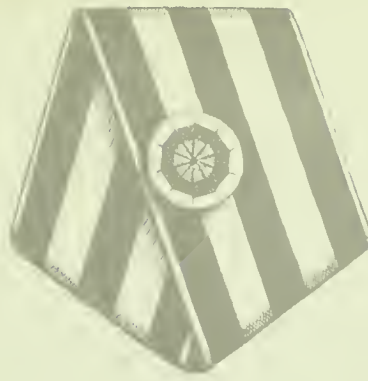
1.	" Тебе Россия. ." стихотворение	стр	1
2	" Да воскреснет Бог" - стихотв.	"	2
3	" Христос Воскресе" - поздравления	"	3
4.	" Марковцы в боях и походах за Россию "	"	4
5.	" О чем шумит Кубань " - стих - О Аспидов	"	4
6	" Генерал М Г Дроздовский " - А. Крижановский		5
7	" Крестный путь в Армии " - М Борель	"	9
8.	" Чудо " - В Мич	"	25
9	" Екатеринодар-Дядьковская-Новочеркасск " - Н Бассов	"	28
10	Хроника	"	38
11	Памяти Усопших	"	41
12	" Спице тихо " - стих - З Готвард	"	41
13.	От Редакции	"	42

ooooOOoooo
oooo
oo

1875

111.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

21

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 21

Июнь 1963 года

Ежемесячный журнал, посвященный 1-му Кубанскому Походу,
Истории Белых Армий и жизни первопоходников.

- o -

"VESTNIK PERVOPHODNIKA"

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KONNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

California non-profit Corporation.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A

- - ooo - -

ПРИИДИТЕ КО МНЕ

Дни смятенья пришли: всюду скрежет зубов,
Стоны, вопли, людские проклятья,
И в преступной вражде дети мучат отцов,
И на бой ополчаются братья.

Мор и голод кругом, и антихрист царит,
Проповедуя культ разрушенья.
Он печатью тоски безнадежной клеймит
Всех, кто внемлет словам лжеученья.

"Приидите ко мне, - обольщает он мир, -
Вы, несчастные жертвы творенья,
Всяк, кто голоден, наг, обездолен и сир,
Кто измучен тоскою сомненья.

Приидите ко мне, всяк, кто жаждет познать
Злую правду бытья рокового.
Я поведаю вам, что не нужно страдать
Под ярмом произвола слепого.

Жизнь - бесцельное зло! Пресеките навек
Корень жизни, ту страсть роковую,
От которой на свет родился человек,
Чтоб борьбу выносить вековую."

Так антихрист гласит, обольщая людей,
Умножая кругом преступленья...
Скоро ль будет конец?.. Все темней и темней...
Звезды гаснут... дождемся ль спасенья?..

О, Мессия! гряди в блеске яркой зари,
В лучезарной весне обновленья!
В прах владычество смерти и ада сотри
Жизнерадостным днем Воскресенья!

Страшный Суд сотвори над врагами любви
И антихриста ввергни в геенну;
Смой с земли навсегда пятна братской крови,
Что родили войну и измену.

И незыблемый мир водвори на земле,
Чтоб, святым состраданьем согрета,
Воссияла она, словно солнце во мгле,
Царством Правды и вечного Света!

О, Мессия! гряди! воскреси мертвецов
Торжествующей силою слова
И живых исцели от мучительных снов,
От отчаянья века больного.

"Приидите ко Мне, - мы услышим Твой зов, -
Ратью дружной сплотившись, народы!
Не на бой вас зову против диких врагов,
Не на оргию буйной свободы!

"Не с огнем и мечем ополчайтесь на зло,
Не со знаменем призрачной славы,
И лавровым венком не венчайте чело
Проповедников дикой расправы.

"Но сплотитесь дружной в трудовую семью,
Разработайте ниву родную,
И обряцете вы в обновленном раю
Цену жизни и радость земную.

"Приидите ко Мне! Я зову вас на пир,
Где, как братья, все примут участие;
В мире Божьем любовь воцарится и мир,
И поймет человечество счастье!"

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ

(Продолжение, см. № 19 и 20)

Но усталость дает себя знать, к тому же и аппетит появился. Дошли до первого казачьего балагана и сделали маленький привал. После небольшой закуски мы бодрым шагом шагаали вперед и решили теперь держать направление правее хутора Калач, то есть прямо на казаков. Шли мы еще долго, то поднимались на бугры, то снова спускались через рытвины, канавы, небольшие речки и овраги, шли большей частью по намеченной прямой линии, чтобы не терять лишнего времени. Солнце поднялось уже высоко и становилось жарко. Хотелось пить, но Потемкин не разрешал.

- Напьетесь потом, - говорил он, - надо спешить, чтобы скорее встретиться с казаками. Если красный разезд устроит за нами погоню, то будет совсем глупо, потому вперед без задержки.

И мы продолжали идти покорно, так как сознавали, что смерть совсем низко пролетела над нашими головами и что испытывать судьбу не следует. Шли мы все вместе, не чувствуя утомленности, настолько были напряжены нервы.

Вдруг, совершенно неожиданно, на горизонте перед нами, почти на линии нашего направления, показались фигуры нескольких всадников, которые то появлялись на впереди лежащем бугре, то снова исчезали.

- Думаю, что это уже казаки, - сказал Потемкин, - здесь большевиков быть не может, мы уже близко подошли к Дону.

Мы стали присматриваться и скоро заметили, что всадники вооружены не только винтовками, но и пиками.

- Вот и доказательство, что это казаки, - радостно воскликнул Потемкин, - у большевиков пик нет.

- Казаки, казаки! - с восторгом воскликнули мы и прибавили шагу. До казаков оставалось еще верст семь, следовательно, по крайней мере, еще час с небольшим ходу.

Длинным казался наш путь. Мы старались сократить дорогу до минимума, ползли по крутым скатам и снова спускались в глубокие балки и шли по вспаханному полю.

И вот, наконец, мы увидели, что расстояние от нас до казаков не превышало полутора верст, когда от группы отделились три всадника и с винтовками в руках поскакали прямо нам навстречу.

- Руки вверх, руки вверх! - еще издали начали нам кричать звонкие голоса.

- Руки вверх! - скомандовал нам Потемкин, - бросайте вещи и поднимите руки!

Мы сперва не разобрали, в чем дело, до того приковал нас вид молодцеватых всадников в погонах, и уже только потом, после команды Потемкина, мы исполнили приказание.

Казаки подлетели, остановили своих коней и сразу начали с расспросов, не выпуская из рук винтовок. Наш хулиганский вид их, очевидно, смущал, и они не смогли быстро нам довериться.

- Кто вы такие? - вежливо начал рослый казак с русой бородой.

- Я капитан 2-го ранга Владимир Николаевич Потемкин, морской офицер, - первый отвечал Потемкин. Ответили и мы по порядку.

Казаки сперва были как будто ошеломлены нашими ответами, видимо не ожидая, что из хулиганских костюмов вылупятся офицеры и юнкера.

Но, судя по внешнему облику, они остались довольны и сейчас же забросали нас вопросами о том, что делается у большевиков, что происходит в Царицыне, сколько сил у них сосредоточено у Кривокузгинской и т.д. Мы радостно и оживленно отвечали и старались подчеркнуть, что нашему ликованиему нет предела, что мы долго терпели, пока пробирались к казакам и что вот, наконец, мы достигли нашей цели, добрались, видим казаков в погонах и не знаем, как выразить свое торжество. Казаки внимательно прислушивались к нам, вероятно, понимая нашу откровенность и простодушие. Через несколько минут мы пошли все вместе к начальнику разезда, который сразу же нарядил казака для сопровождения нас на хутор Калач к коменданту. Оттуда нас должны были отправить дальше.

- Только, пожалуйста, - вдруг обратился к нам один из старших казаков, - не говорите "товарищ". У нас теперь говорят "станичник" или "земляк", а слово "товарищ" позабудьте.

- Знаем, станичник, - сказал Потемкин. - Слава Богу, ведь уже воевали, не впервые с казаками дело иметь!

- А вы где воевали? - спросил казак.

- У генерала Корнилова, в Ростове, там и ранен был, видите - глаз свой за казаков потерял.

- Так вы корниловцы? - промолвило сразу несколько казаков.

- Да, корниловцы, - смело ответил Потемкин.

- Ну, господа, идите, - обратился к нам начальник разезда, - только простите, что вас будет сопровождать вооруженный казак, но вы офицеры и сами понимаете, что иначе я поступить не имею права.

- Конечно, - сказал Потемкин, - это даже лучше, что мы пойдем не одни.

Через некоторое время мы выступили, простились с добродушно нас встретившими казаками и пошли в сопровождении одного конного казака в направлении на хутор Калач.

- Теперь буду вас подцукивать и держать в ежовых рукавицах, - сказал нам тут Потемкин, когда мы уже приближались к хутору Калач.

Несмотря на усталость, настроение оставалось в течение всего этого времени бодрым. Единственное, что неприятно отзывалось в душе - это сопровождение казака. В особенности это давало себя чувствовать, когда мы вошли в хутор, где каждый прохожий останавливался и считал своим долгом спросить:

- Кого ведешь, станичник?

- Где поймал молодцов?

Хотя казак и отвечал, что это, дескать, "корниловцы", из плена к нам обратно перебежали, но положение арестованных удручало нас и задевало наше самолюбие.

Часам к 11-ти мы, наконец, добрались до командира сотни того разезда, с которым мы встретились в степи. Командир сотни после того, как разузнал, в чем дело, встретил нас очень любезно, угостил обедом и предложил отдохнуть. Но отдохнуть не пришлось ввиду того, что сотня получила срочное приказание седлать. Поэтому нас попросили идти к коменданту и там уже воспользоваться отдыхом. В этот раз нас сопровождал не вооруженный казак, а писарь из станичного правления. Самый острый момент был уже пережит. Нервы успокоились, а утомление требовало своего. Мы быстро заснули тут же на комендантском дворе, в тени за домами.

Около 5 часов вечера нас разбудили. Когда мы начали подниматься, Потемкин уже сидел у коменданта, войскового старшины Донского войска, и вел с ним переговоры о переотправке в тыл. Войсковой старшина, очень вежливый и воспитанный офицер, не хотел, как потом нам рассказывал Потемкин, нас отправлять дальше без вооруженных казаков. Дело в том, что у нас не было ни одного документа, который мог бы удостоверить нашу личность, кроме советских, а Потемкин требовал, чтобы нам поверили на слово.

- Я не могу вас отправить без караула, - говорил войсковой старшина. - Конечно, я не имею оснований вам не доверять, но все же у вас нет ни одного документа, который мог бы рассеять мои сомнения.

- Я даю вам мое честное офицерское слово, - отвечал Потемкин, - и этому-то вы могли бы поверить.

Но войсковой старшина продолжал настаивать на своем.

- В конце концов мне это надоело! - ударив кулаком по столу, громко заявил Потемкин. - Глаз мой простреленный разве не служит вам доказательством моего участия в боях против большевиков? Я уже воевал в то время, когда Донцы еще сомневались, к кому им примкнуть. А теперь вы, войсковой старшина, обязаны мне поверить, мне - капитану 2-го ранга Владимиру Потемкину. Я требую отправки без караула.

- Простите, я не хочу вас обижать, - уже более мягко начал войсковой старшина. - Ну, хорошо, я пойду расспрошу ваших спутников.

Когда мы уже успели привести себя в относительный порядок, к нам после выплепленного разговора вышли войсковой старшина и Потемкин. Войсковой старшина подошел прямо к Чегодаеву и сразу же приступил к расспросам:

- Где вы служили?

- В 5-м гусарском Александрийском Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку.

- В каком эскадроне вы были в полку?

- В 3-м эскадроне, господин войсковой старшина.

- Кто был командир эскадрона, кто командовал полком, кто был заведующим хозяйством, кто командовал первым эскадронам, вторым, шестым? - продолжал расспрашивать комендант.

Чегодаев отвечал на все вопросы, стоя смиренно и отчеканивая каждое слово. После этого комендант обратился ко мне с подобными вопросами. Получив и от других такие же определенные ответы, он задумался.

- Ну что же мне делать? - как бы спрашивал сам себя войсковой старшина. - Я вижу и верю, что вы в этих полках были, но как мне быть, если у вас не имеется настоящих документов? Вы же сами говорили, что сфабриковали их собственными руками! Ну, хорошо, - продолжал он, - сейчас я отправил арестованных в Камышевку, с ними идет один конвойный, так я вас попрошу следовать за ними, позади конвойного. Конвойный вас препроводит к войсковому старшине Макарову, в его распоряжение вы и поступите.

Нас предупредили, что хутор Камышевский находится всего в 2-х верстах отсюда, но что дорога тяжелая, потому что идти нужно песками вдоль берега Дона.

Комендант со своей стороны был прав, но понятно также и то, что и наше самолюбие страдало, ибо в мыслях мы не рисовали себе ни-

каких неприятностей по присоединении к казакам и были уверены, что с момента перехода все пойдет гладко.

Михаил Борель
(Продолжение следует)

- - оОо - -

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ.

- 1-го июня 1804 г. - Род. М.И.Глинка, знаменитый русский композитор.
3-го июня 1864 г. - Присоединение к России Западного Кавказа.
8-го " 1799 г. - Родился великий русский поэт А.С.Пушкин.
12-го " 1672 г. - Родился Император Петр 1-й Великий.
13-го " 1224 г. - Битва на Калке и начало татарского ига.
15-го " 1915 г. - Скончался поэт К.Р. (Великий Князь Константин Константинович).
20-го " 1799 г. - Победа Генералиссимуса Суворова при Требнии.
24-го " 1812 г. - Вторжение Наполеона в Россию.
25-го " 1841 г. - Убит на дуэли великий русский поэт М.Ю.Лермонтов.
25-го " 1645 г. - Умер Царь Михаил Феодорович.
28-го " 1886 г. - Скончался А.Н.Островский, великий русский драматург.
28-го " 1873 г. - Присоединение Ташкента к России.
30-го " 1882 г. - Скончался генерал М.Д.Скобелев (Белый генерал)

- - оОо - -

ГОДЫ БРЕДУ Я...

Годы бреду я тропкою неторною,
Путь мой ложится везде,
Только с душою своею непокорною
Я без России - нигде...

Те же здесь звезды сияют лучистые,
Звезды - родные мечте,
Те же цветы расцветают душистые,
Те же, да только... не те...

Мучит меня моя доля никчемная,
Гасну без Родины я...
Бродит за мной моя мука бездомная,
Русская мука моя...

А.Балашев.

- - оОо - -

ГЕНЕРАЛ ТИМАНОВСКИЙ.

Впервые я увидел Николая Степановича Тимановского в дни зарождения Добровольческой Армии. Мы все, явившиеся в Новочеркасск на Барочную улицу № 36, восхищались "быховцами" и к их числу присоединяли и полковника Тимановского. Хотя он и не был в заключении, но его роль охранителя узников была известна. Вокруг его имени уже сложилась легенда, и я жаждал увидеть одного из "самых награжденных", как говорили, полковников русской армии. Знал я немало и его прошлую историю.

Выйдя добровольцем (гимназист 6-го класса) на Японскую войну, он получил два Георгия и пулю в спинной хребет. Эвакуированный, он лежал в госпитале, почти в безнадежном состоянии. Государь обходил тяжело раненых и остановился около молодого вольноопределяющегося.

- Когда вы поправитесь, - спросил Государь, - то что вы намерены делать?

- Служить Вашему Величеству.

Ответ понравился Государю, и он приказал принять расходы по лечению на Высочайший счет. Лечился Николай Степанович долго, но железная натура взяла свое, и он поправился настолько, что впоследствии прошел Офицерскую гимнастическую школу.

Великая война - и подвиги за подвигами в рядах Железной дивизии. Мне рассказывали, как Николай Степанович, еще не оправившись от очередного ранения, повел батальон 13-го стрелкового полка в атаку против немцев - в белой рубашке, опираясь на клюшку. Вероятно, с этого времени подполковник Тимановский и превратился в "Степаныча".

Итак - Новочеркасск, Барочная улица; я разговариваю в маленькой комнате с "сэром" Аладыным и пресловутым матросом Баткиным, удивляясь, отчего он матрос и откуда у него такая развязность, как входят сюда же доктор Г.Д.Родичев и полковник Тимановский. Высокий рост, атлетическое сложение, ясные, голубые, близорукие глаза за очками и слегка развалистая походка, такая странная для пешотного офицера - все говорило о силе и простоте, составлявших такой резкий контраст с поведением Аладына и Баткина.

Первый Поход. Степаныч - помощник генерала Маркова. Сергей Леонидович Марков, всегда скачущий, всегда восхищающийся, яркий, огненный - и невозмутимый, молчаливый, со смешинкой в глазах, всегда пеший полковник Тимановский. Какие имена, какие люди! Где все это?!

Во время Первого похода мы Степаныча недостаточно оценили, да и не гудрено, так как нами командовал генерал Марков, а рядом с ним все меркли. Но характерно то, что из плеяды блестящих офицеров генерал Марков выбрал себе в помощники Тимановского. Штаб генерала Маркова состоял из "Степаныча" по оперативной части и "Гаврилы" (доктор Г.Д.Родичев) - по инспекторской. Вся канцелярию и все сумы полка этот последний носил всегда при себе в сумке через плечо.

Во Втором походе Николай Степанович командовал уже Марковским полком. Славные бои под Кагальницкой, Тихорецкой... Особо памятные славные для Степаныча бои под Кореновской - той самой Кореновской,

где столько было пролито крови еще в Первом походе... Наш полк изнывал от потерь. Наступление наше захлебнулось. Отдельные слабодушные бойцы отходили. Критический момент. Неожиданно в полк прибыло небольшое пополнение кубанцев. Генерал Тимановский наспех построил этих не сбитых еще в воинскую часть людей, можно сказать - толпу, и повел в атаку, увлекая личным примером. Перелом наступил. Мы победили.

Мне трудно привести какие-нибудь красочные по внешности эпизоды из боевой службы Николая Степановича, потому что у него было так все обыденно, просто... Степаныч в бою был всегда спокоен, все видел, все знал. Под его взглядом и треск становился храбрым, потому что в его присутствии и выстрелы, и пение пуль - все это казалось каким-то "домашним" и безопасным... Чего же бояться, когда все происходит так, как нужно? Полк обходят большевики справа? Вот это хорошо: резервная рота сможет ударить им во фланг, а команда разведчиков их потом атакует и будет рубить...

Моя близость с Николаем Степановичем началась в Екатеринодаре, осенью 1918 года, где полк оставлен был на отдых после Второго похода. Почти каждый вечер я обедал в штабе полка. Степаныч, истинно русская душа, очень любил всегда большое общество за столом, хорошее пение и застольную беседу. Любил выпить и пил много, но не пьянел, а только оживлялся. "Градусом" он облегчал свои недомогания от бесчисленных ранений. Всегда радушный хозяин - за столом у него царил непринужденное настроение. Нехитрая закуска, "рыженская" водка, подкрашенная иодом, дружеская беседа. Помню, капитан Салтыков и доктор Ревякин поют дуэтом "Уж вечер, облаков померкнули края...". Тимановский слушает, склонив голову на бок. Потом хор затягивает русские песни... Внезапно, как бывает, водворяется молчание, все затихает, как говорится - "дурак родился". Степаныч, глядя куда-то вдаль, начинает басом речитатив из "Бориса Годунова"...

В Екатеринодаре влиты были тогда в полк большие пополнения. Поэтому, пользуясь отдыхом, усиленно велись строевые занятия. Как бы поздно ни легли, а рано утром полковник Тимановский уже обходит, все смотрит, бодр и свеж, как огурчик.

Начались тяжелые бои под Армавиром. Находясь в резерве, я соскучился по командиру и пошел его навестить на курган, на котором он находился дено и ночью, руководя боем. Верхушка кургана уже была сбита, и вообще дело было жаркое.

- Здравия желаю, господин полковник!

- Ты чего, Боген?

- Соскучился, господин полковник.

- Врешь, небось наливки захотелось? Ну, пей, только не всю.

У Степаныча всегда висели на поясе маузер и фляжка с "фельд-маршальской" наливкой - спирт на красном перце. По поводу этой "наливки" вспоминается мне один случай. Во время Второго похода мы грузились впервые на железную дорогу. Маленькая платформа, ветер, холодище. Степаныч подпрыгивает и подшучивает над окружающими. Подходит полковник Кутепов.

- Что, Александр Павлович, холодно?

- Холодно, Николай Степанович.

- Хотите наливки?

- Конечно.

Степаныч радушно отстегивает фляжку и угощает. Никогда не забуду ужаса на лице Кутепова (вообще ничего не пившего) и веселого блеска в глазах Тимановского.

Когда ему дали бригаду и генеральский чин, то в сердцах марковцев боролись два чувства - огорчения, что Степаныч уже не наш командир, и гордости, что он уже бригадный генерал. Вскоре генерал Тимановский был откомандирован для формирования Отдельной Одесской бригады. Попал он в Одессу сразу в очень сложную обстановку - политики, интриг, местных самолюбий. Но нисколько не потерялся, умел быть корректным и строго исполнял порученное ему дело, хотя мы, молодые, и будировали, и удивлялись, что он безоговорочно подчинялся самозванному, как нам казалось, одесскому начальству. Зато, когда греки и французы начали уходить и предоставили нас самим себе, Степаныч сразу стал начальником единовластным и уверенным. Начался отход в Румынию с полусформированной бригадой, сначала походным порядком, потом на пароходах. В Румынии тоже не легко пришлось. И хотя Тимановский дипломатию разводить не умел, но наше русское достоинство сохранить сумел и категорически отказался, на требование румынских властей, сдать им оружие.

Из Румынии бригада морем была перекинута в Новороссийск. Вышли на фронт, и очень скоро Степаныч получил 1-ую пехотную дивизию, в которую входил и наш родной Марковский (офицерский) полк.

Начались непрерывные бои. Поход на Москву. Я не стратег, конечно, но на мой взгляд строевого офицера Тимановский великолепно справился с командованием, несмотря на то, что дивизия очень разрослась и насчитывала девять отдельных частей.

Вспоминается случай в Белгороде, где довольно долго стоял штаб дивизии. На фронте произошел прорыв, и в городе стало очень беспокойно. С минуты на минуту ждали, что могут появиться красные, и началась паника. Генерал Тимановский был уверен, что прорыв удастся ликвидировать, но в самом городе войск у него не было, а панику нужно остановить. Тогда он приказал вызвать на вокзал оркестр 1-го полка, и первые звуки браурного фанфарного марша произвели успокоение среди жителей, которые поняли, что раз штаб "веселится", то опасности нет.

Когда "цветные" были развернуты в дивизии, Степаныч получил Марковскую дивизию. С нею мы дошли до Орла.

Когда началось отступление, особенно сказалась доблесть Тимановского. Он не только не пал духом, но в обстановке поистине трудной и тяжелой умел поддержать его в своих полках и, отступая, продолжал бить большевиков.

Еще из Курска я был командирован в Одессу и при конце Степаныча не присутствовал. Он заболел тифом. Долго не хотел поддаваться болезни, никто не мог уговорить его эвакуироваться. Лечения не признавал и "лечился" сам - пил спирт и ел снег. Такого лечения даже его сердце не выдержало....

Возвращаясь из командировки, в Новороссийске я узнал, что наш фронт - на Дону, что Марковская дивизия в последних боях почти вся уничтожена, что генерал Тимановский умер.

Впервые за всю гражданскую войну я почувствовал, как мое сердце замерло и оборвалось... И в моей душе навсегда все эти несчастья слились в одно.

Всеволод Богенгардт.

СМЕРТНИК.
Рассказ-быль.

Шталмейстер (придворный чин 3-го класса) Александр Александрович Ветров, в полный разгар революционной анархии в Петрограде, - счастливо выехал с последним экспрессом Петроград-Тифлис в Кисловодск для продолжения лечения раненого сына Дмитрия - корнета одного из гвардейских кавалерийских полков.

Революция выдавила их из Кисловодска, и они нашли себе прибежище в Екатеринодаре, через две недели оставленном Кубанским Правительственным отрядом, в который влился и корнет Ветров.

При соединении с армией Корнилова корнет Ветров перешел в офицерский эскадрон конницы генерала Эрдели и в конной атаке под Екатеринодаром был убит со своей родственницей баронессой Бодэ. Оба украшали эскадрон, оба горели энтузиазмом жертвенности во имя Отчизны и оба, как свечи, погасли перед Алтарем Родины.

Отец Ветров, оставшись одиноким и желая быть полезным Армии, все время искал занятий, и, наконец, при начале Второго похода, ему удалось пристроиться при полевом госпитале в качестве простого санитаря. Впоследствии доктор всегда говорил, что Александр Александрович необходим в его госпитале, как воздух.

Раненые и больные боготворили Александра Александровича, который неустанно был занят в госпитале - он находил и рубашку, и бинты, и еду голодному и из флакона с водочкой, настоянной на лимонной корке - смотрел, чтобы не видел доктор, - иногда давал одну рюмочку больному для подкрепления сил.

- 0 -

Развивался успех Второго Похода, и госпиталь уже переехал на узловую станцию Тихорецкая, где был уже и штаб Главнокомандующего.

В направлении на Екатеринодар шли суровые бои. От Тихорецкой до Платнировской белые, стоявшие против красных, однажды обнаружили красных в тылу, а на следующий раз красные обнаружили белых в своем тылу. "Кровавая кадрили" (иногда это называли слоеным пирогом), естественно, обеим сторонам приносила сюрпризы особенные. Но в то время Главное Командование в стратегических ходах имело полное преимущество против красных, тогда еще "гаврилок", и всегда выходило из положения достойно и выгодно.

В это время, в такой перетасовке позиций, в районе под Коровинской в непроходимой болотистой речке Кирпили завязла и была поймана группа красных в восемь человек, разыскивающая свои части, во главе с политическим комиссаром Ветковым, прямо подчиненным Троцкому. Комиссар выявил свое высокое образование, знание иностранных языков и назвал себя инженером. Его одного оставили в живых и отправили в штаб армии в Тихорецкую.

Через два дня допросов комиссара Веткова Вадима приговорили к повешению.

Солнечным утром конвой вел смертника в железнодорожный садик, где были детские качели - закинут веревку через качели, обхватит петля шею и потянут...

Александр Александрович в это утро был в штабе Армии и, возвращаясь в госпиталь, увидел в садике висящего мертвеца. Какая-то непреодолимая сила влекла его к повешенному... Он остановился около...

Да, это Вадим!

... Сделав над собой усилие, со слезами на глазах, едва держась на ногах, возвращался Александр Александрович в госпиталь и шопотом повторял:

- Вадим... мой сын...

В госпитале Александр Александрович, как подкошенный, опустился на табурет. Его обступили - уж не обморок ли?

- Что случилось, Александр Александрович?

- Дайте опомниться, дайте прийти в себя. Расскажу после!..

- о -

- Повешенный комиссар Вадим - это мой сын! Не осудите меня, это наше фамильное несчастье, несчастье векового рода Ветровых. Неудачник Вадим был буйного, дикого характера и терял над собой контроль после третьей рюмки водки. Спился... потерял себя полностью. В припадке пьяного безумия одним приемом задушил кабатчицу. Семь лет каторжных работ он отбыл, когда революция сравняла всех уголовных и политических и возвратила их из Сибири, чтобы углублять революцию. Не многие знают, что все тюрьмы в России представляли из себя высшие политические институты. Вот пример этого мы видим на моем сыне.

... Моя жена, мать Вадима, от горя сгорела в чахотке; после этого я потерял Дмитрия - мне жаль его: я его отец, но я горд, что мы заплатили жизнью сына, павшего в атаке под Екатеринодаром, за Родину.

... Вадим же - наш позор и горе - не вызывает во мне жалости к нему!...

И Александр Александрович снова как бы впал в забытие.

Потом, дав ему время несколько успокоиться, Александра Александровича учтиво спросили - а если бы он знал, что это его сын, - просил ли бы он о милости к нему?

Ответ был категорический:

- Нет и нет - никогда, потому что мы - Ветровы!

А фамилию "Ветков" Вадим принял по случаю каторги.

... Окружающие еще сильнее проявили полную свою любовь к Александру Александровичу, столь в жизни пораженному тяжелой драмой.

И.Г.Игов.

- - оОо - -

ЛИК РОССИИ.

С какой тоской, с какой скорбью
Гляжу на лик страны родной,
Залитой жертвенною кровью
За хаос жизни мировой.

Но если ты, страна родная,
Воспрянешь именем Христа,
Тобой спасется, Русь святая,
Вся наша грешная земля!

"Часовой" № 361, 1956 г.

К.Т.

- - оОо - -

ПО ДОРОГЕ НА МОСКВУ.

Период долгих, тяжелых, непрерывных боев в Донецком бассейне прошел, и разгромленная 13-ая советская армия спешно откатывалась, а части Русской Белой армии выходили из бассейна на широкую Московскую дорогу.

3-ья батарея Марковской артиллерийской бригады под командой полковника Лепилина в составе других частей вошла в город Волчанск. Здесь переформировалась на 18-фунтовые английские орудия, пополнилась добровольцами и через несколько дней уже принимала участие в наступлении на город Белгород, Курской губернии.

Белгород был занят, и население, особенно молодежь, действительно восторженно встретило армию. Ряды частей опять основательно пополнились добровольцами.

Приезжал главнокомандующий генерал Деникин и принимал парад войск. Армейская молодежь обрадовалась возможности отдохнуть в культурных условиях, повеселиться, поухаживать, потанцевать. Ведь хотелось взять от жизни хоть немного радостей, и для многих это были последние радости.

Устраивались вечеринки, балы, куда охотно приходила молодежь. Однажды на одном балу в помещении женской гимназии случилось курьезное происшествие. Бал был в полном разгаре, и во время танцев звуки прелестного вальса оборвались. Публика в недоумении, оркестра нет, исчез, как по мановению волшебной палочки. Оказалось, что духовой оркестр со всеми инструментами был украден. Долго над этим смеялись, но для любителей потанцевать это было большим огорчением.

После сравнительно короткой передышки для войск в гор. Белгороде наступление на север продолжалось, и части уходили на фронт.

Между тем, офицерский и солдатский состав 3-ей батареи наслаждался полным отдыхом. Кони батареи набирали тела. Было приятно гулять по Красной улице (старое название улицы, как красивой), встречаться с барышнями и объясняться в вечной любви. Никакое начальство батареи не беспокоило. Так прошел почти месяц. Части дивизии где-то воевали, а батарея сидела в Белгороде.

Однажды ночью офицеры батареи, возвращаясь вместе с командиром батареи подполковником Стадницким-Календо с какой-то вечеринки, встретили едущий навстречу экипаж. Экипаж остановился, и из него вышел никто иной, как командир артиллерийской бригады полковник Машин.

- Полковник Стадницкий-Календо, что вы здесь делаете и почему вы не на фронте? - спросил полковник Машин.

- Нахожусь здесь, господин полковник, с батареей.

- Как так?

Командир бригады тотчас же пригласил полк. Стадницкого-Календо в Управление бригады. Явился адъютант поручик Канищев и заспанные писаря и выяснилось, что, действительно, целый месяц 3-ей батарее никаких приказаний не посылалось. Оказалось - забыли целую батарею: четыре орудия, десять офицеров и двести солдат.

Этой же ночью 3-ья батарея Марковской артиллерийской бригады выступила на фронт, вошла временно в состав частей Алексеевской пехотной дивизии и проделала с нею все наступление до Верховья и также трагическое отступление на юг.

Из всех сотен деревень и сел, пройденных за время наступления и отступления, село Верховье в особенности осталось в памяти, а именно из-за географического его положения.

В пересеченной местности поселения выбирают себе большей частью ложбинки, но село Верховье выбрало себе особенную ложбинку. Оно тянулось узкой, длинной полосой, имея на юге и на севере сравнительно узкие выходы - горловины. Направо и налево, то есть на восток и на запад, село было ограничено сплошными, крутыми склонами. Вот это-то положение села и портило настроение командира батальона полковника Дьяконова.

Задачей отряда было только занять село и оборонять его, но не продвигаться дальше. Пехота отряда с помощью взвода батареи сбита противника на буграх на востоке и на западе и прогнала его. Все, что было советского в селе, дабы не быть отрезанными, стремглав вылетело из северной горловины. Бугры вокруг села были непроходимы для артиллерии, и взвод в свою очередь быстрым темпом через село выскочил из северной горловины, чтобы поддержать огнем свою пехоту.

Через пару дней противник, собравшись с силами, повел наступление, сбил пехоту на буграх и обходил село.

Взвод артиллерии стрелял до последней возможности, потом ичался по селу в южном направлении, чтобы проскочить южную горловину. Такая свистопляска продолжалась несколько раз, и это "туда-сюда" определенно не нравилось командиру батальона полковнику Дьяконову. Видимо, он опасался потерять артиллерию и, как некоторую меру предосторожности, предложил вывести взвод батареи из села.

Командир батареи подполковник Стадницкий-Календо это отклонил - главным образом, из-за водооя и кормежки коней.

Но прав был старый опытный полковник - командир батальона. Однажды на рассвете противник сбил наши заставы и почти закрыл южную горловину, а в селе взвод батареи стоял не запряженным. Капитан Леонтьев, Александр Михайлович, с командой конных разведчиков задержал противника и этим дал взводу возможность выбраться.

Вскоре общее наступление армии продолжалось и село Верховье осталось позади.

Хочу упомянуть о городе Шмери, потому что здесь был бой исключительной наглядности и типичный для того времени, когда незначительные силы белых войск разгромили противника, во много раз сильнее. В настоящем кратком очерке я не описываю весь бой, а даю лишь отдельные сценки, картины боя. Наступавшие силы белых состояли примерно из двух батальонов Алексеевской пехотной дивизии. Батальоны были далеко не полного состава. Командовал отрядом, кажется, князь Гагарин, но всюду распоряжался блестящий офицер капитан Бузун.

На рассвете левый фланг отряда опрокинул противника и пошел в обход города. Неприятель поспешно отступал. Недалеко от небольшой деревни, проходя по бревенчатому мосту через протекавшую здесь речушку, одно орудие провалилось через мост в реку. Я был оставлен здесь, чтобы, вытянув орудие, потом догнать отряд, который продолжал наступление. Выслав в деревню своих людей с приказанием привести местных крестьян, чтобы они помогли вытащить орудие из неглубокой, но вязкой речки, я занялся обзором происходящего вокруг.

Был прекрасный солнечный день и хорошая видимость. Из города выезжала масса людей. В семикратный английский бинокль было отлично видно, как огромная колонна повозок в 3 и даже 4 ряда, конных, пеших и даже орудий - в панике, более чем поспешно отходила.

Недалеко от моста, где я стоял, тоже пронеслись отдельные повозки и отдельные люди. Оставив двух солдат у орудия, которое было в реке, и взяв ездовых и номеров на подручных конях, я поскакал, чтобы захватить идущие навстречу повозки. Со мною было и несколько конных разведчиков батареи. Сопротивления почти никто не оказывал. Было захвачено штук десять повозок.

Между тем крестьяне из деревни с помощью каната вытащили неповрежденную пушку, и я, вернувшись и захватив орудие, двинулся к отступающей колонне. Скоро все наличные снаряды были израсходованы. Появился капитан Бузун и указал еще несколько целей, но снарядов не было, так как запас ушел с батареей.

Картина была поразительная: тысячная масса в панике отходила от наступающих нескольких сотен белых солдат в центре, сотен двух-трех ушедших вперед с батареей на левом фланге и, возможно, стольких же на правом фланге.

Отряд опрокинул противника, но, чтобы захватить всю эту массу людей, повозок, орудий в тянущейся до горизонта колонне, вероятно, нужно бы было дивизию конницы.

Верховье, Орловской губернии, было последним крупным населенным пунктом, взятым частями Алексеевской пехотной дивизии при наступлении на север.

При дальнейшем продвижении по селам и деревням выяснилось, что на этом участке уже советского фронта нет. Фронт распался.

Батальон, с которым работал взвод 3-ей батареи Марковской артиллерийской бригады, под командой полковника Лепилина, применил новую тактику. Батальон занимал какое-либо село, и оттуда отдельные роты с пушкой шли по другим селам и деревням в экспедицию, захватывая остатки красных частей, и возвращался к батальону. Во время одной такой экспедиции на роту, идущую колонной, наехала линейка. Среди ехавших на линейке оказался бывший матрос, партийный политический работник. Проснулась ли в матросе православная русская душа или им руководили особые соображения, но он охотно указал оставленные в тылу Белой Армии коммунистические ячейки. Впоследствии он служил в рядах Белой Армии и был потом также в Галлиполи.

В другом случае, по указанию пленных красноармейцев, одна рота пошла без дорог по полям в тыл одного села. Была сухая осень. Неожиданным для противника ударом село захватили. Взяли в плен штаб бригады, командира бригады полковника Константинова, бывшего кадрового офицера Императорской Армии, охранную роту и обоз. Захваченные офицеры (служившие в Красной армии) служили потом в наших частях. Судьбу полковника Константинова решили пленные красноармейцы, говорившие о нем с исключительной ненавистью из-за жестокого обращения с ними. Надо признаться, что до самого своего конца... бывший полковник Константинов держался с достоинством.

При дальнейшем наступлении батальон наткнулся на организованное сопротивление при попытке взять село Б. Батарее была дана задача обстрелять окопы противника перед селом и сбить наблюдательный пункт с крыш деревенских домов.

В батарее были два брата, поручики Кожуховы, которые заявили, что они из этого села, что там находятся их семьи и что батарея стреляет по их домам. Был отдан приказ прекратить атаку села Б. и Армии - отступить. Начался отход Белой Армии на юг.

Южная окраина села Б. была самым северным пунктом, достигнутым частями Алексеевской пехотной дивизии при продвижении по широкой Московской дороге.

Николай Прюц.

- - оОо - -

ПАСХА В ЛЕЖАНКЕ.

19 апреля 1918 года, пройдя железную дорогу, разогнав в Горькой Балке большевиков, мы пришли в Лежанку, замкнув после двух месяцев свой путь борьбы за "русский светоч".

Большевики из Лежанки поспешно ушли, забрав с собою несколько сот мобилизованных жителей этого села. Мы здесь еще в недоброй памяти: у жителей много страха, еще не забыт февраль, когда мы с боем брали это большое село и когда человеческая жизнь валилась, как листья в осеннюю пору. Бабы, однако, через пару часов освоили положение и смело начали всякие военные и партикулярные разговоры.

Заняв Лежанку без боя, мы вели себя сугубо мирно, и это очень расположило к нам женское население села.

- Вот, не тронули их, и они никого не трогают, - резюмируют они положение. Они соглашаются, что при большевиках нет жизни, никакого нет закона и порядка; забирают скот, имущество, мужиков; заставляют всех рыть окопы, нагоняют страху и всякого туману... - Но и с вами страшно... - заключают они.

Мы искренно смеемся, и от этого им становится легче. Они даже хлопают нас по плечу и тоже смеются. И страха уже нет.

На другой день наша хозяйка откровенничает больше:

- Они все же - свои... да как посмотрю на вас - тоже не чужие... - и улыбается. Потом, переходя на попят, докладывает:

- Бают, что вы и царя везете с собою...

- Нет, царя у нас нет, - отвечаем мы, - а вот князей много, но они тоже, как солдаты, со штыками ходят, и нет у них ничего, кроме вшивой рубашки.

Ну, да что там говорить, все равно хозяйка не поверит. Я показываю на Хованского. Хозяйка не то сердобольно, не то недоверчиво качает головой и умолкает.

Когда же на другой день Хованский умывается, хозяйка ему сует чистый ручник.

- Чего же ты князю? - замечаем мы. - Ты что - за старый "прижим", что ли?!

Хозяйка, смущенная, машет рукой и уходит на двор.

Генерал Богаевский со своей бригадой ушел на Дон; оказывается, на Дону, действительно, восстание казаков. Теперь в арьергарде мы - первая бригада. Большевики, верные себе, чтобы не дать отдыха ни своим частям, ни нам, беспокоят нас своими непрекращающимися наступлениями.

Мы лежим в окопах на околице села и отгоняем большевиков "беспокойщиков". Накопившись, большевики повели наступление. Мы подпустили их совсем близко, но они не выдержали этого нашего зловещего молчания, залегли и начали пятиться назад.

В это время на их левом фланге появился Черкесский конный полк, и большевицкие части побежали. Пехота обрушилась на противника фланговым огнем, и получилась всегдашняя картина большевицкого уничтожения. Чтобы окончательно отбить у них охоту к беспокойству, наш взвод сел на повозки и погнался за бегущим противником.

Километров за пять нас встретили довольно организованным огнем. Мы спешили и, не останавливаясь, бросились в атаку на "ура". Красные опять побежали, отстреливаясь и прячась за углы построек и плетни. В одной улочке мелькнула группа "тельняшек", одна из них повернулась и из большого "маузера" дала несколько выстрелов. Кто-то из-за плетня выстрелил под самым ухом. Мы бежали доброй рысью, забыв свои полузакрытые раны. Большевики оглядываются и временами стреляют, но страх и сознание того, что "кадеты" (так они называли добровольцев) преследуют упорно, парализуют точность огня. В результате и "маузер", и другие револьверы и пистолеты поступают на наше вооружение. Опять появляются черкесы и преследуют противника на Медвежье.

Хутор Медвежье должен заплатить нам контрибуцию, но так как жителей нет, разверстку производим мы сами. Берем не в прок, а для пасхального стола. У всех сразу появляются хозяйственные знания и даже таланты.

- Это тебе не на "ура" идти, - заявляет один такой хозяйственник, - здесь надо "мозгой" вобочать и надо знать, которая мука - крупчатка, а которая - мягкого помола... Для куличей употребляют мягкую.

- И которая курица и которая утка, - добавляет другой. - Для пасхи очень годится павлин.

Словом, птица всевозможных заглавий и роста, поросята разных величин, сметана, сливки, масло, яйца, и еще что-то, и еще - еле вмещаются в возы и быстро и осторожно упаковываются.

- Не хватает только миндаля, изюма и ванили, - замечает длинный варшавянин-Кексгольмец.

- Ты вот поминдальничай, так живо попадешь в лапы к "товарищу" Троцкому, - парирует финляндец Меллер.

Наша хозяйка и две другие хозяйки нашего постоя пекут и жарят, как для настоящего Светлого Праздника, ожидаемого после семи-недельного поста... Находится и краска, и мы не протестуем, когда получают "красные яички".

Наша хозяйка - та, что любит поговорить о напрасности "братоубийства" - из железного резерва выволакивает что-то питьевое.

- Какая же это будет солдату Пасха без вина? - заключает она.

Нам гвардейский взвод 3-ей роты Офицерского полка - восемнадцать человек - занимает участок у околицы хутора, шагов сто в одну и столько же в другую сторону от Медвежинского тракта. Дома крайние: когда надо, выбегаем мы из домов и занимаем свою позицию. Теперь мы на хозяйственных работах, но дежурные следят за степью, а хозяйки - за куличами, дабы во-время вынуть их из печи.

В субботу, незадолго до крестного хода вокруг храма, начал собираться для наступления пресловутый Медвежинский уезд.

Стемнело. Я лежал на земле около окопчиков и, поднявши воротник шинели, дремал. В пяти шагах от меня лежал мой брат и все время наблюдал и прислушивался к движению в большевицком лагере.

- Не спи! Не спи! Они всего в двадцати шагах и - слышишь? - ползут к нам.

Я на мгновение всматривался в темноту и опять дремал.

- Идут! Бегут! - нервно крикнул брат и выстрелил в темноту.

Загремели выстрелы по всей околице, затарахтел ротный пулемет.

Я нервно сжал винтовку и ждал...

- Что за атака без "ура"? - думал я. - Это не в серьез...

Но мимо промелькнула темная фигура, хотел стрелять, но опоздал, - и скрылась в нашем тылу. Тогда, ставши на колени, я начал вглядываться в темноту.

- Господи Боже! Теперь молиться бы, а ты тут шныряешь штыком, -- подумал я.

В это время передо мной выросла тень, и если бы я машинально не выбросил штык вперед, она бы меня задавила. Тень вскрикнула и скатилась куда-то в сторону. Я ждал других - но две-три промелькнули вне поля моего действия, и скоро все успокоилось.

Подошел брат, стали искать заколотого, но его нигде не было.

Утром после боя все выяснилось: перед нашим участком лежало пять или шесть человек убитых или тяжело раненых, но не видно было ни одной винтовки. Оказывается, мобилизованные жители села Лежанки оружие побросали еще раньше и шли налегке, чтобы попасть домой еще до крестного хода.

Разговлялись утром. Черкесы-магометане несли весь этот день дозорную службу.

Хозяйки считали нас уже почти что своими. Пасха такая же у них, как и у нас. Носят на шее крест, а главное - не шарят по модам... Они заговорщически нам улыбались и, подмигивая своим мужикам, говорили:

- Вернулся таки с посева...

Что он сеял - не было известно, а также не было важно в этот Светлый День.

Своему мужику мы отдали его питье.

- Так, ваше высокоблагородие... - опешил он, - тогда уж выпьемте вместе!

Выпили вместе, а хозяйка вытерла губы и похристосовалась с каждым, перед каждым вытирая передником губы; христосуясь же с князем Хованским, вытерла губы дважды.

Так встретили и отпраздновали мы первый день Пасхи в 1918 году. А на второй день мы выступили походом на Дон.

Аргентина.

И.Эйхенбаум.

СТАРАЯ РУССКАЯ БЫЛЬ.

Степи Кубани. Дорогою жесткою,
Грязь разрезая и лед,
Тихо повозка ползет за повозкою
В первый Кубанский поход.

С песней унылою, с песней скрипучею
Тащится их караван;
Небо одето свинцовою тучею,
Красный клубится туман.

Может быть, там, где полоскою узкою
Сходятся небо и твердь,
Рать Добровольчества, Рать Святорусскую
Ждет, притаившись, смерть.

С верой в Корнилова, с верой глубокою,
Красному зверю в отпор
Вышла на битву она одинокою,
Смерть предпочтя, чем позор!

Движимый силой желанья заветного
Красный рассеять угар,
С ней под полотнищем стяга трехцветного
Едет Великий Бояр.

В страстной погоне за Синею Птицею
Рать не падит своих сил,
Тянутся сзади нее вереницею
Холмики свежих могил.

Степь широко-широко расстилается...
Чу! Отголосок глухой!
Это опять впереди начинается
Новый губительный бой.

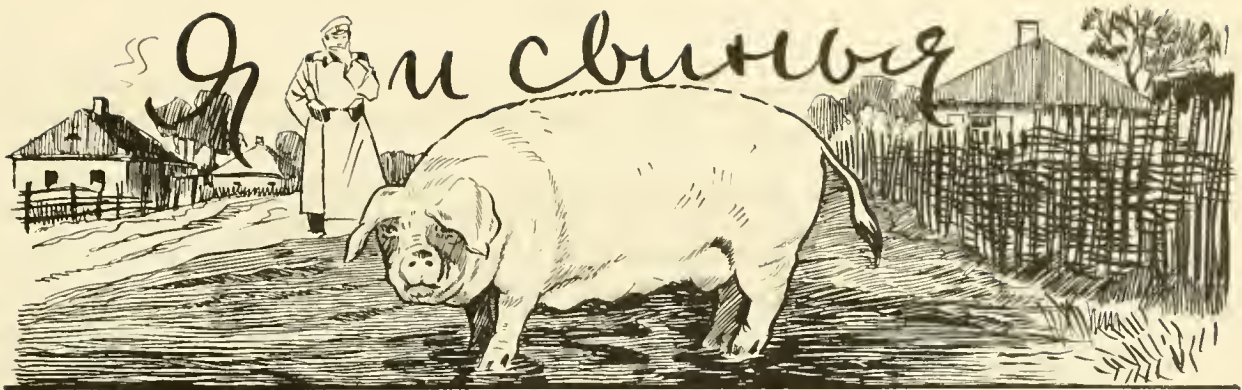
Плотно срослися ладони с затворами,
В цепь разошлись юнкера.
И далеко над степными просторами
Громкое слышно: - Ура!

Вечны картины сражения жаркого,
И меж стрелковых цепей
Всюду фигура виднеется Маркова
С верной нагайкой своей.

И за мелькающей белой папахою,
К стану заклятых врагов,
Как ураган, неудержной атакою
Рвется детина штыков!

Пение пуль, треск гранат оглушительных
Белому воинству вслед...
Стелется чудная цепь упорительных
И бесконечных побед!

Степи Кубани, все солнцем залитые...
Возле дороги ковыль
Шепчет, склоняясь, давно позабытую
Старую русскую быль...

Если, базируясь на наименовании этой своеобразной повести, кто-нибудь предположит, что героями ее являются двое уже упомянутых в заглавии лиц, то он ошибется только в том, что назвал их героями, ибо в свинье нет ничего героического — свинья есть просто свинья; что же касается до другого персонажа, то в поведении его тоже не было ничего героического, а одна только легкомысленная игра духа.

Вкратце остановлюсь на описании места, обстановки и всей декорации, окружавшей и украшавшей излагаемое мною происшествие. Так сказать, создам рамку для будущей картины и, кстати, поставлю на ней и дату... Да ведают потомки православных... 17 марта 1918 г., станция Ново-Димитриевская.

Стаял два дня тому назад покрывавший ее снег и превратил в непролазную грязь кубанский чернозем на ее немощеных улицах; только вдоль домов вытоптаны узкие тропинки. Со стороны улицы почти до колена поднимается отвесная стена грязи, местами сваливающейся на тропинку. Идешь, как по траншее. А идти необходимо, и потому необходимо, что в сердце теплится надежда на д-ра Ривякина в смысле приведения к нормальным размерам моей распухшей до непозволительных размеров физиономии: два дня тому назад, при взятии станицы, она слегка пострадала от встречи с красной пулей. Рассказывали мне потом, что, падая, я сделал ни на чем не основанное заявление: — я убит! — Са я этого не помню, ну, а если и вправду сказал, то должен сознаться, что только похвастался. Зубы-то мне, конечно, выбило, но зато я сам, остальной, в данном случае выздоровел.

Итак, иду я в полковой околодок; а расположился он в том же квартале, рядом со штабом роты, за углом. Что уж там со мной делали, не помню. Может быть, только то и сделали, что утешили и назад в роту отпустили. Вышел я, и только собрался по узкой траншее домой возвращаться, ан вижу... дорога моя неодолимым препятствием перерезана: лежит передо мною большая свинья и тушей своею путь отступления мне отрезала. Хоть в грязь лезь! И лежит она ко мне задом, с видом величайшего равнодушия. Попытался я было ногой ее толкнуть, но она и не шевельнулась. Посильнее толкнул. Она только задними ногами шевельнула и продолжает лежать. Начал я пинками ее бомбардировать. Поднялась она, сперва легкой рысцей вперед побежала, а потом снова легла. Подошел я к ней и опять повторил свою бомбардировку. И она свой маневр повторила, то есть опять лежит. И вот тут-то зародилась во мне некая коварная мысль. Сам я тогда есть ничего не мог и одним молоком изредка удовлетворялся, но что такое вкусный кусок свинины — ясно себе представлял. Так вот, захотелось

мне свой взвод угостить. Грех небольшой, а идея хорошая! Да и до помещения взвода недалеко оставалось: до угла шагов пятьдесят, да за ним столько же.

Поднял я свинью обычным способом, а за нею и сам в легкую рысь перешел, чтобы не дать ей остановиться. Вдруг слышу над собой монотонный и грозный голос полковника Плохинского:

- Прапорщик Рейнгардт, куда вы свинью гоните?

Поднял я голову и вижу прямо перед собой в открытом окне ротного командира, гневно наблюдающего картину нашего единоборства.

- Господин полковник, свинья сама бежит! - и в произнесенной мною ответной фразе, и в ее интонации сияет, в чистоте звезды утренней, святость и чистота моих намерений.

Но, видимо, недавние мои агрессивные действия не укрылись от проинициательного взора полковника Плохинского, а подозрительная натура его заставляет подозревать коварство моих замыслов. А свинья? Это вполне заслуживающее свое прозвище животное опять спокойно улеглось на дороге и, кажется, не собирается двигаться дальше.

В тяжелом раздумьи, опершись на винтовку, в трех шагах от ротного командира, не смея более беспокоить ее величество свинью, дабы не навлечь на себя грома и молнии, стою над нею в ожидании, и мне даже начинает казаться, что, пользуясь его солидной протекцией, она умышленно показывает мне свои жирные окорока и ехидно думает: - "нако-сь, выкуси!"

Если посмотреть со стороны, то невольно встает перед глазами то, что именуется в театре "немая сцена": лежит свинья, стоит позади нее офицер, и полувысунулась из окна фигура полковника Плохинского. Свинья ничего не выражает; офицер - полную растерянность; полковник - гневливое любопытство. Долго длится эта немая сцена. Не стоять же до вечера над проклятой свиньей?! Нужна диверсия!

Стал я ее слева обходить, а правой ногой пинка ей дал, чтобы она с тропинки в грязь не бросилась, а прямо вперед побежала. По моим расчетам полковник Плохинский видеть моего маневра не мог, а покорность моя сама собой в глаза бросалась: идет, дескать, человек деликатный и свинью пытается сторснкой обойти! Что ж тут подзрительного? А позади снова монотонный голос:

- Прапорщик Рейнгардт, оставьте свинью в покое!

Обернулся я и вижу, что полковник Плохинский на полксерпуса из окошка высунулся и конечно диверсию мою разглядел, так что я и отвечать ничего не стал: все равно не поверит.

Опять повторилась немая сцена, но только с той разницей, что полковничья фигура еще дальше из окошка вывесилась - как не вывалится? - а мы со свиньей в старой пеще засыпали: она на тропке лежит, а я над ней верным часовым стою, покой ее охраняю. Дослушался!

Думала ли свинья, что снова ей задом своим пострадать придется, или ничего не думала, но только поднялась она и вперед пошла. Прошла с десятков шагов и остановилась, очевидно раздумывая, следует ли ей продвигать движение. Я же на месте остался, дабы не укреплять переходящих в уверенность подозрений полковника Плохинского. Стою я и не оборачиваюсь, но уверен, будто глазами вижу, что еще и дальше высунулся он из окна и не упускает из виду ни сажени поля боя и расположения на нем противников.

Свинья же подумала, подумала и дальше пошла, и всего-то в каких-нибудь десяти шагах от угла находится. А как раз у угла грязь обвалилась и свободный выход из узкой траншеи возможен, да и другая опасность имеется: а ну как вместо того, чтобы направо свернуть, она налево отправится? Там другая траншея на другую сторону улицы вела.

Обернулся я и сразу убедился, что все мои предположения насчет полковника Плохинского полностью оправдались. Видно, что до самозабвения заинтересовался человек! Двинулся и я вперед, но нарочно как можно медленнее и свинью в зад гипнотизирую: направо! направо! То ли гипноз на нее подействовал, то ли самой ей так захотелось, но только она направо за угол свернула, хотя и по моему желанию, но однако без моего содействия - я за ней шагах в двадцати в то время находился, так что полковник Плохинский теперь собственными глазами мог убедиться в моем полном бескорыстии. Для большей убедительности я еще тише пошел: я, мол, сам по себе, а свинья сама по себе, и друг другом мы не интересуемся! А мозги мои, хоть и в распухшей голове, а дело свое делают: соображают. И сообразили они, что раз свинья за угол свернула, то деваться ей больше некуда, и что как только я за углом буду, то тут и мне на рысь перейти можно и ей скорости прибавить.

Так, не торопясь, дошел я до угла и вижу, что на мозги жаловаться не приходится: свинья, действительно, в пяти шагах впереди на тропинке лежит. Ну, тут-то я ее тотчас же на рысях атаковал и в бегство обратил. Так мы с нею в галоп до двора нашей хаты и прискакали. Объяснять своим, в чем дело, не приходилось: они и сами тотчас же догадались - тоже не лыком шиты! Поручик Ершов - Вуколыч - сразу на себя все остальные хлопоты принял, да и другие ему помогли. Двор хаты был отгорожен плетнем, за которым огород находился, а огород в свою очередь с другой стороны, от степи другим еще плетнем отгорожен был: вот за этот-то второй плетень ее и потащили для ликвидации.

Я же в хате остался, подозревая, что полковник Плохинский, того гляди, во взвод заглянет, дабы убедиться в добром здравии интересующей его особы. Так оно и вышло! Визит полковника Плохинского не заставил себя ждать. Во дворе никаких следов пребывания свиньи обнаружено не было, а в хате - в мученическом выражении моего лица прочел полковник Плохинский такое страдание, что, вероятно, устыдился за свое чудовищное предположение. Я как раз против зеркала сидел и, на самого себя глядя, тоже удивлялся: как же это меня до сих пор живым на небо не взяли? Ангелочек, да и только!

По уходе полковника капитан Згривец мне по секрету сообщил, что тот очень интересовался, не видел ли он во дворе свиньи, но что он ответил ему, что не приходилось встречаться, и добавил:

- Ох, слышь, расстреляют! - Ну, это-то я и сам знал!

Два дня подряд весь взвод свининой угощался - и Згривец тоже.

Однако, история на этом не закончилась. В тот же день приходила казачка с заявлением, что "кабанка загнали". Заплатили ей по-царски, но, по-моему, не слишком дорого: могло бы много дороже обойтись. Особенно мне.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
Капитана ВАСИЛЬЕВА А.А.

Родился покойный в 1898 г. в патриархальной семье Ровенской губернии. Будучи гимназистом 5-й Варшавской гимназии, под влиянием домашних разговоров его родителей на патриотические темы о войне, уходит 16-летним юношей на фронт и поступает добровольцем в 272 Гдовский пех.полк. В марте 1915 года за боевые отличия переименован в младшие унтер-офицеры и награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени. Ранение и эвакуация временно прервали его боевую службу. Вернувшись в полк, унтер-офицер Васильев доблестно и честно несет свой долг русского солдата. Своей беззаветной храбростьюнискал себе уважение и любовь своих товарищей и всегда особо отмечался своим начальством. Неустанно, одним из первых вызывался охотником на

серьезные и опасные дела и успешно их выполнял.

В 1917 году, когда раздался клич генерала Корнилова, он поступает в 5-й Ударный батальон на Западном фронте. В скорости А.А.Васильев переходит в Георгиевский полк. Часто потом он вспоминал, что счастлив был связать свою судьбу с Корниловцами, с которыми он и совершает легендарный Кубанский Поход. Он понял и видел, как Корниловцы воспламеняли всех окружающих, в особенности молодежь, которая оставляла учебные заведения и рвалась вперед с песнями:

"Вперед, вперед смелее, приюты наук опустели...

.....
Так за Отчизну к заветной цели

Пусть каждый с верою пойдет!..."

Всю горячность своей натуры Анатолий Александрович перенес на борьбу с изменниками своей Родины, за Правду Белую и, как истинный Корниловец, жертвуя своей жизнью, увлекал других на бой кровавый, неравный бой за спасение Отчизны.

Первый поход, второй, поход на Москву и весь Крымский период капитана Васильева можно только видеть в строю, и всегда в сфере огня. Чужд ему был тыл с его характером. Он жил только фронтом.

Порою казалось, что он играет со смертью и будто бы вступил в единорство с нею. Шесть новых ранений прибавилось к прежним.

Унтер-офицерские нашивки сменились обер-офицерскими погонами, до штабс-капитанского чина. Возложенные на него ответственные задания он выполняет блестяще, с необычайным мужеством и хладнокровием, не взирая на губительный огонь противника.

Награждается орденом св.Николая Чудотворца. С такой краткой запиской о службе штабс-капитан Васильев покинул с родным Корниловским полком Севастопольский рейд и ушел к чужим берегам - в неизвестность.

В эмиграции Анатолий Александрович прибыл в Бельгию и был вынужден работать в шахте. Тяжело было лихому и боевому офицеру сменить офицерский мундир на шахтерскую куртку. Постоянная мысль о потере Родине в обстановке простого чернорабочего и беспросветность будущего повлияли на его психику:

"Когда мощный голос ничей уж не звучит,
Песня громко никем не поется
И у родимой страны нет уж такого певца,
Чтобы мысль пробуждал он, волнуя сердца"...

Не мог он вынести клеветы и извращения правды от вчерашних союзников по оружию и тяжких страданий Родины под гнетом красной нечисти. Все это вместе не могло пройти бесследно мимо Анатолия Александровича и в один из сумрачных вечеров, вернувшись из шахты, он пытался выстрелом из револьвера в висок покончить с собой. Его спасли, но он остался слепым на всю жизнь. И, покоровшись воле Господней, постепенно в тяжелом положении, вечно, как в "темном лесу", включился в жизнь.

Годы шли... Сглаживалось моральное потрясение, появлялся интерес ко всему окружающему, возвращалась и жизнерадостность. Он бодро проходил свой суровый жизненный путь и до последних дней сохранил свою любовь к Родине и русскому народу.

Его верный спутник, его супруга-бельгийка госпожа Луиза, на редкость глубоко верующая, добрейшей души человек, общительная и всегда готовая помочь, украшала их семью. Однако, полученные ранения кап.Васильева на фронте и "последнее в висок" не прошли бесследно. Здоровье было подточено, и болезнь сердца предвещала его смерть.

Умер он внезапно на руках любимой супруги и двух однополчан. Исключительно прекрасной души человек, благородный, добрый, благожелательный и ласковый в обращении, он верил в торжество Правды над Злом и в воскресение России. Не дождавшись заветной мечты, ушел от нас на вечный покой. Будем же свято хранить память о нем, с кем вместе боролись за спасение дорогой нам Отчизны.

Бельгия.

Г.А.Головань.

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ.

Из прошлого.

У генерала Дмитрия Ивановича Скобелева с сыном Михаилом Дмитриевичем были искренние и в то же время чрезвычайно комические отношения. Оба были в одних чинах, но сын оказался старше — командовал большим отрядом и имел Георгия на шее... Отца это радовало и сердило...

- Я все таки старше тебя, — начинал Михаил Дмитриевич.

- А я тебе денег не дам, — отвечал Дмитрий Иванович.

- То есть, как же так? — немного опешив, спрашивал сын.

- Да так, не дам, живи на жалованье...

Белый генерал менял тон:

- Папа, какой ты красивый...

- Ну-ну, пожалуйста...

- Расскажи мне о венгерской кампании... Господа (обращаясь к окружающим), отец у меня молодчина, и в моих жилах его кровь течет...

- А я все-таки денег не дам...

Михаил Дмитриевич очень любил сына, но такие сцены постоянно разыгрывались между ними.

Однажды Скобелев-отец приехал в Зеленогорскую траншею к сыну.

- Покажи мне позиции... где у тебя тут опасней?

- Ты что же, набальзамироваться хочешь? Или старое проснулось?

- Да что же я, генеральские погоны даром ношу? — и старик выбрал один из опаснейших пунктов и стал на нем.

- Молодец, папа, — подхватил сын, — весь в меня!..

- То есть, это ты в меня.

- Ну, дай что-нибудь моим солдатам.

- Вот десять золотых...

- Мало, папа...

- Вот еще пять...

- Мало...

- Да сколько же тебе?

Белый генерал обращается к солдатам:

- Ребята, мой отец дает вам по полтиннику на человека... Выпейте за его здоровье...

- Рады стараться... Покорнейше благодарим, ваше превосходительство!

- Старик поморщился. Собираясь уезжать и на прощанье сказал сыну:

- Ну, уж больше к тебе не приеду.

- Опасно?

- Вот еще... не то — ты меня разоряешь: сосчитай, сколько я должен прислать теперь!..

- Удивляюсь, отец, смерти не боишься, а над деньгами дрожишь.

Белый генерал был очень суеверен. На Зеленых Горах, в ночь на 6-ое ноября Скобелева контузили. Приезжает встревоженный отец, сын в постели... больной совсем.

- Ну, наткнулся, наконец, — выговаривает Дмитрий Иванович, — и чего суешься?

- Да все твой полшубок!

СКОБЕЛЕВ

Белый Генерал

Незадолго перед тем отец подарил Михаилу Дмитриевичу черный теплый полушубок.

- Возьми его обратно!

- Неужели ты веришь, что полушубок тебе принес несчастье?

В бою под Плевной Белый генерал бросается пятый раз в огонь. Его обступают солдаты.

- Ваше превосходительство...

- Что вам, молодцы?

- Невозможно на коне-то... все с коней посходили...

- Ладно, ребята, - и пробирается вперед верхом. Турки целят в него... рой свинцовых пуль.

- Чего, ребята, смотреть? - глухо ропщут солдаты, - ссади генерала с коня... этак ведь и убьют его...

Не успел Скобелев опомниться, как его сняли с лошади.

- Виноваты, ваше превосходительство, иначе никак невозможно.

Разгоралась перестрелка. Михаил Дмитриевич, как обычно, выставлялся на бруствере перед неприятелем... Вокруг него сейчас же сгруппировались ординарцы и штабные.

- Что вы, господа? пули дожидаетесь? - обращается к ним Скобелев.

- Мы имеем честь находиться при вашем превосходительстве, - отвечает один из ординарцев, прикладывая руку к козырьку.

Скобелев понял и расхохотался. Повторили в другой-третий раз.. Скобелев, пожимая плечами, должен был сходить с бруствера.

Кто-то из штатских спросил Скобелева:

- Неужели, генерал, вы не боитесь?

- Видите ли, душенька, вы имеете право быть трусом... солдат может быть трусом... офицеру, ничем не командующему, извинительны инстинкты самосохранения... Но от ротного командира и выше трусам нет никакого оправдания. Генерал-трус, по моему, анахронизм. Я не требую, чтобы каждый был безумно храбр, но в бою он должен исполнить свою обязанность.

Скобелев любил прямоту, даже доходящую до дерзости. Ординарцы его не стеснялись.

- Вы капризничаете и без толку придираетесь! - отрезал ему молодой ординарец.

- То есть как это?

- Как беременная баба.

Скобелев громко расхохотался.

- Вам, кажись, рано бы знать привычки беременных баб!..

В отряде Белого генерала не практиковалось вешать кресты на прислугу. В других крестами шеголяли денщики и кучера разных генералов. Круковский, денщик Скобелева, живший с ним в траншее, раз было заикнулся...

- Ступай в строй и заслужи. За чистку сапог кресты не вешают.

После третьей Плевны идет Скобелев по Бухаресту, поравнялся с офицером... худой, в пыли, мундир старый.

- Какого полка?

Тот сказал.

- Что здесь делаете?

- Обедать приехал, наголодались там на позициях...

- Где же обедать будете?

- Да не знаю... заходил я... дорого невозможно... да и как войдешь в хороший ресторан? Стыдно показаться...

- Вот еще! Стыдиться боевых лишений да трудов! Пойдем со мной.

Скобелев берет офицера под руку, ведет в ресторан, угощает, знакомит. Сытый и довольный офицер идет к себе в скромный отель. Приносят пакет с запиской: "Обедая, вы забыли около своей тарелки восемь полуимперялов. Денег терять не следует. Посылаю их вам. М.Скобелев".

Одна валашка, молодая, красивая и эксцентричная особа, наслушавшись рассказов про "Белого Генерала", написала ему восторженное письмо, в котором сообщила, что завтра явится к нему лично.

Письмо сожгли и о свидании забыли. На другой день Скобелев сидит у себя со старым генералом X, который надоедает ему длиннейшими рассказами "времен Очаковских и покоренья Крыма".

Входит лакей:

- Вас спрашивает дама.

- Какая?

- Вот карточка.

Скобелев вспоминает фамилию приславшей письмо. Вдруг явилась блестящая мысль: одним ударом избавиться и от генерала, и от румынской красавицы. Скобелев знает слабость почтенного генерала к хо-рошеньким личикам...

- Ваше превосходительство, выручите меня! Ко мне обратилась одна дама, мне некогда, совсем некогда, скажите хоть, что вы Скобелев, или просто извинитесь за меня, выручите!

Генерал X улыбается, ему нравится мысль.

- Я уж лучше скажу, что я - вы!

Генерал X выходит к румынке, Скобелев запирается и садится за работу. Спустя некоторое время X рассказывает свои впечатления.

- Помилуйте, дура какая-то. Я не таких видывал в 48 году в Венгрии. Что она думает о себе? Диво, что ль, какое? У меня в Се-гедыне была такая... такая была...

- Что же она сделала, ваше превосходительство?

- Посмотрела на меня, да как расхохочется... Ушла... болтала что-то по своему, сорока!

А румынка встретила генерала Черкас, командовавшего калафатскими каларашами, и сказала:

- Странное понятие у русских о молодости...

- А что?

- Скобелев по их понятию молодой генерал. Я его видела - просто старая обезьяна... Хороша молодость! Что же у них называется старостью?

В Плевне Скобелев занимал скромный небольшой дом. В первые дни своего пребывания Государь Император Александр Второй выразил желание позавтракать у Михаила Дмитриевича. Самого генерала не пригласили - он, как хозяин, только распоряжался. Скобелев принял это за немилость. После завтрака к нему обратился Император.

- Покажи ка мне твой дом! Вы, господа, оставайтесь. Войдя в другую комнату, Государь обнял Скобелева и поцеловал.

- Спасибо тебе, Скобелев, за все, за твою службу спасибо!

ПАМЯТИ УСОПШИХ.

- В Нейфиллахе (Австрия) 14-го мая с.г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался председатель Отдела Союза Участников 1-го Кубанского генерала Корнилова Похода в Австрии и представитель Союза на все Европейские государства - генерального штаба полковник Константин Николаевич НИКОЛАЕВ.

- o -

- В Сан Франциско, в Калифорнии, 17-го мая скончалась первопоходница Зинаида Валериановна Ильвова.

Покойная родилась 30-го мая 1893 года в Чернигове. В качестве сестры милосердия участвовала в 1-й Мировой войне. Участвуя затем в 1-м Кубанском походе, она несла службу в 1-м Офицерском генерала Маркова полку. Находясь всегда в опасных для жизни местах в походе, она самоотверженно, рискуя жизнью, оказывала первую медицинскую помощь раненым. По окончании гражданской войны уходит вместе с мужем - также первопоходником, лейтенантом флота Б.Я.Ильвовым - в эмиграцию. Переселилась затем в Сан Франциско, где и нашла место вечного упокоения. Мир праху ее.

- - oOo - -

Р О Д И Н А

Снесены твои обители,
Меркнет свет твоих икон,
Белый Храм Христа Спасителя
В пыль и камень превращен.

Все мечты твои поруганы,
Семьи все разорены,
Над дворцами, над лачугами
Веют крылья сатаны...

Но теплится вера в Бога,
И погибнет сатана,
Пойдет народ иной дорогою
И со знаменем Креста.

Ив. Гончаров.

-- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестника Первопоходника", редакция вынуждена была повысить годовую подписку на журнал до 3 дол.50 цент. (за границу с пересылкой - 4 дол.), а цену отдельного номера - до 35 центов.

- o -

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или исправлять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - №№ 6, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18-19 и 20, по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевистских фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - ooo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г.Л.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.В.Пухальский.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

- Капитан Ю.Рейнгардт, Марковского полка, обращается с просьбой к однополчанам дать сведения о чинах 1-й роты Офицерского полка, участниках 1-го Кубанского похода, и направлять таковые в редакцию журнала "Вестник Первопоходника".

СОДЕРЖАНИЕ № 21

	Стр.
1. Придите ко мне, - стих. Ад.Львовой	1
2. Крестный путь в Армию - М.Борель	3
3. Исторический календарь	6
4. Годы бреду я... - стих. А.Белашева	6
5. Генерал Тимановский - В.Богенгардт	7
6. Смертник - И.Игов	10
7. Лик России - стих. К.Т.	11
8. По дороге на Москву - Н.Прюц	12
9. Пасха в Лежанке - И.Эйхенбаум	15
10. Старая Русская быль - Ю.Рейнгардт	18
11. Я и свинья - Ю.Рейнгардт	19
12. Светлой памяти капитана Васильева - А.Головань	22
13. Белый генерал - Кн.К.	24
14. Памяти усопших	28
15. Родина - стих. Ив.Гончарова	28
16. От Редакции	29

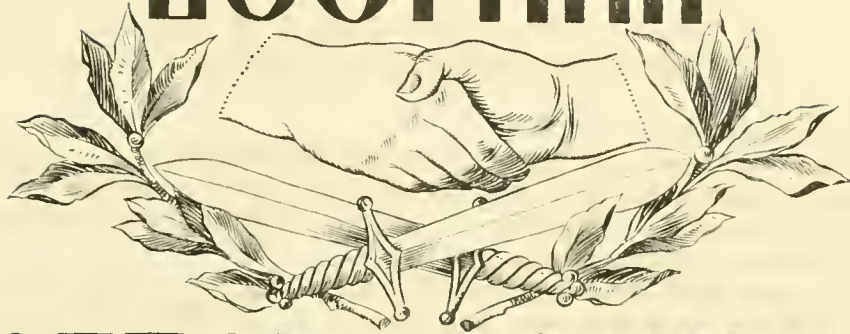

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

22

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК

ПЕРВОПОХОДНИКА

№ 22

Июль 1963 года

Ежемесячный журнал, посвященный 1-му Кубанскому походу,
истории Белых Армий и жизни первопоходников.

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KONNILOV'S VETERANS of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.

California non-profit Corporation
Charter # 434602

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

- - 000 - -

Вступая в 3-й год издания журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", редакция благодарит подписчиков-читателей за их благосклонное внимание к нашему журналу. Несомненно, есть некоторые недостатки, как в литературном, так и в техническом отношении, но редакция старается улучшить журнал и надеется преодолеть имеющиеся недочеты. Особенно важным для нас является увеличение тиража журнала, и для этого необходима помощь читателей в распространении журнала среди своих друзей и соотечественников, а также и материальная помощь пожертвованиями в фонд издания журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА".

Редакционная коллегия с настоящего номера приступила к расширению программы журнала. До сего времени в журнале печатались материалы, относящиеся к Белому Движению. Начиная с этого номера, редакция сочла необходимым открыть отделы: военно-исторический, художественно-литературный, поэзии, юмора.

Мы верим и надеемся, что читатели и все участники Белой Борьбы, начиная с 1-го Кубанского похода, 2-го, Степного, Дроздовского, Сибирского и др. походов и кончая Движением генерала Власова, сочувственно отнесутся к нашей задаче и всемерно помогут нашему журналу, присылая в редакцию свои воспоминания, очерки, статьи и другие материалы.

Наш девиз: "В ЕДИНЕНИИ И СОГЛАСИИ НАША СИЛА".

Редакция.

РЕМОНТ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОБОРА.
Обращение представителей Казачьих войск.

КазакИ, казачкИ!

Раздался недавно призыв старосты парижского Кафедрального Собора В.Н.Загоровского, обращающегося ко всем с просьбой о срочной помощи в деле ремонта собора, в главном куполе которого появились глубокие трещины, угрожающие храму.

Этот прекрасный Александрo-Невский собор в Париже, ценнейший памятник русского церковного зодчества и светоч родного Православия на чужбине, - является особенно дорогим и любимым храмом для всех россиян в эмиграции.

В этом соборе хранятся и наши казачьи сьятинИ: св.иконь Покрова Пресвятыя Богородицы и Донской Божией Матери и икона Знамени Терского войска.

Ежегодно в дни Войсковых праздников и в другие особо памятные для нас дни стежется в собор множество народа, казаков и казачек, для принесения всеобщего моления перед этими святыми иконами.

Но настал грозный час, и староста зовет всех россиян на помощь собору. Не потерпим и мы, казакИ, чтоб собор наш оставался под угрозой! И пусть наша казачья казна потечет к нему немедля и неударжимым потоком, - широким, как славный Дон, многоводным, как Волга и Кубань, бурным, как Терек и Урал! По нашей вере отеческой, по нашему обычаю казачьему, понесем и мы нашу казну к престолу Св.Александра Невского на укрепление и сохранение святого храма Божия.

КазакИ и казачкИ! Пусть каждый из нас отчислит на это святое дело самую большую меру от своих возможностей. Вдовица и неимущий - да не смутятся своей лептой, а зажиточный - да внесет и за себя, и за неимущего. Несколько десятков миллионов потребуется срочно на ремонт собора. Только в дружном порыве, все вместе, мы сможем обеспечить такую большую сумму. Да не смущается сердце наше - мы русские! Каждый казак должен откликнуться на этот зов.

Да воздаст Господь сторицею за всякую добротную жертву!

Представитель Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского
Генерал С.Д.Позднышев.

Представитель Войскового Атамана Кубанского Казачьего Войска
Полковник Н.И.Зайцев.

Представитель Войскового Атамана Терского Казачьего Войска
Генерал Г.П.Татонов.

Войсковой Атаман Астраханского Казачьего Войска
Полковник Г.М.Астахов.

Заместитель Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска
Полковник П.А.Фадеев.

Напоминаем, что взносы следует направлять:

1) На почтовый счет № 7.288.70 a Paris, Association Culturelle Orthodoxe 12, rue Daru, Paris 8.

2) Банковскими чеками на имя: а) Cathedrale Orthodoxe Russe 12, rue Daru, Paris 8, или б) Association Cultuelle Orthodoxe 12, rue Daru Paris 8.

3) Почтовыми мандатами и манда-карт на имя: Cathedrale Orthodoxe Russe 12, rue Daru Paris 8.

4) Взносами наличными у священников и в старостате собора.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ

(Продолжение, см. № 19, 20, 21)

Минут через 10 был наряжен конвойный, вывели арестованных, вышел к нам войсковой старшина и отдал распоряжение не считать нас за арестованных, объяснив, что мы добровольцы и что нас нужно только препроводить к войсковому старшине Макарову. Он коротко простился, пожелал всем нам всего лучшего и ушел, и мы сразу выступили в путь, с трудом передвигая усталые ноги по песчаному грунту, так как за этот день мы прошли около 40 верст. Шли мы минут сорок и часам к 7-ми подошли к дому, который занимал войсковой старшина Макаров, начальник всего отряда, действовавшего против большевиков.

Солнце уже спряталось за гору, наступали сумерки. Мы присели на окраине дороги в ожидании выхода войскового старшины Макарова. Все время издали доносился гул орудийных выстрелов; часто к дому подлетали ординарцы с донесениями; выходили офицеры и отдавали распоряжения и посылали дежурных штабных ординарцев к действующим сотням и отрядам. Наконец к нам вышел войсковой старшина Макаров. Он только утром был ранен в ногу в конной атаке, и его ранение отражалось на бледном и изможденном лице. Подойдя ближе, он ласково обратился к нам:

- Чем могу служить?

- Мы присланы в ваше распоряжение, господин войсковой старшина, - ответил Потемкин.

- Ах, да, вы те, про которых мне пишет комендант хутора Калач? Так что же вы хотите?

- Просить у вас бумагу об отправке нас в тыл к генералу Мамонтову, - сказал Потемкин.

- Как ваша фамилия? - спросил Макаров, обращаясь к Потемкину.

- Капитан 2-го ранга Потемкин.

- А это ваши спутники?

- Так точно, они следуют со мной.

И каждого из нас он попросил назвать свою фамилию.

- Хорошо, я распоряжусь. Запишите фамилии, - обратился он к адъютанту, стоявшему позади него, - прикажите написать удостоверение, чтобы этих офицеров не задерживали и оказывали содействие при их следовании в распоряжение генерала Мамонтова. Я сейчас подпишу.

- Слушаю! - ответил адъютант и попросил Потемкина пройти с ним в канцелярию штаба отряда.

Ждать пришлось около получаса. Получивши необходимые бумаги, мы собрались выходить из ворот. Но в это время вынесли уже на руках раненого Макарова и стали укладывать его на ожидавшую подводку.

- Станичники! - обратился он к стоявшим у ворот и подводу казакам. - Не падайте духом, а главное - будьте спокойнее, и тогда мы разобьем врага с Божьей помощью. Я уезжаю на ночь на перевязочный пункт, так как нога моя ранена, но с того берега буду следить за вашими действиями. С Богом, станичники, и не волнуйтесь! - закончил он, и подводка медленно покатила к парому через Дон.

Вслед за подводой двинулись и мы. До парома нужно было пройти около двух верст, но уже по более мягкому земляному грунту, так что этот маленький переход не показался нам трудным, несмотря на 43-ью версту. У парома уже поджидало много народу; стояли повозки,

выстроившись в очередь для погрузки, толпились люди и спокойно ожидали офицеры и вооруженные казаки. Подводы медленно вкатывались на паром и становились на указанные заранее места, а люди переходили по мостику поодиночке и устраивались в одном из еще свободных уголков.

Когда погрузка закончилась и паром был готов к отплытию, то для того, чтобы привести его в движение, приглашались мужчины из публики к двум большим колесам, которые вращались при помощи специально приспособленных ручек. Так как из присутствующих никто не выражал желания крутить колеса, то были привлечены мы.

- Пулей на колеса! - приказал нам Потемкин, и мы, втихомолку ругая всех казаков, приступили к работе.

Переплыли Дон. Сойдя с парома, мы отправились прямо к атаману хутора, который находился на самом берегу Дона. Атаман сейчас же отвел нас комнату в одной из хат и обещал к утру предоставить нам подводу для дальнейшего следования в штаб генерала Мамонтова.

Хозяйка дома оказалась приветливой, предложила нам умыться и вычиститься, а потом начала вытаскивать из печи всякую вкусную снедь. Все это нам показалось особенно приятным, так как мы в первый раз после долгих мытарств и лишений имели возможность спокойно, без всяких предосторожностей, в полной безопасности всем вместе сесть за обильный стол.

На следующий день, 11-го мая, в холодную, сырую и дождливую погоду мы выехали в станицу Нижнечирскую, до которой от хутора было расстояние свыше 60-ти верст. Это путешествие пришлось совершить в два приема, переночевавши в одном из многочисленных казачьих хуторов. Благодаря письменному пропуску, полученному от войскового старшины Макарова, в котором было сказано: "оказывать содействие при продвижении в штаб генерала Мамонтова", нам, действительно, удавалось без замедления добывать подводы и также пользоваться некоторыми льготными условиями для скорейшего продвижения. Но наше "пролетарское" одеяние и здесь сильно мешало. Казаки в большинстве случаев косились на нас и относились даже с некоторой подозрительностью.

На одном из хуторов произошел маленький инцидент с атаманом, который, взяв нашу бумагу, в повышенном тоне заявил:

- Почему вы без провожатого? Кто вас знает? Кто вы? Недавно таких поймали, которые выдавали себя за офицеров, но оказалось, что они настоящие большевики.

Но Потемкин не выдержал этого намека и, возмущившись, вскочил со стула и громко ответил:

- Я просил бы вас таких заявлений не делать. Если вам приказано верить и оказывать нам содействие, то вы обязаны исполнить это приказание в точности, черт вас возьми! В то время, когда вы еще сомневались и митинговали, идти ли вам за атаманом Калединым или нет, то я уже был ранен в голову и потерял свой глаз навсегда. Из-за своего ранения я не мог продолжать воевать в рядах Добровольческой Армии и должен был остаться в плену у большевиков. А теперь, вместо того, чтобы нам помочь добраться в станицу Чирскую, вы еще имеете наглость сомневаться, офицер я или нет. Я приказываю прекратить такие речи!

Казаки сперва даже смутились после таких слов, и только атаман нерешительно и как бы прося прощения возразил:

- Да я вообще так говорил. Мы знаем, что вы офицеры, да оно и так видно, что вы не простые люди, а офицеры. Я хотел сказать, что бывают такие, мы же не знаем, серые мы, и вы не обижайтесь.

И сейчас же после этого он обратился к молодому казаку, стоявшему в это время в избе:

- Поди скажи, чтобы сейчас же запрягали, чья очередь, и без всяких разговоров.

Молодой казак быстро выскочил за дверь, и весь этот инцидент благополучно закончился. Больше подобных случаев до самой станицы Чирской не повторялось.

13-го мая часов около 11-ти дня мы подъехали к зданию штаба ген. Мамонтова. Потемкин немедленно заявил дежурному офицеру о своем желании поговорить с начальником штаба и был в скором времени принят последним. Разговор его продолжался около получаса, а мы в это время ожидали его в приемной, разговаривая с офицерами штаба. Среди присутствовавших офицеров нашлось несколько кавалеристов, окончивших Николаевское и Тверское училища. После нашего рассказа о том, как нам не хотел поверить комендант хутора Калач, они немедленно сами приступили к расспросам, даже с некоторым оттенком поддукивания. Они обратили, главным образом, внимание на лошадей училищ, их названия и масти, вскользь экзаменовали по дислокации и мельком останавливались на командном составе. Когда мы почти точно называли клички коней, то один из офицеров заявил:

- Ну, теперь я головой и положа руку на сердце ручаюсь, что вы действительно были в Николаевском и Тверском училищах. Чтобы так знать, как вы знаете, формы полков и клички лошадей, нужно было на самом деле быть в училище, а кроме того - у вас типичные ответы юнкеров. Так что будьте спокойны, защитники у вас теперь есть!

Вскоре вышел Потемкин.

- Идете, господа, сейчас нам отведут квартиру.

Мы вышли, и один из писарей проводил нас к коменданту станицы, где нам выдали наряд на квартиру. После всяких умываний и чистки хозяйка угостила нас вкусным обедом, не без претензии на европейскую кухню. Так как за время путешествия приличный стол давно был выведен из нашего обихода, то этот обед вызвал целую бурю комплиментов по адресу хозяйки, и Владимир Николаевич Потемкин не утерпел. Помня старые заветы Вакха, что ни один приличный обед не начинается без водки, он немедленно потребовал таковую для подбодрения и во славу нашего благополучного присоединения к казакам, так что обед превзошел все ожидания.

После небольшого отдыха мы стали готовиться к вечернему выступлению на местном "корсо" (место вечерней прогулки на главной улице), чтобы постепенно снова приучить глаза к культурному обществу и обстановке. Перед гуляньем Потемкин забежал в штаб для выяснения некоторых насущных вопросов. Разговор оказался очень удачным. Мы узнали, что генерал Мамонтов разрешил намшить себе в местной швальне новое обмундирование, дав даже записку на выдачу нам фуражек, реиней, погон, белья и обуви. Нам это страшно обрадовало. Мы, наконец, получили возможность сбросить свои хулиганские костюмы и одеться в новое приличное обмундирование.

Михаил Борель
(Окончание в следующем номере)

Меврский Оазис

Дорогие соратники, разрешите мне быть очень гордым, тем более, что гордость моя покоится на прочном фундаменте "Очерков Русской Смуты" ген.Деникина.

Из чувства справедливости я уступаю половину моей гордости подполковнику Г.Н.Залеткину, в те поры поручику, ибо без его участия история эта никогда бы не вышла из казачьей хаты ст.Ольгинской, где 12-го февраля 1918 года располагалось 1-ое отделение 3-го взвода 1-й Офицерской роты.

Говоря о нелепых слухах о предполагавшемся движении Армии, ген.Деникин пишет: "Говорили даже, что мы идем в Меврский оазис!"

Скромный автор этих строк одновременно является и автором этого слуха.

Приступая к описанию истории Меврского оазиса, я должен начать с описания личности взводного командира кап.Згривца.

Ему лет под сорок; в офицерский чин произведен из подпрапорщиков за боевые заслуги; образование - начальное и вряд ли законченное; среднего роста; сильное, мускулистое тело; голова напоминает яйцо, откуда бы на нее ни смотреть; на гладко выбритом лице небольшие, коротко подстриженные усы; гимнастерка сидит на нем аккуратно, но как-то по-солдатски, без офицерского щегольства; в отличие от остальных офицеров роты он не имеет ни имени, ни отчества, а всегда только - "г-н капитан"; в разговоры, происходящие между офицерами, никогда не вмешивается, но постоянно тут же и внимательно прислушивается ко всему, что говорят - любопытен до крайности. Если разговор ему почему-либо не нравится, то он обрывает его: "Ну, вы! Вы, слышь, чтоб не того!"

Эта многозначительная фраза означает одновременно и предупреждение, и запрещение начатого разговора. Взвод любит его, но никогда не упускает случая посмеяться над ним, но не прямо - это слишком опасно - а для этого выработана особая система, заключающаяся в том, что для этой цели собирается кучка офицеров и начинает нести невероятный вздор, как только появляется Згривец и начинает прислушиваться, силясь понять, о чем говорят. Не проходит и минуты, как все раздражаются неудержимым хохотом. Згривец выпрямляется с видом оскорбленного достоинства и сейчас же приказывает чистить винтовки: - "Заместо, чтоб языки чесать!"

Меня он не любил по двум причинам: за мою немецкую фамилию и за то, что во всех случаях коллективного издевательства я являлся неизменным его участником. Выражал же он свою несимпатию ко мне всегда одними и теми же фразами:

- Что там ни говори, а Лингварт все-таки немец! - и: - Тебе только и дела, что ржать!

Ко мне, как и к другим прапорщикам, он обращался исключительно на ты.

В этот день отделение моего взвода, собранное в одну хату, изнывало от безделья. Кап.Згривец помещался с нами, и на него-то и обратилось мое опасное внимание в поисках каких бы то ни было развлечений.

Поручики Успенский, Паль, Недошивин, доброволец Платов и др., сидя на скамьях вокруг стола, спорили о направлении движения Армии. Я же был занят изысканием такого места, которое возбудило бы внимание и любопытство капитана Згривца.

- Эврика! Меврский Оазис!

Подготовка к выполнению задуманного плана была проведена с молниеносной быстротой: беглый взгляд в сторону пор.Успенского, легкое прикосновение ноги к сапогу пор.Паль, скошенные глаза по правилу: "в угол - на нос - на предмет" - для Недошивина и хлопанные среднего и указательного пальца по большому для остальных - объяснили каждому задачу.

- Да что там спорить, - небрежно произнес пор.Успенский, - идем за Синей Птицей, как сказал ген.Марков.

- Да, но нет ли тут намека, - бросился я прямо к цели. - Синие птицы водятся только в Меврском Оазисе! Я уже слышал, что мы идем туда!

- Верно! - вскрикнул Недошивин. - Так вот что это значит!

Згривец насторожился.

- Кажется, что так, да только воды там нет, - возразил кто-то.

- Как воды нет? А секретные водоемы, которые еще Чингиз-хан понастроил на сотни тысяч коней и людей!

- Верно! Значит, идем в Меврский Оазис!

- В Меврский Оазис! - подтвердили все хором. - В Меврский Оазис!

Згривец весь обратился в напряженное внимание, но не вмешивался, а только прислушивался, может быть, боясь попасться на удочку. Все предприятие грозило провалиться.

В этот момент в хату вошел пор.Залеткин, бывший в связи в штабе полка и теперь сменившийся.

- Жора, правда ли, что мы идем в Меврский Оазис? Ты ничего не слышал?

Быстро охватив обстановку, Залеткин подтвердил:

- Завтра выступаем в Меврский Оазис!

Появление Залеткина прямо из штаба полка придавало необыкновенный вес его словам, и Згривец не выдерживает:

- А где ж этот самый МЕРСКИЙ ОБАЗИС?

- В Туркестане!

Нижняя губа кап.Згривца сама собой вытягивается в дудочку, рот раскрывается и глаза округляются. Единственная фраза, произнесенная им, состоит из одного слова, выражающего всю бурю чувств и переживаний, которые овладели им при столь потрясающем известии:

- В о т !

Дикий, безумный, неудержимый смех охватил нас всех. Стонет, ухватившись за живот, пор.Недошивин; катается по постели в судоро-

гах громкого смеха пор.Успенский; пор.Паль, сидевший на лавке, прислонился спиной к стене и, задрвав кверху ноги, заливается истерическим смехом; присев на корточки и держась руками за пол, издает какие-то нечленораздельные, похожие на икание звуки доброволец Платов.

Згривец выпрямился:

- Ну, сейчас чтоб чистить винтовки! Чтоб вас далеко не носило бы! - надел шинель, взял фуражку и вышел из хаты.

Вернувшись через час с каким-то надменно торжествующим видом, проверил винтовки и сообщил, что отделение назначено на ночь в полевую заставу.

Холодно ночью полуодетым людям в открытой, занесенной снегом степи.

- Вот те и Меврский Оазис!

Вдруг к заставе подъезжают трое всадников. Узнаем ген.Маркова, д-ра Родичева и кап.Образцова. Начальник заставы шт.-капитан Крыжановский подходит с рапортом. Узнав, что это отделение 3-го взвода, ген.Марков весело справился:

- А, это, стало быть, вы? Ну, что вы там начудили?

Рассказали историю Меврского Оазиса. Ген.Марков хохочет. Хохо-чем и мы. Неожиданно на заставу приходит кап.Згривец, слышит смех, узнает ген.Маркова. Ген.Марков увидел Згривца:

- Веселые у вас люди, капитан.

- А чего им, ваше-ство, только и делают, что ржут. Вот теперь пусть померзнут, чтобы их в Туркештане не попало!

Теперь смеются и ген.Марков, и д-р Родичев, и Митя Образцов. А мы... мы ржем. Згривец насупился. Желая поддержать и утешить его, ген.Марков, указывая на кисть его раненой руки, спрашивает:

- Ну, как, капитан - работает?

- Работает, ваше-ство! - оживился Згривец.

Но он врет: кисть его руки остается неподвижной и три месяца спустя будет лежать она, такая же неподвижная, на его тоже уже неподвижной груди, закрывая собою маленькое отверстие от пули, пронизавшей его сердце.

Вот и вся история Меврского Оазиса. Все остальное есть только мое предположение о путях, по которым она дошла до штаба Армии и попала в "Очерки Русской Смуты".

Вероятно, ген.Марков рассказал ее в штабе, а ген.Деникин сохранил в памяти, как самый нелепый курьез, слышанный им в его жизни.

Ю.Рейнгардт
Брюссель.

- - оОо - -

" .. Первопоходники!... Сколько красоты, охватывающих душу юных чувств несет это слово!.. У нашего поколения оно и связано с юностью - весной нашей жизни."

М.Антонова.

- - оОо - -

ПОСЛЕДНИЙ ПАВЛОН.

В середине марта 1918 года, после соединения в Закубаньи Добровольческой армии генерала Корнилова с отрядом Кубанского правительства, объединенные силы отдыхали в станице Ново-Дмитриевской, готовясь к основной операции - переправе через Кубань и штурму Екатеринодара.

Отдых, впрочем, был не особенно спокойным и безмятежным. Станица со всех сторон была окружена красными, которые вели повторные атаки со стороны Григорьевской слободы. Да и с других сторон неприятель сильными разъездами шупал "кадетов", стараясь найти у них слабое место. Атаки большевиков отражались контр-атаками добровольческой пехоты, а кольцевое охранение станицы несли конные части - дозоры, разъездами и заставами.

Накануне выступления армии в дальнейший поход 3-й взвод 2-й Кубанской офицерской сотни - в котором я "подвизался" рядовым всадником - был всю ночь в заставе по дороге на станицу Георгие-Афипскую. Еще до рассвета мимо нас начали проходить наши части, задачей которых было перерезать железную дорогу и выбить противника из Георгие-Афипской. Нашей заставе было приказано прикрывать проходящую пехоту от возможного удара красных во фланг, от Григорьевской, а по прохождении последней части - свернуться и идти на присоединение к своей сотне. Сотня же входила в состав конной группы, направленной вправо от наступающей пехоты, с задачей прикрыть ее от неприятеля, занимавшего аул Тохтамукай, и от бронепоездов, появлявшихся со стороны Екатеринодара.

Было уже светло, когда мимо нашей заставы прошли последние лазаретные линейки и свернувшееся пехотное охранение. На фронте нашего наступления уже закипел огневой бой; слышались выстрелы и справа, куда пошла наша конница.

Я со своим "подчаском", моим одностаничником урядником Кузьмой Телегановым, был в дозоре в кустах, на левом фланге нашей заставы. От командира взвода подесаула Чигрина пришло приказание: оставить пост и присоединиться к взводу, который на рысях уже ушел догонять конный отряд. Посыльный сообщил, что из станицы уже ушли все наши части и что нам надо поторапливаться, чтобы не попасть в лапы большевиков, которые вот-вот войдут в станицу с противоположной стороны.

Пока мы добежали до своих лошадей, привязанных к какому-то плетню, пока отвязали их и сели в седла - посыльного и след простыл. Через канавы и межи, вдоль околицы станицы, поскакали и мы с Телегановым. Пересекли мы ту дорогу, по которой прошла в бой наша пехота, и вскоре вышли к другому выходу из станицы, откуда начиналась дорога на полустанок Энем: По ней, мы соображали, и ушел наш взвод. По ней вдогонку отправились и мы с Телегановым.

Утро было ясное; ночной туман рассеялся, и скакать по убитой грунтовой дороге было одно удовольствие. Вокруг все дышало спокойствием. Стрелкотание пулеметов и буханье пушек под Георгие-Афипской слышалось далеко влево и нас не касалось, а ружейная стрельба впереди и влево была редкой и как будто удалялась. За два дня стоянки в Ново-Дмитриевской наши кони отдохнули, и сами мы подправились после голодовки по черкесским аулам. Только в сон клонило после бессонной ночи в сторожевке. Сбавили мы аллюр и пошли шагом.

Местность была неровная. Дорога шла по низине, то поднимаясь на бугорок, то опускалась в очередную балку. А в полуверсте справа тянулся гребень, за которым, как мы знали, был аул Тохталукай. Мы также знали, что аул был в руках большевиков, но он был на порядочном расстоянии, а вот о том, что сейчас же за гребнем были какие-то "мушкетерские" хутора и что в них тоже накопились большевики, мы не имели представления.

Так прошли мы версты три; спускаясь в балку, мы только что решили подбавить ходу, чтобы поскорее догнать взвод, как увидели впереди лежавшего на краю дороги человека в защитной шинели. По его ненормальной позе было видно, что перед нами лежит убитый. Понукая заартачившихся коней, мы подъехали ближе и опознали в убитом "добровольца". Лежал он ничком, уткнувшись лицом в землю. Правая рука его подвернулась под тело, левая откинулась в сторону; одно плечо выше другого; защитная фуражка свалилась с окровавленной чернявой головы; в двух шагах лежала винтовка.

Чтобы по погонам узнать, к какой части принадлежал убитый, я объехал неподвижное тело и на приподнятом плече увидел родной мне юнкерский погон с вензелем Имп. Павла Первого, да еще с нашивкой младшего портупей-юнкера. С болью сжалось сердце: "Павлон", ведь, однокашник! И с гордостью: погиб этот юноша так, как полагается Павлону, — смотря смерти в лицо, в бою, с винтовкой в руках. И вспыхнуло в душе: нельзя же павловский погон оставить зверям красногвардейцам, которые вскоре последуют за нами по этой дороге; нельзя допустить, чтобы какой-нибудь мерзавец повесил погон славного Павловского военного училища на хвост своей кобыле, как тогда обычай был у красных. Посмотреть также захотелось, не остались ли на убитом какие документы, по которым можно бы было узнать, кто он и откуда, этот пошедший за Корниловым юнец.

И только что я вынул ногу из стремена, чтобы спелиться, как совсем близко, с гребня, что тянулся правее дороги, раздался выстрел, а за ним сейчас же второй, третий. Взглянул я вправо и увидел на гребне группу пехих, стрелявших по нас, и в тот же момент через бугор и чуть спереди нас перевалили человек десять всадников, понесшихся с заблестевшими на солнце клинками нам наперерез. Не успел я вдеть ногу назад в стремя, как Кузьма огрел моего коня плетью и оба мы, свернувши резко влево, поскакали по кустарникам к видневшемуся неподалеку перелеску. Конные большевики, доскакавши до дороги, остановились и за нами не пошли, а ограничились лишь безвредной стрельбой с коней.

Оторвавшись от этого врага, мы приостановились в "хмелечке" и начали ориентироваться. Учитывая, что наша конница, а с ней и наш взвод, имели задачей прикрывать правый фланг пехоты, мы сообразили, что искать своих нам надо там, где звучали за перелеском одиночные выстрелы. Направившись туда, мы через короткое время вышли на боковую заставу конной группы, а оттуда уже без особого труда нашли и свою сотню и взвод. Явились мы к командиру взвода, и он нам объяснил, что он со взводом шел на присоединение к отряду без дороги, на видневшийся у железной дороги перелесок. Дорога же на Энем отходила постепенно вправо, и если бы мы с Телегановым продолжали по ней двигаться, то в конце концов она привела бы нас прямо к большевикам. Посмотрели мы с Кузьмой друг на друга и клятву дали — никогда не забывать того Павлона, который уже мертвым спас нас от мучений и смерти.

Так, при этих вот печальных обстоятельствах, мне привелось увидеть в последний раз юнкера Павловского Военного Учмлица - "последнего Павлона". Погиб он, вероятно, когда наша пехотная разведка в темноте нарвалась на большевицкую засаду и под сильным огнем должна была отойти, оставив убитого на месте перестрелки. В темноте красные не обнаружили убитого и не надругались над его телом.

Много, много лет прошло с тех пор, и хотя "здравый ум" продолжает утешать, что спешиться в тот момент было бы равносильно самоубийству - так как от красных тогда уж не уйти бы - меня и до сих пор грызет тоска и совесть мучает, что не срезал я, на вечную память, погоны с плеч их носителя, а оставил их, как трофей, ненавистному врагу.

В. Черешнев.

- - оОо - -

СТУДЕНЧЕСКИЙ БАТАЛИОН.

Борьба - жестокая, жуткая - уже началась... И первые ее жертвы, московские юнкера, уже становились для нас примером высокого идеала, бескорыстного подвига. Радостно мы встречали тех, кому удалось пробраться на Дон. Мы - учащаяся молодежь Ростова, Нахичевани, Новочеркасска, Таганрога и других городов - не вся, конечно, а только часть ее, которая чувствовала больше сердцем, чем разумом, что пришел момент выбрать свой путь...

До конца 1917 года мы еще надеялись, что большевизм не привяется у нас на Дону. Но постепенно и эти надежды угасали.

- о -

Скромно, вначале одиночками, появились в Ростове и Новочеркасске первые корниловцы, с эмблемой "батальона смерти"; Чернецов стал во главе первых партизан, а подступы к Таганрогу защищались офицерскими ротами полковника Кутепова. Появились афиши с призывом - в Добровольческую Армию. Без прений, без собраний гимназисты, реалисты, коммерсанты старших классов оставили занятия, не дождавшись аттестатов зрелости, и шли записываться. Быстро сформированные две роты составили "Студенческий батальон". Правда, среди записавшихся голубых студенческих фуражек было всего две, но к чести русского студенчества нужно сказать, что университет (бывший Варшавский) был только что переведен в Ростов, а старшие сверстники наши либо носили уже погоны юнкеров, либо оказывались молодыми, но с боевым стажем офицерами. Они же и явились организаторами и первыми нашими учителями военного дела.

- о -

При вступлении в батальон спрашивали имя, фамилию и возраст поступающего добровольца. Некоторым из нас нужно было, проглотив язык, увеличивать на несколько месяцев свой возраст: полагалось 17 лет. На первом смотре батальона мы познакомились с нашим командиром, генералом Боровским. С первого же взгляда он завоевал наши сердца.

Статный, красивый, моложавый вид, простое, дружеское приветствие его произвело сильное впечатление. Проходя медленно вдоль строя добровольцев и внимательно останавливая глаза на каждом, генерал едва удерживал улыбку: на правом фланге стояли еще здоровые ребята, но на левом были дети.

- 0 -

В лазаретном городке у Ростова молодежь производила стрельбу и обучалась строю. До поздней ночи мы разбирали и собирали винтовку, приобщались к обязанностям часового, разводящего, к почитанию знамени, к долгу перед старшими. Счастлив был каждый из нас увидеть собственными глазами наших начальников.

Как просто и сердечно пришли к нам в лазаретный городок наши генералы Деникин и Марков... Как билось сердце при виде генерала Корнилова, частенько потом в походе заочно, на ходу беседовавшего с офицерами и молодыми добровольцами.

- 0 -

К концу января студенческий батальон нес уже обязанности ответственные: охрану банков, пороховых складов, почты и т.д.

Вечером Ростов был пуст и не освещался. Обыватели прятались за двойными ставнями и... многие из тех, чье место было в армии, подыскивали подходящие погреба... Марш добровольцев, идя на смену, не раз из-за угла, из темной улицы встречался одиночными выстрелами... Положение становилось тревожным. Наконец, вопрос разрешился.

Проходя по фронту добровольцев, выстроенных в казарме, генерал Боровский медленно, спокойно, скрывая волнение, произнес несколько простых, незатейливых слов:

- Предоставленной мне властью освобождаю вас от данного вами слова... Раньше, чем окончательно решить, вспомните еще раз о ваших семьях... Мы идем в тяжелый путь... Так решили наши вожди... Придется пробиваться по горам и степям... Быть может, на время мы уйдем далеко от наших родных мест...

- 0 -

9-го февраля (старый стиль) вечером Добровольческая армия покидала Ростов, уходя в Первый поход.

Медленно, с остановками, отходили мы по окраинным улицам города, которого многим не пришлось больше увидеть...

В Ольгинской Студенческий батальон, как отдельная часть, кончил свое существование: мы стали ротой образованного под командованием генерала Боровского особого юнкерского батальона, который впоследствии, после потери половины состава, был влит в 1-й Офицерский полк.

Боевое крещение под Кореновской, первые убитые и раненые... Тяжелые переходы, непрерывные бои, отрезанность от всего и всех. Но достаточно было увидеть впереди белую папаху генерала Маркова — и от минутной слабости и усталости не оставалось и следа...

Когда после исключительно трудного перехода от аулов к станции Ново-Дмитриевской, утро: по колено в грязи, под дождем, затем в снежной пурге, в буре, промокшие насквозь и к вечеру обледенев-

шие (шинели и бушлаты ломались, как кора на дереве) мы подошли к бурной Черной речке, преграждавшей нам путь, казалось, что уже сил не хватит перейти этот ледяной поток... Но на самой переправе, у места, где нашли брод, стоял он - генерал Корнилов - и еще перешучивался с окружающими его офицерами. Шуткой подбодрились те, у кого не хватало решимости первыми лезть в воду. И трудное оказалось таким простым и несложным.

Невыразимо велика была сила обаяния генерала Корнилова. И тяжелее всех снарядов поразила нас смерть его.

Велик был подвиг того, кто сменил генерала Корнилова на таком посту, кто сумел вывести Добровольцев из-под Екатеринодара и влить в них новую бодрость...

- o -

В мае месяце 1918 года в той же станице Егорлыцкой, откуда мы уходили в поход, не зная, когда вернемся, после нескольких дней настоящего отдыха, генерал Боровский обходил роты 1-го Общереволюционного полка. Вспомнив о тех, у которых он был первым командиром, генерал командовал:

- Бывшие в Студенческом батальоне, - три шага вперед марш!

Из оставшихся в строю и вернувшихся в строй после ранений (удивительно быстро заживались раны в походе) вышло человек тридцать - сорок...

Б. Сальский.

- - oOo - -

У О К Е А Н А.

Я вижу с дикого утеса:
Волна спешит догнать волну;
Волна к подножию откоса
Бросает пенную копну.

Как вдруг - не из нашего ль края?
Знакомая с детства на вид
Журавлиная сильная стая
Над этим простором летит.

Летит она, крыльями машет,
Все ниже и ниже полет;
Морозы трескучие наши
Не здесь ли она переждет?

Боже! Как бы хотелось весной
Оставить чужие места
И вместе со стаей такую
Вернуться в родные края!

Ив. Гончаров
Апрель 1963, Калифорния.

П Е Р Е Х О Д.

...идут себе веселые
в святой своей тоске..

Наступающее сырое и хмурое утро наложило свою тяжелую и неприятливую печать на мерно шагающего перед строем взвода полковника Плохинского, и оба они не считают пужным скрывать свое отвратительное настроение, и у обоих имеются на то серьезные основания.

Скопление на небе хотя и невидимых за темнотой, но угадываемых, низко ползущих туч грозит окончательно испортить настроение утра и побудить его излить на голову ни в чем не повинного взвода все свое неудовольствие, в виде мелкого и холодного дождя — по хорошему известному правилу: кому, кому, а куцому попадет!

Имеются свои серьезные основания и у полковника Плохинского: вот уже с десяток минут ждет он на сборном пункте опоздавшие туда 2-й и 1-й взводы и также угрожает обрушиться на голову того же несчастного "куцкого".

Это напряженное состояние так и кончается, как будто предвидено. Первым не выдерживает утро: с неба начинают падать, все учащаясь и учащаясь, капли мелкого дождя, вполне достаточные для того, чтобы переполнить чашу терпения полковника Плохинского. Теперь наступит очередь "куцкого", который, в образе прапорщика Кедрина, покорно принимает удары судьбы.

— Прапорщик Кедрин, вы сказали — приказание исполнено! Где же оно (следует скоромное слово) исполнено? Что ж ни один (следует

ет скромное слово) не собирается?

Здесь следует заметить, что употребление скромных слов полковником Плохинским обозначает степень его раздражения, а также и то, что и в этой области он обладает большими и ценными знаниями.

Бедный Хромьшкин (прозвище прапорщика Кедрина, конного ординарца и тяжелого инвалида) суетливо поворачивает своего Россинанта и исчезает в серой вуали идущего дождя, откуда в скорости появляется снова, с беспокойством в лице и в сердце и с обычной фразой:

— Господин полковник, приказание исполнено!

Проходит новый десяток бесконечно долгих минут, а обещанное явление все еще не состоялось.

Слово в слово повторяется монолог полковника Плохинского, и жест в жест — торопливый отъезд Хромьшкина, который, однако, на этот раз появляется в сопровождении двух опоздавших взводов.

Могуч и богат русский язык, но тот, кто не слышал в это утро высказанных полковником Плохинским необъятных знаний только в одной нелитературной части его, не может иметь о нем ни малейшего представления. Я и до сих пор удивляюсь стойкости капитанов Полякова и Палкова, приявших на свои головы этот водопад словесности и не лишившихся сознания, и объясняю это только тем, что...

...были люди в наше время!

Не то, что нынешнее племя,

Богатыри!...

После наскоро произведенного расчета и построения в походную колонну, двинулась в степь первая рота. Хорошо быть в третьем взводе, подалеже от полковника Плохинского, хотя уже и облегчившегося, но все же представляющего из себя известную опасность, которую очень верно определил один еврей, декламировавший стихотворение Надсона: ну, пусть себе жаровня скovyрнулаcь, а уголья еще жгуть!

Правда, в редакции автора эта фраза звучала: "Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает", но дело не в редакции, а в том, что сама мысль была передана точно, а если таки вышла себе маленькая перепутаница, то нельзя же придирааться ко всякой мелочи.

Итак — опять степь! Бесконечная широкая степь. Опять исполняют ноги свою нудную обязанность: шагать. Впрочем, не одни только ноги: исполняет ее и дождь, холодной струйкой проникающий за воротники шинелей; исполняют ее и носы идущих людей, ощущающие наступление в них оттепели, и ладони, пытающиеся уничтожить ее внешние признаки, и спины и плечи, которые в своем стремлении ввысь перерастают уши. Одним словом — весело! И долго-долго будет продолжаться это веселье, пока не подкрадет к идущей по дороге колонне сперва совсем маленькая, а потом все возрастающая и возрастающая отвратительная и ехидная тварь: усталость.

Ее поразительные способности, вскоре же после ее появления, позволяют ей внести полный беспорядок в раз принятые и добросовестно исполняемые обязанности: ноги перестанут шагать и начнут волочиться, руки, занятые до сих пор уничтожением внешних признаков начавшейся в носгах оттепели, будут крепко держать вдруг неизвестно откуда появившиеся нервы, стараясь не дать им лопнуть; оставленные без присмотра носы, лишенные возможности скрывать долее происходящий в них (химический или чорт его знает какой) процесс, дадут ему

возможность полного развития, а спины и плечи, отказавшись от желания перерости уши, ударятся в другую крайность, а именно - будут стремиться опуститься до высоты бедер. И еще многое что произойдет, что даст возможность капитану Згривцу любовно сравнить свой взвод с мокрым курьем на наместе!

Однако, для предупреждения появления усталости, давно уже выработана целая серия тактических приемов, и огонь по еще невидимому противнику открывается издали:

- Да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х!

Этот устрашающий и нелепый возглас приводит в беспокойство взводного, который бросает тревожный взгляд на едущего впереди ротного, но, убедившись в том, что полковник Плохинский не собирается оскорбиться по адресу возопившего, успокаивается и сам. Через пять минут тот же могучий возглас оглашает степь:

- Да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х!

- Лингварду опять возжа под хвост попала, - говорит Згривец, более для профоры, да и на случай, если взъерепенится полковник Плохинский.

Тем не менее, это начало открытия военных действий в целях устрашения усталости увенчивается несомненным успехом, и после седьмого или восьмого "да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х" - перестает тяжело сопеть прапорщик Штемберг, улыбается капитан Згривец, жохочет смешливый доброволец Платов и, пользуясь наступившим антрактом, готовится для приготовления второго действия веселый поручик Недошвина. Предвидя это действие и зная его наизусть, и все остальные собираются принять в нем участие в скромных ролях хористов.

Главную роль во втором акте играет прапорщик Вася Тихомиров, вокруг которого сосредоточивается многоголосый хор под управлением Недошвина, начинающий исполнять всем известную арию из всемирно известной оперы:

- У Васьки четыре ноги!

Но тут хор прерывается тоненьким голоском дисканта, не могущего допустить упущения хотя маленькой, но важной подробности:

- Пятый - хвост!

Хор начинает сначала и опять забывает упомянуть о хвосте, что тотчас же ставится ему на вид дискантом. В этой упорной борьбе между хором, видимо не желающим останавливаться на мелочах, и дискантом, считающим эту мелочь чрезвычайно важной, и состоит все второе действие, причем продолжительность его прямо пропорциональна числу оставшихся верст, о точном количестве которых никто не имеет ни малейшего представления.

Героем третьего акта является прапорщик Игнатов, по прозвищу "Архиерей", рассказывающий о своем обучении искусству чтения их сельским дьячком, по забытой теперь и, слава Богу, исчезнувшей системе, когда буквы именовались Аз, Буки, Веди и т.д. и когда надо было сперва назвать имя буквы, затем другой, затем слога по именам букв, затем самый слог, и производить эту операцию до окончания фразы. Галimatya подучалась удивительная. Но то, в чем состояла ее прелесть, было тоже не менее удивительно: "Архиерей" умел составлять такие фразы, которые не могли быть прочитанными - по старой системе - не только в присутствии барышень, но и более опытного датского элемента, хотя в нормальном чтении имели самый безобидный характер.

Но кончился и третий акт, а все еще не кончилась степь, и вообще неизвестно, собирается ли она кончатся; во всяком случае, при- творяется бесконечной.

Хм... Что бы еще выдумать? Рассказать разве какую-нибудь солдатскую сказку?

Много рождалось их во время переходов, и пользовались они тоже большим и заслуженным успехом, несмотря на то, что сюжет их бывал очень небогат своим содержанием, а главную роль играли простонародные выражения, в большинстве забытые и мало кому известные, и воскрешение которых встречалось общим одобрением. Но прибегнуть к этому последнему средству не удалось, так как внезапно появившийся ген.Марков принял организацию дальнейшего развлечения на себя.

- Назар Борисович (полк.Плохинский), ведите роту для охраны железнодорожного переезда!

Это известие обещает, во-первых, возможность часа два просидеть на земле, хотя бы и мокрой, а во-вторых - бесплатно присутствовать на интересном спектакле единоборства орудия капитана Шперлинга или подполковника Миончинского с красным бронепоездом, где победа не оставляет ни малейшего сомнения, а царица полей принимает в нем участие не в качестве страдательного элемента, а в образе восторженного зрителя, награждая аплодисментами окончание каждого рунда, если и не всегда кончающегося нок-аутом противника, то неизменно выигрываемого по очкам.

Получив приказание ген.Маркова, рота ускоренным шагом вскоре достигает переезда, не имеющего ни шлагбаума, ни будки сторожа. Линия железной дороги идет по очень невысокой насыпи, уходя в обе стороны в ровную степь, насколько видит глаз. Сзади на рысях подходят два орудия и становятся у переезда. Одно из них обращает свое жерло и внимание направо, другое - налево. Рота располагается соответствующим образом, разделяясь на два амфитеатра, в пятидесяти шагах позади каждого орудия. Спектакль обещает разыграться на двух сценах.

В своем законном нетерпении и уже готовые кричать - "время!" - и топтать о землю ногами, двумя далекими и глухими взрывами, означающими подрыв полотна и заменяющими в данном случае удары гонга, зрители оповещаются о поднятии занавеса и начале представления.

Перед сотнями жадно влившихся глаз медленно открывается наполненная артистами обширная и глубокая сцена.

В своей роли первого любовника генерал Марков занимает центр авансцены на самом переезде и, похлопывая нагайкой по голенищу своего сапога, смотрит на проходящие мимо него пехотные части. В глазах идущих людей ясно видна завистливая горечь пасынков судьбы перед благодетельствованной первой ротой, которая хотя и ощущает некоторую влажность от намокшей земли в противоположной голове части своего тела, но относится к ней стоически и ни за что не согласится уступить свое место.

На втором плане, за дефилирующими по авансцене частями, у молчаливо стоящего орудия суетятся артиллеристы. Один из них, обладающий, по всей вероятности, самым живым и беспокойным характером, влез на телеграфный столб и, не находя иного выхода для своей бурной энергии, рубит провода. В результате этой полезной деятельности они теряют свое горизонтальное положение и свисают к земле длинными и никому ненужными веревками. Однако, не удовлетворенный этим оче-

видным успехом, артиллерийский наблюдатель самоотверженно усаживается на фарфоровые чашечки столба, мужественно переносящие тяжесть его тела, и, приложив к глазам бинокль и слегка покачиваясь по сторонам, смотрит в невидимую для зрителей даль степи, одновременно создавая в представлении капитана Згривца весьма красочный, но трудно представляемый себе образ "кобеля на гвозде". У находящегося за моей спиной второго орудия тоже наблюдается многообещающее шевеление и еще один "кобель на гвозде".

На третьем плане сцены - степь, на четвертом - полоска горизонта.

Между тем кончился дождик, или только отдыхает, и ушли вперед пехотные части. Исчез с переезда и генерал Марков, поскакавший куда-то обратно. Теперь стали появляться идущие рысью подводы и, подскакивая на рельсах, уноситься вперед по мокрой дороге. А на самом горизонте обозначилось маленькое белое облачко - красный бронепоезд. Вскоре он сообщает о своем прибытии высоко взметнувшимся фонтаном земли от гранаты, разорвавшейся в безопасной дали от переезда.

Все чаще и чаще взлетают струи черной земли, не принося никакого вреда. Товарищи бомбардируют третий план сцены - степь. Молчит орудие подполковника Миончинского, и с высоты телеграфного столба "кобель на гвозде" не считает нужным форсировать события.

Неожиданный разрыв снаряда с подошедшего с другой стороны бронепоезда, в расстоянии 200-300 шагов от роты, заставляет сидевших спиной к орудью капитана Шперлинга произвести необходимое перестроение и повернуться к ней лицом.

Предстоящая дуэль обещает быть захватывающим зрелищем и не заставляет себя долго ждать. Раз и два вздрагивает от произведенных выстрелов орудие, посылая красному бронепоезду сообщение о том, что он имеет дело с капитаном Шперлингом. Приняв во внимание полученную телеграмму, тот как будто начинает отползать, ибо его снаряды рвутся уже значительно дальше. Не удовлетворившись этим ничтожным результатом, не способным привести в восторг зрителей, наше орудие вздрагивает в третий раз, и сидящий на столбе "кобель на гвозде" приходит в необыкновенную оживленность и, размахивая рукой, что-то кричит, что тот же Згривец переводит короткой и ясной Суворовской фразой: "Прямо по сулам!".

Надо думать, что так оно и есть, ибо исчезает вившийся над горизонтом дымок и прекращают рваться снаряды. Весь амфитеатр раздражается бурными аплодисментами, а польщенный Шперлинг снимает фуражку и, приложив руку к сердцу, раскланивается во все стороны.

- Bravo! Bis! - режут благодарные зрители.

Теперь с этой стороны уже не предвидится ничего интересного, а потому весь зрительный зал обращается в другую сторону, откуда все еще летят снаряды, все приближаясь к дороге, по которой несутся к переезду, на дистанции в 50 шагов, подводы с ранеными. Стоя на самых рельсах, ген. Марков придет большей рысью тем из них, что, по его мнению, не проявляют ее достаточно энергично.

С напряженным вниманием следит рота за начавшимся оживлением около орудия подполковника Миончинского.

Неожиданно, в самый патетический момент, новый и непредвиденный программой элемент сосредоточивает на себе общее любопытство. Этим элементом является едущая мелкой рысцой подвода с пятью или шестью пассажирами. Проезжая по дороге между орудием и жаждающими

хлеба и зрелищ зрителями, на переезде она натывается на генерала Маркова.

- Что за люди? - гремит генерал.

- Мы члены рады, - слышится ответ едущих.

- Что вы - я вижу, а чему вы рады - я не понимаю! - с силой опуская свою нагайку на спины лошадей, рывкает ген.Марков.

Лошади, не ожидавшие удара, дернули и понеслись через переезд, едва не покидав на землю радующихся своему естеству пассажиров, провожаемых гомерическим хохотом и еще долго скачущих по степи, очевидно опасаясь преследования.

Этот небольшой дивертисмент прерывается проснувшимся орудием подполковника Миончковского, пославшим в сторону красного бронепоезда свой первый увесистый гостинец. Со своей удобной для наблюдения, но не для сидения, позиции на телеграфном столбе "кобель на гвозде" подает какие-то знаки, после чего следует второй выстрел нашего орудия. Очень скоро экзальтированные жесты на столбе не допускают сомнения в том, что и второму бронепоезду "по сулам попало!".

Новый гром аплодисментов и новые крики - "Браво!".

Сойдя с переезда, ген.Марков идет, смеясь, к подполковнику Миончинскому:

- Не хотят сегодня воевать товарищи! - И, обращаясь к сидящему у дороги полковнику Плохинскому: - Назар Борисович, пошлите вперед квартирьеров!

Это радостное известие срывает лживую маску с лица степи, порождая сомнение в ее бесконечности. По два человека от каждого взвода поднимаются с земли и идут вперед. Вскоре поднимается и вся рота, и снимается со своей позиции артиллерия. Сзади подходят какие-то части - вероятно, арьергард.

В своем надоедливом постоянстве опять потянулась степь. Прошли 3-4 версты - и никакого признака станицы. Опять огласил степь скорбный голос: "да, э-э-э-х, да, ы-ы-ы-х", - и опять пропели - "У Васьки четыре ноги", - и опять рассмешил прапорщик Игнатов прочтением фразы "попы пели с дьяконами": "покой око - по, покой еры - пы, покой око покой еры - попы" и т.д.

Но вот, наконец, перед глазами появилась низенькая черточка плетней, защищающих станицу от наседающей на нее степи.

Под радостную песню, повествующую о пострадавшей балде некого лорда Виорделя и о часах, в которые пахнут розы, и о тех, когда пахнут матросы, под залихватский припев: "эх, Матрешка, эх, Матрешка, хороша ты, наша жизнь!" - вступила рота на улицу станицы. И жизнь рисовалась в сплошных розовых тонах, обещая каждому отдых, сон, высушенную одежду, горячую пищу и все, что только можно было представить себе для полного благополучия и благодушного сибаритства! Однако, этим греховным мечтам не суждено было осуществиться: третий взвод был назначен в полевую заставу. Мерсите вам ужасно!

Эта последняя фраза по русски произносится:

- Покорно вас благодарим!

Бельгия.

Ю.Рейнгардт.

ЕСАУЛ ЧЕРНЕЦОВ.

Дух казачества угасал в душах служилых казаков, но зато ярким пламенем он разгорался в сердцах донской молодежи, ставшей на защиту свободного Дона и поруганной России. На Дону народилось новое явление — партизанство. В среде партизан можно было встретить и старых, убеленных сединами, и молодых безусых, и казака, и офицера. Люди всех возрастов, всех положений. Но ядром партизанства была учащаяся молодежь: кадеты, гимназисты, реалисты, студенты, семинаристы — "Иисусова пехота".

Всегда отзывчивая, самоотверженно действенная, идеалистически-народнически настроенная, охваченная патриотизмом, учащаяся молодежь оставляла свои учебники и с религиозным воодушевлением, часто тайно от родителей бежала в ряды бойцов и героически сражалась.

Погибающий Дон в партизанстве звал своих верных сынов для своего спасения.

Душой партизанства был есаул (потом полковник) Чернецов. На его отряде лежало всецело прикрытие Новочеркасска. В личности этого храброго офицера сосредоточивался как-будто весь угасающий дух казачества. Его имя повторялось с гордостью и надеждой. Чернецов со своими "детьми" работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то умиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени роятся легенды, и большевики дорого оценивают его голову.

Чернецов смел был не только в бою...

На одном из митингов рудокопов он сидел среди накаленной толпы, закинув ногу за ногу, и стеком щелкал по сапогу. Кто-то из толпы обозвал его поведение "нахальным". Чернецов быстро взошел на трибуну и среди наступившей тишины спросил:

— Кто назвал мое поведение нахальным?

Ответа не последовало. Тогда Чернецов, издеваясь над трусостью толпы, еще раз переспросил:

— Значит, никто? Та-а-ак... — и снова принял ту же позу.

Однажды на одном из митингов Чернецова арестовали рабочие. Тесным кольцом сдавила враждебная толпа его автомобиль. Чернецов вынул часы и заявил:

— Через десять минут будет здесь моя сотня. Задерживать меня не советую.

Арест не состоялся. Погиб Чернецов от руки "своих"...

11-го января 1918 года большевики берут станицу Каменскую, создают военно-революционный комитет и объявляют его правительством Донской области. Три донских полка, вернувшись с фронта, под начальством денатога войскового старшины Голубова идут с большевиками "за трудовой народ" против "калединцев". Председатель комитета, донской урядник Подтелков — "будущий президент Донской республики", едет в Новочеркасск предъявлять Донскому правительству требование передать ему власть. Правительство колеблется, но Каледин посылает в ответ... Чернецова.

Чернецов легко взял Звереву, Лихую, Каменскую, Глубокую, но

20-го января у Глубокой он был окружен превосходными силами казачьего отряда Голубова и, раненый в ногу, взят в плен вместе с полсотней своих партизан.

Партизаны предложили Чернецову план его избавления: они бросятся на конвой, устроят сумятицу, во время которой Чернецов должен бежать.

Чернецов ответил:

- Спасаться за ваш счет не могу.

Среди казаков был и Подтелков, ехавший рядом с Чернецовым. Казаки издевались над партизанами, били их. В это время послышались выстрелы из Каменской... Чернецов скомандовал:

- Наши идут! Вперед! - и ударил Подтелкова кулаком по лицу.

Партизаны бросились врассыпную... Часть их спаслась.

Подтелков, после зверских надругательств, зарубил Чернецова.

По "Донской Летописи".

- - оОо - -

х
х х

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
С тем большей нежностью и грустью -
"Россия, здравствуй!" - говорю.

Там за рекой все те же дали,
Такой же бор в волнах сбежал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнятся, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется,
И тишина еще слышней,
И на Кронштадтский купол льется
Огромный сноп иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной
В Россию чайка уплыла,
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла.

Иван Савин.

- - оОо - -

ПОСЛОВИЦЫ: С родной стороны и ворона мила.
На чужой стороне и весна не красна.
Ищи добра на стороне, а дом люби по старине.

ТЕКИНЦЫ

Белая борьба естественно связана с корниловским выступлением. Текинский конный полк, вызванный для несения службы при Ставке, принял в этом выступлении непосредственное участие.

До мировой войны мало кто знал о существовании скромного Туркменского конного дивизиона, в июле 1914 года переименованного в Текинский полк. Это был полк добровольцев, выступавший на службу в своем национальном одеянии и на собственных красавцах-конях. Это были родные сыны покоренных Скобелевым ахал-текинцев; а сын зажиточника Геок-Тепе, ротмистр Ураз-Сердар, командовал в полку эскадронам.

По рождению я - сибиряк, воспитанник Сибирского кадетского корпуса, с детских лет близко соприкасался с населявшими Сибирь инородцами: калмыками, бурятами, монголами, тунгузами. Из их среды были добрые товарищи по корпусу, впоследствии - славные русские офицеры. Владея разговорно монгольскими наречиями, я ближе знакомился с этими народностями. Будучи назначен в Асхабад в 1915 году для формирования запасного туркменского эскадрона, я быстро пригляделся и освоился с текинцами. В отличие от инородцев, населяющих восток Сибири, текинцы - высокого роста, сухи, красивы, имеют открытый взгляд, благородную осанку, отличаются исключительной честностью. В бою - горячие и храбрые, прекрасные наездники. Лучшего материала для конницы и выдумать нельзя.

Форма нашего полка была очень красива. Малиновые шаровары, поверх пояса намотан шелковый малиновый кушак, бичак (нож, не кинжал) весь в серебре и золоте; на поясной португее - клыч (кривая сабля), тоже в серебряной и золотой насечке с цветными камнями. Этими же металлами отделаны нагрудники и налобники на аргамаках. На голове текинцы носили огромные папахи - "телпек": это шкура целого барана, черная или белая, сложенная в виде цилиндра. Не всякая голова могла выносить такую тяжесть; приходилось привыкать постепенно. Офицерам полка была присвоена та же форма.

И вот представьте себе строй из нескольких сот таких рослых смуглых красавцев всадников на поджарых, горячих аргамаках, сверкающих оружием, яркими кушаками.

Отношения между всадниками и офицерами были самые хорошие, сердечные: "текинцы" относились к своим офицерам с полным доверием и звали их "боярами".

Текинский полк принимал участие в боях с самого начала войны, а в 1915 году, под командой полковника Зыкова, особенно отличился на полях Галиции лихой конной атакой австрийской пехоты.

Генерал Корнилов, с назначением его Верховным главнокомандующим, не ошибся в выборе части для охраны Ставки; по своей службе в Туркестане он знал высокие моральные и боевые качества текинцев; говорил на их языке, что производило на них большое впечатление; знал и службу полка еще по 8-й армии.

Честь нам выпала большая, но и ответственность легла немалая, ибо моральные условия жизни и службы в эти революционные дни были сложны и тягостны. В это время (июль 1917 года) по всей России бушевала стихия. Фронт разваливался, но Текинский полк оставался частью, которой можно было отдать любое распоряжение с полной уверенностью, что оно будет выполнено.

Могилев, куда мы прибыли 22-го июля, встретил нас не особенно любезно. Для размещения полку был отведен лагерь квартировавшего до войны в Могилеве пехотного полка, за годы войны пришедший почти в полное разрушение.

В дождливые дни помещения офицеров и всадников, а также и конюшни, заливало водой; но город и окрестности были забиты до отказа, и других помещений не было.

С первого дня прибытия в Ставку полк вступил в несение охранной службы. Кроме внутреннего караула во дворце Верховного, который несли текинцы, выделенные полком еще из Каменец-Подольска, под командой корнета Ходжиева, от полка ежедневно назначался дежурный эскадрон (караул), размещенный в здании против дворца. Весь почти полк был ежедневно в нарядах, то в своих внутренних, то в городе. Но, как никак, жизнь понемногу налаживалась. Георгиевцы (при Ставке находился Георгиевский батальон, тронутый революцией), аборигены Ставки, недружелюбно косились на нас, но трогать не осмеливались. Могилев во время нашего пребывания там кишел стекавшимся сюда людом всех сословий, рангов и положений и обездоленным и обиженным офицерством, прибывавшим сюда искать защиты и управы.

24-го августа генерал Корнилов произвел полку смотр. В двух-трех верстах от города полк выстроился развернутым фронтом по опушке леса. Хорошее ясное утро. Около 9-ти часов подъехал автомобиль, из которого вышел генерал Корнилов. Свиты не было. Сопровождали Верховного комендант Ставки полковник Квашнин-Самарин и адъютант. Генералу подвели лошадь, он сел и подъехал к фронту. Трубачи заиграли "Встречу", командир полка полковник Кюгельген рапортовал. Поздоровавшись с полком, объехав фронт, Верховный вызвал 2-й эскадрон, приказал произвести эскадронное ученье. После этого пропустил полк мимо себя церемониальным маршем, поблагодарил за ученье и вызвал к себе г.г. офицеров, обратившись к ним с кратким словом. Общий смысл обращения заключался в том, что наступают решительные дни, Родина и армия идут к гибели. Всякий честный патриот должен быть готовым к борьбе...

- Готовы ли вы? -- задал вопрос генерал Корнилов. Офицеры, как один, хором ответили:

- Так точно!

Верховный простился с нами и уехал. Возвращался полк в приподнятом настроении. Всадники - довольные, что видели своего "Удлу-Бояра" в добром здравии, а мы, офицеры, - его доверием и обращенными к нам словам.

События не заставили себя долго ждать. 27-го августа генерал

Корнилов выпустил известное свое воззвание в ответ на телеграмму Керенского, объявившего Верховного "изменником Родины". С этого дня охрана города Могилева перешла всецело в ведение Текинского полка. Кроме нас и батальона Георгиевцев, в Могилеве находились Корниловский ударный полк и 1-й Сибирский казачий полк, скоро, впрочем, ушедший восвояси.

С момента разрыва ген.Корнилова с Керенским служба полка, и до того тяжелая, стала еще более напряженной. Но славные Текинцы, которым офицерство объяснило смысл происходивших событий, ни минуты не сомневались в правоте дела Верховного и безропотно несли выпавшие на их долю тяготы.

По Могилеву в эти дни распространялись всевозможные слухи. Много злобы изливалось в них и на наших текинцев. На них возводились даже обвинения в учиняемых ими, якобы, насилиях и грабежах. Хотя эти наветы нервировали и офицеров, и всадников, но дисциплина держалась крепко.

30-го августа, с утра, мой 4-й эскадрон выступил по Гомелевскому шоссе. Мне приказано было подготовить к взрыву небольшой каменный мост через заболоченную балку, в 7-8 верстах от города, и взорвать его в момент приближения автомашин, следующих на Могилев. Мера эта, как и разъезды во всех направлениях от города, были вызваны тем, что Керенский, теперь уже главноверх, решил направить карательные отряды в Могилев для ликвидации Ставки.

В этой охранной службе прошло два дня. Мы издали наблюдали, как на луг садился прилетевший со стороны Киева аэроплан... Какие вести он принес, и от кого? До нас начали доходить самые невероятные слухи: будто весь Юго-Западный фронт идет на помощь к генералу Корнилову. Но, пока что, двигался с какими-то частями... товарищ Муралов.

31-го августа в Ставку прибыл генерал Алексеев. К вечеру этого дня я получил приказание вернуться в распоряжение полка, предварительно разоружив предназначенный к взрыву мост.

Потом, когда генералов Корнилова и других заключили в Быховскую тюрьму, текинцы верно и преданно охраняли своих "узников" от разложившейся солдатской массы, вплоть до того дня, когда со своим любимым Верховным пошли в тяжкий и последний свой поход из Быхова на Дон.

"Без текинцев быховские узники погибли бы", - говорит генерал Деникин.

И офицеры, и всадники Текинского полка, во главе со своим командиром, душой и сердцем были преданы генералу Корнилову, верили в его миссию спасения России и эти верность и любовь доказали на деле.

До Дона полк не дошел. Попав в осиное гнездо, кишевшее большевиками, полк пробивался с большим трудом и нес большие потери. 26-го ноября, после того, как мы вырвались из очередной засады, устроенной большевиками под Унечей, генерал Корнилов, решив идти дальше с горстью офицеров и всадников, отпустил полк. Пошел генерал в направлении на Новгород-Северск, но, не желая подвергать риску и этих последних преданных ему людей, он отпустил и их, а сам незаметно пробрался в Новочеркасск по железной дороге.

Текинский полк с большими приключениями добрался до Киева. Оттуда текинцев, после долгих мытарств, удалось отправить в Ахал.

Небольшая часть всадников попала на Юг России.

Офицеры же... Что случилось с ними? Многие пропали в походе... Штаб-ротмистр Раевский заколот большевиками под Унечей; поручик Канков, взятый в плен большевиками, впоследствии, под Курском в 1919 году, сделал красный батальон и в следующем бою убит в наших рядах; поручик Нейгардт умер в тюрьме, замученный большевиками; поручик Захаров и прапорщик Фаворский пропали без вести. Поручик Селяб Сердар убит в боях с большевиками в Закаспии. Остальные разделили участь Добровольческой армии. Рассеянные потом по разным странам, они свято хранят в своих сердцах память о генерале Корнилове и с теплой любовью вспоминают свой славный Текинский полк.

Полк. Арон
Текинец-первопоходник.

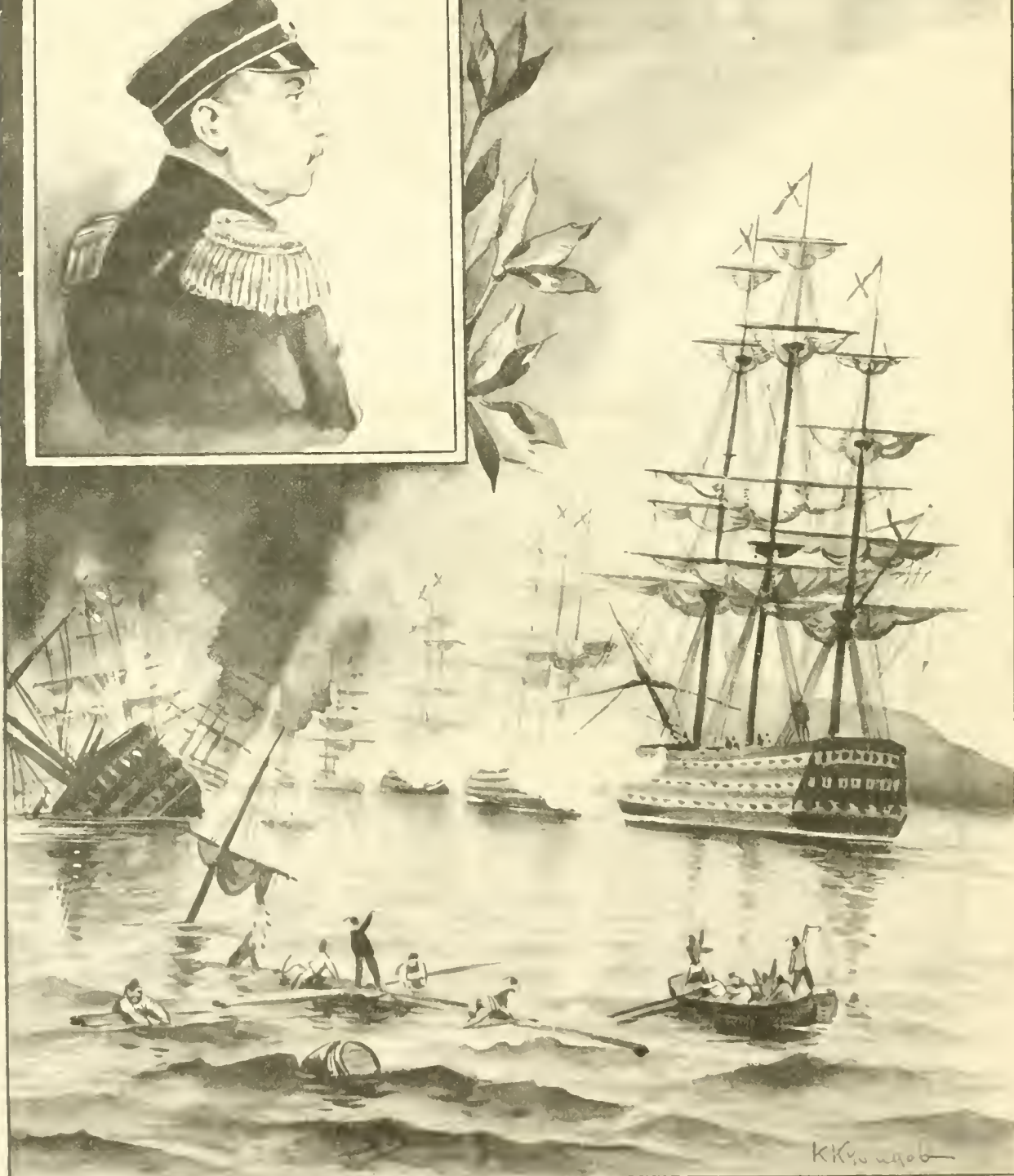
- - оОо - -

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ.

От 1 июля по 1 августа
(по новому стилю)

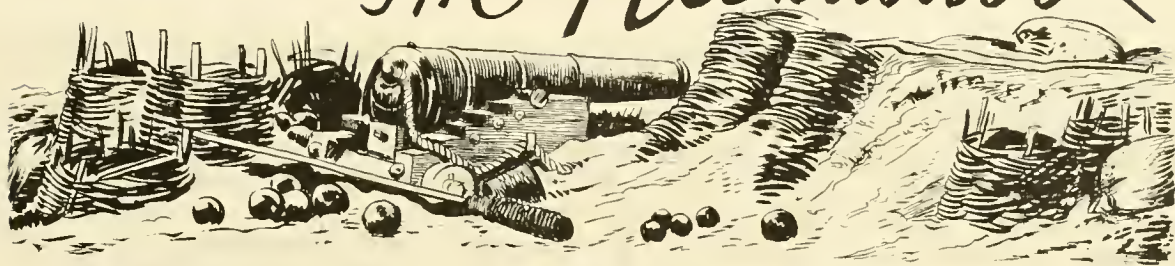
3-го июля	1862 г.	- Основание Владивостока.
3-го "	1770 г.	- Чесменская победа.
5-го "	1682 г.	- Коронование Петра и Иоанна Алексеевичей.
8-го "	1807 г.	- Тильзитский мир.
9-го "	1762 г.	- Вступление на престол имп. Екатерины 2-й.
9-го "	1904 г.	- Морской бой под Порт-Артуром
10-го "	1709 г.	- Полтавский бой.
10-го "	1878 г.	- Присоединение к России Хивинского царства.
12-го "	1855 г.	- Убит генерал Нахимов, герой Севастополя.
14-го "	1554 г.	- Присоединение к России Астрахани.
15-го "	1904 г.	- Умер писатель А.П.Чехов.
17-го "	1917 г.	- Убийство большевиками Царской Семьи в Екатеринбурге.
21-го "	1918 г.	- Подавление Ярославского восстания большевиками.
23-го "	1613 г.	- Венчание на царство Михаила Феодоровича Романова.
24-го "	1710 г.	- Присоединение к России Риги.
26-го "	1727 г.	- Взятие Очакова.
27-го "	1841 г.	- Скончался поэт М.Ю.Лермонтов
28-го "	1240 г.	- Битва Александра Невского со шведами (Ледовое побоище).
28-го "	988 г.	- Крещение Руси.
30-го "	1834 г.	- Открытие Университета Св.Владимира в Киеве.
31-го "	1698 г.	- Взятие Азова Петром Великим.

- - оОо - -

К. К. У. У. У. У.

АДМИРАЛ П.С. Нахимов

30-го июня 1855 года умер в Севастополе знаменитый русский флотоводец адмирал П.С.Нахимов.

С его именем связаны многие страницы жизни нашего военного флота и героической обороны Севастополя.

Происходя из морской семьи, П.С.Нахимов всю свою жизнь посвятил родному флоту. За свою службу он участвовал в 34-х кампаниях и провел в открытом море более 17-ти лет. В те времена дисциплина во флоте была особенно жестокая - существовали телесные наказания, бывали случаи, когда наказываемый не выносил их и умирал. Нахимов старался по мере возможности облегчить и улучшить жизнь матросов, отечески заботился о них и достиг того, что на судах, им командуемых, такого рода наказания почти не применялись. Адмирал содействовал выработке типа русского матроса - энергичного, смелого, находчивого и исполнительного. Он развивал в чинах Черноморского флота патриотизм, который так блистательно проявился за время осады Севастополя.

В сентябре 1853 года Турция под давлением Англии и Франции объявила войну России, и ее войска перешли в наступление на Дунае и на Кавказе. Турки пытались форсировать Дунай, но потерпели неудачу. Тогда турецкое командование решило более активно действовать на Кавказском побережье, для чего турецкая эскадра под командованием Осман-паши вышла из Босфора и направилась в порт Синоп в Малой Азии.

Как только были получены сведения о стоянке турецкого флота в Синопе, немедленно Черноморская эскадра в составе 8 линейных кораблей под командой адмирала Нахимова оставила Севастополь и, войдя в Синопскую бухту, разгромила турецкую эскадру: 15 кораблей были потоплены и 4 береговых батареи уничтожены.

Понеся ничтожные потери, русская эскадра вернулась в Севастополь. В Синопском сражении наши моряки проявили наивысший героизм, отвагу и патриотизм. В этом сражении было доказано флотоводческое искусство морской тактики адмирала Нахимова.

Синопская победа принесла России господство на Черном море и обеспечила наши операции от возможного нападения турок с моря. Англия и Франция, заключившие секретное соглашение о совместных действиях против России, искали только случая напасть на нее; таким поводом к объявлению войны явилась Синопская победа.

Соединенный флот Англии и Франции в составе 89 военных судов и 300 транспортов 1-го сентября 1854 года подошел к Евпатории, и началась высадка десантных войск. Высажено было 62.000 человек и 134 орудия.

Под командованием князя Меншикова, главнокомандующего в Крыму,

на речке Алыме произошло первое сражение (Меньшиков мог противопоставить неприятелю всего лишь 30.000 человек и 96 орудий). Русская армия проявила исключительный героизм, но должна была отступить - сначала к Севастополю, затем к Бахчисараю.

Севастополь, как главная база Черноморского флота, имел большое стратегическое значение для России. С моря он был укреплен довольно сильно, его защищали 14 батарей с 610 орудиями, но с суши город был укреплен весьма слабо, на всех укреплениях находилось едва 134 орудия. Гарнизон Севастополя составляли 16.500 солдат и 400 офицеров.

После ухода из Севастополя кн.Меньшикова с армией, оборона была возложена на моряков и запасные батальоны. Организаторами обороны были начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А.Корнилов, командующий эскадрой вице-адмирал П.С.Нахимов и контр-адмирал Истоин. Оборона южных подступов к Севастополю была возложена на адмирала Нахимова.

Работы по укреплению города велись днем и ночью, все городское население, включая и женщин, приняло самое деятельное участие в возведении укреплений. Благодаря всеобщему патриотическому подъему, когда противник подошел к городу, то Севастополь являлся уже сильной укрепленной крепостью, как с моря, так и с суши. На сухопутном фронте было установлено 341 орудие, главным образом морская артиллерия, снятая с кораблей.

По инициативе адмирала Нахимова при входе в бухту были затоплены 7 старых парусных кораблей, чтобы не дать возможности неприятелю войти в бухту. Адмирал Нахимов сформировал из матросов 12 батальонов, сыгравших огромную роль в защите Севастополя.

5-го октября союзники начали бомбардировку с суши и с моря. Несмотря на огромное количество артиллерии, громившей город, после 5-дневной бомбардировки города с суши, причинившей большие повреждения на 3-м и 4-м бастионах, противник, израсходовав все боевые припасы, вынужден был прекратить бомбардировку.

Тяжелой утратой для защитников Севастополя явилась смерть вице-адмирала Корнилова на Малаховом кургане. Последние слова смертельно раненого адмирала были: "ОТСТАЙВАЙТЕ ЖЕ СЕВАСТОПОЛЬ!".

После смерти адмирала Корнилова руководителем всей обороны Севастополя стал адмирал Нахимов.

Герой Синопа, любимец матросов и всего населения города, П.С. Нахимов был душой обороны.

Руководя обороной Севастополя, П.С.Нахимов показал себя не только выдающимся флотоводцем, но большим стратегом и инженером, командуя сухопутными войсками. Все, что разрушалось днем бомбардировкой, ночью вновь воздвигалось под наблюдением Нахимова.

Из оставшихся в бухте кораблей была организована эскадра, которая обстреливала неприятельские позиции; был создан, по указаниям адмирала Нахимова, отряд из парашедов-фрегатов. Он выходил из бухты и наносил большой ущерб союзникам на их базах.

В мае месяце численность союзных армий дошла до 200.000, в Севастополе же было едва 70.000.

Адмирал Нахимов, презирая смерть, ежедневно обходил оборонительную линию, вступая в разговоры с солдатами и матросами, внимательно прислушивался к их замечаниям, заботился об их питании, обмундировании и отдыхе, - чем поддерживал дух защитников.

28-го июля 1855 года, как всегда, Нахимов объезжал передовые бастионы, и в то время, как он рассматривал траншею противника, неприятельская пуля попала ему в висок. 30-го июля, не приходя в сознание, адмирал скончался. Севастополь потерял "отца матросов" и "душу обороны".

Как ни тяжела была для защитников утрата адмирала Нахимова, но оборона продолжалась еще больше месяца.

"Двенадцать раз луна менялась,
Луна всходила в небесах;
А все осада продолжалась
В облитых кровию стенах".

5-го августа союзникам удалось захватить Малахов курган — ключ к городу. Падение Малахова кургана крайне затрудняло дальнейшую оборону Южной стороны Севастополя. Поэтому новый главнокомандующий Горчаков отдал приказ об оставлении этой части города и об отходе на Северную сторону.

27-го августа, под гром взрываемых бастионов, складов, укреплений, при зареве грандиозного пожара, гарнизон с горечью покидал Севастополь. Многие плакали — это были слезы мужественных воинов, в течение 349 дней героически, несмотря на всевозможные лишения, защищавших родную землю.

Каждый, перешедший на Северную сторону, обращался лицом к оставленному, разрушенному и горевшему городу и говорил:

"ПРОЩАЙ, СЕВАСТОПОЛЬ!"

Так было в 1855 году. Невольно вспоминается другая дата — 1920 год. Последняя русская армия под командованием генерала Врангеля покидала тот же Севастополь.

На рейде выстроились суда русской эскадры, готовые к выходу в море. Генерал Врангель объезжал суда, прощался с соратниками...

Французский дредноут "Вальдек-Руссо" снялся с якоря и произвел салют в 21 выстрел, последний салют русскому флагу, после чего наша эскадра постепенно стала покидать Севастопольскую бухту.

Как те защитники Севастополя плакали, оставляя город, так и 145.693 человека, вывозимые генералом Врангелем, плакали, прощаясь с городом.

И тем, и другим было на душе тяжело. Но кому было тяжелее, тем ли, которые оставляли часть города и переходили в другую, продолжая бороться, — или тем, которые, уходя из Севастополя в неизвестность, прощались не только с городом, но прощались с Родиной, Отечеством, Россией?!

ПРОЩАЙ, РОССИЯ!

К.К.

- - оОо - -

— Капитан Ю. Рейнгардт, Марковского полка, обращается с просьбой к однополчанам дать сведения о чинах 1-й роты Офицерского полка, участниках 1-го Кубанского похода, и направлять таковые в редакцию журнала "Вестник Первопоходника".

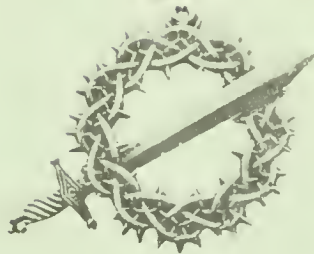
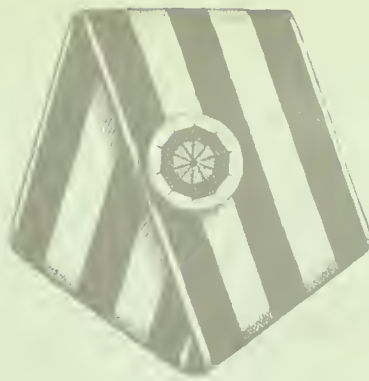
С О Д Е Р Ж А Н И Е № 22

	Стр.
1. От Редакции	1
2. Ремонт Александро-Невского Собора - Воззвание	2
3. Крестный путь в Армию - М.Борель	3
4. Меврский Оазис - Ю.Рейнгардт	6
5. Последний Павлон - В.Черешнев	9
6. Студенческий батальон - Б.Сальский	11
7. У океана - стих. И.Гончарова	13
8. Переход - Ю.Рейнгардт	14
9. Есаул Чернецов - по "Донской Летописи"	20
10. . . . - стих. И.Савина	21
11. Текинцы - полк.Арон	22
12. Исторический календарь	25
13. Адмирал П.С.Нахимов - К.К.	27
14. От Редакции	30

- - оОо - -

Все иллюстрации, помещенные в настоящем номере журнала, принадлежат кисти художника К.Кузнецова.

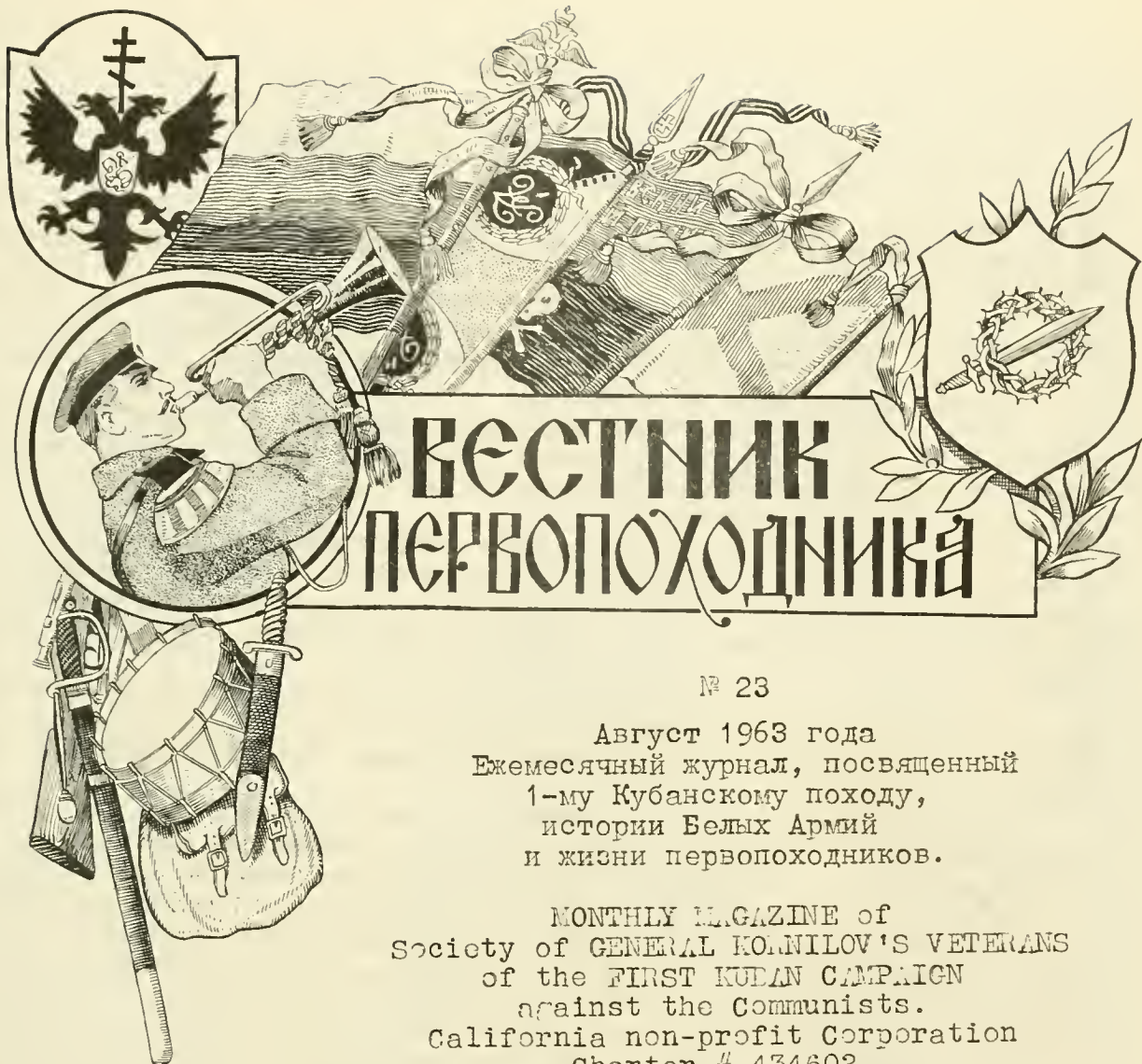
- - оОо - -

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

23

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

№ 23

Август 1963 года
Ежемесячный журнал, посвященный
1-му Кубанскому походу,
истории Белых Армий
и жизни первопоходников.

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KOLNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN
against the Communists.
California non-profit Corporation
Charter # 434602.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29,
California, U.S.A.

*
* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда -
Взгляни, чей флаг там гибнет в море?
Проснись, теперь иль навсегда!

Ф.Тютчев.

С В Я Т О Й В Л А Д И М И Р

Языческое мировоззрение не могло удовлетворить духовные запросы наших предков и легко уступало посторонним религиозным влияниям. Варяжские купцы и дружинники, раньше славян ходившие в Царьград, познавши христианство, там его принимали и приносили на Русь новое учение. В княжение Игоря в Киеве была уже христианская церковь Св. Илии. В дружине самого князя было много христиан, и жена князя, княгиня Ольга, также была христианкой.

Таким образом, христианская вера была хорошо знакома славянам, несмотря на то, что в Киеве стояли идолы и даже приносились человеческие жертвоприношения. Христианство на Руси, хотя и медленно, но продолжало распространяться.

Князь Владимир отличался умом и способностями выдающегося правителя, имел полную возможность познакомиться с новым учением и понять его превосходство и внутреннюю силу над язычеством — поэтому понятно, что он стремился к принятию христианства и уничтожению язычества.

О том, как и где крестился князь Владимир и когда он крестил народ, существует несколько преданий. Одно из них, более правдоподобное и основанное на исторических фактах, так описывает это историческое событие:

В Византийской империи вспыхнуло восстание под предводительством полководца Варди-Фока. Правительство обратилось за помощью к князю Владимиру. Последний согласился послать войска, но требовал за это в жены греческую царевну Анну, обязываясь принять христианство. Русская рать помогла подавить восстание, но византийцы не желали отдать свою царевну Анну Владимиру. Тогда началась другая война с греками. Русские осадили и взяли греческий город в Крыму Корсунь, что заставило греков исполнить уговор. Князь Владимир принял христианство, женился на царевне Анне. Где и когда он крестился, точно неизвестно; считают, что это произошло в 988 или 989 году.

Возвратившись из Корсунского похода в Киев христианином, в окружении греческого духовенства, Владимир начал обращать киевлян и всю Русь к новой вере. Идолы были сброшены в Днепр, и на берегу реки греческие священники крестили народ. По преданиям, христианство распространялось мирно, и только в немногих местах, как в Новгороде, пришлось применить силу. Все же в глухих северных пределах язычество еще долго держалось, и, повидимому, и сейчас существуют в народе остатки языческих обрядов и суеверий.

Крещение народа имело огромное значение, как для развития культуры и цивилизации, так и на объединение русских княжеств в одно целое государство. После крещения в Киеве стал жить митрополит, приехали из Византии священники, строились церкви и монастыри. Вместе с христианством пришла письменность и книжное просвещение. В монастырях, очагах просвещения, переписывались книги и основывались школы грамотности. Духовенство управляло и судило подчиненных ему людей на основании особого сборника законов, называемого "Кормчей Книгой".

В те времена грубая сила господствовала в народе, человеческая личность не имела значения. Весь народ делился на два класса: свободных и несвободных или рабов, называемых челядью. Положение пос-

СВ. ВЛАДИМИР

ледних было весьма тяжелым - их существование зависело исключительно от прихоти господ. Смотрели на них, как на рабочий скот их хозяйина.

Христианство не могло примириться с таким положением. Вместе с Христовым учением о любви и милосердии, Церковь принесла на Русь и начала Византийской культуры. Под влиянием христианства многие из язычников изменили к лучшему свои взгляды и нравы и часто являлись высоким примером подвижничества. Сам князь Владимир духовно сильно изменился - стал милостив и ласков.

Церковь старалась искоренить языческие нравы и обычаи в семейной жизни: многоженство, покупку жен, жестокое обращение с женами и детьми. В особенности она восставала против грубых форм рабства. Церковь старалась поднять престиж княжеской власти. Когда же князь в грубых ссорах и междоусобиях ронял свое достоинство, духовенство их мирило и учило, что только в единении сила государства. В этом отношении оно следовало примеру Византии, где царская власть стояла очень высоко. В те времена княжеская власть на Руси была еще слаба, и киевские князья в междоусобиях стремились к разделению государства. Церковь же была едина, и власть митрополита простиралась на всю Русь. Она объединила весь народ тем, что принесло христианство: верой, культурой и цивилизацией. Все это являлось прочным фундаментом к созданию сильного государства. Ни татарское иго, ни набег крымских татар, ни смутное время не могли задержать развитие государства. Они лишь на некоторый период времени задержали это развитие.

Уже в 16-м веке Московское царство являлось одним из самых величайших государств в мире.

28-го июля Церковь празднует день Св.Владимира, причисленного к лику святых, как просветитель России. В былое время вся Россия праздновала этот день, в особенности торжественно праздновал Киев - колыбель русских городов. Столица князя Владимира, место крещения народа, былой центр русской культуры - Киев один из самых красивых русских городов. Расположенный на холмах, на берегу красавца Днепра, окруженный лесами, тянувшимися на десятки верст, с мягким климатом, с многочисленными церквами и знаменитой Лаврой - он всегда привлекал к себе русского человека. Тысячи богомольцев со всех концов необъятного нашего отечества шли поклониться Киевским святыням.

С наступлением лета половина жителей Киева переселялась на дачи: в Святошино, Боярку, Бровары, Дарницу; гарнизон уходил в лагери, студенчество разъезжалось, город пустел. Но 28-го июля все те, кто только мог, возвращались на этот день в Киев. Да и как могло быть иначе? - ведь это день св.Владимира, покровителя города!

С утра тысячи киевлян спешили к Софийскому Кафедральному Собору, где шла служба с многочисленным духовенством во главе с митрополитом; приходили войска и шпалерами становились от Собора до памятника Крещения на берегу Днепра. Но вот богослужение кончалось, и торжественная процессия под колокольный звон многочисленных церквей направлялась к месту "крещения Руси".

Так праздновал Киев день Св.Владимира.

Прошло много лет, за это время многие из нас, живших в Киеве, ушли из жизни, многое изменилось - мы потеряли Родину и Отечество, мы на чужой стороне, нам трудно привыкнуть к новым условиям жизни,

но в нас еще теплится огонек Родины. Мы - русские. Наступает неприглядная старость, многое забывается, но этот день 28-го июля (Нов. стиля) не может изгладиться из памяти, и с каждым годом острее его переживаешь.

В этот день я ясно себе представляю залитые солнцем улицы города, слышу городской шум, говор толпы. Я ощущаю прохладу "чудного" Днепра, вдыхаю запах бесчисленных цветников, аромат акаций, липовых аллей и пирамидального тополя.

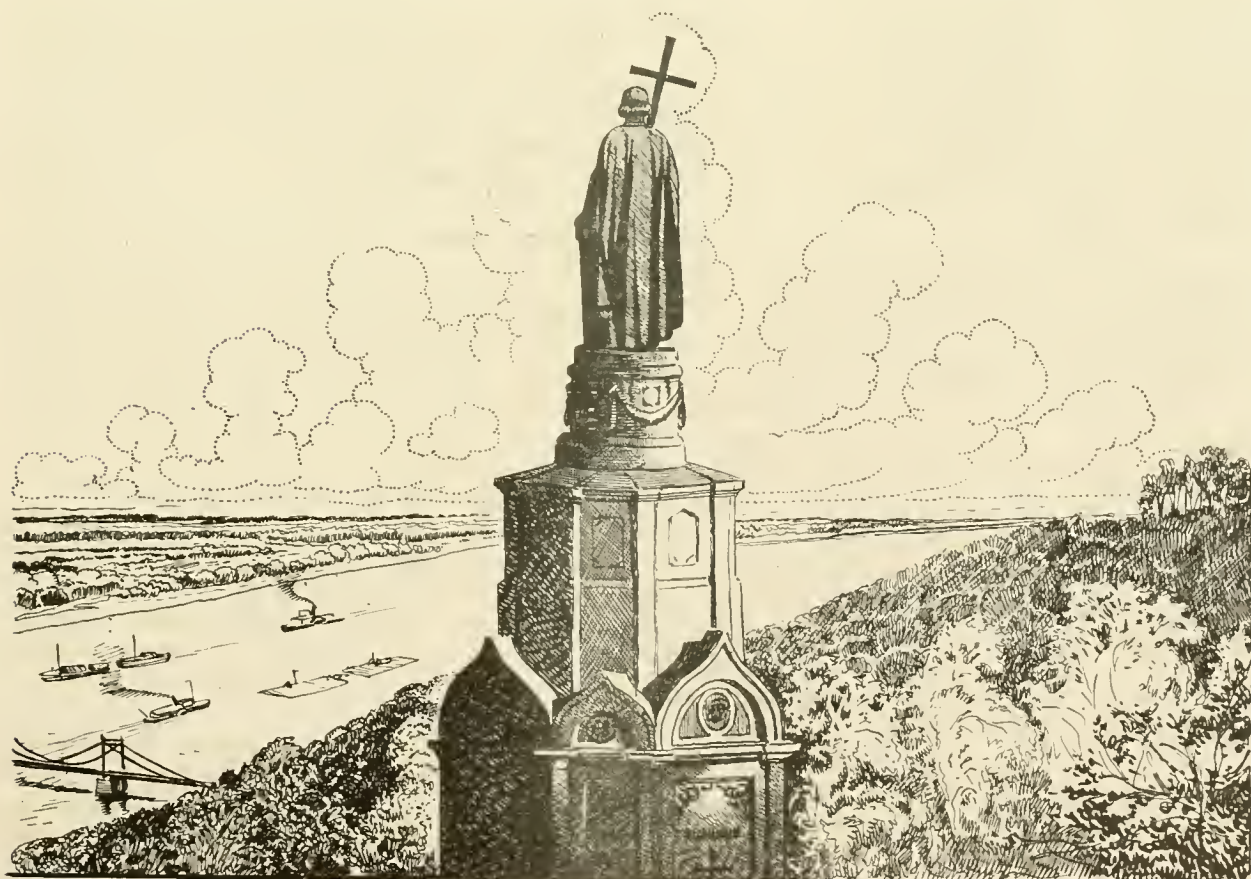
Слышу звон лаврского колокола - он гудит, и звук его далеко разливается по Днепру. Он как будто бы зовет всю Русь к молитве и покаянию.

И верится мне, что пройдет и последнее лихолетье и крест в руках князя Владимира вспыхнет ярким светом и осветит всей Руси ее исконный путь, заветанный Христом:

... "ЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО, КАК САМОГО СЕБЯ".

Киевлянин.

-- оОо --

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК в 1-м КУБАНСКОМ ПОХОДЕ.

9-го февраля 1918 года из Ростова в составе армии ген.Корнилова выступило три донских партизанских отряда, носивших названия по фамилиям их начальников: отряды Краснянского, Лазарева и Чернецова. Последнего не было уже в живых, но отряд сохранил имя своего доблестного начальника.

В станции Ольгинской отряды были сведены в Партизанский полк под командой генерала Богаевского. Отряды стали именоваться сотнями, сохранив свои названия: 1-я сотня Краснянского, 2-я - Лазарева и 3-я - Чернецова.

Молодой полк показал себя с лучшей стороны в первых же боях Добровольческой армии. После боя у Кореновской полк выдвинулся по направлению к станции Платнировской. Из рядов Корниловского полка я наблюдал спокойное, решительное наступление партизан. В их строю было уже столько черкесок, что полк производил впечатление Кубанской части: по вступлении в пределы Кубанской области полк стал быстро пополняться кубанскими казаками - преимущественно пластунами.

При движении за Кубань партизаны оказались в арьергарде и выдержали тяжелые арьергардные бои у Усть-Лабы и у хуторов Фичинповских, прикрывая армию отседавших с тыла большевиков в то время, как остальные части форсировали переправы. Перед станцией Калужской я видел, как генерал Богаевский, стоя открыто, верхом, под огнем большевиков, переправлял своих партизан на крупах лошадей через вздувшуюся горную речку.

После соединения с Кубанским отрядом в ст.Калужской к Партизанскому полку был придан один из батальонов Кубанского стрелкового полка, составивший 2-й батальон, в то время, как основное ядро партизан образовало 1-й батальон. Здесь же генерал Богаевский был назначен командиром 2-й бригады в составе Корниловского и Партизанского полков, а меня генерал Корнилов назначил командиром Партизанского полка.

Из станции Калужской полк в составе 2-й бригады был двинут на станцию Григорьевскую, а по взятии ее - самостоятельно на станцию Смоленскую. Бой у Смоленской вышел тяжелым. Наш берег речки, прикрывавшей станцию, зарос густым лесом, простиравшимся почти до ст.Григорьевской, откуда мы пришли, так что об артиллерийской подготовке не могло быть и речи. Напротив, от станции, стоящей на высоком берегу, пологий скат спускался к реке, давая большевикам отличный обстрел, чем они и воспользовались, развев сильный огонь. Долго все попытки переправиться оканчивались неудачей и полк нес большие потери. Между прочим, был убит командир 2-го батальона, фамилию которого я не помню, так как знал его только несколько дней. Здесь особенно отличился капитан Бузун, который нашел переправу у мельницы и перебежал со своей сотней на другой берег реки, после чего станция была взята. Казаков в станции не оказалось, а иногородние встретили нас настолько недружелюбно, что пришлось угрожать им репрессиями, чтобы получить ночлег и продовольствие.

Из Смоленской полк был направлен в Георгие-Афипскую. В упорном бою под этой станцией 1-ая бригада и Корниловцы залегли под убийственным огнем большевиков и не могли двинуться дальше. Партизаны тоже было залегли в болотистой ложине к юго-востоку от станции жел.

дороги, но моего окрика: "ну, что вы, утки, что ли, что полощетесь в болоте? Вылезай вперед на сухое!" - было достаточно, чтобы двинуть их вперед. Атака Партизан решила участь боя. После этого боя ген.Корнилов сказал мне, что доволен действиями полка. Действия партизан при штурме Екатеринодара подробно мной описаны в сборнике, посвященном десятилетию 1-го похода, а потому я здесь повторяться не буду.

Полк взял ферму, на которой впоследствии был убит генерал Корнилов, предместья Екатеринодара - "Кирпичные заводы" и "Кожевенные заводы" - и был единственной частью, ворвавшейся в Екатеринодар и дошедшей до Сенной площади. Начав штурм в составе 800 штыков, полк к концу штурма имел 300. В числе многих достойных офицеров и партизан был убит доблестный капитан Курочкин - командир 1-го батальона, убит и заместитель командира 2-го батальона, убитого под Смоленской, и в командование 2-м батальоном вступил капитан Бузун; ранены мой помощник полковник Писарев, командир 2-й сотни есаул Лазарев, ранен и я.

При движении от немецкой колонии Гнадау (которую почему-то называли Гначбау) полк составлял арьергард. Партизаны перешли в короткое наступление и взяли пулемет, после чего большевики перестали наступать.

Под станицей Медведовской, в то время, как генерал Марков совершил свой известный подвиг с бронепоездом, партизаны были направлены на станицу и взяли ее после короткого боя.

При полку был очень хороший перевязочный отряд, включенный в состав полка вместе с отрядом Чернецова, при котором он был сформирован. Этот отряд давал возможность возить своих раненых при полку. Я слышал, как генерал Корнилов говорил ген.Богаевскому: "В вашем отряде раненые выздоравливают. Не то, что в общем лазарете." В станице Дядьковской, когда я обходил своих раненых, они с тревогой спрашивали меня: правда ли, что решено оставить тяжело раненых? Я успокоил их, назвал эти слухи провокацией и дал слово, что ни один партизан оставлен не будет. Едва я вернулся к себе на квартиру, как меня позвали на совещание к генералу Алексееву, и я к своему ужасу услышал, что обсуждается вопрос об оставлении раненых. Я рассказал о своем разговоре с партизанами; это вызвало некоторое смущение, но тем не менее большинство высказалось за оставление тяжело раненых. К счастью, у нас подвод оказалось достаточно, и я мог сдержать слово, данное своим раненым.

До возвращения в Донскую область я не припоминаю сколько-нибудь значительных боевых действий полка. Из станицы Егорлыцкой 2-я бригада была направлена на большевистское гнездо - село Гуляй-Борисовку. Партизаны шли в авангарде. Подходя к селу, я с удивлением увидел, что вырытые впереди него окопы никем не заняты. Оказалось, что большевики ожидали подхода каких-то своих частей и, увидев издали нашу колонну, приняли ее за своих и спокойно оставались по своим квартирам. Не теряя времени, мы атаковали село. Большевики были захвачены совершенно врасплох. Началась ловля и истребление их по дворам, в чем тотчас приняли участие и Корниловцы. Пленных сгоняли на площадь на краю села. Вскоре у меня их набралось более 300.

Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание генерала Богаевского: по случаю Страстной Субботы пленных не расстреливать.

В Гуляй-Борисовке мы отстояли Пасхальную заутреню и провели несколько дней праздников. Здесь же полк впервые надел погоны - синие с белым в отличие от Корниловцев, имевших черно-красный погон. Шитьем этих погон было занято чуть ли не все женское население села.

Из Гуляй-Борисовки 2-ая бригада была послана в набег за снарядами и патронами на жел.дорожную станцию Крыловскую (в это же время 1-ая бригада производила набег на Сосыку). Во время этого набега, когда мы готовились атаковать станицу Екатериновскую, ко мне со стороны большевиков подъехал казак и доложил, что их человек 70 желают перейти на нашу сторону.

Мы с ним условились, что они сделают вид, будто идут на нас в атаку, а мы стрелять не будем. Конечно, был известный риск, но казак внушал мне доверие. Все было выполнено по условию: показалась как бы идущая в атаку сотня, которая вместо атаки пристроилась к моему левому флангу. Это произвело отличное впечатление у нас и удручающее впечатление на большевиков, которые вслед за тем легко сдали нам станицу. Однако, оправившись и получив подкрепление, они сами на другой день перешли в наступление с целью взять обратно Екатерининскую. Целый день партизаны и корниловцы отбивали атаки большевиков, которые к вечеру расположились полукругом на ближайших подступах к станице.

Генерал Богаевский решил, оставив для обороны станицы 2-й батальон Партизанского полка под командой капитана Бузуна, с Корниловцами и 1-м батальоном партизан выйти ночью из-за фланга большевиков и атаковать у них в тылу станцию Крыловскую. План удался блестяще: с соблюдением полной тишины бригада выполнила свой рискованный маневр. На Крыловской была захвачена богатая добыча патронов и снарядов. Вторая сотня Партизанского полка взяла и два орудия.

Услышав выстрелы у себя в тылу, большевики, стоявшие перед Екатерининской, начали отступать; капитан Бузун перешел в наступление, и большевики, взятые нами в два огня, рассеялись.

На другой день пришлось выдержать тяжелый бой у станции Михайловской, совместно с подошедшей на соединение с нами 1-й бригадой, против большевиков, получивших новые подкрепления и снова перешедших в наступление.

После этих боев Добровольческая армия расположилась на продолжительный отдых в ст. Мечетинской. Здесь я принял 2-ую бригаду отставшего во главе Донского правительства генерала Богаевского, а Партизанский полк сдал полковнику Писареву. Вскоре затем я уехал в командировку в Москву, а вернувшись оттуда, командовал 1-й дивизией и 1-м корпусом. Партизан мне больше не пришлось видеть вплоть до Кубанского десанта 1920 года, во время которого полк, носивший уже название Алексеевского, под командой полковника Бузуна входил в состав сводной дивизии, но это уже не имеет отношения к 1-му походу.

Б. Казанович.

- - ооо - -

Поговорки: На чужой стороне и весна не красна.
Чужбинка не по шерсти гладит.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ В АРМИЮ.

(Окончание, см. № 19, 20, 21 и 22)

На третьи сутки после отъезда из Чирской мы прибыли в станицу Цымлянскую, или "Цы́млу", как ее называли казаки. При въезде в Цымлянскую нас поразили постройки в этой станице. Маленькие, почти без исключения двух-этажные деревянные домики с балкончиками на улицу невольно напоминали сцену из "Севильского Цырульника": и там выстроен такой же домик с балкончиками, и там на декорациях написаны такие же извилистые улицы с многочисленными одноэтажными домиками. Не было только слышно звучного тенора "Графа Альмавивы", поющего серенады своей возлюбленной, не то можно было бы вообразить, что мы случайно после всех передраг очутились на сцене Мариинского Императорского театра.

Путешествие до Цымлянской было совершено нами благополучно. Мучили нас только холод и ветер, а укрываться было нечем - на пятных была только одна шуба и два бушлата. В интендантском складе в Нижне-Чирской станице шинелей не оказалось, так что пришлось мириться со всеми капризами погоды - то промокать насквозь от дождя, то дрогнуть от холода и высыхать у печки в теплой комнате. Так повелела Царица Судьба.

В станице Цымлянской нам по ордеру атамана была отведена комната на одну ночь. С рассветом мы были снова на ногах и спешили спуститься к Дону, где стоял пароход, который должен был нас отвезти в станицу Константиновскую. По дороге пришлось даже бежать, так как пароход собирался уже отчаливать, но, заметив нас, обождал и принял нас на борт. На пароходе нас предупредили, что необходимо принять меры предосторожности, так как по луговой стороне бродили шайки отставших большевиков. К счастью, все обошлось благополучно и мы около 3-х часов дня подошли к пристани станицы Константиновской.

Станица Константиновская была окружной, а потому больше Цымлянской. Здесь было много хороших каменных домов, были рестораны, кофейные, магазины, торговавшие самыми разнообразными товарами, парикмахерские и несколько кинематографов, а на углах сидели чистильщики сапог. Вдоль домов по улицам были проложены тротуары, а на главной улице была раскинута роскошная аллея. Вся станица освещалась электричеством. Словом, это даже была не станица, а славный маленький уездный город.

В Константиновской мы переночевали только одну ночь. Весь вечер мы провели в хлопотах, связанных с предполагаемым на завтра отъездом. Бегали из Окружного Управления к станичному атаману, чтобы получить разрешение на следование с первым отходящим пароходом в станицу Аксайскую.

Когда же документы были на руках, мы со спокойным сердцем начали думать об отдыхе в отведенной нам комнате, которая отличалась во многом от занимаемых нами ранее помещений. В этот раз нам отвели чудную гостиную с паркетным полом и с большими пальмами и другими растениями по стенам. Дом принадлежал местным богачам, содержавшим еще и кинематограф. Хозяйка - уже пожилая женщина - отнеслась к нам очень ласково. Пригласила нас к столу, накрытому на веранде с видом на Дон, и угостила прекрасным ужином, а после ужина предложила нам занять места в кинематографе, чем мы с радостью воспользовались, чтобы скоротать как-нибудь вечер.

На следующий день после обеда, поблагодарив милую хозяйку за радушный прием, мы отправились на пристань - на пароход. На пароходе собралось много народа. На буксире у парохода должна была тащить-ся барка с пассажирами и какой-то воинской частью. Мы с Потенкиным попали на барку и устроились под навесом. Около 4-х часов пароход с баркой отплыл и поплыл вниз по Дону к Новочеркаску. В 8 часов пароход пристал на несколько часов у станции Раздорской. Этой остановкой мы воспользовались и сошли на берег, и один из ехавших с нами казаков указал нам скромный винный погреб, где выдавалось хорошее вино. Засиделись в погребе довольно долго и в веселом настроении, под маленькой "мухой" вернулись на свою барку и так быстро заснули, что даже не слышали, когда пароход отплыл.

Все утро 18-го мая мы провели в ожидании прибытия в станцию Аксайскую. День выпал пасмурный, сырой, и приходилось мерзнуть на незащищенной от ветров палубе, и наше нетерпение увеличивалось. В полдень погода несколько прояснилась, и даже солнышко временами показывалось из-за туч. Примерно за пять часов плавания до станции Аксайской мы вдруг увидели на далеком горизонте сперва золотые купола, а потом и весь Новочеркасский собор. Радостно забилося сердце. Вот уже видны слегка очертания домов нашего заветного города, о котором мы еще в Ессентуках мечтали, и только несколько часов отделяют нас от него. Погода то хмурилась, то опять прояснялась, а собор вдали на возвышенности все манил и все увеличивал наше нетерпение.

Наконец, около 4 часов 30 мин. вечера мы пристали к пристани станции Аксайской. Быстро выскочили мы на берег и сейчас же отправились на железнодорожную станцию. К нашему великому удивлению мы узрели чистокровных немцев, грузивших какие-то подводы в вагоны. Они были хозяевами на станции. Их комендант, их начальство распространяли свою власть даже на станцию. В душе мы были глубоко обижены, что довелось нам увидеть врагов на нашей земле, еще не покончивших с нами свои расчеты. Но злобу пришлось таить в сердце, и мы решили как можно спокойнее относиться к этому странному и неприятному видению.

На станции долго пришлось сидеть в ожидании поезда. Здесь мы встретили офицеров и солдат Добровольческой Армии, ожидавших так же, как и мы, поезда. Они охотно делились с нами впечатлениями, рассказывали о походе армии, о составе ее, о боях, о большевиках и о многом другом, что нас так интересовало. Это были первые ласточки из армии. Они были действительными участниками 1-го Кубанского похода, героических эпизодов, и мы завидывали им, что они уже были в Армии, а мы только ждем, и что мы еще чужие. Но чувство, что мы сами скоро станем в строй этой Армии, успокаивало наши волнующиеся сердца, а в мыслях мы уже считали себя членами этой Армии, потому что мы носили те же погоны и ту же форму одежды.

Господь внял нашей молитве - мы достигли заветной нашей цели. Дело, на которое мы шли, было воистину, действительно правым, и Господь благословил нас на крестный путь, и Он нас спасал от верной и мучительной смерти. И на Астраханском рейде, и в Царицыне, и в Кривоуздгинской, и во время путешествия по балке, когда мы наравлялись на большевистский разъезд. Везде чувствовалась Его рука, ибо смерти мы избегали только чудом.

В Новочеркасске мы пребыли три дня и отдыхали после долгого и опасного путешествия. В городе было много офицеров. Чувствовалась близость Армии. Наши, Донцы, Кубанцы - все смешались в пеструю толпу. Все пользовались отдыхом после тяжелых походов. Музыка на бульварах, театры, оживление в городе - все это указывало на подъем настроения, на радость по случаю первых больших побед над большевиками.

21-го мая к 11 часам мы собрались у Потемкина, чтобы пообедать пораньше, так как поезд в Аксай уходил в 2 часа дня. В Аксай мы приехали в 4 часа пополудни, но дальше двигаться не могли. Станичное правление не имело права без разрешения немецкого коменданта давать нам лошадей. Обращаться же к немецкому коменданту очень уж не хотелось, и потому решено переночевать в Аксае, а утром на рассвете идти пешком в станицу Ольгинскую, расположенную на противоположном берегу Дона, и оттуда на лошадях ехать дальше в штаб Армии, который находился тогда в станице Мечетинской.

22-го мая рано утром мы вышли из Аксая пешком. Погода была хорошая, и идти было легко. Пройдя мост через Дон, мы вышли на Ольгинский тракт. Пройдя версты три от моста, мы заметили, что к нам навстречу идет разъезд с офицером во главе. Сначала мы думали, что этот разъезд выслан от нашей Армии, но вскоре увидели немецкую форму на всадниках. Немецкий офицер при виде нас нам отсалютовал по всем правилам, скомандовав своим всадникам "смирно". Мы ответили и отдали честь. Поведение немецкого офицера нас поразило и тронуло. Мы и не предполагали, что можем встретить в этом месте германскую воинскую часть.

После девятиверстного перехода мы часам к 8-ми утра подошли к станичному правлению. Атаман распорядился сейчас же насчет подвод. В станице Хомутовской мы переменили лошадей и поехали дальше в станицу Кагальницкую, где встретили 1-й Офицерский конный полк.

Около 5 часов вечера мы прибыли в станицу Мечетинскую и подъехали прямо к дому, где жил полковник Кутепов. Потемкин вошел в дом, а мы тем временем стали разгружать наши вещи с подводы. Вскоре на крыльцо вышел полковник Кутепов, командовавший тогда временно 2-ой бригадой.

- Здравствуйте! - поздоровался он с нами.

- Здравия желаем, господин полковник! - ответили мы дружно.

- Наконец добрались до цели, прибыли в Армию! - сказал Кутепов.

- Так точно, господин полковник!

- Что это вы так руку держите? - обратился вдруг полк. Кутепов к Чегодаеву. - Прямо ладонь, не кривите руки, вот так; распустились, пора и подтянуться.

От Кутепова мы прошли прямо в штаб Армии, где встретились с ротмистром Апрелевым. Так как запись в части была добровольная и не существовало назначения, то, спросив совета у ротм. Апрелева, мы решили записаться во 2-ую сотню, которой командовал полковник 4-го гусарского Мариупольского полка Л. Яновский.

23-го мая мы были записаны и зачислены в армию. Условия зачисления были следующие: мы обязаны были служить в Армии 4 месяца и только по истечении этого срока могли покинуть ее ряды. Жалованье было 30 рублей в месяц. Желание наше было исполнено - мы получили разрешение явиться командиру сотни полковнику Яновскому по случаю

зачисления в его сотню. Был вызван вахмистр, который нас зачислил в 3-й взвод. Там же нам отвели квартиру, где мы поселились с нашими новыми боевыми товарищами - кадетами Малаховым, Пальчевским и Драшпилем.

Так закончилась наша эпопея путешествия кружным путем в Добровольческую Армию, в которую мы так стремились попасть. Цель была достигнута, и мы благодарили Бога за Его милость во время нашего трудного крестного пути.

Аргентина.

Михаил Борель

- - оОо - -

ЗАВЕЩАНИЕ.

Я умру, как и все в поднебесной,
В Боге точно назначенный год.
И в могиле глубокой и тесной
Свой последний закончу поход.

Мне цветов на могилу не надо -
Только горсточку русской земли.
То последняя будет награда -
Мнить себя от родной не вдали.

Чтоб Небесная Сила хранила,
Положите на грудь образок,
Русский флаг, что душа так любила,
И заройте в прибрежный песок.
Ведь его много раз целовала
И ласкала морская волна,
Та, что с севера к нам забежала -
Из краев, где родная страна.

Для могилы из травки ограда,
Да из дерева крест - хороши,
Никаких монументов не надо,
Лучше бедным отдайте гроши...

Все равно, не вспомнят потомок,
Что лежит там России певец:
Для него я - былого обломок,
Да печальной страницы конец.

Но когда разойдутся туманы,
Станет Русь наша снова Святой,
Рифм воздушных моих караваны
Кто-нибудь да прочтет со слезой.

+ В.А.Петрушевский.

- - оОо - -

ФЕЛЬДМАРШАЛ М.И. КУТУЗОВ.

... "Для русских историков Наполеон - это ничтожнейшее орудие истории, никогда и нигде, даже в изгнании, не выказавший человеческого достоинства, - Наполеон есть предмет восхищения и восторга; он - "Гранд".

"Кутузов же, тот человек, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу, ни одним действием, ни словом не изменяя себе, являет необычайный в истории пример самоотвержения и создания в настоящем будущего значения события, - Кутузов представляется им чем-то неопределенным и жалким, и, говоря о Кутузове и 12-м годе, им всегда как будто не-множко стыдно".

Так Л.Н.Толстой в романе "Война и Мир" оценивает деятельность и историческое значение Кутузова, как Верховного Главнокомандующего в войне 1812 года.

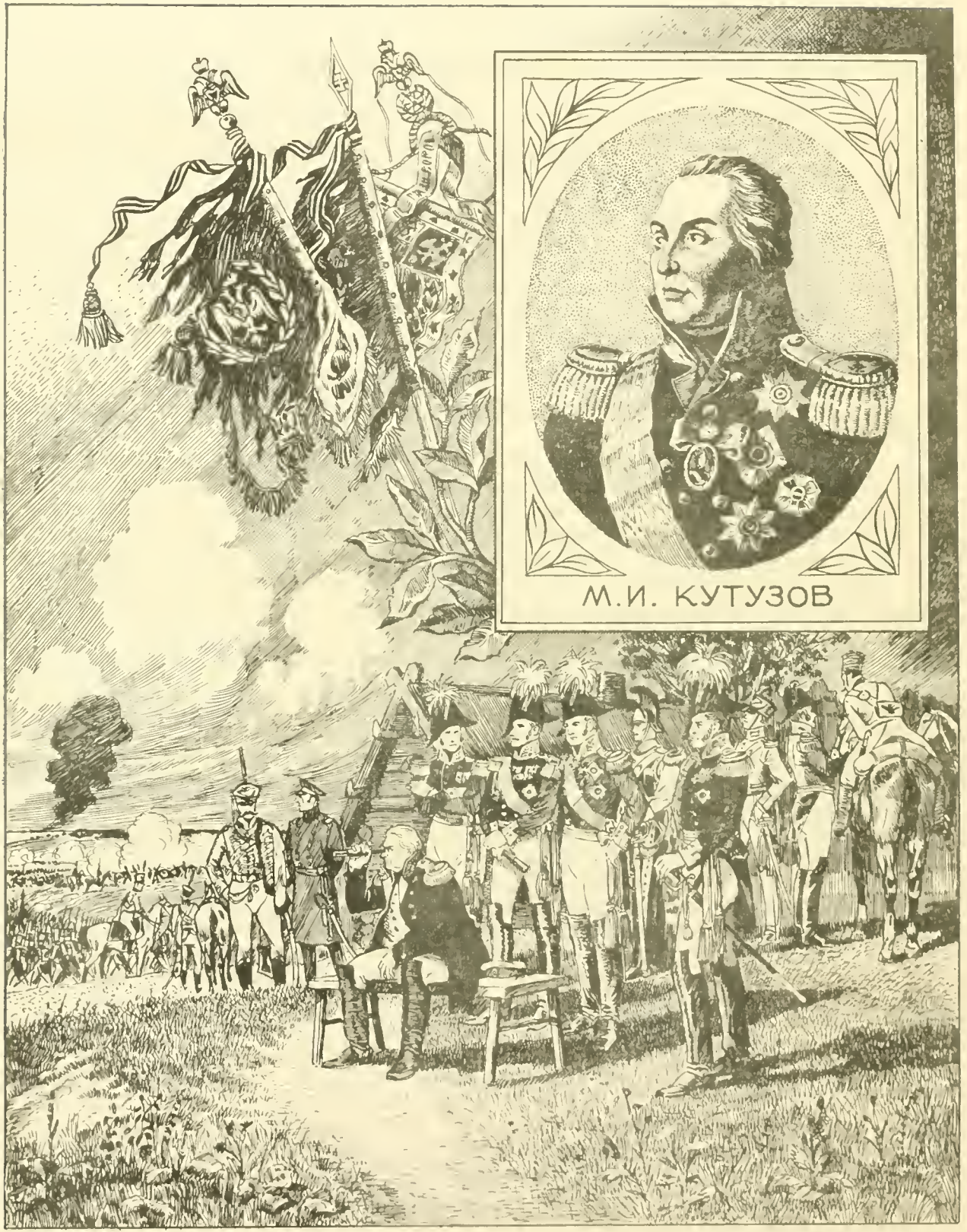
Невольно вспоминается 1912 год - празднование в России столетия Бородинской битвы. Тогда на Бородинском поле в Высочайшем присутствии, при съехавшихся со всех концов России представителях Армии и многочисленных общественных делегациях, при участии делегации от Французской армии, разыгрались грандиозные маневры, закончившиеся воспроизведением Бородинского боя. Во всех учебных заведениях происходили торжественные акты, на которых читались доклады, декламировались "Бородино" Лермонтова и басня Крылова "Волк на псарне" и исполнялась "Увертюра 1812 года" Чайковского.

Это были празднества официальные. Нет сомнения, что русский народ сочувственно отнесся к юбилею Отечественной войны. Перечитывались "Война и Мир", многочисленные мемуары участников войны, писались картины, снимались фильмы - у всех на устах были Наполеон, Мюрат, Ней, Бертье, экс-императрица Жозефина. Говорили, но меньше, о Барклае де Толли, Багратионе, Милорадовиче, и меньше всего о... "престарелом фельдмаршале, князе Смоленском М.И.Кутузове".

Книжные магазины и газетные киоски были завалены открытыми письмами с изображениями Наполеона во всех видах - Наполеон в Египте, Наполеон на Аркольском мосту, в битве под Аустерлицем, Ваграмом, Фридландом, Ватерлоо... Наполеон на корабле, отплывающем на остров св.Елены, и т.д., и т.д. Повсюду продавались статуэтки Наполеона, периодические журналы пестрели рассказами и анекдотами из жизни "Великого Корсиканца". Но, насколько мне не изменяет память, ни открыток с изображениями Кутузова, ни его бюста, ни репродукций с картин, где фигурировал бы Кутузов, за исключением известной картины худ. Кившенко "Совет в Филях", я не видел. Если же они и были (и наверное были), то весьма в ограниченном количестве *).

Наполеон бесспорно - крупная историческая личность. Некоторые историки называют его "великим" полководцем, завоевавшим чуть ли не всю Европу, - все это так, но ведь этого прославленного полководца победил наш русский полководец, уничтоживший его армию и положивший начало концу его карьеры.

*) Прии. Редакции: Единственная медаль в честь Кутузова была выпущена в 1813 году.

М.И. КУТУЗОВ

На торжествах 1912 года личность Наполеона - врага нашей Родины - доминировала над всем, в том числе и Кутузовым.

Несмотря на затеянную им бессмысленную войну, смахивавшую на авантюру, на постыдное бегство из Москвы, осквернение наших святынь - несмотря на все это личность Наполеона в глазах массы русских не потеряла своего ложного обаяния.

Когда Россия была величайшей державой, когда ее престиж был велик, когда с ее голосом считался весь мир, на это явление как-то не обращалось внимания, и только теперь, в эмиграции, мы видим, насколько мы были несправедливы и как мы унижали себя в глазах иностранцев, видевших наше едва ли не поголовное обожание человека, по воле которого было столько пролито слез и крови.

В С.Петербурге перед Казанским Собором, выстроенным в память "изгнания двенадцати языков", поставлены два памятника - справа Барклай де Толли, слева Кутузову - памятники одинаковые по величине и по позам, но одинаковы ли были эти два полководца?

Мог ли Барклай де Толли, если бы он и дальше, после Царева-Займища, оставался главнокомандующим, дать Бородинскую победу, мог ли бы он отдать приказ об оставлении Москвы?... Думается, что и император Александр 1-й не решился бы отдать такой приказ!

Только один Кутузов на военном совете в Филях мог отдать этот исторический приказ.

"С потерей Москвы - не потеряна Россия, доколе сохранена армия. Уступлением столицы мы подготовим гибель неприятелю..." (из доклада Кутузова императору Александру 1-му).

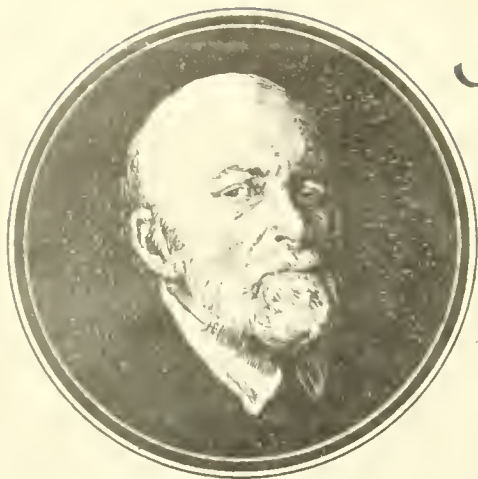
Каким образом Кутузов один, вопреки воле императора, многих генералов и придворной камарильи, мог дать такой приказ?

Л.Н.Толстой так отвечает на этот вопрос: "Источники этой необычайной силы прозрения в смысле совершающихся явлений лежали в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его".

Став Главнокомандующим, Кутузов понял, что в борьбе с Наполеоном нужна не только армия, но необходимо вовлечь в войну народные массы и обратить ее в войну народную - Отечественную.

Его природные способности, образование, военные таланты, храбрость, знание солдата и отношение к нему, как к человеку, а не как к манекену, что в то время с легкой руки Фридриха Великого практиковалось во всех европейских армиях, - все это создало Кутузову огромную популярность во всех слоях народа. Он стал народным вождем, а став таким, мог отдать без боя Москву и смог организовать преследование неприятеля, воздерживаясь от больших боев, так как считал, что и без лишних жертв с нашей стороны Наполеоновская армия при отступлении все равно должна погибнуть.

Победоносно закончивши Отечественную войну, поставивши Россию на небывалую высоту в глазах всего мира и получив высшую награду - орден св.Георгия 1-й степени - генерал-фельдмаршал, Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский 5-го апреля 1813 года умер в незнакомом и чужом немецком городке Бунцлау, вдали от родных и близких. Тело его было перевезено в С.Петербург и похоронено в Казанском Соборе, и только скромный памятник свидетельствует о жизни и делах великого полководца и патриота.

Н.И. Пирогов

Н.И.Пирогов – это яркий алмаз, засиявший в 19-м веке в венце русской науки, где он и поныне всеми оценен и сияет полным блеском. "Заветы Пирогова" послужили той нивой, на которой вскармливались те поколения русских врачей и сестер милосердия, которые без раздумья несли свой труд, покой, здоровье и даже свою жизнь в неудержимом порыве на благо страждущего человека, призывающего их помощь.

13-го ноября 1810 года в русской семье чиновника, глубоко религиозной, где весь строй семейной жизни был патриархальный, родился тринадцатый ребенок – мальчик Николай, будущий знаменитый русский и мировой ученый, анатом-хирург и педагог. Врач – Божией милостью.

Родители Коли были очень набожны. В семье строго соблюдались посты, и хотя Коля был самый младший, но ни для него не делалось исключения. Религиозные воспоминания детства оставили неизгладимый след в душе Н.И.Пирогова.

Читать Коля научился сам собой, шести лет. У него была интересная иллюстрированная азбука, состоящая из отдельных карт с карриатурами на Наполеона и французов. Научившись читать, он полюбил книги, подаренные ему его отцом. Когда мальчику минуло восемь лет, к нему был приглашен домашний учитель; затем он учился в частном пансионе.

Хотя университетский устав не допускал в студенты лиц моложе 16-ти лет, но, ввиду прекрасных отзывов всех экзаменаторов, Пирогов вступает в Московский Университет студентом-ребенком 14-ти лет. Получив в 17 лет звание лекаря, он зачисляется на казенный счет в Дерптский Университет, где проводит пять лет, защищает докторскую диссертацию в 1833 году и уезжает на казенный счет в Берлин и Геттинген, где, работая при университете, проводит два года. После этого Пирогов сразу получает предложение занять кафедру профессора по анатомии в Дерпте.

Размеры этого очерка не позволяют охватить в полной мере труды и достижения и всю красоту нравственного облика этого ученого, который сто лет тому назад как раз находился в полном расцвете своей деятельности, плодами которой наука пользуется и поныне; поэтому только самое значительное, что относится к его достижениям в медицине, будет здесь отмечено.

Богато одаренный талантами, обладая пытливым умом, Пирогов был неутомимым работником. Он находил время работать в университете по

восемь часов ежедневно, как профессор, оперировать больных и создавать научные труды такой значительности, как, например, "Анналы Хирургической Клиники" (1838), получившие все-европейское признание, а потом и мировую известность.

Появление на кафедре хирургии молодого 26-летнего профессора произвело среди немецких ученых и дерптской публики не малое впечатление. В аудиториях, в анатомическом театре собирались слушатели не только медицинского, но и других факультетов. Удивительно было студентам-немцам слушать с высоты кафедры русского ученого, сообщавшего им в талантливой и глубоко научном изложении, на их родном языке, великие завоевания именно той отрасли медицинских знаний, в которой требуется не догматическое лишь сухое изложение, а громадные научные знания и искусство, для всех одинаково видимое и понятное.

В 1838 году, будучи командирован Дерптским университетом в Париж, Пирогов явился к знаменитому французскому хирургу Вельпо, светилу Парижской Медицинской школы, с желанием поучиться у него. Когда Вельпо узнал, что перед ним стоит Пирогов, он с живостью ответил: "Вы застали меня за вашей "Анатомией", - не вам учиться у меня, а мне у вас".

Пирогов один из первых не только в России, но и в Европе проводил в широких размерах эксперименты над животными и таким образом находил пути решать сложнейшие хирургические вопросы.

В 1841 году, 31-летним молодым человеком, Пирогов получает кафедру в Санкт-Петербургской Медицинской Академии. С переездом в столицу молодой профессор проявляет кипучую деятельность: он принимает участие в жизни столичных медицинских обществ, читает научные доклады, имеет огромную практику. Его лекции в Военно-Медицинской Академии посещают студенты других военных учебных заведений, литераторы и художники. Об его изумительных операциях слагаются целые легенды. Его имя становится известным всей России.

Среди других ученых трудов Пирогова петербургского периода выделяется его "Топографическая Анатомия" - труд мирового значения, так как и по сию пору он служит основанием современного преподавания анатомии во всех медицинских школах мира. Этот труд обессмертил имя Пирогова и доказал, что русская научная медицина имеет право на уважение всего образованного мира.

В 1847 году Пирогов в первый раз в России применяет эфирный наркоз при операциях.

В 1854 году - великая севастопольская страда. Пирогов едет в Крым, развивает кипучую деятельность, как хирург и как администратор полевых лазаретов и госпиталей. Его трудами и настойчивостью создается "Крестовоздвиженская Община Сестер Милосердия", которая послужила прообразом создания Общества Красного Креста во всем мире. Производя сотни и тысячи операций, Пирогов был овеян легендарной популярностью в самых широких и глубоких народных массах.

Много есть рассказов, созданных на основе этой популярности. Однажды на перевязочный пункт несли на носилках солдата без головы. Доктор, стоя в дверях, махал руками и кричал солдатам: "Куда несете? Ведь видите, что он без головы!" Солдаты отвечали: "Ничего, ваше благородие, голову несут за нами, господин Пирогов какнибудь приладит, авось, еще пригодится наш брат-солдат".

Результатом опыта и наблюдений Севастопольской кампании в 1864 -1865 годах появляется труд "Военно-полевая Хирургия". Идеями Пирогова воспользовались не только Россия, но и Германия, Япония и другие страны для своих армий.

Его сочинения - это проповедь неустанного труда на пользу человечества, проникнутое любовью к ближнему. Он горячо любил родину, русский язык, русскую литературу, русскую историю. Но, оставаясь горячим патриотом, Н.И.Пирогов учил любовно и с уважением относиться ко всем народностям, населяющим Россию, для которых Россия должна быть, по его убеждению, родной матерью, а не злой мачехой. И как врач, и как педагог, он не делал никогда разницы между людьми различных национальностей, обращающихся к нему за советом и помощью. Он учил уважать чужое мнение, не гордиться своим превосходством, но в то же время стойко оберегать все русское, национальное, быть достойными сынами великой России.

Будем же и мы - русские, находящиеся в Зарубежье - вспоминать чаще его великие заветы и чтить его светлую память.

Д-р мед. И.Гончаров.

- - оОо - -

ПОХОРОННЫЙ МАРШ.

Уж сумрак вечерний повис над селом,
Когда мы своих хоронили,
Сраженных в неравном бою роковом,
И молнии с неба светили.

Играли "Коль славен", и полк "на краул"
Держал в честь героев сраженных.
И музыке вторил торжественный гул
Раскатов громов отдаленных...

Полсотни гробов перед фронтом прошли,
Сам вождь впереди шел к могиле,
И в лоно сырое холодной земли
Мы прах командира спустили.

Росла в нашем сердце немая печаль,
И губы шептали молитву,
И взором души мы стремились вдаль
На новую славную битву,

Где жертвы погибших в бою роковом
Отыскать мы сурово решили,
И в грустном молчаньи, со скорбным челом
Мы все от могил уходили.

(В бою под Белой Глиной было убито 50 офицеров во главе с полковником Жебраком).

Русские в Америке

Очерк А.Ф.Долгополова

ФОРТ РОСС.

30-го августа 1812 года, в то время, когда Наполеон подходил к Москве, на другом конце света ватага русских удальцов-охотников освящала в день тезоименитства Императора Александра 1-го только что построенную крепость РОСС.

Задуманная легендарным Барановым, Правителем Русской Америки, база для охотников на пушного зверя и земледельческая колония для питания населения Аляски была осуществлена Иваном Кусковым, прибывшим на корабле "Чириков" с 95-ю промышленниками и 80-ю алеутами на 40 байдарках.

Испанские владения дальше Сан Франциско не шли. Никем из европейцев не занятые плодородные земли, богатые лесом, дичью и рыбой, с согласия местных индейцев были заняты русскими — от Бодеги до мыса Мендосино.

Место для крепости было выбрано в 18 милях от Бодеги — первого русского поселения в Калифорнии, основанного в 1809 году, — к северу от реки Славянки, на высоком плоскогории у самого океана, у подножья лесистых гор; около крепости протекали два ручья. Крепость была расположена у небольшого, защищенного от ветров залива и плоского берега у устья ручья, удобного для нагрузки и ремонта кораблей.

Под залп пушек был поднят русский флаг. Поселенцы праздновали именины Царя и завершение постройки крепости.

Столы ломились от изобилия дичи, птицы и рыбы, бочек рома и водки. До глубокой ночи горели костры, неслась русская песня — охотники вспоминали свою далекую родину.

Не подозревая о грядущем России великом испытании и гибели Москвы, русские поселенцы принялись за мирный труд.

Крепость представляла собой прямоугольник размером 29 на 42 сажени, обнесенный тыном в 12 футов высоты. Заостренные бревна красной сосны, врытые в землю, две сторожевые башни с 15-ю пушками, рубленные из толстых бревен, расположенные в противоположных углах, защищали подступы с моря и суши.

Церковь и дом Правителя занимали остальные два угла.

Были построены: контора, склады, бараки для жилья, кухня, баня, кузня и другие службы. Был вырыт колодезь.

Охотники уходили в горы на охоту, алеуты охотились на морских зверей и ловили рыбу.

Были разведены огороды, засеяны поля.

В 1814 году внутри крепости было 9 построек, вне крепости — 50 домов для жилья поселенцев, хижины алеутов, вигвамы индейцев, конюшни, коровник, загоны для овец, коз и свиней; были разведены куры и гуси.

Была построена ветряная мельница - первая в Калифорнии. Мука отправлялась в Аляску и продавалась испанцам, так как испанцы не имели в Калифорнии ни одной мукомольной мельницы и толкли зерна в каменных чашах.

Были устроены всевозможные мастерские - кузнечная, кожевенная, сыромятная, кирпичная, черепичная, плотничья, мыловаренная и т.д., построены бани, пекарни и молотильный ток.

Были засажены первые в Северной Калифорнии фруктовые сады: вишни, абрикосы, сливы, груши и яблони; были разведены виноградники и устроены пасеки.

Русские поселенцы изготовляли бочки для засола рыбы, солонины, масла и овощей; варили из ягод варенья, собирали орехи, дикую горчицу (до 20 пудов в год).

Гнали смолу, добывали асфальт. Нашли недалеко от Форта уголь для кузни, рубили лес, ткали одеяла.

Испанцы из Сан Франциско вели оживленную торговлю - в 1815 году русскими было продано товаров на 6659 пиастров - табак, сахар, железо, медная посуда, черепица, сукна, воск, обработанная кожа и другие изделия.

В обмен брали зерно, горох, бобы, мясо, сало и сырые кожи.

Дружба с испанцами и индейцами, искавшими у русских защиты от жестокости испанцев, увеличивавшаяся торговля и деятельность русских - заставили Наместника Испанского Короля в Мексике, опасаясь захвата русскими всей Калифорнии, отдать приказ, запрещающий торговлю с русскими и прекращающий дружбу и всякие сношения с русскими.

Для остановки движения русских внутрь страны было срочно построено целый ряд крепостей-миссий; но насильственное крещение индейцев и жестокости испанцев, ловивших индейцев арканами, заставляли индейцев искать защиты у Форта Росс.

Русские насильно никого не крестили, за работу платили, с индейцами дружили, и многие охотники и алеуты брали себе в жены девушек индейских племен, поселившихся у Форта, предварительно крестив их.

Многие индейцы сами крестились; от смешения русских, индейцев и алеутов произошло новое племя - - остатки которого до сего дня обитают высоко в горах в Заповеднике Кашая, сохранив в своем языке до полусотни русских слов.

Изобилие пушного зверя, морские бобры и коты, выдры, тюлени, моржи и сивучи оправдывали существование колонии.

Сеяли гречиху, рожь, пшеницу, овес, ячмень, лен, мак, табак, капусту, свеклу, арбузы, дыни, тыквы, лук, чеснок, репу, картофель и другие овощи.

В 1818 году Форт Росс был самой могущественной крепостью в Калифорнии. В нем было 42 пушки, население достигало 800 человек. Это был самый крупный оживленный торговый и индустриальный поселок.

Во всей Калифорнии в это время проживало не более 2000 испанцев.

Начатое русскими в скромных размерах скотоводство разрослось до огромных стад рогатого скота, лошадей и овец.

С 1815 по 1829 год урожай дал 25000 пудов зерна.

Ежегодно на нескольких кораблях в Аляску отправляли муку, зерно, овощи, мясо, солонину, масло, яйца и меха, добытые на форте, плюс все то, что покупалось и обменивалось у испанцев, продолжавших

вести торговлю с русскими, не взирая на официальный запрет.

Положение испанских колоний было печально. Запрещая торговлю с иностранцами, Испания не могла снабжать свои колонии изделиями и товарами.

Хотя все население Форта были вольные люди, казаки, охотники и служащие Российско-Американской Компании, но дисциплина была военная, производились учения, днем и ночью на башнях, у заряженных пушек стояли дозорные, а у ворот - часовые.

С 1816 года у Форта Росс в заливе были устроены верфи, и русские стали строить корабли под руководством мастера Груднинина. Первый корабль, построенный в Калифорнии в 1819 году, был бриг "Румянцев", в 160 тонн; в 1820 году построен "Булдаков" - 200 тонн, в 1822 г. - "Волга", 160 тонн, в 1824 г. - "Кяхта", 200 тонн, и т.д.

Калифорнийский лес оказался недолговечным, и судостроение сосредоточилось в Ново-Архангельске (ныне Ситка), бывшей столице Русской Америки.

Русские кругосветные корабли и научные экспедиции заходили в Бодегу и Форт Росс, привозя товары, всевозможные изделия и почту.

Русскими учеными было сделано много открытий. Так, например, калифорнийский "штатный цветок" - желтый мак - до сих пор носит имя доктора Ивана Эшгольца, бывшего в Калифорнии в 1816 году с экспедицией Коцебу.

Русские корабли чинились, запасались свежей провизией - мясом, овощами, водой и дровами.

Вокруг Форта были устроены фермы - Черных, Костромитинова, Хлебникова и др.

В 1838 году алеуты были возвращены на Аляску - пушной зверь был уже истреблен, сырой климат оказался непригоден для земледелия - все удобные земли уже были захвачены новыми пришельцами - американцами.

Нежелание русского правительства поддерживать русские колонии в Америке, зависть и неприязнь иностранцев, дальность расстояния и отсутствие добровольных поселенцев - все это повлияло на оставление Русских Колоний в Калифорнии.

С англичанами был заключен договор на поставку необходимых припасов в обмен за аренду узкой прибрежной полосы.

По приказу из Санкт-Петербурга все движимое и недвижимое имущество было продано капитану Саттеру за 30.000 пиастров, в рассрочку.

31-го декабря 1841 года русские покинули Калифорнию.

Были оставлены пушки на бастионах, колокола в церкви, мебель в домах - первое в Калифорнии пианино было оставлено в доме последнего коменданта А.Ротчева.

Были оставлены до 4000 голов скота и все земледельческие орудия.

Шли годы, менялись владельцы, разрушались и расхищались здания и имущество.

Форт Росс по очереди был отелем, почтовой станцией, складом, телеграфной конторой.

В 90-х годах началась усиленная рубка леса в окрестностях Форта.

В 1906 году, по инициативе американского издателя Херста, были собраны деньги для сохранения исторических памятников Калифорнии -

Форт Росс был куплен и передан Штату.

В 1915 году была реставрирована церковь, в 1926 году - башня, в 1940 году комендантский дом и частокол. Под комендантский дом был подведен бетонный фундамент и сделана новая крыша. Все позднейшие пристройки были сняты. Была возведена вторая башня на месте сгнившей. Были тщательно скопированы русские срубы и засечки; на постройку пошли все русские железные скрепы и костыли.

В настоящее время в доме коменданта устроен музей. У входа - два мельничных жернова, окованных железными обручами, сохранившиеся от русской мельницы. В доме сохранился двухсторонний камин русской кладки.

Вокруг Форта осталось много следов пребывания русских. Русский фруктовый сад со столетними обомшелыми яблонями и грушами - праотцами всех фруктовых садов Северной Калифорнии, все еще приносящими плоды.

На забытом кладбище, через овраг, сохранилась последняя домовина над чьей-то могилой неизвестного русского.

Кое-где у моря можно найти вделанные в скалы кованые кольца для причала кораблей и подъема грузов.

В первой православной церкви в континентальной Америке находится несколько икон, аналой, подсвечник, могильный крест и колокол. На колоколе литая надпись: "Отлит на заводе мастера купца Михаила Макарова Стуколкина в С. Петербурге (пропущена буква Г)".

После ухода русских колокол долгое время был в Сан-Франциско в пожарной команде, потом попал в г. Петалуму и в 40-х годах был возвращен в Форт.

В доме коменданта устроен музей в шести маленьких комнатах с деревянными полами. Развешено по стенам и выставлено в витринах все, что удалось найти и собрать из прошлого: оружие, ружья, тесаки, топоры, скрепы, гвозди, монеты, пули, обломки посуды и многие мелкие вещи домашнего обихода.

При ремонте дома были найдены свинцовые бомбы Российской-Американской Компании - буквы Р.А.К. с гарпуном на одной стороне и двуглавым орлом на другой. Этими бомбами запечатывались тюки с мехами для отправки в Аляску и Сибирь.

Рисунки, гравюры, фотографии, карты русских поселений, копии документов свидетельствуют о достижениях и трудах первых русских поселенцев в Калифорнии.

Интересны кандалы с замком, найденные несколько лет тому назад в лесу; там же было найдено заржавленное ружье и человеческий скелет.

На самом почетном месте висит флаг Российской-Американской Компании - копия развевавшегося когда-то над Форт Россом русского флага - подарок музею от бывшего Русского Исторического Общества в Сан-Франциско.

Бесследно исчезли русские пушки, первое в Калифорнии пианино, оставленное в доме коменданта, и все остальное имущество.

В течение последних лет с 1925 года ежегодно 4-го июля устраивается паломничество русских на Форт.

И снова величавые песнопения разносятся по горам и долам, будя души усопших и вызывая слезы у живых.

"За упокой душ усопших строителей храма сего" - молятся паломники. После церковной службы устраиваются экскурсии в окрестности;

во дворе Форта - пикник, и на один день в году Форт снова делается русским.

На Форту находятся два служащих, следящих за порядком и производящих необходимые починки.

Беспощадное время и человеческое невежество истребили и уничтожили почти все памятники пребывания наших славных предков в Северной Калифорнии в 19-м веке, но память о русских сохранилась в географических названиях - гора Святой Елены, Русский Ключ, Русская Гора, Водега-Кусково, Залив Румянцева, Москва, Севастополь, Русское Ущелье, Русская Река.

- o -

В августе 1962 года был торжественно отмечен 150-летний юбилей основания Форта.

На Форте, рядом с Американским флагом, развевался Русский трехцветный флаг.

В старинной православной церкви Епископом Иоанном Сан-Францисским с сонмом духовенства и хором был отслужен молебен. По горам и долам разносилось звонкое русское церковное пение, волнуя сердца паломников и будя души усопших.

После церковной службы было устроено собрание на открытом воздухе: у одной из башен была устроена трибуна, где собрались представители властей, исторических обществ и русских национальных организаций.

Был оглашен приказ Правительства Соединенных Штатов Америки, по которому Форт Росс из Штатного исторического Памятника переименовывается в Федеральный исторический памятник; властями приобретено около 500 акров земли вокруг Форта.

С речами выступали представители Штатного правительства, представители Калифорнийского Исторического общества и русских национальных организаций. Все они отмечали заслуги первых русских колонистов, принесших христианство, культуру и знания в эти далекие, малоизвестные дикие места.

Русские представители искренне благодарили американцев за спасение и сохранение этого исторического памятника пребывания наших предков в Калифорнии.

Боевые знамена 6-й Американской Армии с почетным караулом придавали официальный характер этому исключительному торжеству. Форт вмещал около 2000 посетителей - большая часть из них были русские, главным образом, жители Сан Франциско и дачники с Русской реки.

По странному совпадению места эти стали излюбленными для русских дачников из Сан Франциско. Всюду слышится русская речь, русские имена на почтовых ящиках.

"Возвращается ветер
в круги своя"...

Александр Долгополов.

Говоря о русской живописи второй половины 19-го и начала 20-го века, невозможно не упомянуть о Репине. Репин и русское искусство неразрывно связаны.

В настоящем очерке не приходится говорить о таланте этого выдающегося художника, уже потому, что автор не обладает ни достаточными знаниями, ни способностями, чтобы критиковать творчество Репина. К тому же, о Репине так много написано известными знатоками искусства, что не было бы смысла касаться этого вопроса.

Но кто же был Репин?

Дело в том, что в СССР за последние годы издано много альбомов с предисловиями о Репине и богато иллюстрированная монография о нем, составленная худ. Грабарем, известным искусствоведом.

Во всех изданиях проводится мысль, что Репин, если и не был коммунистом, то во всяком случае сочувствовал революционному движению и в своих произведениях преклонялся перед революционерами и ждал с нетерпением падения ненавистного ему режима.

Постараемся на основании его произведений разобраться в этом советском утверждении — был ли Репин таковым или нет? О правителях история судит по их делам, о писателях по их литературным трудам, о художниках — по их картинам. Репин был одним из самых продуктивных художников, им написано наибольшее количество картин и портретов, вошедших в историю русского искусства, а после его смерти Финский музей получил десятки альбомов с карандашными и акварельными зарисовками.

В былое время в России Репин был самым популярным художником. Репродукции с его картин "Запорожцы" и "Бурлаки" были чуть ли не в каждом, даже мало интеллигентном доме. Из многочисленных работ Репина можно выбрать некоторые, которые могли бы нам осветить личность знаменитого художника.

Так, к картинам на политические темы, революционного характера, следует отнести: "Крестный ход в Курской губернии", "Арест пропагандиста", "Сходка", "Отказ от исповеди", "Не ждали" и "17-ое октября" (1905 г.).

"Крестный ход в Курской губернии" написан в двух вариантах. Более известный второй написан в 1883 году. Картина написана молодым Репиным и безусловно под революционным влиянием. Талантливо изображена толпа, сопровождающая крестный ход, но, за исключением крестьян, почти все остальные персонажи смазываются на карикатуру.

Так, толстая, рыхлая помещица, несущая икону, вместе с глупой физиономией девушки и старушки, несущих пустой киот от иконы; об-

рызгший с красным носом важный купец, львинообразный диакон; тут же становой, угрожающий кому-то палкой; справа - стражник на лошади, кого-то хлещущий нагайкой. Что такие типы, как стражник с нагайкой, были - всем известно, но чтобы в многочисленной толпе в крестном ходе не нашлось хотя бы одной смысленной физиономии - это уже ложно, и Репин умышленно переборщил: картина тенденциозная.

В картине "Арест пропагандиста" изображен арест в селе интеллигента, пошедшего "в народ". Лицо пропагандиста также не может вызвать к нему симпатии - лицо озлобленное, ненависть сквозит во всей его позе. В избе крестьяне - они смотрят на него с недоумением, даже с жалостью, не понимая, зачем "барин" надел поддевку и смазные сапоги, живет в избе, читает им непонятные брошюры; речи его им непонятны: "барская затея". Репин изобразил бесплодность и несостоятельность хождения интеллигента "в народ".

О картине "Отказ от исповеди" Машковцев в альбоме "Репин" так пишет: "...непреклонность, негибкость революционной воли Репин изобразил...". Смешно говорить о какой-то негибкости революционной воли. Старенький священник с крестом пришел напутствовать осужденного террориста; священник не думает вступать в политический диспут с революционером, он не думает его осуждать, он пришел с крестом и Именем Христа. Что же он встретил? Дерзкий взгляд, в глазах - самовлюбленность. Террорист горд тем, что что-то сделал. А что он сделал? Бросил бомбу, убил кучера, лакея, быть может, и того, кто сидел в карете. Тут же погиб постовой городской, проходящий мелкий чиновник, рабочий... но это не важно - что значит для него смерть этих невинных людей? Главное - он бросил бомбу.

Посмотрите на революционера, призывающего к революции в картине "Сходка". На кого он похож? - Только не на человека, проповедующего "свободу, равенство и братство"!

Самая замечательная из работ Репина, связанных с деятельностью революционеров, - картина "Не ждали" (Машковцев).

В крестьянской одежде входит в комнату возвратившийся из ссылки политический. В комнате его мать, жена, дочь и сын. Он не бросается в объятия матери, не пытается обнять жену и детей - нет, на лице его не видно ни радости свидания, ни любви... Это чувствуют все его родные и даже горничная, стоящая в дверях. Он для семьи чужой. Его приход скорее испугал, но не обрадовал.

О картине "Манифестация 17-го октября" (1905 г.) говорить не приходится. Картина была на выставке и не имела успеха.

Освобожденного из тюрьмы революционера на плечах несет толпа, он размахивает кандалами. Тут же студенты, малолетние гимназисты, курсистки с безупречными глазами поют марсельезу. Старый отставной генерал с недоумением смотрит на эту толпу. Репину не удалось изобразить торжество свободы, восторг толпы, да и как он - реалист - мог изобразить то, чего не было.

Наравне с этими картинами на политические темы мы находим у Репина другие, которые рисуют его с другой стороны. Одна из самых популярных его картин - "Запорожцы, пишущие письмо турецкому султану". Уж к ней никак нельзя приложить революционную тенденцию. - "В Бога веруешь?" - спрашивает кошевой атаман всякого пришедшего в Сечь. "Прочитай Отче наш!" - Этого было довольно, чтобы быть принятым в семью запорожцев. Сам Репин в письме к Н.С.Лескову пишет: "Наши запорожцы меня восхищают своим рыцарским духом."

А как талантливо написана грандиозная картина "Заседание Государственного Совета"! Не менее талантлива картина, изображающая Императора Александра 3-го с семьей, принимающего сельских старост в Петергофе.

К картине "Св.Николай Мирликийский останавливает казнь" - художник Грабарь в монографии о Репине так описывает содержание картины. В его глазах св.Николай представляется, как бездушный старец, которого подошедший судья или начальник сейчас оттолкнет и казнь совершится. Если бы Репин думал так, как Грабарь, то можно с уверенностью сказать, что он не написал бы подобной картины.

А "Воскрешение дочери Иaira", за которую Репин получил большую золотую медаль и заграничную командировку! А его картина об искушении Иисуса Христа - "Отойди от Меня, сатана"!

Кульминацией славы Репина была картина "Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.". Советская критика пишет: "... картина эта в сущности была подлинной агитацией против самодержавия!" Непонятно, при чем тут самодержавие. Репин изобразил весь ужас убийства - отца, в пылу гнева смертельно ранившего сына и только после этого понявшего весь трагизм происшедшего. Картина написана настолько реально, что производит на посетителя потрясающее впечатление. Картина была приобретена известным Третьяковым и некоторое время находилась под запретом. Перед 1-й Великой Мировой войной нервно больной в порыве безумия выхватил нож и изрезал голову Иоанна Грозного.

Рассмотрев вышеназванные картины, можно прийти к заключению, что все то, что интересовало Репина, что было ему по душе, чему он сочувствовал, что он любил - все это явно было выражено в его произведениях; то же, что им писалось в угоду "общественному мнению", что было тогда модно, - то все это, написанное весьма талантливо, было тенденциозно, с чем художник не мог справиться. Репин, любивший жизнь, красоту народной жизни, будучи глубоко национальным и религиозным человеком, не мог писать так, как хотелось бы революционно настроенное общество, - поэтому критика не соответствовала действительности и Репину приписывалось то, чего не было и не могло быть.

Репин, начав свою художественную деятельность националистом, таким и остался до последних своих дней. Умер Репин 29 сентября 1930 года в Куокалле в Финляндии в глубокой старости, но с живым умом, верящим в воскресение своей Родины.

К.К.К.

По картине И.Е.Репина "Бурлаки", рисунок худ. К.Кузнецова.

Народ живет, как "в сказке".
По программе ляжку тянет,
И по тёрьмам "отдыхает"...

Ив. Гончаров.

РЕМОНТ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОБОРА.
Обращение Представителей Казачьих Войск.

Казачи, казачки!

Раздался недавно призыв старосты Парижского Кафедрального Собора В.Н.Загоровского, обращающегося ко всем с просьбой о срочной помощи в деле ремонта собора, в главном куполе которого появились глубокие трещины, угрожающие храму.

Этот прекрасный Александро-Невский собор в Париже, ценнейший памятник русского церковного зодчества и светоч родного Православия на чужбине, является особенно дорогим и любимым храмом для всех россиян в эмиграции.

В этом соборе хранятся и наши казачьи святыни: св. иконы Покрова Пресвятыя Богородицы и Донской Божией Матери и икона Знамени Терского войска.

Ежегодно в дни Войсковых праздников и в другие особо памятные для нас дни стекается в собор множество народа, казаков и казачек, для принесения всеобщего моления перед этими святынями иконами.

Но настал грозный час, и староста зовет всех россиян на помощь собору. Не потерпим и мы, казаки, чтобы собор наш оставался под угрозой! И пусть наша казачья казна потечет к нему немедля и неудержимым потоком, - широким, как славный Дон, многоводным, как Волга и Кубань, бурным, как Терек и Урал! По нашей вере стеческой, по нашему обычаю казачьему, понесем и мы нашу казну к престолу Св.Александра Невского на укрепление и сохранение святого храма Божия.

Казачи и казачки! Пусть каждый из нас отчислит на это святое дело самую большую меру от своих возможностей. Вдовица и немущий - да не смутятся своей лептой, а захиточный - да внесет и за себя, и за немущего. Несколько десятков миллионов потребуется срочно на ремонт собора. Только в дружном порыве, все вместе, мы сможем обеспечить такую большую сумму. Да не смущается сердце наше - мы русские! Каждый казак должен откликнуться на этот зов.

Да воздаст Господь сторицею за всякую добротную жертву!

Представитель Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского
Генерал С.Д.Позднышев.

Представитель Войскового Атамана Кубанского Казачьего Войска
Полковник Н.И.Зайцев.

Представитель Войскового Атамана Терского Казачьего Войска
Генерал Г.П.Татонов.

Войсковой Атаман Астраханского Казачьего Войска
Полковник Г.М.Астахов.

Заместитель Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска
Полковник П.А.Фадеев.

Напоминаем, что взносы следует направлять:

1) На почтовый счет № 7.288.70 a Paris, Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

2) Банковскими чеками на имя: а) Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8, или b) Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

3) Почтовыми мандатами или манда-карт на имя: Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8.

Можно также направлять пожертвования, для пересылки в Париж, в адрес редакции журнала "Вестник Первопоходника" - 901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, Calif.

Муза

И, не в силах скрыть конфуза,
Мне ответила она:
"Я не кто-нибудь, а муза,
Но... поэтам не нужна."

К одному пришла сегодня,
Постучалась в кабинет;
Он так грубо мне ответил,
Что сегодня темы нет.

Ко второму захотела
Заглянуть... и тоже зря:
Как на камень, наскочила
На его секретаря.

Третий ждал меня в глуши
И признался от души,
Что его все переводы
И без музы хороши.

Ночь прохладна и темна,
Что мне делать?
Как мне быть?" —
И заплакала она.

Шел я ночью мимо парка,
Шел, мечтательно куря.
Вижу — темная фигура
Плачет возле фонаря.

Когда ближе подошел,
Был немало удивлен:
Стоит стройная девица,
Так прекрасна, как царица.

И ответил музе я:
"Очень жалко мне тебя:
Ты летишь, как мотылек,
На опасный огонек."

Только грусть в глазах увидел, Успокойся, не грусти,
На лице — следы от слез. Семьи русских посети,
"Кто вас, милая, обидел? Там поэтов — пруд пруди!
Вы простите за вопрос". Непременно заходи!"

Муза ласково взглянула,
Облегченно так вздохнула,
Был еще какой-то сказ, —
А потом исчезла с глаз.

Ив. Гончаров.

В Е Р Б Л Ю Д

Мое знакомство с верблюдом относится к воспоминаниям моего детства, когда наша первая встреча закончилась глубокой взаимной антипатией. Эта изуродованная со дня своего рождения скотина оплевала меня с высоты своего могучего роста с поразительной меткостью, вероятно, побужденная к столь грубому поступку какими либо агрессивными действиями с моей стороны. Расстались мы тогда с твердым намерением никогда более не встречаться; я - уводимый за руку отцом и получив предварительно подзатыльник, а верблюд - отогнанный сторожем в глубину клетки.

Но... "прошли года, мы вновь сошлись с тобой"...

Эта вторая встреча состоялась в селе Лежанке, Ставропольской губернии, где, вынужденный сложившимися обстоятельствами, я оказался в необходимости восстановить наше знакомство. Если же быть совсем откровенным, то обстоятельства вовсе не сложились, а были заботливо сложены моим феноменальным легкомыслием.

Ночь накануне выступления я провел в карауле и возвратился во взвод с законным желанием хорошенько выспаться. Однако, забитая людьми хата плохо соответствовала моим намерениям, и поэтому я отправился во двор, где и расположился в каком-то сарайчике, в полном покое и одиночестве, утаив от всех свое местопребывание. Не помню, видел ли я во сне "ласки весны" или ничего не видел, но пробуждение свое я запомнил. Тишина. Зловещая тишина. Вошел в хату - никого. За столом сидят две фигуры - и тоже зловещие!

- Где наши?

Ответ на мой вопрос мне кажется тоже зловещим:

- А ты что - отстал?

Их молниеносно брошенный друг на друга взгляд не предвещает ничего доброго. Чувствую, что кто-то очень большой и с очень холодными руками взял в них мое сердце и начинает его тихонько сжимать, а по спине залезли мурашки. Не знаю, насколько выражение равнодушия, приданное мною моему лицу, было естественным, но интонация голоса не изменила:

- Нет, не отстал, а я тут маяком: сейчас пойдет наша кавалерия, так дорогу ей показать. А наши-то давно ушли?

Видимо, мой ответ произвел на них известное впечатление, так как оба мужика потупили головы, снова переглянулись и не замедлили ответом:

- Да, должно, часа три-четыре.

Ободренный первым успехом и желая придать ему еще больший вес, я произвел новую вылазку:

- Вот что, коли зайдет полковник, так скажите-ка ему, что я у церкви на горе дожидаться буду, а то как-бы казаков не пропустить; они, небось, уже там, - и с этими словами я вышел из хаты.

Передо мною пустая улица. Ни души. Удары сердца отдаются в виски и мешают дыханию. Дабы не возбуждать подозрения, иду медленно, крепко охватив рукой шейку винтовки, и мысленно считаю количество имеющихся у меня патронов. В этой тяжелой борьбе головы с ногами, где ноги имеют тенденцию перейти вскачь, но где победа остается все-таки за головой, я достигаю, наконец, соборной горы.

Впереди еще шагов на 500 продолжается улица, а дальше пустая степь, насколько глаз видит. Следы недавно прошедшей крупной котонны

войск не оставляет сомнения в направлении движения Армии. Но трем главным вопросам я не нахожу разрешения: как пройти оставшиеся до околицы 500 шагов и не подвергнуться нападению из домов? Как не попасться в руки могущим появиться с минуты на минуту красным? Как догнать ушедшую Армию? В патронташе имеется 60 патронов, достаточных, чтобы выдержать хороший бой, но не хватает последней верной гарантии — револьвера.

Вообще жизнь рисовалась мне в исключительно черных красках, а воображение, яркими тонами избранных им красок, заставляло предвидеть существующие в действительности и воображаемые опасности. Так, появление из-за плетня какой-то, самого мирного вида, бабы привело меня в состояние полной боевой готовности, и хотя я ясно видел одну только бабу, но зато был глубоко убежден, что эта баба есть олицетворение военной хитрости и вышла из дома с единственной целью определения моей позиции. Впрочем, баба скоро исчезла, и никаких последствий ее появления не последовало; может быть, и выходила-то только "до ветру".

С четверть часа простоял я возле церкви в полной нерешительности, в то же время прекрасно понимая, что каждая потерянная мною минута ухудшает мое и без того скверное положение. Из этого состояния нерешительности я внезапно был выведен появлением небольшой группы людей, хотя и бывших сравнительно далеко от меня, но, как мне казалось, имевших на мой счет явно враждебные намерения, что и заставило меня произвести новую диверсию. Взобравшись на выбеленную кирпичную стену, окружавшую церковь и служившую цоколем для вделанной в нее решетки, я стал широкими взмахами рук подавать сигналы несуществующим частям. Для постороннего наблюдателя, как мне казалось, эти сигналы не оставляли сомнения в моей полной связи с подходящими и уже недалекими войсками. Не могу сказать, произвела ли моя демонстративная жестикация впечатление на устрасаемых мною врагов, если они имелись в действительности (в чем я не уверен по сей день), но Фортуна, если она и не заинтересовалась, то во всяком случае привела в недоумение и заставила ее повернуться ко мне своим лучезарным ликом, вместо предоставленного мне до сих пор права любоваться ее тыловой частью.

Лучезарным ликом Фортуны я называю отвратительную морду огромного рыжего верблюда, стоявшего привязанным к решетке церковной ограды, как раз за углом.

Утопающий хватается за соломинку! Что же касается этой "соломинки", то, по-моему, она могла бы вытащить 50 утопающих. Сделав ее центром моих воцелений, я соскочил со стены и, уже не теряя ни минуты, бросился к ней.

Привязанный за шею веревкой к решетке, верблюд отнесся к моему появлению с полным равнодушием, разве только махнул сзади обрывком какого-то растрепанного шнура, долженствовавшего, по всей вероятности, симулировать хвост. Но все мои попытки водрузиться на нем разбивались о его полное непонимание, чего от него хотят: стоило мне влезть на стену и постараться подтянуть его к себе, как он подходил и становился ко мне мордой, создавая ему непреодолимое препятствие для его оседлания. Соскочив обратно на землю, я мог добиться от него стояния боком у стены, но, как только я снова взбирался на стену, я снова неизменно оказывался перед его мордой и в недоступной дали от его спины.

Когда, в полном отчаянии, истощив все свои силы и не добившись успеха, я уже решил плюнуть на него и идти пешком — и будь что будет, то тут-то я оказался на нем безо всякого труда. Когда, в последний раз соскочив со стены и имея в руках винтовочный шомпол, до сих пор служивший мне палкой для приведения верблюда в необходимое положение, я случайно ударил им по какой-то части его несуразного тела, то он тотчас же лег. Теперь, оказавшись на нем, я приложил все усилия, чтобы его поднять и заставить идти, тыкая шомполом, куда придется. Действительно, верблюд встал и не торопясь двинулся вниз по улице в нужном мне направлении. Мое естественное желание ускорить его аллюр оставалось чисто платоническим по трем неустрашимым причинам: во-первых, управление верблюдом состояло всего из одной веревки, охватывавшей петлей его шею, чрезвычайно короткий конец которой я мог держать только в сильно вытянутой левой руке, не имея возможности продвинуться вперед из-за высокого горба, украшенного пучком рыжей мочалки; во-вторых, моя правая рука была занята держанием винтовки — в целях обороны в случае возможного нападения; в третьих, сама моя неустойчивая посадка возбуждала во мне сомнение в моей способности усидеть в случае перехода на рысь. Кроме того, у меня была полная неуверенность в том, что верблюды вообще бегают.

Так, медленно и с видом полного спокойствия, никем не тревожимые, покинули мы Лежанку, выехали в открытую степь и продолжали нашу неторопливую прогулку до тех пор, пока не скрылись из глаз очертания высокого купола церкви.

С первым, с момента моего пробуждения в Лежанке, вырвавшимся из груди свободным вздохом вздохнули одновременно и мои мозги и тотчас же указали мне на всю нелепость держания одной рукой конца веревки: мой симпатичный верблюд шел, не требуя ни управления, ни принуждения, видимо считая своей обязанностью шагать, а моей — спокойно сидеть на нем и не вмешиваться в его дела. Дислокация моего тела, если так можно выразиться, после освобождения левой руки значительно улучшилась, а отпущенная мною веревка болталась теперь под шеей верблюда, не достигая земли. Кроме того, повешенная теперь за спину винтовка настолько укрепила мою посадку, что я уже был склонен считать себя прирожденным всадником, если не на коне, то, во всяком случае, на верблюде.

Однако, неторопливая походка моего верблюда мало того, что нагоняла сон, но мало по малу возвращала ушедшее было беспокойство, так как оставалась опасность преследования, в случае, если товарищи, конечно, уже предупрежденные местными жителями о нашем уходе, вошли в Лежанку. Правда и то, что я отъехал довольно далеко, определяя расстояние по уже дважды замеченным мною местам малых привалов, легко определяемых каждым пехотинцем, но... неописуемых. Впереди только степь, ровная и безлюдная степь и никакой, хотя бы отдаленной, видимости Армии.

Случайно обернувшись, увидел я, что очень далеко позади маячили маленькие фигурки нескольких всадников. Товарищи! С этого момента я уже не смотрел вперед, а, повернувшись насколько было возможно, старался определить: скачут ли они ко мне, или стоят на месте? Увы, уже через несколько минут не оставалось сомнения в том, что они приближаются. Их было всего трое, и они шли за мной широкой рысью, все

сокращая и сокращая разделяющую нас дистанцию. Уйти от них уже не было никакой возможности, а моя проклятая рыжая скотина равнодушно шла вперед и, несмотря на все мои ухищрения, уговоры и просьбы, не желала повернуться лицом к противнику, предоставляя мне принять бой в положении полуоборота.

Единственная возможность успешности обороны сводилась для меня к необходимости с первого же выстрела убить или ранить одного из нападающих, чему в сильной степени мешала моя неудобная позиция, настойчиво требовавшая от меня подпустить их как можно ближе. Они находятся от меня шагах в 600 и, не уменьшая рыси, идут на сближение, как будто не обращая на меня внимания. Моя винтовка лежит поперек верблюжьей спины и еще не поднята к плечу. Когда расстояние между нами уменьшилось до сотни шагов и я уже приготовился схватить ее, приложиться и выстрелить в одного из ехавших рядом всадников, тогда я рассмотрел вдруг украшавшие их шинели погоны. Свои!! Да, это были трое казаков, остававшиеся в Лежанке следить за занятием ее красными. От них я узнал, что красный разъезд вошел в село. На мой вопрос: - сколько их? - мне ответили:

.. - Коней двадцать.

- Да не коней, а товарищей?

- На каждом по одном! - и с хохотом они зарысили дальше.

Получив эти мало утешительные сведения и не имея ни малейшего представления, как далеко ушла Армия, я тотчас же приступил к изучению управления верблюдом, мучительно соображая, даны ли ему ноги только для того, чтобы ходить, или они могут и бегать. Оплевавший меня в детстве верблюд ходил по своей клетке, а те, что я видел на пакетах с чаем Высоцкого, тоже как будто шли, а не бежали. Свои тяжелые на этот счет сомнения я постарался разрешить при помощи моего шомпола и, вспомнив, что слон управляется постукиванием молотком по голове, постучал им по верблюжьему черепу. Результат - ноль. Прибег я также и к практикующемуся на Украине приему для придания живости волам - и тоже не добился успеха.

Исследуя постепенно все части верблюжьего естества, я уколол его шомполом под правую ногу и в ту же минуту неожиданно открыл две скрываемые им до сих пор от меня верблюжьи способности: во-первых, оказалось, что верблюд умеет прекрасно бегать, а во-вторых - является обладателем очень сильного и очень неприятного голоса, могущего быть вызванным в любую минуту по желанию кондуктора. Когда, получив укол шомполом, верблюд неожиданно прыгнул вперед и перешел в размашистую рысь, то я, не подготовленный к проявлению им такой прыти, чуть-чуть не оказался на земле и невольно вцепился в клок рыжей мочалки на его горбе. И тотчас же не то рев, не то трубный глас огласил степные пространства. Нечто похожее я слышал в моем обильном воспоминаниями детстве, когда я злил стакан воды в раструб духового инструмента в то время, когда на нем упражнялся мой сводный брат.

Мой верблюд бежал теперь очень быстро, а дернутый за мочалку - ревел. Удовлетворенный, я не предъявлял к нему больших требований, опасаясь открыть в нем, сверх обнаруженных талантов, способность рассердиться.

Около трех верст проехали мы рысью, после чего верблюд снова перешел на шаг, но, спустя немного, по первому моему требованию опять побежал. Сигнальная мочалка действовала без отказа.

В скорости я догнал Армию и, обгоняя тянущуюся по дороге колонну, с торжеством подал сигнал о своем прибытии.

Своим бессильным для данного случая пером я не берусь описать весь эффект, произведенный трубным гласом моего верблюда, и скромно ограничусь главными его деталями: лошади бросились по сторонам, а находившиеся в колонне люди, точно сговорившись, обратили на меня свое пристальное и опасное внимание, и каждый имел, что сказать, и все что-нибудь неприятное.

Быстро переключив верблюда на рысь и не имея желанья оборачиваться на долго еще продолжавшиеся крики негодования, в которых не были оставлены в покое ни мои родители, ни все предки до седьмого колена, я поскакал в голову колонны, где должна была находиться моя рота.

Мое триумфальное появление на верблюде не вызвало восторга ни со стороны взводного, ни со стороны ротного командира, обрушившегося на меня со всей силой своего вспылчивого характера и приказавшего передать верблюда в артиллерию, куда я и отвел его за еще продолжавшую болтаться на его шее веревку. Целоваться на прощанье я с ним не рискнул: чорт его знает, что у него на уме!

Вы думаете, господа, что этим и кончилась история с верблюдом? Нет, вы ошиблись. Кончилась она новым внеочередным караулом, возвратясь из которого я уже спать не ложился.

Ю.Рейнгардт.

- - оОо - -

Х Р О Н И К А.

- В Лос Анжелесе организовался Клуб Филателистов. Председателем избран г. Н.Капустин, а его секретарем г. Г.Виетро. Один раз в месяц, во второе воскресенье, члены клуба собираются для обмена почтовыми марками.

- о -

- Жена первоходника Н.А.Прюц, Ирина Максимовна, с успехом окончила в этом году колледж в Лос Анжелесе, в Калифорнии.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ввиду вздорожания бумаги и технических работ по изданию "Вестника Первопоходника", редакция вынуждена была повысить годовую подписку на журнал до 3 дол.50 цент. (за границу с пересылкой - 4 дол.), а цену отдельного номера - до 35 центов.

- o -

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - №№ 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18-19, 20, 21 и 22 - по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, Г.Л.Корнилов, В.П.Мяч и Ф.В.Пухальский.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 23.

	Стр.
1. "Ты долго ль будешь..." - стих. Ф.Тютчева	1
2. Святой Владимир - Киевлянин	2
3. Партизанский полк в 1-м Кубанском походе - Б.Казанович	6
4. Крестный путь в Армию - М.Борель	9
5. Завещание - стих. В.Петрушевского	12
6. Фельдмаршал М.И.Кутузов - З.К.	13
7. Н.И.Пирогов - д-р И.Гончаров	16
8. Похоронный марш	18
9. Русские в Америке - А.Долгополов	19
10. И.Е.Репин - К.К.К.	24
11. Ремонт Александро-Невского Собора - Воззвание	28
12. Муза - стих. И.Гончарова	29
13. Верблюд - Ю.Рейнгардт	30
14. Хроника	34
15. От Редакции	35

- 0 -

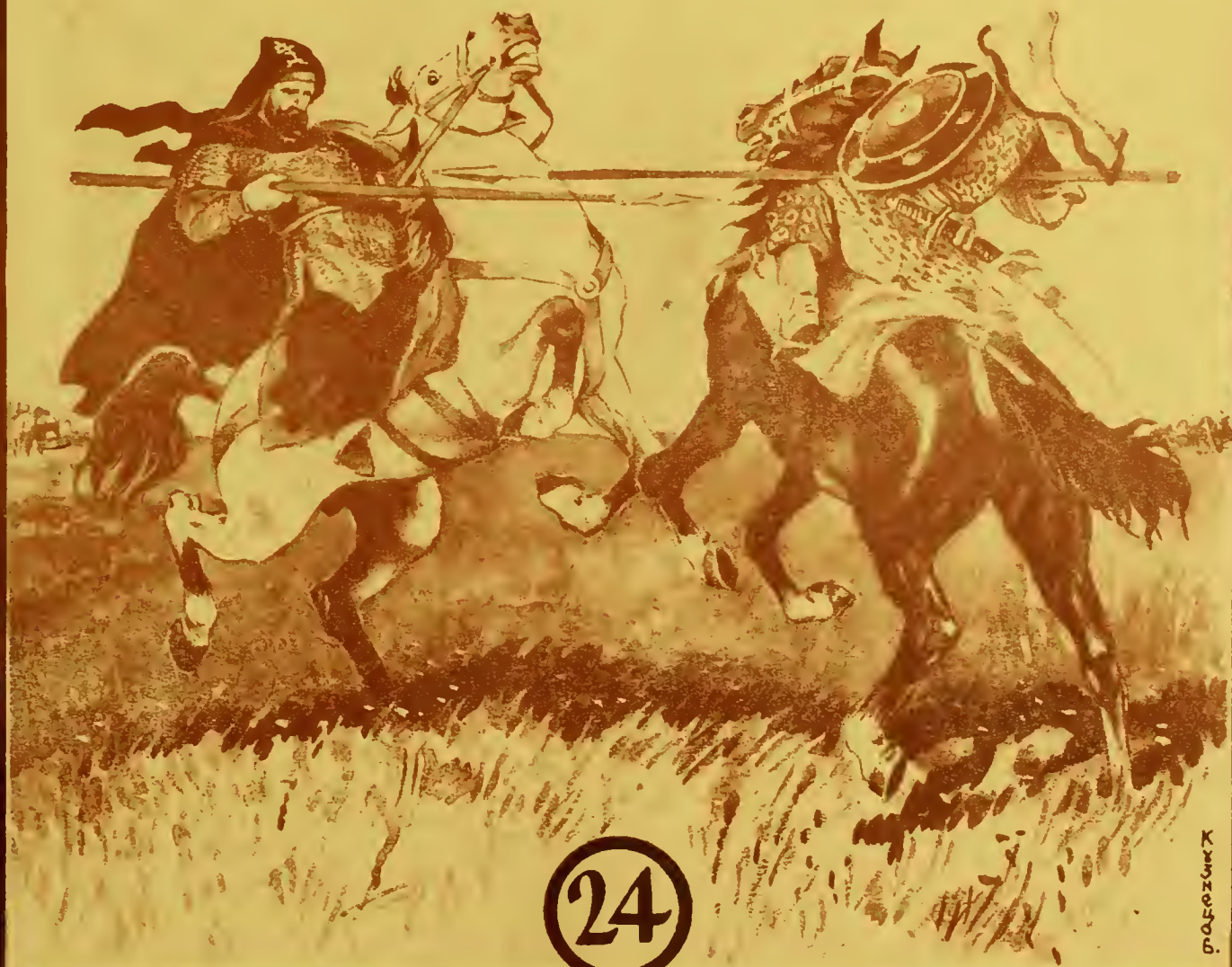
ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Св.Владимир	3
2. Фельдмаршал М.И.Кутузов	14
3. "Бурлаки"	27

- - оОо - -

Все иллюстрации в настоящем номере исполнены художником
К.КУЗНЕЦОВЫМ.

1380

24

Р. С. С. С. С. С.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный 1-му
Кубанскому походу и истории Белых армий.

№ 24

Сентябрь 1963 г.

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of
the FIRST KUBAN CAMPAIGN against Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29,
California, U.S.A.

х
х х

Теперь я стал американцем
И перед флагом клятву дал,
Но позабыть тебя, Отчизна,
Я никому не обещал.

Суровых гор твоих вершины,
Зеленый шум глуши лесной,
Твои бескрайные равнины -
Навеки властвуют душой.

Тебя носить я в сердце буду,
Пока струится в жилах кровь,
И унесу с собой в могилу
Мою великую любовь.

Ив. Гончаров

Р У С Ь

Под большим шатром
Голубых небес
Вижу - даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря,
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг -
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится.

...Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны?
Для друзей стола,
Меча - недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

...По седым морям,
Из далеких стран,
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвав матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

И.Никитин.

Б Р О Н Е П О Е З Д
(Быль)

Ласково смотрит весеннее солнце в светлое лицо зачарованной им степи.

Ожила она, красавица - дождалась своего суженого! Для него скинула она свое серое зимнее покрывало; для него оделась в праздничные наряды свои, зелеными лентами свежей зелени разукрашенные; для него готовит платье подвенечное из белой ткани расцветающих вишен. Глядеть на нее - и то радостно!

А тут еще и другая радость, будто сестричка ее родная, к сердцу ластится: встал, наконец, Тихий Дон, и Кубань за ним поднимается. Стряхнули они с себя смрадные чары красной нечисти. Вслед за Воскресением Христовым воскресли!

И все кругом так радостно: и весело бегущие лошадки, и белые тряпочки на папахах восставших казаков, и приветливые лица казачек. Машут они белыми платочками, выносят глиняные чашки с варениками, смеются, улыбаются, подмигивают. Приветствуют 1-ую роту. Даже подводчики - и те веселы! Видно, и в правду наступило что-то новое. Никому и в голову не приходит спросить, куда и зачем едут на подводах добровольческие части. Конечно - в бой! Но разве может быть теперь что-либо серьезное? Так, военная прогулка, визит товарищам. Завтра же, верно, и обратно!

Осталась позади станица, а впереди светлая, радостная степь.

На одной из подвод веселый пор. Недопивин раздобылся большой миской с варениками, а пор. Успенский ухитрился получить целый кубан холодной вкусной сметаны и, кстати, потрепать по щеке покрасневшую красавицу казачку. Весело! Вареники со сладким творогом обмакиваются в сметану и исчезают во рту. Пиршество! С соседних подвод появляются гости и разделяют дорожную трапезу. Необыкновенное скопление людей у одной подводы возбуждает любопытство взводного командира капитана Згривца, видимо, усмотревшего в этом нарушение порядка и считающего своей обязанностью его восстановить. Его встречают с особым радушием.

- Ну и будя, - говорит он, видимо довольный, вытирая усы, и, разогнав по своим подводам "гостей", бежит к своей.

И смеется кругом степь, и, радуясь на свою красавицу, смеется ей солнце.

В сером, все темнеющем плаще навстречу бегущим подводам медленно идет вечер. Пришел. И уже не серый: снял он свой плащ. Стоит за ним, вся в черном, тихая ночь и обдает своим теплым дыханием. Словоно растет она, до самого неба доходит, зажигает на нем звезды и выше идет; только подол своего платья по земле волочит.

Остановились подводы. Попрыгали на землю люди, построились и двинулись в непроглядную темень уснувшей степи. Черным покровом своим окутала их ночь, распустила черные косы свои и закрыла ими звезды. Руку вперед протяни - так и пальцев своих не увидишь.

- Рота, стой!

Долго стоит рота.

- Командира 3-го взвода к командиру роты!

И снова долгое, тягостное ожидание. И время стало: не то полночь, не то три, а может быть - и больше.

- Поручик Успенский! - раздается голос капитана Згривца. - Шесть человек под вашей командой для охранения фланга! Поручик Недошивин, прапорщик Штемберг, прапорщик Тихомиров, прапорщик Евдокимов, прапорщик Рубашкин, Прапорщик Васильев - за мной!

Потонули в темной степи призрачные тени отделившихся от роты людей. Спит степь; ни звука, ни шороха. И снится ей: то припадая к земле, то согнувшись, медленно двигаются вперед, рассыпавшись редкой цепочкой, беззвучные людские тени. Вот залегли они и долго лежат неподвижно, слушая тишину ночи; вот опять встали, двинулись вперед и снова залегли.

- Не бойтесь, родненькие, пусто кругом, никого нет, - шепчет им сонная степь.

- Г-н поручик, перед нами железнодорожная насыпь, - докладывает щедший впереди поручик Недошивин, - сажени три-четыре высотой.

- Поднимайтесь на насыпь, - приказывает пор. Успенский, - и если обнаружите противника, пришлите сказать. Возьмите с собой одного человека.

- Прапорщик Рубашкин, со мной!

В густой траве высокой насыпи осторожно ползут вверх два призрака. Достигли балласта, рассмотрели в темноте полосу ближайшей рельсы. Залегли, прислушались: ни звука. Вылезли на полотно и сели на рельсу.

Что тут рассмотришь, когда и собственного носа не видно?

- Никого кругом нет, - уверенно шепчет Недошивин. - Не ждут нас товарищи, спят. Да и охота им воевать, когда еще и черти на кулачки не бились. Зови Успенского.

И вдруг отдельный, сравнительно недалекий выстрел; за ним другой, третий и короткая беспорядочная стрельба. И опять все стихло. Ох, не спят товарищи!

- Это, вероятно, нади красную заставу сняли, - говорит поручик Успенский пришедшему за ним Рубашкину и, подняв лежащих возле него людей, идет с ними на насыпь. Недалеко, должно быть, и до рассвета: стало сереть темное до того небо; и на два шага не было ничего видно, а теперь и на десяток кое-что разобрать можно. Светает.

- Бронепоезд! - шепчет пор. Успенский и, встав на одно колено, всматривается в темноту - туда, откуда, все нарастая и нарастая, слышится глухой шум и мерные удары колес по стыкам рельс.

- Ложись! Не двигаться! Не выдавать свое присутствие! - ваяясь между рельс рядом с Недошивиным и Рубашкиным, приказывает пор. Успенский. Четверо других соскользнули с рельс и лежат неподвижно у края насыпи.

Внезапно, вынырнув из расступившейся темноты, черной тяжелой массой накатывается железное чудовище. Медленно вертятся перед глазами круглые диски колес и ползут над головой черные днища вагонов; вот и колеса паровоза. Что, если опущена заслонка его топки? Тогда нет спасения: в клочья разорвет она тела трех распластавшихся на пути офицеров! С землей слились они, сильнее к шпалам себя придавили и только тогда заметили, что прошел паровоз, когда снова завертелись перед глазами колеса вагонов, но только медленнее и медленнее, будто собираясь остановиться. Стали. Прямо над головой черное грязное днище вагона с полуопущенным люком.

- Успенский, Успенский, есть у тебя ручная граната?

- Не Успенский, а г-н поручик! Лежать! - И в шопоте ответа слышит Рубашкин властную и грозную нотку.

И вдруг загрохотал бронепоезд, ливнем свинца в степь брызнул. От тяжелых ударов его мощных орудий сотрясаются вагоны и дрожат под ними рельсы. Долго гремит его непрерывная пулеметная стрельба и грохочут орудийные выстрелы. Почему молчат наши?

Но вот, прерывая грозный монолог бронепоезда, ворвалась и новая нота. Это уже не выстрел, это - близкий разрыв! Второй, третий, четвертый. Все чаще, все ближе. А вот и что-то другое: к треску разрыва присоединяется еще новый звук, не то скрежет, не то звон.

- В него! - торжествующе шепчет Недошивин и тычет пальцем в днище вагона.

Вздрогнул бронепоезд; стукнулись друг о друга буфера, и все скорее и скорее завертелось назад колеса. И никто не заметил, как прокатил над головами паровоз. С грохотом пронесся и последний вагон. Кругом разливается свет пасмурного утра. Смолкли пулеметы; изредка огрызаются еще его орудия. С минуту лежат на полотне неподвижно люди, только пор.Успенский чуть-чуть приподнял голову и смотрит вслед ушедшему бронепоезду.

- Встать! - и, полусогнувшись, идет к противоположному краю насыпи, но, не пройдя и трех шагов, падает и, махая рукой, зовет к себе свою маленькую группу.

Там, по ту сторону, не далее сотни шагов, густые цепи красных идут к насыпи. Первая цепь уже подошла к ней и начинает взбираться по крутому откосу.

- Огонь! - Лихорадочно затрещали семь винтовок, почти в упор, едва целясь. Бросились назад товарищи, на сотню шагов отскочили, залегли и открыли беспорядочный и безопасный огонь по неожиданному и невидимому противнику.

- Назад! Скорее! - приказывает пор.Успенский.

Кубарем скатываются с насыпи семь человек и бегут по уже довольно высокой траве прочь от грозящего появиться противника. Более чем на четыреста шагов отбежали и залегли в неглубокой канаве: дух перевести. Только теперь оделся гребень насыпи черной щетиной красной цепи. Но она не идет вперед, видимо, стараясь открыть неизвестно куда исчезнувшего врага. Спрятала его степь в складку одежды своей и не выдает красному глазу.

Но уже передохнули семеро и поползли дальше по дну канавы. Изредка поднимется одна голова, посмотрит на насыпь и опять спрячется. И дальше ползут они: туда, где должна быть их рота; долго ползут. Показалось ли им, или и вправду что-то шевельнулось? Человек! Свой, чужой? В четырнадцать глаз впились в скрытую травой фигуру. Капитан Стасюк! Наша рота!

Да, это первая рота. Невидимая, лежит она в канаве и держит под наблюдением железнодорожную насыпь. Ни выстрела, ни звука:ждет, когда начнут спускаться занявшие ее товарищи.

Сразу отлегло от сердца: опять вместе, кончился кошмар и не пугает готовящаяся атака. Не впервой встретит рота красные цепи, не впервой огорошит их неожиданным огнем и бросится на растерявшихся товарищей, и погонит их, и на плечах их ворвется в станицу.

- Прапорщик Евдокимов, ступайте к взводному командиру и доложите о скоплении противника, в обход левого фланга роты! - Уже не шопотом отдается приказание, и в знакомом голосе пор.Успенского

слышится привычная речь и вливает спокойную уверенность.

Куда спряталось вчерашнее солнце? На сером фоне неба темной полосой тянется насыпь; вправо, ровная, как стрела, дотянулась она до моста через неширокую речку и спряталась за ним; влево, все понижаясь, резко свернула она направо и исчезла в железнодорожных посадках, откуда перед рассветом так неожиданно вынырнул бронепоезд - верно, там и стоял, и, может быть, всего в двадцати шагах.

Но не время смотреть по сторонам, не время вспоминать то, что вместе с черным покровом своим свернула и унесла с собой ночь. Смотри туда, где на гребне насыпи изредка появится человеческая фигура, постоит, постоит и исчезнет: прямо перед собой смотри!

От свежего, сочного весеннего стебелька отгрыз прапорщик Рубашкии небольшое - не длиннее спички - коленце; поставил его на большой палец, сверху указательным придавил и, вытянув вперед руку, смерил появившуюся на насыпи фигуру. Во-время смерил! 600-700 шагов.

Зубцами частого гребня встопорчилась насыпь: поднялись красные цепи и стали спускаться на ровную скатерть степи, и тотчас же начали рождаться над ними белые облачка шрапнельных разрывов. Махровыми снежно-белыми фантастическими цветами расцветают они на скате насыпи, и гремят позади роты сеющие их орудия.

Молчит рота; затаила дыхание и ждет.

Кроваво-красными цветами в ореоле желтовато-бурых широких кустов распустились в красных цепях разрывы бризантных гранат. Все медленнее движутся вперед товарищи, все чаще залегают, все неувереннее их шаг. Не далее, чем через минуту, губительным огнем встретит их пока еще молчаливая пехота, бросится на первую смятую цепь, опрокинет ее и погонит назад, на другие цепи, и увлекут они и других в своем неудержимом бегстве. И воцарится тогда властительница толпы - Паника. Сметет она обезумевшими толпами бегущих, всех, кто вздумает сопротивляться ей, обезоружит рабов своих и передаст их смерти. Так было всегда - так и теперь будет!

- Прямо по цепи! Дистанция 300 шагов!... Огонь!

Словно крупный град забарабанил по железной крыше; частыми, отчетливыми трещетками ворвались и покатались по всему фронту роты резкие голоса пулеметов, чаще загрохотали орудия. Адский джаз-банд, джаз-банд боя!

Не выдержала красная цепь, не выдержала и назад бросилась, и бросилась за ней 1-ая рота. Разворачивается бой, как выученная наизусть сказка: все так и должно быть в ней, и конец ее заранее известен.

Вот уже и нет красных цепей: перемешались они и густыми неуправляемыми толпами бегут назад к насыпи и, сбиваясь в кучи, несут тяжелые и ненужные потери. Ни к сопротивлению, ни к самосохранению неспособно теперь это обезумевшее стадо.

Ясная задача стоит перед ротой: вскочить на насыпь на плечах бегущего противника, не дать ему опомниться и закончить разгром его с удобной и неприступной позиции.

В своем быстром движении вперед оставила она далеко позади себя своего командира; не догнать уже пожилому полковнику Плохинскому несущуюся вперед молодежь! Отстал он - шагов на триста отстал, а до насыпи и двухсот не осталось. Последнее усилие, последнее испытание крепости сердца, а там можно уже и передохнуть, и ему дать отдых: устало оно от долгого бега, ударами молотка в груди стучит; нужен ему отдых!

И вдруг оборвалась заученная наизусть сказка, на полслове оборвалась, заглушенная оглушительным треском красных пулеметов. Густой щетиной резервов обросла насыпь и свинцовым дождем облила цепь первой роты. Будто стальные бичи полосуют истерзанную грудь степи. Залегла рота. Ни вперед - ни назад. С высокой насыпи, как на ладони, виден каждый стрелок цепи. Видны они все, прошедшие через Лежанку, Березанскую, Выселки, Кореновскую, Усть-Лабу, Ново-Дмитровку, Григоре-Афипскую, Екатеринодар, Гначбау, Медведовскую. Выбирай лютого! Вон лежат они в десяти шагах друг от друга и не видят друг друга, и не знают, убит или не убит еще сосед.

- На дистанцию пятьдесят шагов! Отходи по одному! - передают приказание капитана Згривца.

Широка степь, да невелик на ней человек; коли не давать в него целиться, так и не попадешь. Редкий, но прицельный огонь по насыпи, по всему, что только шевельнется на ней, поможет ему отбежать на пятьдесят шагов и оттуда поддержать отход товарища.

Поднялся первый, отскочил на пятьдесят шагов и задел. Следующий. И он отбежал. Третий поднялся, всего несколько шагов пробежал; упал и не поднялся. Кысмет.

Долгим, бесконечно долгим кажется быстрый отход взвода. Но вот и последний - капитан Згривец. И тотчас же новый приказ:

- Отходить по одному!

И снова не все достигают нового рубежа. Кысмет!

Но вот, наконец, и исходная канава: первое укрытие, первый вздох облегчения.

- Капитан Згривец; примите роту! - На сером, землистого цвета лице полковника Плохинского лежит печать полного отчаяния. Уже во второй раз видит его таким прапорщик Рубашкин, во второй раз передает он командование ротой кап.Згривцу. Или очки потерял и ничего не видит, или... сердце. Не таков полковник Плохинский: ни тяжелая боевая обстановка, ни безвыходность положения не смутили бы мужества полк.Плохинского, не смутила бы его и верная гибель! Может быть, потери? Ему одному известны они, и только один он может оценить их значение, как и тогда под Екатеринодаром.

- Рота, слушать мою команду! - Во весь рост поднялся капитан Згривец и с хриплым вздохом упал навзничь. Убит наповал.

- Выньте документы, - указывая на отдувшийся карман его гимнастерки, приказал полк.Плохинский, - и дайте сюда!

Склонился над телом своего командира прапорщик Рубашкин, снял с его груди лежавшую на ней неподвижную руку и вынул из кармана гимнастерки небольшую книжку. На черном коленкоровом переплете вытиснен восьмиконечный крест. Отвернул переплет. Поминальник. Заглянул на первую страницу. Старательным, но неровным почерком исписана она длинным столбцом имен. Только первое имя успел прочесть: раба Божия Владимира. Дальше не выдержали нервы: на мертвой груди только теперь вполне понятого им человека судорожно зарыдал Рубашкин.

- Прапорщик Рубашкин, возьмите себя в руки! Ступайте в цепь - красные наступают!

Но не слышит Рубашкин. Только тогда и опомнился, когда почувствовал, что кто-то тянет его за sobою. Узнал поручика Недошивина.

- Згривец убит!

- Да!

И в коротком ответе, и в закушенной зубами губе, и в выкатив-

шейся из глаз и сбежавшей по щеке крупной слезе - словно разделилось и облегчилось непосильное одному горе. - Згойвец убит!

А в это время впереди снова спустились с насыпи красные полчища и идут на поредевшие ряды роты. Вон и слева появились густые цепи и заходят во фланг. И ни одного человека в резерве, только гремят без перерыва наши орудия.

То здесь, то там рвут они широкие бреши в бесконечных и бесчисленных цепях противника, но не могут остановить их. Да и орудия красных не остаются в долгу: много белых цветов шрапнели посадили они над линией роты, много фонтанов черной земли подняли их гранаты, много кроваво-красных цветов расцвело вокруг роты. Частый огонь ведет она по наступающим и знает, что не удержит их, разве нанесет большие потери. Одна надежда на пулеметы.

В чем дело? Почему остановились товарищи и назад отходить стали? Видно, что-то неладное творится у них. И орудия их как будто смолкают, и бегут назад к насыпи грозившие охватом красные цепи.

- Рота, вперед!

Поднялась рота и вперед двинулась, но какая маленькая! Совсем не такая, как та, что атаковала и погнала товарищей к насыпи. Или не все приказание слышали? Или не видят они, что не отступают, а бегут красные, все более теряя порядок и бросая оружие?

Бежит в цепи роты и прапорщик Рубашкин; бежит и не понимает, почему бегут красные. И не понимает он, почему не слышно треска от разорвавшегося перед ним снаряда, и почему, в высоком размахе, закачалась перед ним степь, почему пропало небо и почему опускается он в глубокую черную яму....

Новочеркасск. В госпитале Общества Донских врачей, в большой светлой палате с рядами белых, покрытых чистым бельем кроватей, в больничных халатах - кто на костылях, кто с забинтованной головой, кто с перекинутыми через шею полотенцами, поддерживающими широкие лотки с покоящимися на них загипсованными руками - вспоминают офицеры первой роты все перипетии боя у Сосыки и погибших в нем товарищей.

- Но каким образом мы только в последний момент услышали бронепоезд, когда в царившей тогда тишине его за версту услышать было бы можно?

- Он и не подходил, а попросту там и стоял, и если бы не началась эта бессмысленная ночная стрельба, то, вероятно, мы оттуда и ног бы не унесли. Тем только и спаслись, что он еще в темноте двинулся и нас не заметил. А все Недошивики: пройди вы тогда на три шага в сторону, так на него бы и наткнулись.

- Ну, - возражает Недошивин, - если бы мы об него мордами не ударились, то и тогда бы не заметили: уж очень темно было.

- Успенский, а почему ты мне гранату тогда не дал, да еще и одернул? Я же знал, что у тебя есть.

- А потому и одернул, что больно горяч ты, Рубашкин, а в нашем положении только одна воля могла быть, что я тебе и напомнил. А гранату не дал я тебе потому, чтобы семи лишних трупов не было, и безо всякой пользы.

Бельгия.

Ю. Рейнгардт.

ТО, ЧТО СПОСОБСТВОВАЛО НАШЕМУ ПОРАЖЕНИЮ В СИБИРИ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ.

"Еще одно, последнее сказанье,
И летопись окончена моя".

А.Пушкин.

Со школьной скамьи мы знаем, что летописи, записки и наблюдения очевидцев играют большую роль в составлении описания исторических событий государства. Для "историков-детективов" всякий маленький факт часто является "исторической уликой" для разрешения и правильного понимания жизни народов.

В сравнении с Нестором-летописцем мой голос, конечно, будет звучать, как писк комара, но теперь и жужжание насекомых записывается на пленках чувствительных аппаратов, и это дает мне смелость сказать несколько слов в интересах историков гражданской войны.

По окончании ускоренного курса Академии Генерального Штаба, я был назначен в штаб Представителя Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего и Командующего всеми русскими и иностранными войсками, действующими и расположенными в Енисейской и части Иркутской губерниях, ген.штаба ген.лейт.Розанова - в г.Красноярск.

Военная цензура совершенно воспрещала газетам печатать что-либо, касающееся событий, происходящих в самом центре Сибири. Прибыв в Красноярск, я впервые увидел огненное пламя партизанщины, охватившее всю губернию.

Хожение по улицам Красноярска было сопряжено с большим риском. Банды красных и отдельные большевики под видом правительственных военнослужащих убивали офицеров, пользуясь покровом ночи. Никто не был уверен, кем он остановлен для проверки документов: настоящим законным патрулем или маскированными красными террористами. Поджигание складов и магазинов, перерезывание телефонных проводов и многие другие виды саботажа происходили буквально каждые сутки. Свет в домах не зажигался, или окна завешивались темной материей, иначе ручная граната бросалась на свет в квартиры. Я помню, как мне приходилось ходить по улицам ночью, держа в кармане заряженный браунинг. Все это было буквально в сердце Белой Сибири.

Трудно было поверить тому, что было, но факт есть факт, и скрывать от читателя правду теперь, после стольких лет со времени гражданской войны, будет недобросовестным. Вся Енисейская губерния и часть Иркутской буквально горели в огне партизанщины. Удаляться на несколько верст от железной дороги было совершенно невозможно. Даже наши небольшие отряды попадали в засаду красных и несли потери.

Район наиболее активной работы партизан был равен 45.000 кв. верст. Внутренний фронт заключался, главным образом, в четырехугольнике: на севере - река Ангара; на западе - линия от точки слияния рек Ангары и Енисея до г.Ачинска и далее до гор.Минусинска. От Минусинска линия продолжалась на восток до реки Туба и затем на север до г.Канска и далее до р.Ангары. Сибирский железнодорожный путь идет как раз по середине указанного четырехугольника. Железная дорога Ачинск-Минусинск являлась его западной границей.

Советское главное командование, конечно, учло важность путей сообщения в тылу Сибирской армии и особенно - единственного пути

снабжения нашего Белого фронта с Дальнего Востока. Разрушение всех важных путей перевозки войск, вооружения, снабжения и продовольствия явилось главной задачей красного командования. Лучшего района для партизанщины и для разрушения железных дорог, чем Енисейская губерния, нельзя было и придумать. Местность, покрытая лесами, большое количество сопок, больших и маленьких рек - все это затрудняло наши операции в этом довольно густо населенном районе.

Помимо разрушения наших путей снабжения, в планы красного командования входила также необходимость приковать возможно большее количество белых частей на месте и не дать им возможности быть перебросенными на западный фронт гражданской войны. Последнее удалось красным на все сто процентов. От Енисейской губернии до Приморья партизанщина приковала десятки тысяч наших войск и воспрепятствовала их присоединению к главному фронту. Судить о том, в каком масштабе шла внутренняя борьба, можно по тому, что делалось в Енисейской губернии.

Хрущев и компания теперь реабилитируют расстрелянных Сталиным красных военачальников. Не знаю, что случилось с командующими партизанами в Енисейской губернии, но по всей справедливости я обязан отдать им должное за их из ряда вон выходящие способности по организации борьбы с нами. Если Хрущев справедлив, то два человека достойны всяких званий героев Сов.Союза, красных звезд и других большевистских наград: лесничий Кравченко и бывший шт. капитан Шетинкин. Эти два лица были верховным командованием всеми силами красных в Енисейской и части Иркутской губерниях. Выдающиеся способности этих большевистских лидеров в ведении операций против нас, их необыкновенная изобретательность в снабжении вооружением отрезанных от всего мира частей, при всей моей ненависти к большевикам, должны быть отмечены, как пример необыкновенного военного таланта, редко встречающегося даже у профессиональных военачальников.

Кравченко и Шетинкин разделили весь свой фронт на два района: 1-й, к северу от Сибирского железнодорожного пути, назывался Тасевский фронт; 2-й, к югу, - Степно-Баджейский фронт. Штаб первого находился в селе Тасеево, штаб второго - в селе Степной Баджей. По данным нашей разведки, северный фронт имел дивизию партизан, батарею полевой артиллерии, дивизион конных разведчиков и саперный отряд подрывников. Южный фронт имел дивизию четырех-полкового состава, батальон лыжников, отряд конных партизан и 2 полевых орудия.

В Степном Баджее находился кустарный оружейный завод, созданный Кравченко. На этом заводе самодельным путем делались винтовки, гранаты и даже, из дуплистых стволов деревьев, плавучие мины, заряженные динамитом, для взрывания наших вооруженных и пассажирских пароходов на реке Енисей.

Имея очень слабую связь с остальным миром, красные испытывали большие затруднения с патронами. Им приходилось отливать свои собственные пули. Помню приказ Кравченко его частям: "После стрельбы оловянными пулями необходимо выстрелить хотя бы раз настоящим патроном, дабы прочистить нарезы винтовки от олова".

По нашим данным, силы красных в обоих районах были равны 30000 человек.

Наши части также учитывали два фронта - Северный и Южный. Северный, под командой атамана ген.майора Красильникова, состоял из: дивизии имени Атамана Красильникова, 4-х полков пехоты, полка кон-

ницы, бригады полевой артиллерии. Железная дорога охранялась силами 2-й чехо-словацкой дивизии от г. Ачинска до г. Канска. Два выдающихся чешских офицера командовали этой дивизией, и я считаю за честь быть близко с ними знакомым. Это были - Начальник дивизии ген. Прхала и его нач. штаба маюр Квапил.

От г. Канска до ст. Зима дорога охранялась Румынскими частями полковника Кадленца. Южный фронт под командой ген. майора Розанова (однофамильца командующего войсками ген. лейт. Розанова). Силы южного фронта состояли из: дивизии ген. Розанова, отряда Енисейских казаков под командой полк. Бологова (живущего ныне в Сан Франциско), одного полка Сибирских стрелков, отряда кап. Юрени, ТАОНа (тяжелая артиллерия особого назначения) под командованием ген. Шерпантье, двух батарей полевой артиллерии, дивизиона итальянской горной артиллерии под командованием полк. барона Фассини-Камисси.

Река Енисей охранялась вооруженными пароходами Енисей и Ангара, а также несколькими военными катерами. Командующим речной флотилией был капитан 2-го ранга Покровский (умерший в Сан Франциско).

Стратегическим резервом ген. лейт. Розанова являлся 3-й Ставропольский полк славных каппелевцев под командой героического командира полковника Ромерова (сваренного впоследствии красными в асфальте за его действия в Енисейской губернии). Ромерову подчинялась батарея полевой артиллерии, дивизион конницы и саперный батальон.

Между прочим, охранение реки Енисей южнее г. Минусинска пароходами и катерами было невозможно ввиду наличия к югу от города больших порогов. Капитан 2-го ранга Покровский вытянул два катера на сушу, поставил их на колеса и протолкал по шоссе, миновав пороги; затем он спустил катера в Енисей. Впервые в истории России вооруженные катера пришли в столицу Урянхайского Края г. Белоцарск. Здесь глава Урянхов Хайдуп сформировал для нас хакасский конный дивизион, прибывший на плотях по Енисею в подчинение ген. лейт. Розанова.

Все, что я описываю, происходило в 1919 году. К концу этого года ген. лейт. Розанов, видя, что разрушение железной дороги и атаки водных путей буквально прекращают всякое снабжение Западного фронта, решил уничтожить всю партизанщину во вверенных ему губерниях.

Для выполнения этой задачи кап. 2-го ранга Покровский получил приказ доставить отряд полк. Ромерова по р. Енисей до деревни Стрелка при слиянии рек Ангары и Енисея. Полковнику Ромерову было приказано высадиться в дер. Стрелка, что было сделано с боем, и дальше продвигаться на юг в направлении села Тасеево для соединения с силами атамана Красильникова. Последний продвигался вдоль реки Усолка по западному ее берегу. Атаману Красильникову и подчиненному ему чехословацкому гусарскому полку полк. Червинка это продвижение стоило многих жизней. Немало погибло и красных. Дивизион живущего сейчас в Лос Анжелесе полк. Гаруцо в конном строю изрубил комиссара Тигра и его конный отряд. 2-ая Чехословацкая дивизия под командованием ген. Прхала сдерживала и отражала все попытки красных пересечь железную дорогу и соединиться с южными силами большевиков. Ген. Прхала выполнил это задание блестяще. Противник был разделен на две группы. Северная, захваченная с севера полк. Ромеровым, с запада нашим речным флотом, а с востока силами атамана Красильникова, почти вся была уничтожена. Маленькие отряды красных прорвались на север через реку Ангара.

Иначе обстояло дело с южной группой. Генерал-майор Розанов буквально окружил красных и готов был к их ликвидации. Противник учел, что один участок нашего наступления на юге был в руках итальянцев. Сосредоточив большой кулак, дивизия красных прорвала этот участок и ушла в Урянхайский край.

Таким образом, разрушение железной дороги партизанами прекратилось, но это было уже поздно, кончался 1919 год и положение фронта Адмирала Колчака было к этому времени не в блестящем состоянии.

По моему скромному мнению, партизанщина в Енисейской губернии нанесла Сибирской Армии страшный удар. Как я раньше указывал, виновниками этого были командиры Кравченко и Щетинкин. Помимо таланта командования, эти два человека пользовались своим знанием психологии русского рабочего и крестьянина. В селе Степной Баджей мы захватили типографию красных. В ней были тысячи листовок приблизительно следующего содержания: "Я, Великий Князь Николай Николаевич, тайно высадился во Владивостоке, чтобы вместе с народной советской властью начать борьбу с продавшимся иностранцам предателем Колчаком. Все русские люди обязаны поддержать меня. Великий Князь Николай. - С подлинным верно, главнокомандующие народным фронтом Енисейской губернии Кравченко и Щетинкин".

За время господства этих большевиков на внутреннем фронте было убито в самом городе Красноярске, Канске и Минусинске сотни офицеров и солдат.

Потери на фронте исчислялись сотнями Железнодорожных катастроф по статистике приходилось 11 на каждые 10 дней. Было сожжено три села, много зданий в городах губернии. Кравченко и Щетинкин подняли восстание в лагере австро-венгерских военнопленных и в военной городке нашего запасного полка. Усмирение и результат военно-полевого суда стоил 167 жизней русских и венгерцев, среди этих жертв 73 солдата правительственных войск.

Впоследствии Кравченко и Щетинкин в Урянхайском крае, куда они бежали, повесили духовного главу Урянхов Хайдупа и расстреляли его приближенных. Захватив в плен итальянцев, красные, раздев их, всех расстреляли, и нам попадались красные партизаны в барсельерских плащах и шляпах.

Отряды партизан, ушедшие на юг, впоследствии, при отходе Белой Армии, вернулись в Красноярск и присоединились к поднявшему восстание против своих белых в этом городе ген. Зиневичу и явились сильнейшей преградой для отступающих на восток через Енисейскую губернию белых армий. В 1919 году Кравченко и Щетинкин свели до минимума объявленную Верховным Правителем мобилизацию. Нет точной мерки для определения страшного морального, политического и материального ущерба, причиненного нам партизанами.

Я всегда буду при своем мнении, что дела в Енисейской губернии были ножем в спину Сибирской армии. Советский генерал Огородников, описывая "Фронт Колчака", говорит, что белые проиграли в Сибири без всяких стратегических поражений от красной армии, а причина их гибели была в беспорядках в тылу. Имея опыт на этом вооруженном тылу, я не могу не согласиться с тем, что говорит Огородников.

Что отшатнуло от нас население Енисейской губернии и заставило его взять оружие против нас - на это пусть ответят специалисты. Пусть они разберутся: отсутствие ли политической программы, лозун-

гов, земельных и социальных реформ или еще что-нибудь, явилось катастрофой для нас в самом сердце Сибири.

Георгий Думбадзе.

- - ооо - -

РУССКИЙ ТАНК.

В газете "Россия" от 11 марта 1941 года была напечатана статья генерала Алексея Владимировича фон Шварц, в которой автор утверждает, что танк изобретен русским. Привожу окончание этой статьи, касающееся этого изобретения.

"...я решил применить для атаки Кракова новый способ, который, как мне казалось, дал бы возможность значительно сократить период атаки, а вместе с тем способствовал бы уменьшению потерь в рядах осадной армии.

Для осуществления этой идеи нужно было располагать известной машиной, дающей возможность сооружать подземные галереи необходимых размеров с достаточной скоростью. В поисках специалиста по горным работам я обратился к моему зятю, члену Екатеринославского губернского правления. В.У.Ляшенко рекомендовал мне горного инженера Н.К.Лысякова, уже известного в Екатеринославском горном округе по его бурильным работам. Немедленно инж.Лысяков прибыл в Ивангород, а получив мои указания, очень быстро составил проект специальной машины для бурения трубы нужного диаметра со значительной скоростью. Однако, осуществить эту идею на практике мне не удалось, так как, пока в Бресте в квартире коменданта подготавливались к осаде, события на театре военных действий изменились, вместо наступления наши войска перешли к обороне, мысль об осаде Кракова была оставлена, осадная армия оказалась ненужной, подготовка прекратилась. Несколько позже инж.Лысяков сдал в музей города Екатеринослава свой проект бурильной машины, назвав ее "Саперная машина генерала Шварца".

Однако, инж.Лысяков был слишком хорошим техником и мог быть в будущем полезен крепости, и я поэтому оставил его в Ивангороде. Крепость в это время перестраивалась, значительно увеличивая радиус обороны, возводились новые укрепления, совершенствовались старые и производились опыты по усилению и разрушению искусственных препятствий против штурма. Руководство этими опытами я возложил на командира Морского полка, капитана 1-го ранга Маздрова, произведенного позже за оборону крепости в генерал-майоры по адмиралтейству. Инженер Лысяков принял в этих опытах самое горячее участие. И вот однажды вечером он явился ко мне, чтобы доложить о сделанном им изобретении подвижной машины, назначение которой было, по его словам: "двигаться впереди штурмующих и подготавливать им путь, разрушая своей тяжестью проволочные сети, древесные засеки и другие препятствия и преодолевая траншеи и наружные рвы полевых укреплений".

По своему внешнему виду эта машина или, как мы склонны были называть ее тогда, - трактор, имел на чертеже совершенно тот же вид, с которым появился год спустя первый танк в Англии. Идея была понятна и привлекала, но в тот момент в Ивангороде еще не существова-

ли те большие механические мастерские, что были созданы несколько месяцев спустя, а потому идею Лысякова осуществить в крепости было невозможно. Вследствие этого я немедленно командировал Лысякова в Ставку Верховного Главнокомандующего для доклада его проекта начальнику штаба Верховного, что и было сделано.

Месяца полтора-два спустя я сам был вызван в Ставку Верховного и там, беседуя с генералом Янушкевичем, я, между прочим, спросил о проекте Лысякова. Генерал Янушкевич сказал мне, что проект его отправлен в Петроград в Главное Военно-Техническое Управление, что перед этим он был показан всем военным агентам союзных держав, а в их числе, следовательно, и английскому. Совершенно естественно, что этот последний сообщил идею в Англию, где она в течение года подвергалась изучению и, может быть, дополнению и усовершенствованию, что и дало в результате, в марте 1916 года, первый танк.

Принимая во внимание сообщение в заметке газеты "Россия" от 12-го декабря, является вполне возможным допустить, что идеи русских изобретателей могли стать известны лицу претендующему на звание изобретателя первого танка, тем более, что это лицо занимало в английском правительстве официальное положение и донесения агентов не могли для него оставаться секретными. А это приводит к заключению, что изобретение танка есть изобретение русское и сделано значительно ранее, чем оно было реализовано в Англии".

Эта заметка генерала Шварца интересна тем, что она, во-первых, восстанавливает истину о том, кто был первым изобретателем танка, а во-вторых говорит о том, как халатно относилось Главное Военно-Техническое управление к таким исключительным по важности изобретениям. Предположим даже, что танк был выпущен в Англии в марте 1916 года и даже изобретен англичанами, но почему же наше Военно-Техническое управление, хотя бы параллельно с этим, не обратило должного внимания, чтобы осуществить такой важный проект, тем более, что и Ставка не только препроводила его в Петроград для детального изучения, но и показала его приставленным к Верховному Главнокомандующему военным агентам союзников.

Следовательно, этот проект вызвал несомненно большой интерес как со стороны Коменданта крепости Ивангород военного инженера генерала Шварца, так и со стороны руководящих кругов Ставки. А наше Главное Военно-Техническое управление положило этот проект под сукно. Оно, вероятно, тогда считало, что создавать такое новое оружие не нужно. А сейчас танки играют одну из важнейших ролей при развитии наступления. Думаю, что всякие по этому поводу заключения излишни.

Во всяком случае, проект инженера Лысякова должен быть известен каждому русскому патриоту, а имя его должно бережно храниться в летописях по развитию русского оружия.

Аргентина.

Михаил Борель.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Несмотря на всю тяжесть татарского ига и ненависть к поработителям-татарам, Москва шумно жила.

Ко времени правления Великого князя Дмитрия Ивановича, после Куликовской битвы получившего прозвище "Донского", Москва являлась центром культурной, политической и торговой жизни всей Руси.

В городе Москве насчитывалось больше 30.000 жителей. Вместо деревянного Кремля, сгоревшего в 1365 году, князь Дмитрий построил белокаменные стены башни, строились каменные церкви, на месте, где был раньше ханский двор, был выстроен Чудов монастырь. Московский Великий князь, начиная с Ивана Калиты, получил право собирать "выход ордынский". Таким образом, население княжества не соприкасалось с татарскими сборщиками дани. Наконец, в Москве имел пребывание митрополит "Всея Руси", что еще больше содействовало развитию княжества.

Шумно и людно было в Москве. Утром и вечером раздавался перезвон десятков колоколов, с раннего утра тянулись в Москву обозы с товарами и съестными припасами, толпы народа стремились в Кремль на поклон к князю или по своим делам в приказы. На реке Москве разгружались и нагружались баржи с мукой, мехами, шкурами, пенькой, дегтем и другими товарами. Разбивались многочисленные плоты — Москва строилась.

Но вот от последних лучей заходящего солнца порозовели белокаменные стены Кремля. С появлением же первой звезды площади и улицы пустели, уличный шум и гам замолкал, и только дзорные на кремлевских стенах протяжно перекликались и тем нарушали тишину.

В один из таких дней, в начале августа 1380 года, в сумерки к княжескому терему подъехал на взмыленном коне всадник. Передав коня страже, гонец быстро поднялся в терем и, разбудив дремавшего слугу, потребовал тотчас же проводить его к князю.

Князь Дмитрий Иванович с внешней стороны олицетворял русского богатыря — большого роста, статный, с красивым лицом, обрамленным черной бородкой. Вся его фигура выражала огромную энергию и силу воли.

Гонец почтительно склонился и передал князю свиток с восковыми печатями от княжеского поверенного при рязанском князе. Поверенный срочно сообщал, что татарский хан Мамай собрал большое войско против Москвы и, вступив в тайный союз с литовским князем Ягайло, сыном Ольгерда, договорился с ним, что они соединят свои войска на верховьях Дона около 1-го сентября. Кроме того, к ним присоединился и Рязанский князь Олег.

Получив извещение, князь Дмитрий решил не искать мира с татарами, а немедленно собрать рать и оповестить подручных ему князей: Ростовских, Ярославских, Белосельских; других же князей и Новгород решил просить о помощи. Но, к сожалению, существенной помощи он не получил - приходилось лишь рассчитывать на свою рать.

Перед походом князь отправился в Троицкий монастырь к игумену - преподобному Сергию. От него получил благословение на брань, и св.Сергий дал Дмитрию из своей братии двух монахов-богатырей, Пересвета и Ослябя, как знак своего сочувствия в предстоящей борьбе.

Первоначально московская рать двинулась на Коломну, к границам Рязани, так как думали, что Мамай пойдет на Москву через Рязань. Когда же узнали, что татары идут западнее, чтобы соединиться с Литвой, то Дмитрий решил тоже идти на запад к Серпухову и не ждать татар на своих границах, а идти им навстречу в "Дикое Поле" и встретить их раньше, чем они успеют соединиться с Литовскими войсками.

Рать Дмитрия, чем дальше уходила от Москвы, то с каждым днем становилась все больше - из городов, сел и деревень выходили добровольцы и вступали в армию.

Когда же войско Дмитрия переправилось через р.Оку на юг и пошло к верховьям Дона, перешло Дон и на Куликовом поле, при устье речки Непрядвы встретило татар, то оно уже представляло из себя большую армию, численностью хотя и меньше Мамаевой, но по духу стоящую много выше фанатизма кочевников-татар.

Итак, на рассвете 8-го сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, русское войско стояло в боевом порядке между рекой Непрядвой и дубравой (дубовым лесом). Сзади был Дон, справа Непрядва, впереди холмы, занятые татарами.

К полудню татары стали спускаться с холмов. Перед битвой Дмитрий, боясь дурного исхода, поставил в скрытном месте в дубраве у Дона особый "засадный полк" под начальством своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича, верного друга и участника всех его походов, а своего надежнейшего воеводу, боярина Дмитрия Боброка, назначил к князю "ближним боярином" (начальником штаба).

Битва началась единоборством татарского богатыря и инок Пересвета. Оба пали мертвыми. Тогда начался рукопашный бой "сторожевых полков" и затем огромная масса татарской конницы бросилась на левое крыло русского войска.

Князь Владимир Андреевич и Боброк наблюдали из засады ход битвы и видели, что "как скошенное сено" полегли московские полки. Горячий 27-летний Владимир Андреевич хотел уже вести засадный полк на помощь, но спокойный, опытный Боброк его отговорил: "Подожди, князь, еще не время".

Наконец татары, тесня русских в охват их с востока от дубравы, дорубились до великокняжеского стяга, поднятого на холме, где находился боярин Бренок, стоявший во главе всего войска, и подрубили его. Их победные крики огласили равнину. Остатки русских полков отеснялись на запад, к болоту у реки Непрядвы.

Тогда Боброк сказал князю Владимиру Андреевичу: "Теперь пора, князь!". И верно: татары уже считали себя победителями и, тесня русских к Непрядве, подставили свой тыл засадному полку.

Князь с Боброком ударили из-за дубравы на тыл побеждавших. Ужас охватил татар, когда они, уже торжествуя победу, вдруг увидели за собой скачущие грозные массы новых полков. Татары пришли в беспорядок, а затем началось их общее бегство.

Хан Мамай сам бежал, бросив свой стан. Куликовое поле сплошь было покрыто убитыми и ранеными. От войска осталась едва одна четверть. Самого великого князя Дмитрия не могли найти. Великий князь сражался, как простой воин. Наконец его нашли в изрубленных доспехах, без сознания.

Так окончилась великая Куликовская битва. *)

Спустя 2 года (в 1382 г.) новый ордынский хан Тохтамыш, свергший Мамай, внезапно напал на Русь. Князь Дмитрий не успел собрать войско и должен был уйти на север. Татары разграбили и сожгли Москву, много русских увели в "полон" (плен). Дмитрий должен был признать себя снова данником Орды. Тем не менее, Куликовская битва имела громадное значение для всей Руси. Современники считали ее величайшим событием и великому князю Дмитрию дали прозвище Донского.

Победа над Мамаем уничтожила мнение, что татары непобедимы, и показала как князьям, так и народу, что в единодушии и согласии для Руси не страшны татары, что только при этих условиях возможно культурное развитие государства, мирный труд и цивилизация.

После Куликовской победы политическое положение Московского княжества и великого князя еще больше укрепилось. Москва стала центром народного объединения, прекратились княжеские междоусобицы, и к великому Московскому князю потянулся весь русский народ.

Какие же были причины, давшие князю Дмитрию возможность победить татар и тем положить начало освобождению от татарского ига?

Прежде всего, в преддверии борьбы огромную роль играло православное духовенство. Если русские князья враждовали и тем содействовали распаду Руси, то только наша Церковь не дала окончательно развалиться Руси, не дала народу, жившему в тяжелых рабских условиях, отойти от веры, забыть Родину и потерять национальность.

В те далекие времена на Руси Церковь не делилась на разные юрисдикции — была одна митрополия, во главе которой стоял единый митрополит, — он являлся тем лицом, которое объединяло как все духовенство, так и весь русский народ.

Если в ту эпоху князья в большинстве были мало образованы и не понимали значения объединения народа, то во главе духовенства стояли такие авторитеты, как Киевский митрополит св.Петр, впоследствии переехавший из Киева во Владимир на Клязьме, который своими советами помогал в управлении княжеством князю Ивану Калите. При жизни своей он пользовался большим уважением не только среди русских, но и среди татар.

Затем — митрополит Алексей, известный не только, как подвижник и глава Церкви, но и как выдающийся государственный деятель. Во время княжения сына Ивана Калиты, князя Ивана Красного, и при его малолетнем сыне Дмитрии — фактически управлял княжеством митрополит.

Но самым замечательным подвижником того века был св.Сергий Радонежский. В миру святитель носил имя Варфоломей и происходил из обедневшего боярского рода. С раннего детства св.Сергий любил пост и молитву. После смерти своих родителей он ушел в "пустыню", в дикий лес в 60-ти верстах от Москвы. Здесь он построил маленькую келью и провел в одиночестве два года. Вскоре к нему стали стекаться другие люди и строили себе каждый — отдельную келью, общими же си-

*) Примечание: Описание Куликовской битвы взято из книги Б.Н. Сергеевского "Прошлое Русской Земли", Краткий исторический очерк.

лами построили церковь. Образовался скит, впоследствии разросшийся в монастырь, а затем в знаменитую Троицко-Сергиевскую лавру.

Только после 12 лет жизни в скиту, полной молитвы, труда и лишений, св.Сергий отправился в Москву, где принял священство и был поставлен игуменом в созданной им обители. Святой Сергий благословил князя Димитрия на борьбу с татарами, и в день битвы князь получил от Святителя письмо: "...чтобы еси, господине, таки пошел (вперед), а да поможет ти Бог и святая Богородица".

К Святителю шли все за духовной помощью: среди них были и великие грешники и, быть может, люди с обгаженными кровью руками, но жаждущие подвига и раскаивающиеся в своих поступках. Всех он принимал, помня заповедь Христа = "Приидите ко Мне все тружущиеся и обремененные, и Я успокою вас". Всем Святитель давал совет, всех наставлял на путь добра, на путь, завещанный нам Иисусом Христом Сыном Божиим, и Его именем благословлял и всем давал приложиться ко Кресту, памятуя, что и преступник, поцеловавший Крест, прикладывается своим грешным телом к Тому, Кто никогда, нигде и никого не отвергал от Себя.

Достаточно указать на вышеуказанных Святителей, чтобы понять значение церкви в истории Руси и понять, почему народ вступал в ряды войска князя Димитрия и, несмотря на малочисленность армии, победил надменного неприятеля.

8-го сентября годовщина Куликовской битвы. Около 600 лет тому назад на Куликовом поле тысячи русских воинов - среди них были 4 удельных князя, 13 знатных бояр, два монаха-подвижника - положили свои жизни на алтарь Отечества.

После Куликовской битвы еще сто лет продолжалась зависимость от Золотой Орды, но с каждым годом подвиг Димитрия Донского делал татарский гнет все слабее, менее чувствительным для русского народа, а в 1480 году он закончился.

Кто были татары для русского народа?

Поработители, люди с меньшей культурой, другой веры, другой расы, большинство из них обладало самыми низкими инстинктами, жизнь человеческая не представляла для них никакой цены.

Прошло после освобождения от Татарского ига 537 лет, и вновь нашу Родину, наше Отечество постигла величайшая мировая трагедия. Как татары захватили Русь и пили ее кровь, так большевистские банды, банды атеистов и убийц, захватили власть и глумятся над русским народом.

Не будем говорить о причинах, не будем кого-то винить, кого-то оправдывать. Факт тот, что вот уже 45 лет русский народ находится под ярмом кучки людей, старающихся всеми силами удержать кровавую власть.

45 лет тому назад образовалась Добровольческая Армия. Она боролась против большевиков, были победы, казалось, недалек тот час, когда падет красная тряпка и вновь развяжется наш трехцветный флаг. Но не суждено было осуществиться нашим надеждам. Белая Армия понесла поражение, и участники ее оказались в изгнании, но это не умаляет того значения, которое Белое Движение оказало на весь мир, - и если и сейчас Европа не под большевистским сапогом, то это только заслуга Добровольческой Армии.

Мы, потеряв Родину и Отечество, влачим свое существование в чужих нам государствах, зачастую среди народов, далеких нам по сво-

му духовному воспитанию, но мы все же сохранили свою национальность. Мы - русские и мы этим гордимся. Да, мы - русские!

У нас были свои политические организации, были союзы, общества, мы жили своей жизнью. Многие из нас ушли из жизни, новые нарождались - эмиграция не умирала. И неверно, если кто скажет, что наше пребывание за границей было без пользы для мира. Уже самое существование эмиграции отвечало нашим политическим целям.

Но кому-то нужно было уничтожить политическое значение эмиграции. Кто-то тонко продумал и систематически внес раскол в нашу семью. Мы забыли, что в объединении и согласии наша сила, что только при наличии их мы можем что-то сделать, с нами должны считаться и нас уважать. Вместо двух-трех крупных национальных организаций появляются десятки различных союзов и обществ, каждое из них обливает других ушатами грязи, злобы и лжи. Словами Родина, Отечество, Россия стали ловко жонглировать проходими пера.

В результате мы потеряли "себя" - мы обратились в обывателей. Но все же, став таковыми, мы были объединены верой - православием - и эта вера давала надежду на светлое будущее. Но и это последнее, что у нас осталось, кому-то мешает. Последние у нас церковные события указывают, что авторитет Церкви, вернее - высшего управления, пал настолько, что пришлось, к нашему стыду, обратиться к авторитету Американского Суда.

Кому это надо? Кто же борется и за что? Кто клеветает, кем или, вернее, под чьим руководством пишутся пасквили на уважаемых священнослужителей?

Опомнитесь! Ведь не сегодня, завтра все мы отходим в другой мир. С каким духовным багажом мы предстанем перед Создателем вселенной? Неужели перед смертью мы не вспомним слова Иисуса Христа: - "И говорю вам, любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благословите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и всех поносящих вас!"?

Куликов.

- - ооо - -

... Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтобы зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно и останется в сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, как и была до сих пор.

- - ооо - -

... Русская вера, русское православие есть все, что только русский народ считает за свою святыню; в ней его идеалы, вся правда и вся истина...

Ф. Достоевский.

- - ооо - -

РЕЧЬ подполк. ЛИСИЦЫНА.

Нижеприведенная речь сказана была мною на праздновании дня Ангела генерала Лавра Георгиевича Корнилова 31-го августа 1959 г. в помещении О-ва Ветеранов. Присутствовали приглашенные представители от частей: Корниловцев, Марковцев; Дроздовцев и Алексеевцев, а также почетные гости: генерал Свищев и полковник Неклютин.

Доблестные Корниловцы!

В этот памятный для нас день - день Ангела нашего Шефа Л.Г.Корнилова - мне хотелось бы вспомнить и рассказать вкратце о формировании Ударного Отряда капитана Нежинцева и о его первом боевом крещении при прорыве сильно укрепленной позиции противника - австро-венгров и немцев - у г.Станиславова 25 июня 1917 г.. Живым свидетелем и участником этого прорыва я имел удовольствие быть в составе 76-го пехотного Кубанского полка, командуя 11-й ротой.

Капитан Нежинцев, старший адъютант Оперативного отделения Штаба 8-й армии, обходя передовые окопы с Командующим Армией генералом Корниловым, воочию убедился в развале армии и в полной потере ее боеспособности.

После всего виденного у него появилась мысль о создании Ударных Добровольческих Отрядов, которые, прорывая фронт противника, увлекали бы за собой солдатские массы. Капитан Нежинцев подал рапорт по начальству о разрешении сформировать Ударный Отряд при штабе армии, и вскоре разрешение ему было дано приказом по Армии от 19-го мая 1917 г.

При формировании Отряда он встретил много всякого рода затруднений, но, благодаря его исключительной энергии и настойчивости, Ударный Отряд в 3.000 штыков был сформирован, и 10-го июня, на смотру Отряда, генерал Корнилов вручил капитану Нежинцеву знамя - черно-красное полотнище с надписью: "1-й Ударный Отряд".

Генерал Корнилов сказал перед фронтом отряда слово - настолько трогательное и воодушевляющее, что оно произвело глубокое впечатление на ударников: они стали называть себя Корниловцами.

А через несколько дней капитан Нежинцев получил приказ выступить на фронт и сменить на позиции Заамурскую дивизию 12-го Корпуса, занимавшую передовые окопы севернее г.Станиславова.

Ударники с восторгом приняли этот приказ, и глубокой ночью Отряд сменил Заамурцев. Стали ознакамливаться с позицией противника, высылали вперед разведку, брать пленных - языков.

Надо сказать, что примеру капитана Нежинцева последовали и другие части. Так, 19-ой дивизии 75-й Севастопольский полк выделил из себя Ударный батальон под командой шт.-капитана Туркула, будущего командира Дроздовской дивизии, а 76-й пех.Кубанский полк дал Ударный батальон под командой шт.-капитана Балихина, позже убитого в бою.

Кубанскому полку, как старому и опытному в боях, дано было главное направление удара, в поддержку ему - справа Отряд капитана Нежинцева, справа и слева - Ударный батальон шт.-капитана Балихина, а еще левее - Ударный батальон шт.-капитана Туркула и далее - 73-й Крымский полк.

После сильной артиллерийской подготовки Корниловцы первые бросились в атаку, быстро прошли проволочные заграждения, овладели

окопами 1-й и 2-й линий, взяли 6 орудий, 26 офицеров и 831 солдата в плен. И, выполнив свою задачу, остановились в лошине, собирались и приводили себя в порядок и думали уже о возвращении в тыл. И вдруг, около 7 часов вечера, неожиданно началась сильная стрельба. Офицеры выскочили на бугор и увидели совсем близко немцев, идущих в контр-атаку... Была подана команда: "Корниловцы вперед, в атаку!", все, как один, бросились вперед, начался рукопашный бой... немцы не выдержали и бросились бежать назад - ударники долго преследовали их.

Так произошло первое боевое крещение Корниловцев... Из штаба Армии пришел приказ о награждении наиболее отличившихся - по 5 чел. на роту - Георгиевскими крестами. Капитан Нежинцев доложил, что он считает, что все отличились, все заслужили награду.

Генерал Корнилов сказал: "Я так и думал", - и все были награждены.

76-го пех. Кубанского полка
Капитан Лисицын.

- - оОо - -

х
х х

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задоньи, курится
Седая февральская мгла.

Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее - Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою -
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,

Тоску безысходную гона,
Тревогу в морозных ночах
И блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.

Мы отдали все, что имели,
Тебе, Восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели -
Степной - за Россию - поход!

Н.Туроверов.

- - оОо - -

Л Ю С Я
(Клочек воспоминаний)

Через открытую дверь кабинета мне видна часть гостиной. У старинного, неуклюжего рояля группа молоденьких, совсем еще юных гимназисток - подружки сестры. Они весело о чем-то щебечут, разбирают ноты, быстро, мешая друг другу, пробегают пальцами по пожелтевшим клавишам.

Я сижу в глубоком отцовском кресле с книгой на коленях, весь ушедший в вычисления предшественников Пиккара, членов клуба - героев Жюль Верна из "Путешествия на луну". Изредка, хмуря брови, я бросаю недовольный взгляд в направлении гостиной, откуда демонстративно усиливается шум и звонкий смех... Неоднократная моя попытка закрыть дверь каждый раз оставалась без успеха - девченки с каким-то задором ее снова отворяли, бросая на меня лукавые вызывающие взоры, приговаривая:

- Смотрите, какой важный господин!

Им всячески хотелось оторвать меня от книги и втянуть в какую-либо совместную игру, что для меня тогда казалось унижением моего "мужского достоинства": как, мне, третьекласснику, и вдруг играть с какими-то девченками, пусть и немного старшими меня по возрасту!

- Господин философ, идите играть в фанты! - пищал чей-то голос из гостиной.

- Оставьте его в покое, - вторил ему другой, - он собирается лететь на луну, пожелаем ему счастливого пути и сыграем прощальный марш!

Пожелание тут же сопровождается невероятной какофонией, вызванной десятком шаловливых рук на струнах бедного рояля.

Главной кукуводительницей всех затей и атак была стройная, остроглазая блондинка Люся.

В полной утрате всякой надежды обрести покой, я иду на последнее средство: поворачиваю кресло спиной к дверям, затыкаю пальцами уши и, облокотившись на письменный стол, углубляюсь в чтение занимательного путешествия.

Так проходит несколько мгновений, пока по дрожанию половицы я не догадываюсь о чьих-то приближающихся шагах за моей спиной... Но прежде, чем я успеваю оглянуться, я осязаю на своем виске легкое, нежное прикосновение...

Поцелуй!..

В бешенстве я вскакиваю.

От меня отбегает виновница дерзкого нападения - Люся...

Из гостиной навстречу ей несутся аплодисменты... В мою сторону - гримасы, наставленные носы, высунутые язычки и возгласы:

- Поцеловала! поцеловала! поцеловала!..

Все мое тринадцатилетнее существо негодуёт.

От "неслыханной" дерзости красный, как рак, с глазами, наполненными слезами обиды, я с пеной у рта, стараясь перекрычать смех юных искусительниц, доказываю:

- Нет, - плюнула, плюнула, плюнула!

Москва. Я уже не третьеклассник-гимназист, а второкурсник-студент. Живу на Балчуге в старой "Мамонтовской" гостинице у Москворецкого моста.

Первые годы студенчества по обыкновению проходят не столь в увлечении наукой, сколь в полном наслаждении самостоятельной студенческой жизнью.

Я увлекаюсь Первопрестольной, ее достопримечательностями, ее многочисленными и разнообразными развлечениями.

Мой сосед по номеру гостиницы - болезненный, постоянно занятой студент-медик, Костя Фокин.

То на лекциях, то в "анатомке", то на службе (которой кормился), Костя вечно спешил, куда-то торопился. Мы встречались с ним только на лестницах.

Однажды он постучал ко мне, когда я, проснувшись, стоял у окна и восхищался чудесным видом на залитой утренним солнцем Кремль, на Москву-реку, на храм Василия Блаженного.

- Москвой любишься? - промолвил, входя, Костя.

- Прекрасная панорама, - отвечаю ему.

- А я, брат, к тебе по делу, - продолжал Костя, усаживаясь на подоконник. - Врачи временно гонят меня на юг, на отдых... Придется расстаться и с наукой, и со службой... А вот последнего-то мне терять никак нельзя, - с грустью подчеркнул Костя. - Не смог ли бы ты временно заменить меня, ведь, все равно, так бьешь баклуши...

Я сделал большие глаза.

- Позволь, но ведь ты работаешь в редакции медицинского журнала, а я, как знаешь, пытаюсь изучать науки экономико-юридические...

- Пустяки, - возразил Костя, - моя работа в редакции ничего общего с медициной не имеет.

Мы быстро сговорились.

Дня через три я уже регулярно ездил на "службу".

В экспедиционной комнате редакции еженедельного медицинского журнала у меня стоял отдельный письменный стол, на который ежедневно редакционный сторож Михаил приносил груды писем с пометкой секретаря: "Голос из провинции". Это был небольшой отдел журнала, редактировать которой и лежало на моей обязанности. Коротенькие корреспонденции из провинции, печатаемые мелким шрифтом в конце журнала, я должен был просматривать, изменять, округлять, сокращать - одним словом, приводить в удобный для печати вид.

Таким образом я, еще не напечатавший ни одной собственной строки, уже "заделался редактором", и мой красный редакторский карандаш смело гулял по чужим рукописям, совершенно не подозревая, что в будущем такой же карандаш, только в более опытных руках, принесет мне не мало огорчений, расправляясь с моими собственными скромными творениями...

В ту пору я мало интересовался политикой, всегда столь волнующей русское студенчество. Я даже не был заражен тем оппозиционным всему и всем духом, который царил среди тогдашней интеллигенции и, особенно, среди учащейся молодежи. "Дух" этот проникал всюду. Чувствовался он даже и в тех невинных хроникерских корреспонденциях, которые присылались в "нашу" редакцию.

Описывал ли корреспондент тот или иной недостаток какого-либо медицинского пункта, сообщал ли он о свирепствующей там или здесь эпидемии, - пишущий считал своим неременным долгом лягнуть прави-

тельство, администрацию, местные порядки, посетовать на недостаток просвещения и проч., и проч., и проч.

Не знаю, как поступал в этих случаях мой коллега Фокин, но меня словно какой-то бес подмывал "осаживать" информатора.

- Ага, - говорил я про себя, пробегая рукопись и повторяя слова любимого государственного деятеля, П.А.Столыпина, которого знал с детства, в бытность его "нашим" губернатором, - Ага, "вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия", и мой "редакторский карандаш с ловкостью опытного хирурга производил соответствующую ампутацию.

Помню, особенную борьбу вел я с одним настойчивым "голосом из провинции". "Голос" этот не замедлил вскоре обнаружиться.

Как-то, углубившись в свою работу, я не заметил, как предомно выросли две фигуры: наш редактор, милейший Петр Николаевич, и молоденькая девушка, сероглазая блондинка.

- Вот на кого вы должны обрушить свой гнев, - улыбаясь и указывая на меня, сказал Петр Николаевич, оставляя нас с глазу на глаз.

- Ах, так это вы, молодой человек, - сверкнув очами, вспыхнула блондинка, - так это вы затыкаете рот народному голосу!..

Не понимая сперва, в чем дело, я встал, в смущении начал что-то бормотать, блуждая взором по разгневанному личику девушки.

- Стыдно, стыдно, молодой человек, - не унималась незнакомка.

Наконец, я понял, что имею дело со своим настойчивым корреспондентом, начинаю лепетать какое-то оправдание, все больше и больше вметриваясь в черты молодого лица...

- Вам, молодой человек, - повышая голос, наступала девица, - простите, носить не студенческий, а синий мундир! (намек на жандармский). Слышите? Синий!! - почти выкрикнула незнакомка.

Но вот наши взгляды встретились...

- Люся... - нерешительно произношу я.

Блондинка вспыхнула. На ее лице легкое смущение. Она быстро поворачивается и почти бегом направляется к двери.

- Люся! - кричу я ей вслед, но ее каблучки уже стучали далеко по лестнице...

- 0 -

Третий год великой войны - приснопамятный 17-й год!

Лесистые Карпаты.

Бушующая в тылу революционная волна докатилась и сюда, до фронта, захлестнула собою серую фронтовую массу, закружила в кровавом водовороте...

Уже давно сменена мною студенческая фуражка на армейскую, и на месте студенческих наплечников блестят кованого галуна офицерские погоны.

Ранним утром будит меня вестовой - татарин Фезул Имарсуил.

- Твоя вставай, тебе зовут...

Выхожу из землянки.

У входа пара оседланных коней и ординарец.

- Зачем? Кому? - спрашиваю.

- Так что, по постановлению ротного комитета, - следует бойкий ответ расторопного ординарца, - надлежит вам, господин поручик, прибыть на корпусной митинг.

- К чорту митинг! Я не оратор и политикой не занимаюсь!

- Никак нельзя: постановление комитета... Саботаж...

Приходится подчиниться.

Едем узкой извилистой дорогой. Слева - стена из вековых сосен, справа, внизу - бурлит, пенясь в скалистых берегах, горная быстрая реченка. Вверху, купаясь в утренней лазури, парит орёл...

Где-то вдалеке изредка бухают пушки... До корпусного резерва далеко. Молча едем, каждый по своему переживая события...

Уже хорошо стало припекать солнце, когда, наконец, в ложбинке показался резерв.

На поляне кишит море голов... Посредине возвышается эстрада, вся увитая зелеными венками и красным кумачем. Ожидают каких-то "гостей".

Спешась, смешиваясь с толпой, слушаю возбужденные речи, гляжу на теперь чужие, взволнованные лица. Вот послышался резкий звук мотора. Толпа заволновалась, загудела, расступилась, пропуская к эстраде автомобиль, весь в алых лентах.

Из машины выходят "гобти": два молодых человека во френчах без погон и молоденькая женщина типа курсистки. У всех красные повязки на левых рукавах и какие-то надписи - делегаты...

Льются трафаретные речи, сопровождаемые шумными овациями опьяненной революцией массы...

Когда очередная волна оваций стихла, на эстраду взойшла женщина.

Высокие желтые башмаки на шнурке, короткая черная юбка и длинная красного шелка рубашка, в талии перехваченная черным с кистями поясом. Коротким движением подстриженной головы она откинула со лба белокурый непослушный локон, распростерла над толпой правую руку и, блеснув серым, стальным взглядом, молодым, зрелым голбсом начала...

Горят очи, алеют ланиты, вдохновенно льется певучая складная речь...

- Жанна д'Арк! - думаю я, невольно любуюсь ораторшей.

- ...Мы пришли сказать вам, - пел голос, - что раскрепощенный русский народ не хочет больше крови... Надо кончать кровавую бойню. Мы будем строить новую, мирную жизнь... Мы принесем всем народам - мир, равенство, братство, любовь!..

- Bravo!.. Правильно!! - гудит толпа аплодисментами, дикими возгласами, топотом ног от восторга...

И вдруг сразу все смолкло.

Знакомый, характерный свистящий звук прорезал воздух над толпой...

- Трах-тах-трарарах-тах!...

Шальной снаряд, Бог весть, откуда и кем пущенный, разорвался над морем голов... Бурный восторг сменился животным страхом, криком раненых...

После первых минут смятения бросаемся к эстраде...

На новых, белых сосновых досках помоста лежала ораторша...

Из правого виска свесившейся набок головы струилась алая кровь, смачивая непослушный белокурый локон...

Серые, стальные глаза закатились... Раз-два конвульсивно вздрогнуло молбое упругое тело... Дыхание остановилось. Безмолвно толпа обнажила головы.

- Эх... и зачем только таких вот посылают!... - с искренней грустью вырвалось у невзрачного серого солдатыка, беспрестанно осеившего себя крестным знаменем над бездыханным телом Люси...

В. Соседов.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Нам сообщают о трагической судьбе, постигшей автора настоящей статьи капитана Корниловского Ударного полка. По одной версии Валентин Борисович во время занятия красными войсками Болгарии в 40-х годах был принудительно вывезен в Советскую Россию; по другой - чинами МВД был зверски убит у своего дома в Старой Загоре.

"Да, я Корниловец и вам подлецам не сдаюсь!" - были его словами, достойными его геройской смерти Корниловца.

- - оОо - -

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ.

Сентябрь.

1	сентября	1939 г.	- Начало 2-й Великой войны.
7	"	1859 г.	- Покорение Восточного Кавказа.
12	"	1941 г.	- Основание Русского Корпуса
18	"	1911 г.	- Смерть П.А.Столыпина.
20	"	1380 г.	- Куликовская битва.
22	"	1937 г.	- Похищение ген.Миллера.
27	"	1829 г.	- Адрианопольский мир.

- - оОо - -

БИСМАРК О РОССИИ.

Бисмарк ненавидел Россию, но воевать с нею не хотел, потому что боялся ее. Высказывания Бисмарка о проблеме русско-германской войны исключительно интересны.

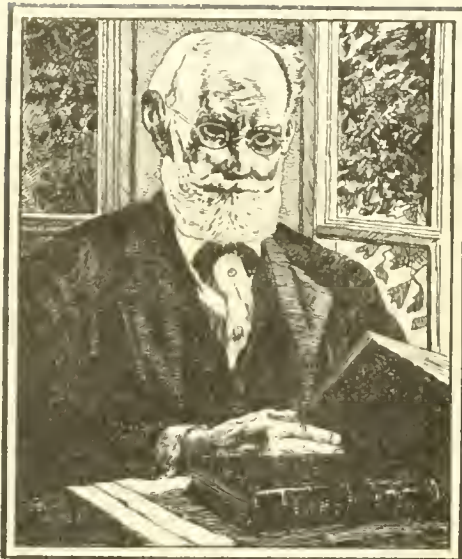
"Эта война с гигантскими размерами своего театра была бы полна опасностей. Примеры Карла 12-го и Наполеона доказывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпутываются из экспедиций в Россию".

Затем Бисмарк так возражает сторонникам нападения на Россию:

"Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, чтобы Россия была разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это - неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими просторами и ограниченностью потребностей".

М.Викторов.

- - оОо - -

И. П. Павлов

Оценка Др. мед. И. Тонгарова

Иван Петрович Павлов —

— наша русская гордость.

Научные работы Павлова создали ему мировую известность задолго до его смерти. Уже к началу двадцатого столетия имя Павлова занимает почетное место в научных рядах, а к концу первой четверти становится среди таких корифеев науки, как Пастер, Мечников, Лестер и Кох. Павлов был широко одаренной натурой, соединяющей блестящий ум, феноменальную память и неограниченный запас энергии. Несмотря на все эти данные, он до конца дней отличался исключительной простотой и скромностью.

— 0 —

И. П. Павлов родился в Рязанской губернии в 1849 году. Он был сыном сельского священника и свое первоначальное образование получил в семинарии. Однако, он скоро, почувствовав свое истинное призвание, поступает на естественный факультет Петербургского Университета. Своё медицинское образование Павлов закончил в Военно-Медицинской Академии, которую окончил в 1879 году. Еще будучи студентом, он начал свои первые исследования по физиологии кровяного обращения. По окончании Академии Павлов был назначен в постоянный состав клиники по внутренним болезням. Начальник клиники поручил молодому врачу организацию физиологической лаборатории, чтобы прибавить к практической деятельности клиники — научные исследования. За исключением двухлетнего периода, когда Павлов работал с известным физиологом Карлом Людвигом в Мюнхене, все свои ранние работы он вел в своей скромной лаборатории. Экипировка этой лаборатории была в большинстве примитивного характера. Сама лаборатория помещалась в маленьком деревянном здании, почти сарайчике.

Из-за недостатка казенных ассигнований Павлову приходилось финансировать свои работы из своих собственных скудных средств. У него не было никаких помощников. Несмотря на все эти трудности, исключительная энергия и жертвенность молодого Павлова очень скоро привнесли незаурядный успех.

В 1890 году Павлов был назначен профессором Медицинской Академии по кафедре фармакологии и уже в следующем 1891 году встал во главе физиологической лаборатории вновь организованного в Петербурге Института Экспериментальной Медицины. К концу девятнадцатого столетия имя Павлова стало всемирно известно, как наиболее выдающегося физиолога.

В 1904 году Иван Петрович награждается Нобелевской премией за свои работы по физиологии пищеварительных органов. В 1907 году он был избран членом Российской Императорской Академии Наук - звание, которое он сохранил до своей смерти. Иван Петрович Павлов скончался от воспаления легких в феврале 1936 года на 87-м году жизни.

Даже самый сжатый обзор научных исследований и работ профессора Павлова в короткой статье является совершенно непреодолимой задачей. Остается лишь вкратце коснуться основных принципов.

Научная деятельность Павлова может быть разделена на два периода. Первый период Павлов посвятил подробному изучению функции пищеварительных органов. И второй - с 1902 года и до смерти - он посвятил исследованиям в новой, созданной им области знания: физиологии нервной деятельности.

Первый принцип заключается в том, что живой организм функционирует, как единое целое, а потому исследование отдельных органов в искусственных условиях не может дать подлинной картины действия этих органов в нормальных условиях. Опыты Павлова с живыми собаками общеизвестны.

Второй принцип касался гипотезы, названной Павловым "Невризм", согласно которой все функции живого организма контролируются центральной нервной системой. Путем отделения желудка собаки от пищевода Павлов доказал, что выделение желудочного сока контролируется центральной нервной системой, а не путем процесса жевания, глотания и т.д., как предполагалось раньше. Изучение нервной системы и исследования так называемых "условных рефлексов" занимают целиком второй период научной деятельности Павлова.

Во время своих исследований в этой области он был заинтригован тем, что собака начинает выделять слюну и желудочный сок не только при соприкосновении пищи со слизистой оболочкой рта или желудка, но и в ответ на сигналы, указывающие на приближение времени питания. Это наблюдение указывало на то, что выделение желудочного сока, считаемое Павловым, вместе с другими специалистами, чисто физиологическим явлением, имеет психологическую основу. Для физиологов того времени это была революционная идея. До Павлова физиология и психология считались, как отдельные и независимые друг от друга функции живого организма.

Дав краткие сведения о научных работах Павлова, нельзя не упомянуть об одном случае из его жизни. В 1921 году Ленин специальным декретом предписал выстроить для научных работ Павлова особое научно-исследовательское учреждение. До этого Павлов вел свои работы в тесных лабораториях Российской Академии Наук в Петрограде. Место для Института Павлова было выбрано в Колтушах под Питером. Когда И.П. Павлову был представлен проект строительства, он не увидел в нем детали, без которой он, по его мнению, не мог работать. Он потребовал, чтобы были построены не только здания для научных работ, не только жилые помещения, но и церковь, или хотя бы были отпущены средства на приведение в порядок и украшение старой церкви в Колтушах.

Требование Павлова вызвало бурю возмущения в правящих кругах. Еще бы: заставить советскую власть, занятую как раз в это время разрушением и ограблением церквей, строить церковь! Это мог придумать только Павлов, и только он мог осмелиться поставить это требование.

Ленина уже не было в живых, и неизвестно, как он реагировал бы на требование Павлова. Вполне возможно, что он отменил бы свой декрет. Но без Ленина кто же мог бы отменить ленинское предписание?

Началась глухая борьба. Все начинание, предписанное Лениным, грозило рухнуть. Павлова просили отказаться от своего требования, старательно доказывали ему, что советской власти "не к лицу строить очаги религиозного одурманивания масс". Но Павлов стоял на своем. Кончилось тем, что он подал в Совнарком доклад, в котором заявил, что его совершенно не касается точка зрения коммунистической партии на вопросы религии и он этой точки зрения не разделяет; и во-вторых, если церкви не будет, он отказывается работать в институте.

Это был, пожалуй, единственный случай, когда советская власть должна была построить церковь. В Кремле в конце концов решили, что "упрямого вракобеса" не переспоришь, и приказали строить "очаг религиозного одурманивания масс".

Однажды Павлов, выйдя из церкви после богослужения, присел на скамейку в парке. Рядом с ним на скамейке оказался красноармеец, молодой деревенский парень.

- Что, папаша, - обратился красноармеец к великому Павлову, которого он, конечно, не знал, - все еще в церковь ходишь?

- Хожу, - ответил Павлов.

- Эх, темнота, темнота! Двенадцатый год советская власть, и все еще такое невежество и дикость! - с укоризной произнес красноармеец.

Из всех этих штрихов перед нами вырастает Павлов, о котором ничего не пишется в советской прессе. Павлов - гениальное творение природы, которым всегда будет гордиться наша страна.

Д-р И. Гончаров.

. - - оОо - -

"Во многом всяк себе отыщет что-нибудь;
Кто многое дает - всем что-нибудь приносит".

Гете.

- - оОо - -

Я счастлив, когда могу сделать добро. Но исправить несправедливость - величайшее счастье.

Л.Н.Толстой.

- - оОо - -

Каждый человек может заблуждаться, но упорствовать в заблуждении может только идиот.

Цицерон.

- - оОо - -

Слову - вера, хлебу - мера, деньгам - счет.

Пословица.

- - оОо - -

Больше 250 лет тому назад на берегу Балтийского моря, по замыслу и начертанию императора Петра 1-го Великого было приступлено к постройке Петергофского дворца.

Первое упоминание о Петергофе относится к 1704 году. Петергофом тогда называлась небольшая мыза, расположенная на берегу моря. Это была ферма, состоявшая из нескольких домов, хозяйственных построек, огородов и фруктового сада.

Император Петр 1-й, проезжая из С.-Петербурга в Ораниенбаум, здесь останавливался, и тогда же у него явилась мысль на месте бедных домиков построить дворец с парком и фонтанами, приличествующий престижу империи.

Работы по планированию парков и возведению дворцов, гротов и фонтанов начались в 1714 году. Император Петр очень интересовался работами, входил во все детали предполагаемых проектов. При первой же возможности он отпускал средства для скорейшего окончания построек, о чем свидетельствуют указы и пометки на чертежах.

Уже в 1714 году были закончены большой грот с каскадами, канал с гаванью и малый дворец "Монплеизир", а в 1721 году, после заключения победоносного Ништадтского мира, было отдано распоряжение о возведении дворца Иарли, павильона Эрмитаж, оранжереи и целого ряда построек. К этому же времени были закончены работы по распланированию дворцово-паркового ансамбля.

Главными исполнителями Петровских замыслов были архитекторы И.Браунштейн, А.Леблон, Н.Микетти, М.Земцев, П.Еропкин, Г.Усов, И.Устинов; гидротехники В.Туволков, П.Суалем; скульптор К.Раstellли и его русские ученики; садоводы Л.Горнигфельд и А.Борисов.

С 1723 года почти десять лет работы в Петергофе не производились, и только в 1740 году наблюдается новый подъем строительства.

Сооружены несколько фонтанов, среди которых обращает всеобщее внимание фонтан в нижнем парке "Самсон", воздвигнутый в ознаменование Полтавской победы.

В каждом царствовании Петергоф расширялся, строились новые павильоны, перестраивались целые корпуса для свиты и служащих дворца, украшались бассейнами, многочисленными декоративными статуями из свинца, дерева, мрамора и алебаstra.

Небольшие по размерам помещения во дворце уже в царствование императрицы Анны Иоанновны не могли вместить всех придворных с их

слугами, и пришлось приступить к расширению дворца. Над этой работой много положил труда архитектор Земцев и знаменитый Растрелли.

В декоративном оформлении Большого Дворца Растрелли проявил неистощимое богатство творческой фантазии. Пышно были украшены залы и парадная лестница. Неподражаемые по изяществу и красоте паркеты были выложены из различных пород дерева. Оригинальные из дерева и золоченые орнаменты, высокохудожественные статуи и вазы, живописные плафоны украшали дворец. Живопись и хрустальные люстры довершали пышность зала, салонов и других жилых помещений. Этим закончилось художественное оформление Большого Дворца, длившееся более 150 лет.

В период с 1825 до 1850 года возникло три парка: Александрия, Александрийский и Луговой. На их территории были построены дворец императора Николая 1-го "Коттедж", "Фермерский дворец" императора Александра 2-го, "Гатчинская капелла", павильоны "Царицын", "Озерки" и "Бельведер".

Невозможно в кратком очерке перечислить все достопримечательности Петергофа.

Дворец, стоящий на высокой террасе, украшен оригинальной кровлей с золотыми куполами; один из них, над дворцовой церковью, далеко виден со стороны залива. С балкона же дворца открывается очаровательный, не поддающийся описанию вид на центральный район Петергофского ансамбля, на канал и море. На этот удивительный вид еще в 1723 году сам император Петр 1-й Великий обратил внимание французского посла Компре-Дона, заметив, что в Версале нет такого "чудного вида, как здесь", где с одной стороны открывается море с Кронштадтом, а с другой - вид С.-Петербурга.

Фонтанный водовод Петергофа - один из самых сильных в мире. Он питает более 2.000 струй, выбрасывающих за десять часов ежедневного действия около 100.000 кубических метров воды. Первым строителем этого замечательного гидротехнического сооружения, начатого еще при императоре Петре 1-м, был Василий Туволок.

На протяжении двух столетий, до революции 1917-го года, водовод совершенствовался в отношении развития техники.

Архитектурно-художественный ансамбль Петергофа неоспоримо считается шедевром русского зодчества и искусства 18-го века, свидетельствуя о высоком искусстве его создателей: архитекторов, садовников, скульпторов, художников и декораторов.

Как и Версаль, Петергоф приобрел мировую известность и является образцом мировой архитектуры.

Во время последней войны большевики вырубали знаменитый парк с вековыми елями и липами. Немецкая армия, заняв Петергоф, не оберегла его от хищений. Перед отступлением дворец был подожжен, и от бывшего величия и красоты дворца остались лишь одни стены.

По последним сведениям, советы решили реставрировать дворец с его парками и каскадами. Кажется, фонтаны снова стали действовать, многие павильоны реставрированы, приступлено к реставрации Большого дворца. Насколько они успеют выполнить это задание - трудно сказать. Трудно заново создать в наш материалистический век то, что создавалось людьми на протяжении двух столетий.

К.К.

К. Куснецов 63.

РЕМОНТ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОВОРА
Обращение Представителей Казачьих Войск.

Казачи, казачки!

Раздался недавно призыв старосты Парижского Кафедрального Собора В.Н.Загоровского, обращающегося ко всем с просьбой о срочной помощи в деле ремонта собора, в главном куполе которого появились глубокие трещины, угрожающие храму.

Этот прекрасный Александро-Невский собор в Париже, ценнейший памятник русского церковного зодчества и светоч родного Православия на чужбине, является особенно дорогим и любимым храмом для всех россиян в эмиграции.

В этом соборе хранятся и наши казачьи святыни: св. иконы Покрова Пресвятыя Богородицы и Донской Божией Матери и икона Знамени Терского войска.

Ежегодно в дни Войсковых праздников и в другие особо памятные для нас дни стекается в собор множество народа, казаков и казачек, для принесения всеобщего моления перед этими святыми иконами.

Но настал грозный час, и староста зовет всех россиян на помощь собору. Не потерпим же и мы, казачи, чтобы собор наш оставался под угрозой! И пусть наша казачья казна потечет к нему немедля и неудержимым потоком - широким, как славный Дон, многоводным, как Волга и Кубань, бурным, как Терек и Урал! По нашей вере отеческой, по нашему обычаю казачьему, понесем и мы нашу казну к престолу Св. Александра Невского на укрепление и сохранение святого храма Божия.

Казачи и казачки! Пусть каждый из нас отчислит на это святое дело самую большую меру своих возможностей. Вдовица и нищий - да не смутятся своей лептой, а зажиточный - да внесет и за себя, и за нищего. Несколько десятков миллионов потребуется срочно на ремонт собора. Только в дружном порыве, все вместе, мы сможем обеспечить такую большую сумму. Да не смущается сердце наше - мы русские! Каждый казак должен откликнуться на этот зов.

Да воздаст Господь сторицею за всякую доброхотную жертву!

Представитель Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского
Генерал С.Д.Позднышев.

Представитель Войскового Атамана Кубанского Казачьего Войска
Полковник Н.И.Зайцев.

Представитель Войскового Атамана Терского Казачьего Войска
Генерал Г.П.Тятонов.

Войсковой Атаман Астраханского Казачьего Войска
Полковник Г.М.Астахов.

Заместитель Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска
Полковник П.А.Фадеев.

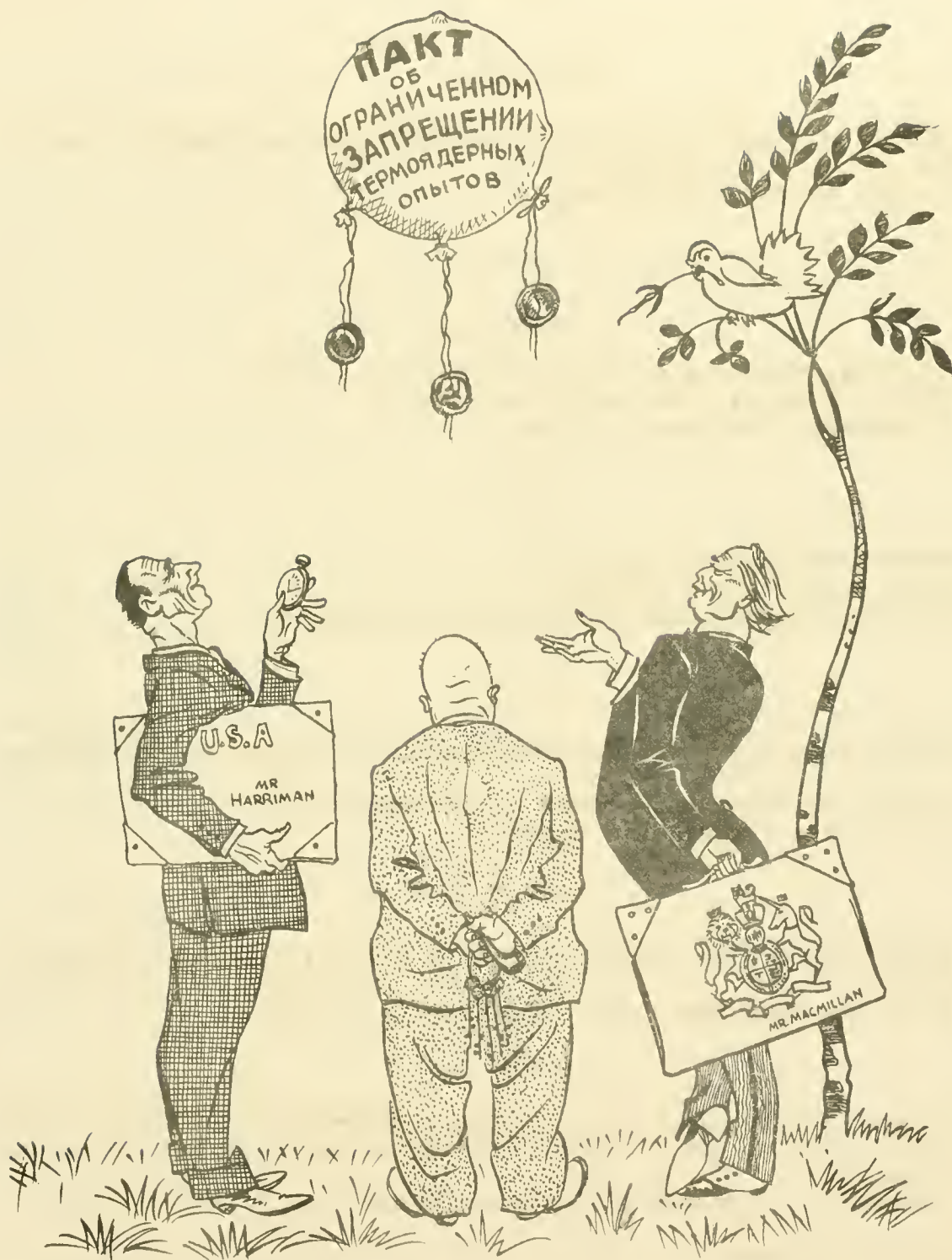
Напомним, что взносы следует направлять:

1) На почтовый счет № 7.2888.70 a Paris, Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

2) Банковскими чеками на имя: а) Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8, или б) Association Cultuelle Orthodoxe, 12, rue Daru, Paris 8.

3) Почтовыми мандатами или мандат-карт на имя: Cathedrale Orthodoxe Russe, 12, rue Daru, Paris 8.

Можно также направлять пожертвования, для пересылки в Париж, в адрес редакции журнала "Вестник Первопоходника" - 901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, Calif.

Дули, дули и надули,
Но при этом позабыли:
Много раз им обещали
И все время надували.

И. Гончаров.

Ю М О Р.

-- - Что бы мне надеть на маскарад, чтобы меня не узнали? - спрашивает Иванов у своего друга.

- Надень чистый воротничек.

- о -

-- -- На экзамене...

Профессор, указывая студенту на область сердца:

- Куда я попаду, если воткну нож сюда?

- В тюрьму, - отвечает студент.

- о -

Приезжий спрашивает москвича:

- Как у вас живут в Москве?

- Как в автобусе: одни сидят, другие трясутся.

- о -

Москвич проходит мимо здания Н.К.В.Д. на Лубянке и отворачивается.

- Почему вы отворачиваетесь? - спрашивают его.

- Не люблю заглядывать в будущее.

- о -

-- - Я слышал, что вы написали книгу о России... Бывали ли вы там когда-нибудь?

- А вы думаете, Данте был когда-нибудь в аду?

- о -

Толстая, перезревшая дама, одетая в ярко-красное платье и увешенная бриллиантами, отправилась на консультацию к знаменитому эксперту по Модям.

- Скажите, - спросила дама, - какой цвет мне больше всего к лицу?

Эксперт ответил:

- Когда природа творила бабчку, она обрядила ее в сверкающие цвета, но когда она создала слона, то сделала его темно-серым.

-- -- ооо -- --

Как меняются времена! Прежде дамы из кожи лезли, чтобы показать свое платье, а теперь лезут из платья, чтобы показать кожу.

А.Ренников.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- 0 -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18-19, 20, 21, 22 и 23 - по цене 35 центов за экземпляр.

- 0 -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- 0 -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и прч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

23 августа 1963 г. в Австралии скончался первопоходник, войсковой старшина Всевеликого Войска Донского Олег Александрович Балабин.

- - оОо - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Гончаров, Г. Я. Корнилов, В. П. Май и Ф. В. Пухляцкий.

Главный редактор А. Ф. Долгополов.

В последнюю минуту.

ПАМЯТИ О.А.БАЛАБИНА.

На 65-м году жизни скорпостижно скончался Атаман объединённой станицы в Мельбурне и представитель Донского Войскового Атамана в Австралии первопоходник есаул Олег Александрович Балабин.

Пишущий эти строки был связан с ним узами боевого братства и дружбы в годы гражданской войны на Юге России, и спайка наша была скреплена совместно пролитой кровью в Донецком бассейне в рядах Лейб-Гвардии Казачьего полка молодой Донской армии.

Наша связь еще более укрепилась в эмигрантские годы в братской Югославии в Белграде, где мы много лет служили в так называемой "Монопольской управе". Наша связь не прекращалась до последних дней его жизни.

В борьбе с красными Олег Александрович отдал Родине и Дону свою молодость, здоровье и силы и с честью бодро проходил свой тернистый жизненный путь. Донское казачество в лице покойного понесло крупную утрату.

Покойный родился и вырос в казачьей офицерской семье в Новочеркасске, где получил среднее образование. Военное образование получил в Тифлисском Великого князя Михаила Николаевича военном училище. Активный участник Первого Кубанского генерала Корнилова похода. Знак отличия Ледяного похода получил из рук Донского Войскового Атамана генерала А.П.Богаевского. Участвовал в боях с красными в партизанском отряде полковника Мамонтова под станицей Нижне-Чирской, где ручной гранатой спас от пленения полковника Мамонтова от окружившей его банды красногвардейцев.

В конце 1918 года прикомандирован в чине хорунжего к Лейб-Гв. Казачьему полку, находившемуся в Ростове-на-Дону и несшему в городе гарнизонную службу.

В тревожные февральские дни 1919 года, когда части Красной армии, форсировав реку Донец под станицами Екатерининской и Усть-Быстрианской, угрожали Новочеркасску, полк в спешном порядке перебрасывается по железной дороге из Ростова в угрожаемый район фронта. Туда же спешно перебрасываются остальные полки Первой Донской дивизии.

В жестоких боях противник по всему упомянутому фронту отброшен за Донец, и положение стабилизировано. В славных боевых действиях полка хорунжий Балабин с необычайным мужеством и хладнокровием, не взирая на губительный огонь противника, блестяще выполняет возложенные на него ответственные боевые задания. В рядах полка дважды тяжело ранен и эвакуирован в Ростов в полковой лазарет. Врачебная комиссия признала его инвалидом, так как последствием ранения в щеку под левым глазом явилась потеря слуха на левое ухо на всю жизнь и потеря зрения на левый глаз.

Своею боевой службой он вписал славные страницы в историю полка.

По окончании Гражданской войны в 1920 году он эвакуируется из Крыма в Югославию, в Белград, где много лет служил в государственном учреждении; женился на югославенке. Был принят в королевскую югославенскую армию в кавалерийский полк в чине капитана.

Когда пожар Второй мировой войны охватил Балканский полуостров и немецкие армии вторглись в пределы Югославии, Олег Александрович

с частями Югославенской армии попал в немецкое окружение и плен. Отправлен в Германию в лагерь военнопленных. После капитуляции Германии соединяется с семьей.

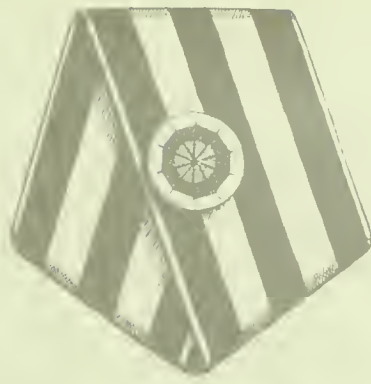
Последний этап - Австралия, куда прибыл с семьей десяток лет тому назад; физическим трудом зарабатывал кусок хлеба, купил дом. По состоянию здоровья (порок сердца) принужден был уйти на покой в 1961 году. Основал станицу и до последних дней жизни поддерживал связь с Донским Войсковым Атаманом генералом И.А.Поляковым, с профессором Н.В.Федоровым, с друзьями и соратниками. Проявлял трогательную заботу, оказывая материальную помощь обездоленным соратникам-первоходникам, проживающим в лагере Виллах в Австрии; поддерживал "Дон.Ат.Вестник", "Вестник Первоходника", сотрудничал в прессе.

Умер он на руках любимой супруги. После покойного остались: его верный спутник - супруга госпожа Катя, добрейшей души человек, и два сына с семьями.

Олег Александрович верил в воскресение России и Дона. Не дождавшись осуществления заветной мечты, ушел от нас в неведомый мир на вечный покой.

Будем же мы, знавшие его, свято хранить память о нем.

Первоходник И.Какурин.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

25

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS of the FIRST
KUBAN CAMPAIGN against Communists
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

№ 25

Октябрь 1963 г.

х
х х

Посвящается
Генералу А.И.Деникину.

Когда, в угаре пьяном большевизма,
Царили на Руси измена и хаос,
Сокрыв в своей груди огонь патриотизма,
Как некогда Титан, он нам его принес!

И на руках его тогда толпа носила
И все свои мечты покоила на нем;
И день и ночь хвалебные кадила
Перед его качались алтарем.

Но помощи ему, в его порыве смелом,
Никто не оказал, заботясь о себе,
Забывши Родину, занявшись темным делом, -
Пока не пал Титан, измученный в борьбе.

Его судили все - несправедливо строго, -
Стараясь на него потоки грязи лить,
За то, что он - Титан - не смог стать вечным Богом
И подвигом своим их низость искупить.

Пред алтавем его склоняясь одиноко,
Из чистых белых роз плетя ему венец,
Я, как всегда, люблю его глубоко,
Былому Божеству не изменивший жрец!

Ю.Рейнгардт.

- - оОо - -

Р О Д И Н Е

Тебе - Великая, Жестокая, Родная,
Всегда любимая с далеких детских лет,
Я песни верности слагаю
И плю, как дар, как дочерний привет.

Нет нужды в том, что Ты сошла с дороги:
Пора придет - Ты путь найдешь прямой,
И лик прекрасный Твой, загадочный и строгий,
С улыбкой склонится, быть может, надо мной.

Нет нужды в том, что жизнь Ты мне разбила,
Услав к чужим, холодным берегам, -
Того, что раньше сердцу было мило,
Я никому и ныне не отдам.

Пусть - ницета, пусть все кругом - не наше;
Пусть коротка, непрочна жизни нить, -
Я пью безропотно мне посланную чашу,
Благодаря за счастье русской быть.

И если не войду под сень Твою, Родная,
Не устояв в болезни и борьбе, -
Уиру, за то судьбу благословляя,
Что петь могла Тебе и о Тебе.

Мария Волкова.

- - сОо - -

3 5 0

350 лет тому назад, после десятилетнего Смутного времени, избирательный Собор от 50 городов Московского Царства избрал в цари боярина Михаила Феодоровича Романова, а 14 марта 1613 года молодой царь принял царство. Таким образом, Михаил Феодорович Романов является родоначальником династии, царствовавшей более 300 лет, и только в марте 1917 года, после отречения от престола последнего Императора - Николая 2-го - царствование династии Романовых прекратилось.

За эти 304 года огромное по территории, но слабое как в военном, так и в экономическом отношении Московское царство превратилось в самую величайшую и могущественную империю в мире.

Россия всегда являлась связующим звеном между Западом и Востоком, поэтому ни одно мировое событие не проходило без участия Российской империи.

Казалось бы, что каждый мало-мальски культурный житель нашей планеты должен был бы интересоваться вопросом: что же из себя представляет Россия и ее народ? Должен бы познакомиться, хотя бы поверхностно, с ее историей, бытом народа, его культурой и цивилизацией. Но, к сожалению, иностранцы лучше знают историю древнего Египта, Греции и Персидского царства времен Кира и Дария, чем империи, занимающей одну шестую часть света.

О России и русском народе судят по антипатриотической пропаганде

де левых элементов русской интеллигенции, эмигрировавшей за границу.

Кто же составлял эту эмиграцию? Во-первых, революционеры крайне левого толка, террористы, затем бежавшие от воинской повинности, главным образом, инородцы и люди неудачники в жизни. Естественно, что такие элементы не могли и не хотели правдиво осветить русскую жизнь.

В настоящей статье нет возможности, да и излишне писать о тех гигантских скачках прогресса, какими шла Россия. Достаточно указать, ссылаясь на авторитетные немецкие источники, что если Германия и Австрия вступили в войну в 1914 году, то в 1918 году они не рискнули бы на такой шаг.

Развитие Российского Государства во всех отношениях: политическом, аграрном, промышленном, торговом, образовательном, военном и других - прекрасно отмечено в "Отечественной Географии" проф. Лесгарты и в книге Ольденбурга "Царствование Императора Николая 2-го". К этим источникам и советуем обратиться всем, кто действительно интересуется прошлым России.

В данном очерке хотелось бы дать ответ всем тем, кто считает, что в России было несправно, что пользовались всеми благами жизни только люди высшего аристократического общества, что крестьянство влачило жалкую и унижительную жизнь, что свободы веры, слова и печати не существовало, что великороссы угнетали малороссов (украинцев), евреев, поляков и других инородцев. Вот против этой укоренившейся лжи и хотелось бы привести несколько фактов, могущих совершенно иначе осветить многие события, имевшие место в России.

У многих, если почти не у всех иностранцев сложилось убеждение, что Россия стала идти по пути прогресса только после того, как стала именоваться СССР. Недавно в одном популярном Нью-Йоркском журнале была напечатана статья, в которой утверждалось, что до 1917 года, до "бескровной революции", действительно обескровившей Россию, последняя по культуре и цивилизации стояла не выше новонспекенной африканской республики Конго.

Полное игнорирование России и русского народа, совершенное незнание ни русской истории, ни ее культуры, подчас презрительное и даже, более того, враждебное отношение наблюдались и продолжают ощущаться до настоящего времени у многих высших политиков мировой известности. Так, во время гражданской войны премьер Англии Ллойд Джордж в парламенте заявил о том, что генерал Харьков продвигается к Москве... А бывший президент Труман авторитетно заявил, что хотя жизненный стандарт в СССР стоит весьма низко, все же он выше прежнего дореволюционного... Жаль, что в доказательство г. Труман не привел факта, что со дня прихода к власти большевиков появилась многочисленная эмиграция, которая с каждым днем все больше и больше увеличивается.

Вот всем этим господам, поносящим с Хрущевым прошлое нашего отечества, хотелось бы задать несколько вопросов.

Самым дорогим и драгоценным для человека, безусловно, является его жизнь. Главная задача Правителя и правительства - это ценить и оберегать жизнь своих подданных и граждан; гуманное отношение к поступкам последних является известной оценкой их культурного развития.

После убийства Императора Александра 2-го граф Л.Н. Толстой на

писал Императору Александру 3-му письмо с советом воздействовать на суд, чтобы он не вынес смертного приговора. Возможно ли теперь, при советском режиме, чтобы, скажем, другой граф - А.Толстой - обратился к Хрущеву с таким же письмом, прося милости за белогвардейца?

В царствование Императора Александра 3-го и Императора Николая 2-го в Шлиссельбургской крепости был заключен революционер-террорист Морозов. За время 20-летнего заключения Морозов стал известным ученым и, выйдя на свободу, поражал всех своей жизнерадостностью, энергией и общительностью. Возможно ли это во времена правления "Отца народов" (Сталина), да и теперь, при диктатуре Хрущева, чтобы заключенный мог просидеть 20 лет в советском концентрационном лагере и остаться живым?..

Известный большевик Л.Троцкий несколько раз (3 или 4) был арестован, сослан в Сибирь и всякий раз успешно бежал из ссылки. Что сделало бы настоящее советское правительство с арестантом, бежавшим из лагеря хотя бы один раз?

В одном из старых номеров советского "Огонька", посвященном Сталину, помещен снимок с картины советского художника, изображающий Сталина, сидящего в избе за столом и пьющего чай. На столе тетради, книги, бумага, в стороне стоит стражник, добродушно разговаривающий с будущим "отцом народов". Возможна ли такая картина в советском судопроизводстве?

После роспуска первой Государственной Думы, часть депутатов не подчинилась манифесту, отправилась в Финляндию в г.Выборг и выпустила "Выборгское воззвание", призывающее народ к неповиновению.

Члены Думы, подписавшие воззвание, были судимы и получили по несколько месяцев тюремного заключения, для некоторых же заключение являлось "условным".

Возможно ли, чтобы члены парламента любого государства, не говоря уже о СССР, так легко могли быть наказаны?

По статистическим данным социалистов-революционеров за период от 1825 года (Имп. Николай 1-й) по 1896 г. (Имп. Николай 2-й) смертных казней над политическими преступниками было совершено что-то не более 3.500 (Сюда входят казни во время Польского восстания и революции 1905 года).

А сколько десятков миллионов лучших русских людей окончили свое существование в суровых Сибирских лагерях, сколько было расстреляно без суда, сколько было искалечено и замучено? На этот вопрос каждый иностранец может получить ответ от каждого эмигранта, пережившего этот ужас в период ужаснейшего лихолетья.

Так где же правда?

Почему многие из эмигрантов, главным образом молодых, относятся к монархии с каким-то предвзятым мнением, считая монархический строй отжившим и его возвращение невозможным?

Не будем входить в спор, у каждого имеются свои взгляды на будущее, в этом будущем наверное ошибутся и одни, и другие, но НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ИГНОРИРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ.

Здесь гадать не приходится, но настанет время, успокоятся страсти, и историк правдиво напишет свою летопись о том, что сделал для России монархический строй, что дала монархия русскому народу, какое положение она занимала в мировой истории и какая была свобода при Царском Режиме и как ЭТУ СВОБОДУ МЫ ИСПОЛЬЗОВАЛИ.

Эмигрант.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ВИКТОРЪ ЛЕОНИДОВИЧЪ

ПОКРОВСКІЙ

ГЕНЕРАЛ В.Л.ПОКРОВСКИЙ.

Прошло 45 лет с того момента, когда на Кубани образовался узел сопротивления против богоборческой власти, против большевизма, захлестнувшего не только центр России, но пробравшегося уже и на юг (Дон, Кубань).

К концу 1917 года обстановка на Кубани в кратких чертах была такова.

На территории Кубанского войска царили мир и тишина. Революционный угар не потряс еще жизни станиц Войска, самобытности, и уклада патриархальности в семейных очагах, являвшийся фундаментом войсковой казачьей жизни, не был еще поколеблен, за исключением нескольких населенных пунктов, где проживал иногородний элемент, энергично подтачиваемый красной пропагандой.

Столица Кубани город Екатеринодар и поселки в районе железнодорожных станций Кавказской (хутор Романовский) и Тихорецкой в большинстве своем не только приветствовали завоевания "великой и бескровной", но и относились с большой симпатией к приходу и власти большевиков.

Вокзальные строения Кавказской и Тихорецкой, блиставшие ранее, в царское время, своей художественной внутренней отделкой, были превращены "товарищами" - как проезжавшими, так и местными - в отвратительные грязные сараи со всеми отпечатками торжествующего хама.

Например, на станции Кавказской в зале 1-го класса поместился лагерь дезертиров в походных палатках. Они не несли никакой работы, днем спали, а ночью отправлялись на кладбище играть в карты.

Кубанские войсковые части, возвращавшиеся со всех фронтов домой, мирно расходились по родным станицам. Административная власть в крае возглавлялась выборным войсковым атаманом полковником Александром Петровичем Филимоновым (военным юристом по образованию). Казачество, уставшее от войны, спокойно проживало в своих станицах, прекрасно питаясь продуктами, в изобилии насыщавшими населенные пункты. Большевистская пропаганда коснулась активно лишь небольшого процента казачьего сословия в провинции.

Все же постепенно большевизм стал проникать как в казачью массу, так и, в особенности, в иногороднюю. Увещевания и советы Войскового Атамана о необходимости бороться с большевизмом, не верить их льстивым лозунгам и обещаниям - не трогали казаков. Большевики обратили внимание на железнодорожные узлы, имевшие в Кубанском Крае большое политически-стратегическое значение: Кавказскую и Тихорецкую, превратив их в свои революционные очаги. Население административного и политического центра Кубани - ее столицы Екатеринодара - было пропитано красной пропагандой, и этот центр - особенно его рабочий элемент - с каждым днем становился все более и более активным союзником "торжествующего хама".

К сожалению, Кубанский парламент - Рада, про которую говорили, что "Рада сама не рада, что она Рада", - состояла в большинстве своем из членов говорунов и "орателей", выдвинувшихся вовсе не своими способностями и деловитостью, а представляющими из себя людей, плывших по волнам революции и мало помогавших населению в борьбе с большевизмом и не уяснявшими себе (вольно или невольно), в какую про-

пасть и анархию может быть в короткий срок ввергнут богатейший Кубанский край.

К концу 1917 года население Екатеринодара распоясалось совершенно. Завод "Кубаноль" и окраины Екатеринодара Покровка и Дубинка стали открытыми очагами воинствующего большевизма. Необходимо было принять твердые и решительные и вместе с тем незамедлительные меры к оздоровлению как самой столицы, так и железнодорожных узлов Тихорецкой и Кавказской.

Но надежных войсковых частей как в Екатеринодаре, так и в Кавказской-Тихорецкой при наступившей пассивности казачества не было. В Екатеринодаре крепкими войсковыми единицами были лишь сотня Гвардейского дивизиона (бывший конвсй Его Величества) и сотня черкесского конного полка. В то время в столице Кубани были совершенно развалившиеся "солдатские" части большевизанствующего типа: запасный артиллерийский дивизион и ополченческая дружина.

Власть Войскового Атамана Филимонова подтачивалась с каждым днем все больше и больше - как усиливающейся большевистской пропагандой, так и агитаторами, приезжавшими из Новороссийска, превратившегося в Краснознаменную твердыню, находившуюся в руках юнкера Владимирского Военного училища Яковлева. Примерно в то же время в Екатеринодар прибыли остатки значительно ослабленного Киевскими событиями Киевского Константиновского Военного училища и группы двух Киевских школ прапорщиков.

Из Финляндии вернулась на Кубань 5-ая Кавказская Казачья дивизия. Войсковое начальство рассчитывало возложить на ее части задачу по освоению станций Тихорецкой и Кавказской и очистке их от произвола "товарищей".

Но части дивизии отнеслись к этой задаче неохотно и приказаний о занятии указанных железнодорожных узлов не исполнили, несмотря на настойчивые просьбы начальника полевого штаба подполковника Вячеслава Григорьевича Науменко. Во главе вооруженных сил Кубанского края Атаманом и Правительством Кубани был поставлен ген.штаба генерал-майор Черный, бывший командир 1-го Линейного полка Кубанского Казачьего войска в Первую Мировую войну, в конце ее - начальник 5-й Кавказской Казачьей дивизии. Сформирован был и Полевой штаб для войск Кубани, а войск-то не было. Полевой штаб помещался в гостинице "Лондон" на Красной улице.

В ноябре месяце командующий Кавказской армией ген.Пржевальский сообщил, что он отправляет на отдых на Кубань 39-ую пехотную дивизию. В царское время дивизия эта показала себя исключительно доблестно во всех боях на Турецком фронте и ознаменовала свою храбрость при взятии крепости Эрзерум. К сожалению, после резолюции она разложилась с самым большевизанствующим оттенком. В период 1-го Кубанского похода 39-ая дивизия доставила добровольцам массу неприятностей своим активным выступлением на стороне большевиков.

Находившихся в Екатеринодаре уже не у дел командиров корпусов и начальников дивизий прежней Царской армии охватил волевой паралич. Несмотря, казалось бы, на свой авторитет и опыт, они никакой помощи Атаману не оказали, а лишь ежедневно осаждали его дворец и надоедали Атаману своими бесцельными вопросами, запросами и никчемными советами.

В декабре месяце обнаглевшие местные Екатеринодарские больше-

вики стали говорить о необходимости организовать "Еремеевскую" (Варфоломеевскую) ночь с целью ликвидации как головки - Войскового Атамана и Полевого штаба - так и вообще всех находящихся в этом городе офицеров и их семей. *)

Надвигались грозные моменты, необходимо было действовать быстро и решительно, чтобы парализовать большевистский активизм. Первое, что надо было предпринять, - это разоружить большевистски настроенный гарнизон.

Единственным спасением являлось экстренное формирование добровольческих частей. Кубанское правительство после некоторых колебаний на это согласилось.

Было организовано два отряда: первый - войскового старшины Галаева и второй - военного летчика, Георгиевского кавалера капитана Покровского. Первый насчитывал 120-150 бойцов, второй значительно больше - 300-350.

Вскоре сформировался и третий отряд - ген. штаба полковника Левицкого, впитавший в себя юнкеров Киевского Военного училища и школ прапорщиков, с боевым составом в несколько сот человек. Появились мелкие отряды в районе Черноморской железной дороги и в Закубаньи.

Надо отдать справедливость, что в Екатеринодаре боевое настроение поддерживалось у антибольшевиков в гораздо большей степени, чем в других крупных городах центра и юга России.

Того позорного подавленного настроения у большинства офицеров, которое имело место в таких крупных центрах, как Киев, Одесса, Екатеринослав, Ростов-на-Дону и т.д., в Екатеринодаре не наблюдалось.

Действительно, картина распада Русского офицерства была ужасающей. Из 400.000 русских офицеров Царской армии для активной борьбы с большевиками набралось совсем мизерное число - 3000; в то же время это офицерство дало Красной армии более 20.000.

В создании последней много помог, помимо рядового офицерства, наш Генеральный штаб, "блеск военной мысли", 20% которого верно и нелицемерно отдали свои знания и опыт Троцкому и компании.

Нельзя, конечно, в происшедшей трагедии обвинять только одно русское офицерство.

Обратим внимание на то, что дал русский народ - народ, который теперь искалечен и закабален. Он в своей массе совершенно не разбирался в структуре большевизма и не отдавал себе отчета, что коммунизм несет стране. Не только крестьяне, которых можно было простить за их "теплоту", но и интеллигенция в большинстве своем разбиралась в обстановке не лучше, чем простой "мужик". И вот многомиллионный русский народ (включал и интеллигенцию), от имени которого говорили наши социалисты, эти творцы русской печали, дал всего 1% людей, которые бы с оружием пошли на фронт против большевиков.

Когда отряды были сформированы, можно было приступить к чистке города.

Прежде всего были разоружены как запасный артиллерийский дивизион, так и ополченческая дружина.

*) Кое-кто из товарищей, наверное, слышал про прогремевшую в средних веках "Варфоломеевскую ночь". Видимо, правильное произношение этого названия было недоступно "товарищам", и они переделали его на "Еремеевскую", - это проще и понятнее.

Затем надо было приступить к ликвидации большевистской головки, подготовлявшей "Еремеевскую ночь".

Покровский, взяв с собой десятка полтора юнкеров, ночью подкатил на грузовике к конспиративному красному штабу на Ростовской улице № 140, застал как раз в сборе весь Екатеринодарский революционный комитет и арестовал его.

Благодаря аресту главарей революционного комитета "Еремеевская ночь" у "товарищей" не прошла. Жизни многих офицеров и их семейств были спасены.

Железнодорожные узлы Кавказская и Тихорецкая, благодаря отказу частей 5-й Кавказской казачьей дивизии своевременно их занять, оказались окончательно освоенными большевиками, создавшими там отряды красной гвардии.

Красный Новороссийск с каждым днем все увеличивал и увеличивал свои вооруженные силы. Пополнения сухопутными большевиками и Черноморскими матросами усиленным темпом непрерывно вливались в этот гарнизон. Постепенно красноармейские отряды из этого гарнизона стали насыщать железнодорожную линию Новороссийск-Крымская-Екатеринодар, и станции ее захватывались этими отрядами довольно быстро. В середине января 1918 года они приблизились вплотную к столице Кубани.

Красное командование отправило в Екатеринодар делегацию с целью передать местным властям ультиматум с требованием сдать город большевикам "на милость победителя". Вблизи самого города Екатеринодара, в полосе железнодорожного пути судьба столкнула эту делегацию с Покровским и его частями. Предложение было отвергнуто. Жребий был брошен. После этого события стало ясно, что военные действия с большевиками начнутся в самое ближайшее время.

Действительно, через несколько дней после ликвидации красных делегатов эшелоны воинствующих "товарищей" приблизились к полустанку Энем, вблизи самого города.

Им преградил путь 1-й отряд В.С.Галаева. Произошел встречный бой. Галаев оказал упорное сопротивление.

Пока 1-й отряд сдерживал красных с фронта, капитан Покровский со своим отрядом зашел в тыл большевикам, наступавшим на Энем. В результате этого боя красные были разбиты и бежали к ближайшей железнодорожной станции Георгие-Афипской.

1-й отряд потерял убитым своего доблестного командира В.С.Галаева, первого инициатора создания отрядов, двух офицеров убитыми и несколько человек ранеными.

В числе убитых была храбрая Татьяна Бархаш, выкатившая свой пулемет на железнодорожное полотно и косившая своим огнем наступавших красных. Незадолго до этого боя она в чине прапорщика прибыла на Кубань после окончания Александровского Военного училища.

В общее командование этими двумя отрядами вступил капитан Покровский, который не успокоился отражением большевиков под Энемом, а бросился их преследовать, захватил мост у станицы Георгие-Афипской и самую станицу. Красным было нанесено полное поражение, и здесь были захвачены более 20 орудий, много пулеметов, военное снаряжение и пленные. Остатки красных в панике отбыли по железной дороге в Новороссийск. Железная дорога Екатеринодар-Новороссийск на некоторое время, до конца февраля, была от красных свободна.

В то время, как на Новороссийском направлении после разгрома большевиков Галаевым и Покровским настало временное спокойствие,

красная гвардия, оккупировавшая Кавказскую и Тихорецкую, начала шевелиться и продвигаться постепенно в сторону Екатеринодара.

Полевой штаб сейчас же перебросил из Екатеринодара части отрядов ген. Галаева и Покровского на Тихорецкое направление, а на Кавказское был послан отряд Лесевицкого.

На Черноморской железной дороге для обеспечения от большевиков, создавших свой отряд в узловой станции Тимашевской, был также сформирован скромный отряд Кубанских казаков.

В общем, на указанных направлениях красные стали постепенно продвигаться к Екатеринодару; завязались бои.

Наиболее упорными они были у станицы Кореновской и у поселка Выселки и в районе станиц Ладожской и Усть-Лабинской (Кавказское направление); вскоре всколыхнулся и Новороссийский фронт, бывший пассивным несколько недель. К концу февраля 1918 года большевикам удалось окружить столицу Кубани Екатеринодар со всех сторон.

Сила солому ломит.

Отряды, неся большие потери, были оттянуты к самому городу. На военном совещании, происходившем в Атаманском дворце, если мне память не изменяет, 26-го февраля ночью, было принято решение оставить этот город, но отнюдь не распыляться, а перейти в более спокойный район для отдыха, а потом для продолжения борьбы.

На совещании этом участники его предлагали разные варианты отхода. В конце концов, после дебатов остановились на отходе в район Майкопа, богатый доступными для расположения горами и удаленный от каких-либо крупных центров.

От Корнилова с самого начала борьбы на Кубани никаких точных сведений о происходившем на Дону не поступало; поддерживать с ним связь по тогдашней обстановке было почти невозможно.

28-го февраля к вечеру все отряды и отдельные группы, оставив арьергардные заслоны, стянулись к железнодорожному мосту через Кубань на окраине Екатеринодара и постепенно в полном порядке стали покидать город, переходя через Кубань по этому мосту.

Последний белыми не был взорван, так как они надеялись, что счастье повернет к ним и в скором времени они вернуться, но уже победителями. Местные Екатеринодарские большевики безмолвствовали и не произвели в спину уходящим добровольцам ни одного выстрела. За это надо было поблагодарить Покровского, который своевременно уничтожил в городе большевистскую головку, почему и "Еремеевская ночь" красным не удалась и они после этого эпизода потеряли свое верховное командование.

По оставлении Екатеринодара все войсковые соединения (отряды) и отдельные группы были подчинены Покровскому, возглавившему их на основании врученной ему Кубанским Атаманом и правительством власти. Решение это было принято на совещании в Атаманском дворце, о котором я уже упоминал. Эта должность предназначалась для ген. штаба полковника Лесевицкого, но последний от нее категорически отказался в пользу Покровского.

По оставлении Екатеринодара дальнейшее движение было произведено через черкесские аулы "Тахтамукай" и "Шенджий". В последнем все части были сведены: в пехотный полк (Кубанский стрелковый), Черкесский конный и Кубанский казачий полк (конница), инженерную роту и две-три батареи, правда, весьма скромного состава в смысле деструктивного наличия пушек.

Большевики не преследовали покинувшие Екатеринодар белые части. Два-три дня прошло у них в празднествах, и отряд Покровского, насчитывавший вместе с обозом немного больше 3-х тысяч, отдыхал после пережитых потрясений.

Оставив черкесские аулы, отряд перешел в станицы Пензенскую и Калужскую. В этих станицах были получены первые, правда, неясные сведения о нахождении Корнилова за Кубанью, якобы в районе расположенных вблизи Екатеринодара Кубанских станиц. Покровский решил идти на выстрелы (изредка был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы) для соединения с Корниловым.

Он двинул отряд к аулу Дворянскому, лежавшему недалеко от станицы Пашковской, выше по течению Кубани, где можно было переправиться через эту реку. На другой берег Кубани был переброшен батальон Кубанского стрелкового полка под командой командира батальона полковника В.В.Крыжановского.

Дальнейшая переброска частей полка была остановлена потому, что артиллерийская стрельба не давала больше о себе никаких признаков. Настала зловещая тишина. Видимо, Корнилов куда-то свернул, но куда?

Большевики немного отрезвели после своих Екатеринодарских праздников и начали нажимать на хвост отряда. В ауле Шенджий они натолкнулись на арьергард отряда, двигавшийся к аулу Дворянскому для форсирования Кубани. В происшедшем там бою отряд потерял сотню, другую кубанцев, окруженных красными, но успевших все же прорвать их фронт и уйти в горы.

Покровский решил оторваться от наступавших красных; попытка переправы через Кубань окончилась неудачно. Воспользовавшись мало известными лесисто-болотистыми путями, он двинул отряд форсированным маршем в район станиц Пензенской и Калужской, откуда он предполагал продолжать движение по намеченному ранее плану.

Уничтожив часть артиллерии, отряд начал движение; ночь прошла спокойно, но на рассвете в районе станицы Пензенской отряд столкнулся с преградившими ему путь большевиками.

Начался бой, бой большого напряжения. В центре стойко и доблестно держались юнкера Киевского Военного училища. Красные начали охватывать фланги, но полковник Улагай со своими пластунами и полковник Косиков с конными кубанцами пытались ликвидировать обходное движение красных.

В помощь дерущимся на боевых участках были привлечены все, бывшие на повозках обоза, а также члены Правительства и Рады. Это была поистине величественная картина, когда все старики и сам Войсковой Атаман полк.Филимонов с винтовками рассыпались в цепь, чтобы поддерживать фронтовиков и продолжить борьбу.

Все же положение отряда было катастрофическое. Чувствовалось, что вот-вот сдаст моральная упругость у чинов отряда, и у бойцов появится тлетворное чувство отказа от борьбы.

В этот критический момент со стороны черкесских аулов показались два всадника, которые полным наметом приблизились к командующему центральным боевым участком полковнику Киевского Военного училища Туненбергу и что-то кричали. Оказалось, что эти два всадника были черкесы. Они на ломаном русском языке старались объяснить, что в их аулах, в двух переходах, находится Корнилов.

Полковник Туненберг сразу не поверил их словам, считая, что имеет дело с провокаторами, и даже хотел их повесить. Окружающие Туненберга убедили его не делать этого и стали подробно расспрашивать черкесов о Корнилове.

О привезенном известии узнали два юнкера, прибежавшие с позиции с докладом к Туненбергу, которые после свидания с ним вернулись в свою часть. Эта радостная весть, как электрический ток, распространилась по всему фронту отряда. Раздалось "ура" - сначала в центре, потом распространилось на фланги, и все инстинктивно двинулись вперед.

Этот бросок сбил красных, они были ошеломлены и в панике бежали в сторону Екатеринодара.

Вскоре, к вечеру, от Корнилова прибыл и разезд, а затем, на другой день, в станицу Калужскую втянулся и его обоз с ранеными. Это было в десятых числах марта 1918 года.

Через два дня корниловские части после тяжелого уличного боя овладели станицей Ново-Дмитриевской, расположенной по соседству с Калужской, в районе которой находился Кубанский отряд.

Покровский, взяв с собой конвой, отправился представиться ген. Корнилову, который встретил его не особенно приветливо - а ведь он дал ген. Корнилову больше бойцов, чем у Корнилова в этот момент оставалось в строю.

Кубанский отряд влился к Корнилову, а Покровский остался не у дел.

При свидании с Корниловым выяснилось следующее. Учитывая безвыходное положение добровольцев на Дону, он вывел их, имея намерение перейти в Кубанскую область и соединиться в Екатеринодаре с Кубанцами. Следуя все время с боями, Корнилов на пути встретил у станицы Кореновской сильный отряд красных всех родов оружия. После упорного, тяжелого боя станица Кореновская была Корниловым взята, но здесь он узнал, что Екатеринодар белыми оставлен и что белые ушли в черкесские аулы.

Тогда Корнилов свернул с Екатеринодарского направления на Усть-Лабинскую, где, переправившись через Кубань и выдержав серьезные бои под Усть-Лабинской и Филипповскими хуторами, вышел в полосу черкесских аулов, а затем встретился с частями Покровского.

Жаль, очень жаль, что большинство историков, описывавших и описывающих 1-й Поход, как-то умалчивают о той роли, которую в тот период "Смутного времени" сыграл Покровский. Как-то стесняются отдать ему должное, а между тем такое признание исполнения им своего долга он вполне заслужил.

Даже на панихидах забывают вспомнить о рабе Божиим Викторе.

Некоторые лица, особенно в заметных чинах, просто игнорируют его память, как малозначущего "вундеркинда".

Пусть бы побольше было таких "вундеркиндов"! Тогда русское офицерство, насчитывавшее около 400.000 офицеров, дало бы Первому походу не 3000 офицеров, а больше.

Прав был ген. Алексеев, который, провожая на место вечного упокоения погибшую в первых боях с красными молодежь, говорил:

- Бедные орлята! А где же орлы?...

Аргентина.

+ Полковник Ю.Сербин.

26-го декабря 1918 года в жизни Войска Донского произошло важное событие. На станции Торговой, при личном свидании Донского Атамана и командующего Добровольческой армией, было достигнуто соглашение, в силу которого ген.Деникин принял на себя командование сухопутными и морскими силами, действовавшими на юге России.

С целью показать читателю, как произошло это свидание, как велись дебаты на нем, как страстно каждая сторона отстаивала свою точку зрения, я целиком, без сокращений или изменений, привожу здесь стенографически записанный протокол этого совещания *).

П Р О Т О К О Л

1918 года 26-го декабря в 10 часов 30 минут, по приходе поезда Главнокомандующего Добровольческой армии на станцию Торговую, в поезд Донского Атамана прибыл начальник штаба Главнокомандующего генерал Романовский. Непосредственно за его прибытием ген.Краснов прошел в поезд ген.Деникина.

Главнокомандующий после этого принял почетный караул от Астраханского корпуса и затем, в сопровождении свиты, вернулся в вагон-салон, где оставался ген.Краснов в обществе ген.Шербачева.

В 12 часов 10 минут началось совещание, в котором принимали участие со стороны Всевеликого Войска Донского: Донской Атаман генерал от кавалерии П.Н.Краснов, командующий Донской армией генерал-лейт. С.В.Денисов, начальник штаба армии генерал-майор И.А.Поляков, генерал от кавалерии А.А.Смагин и помощник главного начальника военных снабжений генерал-майор А.В.Пономарев; со стороны Добровольческой армии: главнокомандующий А.И.Деникин, его помощник генерал А.М.Драгомиров, начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант А.П.Романовский, помощник главного начальника снабжений Добровольческой армии генерал-майор Энгельке, генерал от инфантерии Д.Г.Шербачев **).

Ген.Деникин. - Прежде, чем приступить к обсуждению вопросов, я считаю необходимым обратиться с просьбой к присутствующим забыть личные обиды и оскорбления, забыть так основательно, чтобы не делать их предпосылками в своих суждениях. Только при таких условиях возможно ожидать каких-либо результатов. Жизнь повелительно толкает нас на путь военного единства. Военные события ближайшего будущего будут развертываться в такой последовательности:

*) Протокол составлен стенографически есаулом А.Агеевым, убитым в 1921 году в Болгарии, и является редким и единственным, весьма важным историческим документом. По моему указанию, он стоял вне загона, в котором находились только лица, принимавшие участие в совещании, приоткрыв немного дверь, слышал все разговоры и, прекрасно зная стенографию, писал их. Прибыв в Новочеркасск, он был изолирован и всю ночь в штабе переписывал протокол, который в готовом виде утром следующего дня получили: Донской Атаман ген.П.Н.Краснов, командующий армиями ген.С.В.Денисов и я.

**) Больше в вагоне-салоне никого не было. Все адъютанты и офицеры для поручений оставили вагон.

Две союзных дивизии высадились в Севастополе и Одессе. Затем будут прибывать предметы снабжения через Новороссийск для Добровольческой и Донской армий. Одновременно будет продолжаться перевозка союзных войск и снабжения для армий будущего, которые предположены к развертыванию на юге России от Петровска до Либавы. Мы вошли в соглашение с командующим русскими силами в Закавказьи и тем обеспечили сбор и сохранение русского военного имущества Закавказской армии. Создан план перевозки русских Салоникских дивизий. Мы получили от союзников весь Черноморский тоннаж и распределим его между всеми образованиями, идущими по пути защиты русской государственности. Мы выработали военно-политический наказ послан на Версальскую конференцию и добьемся представительства России на мирном конгрессе. У нас работает особое Совецание, которое ведает закреплением территорий, занятых Добровольческой армией, и введением в них нормально-го управления. Но кроме единства военного, нам необходимо единство общегосударственное. К созданию его подходим на следующих основаниях: 1) полное признание автономии новых государственных образований: в частности, мы признаем огромную созидательную работу Донского Атамана. 2) во внешних сношениях мы достигли уже единства отчасти посылкой Сазонова. 3) необходимо объединить деятельность железных дорог, почт и телеграфов, банковской и денежной систем, таможенных сборов и пошлин; последних не в смысле поступления в единую государственную казну, а в смысле единства ставок. 4) Желателен общий суд, что почти уже достигнуто. Для нас безразлично, где он будет и как он будет осуществляться. Но мы желаем, чтобы Сенат был отделением Всероссийского Сената и действовал на основании Всероссийских законов. Работы по этим пунктам требует жизнь. И сама работа будет продуктивной, если мы не будем играть в прятки, поэтому необходимо прямое и гласное признание единого командования; необходимо объединение в тех отраслях государственной жизни, о которых я говорил, не затрагивая, однако, автономий и прав новых государственных образований.

Переходя к вопросу определения взаимоотношений органов единого командования в Донской армии, ген. Деникин заявил, что: 1) должны быть Донская армия и Донской фронт. 2) все вооруженные силы Дона должны быть подчинены в оперативном отношении Главнокомандующему, но ни одна Донская часть не будет уведена, если Дону угрожает опасность; операционные линии Дона соответствуют идее его обороны. 3) возможны уводы конницы, которой богат Дон, но в таких случаях это будет компенсировано пехотой. 4) свободные резервы Дона будут применяться там, где это необходимо на соседних участках фронта. 5) желательно признать смешанное командование. В прошлом мы видели пользу от этого в операциях южнее Маныча, в будущем то же будет у Царицына, если донцам потребуется наша помощь. В области организации мы признаем полное невмешательство в бытовые казачьи особенности. Корпуса Воронежский и Саратовский и неказачьи части Астраханского, формируемые в Донской армии, при продвижении вперед будут управляться на общих основаниях. Желательно, чтобы было не только единство в управлении войсками, но и единство в войсковой жизни - единство уставов. В этом не будет ломки: уставы разработаны на Дону, и мы их вероятно примем; те же, которые не разработаны - будут составлены совместно. Необходимо урегулировать чиновничество,

выработкой общих правил; в этом отношении мы можем прийти на помощь Дону специалистами. В отношении назначений мы признаем исключительное право за Донским Атаманом до должности командира корпуса исключительно; командиры же корпусов и выше должны назначаться Донским Атаманом по соглашению с Главкомандующим. Должно быть полное единство назначений по генеральному штабу. Необходимо выработать общие нормы содержания и пенсий. В отношении мобилизации — казачье население Донской области мобилизуется на пополнение своих частей; иногороднее же население по мобилизации должно подлежать общей разверстке, причем мобилизационные органы должны быть в распоряжении Донских властей с подчинением их Главкомандующему. Снабжение необходимо объединить при Главкомандующем, так как иностранцы за каждый прибывающий пароход требуют уголь и хлеб, а удовлетворение этих требований для одной Добровольческой армии является затруднительным. Объединение должно быть проведено без вмешательства в Донское снабжение и должно касаться только свободных средств Дона. Излишки его могут быть применены для нужд других армий и наоборот. В снабжении должно быть соблюдено единство норм, кроме специального довольствия Донских казаков.

Ген. Краснов. — Большая часть перечисленных мероприятий относится к будущему, а не к настоящему. Во внешних сношениях Дон пошел Вам навстречу и поручил представительство С.Д.Сазонову. Делегации, которая будет его сопровождать, даны инструкции ничем не заявлять себя до тех пор, пока речь будет идти по вопросам общегосударственного строительства, и заявить о себе, когда будет необходимо просить о признании Донской автономии; я лично думаю, что к объединению железных дорог особых препятствий нет. Против объединения финансов и банков есть возражения частного характера, ибо то положение, которое прислано, не может быть признано Доном, так как в нем Дону отведено последнее место, в то самое время, когда он является почти единственным и, во всяком случае, главным плательщиком. Когда будет много плательщиков — тогда иное дело; теперь же представляется уместным отвести в положении большее место для Дона. Относительно почт и телеграфов и суда — соглашение можно считать состоявшимся. В частности, Донской Сенат составлен из бывших сенаторов Всероссийского Сената. Всевеликое Войско Донское склонно и называть его Российским Сенатом и не настаивает на том, чтобы он был обязательно на Дону.

Гласное признание единого командования невозможно теперь, ибо вслед за этим уйдут казаки по станицам. Донская армия должна быть автономной; Атаман может быть подчинен Главкомандующему и по договору с ним перебрасывать войска. Но резервов нет — мы работаем за счет маневрирования. И говорить об излишках не приходится. А когда нам обеспечат левый и правый фланги, тогда, может быть, можно будет говорить. У меня есть корпус в 20-30 тысяч молодых казаков, за которых я могу поручиться. Потом, к этому можно будет добавить некоторое количество добровольцев. Что касается настоящего положения, то должен признаться, что заставить казаков — вне моих сил. Это приведет к катастрофе, так как казак распропагандирован и научен и социалистами и кадетами не любить Россию, боится снова попасть под палку генеральскую и солдатскую. Большевизм на Дону еще не искоренен. Принять предлагаемые Вами меры — это значит разрушить то, что

создано; это значит больному тифом дать биштекс - сытную пищу, которая убьет его. Обмен конницей и пехотой - возможен, но в очень осторожной форме и только на соседних фронтах. Кроме корпуса молодых казаков, я ничего не смогу дать. Свободных резервов нет и я их не вижу. У нас все от 18 до 48 лет на фронте. Весна и лето потребуют людей в станицы, надо будет демобилизовать часть армии. Благодаря войне в этом году не засеяно и одного процента озимых полей. Если же и весной поля останутся невозделанными - будет голод.

Смешанное командование допустимо, но в исключительных случаях, например, на стыках. Неказачьему командованию казаки не верят. Опыт Воронежского корпуса привел их сознание к тому, что неказачьи теряют все то, что казаками занято. В этом вопросе надо быть очень осторожным. Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса могут передать, когда угодно. Они создавались мною лишь для увлечения казаков за границу.

Единые уставы могут приветствоваться. Но оговорюсь, что они у нас все кончены, и только часть из них не может быть снабжена рисунками из-за технических трудностей. Эта задержка временная. Наши уставы - точный сколок с имперских уставов. Изменения произошли только в замене названий в казачьем стиле. Кроме того, добавлен подробный отдел владения ручным оружием. Дальнейшая переделка их вполне возможна, если этого будет требовать польза дела.

Общие правила чиновничьего производства возможны, когда создается русская армия.

Назначения в Донскую армию со стороны не допустимы. Это закроет дорогу казакам и вызовет ропот. У нас не хватает офицеров генерального штаба, и мы стоим перед вопросом об открытии собственной школы колонновожатых. Имеющимися офицерами генерального штаба мы дорожим - они нужны для нас в высшие штабы и как преподаватели и профессора. Курьеров мы не можем считать за офицеров генерального штаба - это суррогат.

По вопросу о нормах содержания и пенсий - мы хотим быть хозяевами. Мы являемся плательщиками, и нормы определяются Войсковым Кругом. Наш бюджет ограничен.

Мобилизация иногороднего населения на общих основаниях возможна при уверенности, что она не ударит по казачьему тылу - они почти все большевики. Мы поэтому в этом вопросе действуем очень осторожно - мобилизовали молодых и спешим закрепить их за собой переводом в казаки. Крестьян у нас 53%, а казаков 47%. Мобилизация иногороднего населения может повторить на Дону создание солдатских полков - виновников гибели Атамана Каледина и Ростова.

В снабжении желательна единство. Но для нас необходимы гарантии, что все предметы снабжения в наш адрес доходили бы на Дон. В настоящий момент Донское снабжение не может работать нормально, так как заставы Добровольческой армии не пропускают того, что закуплено Доном. Например, в Севастополе задержаны тяжелые орудия, а в Славянске 50 санитарных вагонов, закупленных Доном. На единство снабжения мы согласны, если казаки не будут его пасынками. Хлеба на Дону нет. Угля мы можем дать сколько угодно - дайте подвижной состав. Общий учет необходим.

Ген. Деникин. - По специальным вопросам мною будет предоставлено высказаться генералу Драгомирову. Я же остановлюсь на некоторых

местах ответа Донского Атамана и в частности должен отметить, что он весь проникнут недоверием. Может быть, многое здесь объясняется недоразумением. Так, например, вопрос об использовании излишков Донской конницы на других участках фронта является вопросом будущего. Я знаю, что на Дону возможны такие условия, когда брать части будет нельзя, неправильного применения взятых частей не будет. Что касается уставов, то мы ими воспользуемся, если они окончены составлением.

В вопросе о назначениях я не говорил, что единое командование лишает Донского атамана права на это. Я говорил только, что назначения на высшие командные должности должны делаться Донским Атаманом по соглашению с Главнокомандующим и из тех кандидатов, которые будут названы Донским Атаманом; за Главнокомандующим я разумел только право отвода этих кандидатов. Генеральный штаб у нас есть; в нем даже избыток. Вопрос об офицерах генерального штаба у нас централизован у генерал-квартирмейстера. Использование генерального штаба есть вопрос доверия между Главнокомандующим и Донским атаманом.

В отношении содержания, я не говорил об его увеличении, а только считал необходимым урегулировать этот вопрос. Нельзя считать нормальным, что офицеры Астраханского корпуса получают содержание на сто процентов больше наших. Мы увеличили оклад в армии на 50%, но равнозначущих ставок не достигли.

В отношении мобилизации мы желаем воспользоваться живой неказачьей силой с Дона. Если условия жизни на Дону таковы, что нежелательно загромождать территорию Дона, дайте нам - мы этот материал используем. Мы мобилизовали иногороднее население на Кубани и Ставропольских крестьян, и крупного случая измены у нас не было. У нас был только случай, когда две роты крестьян Ставропольской губернии перебили своих офицеров и передались на сторону красных. Вы возьмите себе, сколько вам нужно, а избыток поступит нам.

Задержки тяжелых орудий не было. Мы телеграфировали адмиралу Кониному разобрать этот вопрос, и когда выяснили, что эти орудия береговые, предписали не чинить препятствий к вывозу их на Дон. В дальнейшем единственной причиной задержки было отсутствие тоннажа. Относительно инцидента в Славянске я считаю странным разговаривать. Славянск Добровольческой армией занят не был, застав мы там не имели и поэтому брать на себя ответственность за задержку грузов кем-то не можем.

Однако, все перечисленные вопросы я считаю вопросами второстепенными. Главное расхождение у нас с Донским атаманом в вопросе об едином командовании. Донской атаман не согласен на гласное признание единого командования, и в этом я вижу его недоверие.

Ген. Краснов. - Недоверие не у меня, а у казаков. Читает выдержки из разговоров по аппарату с ген. Ситниковым 24-го декабря о разложении в Мигулинском и Казанском полках и его причинах.

Ген. И. Поляков.
(Окончание следует)

*) В действительности же специальный пароход, посланный Донским командованием для перевозки орудий, долгие недели стоял в Севастополе, ожидая разрешения на вывоз орудий.

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ (к 45-летию его гибели)

Сорок пять лет тому назад гранатой, пущенной рукой русского революционера, погиб первый Командующий Добровольческой армии генерал Л.Г.Корнилов. Русское общество, сходясь в одном общем мнении относительно исторического значения генерала Корнилова, как военного вождя и героя, далее, в вопросе его политических взглядов, резко расходится, и часто в противоположные стороны. Одни готовы считать его за монархиста-реставратора, другие за приверженца республиканского строя.

Особые условия политической обстановки, при которой пришлось выступить генералу Корнилову, несомненно отразились на предвзятости этих мнений. Надо учесть то обстоятельство, что революция у нас разразилась в период напряженной подготовки нашего фронта к решительному наступлению 1917 года.

Наша армия, пополненная живой силой, материальной частью, сравнительно хорошо снабженная техническими средствами и уже обученная современным методам борьбы, имела почти абсолютные шансы на успех. Оставалось лишь одно, сохранить ее дух. Революция же с ее лозунгами свободы составила угрозу именно моральной подготовке армии к предстоящему наступлению.

Строевое начальство на фронте вполне отдавало себе отчет в грозной опасности проникновения политической пропаганды на фронты. Но так как эта пропаганда шла с тыла, то необходимо было и борьбу с ней начинать оттуда.

К нашему несчастью, революция у нас совпала с моментом смены высшего Военного Командования, и при общей растерянности соответствующих мер не было принято. Временное же Правительство, в своей преступной игре на популярность, при полном невежестве в военной деле, не только не препятствовало, но даже способствовало революционной пропаганде в войсках. В результате на фронте возникли комитеты и всевозможные политические организации, которые явно заняли враждебную позицию в отношении командного состава.

После долгой нерешительности, когда на фронте начались эксцессы с офицерским составом и случаи неповиновения боевым приказам и, наконец, когда само Временное Правительство стало угрожаемо со стороны солдатской массы, оно решило вызвать в Петроград генерала Корнилова с назначением его на пост Командующего Войсками Петроградского Военного Округа.

И вот это его назначение многие объясняют якобы доверием к нему революционного Правительства, основанной будто бы на его республиканских взглядах. Это совершенно неверно, многие знают, как генерал Корнилов тяготился своим сотрудничеством с Временным Правительством и как он настойчиво просился обратно на фронт. Известно также и то, что именно в этот период у генерала Корнилова возникла мысль о необходимости борьбы против развала Армии и именно здесь, в Петрограде, он понял, что причина этого развала - слабость и попустительство Временного Правительства, и ему ничего не оставалось более, как вступить с ним в открытую борьбу или уйти.

Так как в этот момент он еще не чувствовал за собой достаточную силу общественного мнения, он решительно настоял на своем уходе на фронт.

Попав снова на боевой фронт и ознакомившись с настроением солдатской массы и ее отношением к офицерскому составу, он первый поднял голос за уничтожение комитетов и вообще за полное изгнание политики из армии.

Действительно, положение нашего офицерского состава, поставленного лицом к лицу против разнузданной солдатской массы, было поистине трагическим. Наше доблестное офицерство, вынесшее всю тяжесть войны, теперь ни за что, ни про что должно было на своих спинах искупать политические ошибки Временного Правительства.

Когда раздался грозный окрик генерала Корнилова о восстановлении дисциплины и применении смертной казни за неисполнение боевых приказов, у нашего офицерства вспыхнул луч надежды о возможности еще спасти боевой фронт и довести армию до конечной победы.

Еще до начала революции нашему Военному Командованию было известно о готовящемся общем наступлении Союзных армий против держав центрального блока. Собранные огромные живые силы и материальные средства не оставляли никакого сомнения в верной и решительной победе Союзников, каких-нибудь два месяца отделяли Русскую Армию от славы победы, вместо позора Брест-Литовского мира.

В августе 1917 года мы видим генерала Корнилова на посту Верховного Главнокомандующего; облеченный доверием страны и армии, генерал Корнилов мог бы легко сыграть политическую роль, но он остается верен своей задаче защиты фронта и он использует свое положение Верховного только для того, чтобы смело предъявить Временному Правительству ультиматум, известный под именем Корниловской Военной Программы.

Корниловская Программа, кроме сохранения боевого фронта, предусматривала вопрос обеспечения жизнедеятельности страны, восстановление продуктивности фабрик, заводов, улучшение транспорта, разрешение основных государственных и национальных вопросов, с главной целью обеспечить возможность продолжения войны до победного конца.

Эта программа, ставя лишь основные вехи и учитывая реальную возможность ее выполнения в рамках того времени и обстановки, имела главную задачу объединить все партии, все элементы, стоящие на почве Русской Государственности.

Разве эта программа была программой революционера или партийного политика? Она диктовалась чувствами честного патриотизма и глубокой скорбью за то разрушение, которое принесла с собой революция, как для страны, так и для ее славной Армии.

На Московском Собрании 12 августа 1917 года генерал Корнилов говорил:

"В наследие от Царского времени свободная Россия получила Армию, в организации которой были недочеты, но тем не менее эта Армия была боееспособна и готова к самопожертвованию. Целым рядом законодательных мер, проведенных Временным Правительством после переворота, людьми чуждыми духу и пониманию Армии, она была превращена в толпу. Политика разъедает Армию, и она сейчас существует автоматически. На фронте ее держат больше ротные котлы со щами, чем высокие побуждения войны. И, несомненно, чем больше в нее будут проникать начала революционных свобод, тем это разложение будет идти сильнее и сильнее. Мы, офицеры, должны героическими усилиями остановить процесс этого разложения".

После он предупреждает Временное Правительство и смело заявляет: Выводы истории и боевого опыта показывают, что без дисциплины нет Армии, только спаянная военной дисциплиной и предводимая единой волей своего Вождя, Армия способна к победе и достойна этой победы. Страна хочет жить, но кругом создается обстановка самоубийства Великой, независимой страны, вследствие тех опрометчивых и опасных безответственных лозунгов, которые были брошены в темные невежественные массы.

В конце августа 1917 г. генерал Корнилов делается жертвой возмутительной провокации со стороны Керенского. Эпизод этот часто является предметом полемики на страницах эмигрантской печати. Так как в это время я был в составе офицеров Генерального Штаба Ставки, мне хотелось бы напомнить, хотя и в кратких чертах, те события, которые привели к аресту генерала Корнилова.

В половине августа немцы, прорвав наш Северный фронт, повели наступление в Рижском направлении и после падения Риги стали угрожать Петрограду. Чтобы парировать этот удар, по распоряжению Ставки был направлен в район к югу от Петрограда третий конный корпус генерала Крымова. В это время Керенский, ожидая выступления большевиков, просил Ставку направить части ген. Крымова непосредственно в Петроград; при этом было условлено, что как только ген. Крымов займет город, там будет объявлено военное положение, Совет солдатских и рабочих депутатов будет распущен, и всякие выступления должны подавляться вооруженной силой. Сам Керенский через посредство Львова, бывшего члена Государственной Думы, начал вести переговоры с генералом Корниловым о сформировании нового сильного правительства.

Когда Львов приехал в Ставку, генерал Корнилов прямо ему заявил, что при создавшемся положении он не видит другого выхода, кроме установления диктатуры, и сказал, что он лично готов подчиниться тому, на кого эта роль будет возложена. Львов вполне согласился с мнением генерала в вопросе диктатуры и добавил, что, вероятно, Временное Правительство с этим согласится и что диктаторские полномочия будут даны ему, генералу Корнилову.

Но Львов только настаивал на необходимости участия в новом правительстве Керенского и Савинкова. Тут не было решено, что для обсуждения всех деталей формирования нового правительства Керенский должен приехать в Ставку.

Львов уехал в Петроград, и в какой форме он представил свой разговор в Ставке — неизвестно, но только на другой день Керенский, по прямому проводу, потребовал от генерала Корнилова подтверждения своего разговора со Львовым; а в ночь на 27 августа, не ожидая санкций Временного Правительства, он телеграммой в Ставку сместил генерала Корнилова с должности Верховного Главнокомандующего.

Вскоре последовало назначение Керенского Верховным Главнокомандующим и генерала Алексева — Начальником его Штаба.

Таким образом, первый раз в истории Русской доблестной Армии, высший военный пост был предоставлен штатскому лицу, да еще и в самое критическое время ее существования. Представляете себе, какое чувство могло возбудить такое назначение в офицерской среде.

Керенский, обвиняя генерала Корнилова в мятеже против правительства и в посягательстве на завоевания революции, возбудил революционные организации, которые стали требовать предания генерала

Корнилова революционному суду.

В Могилеве в это время находились верные генералу Корнилову Ударный Корниловский полк и Текинский конный. В противовес им Керенский посылает в Могилев отряд полк. Короткова, в составе 165-го Луцкого полка, как верного революции. Создавшееся таким образом в Ставке положение, грозящее кровавыми последствиями, вынуждает генерала Алексеева уговорить генерала Корнилова подчиниться. Последний, чтобы избежать кровопролития, самоотверженно дает себя арестовать. Это собственно и заканчивает первый период борьбы генерала Корнилова с революцией.

Захват власти большевиками вызывает у генерала Корнилова твердое решение продолжать борьбу. Собирая на Юге России новую армию из добровольцев, он отлично сознавал, что только армия могла вывести страну из хаоса революционных событий. Эта его вера в армию, как единственную спасительницу России, была основным началом всей деятельности генерала Корнилова в тяжелой борьбе с большевиками.

Борьба эта уже приняла размеры государственного масштаба. Еще будучи узниками Быховской тюрьмы, генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский и Марков тщательно изучали этот вопрос, как с военной, так и с политической точек зрения. В результате было ими установлено, что главная цель борьбы - это свержение большевистской власти.

И, действительно, в сложной обстановке гражданской войны, где учет настроения масс играет часто решающую роль, было совершенно невозможно установление того или иного политического лозунга. Это положение учитывалось как генералом Корниловым, так и последователями - генералами Деникиным, Колчаком и Врангелем.

Ни один из них не пошел на признание каких-либо заранее установленных форм государственного правления, оставляя это решение, после свержения большевиков, самому русскому народу через его законно избранных представителей. Эта политическая непредрежденность диктовалась сознанием опасности внести в Армию, особенно в период гражданской смуты, какой-либо определенный политический принцип Государственного строя.

Генерал Деникин говорил: "Была сильная Русская Армия, которая умела побеждать и умирать, но когда каждый солдат стал решать вопросы войны и мира, монархии и республики, то Армия развалилась".

Здесь, в эмиграции, некоторые бросают упрек Добровольческой Армии, что она не шла под монархическим знаменем, не поняв до сих пор всей опасности каких-либо лозунгов в тяжких условиях братоубийственной войны.

Из всего вышесказанного ясно, что к генералу Корнилову нельзя подходить с политической меркой. Это был прежде всего воин и патриот, для которого политика суммировалась честью и благом Родины и боееспособностью ее Армии. Всякая другая политика, а особенно "политиканство", были чужды его прямой и честной натуре.

Левых он не видел за развал Армии, а правых он упрекал в отсутствии мужества в трагические дни падения монархии.

Один из врагов генерала Корнилова в период его Быховского процесса сказал: "Генерал Корнилов должен быть казнен, но когда это случится, я первый принесу цветы и преклоню колени перед великим русским патриотом".

Перед его могилой преклонились не лицемеры левого толка, а предводимая им доблестная Добровольческая Армия.

Сраженный гранатой русских революционеров, генерал Корнилов погиб не за политические лозунги, не за личные интересы, не за интересы какой-либо партии, а в борьбе против тех, кто посягал на честь и достоинство Великой России и ее славной Армии.

Бельгия.

Ген.Штаба полк. А.Колчинский.

- - еОо - -

Д Н Е В К А.

Бой выигран - красные бежали. В сумерках наступающего вечера втянулась в станицу 1-ая рота, с полчаса потопталась на месте в ожидании развода по квартирам и, наконец, вступила в обладание отведенными ей хатами.

Быстро и успешно проведенный бой, приподнятое и еще не улегшееся настроение, сравнительно небольшие потери и предвкушение заслуженного отдыха являются причиной общей веселости. По компетентному заверению кап.Згривца, очередь несения нарядов по охране безопасности Армии ложится на другие роты. Однако, его неожиданный вызов к ротному и долгое отсутствие порождают у оптимистов тревожное сомнение, у пессимистов - черную меланхолию. Сияющее лицо возвратившегося взводного мигом успокаивает всех, а следующее за тем известие о дневке во взятой станице наполняет сердца бурной радостью.

Но главное основание для торжественного состояния кап.Згривца зиждется на полученной от полк.Плохинского похвале за действия в бою 3-го взвода, о чем он тут же и сообщает.

Умеющий карать, кап.Згривец умеет и жаловать! Перечень налагаемых им кар, хотя и не блещет разнообразием, но постоянно достигает цели. Коллективное наказание: слышь, почистить винтовки! - и только один раз назначение всего отделения в полевую заставу вне очереди, в особо тяжелом случае Меврского Оазиса. Индивидуальная кара одна и та же: караул вне очереди. А награда? Она тоже одна, но зато какая!

Что значит в сравнении с ней награждение орденом Св.Георгия?

Что значит - производство в генералы?

Что значит высочайший рескрипт на ваше имя?

Ничего не значат!

И эту награду в тот вечер получил я, хотя решительно не помню, за что именно.

Войдя в хату, кап.Згривец громко и торжественно объявил:

- Я теперь с Лингвардом и спать могу!

Да не подумает кто-либо что-либо игривое и легкомысленное.

Стремясь избавить читателей от неправильного и греховного понимания, я постараюсь объяснить весь смысл этой высшей награды.

Кап.Згривец всегда располагался в одной хате с первым отделением своего взвода в страшной тесноте. Ширскую кровать, стоявшую в

комнате, он считал своей священной и неотъемлемой собственностью, и горе тому, кто вздумал бы на нее покушаться. Помню, что в одной из станиц, воспользовавшись отсутствием Згривца, мы уговорили добровольца Платова лечь на кровать. Вернувшийся Згривец долго с гневливым недоумением смотрел на это неслыханное нарушение установленного им этикета и назначил Платова внешним дневальным, с объяснением причины наказания:

- Ишь ты, какой взводный нашелся!

Сколько мы потом ни уговаривали Платова повторить опыт, он не соглашался, правильно считая, что ночь, проведенная в хате, хотя бы в тесноте и на полу, но лежа, все же приятнее, чем на свежем воздухе и стоя.

На своей широкой двуспальной кровати Згривец приказывал спать наиболее отличившемуся офицеру, и это свое приказание считал высшей наградой для подчиненного.

Говорю совершенно серьезно, что для меня эта награда была особенно желанна и радостна, и вовсе не потому, что наполняла мое сердце гордостью (чем, между прочим, она наполнить его не могла и была бы в этом случае бессильна, ибо, лишенный многих необходимых будущему светочу человечества качеств, я был лишен и чувства честолюбия, так что гордость, за отсутствием матери, по раз принятому на земле правилу, родиться не могла). А потому, что, выраженная столь оригинально, она разрешила одно из мучительнейших сомнений, терзавших меня со дня вступления в Алексеевскую Организацию.

Дело в том, что, наблюдая своих соратников, я приходил к заключению о их полном превосходстве надо мной и сознавал, что в их среде я был не более, чем жалкий подголосок, и никогда не надеялся дотянуться до них, оставаясь плохой копией с хорошего оригинала. Теперь эта награда, полученная мною от "первого среди равных", означала принятие в ту среду, за которой я тянулся. Да, это была самая высокая из полученных мною когда-либо наград! И, кроме того, это было примирение со мною со стороны кап.Згривца.

Но нет розы без шипов. А шипами этой благоуханной розы были точные сведения, исходившие от награжденных ранее офицеров, о предстоящей мне кошмарной ночи. Кровать, по всей вероятности, представлялась кап.Згривцу почетной эстрадой, на которую для прославления возводился награжденный; что же касается последнего, то кровать представлялась ему средневековым эшафотом, где ждали его нечеловеческие пытки.

Згривец ложился на кровать со стороны стены, предоставляя переднюю часть почетной эстрады отличившемуся. Спал он на спине, держа свою раненую руку слегка на отлете, занимая таким образом приблизительно две трети жил-площади, остаток же уступал герою дня. Засыпал он мгновенно, о чем возвещал таким могучим храпом, что оставалось только удивляться прочности казачьей хаты, и спал крепко, но очень беспокойно, то отбрасывая руку, то неожиданно поворачиваясь на бок и тотчас же возвращаясь на спину. Если его перекаты производились в сторону стены, не признававшей его начальнической власти и не желавшей хоть немного подвинуться, и встречали ее упорное сопротивление, то они немедленно обращались в другую, более податливую сторону и лишали прославленного последних остатков "жилплощади". Бывали случаи, когда в результате этих повторных перекатываний в сторону наименьшего сопротивления спавшие на полу имели богатую

возможность высказать слетевшему на них помимо своего желания "имениннику" все то, что они о нем думают, а он, смущенный общим вниманием, тоскливо высматривал себе какой-нибудь свободный закоулочек и устремлялся к нему, создавая себе в течение своего долгого и небезопасного пути все новых и новых доброжелателей. Когда же, достигнув цели, он садился, прислонившись спиной к стене, то тотчас же предавался скорбным размышлениям о том, что если уж совсем нельзя обойтись без героизма, то в будущем надо быть осторожнее и во всяком случае не привлекать к себе одобрительное внимание кап.Згривца.

И вот, предупрежденный обо всех грозящих мне опасностях, я заранее приготовил себе пристанище в виде длинной и узкой скамейки, на которую и перебрался, как только захрапел Згривец, избегнув таким образом насильственного выселения. Эту ночь я проспал прекрасно!

Следующий день начался сразу двумя утрами: одно - смеющееся утро нашей молодости, а другое - обыкновенное мартовское утро, не заслуживающее остановки на нем нашего внимания.

Осматривая скудное имущество своего вещевого мешка, пор.Недошивин определил, что сделанные им несколько дней тому назад запасы "макухи" (семена подсолнухов, отжатые вместе с шелухой) истощились и требуют возобновления. Он обратился к хозяйке с просьбой дать ему... "кизяку" (большой кирпич, слепленный из лошадиного и коровьего помета, перемешанного с соломой, употребляющийся на Кубани для отопления). Такие слова, как "макуха", "кизяк", "нордек" и т.д., услышанные впервые в походе, нами сплошь да рядом спутывались, что и случилось с Недошивиным: На удивленный вопрос хозяйки: - да на что тебе? - он ответил еще больше удивившим ее объяснением: - а сосать!

Употребление в пищу кизяка было, по всей вероятности, для нашей хозяйки в новинку, так как лицо ее выразило одновременно ужас, любопытство и неодобрение. А может быть, наслушавшись распространявшихся тогда "товарищами" рассказов о том, что ген.Корнилов ест детей, она решила, что его армия питается чем-либо попроще, а о вкусах не спорят, а потому не стала спорить и принесла Недошивину вожделенный кизяк.

- Зачем он мне? - удивился Недошивин.

- Да ты ж казав - сосать, - невозмутимо отвечала хозяйка.

Много ли надо для того, чтобы создать всеобщее веселое расположение духа, несмотря на все дальнейшие превратности судьбы, заготовленные нам на этот день. Больше всех хохотал сам Недошивин, так что потревоженный громким смехом Згривец счел нужным остановить его бесконечно усилившим всеобщий смех отеческим советом:

- Ты, слышь, пластолюбец, поменьше б ржал!

Следующим острым переживанием, запечатлевшимся в моей памяти, была покупка нами петуха на соседнем дворе.

Продавшая его нам казачка богатырского сложения, в широкой яркой юбке и такой же яркой кофте с засученными рукавами приняла от нас деньги и, указав на гулявшего во дворе петуха, предложила взять его нам самим. Развернутой цепью, состоявшей из трех человек, двинулись мы вперед.

Рассказывать о всех ухищрениях, проделанных нами для вступления во владение нашим движимым и недвижимым имуществом, было бы равносильно признанию собственного поражения, поэтому, чтобы не

расстраивать читателя, я остановлюсь только на описании овладения петухом, хотя и не нами, но для нас, что в конце концов и требовалось доказать.

Во все время производимых нами бесплодных попыток наша богатырша не покидала крыльца, может быть, из опасения того, что "заплатили за одного, а унесут трех", - и наблюдала с неудовольствием за нашими беспомощными метаниями по двору. Наконец, она не выдержала:

- Эх, не моя в вас ухватка! - с нескрываемым презрением бросила нам она и понеслась с крыльца на только что отразившего опасность пленения петуха.

Явно имея не нашу ухватку, она схватила руками с двух сторон свою юбку и, расширив ее по меньшей мере раза в три, носилась по двору с неожиданной для ее комплекции энергией. Тактический прием, с успехом употребившийся петухом против нас и позволявший ему проскакивать между нашими растопыренными руками и ногами, наткнулся теперь на удивительную подвижность и хитрость этой доморощенной Валькирии, в своем непрестанном наступлении воздвигавшей перед ним высокую и широкую непроходимую стену из своей юбки. Когда же петух, собираясь обогнуть это непреодолимое препятствие, бросался в стороны, то она одним прыжком - а при настойчивости петуха в проводимом им маневре и несколькими - создавала у него впечатление бесконечности стены, чем приводила его в состояние растерянности и поспешного отступления к окружающему двор плетню. Преследуемый по пятам порхающей Валькирией и, очевидно, доведенный ею до полного отчаяния, петух решил перелететь через неподдающуюся обходу с флангов юбочную стену. Это его необдуманное решение послужило причиной его гибели. Схваченный за ноги, он был передан нам со строгим предупреждением:

- Ну, вы, картузники, смотрите, чтобы не выпустить!

Наша ухватистая Валькирия, по всей вероятности, имела очень ложное представление о наших талантах: петуха мы, правда, не поймали, но и не выпустили, а это все-таки доказывает, что считать нас вовсе бездарными она не имела оснований.

Отведенная нам хата не имела хозяина, а одну хозяйку, что объяснялось не ее вдовьим положением, а тем, что хозяин, вероятно, какой-нибудь иногородний, имевший веские основания не встречаться с Добровольческой Армией, исчез. С одной стороны это было удобно, но с другой создавало много лишних хлопот в поисках той или другой необходимой вещи; так, например, не желая беспокоить хозяйку, мы тщательно искали какой-либо режущий инструмент. Найденный во дворе колун не мог быть нам полезен, так как грозил обратить петуха в лепешку при первом же ударе. Когда же выяснилось, что нет и соли, то волею-неволей пришлось обратиться к хозяйке, в дальнейшее распоряжение которой и перешел этот злополучный петух. Но даже и в ее опытных руках он оказывал последнее посмертное сопротивление и ни за что не хотел вариться, так что потерявший терпение Згривец, пользуясь представившейся возможностью, отправился в полковой околоток, чтобы сделать "мансаж" своей раненой руки. Вернувшись, он радостно объявил, что "вон, вишь, работает!" - и приписывал этот успех тому обстоятельству, что доктор, "должно, книжку прочел".

Общий взрыв хохота не испортил сохранившееся еще со вчерашнего дня хорошее настроение Згривца, заявившего примирительным тоном:

- Ну, чего вы опять? Ну, може не прочел...

Новый дружный смех заставил его переменить тему разговора и справиться о состоянии петуха. Получив ответ, что тот еще варится, Згривец выразил предположение: "Да что он, кирпичный?" - чем снова рассмешил всех и со словами: "А ну вас всех! И чего только ржут?!" - вышел из хаты и отправился во двор, где в это время пор. Ершов был занят приготовлением какого-то редкого и долженствовавшего поразить всех кушанья, по рецепту, известному только ему одному. Занятый сперва покупкой и ловлей петуха, а затем самим петухом и готовившей его хозяйкой, я не присутствовал при всех необычайных приготовлениях для создания этого удивительного блюда, потребовавшего чуть не два ведра молока, какой-то всем известной на Кубани травы, о которой жители этой станицы слышали впервые, благодаря чему она не могла быть разысканной, а потому была заменена чем-то другим, огромного количества топлива и такого же количества времени и еще чего-то, что невозможно было достать. Дабы не возбуждать аппетита читателей и не порождать в них чувства зависти, я ограничусь описанием не самого блюда, а только произведенного им впечатления на терпеливых помощников пор. Ершова и на окружавших котел зрителей. Делаю я это еще и потому, что описывать вкусовые ощущения затрудняюсь, так как их вообще не было.

Приготовление этого блюда, начатое часов шесть тому назад, слегка затянулось, так как сперва сильно подгорело молоко, а когда его вылили, то загорелось находившееся в котле мясо, которое пришлось заливать водой; потом, по чьему-то недосмотру, морской соли, заменявшей обычную, оказалось слишком много, так что пришлось доливать воды, дабы избавиться от горечи; потом эту воду начали отчерпывать, но тогда опять задымилось мясо.

Воротившийся в хату Згривец на предложенный ему вопрос ответил:

- Больно духовито; должно, кизяки варят! - и посмотрел на расхохотавшегося Недошивина.

Уже в густых сумерках прерывая мирную беседу оставшихся в хате людей, раздался отчаянный крик хозяйки:

- Боже ж мий, Боже ж мий! Должно свинульник запалили!

Быстрее любой пожарной команды, во главе с хозяйкой и капитаном Згривцем, оказались мы на месте предполагаемого бедствия, где нас ждала не борьба с огненной стихией, а нечто гораздо худшее: борьба с удушливыми газами, исходившими из котла и порождаемыми горевшей в нем травой, первоначальное назначение коей было придание особого аромата этому особенному блюду. Должен сказать, что этот неожиданный оборот дела был воспринят каждым по своему: отчаяние хозяйки перешло в полную удовольствия улыбку; готовность кап. Згривца, считавшего себя ответственным за здоровье и бодрость вверенной ему части, к проявлению своей начальнической власти - обратилась в сторону разрешения вопроса о том, как должно нанести наибольший вред врагу, то есть "товарищам", что он и разрешил весьма мудро, разогнав повара и поварят и приказав оставить все еще не готовое блюдо красным, будучи побуждаем к этому альтруистическому акту своей незыблемой верой в то, что "с ентог адикалону они беспременно забесятся".

Уже значительно позднее, в роте ставки Главнокомандующего, пор. Ершов был избран хозяином собрания. Если нам что-либо из его меню не нравилось, то мы задавали ему ехидный вопрос:

- Нельзя ли с этого блюда "забеситься"?

Прищуривая свой слегка косой глаз и улыбаясь во всю ширину лица, он неизменно отвечал:

- Ну, это труднозато; вы ведь со дня рождения "забесились".

Бельгия.

Ю.Рейнгардт.

- - оОо - -

В П О Х О Д

В начале июня 1918 года наша 2-ая бригада была переименована во 2-ую дивизию (точно так же 1-ая и 3-ья). Эту дивизию, в которую входила и наша отдельная сотня, принял генерал А.А.Боровский. С каждым днем дивизия увеличивалась численно, так как всё время поступали новые пополнения. С Кубачи прибывали в Армию сотни казаков, предводимые своими офицерами, и вот этими сотнями пополнялись наши дивизии.

4-го июня и наша отдельная сотня была переименована в 4-й Кубанский казачий полк, пополнившись тремя новыми, только что перебежавшими от большевиков сотнями. Командиром полка был назначен полковник Яновский, наш прежний командир отдельной сотни, коренной офицер 4-го Мариупольского гусарского полка.

8-го июня стало известно, что Армия собирается в поход, причем выступление будет назначено на-днях.

- На каком направлении остановились наши начальники? - спрашивали все друг друга, но точно никто не мог ответить. На восток ли, на запад или на юг? Много было предположений и толкований и даже споров по этому поводу, хотя все знали, что пойдём туда, куда нам прикажут, и что все наши рассуждения все равно сведутся на нет. Но зато эти споры оживляли нас, бодрили, они являлись чем-то новым в нашей повседневной жизни, успевшей даже стать обыденной.

9-го июня днем вахмистры уже официально приказали сотням приготовиться на 10-е число к 5 часам утра.

Начались сборы, казаки и всадники поправляли седла, пристраивали к ним ремешки, а если таковых не имелось, то привязывали веревочки, чтобы иметь возможность приторочить свои небогатые пожитки - в виде двух смен белья и саквы с зерном для коня. В полночь, в разгар наших сборов, нас неожиданно посетил капитан 2-го ранга В.Н.Потемкин.

- Ну что, в поход? - весело спросил он, входя в комнату и увидав нас за работой.

- Так точно! - отвечали ему все мы с ноткой радости в голосе.

- Ну, с Богом! - сказал Владимир Николаевич и продолжал: - я пришел к вам, чтобы вас пригласить к себе. Завтра у вас поход, а отпразднуем выступление Армии у меня.

Мы с радостью приняли приглашение. Работа была быстро и легко закончена, и мы вскоре отправились к Потемкину, который нас ожидал,

вышел приветливо навстречу и проводил в комнату.

- Так загуляем, говорите? - шутливо сказал он. В комнате стоял большой стол, красовались, несмотря на тяжелые условия, разные закуски, разукрашенные для более аппетитного вида всякой зеленью, стояли бутылки с водкой и вином, а с середины разносился по всей комнате благоуханный запах весенних цветов. Все было приготовлено и украшено с большим вкусом и умением. Так принимал гостей Владимир Николаевич в маленькой станице. И это было типично для него. Он сам любил хорошо поесть и выпить и любил угощать; для него, с его душой "на распашку", в этом заключался весь мир, он умел угощать и приветствовать русским столом своих гостей. Так было и сейчас. Из ничего, в скромной обстановке средней по зажиточности казачьей семьи, он сумел приготовить стол, чтобы закусить и выпить во славу выступающей завтра в поход Армии.

У Потемкина мы засиделись и уже поздно ночью отправились домой. Луна поднялась высоко на небо и освещала нам путь по закоулочкам широко разбросанной станицы, и мы скоро добрались до расположения нашего полка. проходя мимо дома, где помещался командир полка, мы слышали веселое пение и громкие задорные голоса. Это командир "гулял" с офицерами и казаками по случаю выступления армии из станицы. Нас заметили и немедленно привлекли к столу, заставили выпить за процветание 4-го полка и приказали принять участие в весельи. Долго еще гуляла круговая чаша и продолжался пир, а затем нас отпустили домой.

10-го рано утром, когда еще было серо и холодно, взводные и дежурные начали будить спавших крепким сном людей. Тяжело было нам просыпаться после бурно проведенной веселой ночи, так хотелось спать. Но приказ есть приказ, пришлось расстаться со своим ложем. Кругом уже суетились люди, выезжали подводы, и доносился гул выступавших в поход повозок, доносились окрики и топот коней. Поседлав на скорую руку коней, мы выехали из ворот и направились к месту построения полка. Но люди были еще спешены. Воспользовавшись этим, мы быстро привели в порядок себя и седловку. Наконец раздалась команда:

- По коням! Садись!

Всадники сели в седла и начали выравниваться на середину второго с правого фланга взвода.

- Смирно! - подана команда. Командир полка выехал к полку, поздоровался, поздравил с походом.

- Справа по три, за мной шагом марш! - донесся до нас голос командира полка.

Через несколько минут полк прибыл на сборное место для всей дивизии. Но когда мы подошли, дивизия уже вытягивалась по дороге, и налету полку сразу же было приказано следовать с дивизией и выйти в голову двигавшейся колонны.

Переход был небольшой, всего 25 верст, и мы к обеду подошли к станице Егорлыцкой, где были расположены 3-ья дивизия и некоторые части 2-й дивизии. В этой станице наш полк стал по квартирам, выслал для охранения несколько разездов. Благодаря тому, что в одном месте скопилось много частей, пришлось разместиться очень тесно. Это никого не удручало, все знали, что здесь назначена только ночевка и что утром полк с остальными частями выступит дальше в поход.

11-го июня в 3 часа утра, еще в темноте, полк на рысях вытянулся по дороге в село Лежанку, обгоняя посаженную на повозки пехоту. Около 11 часов мы прошли мимо с. Лежанки, оставив ее вправо, и взяли направление прямо на деревню Лопанку. Погода испортилась, по небу в беспорядке неслись рваные тучи, дул сильный ветер и изрядно накрапывал дождь. Стало холодно, сыро и неприветливо, люди молчали и большинство погрузилось в свои думы, прислушиваясь к равномерному топоту коней. И кони повесили свои головешки, как бы предчувствуя приближение боевой обстановки. Пройдя несколько верст от Лежанки, полк остановился перед мостом через ярк, который исправляли саперы. Командир полка приказал сотням в поводу, справа по одному, вести коней через мост. Обоз остался и должен был переправляться позже, по окончании ремонта моста.

Выехали вперед квартиры, а за ними медленно потянулся полк, постепенно втягиваясь в деревню. При вступлении в нее нас поразило полное безлюдье. Лаяли собаки, кричали петухи, но жителей не было видно. Даже дети, обыкновенно игравшие в селах на улице, попрятались по хатам и не выскакивали при нашем появлении. Нам это показалось довольно странным, тем более, что любопытство деревенских обитателей нам хорошо было известно. Когда мы вошли вглубь деревни, мы заметили лежащие по обочинам трупы мужиков или красноармейцев (трудно было сейчас отличить красноармейца от простого мужика). Это были явные следы расправы или недавнего боя наших частей с большевиками, иначе трупы не валялись бы просто на улицах. Теперь стало понятно, почему жители нас не встречали и предпочли скрыться в своих избах при нашем вступлении в село.

В Лопанке полк простоял только до 8 час. вечера и двинулся дальше. Группа нашего взвода была оставлена для охранения следовавшего за полком обоза - Малахов, Пальчевский, Драшпиль и я. Чагадаев и Векслер были переведены в полковую пулеметную команду.

Спустя полчаса после ухода полка обозы стали вытягиваться по той же дороге и растянулись потом длинной вереницей до самого горизонта. Зашло солнце, стих ветер и наступила ночь. Но недолго шли мы в темноте. Очень скоро после заката взошла высоко на небе луна и ярким светом озарила всю местность. А мы все шли, все двигались вперед, все прислушивались, не начался ли где-нибудь бой, не слышны ли выстрелы. Но кругом была полная тишина и безмолвие. Природа шептала о другом, о вечном мире, подобном этой тишине. Она уносила наши мысли в другие края, к родным, находившимся в заточении у наших врагов. И думалась думушка грустная: может, бросить эту войну, уйти и пробраться к своим, зажить спокойной жизнью и полностью отдаться суровой воле рока? Но стоило только опомниться и снова увидеть эту массу людей, войск, повозок и лошадей, как рассеивался мрак и сердце давало определенный ответ: - Нет, вперед, и ни шагу назад! Вон сколько людей двигается на борьбу с врагом, сколько народу перебежало к нам, чтобы начать эту борьбу! Прочь сомнение, мы должны победить! Если бы дело наше было неправое, если бы все заблуждались, не благословил бы нас Господь Бог на это. Сколько раз спасал Он нас за время наших странствований, сколько раз мы чувствовали Его Святую Руку над нашими грешными головешками! Следовательно, наш поход - это крестное знамя, которое мы должны нести во имя искупления!

Обоз продвигался очень медленно, часто останавливался, а иногда

простоявал до одного часа, ожидая, когда двинется впереди идущая повозка. Обгонять не разрешалось, поэтому, если застревала первая подвода, приходилось останавливаться и всем остальным. Около часу ночи перегнал нашу колонну автомобиль с генералом Деникиным, который ехал вперед к месту развертывания частей. Еще издали доносились к нам гудки, и подводы быстро сворачивали в сторону. Этот автомобиль был единственным нарушителем тишины, если не считать глухого стука колес повозок. С приездом командующего точно почувствовалось, что предстоит серьезное дело, что Армия не сегодня, завтра, вероятно, войдет в соприкосновение с противником.

И действительно, наши предположения как бы оправдались: на небе показалось огромное зарево.

- Пожар! пожар! - раздались встревоженные голоса. Это зарево дало большую почву для различных новых рассуждений.

Через час обоз подходил к деревне Сысоевская и остановился, не доходя двух верст. Тут уж воочию было видно, что горела Сысоевка, но еще не могли узнать, кем она была подожжена. Чтобы удовлетворить любопытство, мы выехали вперед всей нашей группой. Было еще совсем темно, и нам пришлось ехать прямо на огонь. Страшный был вид деревни, когда мы подъехали к окраине. Хаты сгорели почти до тла, а по улицам бродили растерянные старики и женщины, выли собаки и бесцельно двигалась сорвавшаяся с привязи скотина.

- Кто поджег-то? - спрашивали мы.

- Солдаты, - слышался покорный ответ. Но кто были эти солдаты, мы так и не могли добиться.

-- В погонах, что ли, солдаты-то были?

- А кто их разберет, чи в погонах, чи без погон? Сказываю, солдаты! - твердили все одно и то же. К счастью, горели только самые крайние хаты, и огонь не перебросился на всю деревню.

Стало светать, пробивались первые лучи солнца, оживлялась деревня. Чтобы не терять даром времени, мы решили накормить лошадей и самим напиться где-нибудь молока. Только мы успели отпустить подпруги лошадям, как раздался первый оружейный выстрел.

- Начинается! - почти все вместе произнесли мы.

- Надо торопиться, - сказал Драпиль, - обозы могут уйти без нас.

- Не уйдут, - успокаивал Малахов. - Сейчас только в наступление пошли, куда же двигаться обозам?

Но все же все решили торопиться. Утолив голод, мы вышли из хаты к лошадям, напоили их и отправились к нашим обозам.

Бой в это время разгорался. Слышно было, как рвались шрапнели и гранаты, как стреляли наши орудия и трещали где-то совсем недалеко пулеметы и доносились выстрелы из винтовок. Верстах в трех от нас, не больше, находилась передовая линия. Когда мы выехали на холмик на южной стороне деревни, на котором стояли 3 ветряных мельницы, мы заметили довольно большую группу людей, которая стояла по другую сторону холма. Тут же ближе к хатам стояли лошади и экипажи. Многие внимательно смотрели в бинокль и наблюдали. Подъехав еще немного ближе, мы увидели, что эта группа была штабом генерала Деникина. Впереди шагах в 50 стоял сам ген. Деникин в сопровождении адъютанта, около него находился Начальник 2-й дивизии генерал-майор Боровский.

Аргентина.

(Окончание следует)

М. Борель.

РАКЕТА МАХОНИНА.

В № 24 "Вестника Первопоходника" г. Михаил Борель приводит часть статьи из газеты "Россия" от 11 марта 1941 года - "Русский Танк".

Каждый русский патриот с гордостью, интересом и большим моральным удовлетворением узнает со слов военного инженера ген. Шварца, что первый танк был изобретен русским инженером Лысяковым. Для меня же в заметке г-на Борель имеются еще данные, которые заставляют меня поместить в журнале несколько слов о другом русском изобретении.

В конце своей заметки о русском танке г. Борель пишет: "А наше Главное Военно-Техническое управление положило этот проект под сукно". То же самое было сделано и с другим весьма важным военным творением капитана Махонина - его изобретением ракеты.

Речь идет об освещающей ракете, дающей возможность ночью при ее сильном свете наблюдать за подозрительными движениями неприятеля.

У немцев ракеты употреблялись с самого начала войны. У нас несколько позже появились маленькие ракеты, выпускаемые из пистолета. Замечательная ракета кап. Махонина появилась лишь в конце 1916 года. Ее история со слов артиллерийского академика полковника Зайковского такова:

Задолго до Первой Мировой войны кап. Махонин принес чертежи и полное описание сделанной им ракеты в Главное Артиллерийское Управление. Оттуда Махонина направили в Главное Военно-Техническое управление, где специалисты, ознакомившись с ракетой, наложили резолюцию: "Ракета кап. Махонина стоит дорого и не имеет практического применения".

Только в 1916 году вспомнили об этом изобретении. К нашей радости и гордости, мы в окопах под Двинском пускали эту замечательную ракету. Большой шелковый парашют, большие особые горящие свечи плыли над окопами врага, давая возможность русскому глазу следить за германцем. Ракета Махонина долгое время считалась лучшей из освещающих ракет.

Георгий Думбадзе.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ:

Очередной выпуск "Вестника Первопоходника", № 26, выйдет в середине ноября и будет целиком посвящен зарождению Белой Борьбы.

- - - - оОо - - - -

История Родины - ваша история, стыдно не знать ее.

Н. Карамзин.

- о -

Можно остановиться, поднимаясь, но спускаясь - никогда.

Наполеон.

НА ПРАЗДНИКЕ КОРНИЛОВЦЕВ.

31-го августа Корниловцы в Лос Анжелесе отметили свой годовой праздник и день Ангела покойного вождя и шефа генерала Лавра Георгиевича Корнилова - объединенной встречей за праздничным столом.

После застольной молитвы и минуты молчания, посвященной светлой памяти Вождя и павших в боях за величие Родины Корниловцев, были заняты места за общим столом, уставленным изысканными блюдами домашнего приготовления и разной снедью.

Первый тост был произнесен главой Объединения полковником Н.П. Бялковским во славу и долголетие в мире рассеянных, в душевном единении сущих, родных Корниловцев.

В оживленной беседе о далеком ратном прошлом делились соратники своими воспоминаниями от дней Первого легендарного похода и до последних дней освободительной героической борьбы. То болью сердечной, то отрадой душевной отзывалось пережитое в жертвенном служении перед Родиной.

Задушевным теплым словом с пожеланиями во всем благополучия был почтен старейший корниловец - глава Объединения полковник Николай Петрович Бялковский, неустанный труженик по сплочению единства рассеянных соратников.

Сердечным приветствием были почтены Корниловцы Военного Училища с их последним Заместителем Начальника Училища, ответившим пожеланием здоровья, светлых дней, долгих лет и неугасимой славы родным Корниловцам, верным заветам незабвенного Вождя, памятуя его бесценные смертные слова: "Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине - многострадальной России; живите, дышите только мечтой о ее величии, счастье и славе!"

Как всегда, на фоне родственной среды соратников, особенное возвышенное чувство вызывает духовное общение с Корниловцами-Первопоходниками, носителями беспримерной жертвенности и чести, шедших за человеком непоколебимой доблести и воли, позвавшим их на смерть и муки во имя спасения Родины.

- o -

Уже поздним часом благодатного вечера Лос Анжелеса разъезжались по домам участники торжественного дня, унося красоту взаимной встречи и глубоко благодаря уважаемого Николая Петровича и его обаятельную супругу Юлию Александровну за положенные ими заботы и труды по украшению праздничного стола.

Присутствовали на празднестве: Н.П. Бялковский, И.В. Григорьев, К.А. Лисицын, С.И. Чернов, В.М. Зайцев, В.П. Мяч, М.М. Ляшко, М.Г. Коваленский, В.А. Вядро и В.А. Дудник.

И.Г.

- - oOo - -

Старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а аргументы тверды.

Вилкенс.

- - oOo - -

СТРАНИЧКА ЮМОРА.

СЛУЧАЙ В МАЛОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ТЕАТРЕ В МОСКВЕ.

В балете "Дочь Фараона" есть сцена, где нубийский вождь из лука убивает льва. Лев с вершины скалы скатывается в пропасть. Высота была очень большая - аршин десять - и, конечно, заведующий сценой Вальц (известный всей театральной Москве) падение обезопасил, и изображающему льва надо было только иметь смелость броситься. Делал это всегда один из рабочих, Петька. Добавлю что всякий молодой рабочий начинал карьеру с Петьки, Ваньки, Васьки, но, зарекомендовав себя, становился Петром, Иваном, Василием и, наконец, начинал службу "вы, Иван Петрович", и ему подавали руку.

Вот акт начат, а Петьки нет - запил.

- Выручай, Васька! - кричит Вальц.

- Слушаюсь, Карл Федорович! - бойко отвечает Васька.

- Ну, смотри! - грозит пальцем Вальц.

- Будьте покойны, представим, как следует! - весь потный, отвечает Васька.

Вот Васька в львиной шкуре на верхушке горы. Летит стрела.

- Васька, падай! - шепчет Вальц.

Васька ни с места - оробел. Оркестр идет дальше, артист выручает и пускает вторую стрелу.

- Васька, мерзавец, падай, а то убью! - шипит Вальц.

И вот публика видит, как лев перед тем, как скатиться в пропасть, встает на задние лапы и правой передней - осеняет себя широким крестом!...

Это было во втором акте, а в пятом публика еще хохотала.

А.Горецкий.

(Театральная Москва. В.Нелидов)

- - оОо - -

В почтамте длинная очередь у окна посылок. К очереди подлетает шпют с моноклеем в глазу, расталкивает очередь и, пробравшись к окну, становится впереди стоящего в очереди купца и, обернувшись к нему, говорит:

- Э-э, простите, пожалуйста, здесь посылают?

- Ежели к чертовой матери, то здесь, а если посылочку, то, друг любезный, становись в очередь!

- - оОо - -

- Неужели вы можете аплодировать этому противному вороньему карканью певичцы?

- Должен! Это моя жена.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате или почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - №№ 9, 10 и от № 12 до № 24 включительно - по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- o -

Редакция журналов "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, В.Мяч, Ю.Рейнгардт.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

СОДЕРЖАНИЕ № 25

	Стр.
1. Стихотворение Ю.Рейнгардта, посвященное ген.А.И.Деникину	1
2. Родине - стих. М.Волковой	2
3. З 5 0 - Эмигрант	3
4. Генерал-майор В.Л.Покровский - полк Ю.Сербин.	7
5. Протокол (из книги "Донские казаки в борьбе с большеви- ками - генерал И.Поляков	14
6. Генерал Л.Г.Корнилов - ген.шт.полк. А.Колчинский	19
7. Дневка - Ю.Рейнгардт	23
8. В поход - М.Борель	28
9. Ракета капитана Махонина - Г.Думбадзе	32
10. На празднике Корниловцев - И.Г.	33
11. Страничка Юмора	34
12. От Редакции	36

- о -

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Генерал-лейтенант В.Л.Покровский	6
2. Шарж	35

- - оОо - -

Все иллюстрации в настоящем номере исполнены художником
К.КУЗНЕЦОВЫМ.

**ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА**

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ
БЕЛЫМ АРМИЯМ И ИХ ВОЖДЯМ.
МЫ ЧТИМ ПАМЯТЬ ПАВШИХ ВОЖДЕЙ
И СОРАТНИКОВ, ЖИЗНЬ СВОЮ
ОТДАВШИХ В БОРЬБЕ ЗА СПАСЕ-
НИЕ РОССИИ, И ВЕРИМ В ВОЗ-
РОЖДЕНИЕ НАШЕЙ МНОГОСТРА-
ДАЛЬНОЙ РОДИНЫ.

Редакция

З А Я В Л Е Н И Е

Редакции журнала "Вестник Первопоходника".

Прошу включить меня в число подписчиков на журнал
"Вестник Первопоходника". При сем прилагаю чек (или
почтовый перевод) на сумму

(Подпись)

Адрес:
.

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"

MONTHLY MAGAZINE of
Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California,
U.S.A.

№ 26

Ноябрь 1963 г.

1 9 1 7

В стране, что ложью обессилена,
Средь жалких умственных калек,
Где что ни слово, то извилина,
Ты прямодушный человек.
В тебе спокойный ум крестьянина
И дух бесстрашный казака.
Была душа заботой ранена,
Но жертва Родине легка.
Где власть - безвластье, где скоплением
Кривых затей всех душат нас,
Своим достойным выступлением
Напомнил ты, что грозен час.
Твоя нога в бою прострелена,
Но дух звездой уводит в твердь.

Ты всем напомнил: "Здесь - расщелина.
Засыпьте пропасть. Или - смерть.
Как белый лебедь, полный гордости,
Плывет, и им светла волна,
Твой лик твердит: "Нам нужна твердости,
Любовь к России нам нужна".
Перед тобой склонен в восторге я,
Он предрешенный, твой удел: -
Ведь имя Лавра и Георгия
Герою битв и смелых дел.
С тобой душою вместе в плене я,
Но что бы ни промолвил суд,
Бойцу, я знаю, поколения
Венец лавровый принесут.

- - оОо - -

Я на вас любовался, родные герои.
На пожаре всемирном свершали вы смело
Беззаветное, зорко творимое дело,
Направляли вы силу достойную в бое.
И теперь вам вдвойне, боевые орлы,
Возношу я напевность хвалы.
Вы болели душою о крае родимом,
Вы хотели, чтоб знамя раскинулось выше.
Но от низа весь дом уже вспыхнул до крыши,
И предатели честь вашу сделали дымом.
Вы ленивых позвали на битву и труд,
И за это вам суд.
Вам сплетают венец из терзающих терний.
Вы - водители битвы. Вам пуля - награда.
Лишь за то, что хотели вы буйное стадо
Превратить в человеков, вы преданы черни.
Но от вас до сердец - ослепительный свет,
Вас возносит поэт.
Вы, делившие с честными радость победы
И томительно-жгучую боль отступленья,
В вихре бурь - маяки. Вас судить - преступленья,
Вас позорить - взрастить многократные беды.
Если топчем безумно мы славу свою,
Наша жизнь - лезвию.
Потому, что отцовский вы край защищали,
Потому, что вы мыслили мыслью героя,
Потому, что хотели вы честного боя,
Имена смельчаков занесутся в скрижали.
И правдивая совесть отвергнет вину
Тех, кто знамя вознес в вышину.

К. Бальмонт.

ОСНОВАТЕЛЬ И ВЕРХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

„Мольба о
сильной, крѣп-
кой власти, думаю,
есть общая мольба всѣхъ
любящихъ Родину и ясно

отдающихъ
себѣ отчетъ объ
истинномъ ея поло-
женіи“.
Слова генерала АЛЕКСѢЕВА.

ГЕНЕРАЛЬ
МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
АЛЕКСѢЕВЪ

† 25го СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА.

ИХ НЕТ, НО ОНИ С НАМИ.

В ночь со 2-го на 3-ье ноября 1917 года к платформе Новочеркасского вокзала подошел поезд, до отказа набитый пассажирами. В те годы все поезда, будь то пассажирский или товарный, были полны едущими - начинался голод: ехали горожане в деревню менять последние пожитки на хлеб. Ехали спекулянты, темные дельцы, разнузданные и развращенные солдаты; наконец, ехали люди просто потому, что можно было бесплатно ехать.

Вся эта голодная толпа, измученная долгими остановками, вечно куда-то спешащая, ненавидящая друг друга, с руганью и толкаясь покидала также грязные, заплыванные и облупленные вагоны.

Когда первая волна путников прокатилась и на перроне стало просторней, из одного вагона вышел пожилой человек, седой, в очках, в поношенном штатском пальто и такой же кепке. Никем не встреченный и не признанный, он покинул вокзал, и предрассветный туман спящего города поглотил его сгорбленную фигуру. Никто не обратил внимания на этого старого, седого, в очках человека, а между тем с того момента, как его ноги ступили на перрон Новочеркасского вокзала, еще одна страница перевернулась не только Русской, но и Всемирной истории.

Приехавший незаметный путник был никто другой, как последний Начальник Штаба последнего Императора и первый после революции Верховный Главнокомандующий - генерал-адъютант, генерал от инфантерии, кавалер ордена св.Георгия МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ.

- 0 -

Через несколько дней после приезда в Новочеркасск генерала Алексеева в лазаретных бараках на Барочной улице появилось объявление, призывающее офицеров, юнкеров и кадет старших классов вступить в организацию, как тогда называли, Алексеевскую. В основе организации стояла задача - "ВОССОЗДАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПУТЕМ СВЕРЖЕНИЯ БОЛЬШЕВИЦКОЙ ВЛАСТИ и ЗАЩИТА РУССКОЙ ЗЕМЛИ".

На призыв ген.Алексеева откликнулись многие, на Барочной улице возле дома № 2 вечно толпились люди, принадлежащие к различным слоям общества. Большинство уходило от генерала разочарованными и недовольными, ведь последний звал на борьбу, связанную с лишениями и жертвами. Такие "патриоты" пожимали плечами и навсегда покидали Барочную, но были и такие, которые с восторгом уходили, записавшись в организацию, и вступали в ряды создаваемой Добровольческой Армии.

Медленно, но уверенно сколачивалось ядро будущей Армии. С приездом же ген.Корнилова и назначением его командующим Армией, в рядах которой насчитывалось до 3.500 бойцов, эта маленькая по численности, но великая по духу Армия, вместе с небольшими казачьими частями, около двух месяцев с успехом сдерживала огромные большевистские банды, с бронепоездами, сильной артиллерией и кавалерией, пытавшиеся вторгнуться на Дон.

Когда же распропагандированные казачьи части оставили фронты, разбрелись по станицам, не представляя себе, что им готовит завтрашний день, когда над "Тихим Доном" собрались грозные тучи, предвещавшие террор, бесправие, разбой и... смерть, - тогда в Атаманском

Дворце прогремел одинокий выстрел - погиб атаман Каледин, герой мировой войны, один из самых выдающихся военачальников Императорской Армии, кристально честный и верующий человек, бесконечно любивший Россию и свой Дон. Все это создало для Добровольческой Армии весьма сложное положение. Дальнейшее ее пребывание грозило гибелью.

Генерал Алексеев решил продолжать борьбу. 9-го (22-го) февраля 1918 года, около семи часов вечера, Армия - самая маленькая, когда-либо существовавшая, с двумя Верховными Главнокомандующими, Главнокомандующим фронтов, со многими генералами, с честью занимавшими высокие должности в Императорской армии, с 150 ранеными и до 1500 человек штатских, физически неспособных к борьбе, - эта Армия покинула Ростов и ушла в неизвестность.

Предвидя оставление Дона, генерал Алексеев в одном из своих писем писал: "Мы уходим в степи. Можем вернуться, только если будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы".

Так начался легендарный, полный героизма, самопожертвования и страданий 1-й Кубанский поход.

- 0 -

С тех пор прошло 46 лет, за это время несколько раз перекраивалась политическая карта нашей планеты: одни народы получали свободу, другие закабалались, рушились Империи, падали троны, создавались новые государства, вспыхивали революции, появлялись диктаторы, они гибли, но их места тотчас же занимались другими - вся эта политическая вакханалия совершалась под лозунгом: "свобода народам". В действительности же все совершалось помимо всякого участия народа. Собирались конференции, устраивались совещания, политические свидания, торжественные банкеты, обеды, ужины и т.д. На них самозванные представители народов говорили, говорили и продолжают говорить. Весь мир заразился болезнью словоговорения, и самые голые факты не заставляют людей прекратить бессмысленное говорение и перейти к делу.

Генерал Каледин незадолго до смерти, уже решив покончить жизнь самоубийством, обращаясь к своему правительству, сказал:

"Положение наше безнадежно. Имя мое, как говорят, "однозно".

Я решил сложить свои полномочия, что предлагаю сделать и правительству!... "Только, господа, короче говорите, время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!"

Этой болезни не избежала и наша российская эмиграция, будь то старая, средняя или новая...

И сейчас раздаются разглагольствования о Белом Движении - обвиняют память наилучших людей, уже давно ушедших в другой мир, авторитетно критикуют действия их, некоторым приписывают предательство, измену и т.д. - и над всем этим царит отвратительная ЛОЖЬ.

Те люди, которые 46 лет тому назад с восторгом приветствовали генералов Алексеева, Корнилова и Деникина, теперь на них клеветают, приписывая им то, чего не было и не могло быть. К этим людям настоящая статья не стносится: если они в течении 46 лет не поняли или не хотят понять значение Белого Движения, не хотят видеть честности, самоотвержения и героизма в Вождях Добровольческой армии, то вступать с ними в спор нет смысла - "горбатого исправит только могила"!...

Мне хотелось бы обратиться к молодежи, к той, которая не была участницами гражданской войны, которая не видела "прелести большевизма", не видела, как люди расстреливались лишь за то, что у них на руках не было мозолей, за то, что они были офицерами и на фронте гибли так же, как и "пролетарии", за то, что люди верили в Бога и не признавали учения Маркса; как тыловая солдатня под водительством комиссаров - зачастую не русского происхождения - врывается в дома с обыском, бесчинствовала, насилует и грабит; когда слово "товарищ" стало синонимом грубости, хамства и разврата; наконец, когда Россия превратилась в грандиозное кладбище...

Вот тогда те, кому было дорого Отечество, вступили в борьбу, защищая благосостояние и честь России.

Белое Движение было естественным, никем не выдуманным протестом против беззакония, террора и хаоса. Белая Идея ВСЕГДА была, есть и будет у всех народов, и если бы генерал Алексеев не возглавил Движение, то, наверно, нашелся бы кто-то другой, за которым самоотверженно пошли бы тысячи патриотов.

Ни генерал Алексеев, ни ген. Корнилов, ни ген. Деникин, ни адмирал Колчак, ни другие вожди Белых армий - никто из них не поддерживал какую-либо политическую ориентацию, для них РОССИЯ БЫЛА ВЫШЕ ПАРТИЙНОСТИ, они не претендовали на роль народных трибунов, они вступили в борьбу не за восстановление прежнего режима и не за революцию - ОНИ БОРОЛИСЬ ЗА РОССИЮ.

- 0 -

Наибольший успех Добровольческая Армия, Донская и Кавказская Армии имели под командованием ген. Деникина. Освобождены были Киев, Орел, Воронеж и Царицын; казалось, что недалек тот час, когда падет большевизм, но, к сожалению, это только казалось. Обескровленная Добровольческая армия, рассеянная на огромном фронте, не поддержанная тылом, отступала, и это было началом ее заката.

Среди нас находятся политики, обвиняющие ген. Деникина в развале армии и указывающие на стратегические и другие сделанные им ошибки.

Конечно, были ошибки, но хотелось бы спросить - а кто не делает ошибок, а до революции не были ли сделаны ошибки? - Если бы их не было, то, может быть, не было бы и революции, не было бы и большевизма.

Величайшая людская ошибка - это война, на эту ошибку нанизываются последующие ошибки. Добровольческая армия и гражданское ее управление создавались тогда, когда весь государственный аппарат был почти разрушен. Приходилось заново все создавать, часто при боевой обстановке - при таком положении неминуемо делаются ошибки.

Были в армии блестящие военачальники, имена их известны всей эмиграции, но были и неудачные - так было и так будет всегда, когда что-то создается. Самая большая ошибка генерала Деникина заключалась в том, что он переоценил русского человека. Честный Деникин считал, что на зов ген. Алексеева откликнутся если не сотни, то десятки тысяч офицеров, что каждый, кто носит погоню, должен был считать за честь вступить в ряды Добровольческой Армии. Генерал ошибся - на зов откликнулось 3.100 офицеров, юнкеров, кадет, студентов, казаков и солдат.

Вот это, действительно, была ошибка. Но можно ли винить генерала Деникина?

Благодаря Добровольческой армии сотни тысяч русских имели возможность покинуть Советскую Россию. Все они разбрелись по всему миру, большинство из них нашло пристанище в Америке. Спрашивается: не следовало ли бы некоторым из них вспомнить, что только благодаря Деникину они живы и здоровы и могут пользоваться благами Америки?!

- 0 -

Защищать того, кто давно ушел в другой мир, трудно. Всегда обвиняющий может сказать: "он так говорил", или: "такой-то о нем сказал то-то", и т.д. Часто невольно обвинитель впадает в очевидную нелогичность, а часто и в ложное положение; в таком случае единственный ответ: "Это неправда! Я знаю, что это не так!", - но факты для таких людей не существуют.

В одном из номеров эмигрантского журнала помещена редактором статья, в которой ген. Алексеев назван предателем, изменившим Императору, выжившим из ума стариком и другими эпитетами...

В другом журнале правого легитимного направления просто помещена цитата из книги Ольденбурга, где ген. Алексеев также назван предателем; автор статьи проницательно отзывается о "светоче" и обвиняет генералов Алексеева и Корнилова в бесцельности Кубанского похода, в котором погиб цвет молодежи.

Хотелось бы этим г.г. редакторам указать, что Государь Император после отречения занес в свой дневник: "всюду измена и предательство". Полагаю, что г.г. редакторы отлично знают, к кому это относится, кто изменил Государю до его отречения.

О генерале Алексееве покойный Император всегда отзывался с уважением, называя его - "мой старший друг". Действительно, это был друг.

Генерал Алексеев на коленях умолял Государя не уезжать из Ставки, и быть может, если бы Государь послушал Алексеева, не было бы отречения.

И все же г.г. легитимисты, несмотря на это, считают ген. Алексева изменником, предавшим Государя. А каким же именем должно называть того великого князя, который еще до отречения явился в Государственную Думу и привел с собой гвардейский экипаж - будущую красоту и гордость революции?!..

- 0 -

Больше 40 лет мы в эмиграции, мы потеряли Родину и Отечество, родных и близких, живем в чужих государствах, с чужими нам людьми и их нравами, работаем, часто нуждаемся в копейке, но мы не нищие, Русская Эмиграция - не НИЩЕНКА. Она обладает богатством, каким немногие владеют - ЧЕСТЬЮ И СЛАВОЙ. Ее послужной список велик, и им мы вправе гордиться: Кубанский, Степной, Дроздовский, Сибирский Ледяной поход, бесчисленные бои с во много раз превосходящим противником, атаки Корниловцев, уничтожение корпуса Жлобы, разгром Дроздовцами конницы Буденного и т.д.

2-го ноября (15-го по нов.ст.) - годовщина основания Добровольческой Армии. В этот знаменательный день участники Белых Армий, рас-

сеянные по всему свету, мысленно объединятся. Незримо с ними будет и вся Белая Армия с ее Вождями и соратниками.

Вот идет, опираясь на трость, ген. Алексеев; небольшой, седой, со скорбным лицом Каледин; за ним ген. Корнилов — смуглый, сухой, нервный; рядом с ним спокойный, но решительный ген. Деникин. Быстро подходит порывистый, безрассудно храбрый ген. Марков; с ним, в пенсне, сухощавый подтянутый Дроздовский. Тут же стоят последний Главнокомандующий генерал Врангель, ген. Богаевский, ген. Казанович, Романовский, Кутепов, Эрдели, Покровский, Неженцев, Туркул, Тирановский. Их много, все они отдали свою жизнь на служение Родине.

Раздаются звуки фанфар, реют знамена и штандарты, идут Корниловцы, готовые ежеминутно броситься в атаку, траурные Марковцы, белые алексеевцы и машиновы Дроздовцы с их легендарным ген. Туркулом. За ними гремит артиллерия и скачут лавой Донцы, Кубанцы, Терцы, Уральцы, Забайкальцы, а там вдали на снежной равнине спокойно стоит молодой адмирал Колчак. Адмирал принимает парад чести и славы Российской армии...

Видение исчезло... Но хочется крикнуть: "НЕТ, РОССИЯ НЕ УМЕРЛА, ОНА ВОСКРЕСНЕТ И СБРОСИТ НЕНАВИСТНОЕ ИГО, рассеется туман, выглянет солнце, раздастся благовест, и русский народ, преклонив колена, воздаст должное тем, кто положил на алтарь Отечества самое дорогое — свою жизнь, и воздвигнет народ величественный памятник тому, кто первый вступил в неравную борьбу за благо и славу России.

К.Пермский.

- - ооо - -

"... Движущая идея Белой борьбы проста, как сердце честного патриота, сильна, как его воля, глубока, как его молитва с Родине. Пройдут определенные сроки, исчезнут коммунисты, революция отойдет в прошлое, а Белое Дело, возродившееся в этой борьбе, не исчезнет и не отойдет в прошлое: дух его сохранится и органически войдет в бытие и строительство новой России..."

Летопись Белой Борьбы. (Белое Дело, Т. 1)

- - ооо - -

ГЕНЕРАЛ
АЛЕКСЕЕВ

М.Борель.

ПУТЬ СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ
ГЕНЕРАЛА М.В.АЛЕКСЕЕВА.

Окончивши 1-го декабря 1876 года Московское пехотное юнкерское училище, произведенный в офицеры 19-летний прапорщик Алексеев со своим 64-м пехотным Казанским полком, входившим в состав 16-ой пехотной дивизии под командой свиты Его Величества генерал-майора Скобелева, выступил в поход против турок (1877-78 г.г.).

Первое боевое крещение он получил у гор. Ловчен, участвовал в отряде Белого генерала в тесной блокаде Плевны и под его водительством - в демонстрации против Плевны.

В этот период времени Алексеев состоял, будучи откомандирован от полка, ординарцем при генерале Скобелеве.

Лучшая школа для военного и изучение "науки побеждать" - это война и личный пример вождя. Это Скобелевское семя крепко зацало в душу юного офицера и принесло свои плоды в зрелые годы.

И снова прапорщик Алексеев с генералом Скобелевым под Шипкой. В святые дни Рождества Христова 26 и 27 декабря 1877 года он находился на Балканских перевалах, где в Имятлийском проходе Казанский полк вел жестокие бои с турками. Затем, в составе того же отряда ген.Скобелева, Алексеев участвовал в сражении у Истнова и Шипки, которое кончилось пленением армии Вессааля-Паши.

После войны начались для молодого офицера армейские будни с стоянками в маленьких городках западной России. Но для Алексеева, по его характеру, эти годы все же не были буднями. Это было, при всех занимаемых должностях, служение Царю и Отечеству. Как пример его отношения к служебным обязанностям, уже как командира роты, можно привести цитату из его письма от 7-го июля 1886 года:

"Отбыли важный смотр стрельбы, хотя и неудачно. Ополчились на нас силы небесные. Дул ветер, лил дождь, было холодно, почему и результаты достигнуты только лишь удовлетворительные, хотя и были вправе ожидать лучшего. Это составляет и мое личное горе, и вот уже три дня хожу, сильно повеся голову, что результаты моих 8-месячных трудов выразились, благодаря непогоде, слишком слабо".

Строевая служба не могла всецело удовлетворить Алексеева. Его глубокий ум искал более широкой деятельности, и после 10 лет службы в полку он начал готовиться к вступлению в Николаевскую Академию Генерального Штаба. После такого большого перерыва сесть за книги требует от человека выявления большой силы воли и напряжения. Экзамены при Виленском Военном округе стали для него "угрюмой действительностью", но он с верою "развернул паруса по ветру" и пошел на бой опасный и при помощи Божьей выиграл битву.

6-го октября 1887 года приказом по Генеральному Штабу за № 126 штабс-капитан Алексеев, как выдержавший экзамен, зачисляется в младший класс Николаевской Академии Генерального Штаба.

Весной 1888 года появилась угроза войны с Германией. Алексеев тогда считал:

"Избави нас Боже от войны лет на 5, на 6, т.е. до тех пор, пока все предположенные меры на нашей западной границе не будут приведены в исполнение и когда искусство и мужество могут вступить в единоборство, а не нашествие полчищ на несобранную еще русскую армию. Это мои пожелания для моей родины. Полагать надо, что несмотря на весь шум и бряцание оружием, это пожелание имеет много шансов на осуществление... благодаря, наконец, тому твердому тону, который в минуту надобности умеет проявить наш Царь" (Император Александр 3-й).

Годы Академии - это "нелегкое настоящее", усиленные занятия, когда не хватает дня, то заниматься по ночам, "когда приходится доводить до крайней степени, на которую только я способен, усилия, чтобы обеспечить скоро наступающее будущее. Здесь в Академии оно будет решающим, так как должно определить, как и где пойдет моя служба, а с нею неразрывна и жизнь".

Отрывки из писем в академические годы:

"...вчера я окончил мои экзамены, хотя совершенно утомленный, но довольный тем, что они наконец благополучно и удачно миновали. Если я бывал утомлен, то это свидетельствует, что работать приходилось больше обычного; при обычной работе я не утомляюсь. Впрочем, об упорном труде здесь нужно умалчивать; здесь все работают не меньше, и большинство так же бесповоротно решило заблаговременно отдавать и здоровье и силы для раз поставленной цели".

В апреле 1890 года М.В. Алексеев писал:

"Миновало три года, миновала Академия... все благополучно, а я немного не доверяю тому, что в настоящие минуты за мной не числится никакой работы срочной, спешной".

Как видно из этого письма, штабс-капитан Алексеев окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба весной 1890 года, и окончил ее блестяще.

"Первенство свое по выпуску я сохранил, имея средний балл по главным предметам 11,63. Получил право на премию 1.000 рублей для командирования за границу; вопрос о прибавке 0,3 балла потерпел крушение, а следовательно такую участь постигла и медаль. Сам я теперь об этом не сожалею: ведь медаль ни в настоящем, ни в будущем ничего практического дать не может, кроме минутного удовлетворения честволюбия. (А это относится к 7-ми смертным грехам, поэтому говорить о том не следует).

"Начало службы, как офицера генерального штаба, сопровождается пожеланием, чтобы оказаться на своем месте в качестве офицера, да еще испытываемого новичка генерального штаба, чтобы не краснеть за себя".

Летом 1890 года происходили большие Красносельские маневры в Рысочайшем присутствии и в присутствии императора Германского Вильгельма 2-го. В это время капитан Алексеев был старшим адъютантом в штабе 1-го армейского корпуса. Он писал:

"От вокзала и вдоль обеих лагерей бесконечной вереницей выстроились войска... Царь верхом, Царица в экипаже четверкой. Красква

была картина около царской палатки, где стоял соединенный хор музыкантов - человек в 600; две другие стороны четырехугольника составляли офицеры, а последнюю, по обе стороны палатки - приближенные и иностранцы... Я неизлечимый русский, и такая обстановка всегда приводит меня в несколько возбужденное настроение в патриотическом смысле, что я все внимание и глаза сосредоточиваю на том, что и в действительности составляет средоточие всего: Царь с Государыней.

...В этот день я отлично видел Вильгельма и всех, его сопровождавших. Очень, на мой взгляд, заурядное лицо солдатского типа, не производит особенного расположения, как симпатичное лицо нашего Государя, внушительная фигура, которая своей солидностью также отличалась от подвижного вертлявого немца".

"Можно изменить привычки, но не следует касаться убеждений, не быть флюгером, повинующимся взгляду".

Когда разразилась Русско-Японская война, М.В.Алексеев уже в чине генерал-майора отправляется на фронт. 24-го января 1905 года он пишет:

"Обязанность начальника - знать свое дело, знать характер подчиненного, от которого получено донесение, и уяснить обстановку, и только тогда распоряжаться. Если нервность законна со стороны того, кто стоит в 1 - 1 1/2 версте от неприятеля, то она непростительна для того, над которым непосредственно пока не рвутся снаряды и который может сопоставить ряд донесений. Торопливость и нервность первого передается и заражает только сотни; скоропостижность второго обращает всю армию в бестолковое сборище торопиг".

От 1-го февраля 1905 года:

"Нас душит нерешительность Куропаткина. Наши большие силы парализуются бесконечным поиском плана и в то же время отсутствием ясной, простой идеи, что нужно. Нет идеи, нет и решимости. Колебание и боязнь - вот наши недуги и болезни, мы не хотим рисковать ничем и бьем лоб об укрепленные деревни. Мелкие цели, крупные потери, топтание на месте, противник остается хозяином положения, а быть хозяевами должны были бы и могли бы быть мы".

От 5-го февраля 1905 года:

"Полководцу нужны таланты, счастье, решимость, не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. Оценку таланта делать еще не время. Военного счастья нет, а решимость прямо отсутствует, а между тем на войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать."

Письмо от 19-го апреля 1905 года:

"Для достижения цели нужны упорство, настойчивость, вера в свои силы, готовность жертвовать".

Письмо от 17-го февраля 1906 г.:

"У нас имеются сведения, что на организацию стачки январской израсходовано до 18 миллионов рублей нашими "приятелями". Машина работает далеко, а в Петербурге, Москве, Варшаве и других городах только статисты, расплачивающиеся своей жизнью, здоровьем, боками... Молитесь, чтобы послано нам было свыше мир внутри; смелость и победа в Маньчжурии. Пусть первое родится у главнокомандующего, второе принесут ему войска".

После Японской войны генерал Алексеев подробно изучает все ошибки, совершенные в этот несчастный для России период, и вырабатывает новые стратегические положения. Во время полевых поездок с

офицерами генерального штаба он излагает свои мысли о новых методах ведения войны, которые у него сложились после опыта Балканского похода и Японской войны и которые были им потом применены во время Отечественной войны 1914-1917 г.

Как начальник штаба Киевского Военного округа, граничившего с Австро-Венгрией, генерал Алексеев главным образом работает на составлении плана войны с последней. Кроме занятий в штабе, он все свои вечера и досуги посвящает работе по изучению своего возможного противника и будущего театра войны.

В это же время генерал Алексеев, как начальник штаба Киевского Военного округа, привлекается Главным Управлением Генерального Штаба к составлению плана войны с Австро-Венгрией и Германией. Его соображения, изложенные в ставшей потом известной в военном мире докладной записке, были приняты и частично легли в основу плана войны.

Генерал Алексеев был одним из представителей офицеров Генерального штаба Новой Школы, которая выражалась в том, что Главнокомандующий не подчиняется воле противника и не ведет свои операции согласно его движениям, а вырабатывает свой собственный план действий, чтобы быть на поле брани "хозяином положения" и диктовать свою волю противнику.

Начавшаяся война 1914 года выдвигает генерала Алексеева по мобилизации на должность начальника штаба Юго-Западного фронта, что дает ему возможность применить еще в мирное время продуманные операции, вылившиеся в так называемую "Галицийскую Битву", где Русскими под руководством генерала Алексеева была одержана громадная победа над австрийцами, что доказало, что генерал Алексеев не только правильно решал поставленные ему задачи, но и во-время схватывал намерения противника и контр-маневром умел быстро их парировать.

В 1915 году, будучи главнокомандующим северо-западного фронта, генерал Алексеев имел под своим командованием 3/4 сил Русской Армии, которая осталась к тому времени без снаряжения. И только исключительно маневрами и короткими ударами он отражал натиск противника, стремясь всеми мерами сохранить живую силу, и, оторвавшись от противника, таким образом вывел Русские армии из, как казалось тогда, неизбежного окружения и уничтожения.

После этого, в августе 1915 года, генерал Алексеев назначается начальником штаба Верховного Главнокомандующего - Государя Императора. Здесь он производил колоссальную работу, подготавливая окончательную победу над врагом. Но не судил Господь. России, династии и всему русскому народу предстояли тяжелые испытания, которые тяжким бременем легли и на плечи генерала Алексеева. Вместо предполагавшейся победы, ему пришлось пережить крушение всего того, чему он служил верой и правдой всю свою жизнь. Несмотря на подорванное тяжелой болезнью здоровье (ноябрь 1916 - март 1917 года), генерал Алексеев все же боролся всеми возможными средствами, чтобы сохранить боеспособность армии, над которой безвольное и преступное Временное Правительство, под давлением совета солдатских и рабочих депутатов и иных организаций, стоявших за его спиной, производило различные эксперименты и разрушало ее.

В мае 1917 года генерал Алексеев был Временным Правительством отстранен от должности Верховного Главнокомандующего. В июне месяце он написал письмо генералу Скузаревскому:

"Как ни тяжело было последние месяцы командование армиями, как ни быстро шло разложение частей, я не решился бы сам оставить управление и обратиться в постороннего зрителя борьбы, которой в течение почти трех лет отдал все свои силы без остатка. Только в наиболее тяжелые минуты, когда в один день получалось много телеграмм о беспорядках в полках, арестах начальников; изгнании прочных хороших офицеров, об отказе идти на позиции... только в такие минуты созревало желание уйти, сознать свое бессилие. Но это были только минуты, сознание обязанности и долга перед Родиной заставляло бороться со своей слабостью, искать пути к оздоровлению больного организма армии и жить надеждой, что болезнь еще не окончательно подорвала ее духовные силы. Еще в первой половине марта, когда объявленные "свободы" и "права" избрали главным объектом армии, когда за развращение ее принялись и наемники на немецкие деньги агенты и доморощенные агитаторы, для которых сохраняющая порядок и дисциплину армия представляла опасность, я отдал распоряжение таких почтенных деятелей задерживать и предавать военно-полевому суду.

"...великодушно оставили начальнику, в особенности офицеру, ответственность, право быть униженным, оскорбленным, побитым и даже убитым. И всякий начальник, пытавшийся в тяжелые минуты сохранить во вверенной части дисциплину, карался самовольным отрешением "снизу", а "сверху" немым согласием санкционировали этот произвол".

Как видно, генерал Алексеев был полон отчаяния от происходившего в армии развала. Исчезло чувство долга и служение Родине, и именно это его нравственно глубоко удручало. Рухнулись вековые устои и разрушалась в войсках дисциплина, то есть то, что составляет основу всякой армии.

Но даже после совершившейся катастрофы генерал Алексеев все еще питает надежду восстановить русскую армию и сохранить в ней заветы седой старины.

2-го ноября 1917 года генерал Алексеев уже в Новочеркасске, и там, на казачьей земле, которая, казалось тогда, еще не была заражена ядом красной пропаганды, он кликнул клич офицерам, надеясь собрать настоящих воинов, преданных Родине и готовых постоять за ее честь. Этот клич был услышан, и стало стекаться белое воинство со всех концов русской земли, чтобы стать под белое знамя спасения России. Это был огромный подвиг, как со стороны генерала Алексеева, так и со стороны немногих других русских генералов, офицеров, юнкеров, студентов, кадет, гимназистов и солдат, чтобы в момент полного разложения старой армии создать новое Добровольческое войско, стойкое и готовое на лишения, лишь бы спасти честь и достоинство Руси.

Так родилась Добровольческая армия, создались новые, славные полки и возродились казачьи сотни-- белые, и только здесь, в этой маленькой, но крепкой духом армии, стал снова развеваться трехцветный национальный стяг. И это белое воинство исполнило свой долг до конца. Но оно было слишком мало, чтобы сдерживать разбушевавшуюся и разнуздавшуюся стихию, захлестнувшую в конце концов и долго сопротивлявшееся донское казачество. Армии пришлось уйти в степи за "синей птицей", в скитания вновь обрести Россию, "зажечь свечечку в померченых сердцах".

В Новочеркасске генерал Алексеев обратился к прибывшим воинам со следующими словами:

"Но вот среди бушующего моря низких страстей, упадка народной доблести, образовался островок. На этом островке жива вера в Бога, сознание Родины, любовь к ней, понятие, что жизнь без чести, без идеалов, без готовности погибнуть и жертвовать собой, есть жизнь позорная, чисто животная. Среди падений выделились люди, для которых личные блага стали ниже блага Родины. Островок будет расти, увеличится в размерах. В ваших лицах я приветствую этот пока небольшой островок, носителей величия душ, мужества, готовности жертвовать собой. Я благодарю вас за вашу молодую, чуткую душу, спаявшую вас в короткое время в сильный боевой организм, сохранив все лучшие достоинства прочной части, среди той атмосферы интриг и недоброжелательства, в которой живем мы. Я преклоняюсь перед вашим мужеством, готов принести себя на служение Родине, не останавливаясь перед неизбежными пока лишениями. Поставим нашим великим идеалом спасение Родины от того глубокого падения, до которого дошла она. В этом стремлении почерпнем мужество, честность и отдадим наши силы и жизнь на достижение цели".

Перед выходом в 1-й поход генерал Алексеев писал своей семье 5-го февраля 1918 года:

"Горсточка наших людей, неподдержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодой, морозами, повидимому, исчерпала до конца свои силы и возможность борьбы. Если сегодня, завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достоинства, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожного нравственно врага. Нам нужно будет уйти из Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит, по всей вероятности, трудный пеший путь и неведомое впереди, предназначенное Господом Богом".

Аргентина.

М. Борель.

- - оОо - -

"...Генерал Алексеев, говоря свои слова: "Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы". - не разрабатывал стратегический план кампании, не думал о ведении наилучшим способом гражданской войны, не о монархическом или демократическом строе пекся, но творил святой подвиг духа, выходя на ратный подвиг за ОТЕЧЕСТВО и за весь мир, потому что с полным основанием он мог бы дополнить свою фразу: "...среди охватившей Россию тьмы, которая надвигается и на весь мир"...

В. Феодорович.

ГЕНЕРАЛ
КОРНИЛОВ

В. Марионов.

"СТЕРЖЕНЬ СТАЛЬНОЙ"

Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажег
Над Русью бунт костры из муки,
Народ, как раб, на плаху лег.

И.Савин.

31-го марта 1918 года, на рассвете весеннего дня отлетела в надзвездные выси светлая душа генерала Корнилова...

Когда из-под осыпавшейся штукатурки вынули безжизненное тело его и отнесли на берег Кубани, молнией пронеслась весть о роковой утрате маленькой армии.

И на подступах к Екатеринодару, на смертном, ровном, как стол, поле, где редко-разбросанно лежали рядом в цепях походники: "корниловцы", офицеры и солдаты, партизаны, казаки, горцы, ростовские студенты и русские девушки, обдаваемые дымящими, едкими, непрерывно грохочущими разрывами, хлещущей землю шрапнелью... где у редко дымящихся пулеметных стволов, у переставших подкакивать по команде: "огонь" пушек, с замолкнувшими, без патронов, винтовками в руках, лежали спокойно и безропотно, дожидаясь участи своей - раны или смерти. И в белых хатках Елизаветинской станицы, где корчились и стонали "выбитые из строя", с раздробленными костями и внутренностями, смешанными с пылью и кровью, страдая и мучительно прислушиваясь к гулу решительной битвы; и в толпе беженцев многострадальных - женщин, стариков и детей; в группе "штабных" у фермы Экономического общества - у всех, у всех, за исключением лежавших, слившихся со степью серыми фигурками, "на брани убиенных" - стал один вопрос, вопрос, ставший огромным, равнозначущим жизни, заслонившим призраком смерти и все личное: "А как же дальше? Кто другой, если его нет?"...

- Кто выведет? Кто спасет Россию и нас? С кем пойдут вновь бесстрашно умирать "корниловцы"? Кто пойдет вперед сам бесстрашный?

- Кто же другой, как зоркий кормчий, различит пути во игле туманной? Кто отыщет нам вехи исторических дорог?

Страница, еще небывалая в истории России, закрылась, пресеклась жизнь большого человека, кончилась великая трагедия великой души...

Недавний Верховный Главнокомандующий, с именем грозным и славным Корнилова, прогремевшим в отдаленнейших уголках величайшей страны... как простой ротный командир в самом пекле пехотного боя... в страде огня, под свист пуль, рокот осколков... Диктатор... но не тот диктатор древнего Рима, окруженный рукоплещущим народом, повелитель 40 легионов... Нет. Русский диктатор - впереди пехотных цепей, в короткой солдатской, запачканной глиной шинели, на вспаханной гранатами вязи Кубанского чернозема...

Почти одинок... с тремя тысячами измученных, оборванных "корниловцев", без иностранной помощи, без друзей и союзников, без тыла, без базы, без снарядов и патронов, наперекор логике и законам войны, идя быстро и неутомимо, он побеждает там, где победа кажется немислимой вещью...

Почему смерть именно этого невысокого ростом человека монгольского типа так убийственно подавляюще подействовала на психику бойцов?... Ведь только вчера, сегодня те же гранаты рвали на части их братьев, друзей, и это не удивляло никого... Ведь говорят, что когда в поле выходит идея, люди ничто... Люди, но не вожди, смерть вождя может повернуть колесо исторических событий в иную сторону.

Но об этом не думали тогда, на смертном поле у Екатеринодара... ибо горела рана, нанесенная вестью о смерти Корнилова. Не думали, ибо гремел бой у кожевенных заводов, у холмика полковника Неженцева; не расходился дым бризантных разрывов у генерала Эрдели в "садах"; лязгал ружейный огонь, обозначая все более и более глубокий охват...

Не до логики, не до причин и следствий исторических событий, когда могут через несколько часов прижать к берегу многоводной Кубани и перебить оставшуюся без патронов горсть бойцов без всякого милосердия и пощады...

Пока живет в человеке инстинкт, в минуты смертной опасности он думает о жизни...

И когда Корнилов посылал роты в бой, каждый думал не о смерти, а о жизни, о подвиге и кричал:

- Ура генералу Корнилову!

И увлекало это "ура", а еще больше он сам, едущий впереди, безразличный к опасности.

Корнилова не стало... не стало диктатора - вождя "милостью Божией", и, как оказалось потом, когда стало возможным оценить прошедшее с высоты некоторой "исторической перспективы", этой смертью из тела, из остова белого движения был вырван в самом зародыше его, 31 марта 1918 года, стальной стержень его - Корнилов.

С той поры белое движение росло, развивалось и сокращалось без стального стержня, без хребта, без диктатора...

Огромная машина пошла в ход: было много в ней разных частей, было сложно их взаимодействие: казачество, затуманенное сепаратизмом и политиканством; ставропольское крестьянство - темное, не пережившее большевизма; махновщина - Гуляй-поле; Запорожье, никому не желающее подчиниться; запуганное, задерганное, но обозленное крестьянство, способное к выстрелам в спину; передовая интеллигенция, не доверяющая "белым генералам"; добровольчество - жертвенно порывистое, способное на величайшие подвиги, но живущее нервами; реакция, широким потоком вливавшаяся в армию, следовавшая за ней и сводящая к нулю все, что ценою крови и подвига было добыто на фронте, - вот те элементы, те "иксы" уравнения, с которыми пришлось оперировать белым вождям.

И вот в тот момент, когда, казалось, вот-вот загудит колокол Ивана Великого, выяснилось, что уравнение со многими неизвестными не решено, что у гиганта, белого колосса, нет стального стержня - спинного хребта, а за приливом побед у Курска и Орла начался отлив - драма в Новороссийске.

Благороднейшие, героические облики последующих вождей так не походили на Корнилова - с его складом ума и воли, столь нужными послереволюционной России.

О! Он, Корнилов, не считался бы ни с чем, что стояло на дороге к счастью и восстановлению России: ни прошлое, ни чины, ни ордена, ни титулы и положение, ни федеративная кукольная политика Кубанских демократов, ни реакционные стремления русских помещиков - ничто не ослабило бы натянутую тетиву с направленной на коммунистическую Москву стрелю Корнилова; как огромным молотом, раздавил бы он своей громадной волей и "щуплаго" самостийника, и спекулирующих на крови героев тыла, и "взыскивающего свое", секущего крестьян помещика, и работающего в подполье эс-эра, и бандита Махна...

Железо и кровь... Военная диктатура... Смерть за измену Родине... Быть может, потому и не долетела белая стрела до Москвы, что стержень волевой - Лавр Корнилов - был вырван из живого тела белого движения 31 марта 1918 года.

У Ленина-Ульянова было монгольское в крови... Черная месса коммунизма была угодна Судьбе - диктатура полу-восточного деспота полностью проведена над русским народом, но диктатура и воля ко злу, черная, сатанинская воля. Централизация власти и военного управления... Железо и кровь... Расстрел на месте и гибкая формула: "Контрреволюция, спекуляция и саботаж"... Сотни тысяч к расстрелу, но коммунистический интернационал спасен, и груды черепов, во сто крат превыше Чингиз-Хановской, увековечивает диктатуру Ленина.

"Белые" после долгих размышлений казнят Калабухова, но сотни тысяч своих же остаются обреченными на все ужасы Одесских, Новороссийских, Севастопольских и Киевских эвакуаций...

Удары железной перчатки коминтерна парируются бархатной, и солдаты и офицеры белой армии не слышат, чтобы расстреляли кого-нибудь захлебнувшегося в грабеже спекулянта...

Часто приходилось слышать из уст солдат и казаков:

- Эх, был бы Корнилов... Ну, Корнилов этого бы не позволил...

Простой народ чувствует правду "нутром".

Корнилов знал, чего он хочет, и умел желать: воля его не гнулась, она могла сломаться, как сталь, но лишь вместе с жизнью.

Корниловцы-походники помнят, как он не хотел уходить с фермы, находившейся в самом пекле артиллерийского ада, и наперекор почти всем советникам решил еще раз идти на штурм Екатеринодара. И каждому было ясно, что город будет взят - или Корнилова не будет.

Судьбе было угодно второе...

Корниловы родятся раз в сто лет. Напряжение их воли не знает предела и приводит лишь к двум путям: победе или смерти.

Не довелось генералу Корнилову донести гордо и высоко поднятое в шквалах революционного урагана трехцветное знамя до стен зубчатых Московского Кремля. Изорванное и окровавленное, трепетало оно на берегах Кубани, но борьба, начатая в Донских степях, продолжается...

Настанет день, когда незримые нити Корниловской воли приведут руки с трехцветным знаменем на стены древних святынь, и тогда в складках победного родного флага, как и в памяти народной, будет вечно жить неумирающая, светлая душа убиенного болярина воина Лавра, генерала Корнилова, первого диктатора, борца и мученика за Русскую Землю.

Виктор Ларионов.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МАРКОВ

ГЕНЕРАЛ МАРКОВ.

В ярко индивидуальной личности Маркова напел отражение пафос Добровольчества, свободный от темного налета напих внутренних немощей, от разъедающего влияния политической борьбы. Марков всецело и безраздельно принадлежит армии. Судьба позволила ему избежать политического омута, который засасывал других. Офицер, Доброволец, военный вождь — вот его призвание. Военная кафедра, штаб и, главным образом, боевое поле — вот арена его деятельности, источник его славы и предопределение его гибели.

Умевший честно подчиняться своему начальнику, не теряя инициативы, умевший властно приказывать своим подчиненным, Марков был один воплощенный порыв. Он никогда не нуждался в повторении приказа об атаке. Он наступал и преследовал со своим полком с удалью, с увлечением, не раз, как под Журавиным и Чарторийском, теряя связь со своей "Железной Дивизией", забираясь в тыл противнику, прославив себя и свой 13-й стрелковый полк. Но если Японская война и Мировая создали боевую репутацию Маркову, то Первый Кубанский поход облек его имя легендой. Кто из участников Первых походов может забыть так хорошо знакомую фигуру в белой папахе, в расстегнутой куртке, с нагайкой в руке!.. Фигуру, появляющуюся в опасных местах боя в наиболее критические минуты его и вносящую уверенность и подъем в ряды... Кто из Первопоходников не знает или не помнит Маркова в Ледяном походе — переправляющегося через полузамерзшую речку и с Добровольцами, обратившимися в ледяные фигуры, под градом пуль врывающегося в станицу Ново-Дмитриевскую!.. Маркова — в трагические дни штурма Екатеринодара поднимающего свои войска в атаку на артиллерийские казармы!.. Маркова — в дни смятения и упадка духа армии, потерявшей своего вождя, — бросающегося с нагайкой и бомбой в руке на большевистский бронированный поезд под Медведовской!..

Словно кусочек былинного эпоса, словно полотно старой батальной картины, когда не было еще умопомрачительной техники и личная доблесть решала участь сражений...

Догматизм и политическая нетерпимость были чужды Маркову. Конечно, его, как человека интеллигентного, не могли не занимать вопросы государственного бытия России. Но напрасно было бы искать в нем: определенной политической физиономии: никакой политический штамп к нему не подойдет. Он любил Родину и честно служил ей. Вот и все.

Так, в первое время революции, он записывает обрывки своих мыслей и впечатлений:

... "Говорили о событиях в Петрограде... Дай Бог успеха тем, кто действительно любит родину..."

"...Все ходят с одной лишь думой - что то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит у пропасти, хватит ли сил достигнуть противоположного берега?..."

"...Все то же, руки опускаются работать... Многое подлое ушло, но и всплыло много такого же... Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с нею - и Россию"...

Не политическая нетерпимость, а боль и скорбь за армию и за Россию слышатся в этих случайных и искренних строках.

Пока была надежда на восстановление власти Временным Правительством, он работал с ним лояльнейшим образом. Говорил, спорил, возражал, ругался, "ублажал", как он выражался, "полуграмотных в военном деле членов комитета" и "несведущих, фантазирующих, претендующих на особую роль - комиссаров"... Терял терпение, выходил иногда из себя и наживал врагов немало.

Потом, когда все надежды рухнули, не принимая фактического участия в Корниловском выступлении, совместно со своим главнокомандующим фронтом принял все же на себя моральную ответственность за выступление.

В результате - тюрьма: Бердичев и Быхов. Первый и Второй походы...

И когда в горячие минуты боя слышался его обычный приказ:

- Друзья, в атаку вперед! -

- то части, которыми он командовал, люди, которых он вел на подвиг и смерть, шли без колебаний и сомнений.

Их не смущали пресловутые "неясность и недоговоренность лозунгов". Они несли свои головы не за революцию и не за реакцию; не за "землю и волю" и не за "помещичью реставрацию"; не за "рабочий контроль" и не за "эксплуатацию капиталом"... Суровая и простая обстановка Первых походов и в воинах, и в вождях создавала такую же упрощенную, быть может, военную психологию Добровольчества, одним из ярких представителей которого был Марков:

- За Родину!

Д.

- - оОо - -

ОСНОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ.

15-го ноября (2-го по ст.ст.) 1917 года на Дон прибыл генерал М.В.Алексеев, начавший формирование новой русской армии, основанной на добровольческом принципе.

17-го декабря Добровольческой армии пришлось выступить против большевиков, подавив восстание в Ростове-на-Дону.

Колыбелью Добровольческой армии явился тихий Дон, сюда в казачьи земли собирались на зов ген.Алексеева и ген.Корнилова все, кто не потерял честь и хотел послужить Родине, и скоро Добровольческая армия открыто выступила против большевиков, покрыв себя в этой неравной борьбе неувядаемой славой. Одновременно на Дальнем Востоке зажегся другой маяк самоотверженной любви к России.

- - оОо - -

А. Долгополов

АДМИРАЛ
КОЛЧАК

АДМИРАЛ КОЛЧАК

"Корень зла в том, что русские никак не могут утвердиться на национальном принципе, ставя интересы партийные выше интересов своего народа. В этом отношении виноваты оба крыла: и левые, и правые. Всякая политическая борьба до тех пор, пока она не стоит на национальной почве и на программе освобождения России - вредна".

Из речи в Омске адм. Колчака 13-го ноября 1918 г., в бытность его военным министром Директории.

Род Колчака идет от турецкого паши Колчака (боснийца по происхождению). Севаский Турецкой армии в Молдавии был взят в плен войсками Миньха в 1739 году при сдаче крепости Хотина.

После окончания войны он поселился в Польше, а после раздела Польши в 1794 году его потомки переселились в Россию, где входили в состав Бугского казачьего войска.

Во время Крымской войны 1853-1856 г. при взятии Малахова кургана остатки защитников, решившие сражаться до последнего издыхания, укрылись в каменной "горже" (башне) кургана.

Окруженные врагами со всех сторон, расстреливаемые в упор артиллерией, отвергнувшие предложение сдаться - защитники башни яростно отбивались, пока не пал последний из них. Груды убитых французов свидетельствовали, что русские дорого продали свою жизнь.

Среди убитых союзники нашли семь человек живых - тяжело раненых. Среди них был Василий Колчак, кондуктор Черноморского флота. Сильный организм моряка победил, и при прекрасном уходе французских врачей Колчак выздоровел и провел плен на Принцевых островах вблизи Константинополя.

Вернувшись в Россию после войны, В. Колчак окончил Горный институт, был произведен в офицеры и занял должность горного инженера металлурга. Дослужил до чина генерал-майора, написал книгу "В плену", переведенную на французский язык. Сын его Александр родился в 1874 году на Обуховском сталелитейном заводе около С. Петербурга, где В. Колчак служил инженером-металлургом.

А. В. Колчак окончил вторым Морской корпус, в 1894 году был произведен в чин мичмана и на крейсере "Рюрик" ушел в плавание на Дальний Восток.

В 1896 году он служил на клипере "Крейсер" и после плавания на нем в 1899 году вернулся в Балтийское море.

Наука влекла его к себе. Ставши ученым гидрологом, он написал несколько статей. Его увлекала идея открытия Южного полюса и исследование Севера.

Летом 1899 года, увлекшись океанографией, он познакомился с адмиралом Макаровым, который оценил его работы и принял горячее участие в его судьбе.

В декабре 1899 года А. Колчак назначается на броненосец "Петропавловск", который уходит на Дальний Восток. Находясь в Средиземном море, А. Колчак принимает приглашение барона Толя, известного исследователя Севера, принять участие в его экспедиции в качестве гидролога. Два года экспедиция провела на севере, производя измерения, изучая природу, ведя гидрологические и метеорологические наблюдения.

Корабль экспедиции "Заря" был затерт льдами, и весной 1902 г. барон Толь решил продолжать путешествие пешком, взяв с собой трех человек. По сведениям, полученным от местных жителей, далеко на север от Ново-Сибирских островов находился неведомый остров.

"Заре" было дано задание отправиться на остров Бенета для пополнения запасов топлива и провианта, а членам экспедиции - вернуться в С.Петербург и доставить в Академию наук собранные коллекции.

На заседании академиков был сделан подробный доклад о результатах экспедиции. Всех тревожила судьба барона Толя.

А. Колчак поднял вопрос о снаряжении экспедиции для оказания помощи барону Толю и его спутникам. Несмотря на скептическое отношение академиков к предложенному плану, Колчак убедил их в практической выполнении этой экспедиции, предложив, что он берет за ее организацию. Академия согласилась, и Колчак помчался на Север.

После долгого путешествия до Усть-Янска, сбора людей, материалов и припасов, весной 1903 года Колчак вышел в океан на шлюпке с 6-ью спутниками и запасом провизии на три месяца. Это был трудный, утомительный и опасный поход. Шлюпка дошла до острова Бенета. Были найдены следы пребывания бар. Толя, была найдена запечатанная бутылка с указанием, где оставлены другие документы. Выяснилось, что барон Толь прибыл на о. Бенета летом 1902 года и осенью, когда уже наступила полярная ночь и 40-градусные морозы, двинулся на юг. Колчак на юге обнаружил, что склады провизии, оставленные для бар. Толя, были не тронуты, т.е. что он погиб, не дойдя до них.

После 42 дней плавания в Арктическом океане на шлюпке Колчак со всеми своими людьми вернулся к исходному пункту, около мыса Медвежьего на острове Котельников. Обратное путешествие было непрерывной борьбой со стихиями. Шлюпку затирали льды, заливало водой, люди замерзали, но неуклонно шли вперед. Колчак показал себя смелым и решительным исследователем, которого не остановили никакие препятствия и трудности.

Собранные им записки и наблюдения через несколько лет появились в печати под названием: "Льды Карского и Сибирских морей".*)

По прибытии в Якутск Колчак узнал о начавшейся войне с Японией и, как честный патриот, он по телеграфу запросил Академию Наук вернуть его в Морское министерство. Академия отказала. Телеграмма Великому Князю Константину Константиновичу возымела должное действие, и Колчак получил разрешение следовать на Дальний Восток. Сдав своим спутникам все дела экспедиции, коллекции и находки, Колчак отбыл в Иркутск, куда прибыли его отец и невеста. Обвенчавшись в

*) Американское Географическое О-ва издало этот труд на английском языке: "Problems of Polar Research", Special Publication # 7, N.Y. 1928.

Иркутске в марте 1904 года, Колчак на другой день отправился в Порт-Артур, а отец и молодая жена - в С.Петербург.

Явившись к адмиралу Макарову в Порт-Артуре, Колчак просил назначить его на боевую должность на миноносце. Адмирал Макаров, увидев измученного, изнуренного человека, решил, что ему надо поправиться и отдохнуть от перенесенных лишений, и назначил его на крейсер "Аскольд". Потом он был на минном заградителе "Амур" и командиром миноносца "Сердитый".

Организм, подорванный лишениями в течение нескольких лет в полярных экспедициях, не выдержал, и Колчак, измученный суставным ревматизмом, заболел воспалением легких. Не оправившись окончательно, он снова вернулся на миноносец и только силой воли заставил себя исполнять свои обязанности. Совершив ночную, опасную вылазку, Колчак расставил мины, на которых взорвался японский крейсер "Такасаго". За это дело он был награжден Георгиевским оружием.

Назначенный командовать батареей морских орудий, Колчак был ранен при сдаче Порт-Артура. Колчак едва мог ходить и был положен в госпиталь в Нагасаки. Раненые и больные русские офицеры, в воздаяние их героической защиты крепости, получили от японского правительства предложение пользоваться лечебными заведениями Японии или, если они хотят, вернуться в Россию БЕЗ ВСЯКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ. Все предпочли вернуться, и Колчак отправился через Канаду в С.Петербург, где он занялся приведением в порядок своих записок и трудов по двум полярным экспедициям.

После Японской войны горячие патриоты - молодые морские офицеры - начали организовывать кружки для возрождения флота. Морское начальство одобрило эту деятельность, и во всех портах образовались кружки морских офицеров, в которых разбирались военно-морские вопросы и вопросы реформы флота. С.Петербургский морской кружок был одним из самых активных; помощником председателя этого кружка был капитан 2-го ранга Колчак.

Весной 1906 года был учрежден Морской Генеральный Штаб, начальником организационно-тактического отдела которого был назначен Колчак. Окунувшись с головой в работу по воссозданию флота, Колчак явился одним из самых деятельных чинов Морского штаба. Члены вновь созданной Государственной Думы - штатские люди - скептически относились ко всем предложениям о военных и морских ассигновках. Группа морских офицеров получила разрешение морского министра выступать в печати и на общественных собраниях с докладами о необходимости создания сильного морского флота. Во главе этой группы стал А.В.Колчак. Своей искренностью, логичностью и последовательностью речи морского офицера, боевого георгиевского кавалера и ученого исследователя привлекали внимание членов Государственной Думы и общественности.

Отношение Думы и общества, под влиянием, главным образом, речей Колчака, изменилось, и все ассигнования на возрождение могучего русского флота были утверждены Государственной Думой. Продолжая заниматься проблемами Севера, разработав проект использования Великого Северного морского пути, Колчак предложил построить два корабля - Таймыр и Вайгач - которые могли бы выдерживать давление полярных льдов. Проект был принят. Корабли построены в С.Петербурге, и капитаны 2-го ранга Колчак и Матисен (спутник Колчака по заполярной экспедиции) были назначены их командирами.

Придя во Владивосток осенью 1910 года, корабли провели там остаток 1910 года; в начале 1911 года вели астрономические наблюдения на мысе Дежнева. Адмирал Григорович, назначенный морским министром, приказал Колчаку оставить экспедицию и вернуться в С.Петербург для работы в Главном Морском штабе. Назначенный начальником Балтийского оперативного отдела штаба, Колчак, полный энергии и энтузиазма, приступает к сложной работе разработки военных действий и обороны берегов Балтийского моря.

В 1912 году Колчак получает в командование миноносец "Уссуриец", затем "Пограничник". В 1914 году Колчак снова в морском штабе.

Началась 1-ая Мировая война. Все планы Колчака проводятся в жизнь. Мобилизация флота прошла в изумительном порядке. Все было готово, предусмотрено, каждый корабль имел свое предписание, знал свою задачу, место сбора, планы минных заграждений. Вход в Финский залив был загражден 8-ью рядами мин. За всю войну германский флот даже не пытался пройти в Финский залив.

Колчак, флаг-капитан оперативной части, сам руководил всеми операциями флота и лично участвовал в выполнении их. Не удовлетворяясь защитой берегов, Морской штаб отдает приказ минировать немецкие порты Данциг и Киль. Легкие миноносцы и старые тихоходные крейсера занимаются этой опасной работой в глубоком тылу противника. При малейшей оплошности гибель их несомненна. Капитан Колчак сам лично принимает участие в этих опасных и чрезвычайно важных операциях. Несколько немецких крейсеров, миноносцев, транспортов срываются на русских минах. Назначенный командиром защиты Рижского залива, Колчак с небольшими силами отбивает германский флот от Риги. Морская артиллерия отбивает атаки немецкой пехоты, высаживает десанты в немецком тылу, топит немецкие транспорты и т.д. За свой подвиг Колчак награждается орденом св.Георгия 4-й степени. На Пасху 1916 г. он производится в чин контр-адмирала.

Бросая свою минную дивизию для минирования входа в Рижский залив, пользуясь ледоколами, он выходит в море раньше германского флота и топит немецкие транспорты.

28-го июля 1916 года, произведенный в чин вице-адмирала, Колчак назначается командующим Черноморским флотом.

Наша Кавказская армия получала свои припасы и снаряжение морем. Быстроходные германские крейсера и подводные лодки причиняли неисчислимый вред нашим кораблям.

Найдя Черноморский флот в беспорядке, Колчак энергично принялся за чистку, и через несколько месяцев Черноморский флот перешел к активным боевым действиям, закрыв выход в Босфор неприятельским кораблям.

Пришла революция 1917 года. Дольше всех держался Черноморский флот, но агитаторы большевики сделали свое кановое дело. Начались убийства морских офицеров, отобрание оружия. Когда матросский комитет обратился к адмиралу Колчаку с требованием выдать свое оружие, разгневанный адмирал выбросил за борт свое Георгиевское оружие, сказав: "...не вы мне дали". Сдав командование флотом адмиралу Лукину, Колчак уехал в Петроград для доклада Временному Правительству. Описав преступные действия большевиков, полную негодность флота, адмирал Колчак требовал суровых мер, включая введение смертной казни за неисполнение боевых приказов.

Убедившись в полном нежелании Временного Правительства спасти армию и флот, адмирал Колчак с группой морских офицеров уезжает в Америку по приглашению американского правительства. В это время Американское морское министерство разрабатывает проект десанта в Дарданеллах.

Адмирал Колчак дает советы по операции десанта, и ему предлагают командование минной дивизией. Но адмирал Колчак заявляет, что он должен сначала ознакомиться с правилами, законами и положением американского флота. Колчак предпринимает несколько рейсов на кораблях американского флота. Видимо, ему не понравилось состояние американского флота, а происшедший в России большевистский переворот вызвал в нем желание быть поближе к России. Колчак уехал в Японию.

Считая победу над Германией необходимой для свержения большевиков, адмирал Колчак обратился с просьбой к Английскому правительству о принятии его на службу в английскую армию, хотя бы рядовым. Вскоре он получил извещение о его приеме в английскую армию и предписание отправиться на Месопотамский фронт. Но по дороге в Сингапур он получил предписание ехать в Пекин и поступить в распоряжение Российского посла кн. Кудашева. Посол посоветовал Колчаку создать Добровольческую армию на Дальнем Востоке, на подобие Добровольческой армии генералов Алексеева и Корнилова, для борьбы с большевиками.

Прибыв в Маньчжурию, адмирал Колчак нашел несколько вооруженных отрядов, но попытки их объединить окончились неудачей.

В это время борьба с большевиками на Юге России разгоралась, и Юг России был освобожден от большевиков. Адмирал решает ехать к генералу Алексееву. По дороге в Омск он получает предложение от Директории и Сибирского правительства встать во главе военного и морского министерства. Адмирал отказывается, ссылаясь на недостаточное знакомство с сухопутным ведением войны. Директория настаивает, и после долгих и настойчивых требований адмирал соглашается, считая своим долгом отдать все свои силы для возрождения Национальной России.

Во время поездки на фронт Директория, состоявшая, главным образом, из эс-эров, была свергнута, и совет министров предлагает Колчаку принять звание Верховного Правителя. Не желая отказываться от служения Родине, адмирал соглашается. Совет министров приказом от 18 ноября 1918 года объявляет:

"В виду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту власти в одних руках, — передать временное осуществление Верховной Государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование **ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ**".

Первый приказ адмирала:

"Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности".

Малочисленная Сибирская армия не смогла выдержать наступления огромных советских армий и, совершив беспрецедентный Сибирский Ледяной поход под командой легендарного генерала Каппеля, ушла на Восток.

Адмирал Колчак, задержанный в Иркутске чехами, был предательски выдан большевикам союзным командованием, по распоряжению французского генерала Жанена. По приговору революционного суда адмирал

Колчак был расстрелян 7-го февраля 1920 года в Иркутске, до дна испив горькую чашу службы России.

Чрезвычайно важно знать мнение об адмирале Колчаке его политического противника историка Мельгунова, который пишет в своей книге "Трагедия адмирала Колчака":

"Рыцарь подвига, безукоризненной моральной честности, брезгливо сторонившийся от интриг, бурно ненавидевший произвол... Идеалист... на фоне борьбы светлой и героической за восстановление России... Он был чище и идейнее других; глаженный темперамент, прямота и непосредственность, чарующие тонких, создавали и врагов...

"Колчака судил "революционный суд". Подсудимый во всех отношениях оказался выше своих судей. И с чувством какой-то глубокой обиды и поруганной личной чести перелистываем страницы допроса адмирала Колчака. Зачем его не судили только одни большевики? Зачем на эту позорную страницу занесены, помимо коммунистов, и имена представителей партии соц.-революционеров и соц.-демократов? Зачем в этой комедии суда, в этом недостойном зрелище в роли статистов, впрочем, не пассивных, выдвинуты демократы? Этого пятна не смоет никакая "объективная история". Такие вещи, действительно, не изглаживаются из исторической памяти".

Составил А.Долгополов.

Материалом для этой статьи автору послужили следующие труды:

Протокол допроса адм.А.В.Колчака (Архив русской революции, т.т. 9, 10, 13, 14, 15.

Мельгунов - "Трагедия адмирала А.Колчака".

Гине - Сибирь. Колчак и союзники.

Ген. Сахаров - "Белая Сибирь".

Белое Дело 4. Последняя Россия 2 Записки.

Военно-исторический Вестник №№ 14-15-16. Родословная Колчака, написанная покойным сыном Колчака.

М.И.Смирнов (адм.) Адмирал Колчак.

М.С.Стахович (лейт.) Полярная экспедиция лейт. А.В.Колчака.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ:

По причинам технического характера окончание помещенных в прошлом, 25-м номере нашего журнала статей - "Протокол" ген.И.Полякова и "В поход" М.Бореля - будут помещены в следующем, 27-м номере журнала.

- - оОо - -

О Т Е Ч Е С Т В О . . .

Часто приходится слышать недоумевающий вопрос: почему мы придаем столь большое значение походу Корнилова, выделяя его из всех других походов гражданской войны? Ведь этот поход начался, в сущности, с отступления и закончился неудачей и гибелью вождя, а в истории белого движения было немало блестящих страниц, заслуживающих, казалось бы, гораздо большего внимания.

Герои обыкновенно гибнут — такова уж их судьба, а в истории идейных движений не всегда успехи имеют самое важное значение. Напомню, что мусульманский мир ведет свое летоисчисление не от какой-либо из блестящих побед Ислама, а со дня бегства Магомета из Мекки в Медину.

Начав вооруженную борьбу с большевиками, Корнилов указал единственный возможный путь для свержения ненавистного ига. Для этой борьбы он сумел соединить под своим знаменем людей самых разнообразных политических убеждений и воодушевить их одной общей идеей — в этом великое значение его и его похода. А потому Ростов и Екатеринодар навсегда останутся Меккой и Мединой белого движения, независимо от того, суждено ли нам вкось увидеть Родину или наше поколение вымрет на чужбине, а последнее становится все более вероятным с тех пор, как мы сложили оружие перед большевиками и занялись своим излюбленным делом — междуусобной грызней.

Часто приходится слышать, что белое движение не имело успеха, потому что его лозунги были неопределенны и непонятны. Это ложь и лицемерие: подняв наше старое трехцветное знамя, Корнилов и те, кто с честью носили это знамя после него, обещали — ОТЕЧЕСТВО!

Если это понятие не может объединить нас, то что же способно это сделать?

Если с натяжкой еще можно допустить, что в 1918 году были люди, не отдававшие себе отчета в великом значении этого слова, то теперь, когда одни испытали всю горечь изгнания, а другие, хотя и живут на земле отцов, но тоже лишены отечества, потому что СССР ни для кого не может, да и не хочет быть отечеством, неужели еще есть не понимающие?

Опомнитесь, русские люди! Какие вам еще нужны лозунги?!

Ген. Б.Казанович.

- - ооо - -

ЗА ЧЕСТЬ РОДИНЫ.

Сорок шесть лет тому назад в кровавом тумане рухнула Великая Империя. Россия потонула во мраке, который покрыл не только министерские палаты, но и царские покои.

Армия - защитница самого бытия Государства - дрогнула, и печально склонились ее знамена, в складках которых жила легендарная слава.

Глава бездарного и преступного Временного правительства покрыл себя величайшим позором, заточив в Быховскую тюрьму славных руководителей Армии, ведших ее от победы к победе - Главнокомандующего, командующих армиями, корпусами, дивизиями - за то, что они хотели спасти Армию и Россию от разложения и анархии. Жертвы небывалого в военной истории всех времен и народов предательства в отношении верховных руководителей Армии томились в Быховском заточении, ожидая Шемякина суда.

Казалось, что возмущенный голос народной совести заставит весь мир обратить свои взоры туда, где начали господствовать бездонное горе, пожараща, грабежи, насилие и смерть. Мир преступно не хотел понимать нашей трагедии, а наши вчерашние союзники шли еще дальше в своих преступлениях против России - своего верного союзника, который не раз спасал их. Но Господь указал иной путь Быховским узникам - там в заточении и родилась величайшая идея XX века - борьбы с коммунизмом. Многим узникам удалось спастись и пробраться на Дон - Корнилову, Деникину, Маркову. Там, на казачьей земле, уже совещался с Атаманом Калединым бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген.Алексеев, и тогда же возникла мысль о борьбе с оружием в руках.

И в те тяжелые, полные трагизма дни трусости и тупой подавленности прозвучал голос бывшего Верховного Главнокомандующего, не любившего громких слов и длинных фраз - голос генерала Лавра Корнилова:

- О т е ч е с т в о г и б н е т ! . . .

За Россию звал он, за честь и достоинство ее, за сохранение величайших ценностей - Веры, Духа и Морали, за единое целое, принадлежащее единой и целой нации без исключений, без различия крови, языка и происхождения, классов и партий, не за "социалистическую" или "республиканскую" или только "дворянско-монархическую", доступ-

ную только для "нужных" одной партии и закрытую для "ненужных и лишних"... Вся Россия для всех россиян.

Имя Корнилова пронеслось огненным метеором и увлекло, потянуло молодые сердца на жертвенник чести! Безоружными устремлялась молодежь на Дон - юнкера, мальчики кадеты, студенты и гимназисты, семинаристы, сестры милосердия, курсистки, юные девушки и все, кто помнил о своем долге перед Родиной - воины и интеллигенты, рабочие и земледельцы, прапорщики и генералы.

Светоч среди тьмы, объявшей Россию, был зажжен, и в степях Кубани и Дона возникла борьба - борьба святого Креста против красной звезды.

Через несколько месяцев из Румынии пришел ген. Дроздовский, через полгода началась борьба на Востоке, затем движение перебросилось на север в г. Архангельск, а через год начал создаваться четвертый Белый фронт в гор. Пскове, и позже борьба против коммунистов велась во всех неисчислимых походах, восстаниях русских рабочих, крестьян, матросов, в ссылках на советской каторге, а позже и в рядах красной армии. Русская честь была спасена и омыта кровью и героизмом белого добровольца.

Четыре года истекли кровью юные герои в неравных боях с красными полчищами. Господь не даровал победы Белым - покончил сам с собою Атаман Каледин, скончался, не выдержав похода, ген. Алексеев, пали в бою генералы Корнилов и Марков, скончался от ран ген. Дроздовский. В Сибири пал преданный "союзниками" рыцарь долга и чести адмирал Колчак, не выдержал тяжести похода ген. Каппель. В изгнании - на посту погибли генералы Врангель, Кутепов и Миллер. Скончались в тяжелых раздумьях о судьбах Родины маститый ген. Деникин и атаман Богаевский.

Каково же было отношение мировой политики, что делали наши "союзники", когда стало очевидным, что зло, против которого начал борьбу Корнилов, не только наше узко национальное, а, наоборот, начинает распространяться и заражать весь мир. Так называемый "Свободный мир" не только не оценил значения Белой Борьбы, а даже с наивным восторгом стал на сторону кровавой революции, а позже, в заграничных салонах, его руководители "обнимались" с коммунистами и по сегодняшний день стараются не замечать всех их преступлений не только в России, но и повсюду.

Но пройдут годы лихолетия и безумия, и все останется позади в воспоминаниях, и вспомнят все: и жесточайших палачей, временно засевших в Кремле, и их Красную армию, и солдата ее русского, русскою гранатой сразившего великого Корнилова; вспомнят русские люди Суворова, Румянцева, Потемкина, Кутузова, Нахимова и Корнилова - примеры жертвенности, храбрости и преданности Родине и присяге, жизнь свою положивших за каждую пядь Русской земли. Белые Вожди и их юные добровольцы сделаются некогда прекрасной легендой, они будут символом национального возрождения России - России новой, но уже иной, зрелой, созревшей и очистившейся в огне страданий и стихии революционного безумия. И никаким "вождям" уже никогда не удастся уничтожить ее историческую ценность.

Стыдно ли Корниловцам - Белым воинам за эти 46 лет? Раскаиваемся ли мы в том, что пошли прямым русским, не извилистым путем, храним свято Белую идею, незапятнанными знамена, нашей кровью обогранные, и не захлебнулись в политических спорах?

Сегодня уже мы слышим, что там, на Родине, под красной шинелью бьется русское сердце, жива душа русская, народ не потерял ее и не стал "советским" безбожником. Только через страдания, унижения и безмолвие, как из мук Христа, воскреснет Правда, и эта правда спасет Россию.

Россия будет спасена самоотвержением и подвигами людей, в душе которых не заглохли старые заветы: - "Помни, что ты принадлежишь не партии, а России!"

Слава России вечной, тем, кто и поныне носит в сердце своем образ ее, и Вечная Память тем, кто за славу и честь ее отдал свою жизнь.

Г. Головань.

- - ооо - -

...В муках рождалась на свет Добровольческая армия, в суровой жизненной школе закалялось упорство и твердость первых ее борцов. Была и человеческая накипь, быть может, и очень много, но ей не заслонить светлую идею и подвиг добровольчества.

Ген. Деникин (Очерки Русской Смуты, т. 2, стр. 139)

Это началось с того страшного дня, когда в серых октябрьских сумерках кмурого Петрограда поднялся красный смерч людского безумия и, закружившись в дикой пляске на окровавленной панели Невского, понесся по большакам и проселкам русской земли.

Багрово-черным туманом затянулись необъятные дали, и в провалах встревоженной тьмы исчезло все светло-разумное, имя которому - Человек.

Но среди давящей мглы тоски и отчаяния там, где-то далеко, на берегах тихого Дона, вспыхнул маленький огонек. Сначала робко, клонящийся пламенем, потом все сильнее и сильнее и, наконец, властно прорезав тревожную мглу, запылал разгоревшимся заревом.

И потянулось к нему все лучшее, сильное, смелое, гордое...

Это лучшее оказалось маленькой горстью людей, готовых каждую минуту быть погребенными под обломками красной стихии. Но тверды были ряды их и, горя лучшими стремлениями, скованные железной волей и рыцарской верностью к поруганной чести России, они смело бросили вызов захватчикам русской земли.

Изнаненные, плохо одетые, почти безоружные, окруженные притаившейся злобой и темным предательством, они двинулись в страшную неизвестность, навстречу неизмеримым страданиям и жуткому призраку смерти.

Как-то тревожно становилось за эту горсть... И часто казалось, что, скрывшись где-нибудь в темном провале зловещей ночи, она исчезнет бесследно, навсегда...

Но из далеких глубин потемневших степей, из мглы Ледяного Похода, за порывами злобного ветра неслись бодрые звуки молодых голосов, и лишь одинокие черные кресты да насыпи братских могил -

(См. окончание на стр. 32)

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ВРАНГЕЛЬ**

А.С.Олехнович.

КО ДНЮ 35-ЛЕТИЯ КОНЧИНЫ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛА БАРОНА ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА
В Р А Н Г Е Л Я.
(1928 - 1963)

При довольно загадочной обстановке, в Бельгии, 25-го апреля 1928 года, в расцвете своих сил, внезапно скончался один из выдающихся генералов Императорской Армии барон Петр Николаевич Врангель. Бывший в начале первой Мировой войны (1914-1918 гг.) Верховный Главнокомандующий Е.И.В. Великий Князь Николай Николаевич такими словами отметил кончину генерала Врангеля:

"25-го апреля 1928 года волею Божией скончался горячо любимый и высокочтимый соратниками Главнокомандующий Русской Армией барон Петр Николаевич Врангель. Глубоко скорблю со всеми о столь безвременной и тяжелой утрате. Мир его праху и вечная память".

В Великую войну барон Врангель начал свое славное боевое поприще геройской атакой во главе 3-го эскадрона Конной Гвардии, взявши в конном строю действующую батарею. Затем блестяще командовал кавалерийскими частями до корпуса включительно. В гражданскую войну, командуя различными частями Добровольческой Армии, он одержал ряд славных побед. С назначением Главнокомандующим Добровольческой Армии вселил в нее дух, давший ей возможность вести долгую, тяжелую борьбу с превосходными силами врагов. После беспримерной эвакуации Крыма, генерал барон Врангель на чужбине, при самых тяжелых обстоятельствах, сохранил кадры доблестных частей Армии.

Благодарное чувство к заслугам горячо любимого Главнокомандующего барона Врангеля будет вечно жить в сердцах его соратников и всех русских людей.

Преемник почившего генерала Врангеля по Обще-Воинскому Союзу генерал А.П.Кутепов 3-го мая 1928 года писал: "Умер генерал Врангель. Перед свежесыпанной могилой мы не можем еще достаточно понять и оценить то, что мы потеряли в его лице. Утрата эта - невознаграждима. Что он сделал, оценит История..."

Отношение зарубежной свободной России к смерти генерала Врангеля показывает, как высоко ценили его лично, а также Армию и офицерство, которое он с таким достоинством представлял. Генерал Врангель до последней минуты горел мыслью - ссхранить зарубежное воинство до светлого дня возвращения в освобожденную Россию. Этот завет он оставил всем русским людям. С верою в Россию, в память генерала Врангеля, мы должны исполнить его завет и довести его дело до конца.

Время есть лучший оценщик людей и событий: оно возвеличивает одних исторических деятелей и развенчивает других. Среди них имя генерала Врангеля занимает исключительное положение. Он обладал выдающимися общими и особенно военными дарованиями, из коих самым блестящим был присущий ему талант вождя. Это был государственно мыслящий вождь, который умел вести за собой людей. Ему дана была способность повелевать и увлекать за собой подчиненных, он обладал особой, Божией милостью, властью, ибо вождями люди рождаются, но не делаются. Генерал Врангель умел воспламенять сердца молодого поколения: один его вид и, особенно, звук его властного голоса приводил в трепетный восторг юных воинов, ставших под его водительство. Армия верила своему Главнокомандующему. После Новороссийской катастрофы только генерал Врангель смог сплотить, ободрить, укрепить Крымскую армию, влить в нее новый дух после пережитого кризиса.

Армия генерала Врангеля, движимая сознанием, что борьба с безбожной большевицкой властью является священным долгом каждого воина, не потерявшего веры в Бога и любви к правде и свободе, не стала рассуждать, в состоянии ли она одолеть противостоящие большевистские полчища, превосходившие ее числом и вооружением, а пошла без колебаний на свой великий подвиг, проявляя чудеса терпения, мужества и храбрости...

Чтобы охарактеризовать ярче личность барона П.Н.Врангеля, я упомяну только о некоторых его, ставших историческими, заявлениях и приказах. Отвечая на предложение Военного Сопещения в г.Севастополе стать во главе армии 22-го марта 1920 года, генерал Врангель заявил:

"Я делил с Армией славу побед и не могу отказаться испытать с ней чашу унижения. Черная сила в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего", - причем в приказе о вступлении в должность генерал Врангель пишет: "Приказом 22 марта за № 2899 я назначен генералом Деникиным его преемником. В глубоком сознании ответственности перед Родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России. Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения. Призываю верных чинов России напроць все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победу и часы невзгод, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье. В этом залог нашего успеха. С верой в помощь Божию приступим к работе".

Армия и флот доблестно выполнили до конца пожелания своего любимого Главнокомандующего.

Приказ, отданный генералом Врангелем перед эвакуацией Крыма 28-го октября 1920 г., гласил:

"Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существовало право и порядок. В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности. По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма тех, кто разделял с армией ее крестный путь: военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и тех отдельных лиц, которым могла бы грозить гибель в случае прихода врага. Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые суда для ее

эвакуации также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Открыто, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разум одолеть и пережить русское лихолетье".

Великий исход Русской Армии из Крыма под руководством генерала Врангеля составит одну из славных страниц нашей истории. Спасая свою Армию, генерал Врангель спас нашу воинскую славу, нашу национальную честь и, особенно, нравственное достоинство Русского Народа. Было нечто величественное и трагическое в появлении Русской Армии в водах Босфора, что многим напомнило историческое описание походов наших предков-славян на Константинополь. Эта картина невольно привлекла к себе взоры всего мира... Бережно хранил генерал Врангель вывезенную из Крыма армию и флот, ведя тяжелую борьбу за ее существование с нашими бывшими союзниками, в надежде снова повести ее на освобождение России от узурпаторской безбожной власти, но Бог не судил, однако, ему дожить до этого светлого дня.

Вечная ему память!

А.С.Олехнович.

- - оОо - -

(Окончание со стр.29)

без слов говорили о их великом тернистом пути.

Пройдут года. Завершится на гигантском пространстве событий кровавая кривая нашего времени, а Россия, медленно и неуклонно следуя закону истории, неизбежно выйдет на большак великих народов и широким могучим шагом пойдет навстречу своему великому обновлению.

И как бы ни изменились люди в своих взглядах, убеждениях, как бы ни были сильны течения непримиримых взаимоотношений, эти рыцари оскорбленной России навсегда останутся светлым сказанием в страшной книге Бытия.

- - оОо - -

ПОПРАВКА.

Внимание!

В предыдущем, 25-м номере журнала в статье "350", посвященной Династии Романовых, по недосмотру была допущена грубая ошибка: на странице 5-й строки 32-ю и дальше следует читать:

"По статистическим данным социалистов-революционеров за период от 1825 года (Имп.Николай 1-й) по 1916 г. (Имп.Николай 2-й)... " и т.д. Ошибочно было напечатано "по 1896 г."

- - оОо - -

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ДЕНИКИН**

А.Щербаков.

К НАШЕЙ ГОДОВШИНЕ.

Срок не малый - 46 лет, а в памяти многих так живо встают еще эпизоды 1-го Кубанского похода.

Сырость, грязь, дождь, снег, мороз, утомительные переходы, полуголодные стоянки, рваные сапоги, грязное белье, табачный голод - все это пустяки. В боевой обстановке ко всему этому мы довольно быстро привыкли, как привыкли быть в "кольце огня", в окружении. В походе Добровольческая армия описала восьмерку, а в центре ее был Екатеринодар и прилегающая к нему опытная ферма на правом берегу Кубани.

Сменой главнокомандующих в самый критический момент похода Добровольческой армии

решалась судьба всего антибольшевистского движения на юге России.

Трагические дни под Екатеринодаром... Батарея наша стояла впереди фермы; мы лежали у пустых зарядных ящиков и наблюдали обстрел штаба. Недолеты были в нашу пользу.

Берегом проходил со своими частями генерал Марков. Несколько наших офицеров попросили разрешения присоединиться к отряду, ибо на батарее нам делать было нечего - патронов для стрельбы не было. Дали нам тащить пулемет гвардейской роты. За кожевненным заводом продвигались медленно, со двора на двор. Противник держал нас под сильным артиллерийским обстрелом. Жителей в домах не было. Достали хлеб, молоко, яйца, сало. Гвардейцы были любезны и угощали табаком. Ждали сигнала к атаке артиллерийских казарм...

Пришел генерал Марков и дал направление:

- Главное - скорее к валу!

Офицеры спокойны, улыбаются, кое-кто снимает шинели - так легче бежать...

Атака... Впереди генерал Марков. Его белая папаха летит в воздух, он что-то кричит; оглушительная пальба пулеметов, бомбометов, беглый огонь большевистских батарей...

Эта атака так просто и ярко описана генералом Деникиным:

"Ожило поле, поднялись добровольцы, и все живое бросилось к смертоносному валу - храбрые и робкие - падая, поднимаясь, оставляя за собой на взрыхленном снарядами поле, на камнях мостовой судорожно подергивавшиеся и неотменно неподвижные тела"...

Добежавши до вала, я оглянулся назад: на мостовой ползли и лежали кучками серые шинели... Шагах в десяти от себя я увидел, как с земли поднимается с револьвером в руке матрос... Выстрелил раньше, чем он... Матрос упал на спину и выпустил из рук наган. Матросы умели драться, умели и умирать...

Большевики опомнились и вновь открыли ураганный артиллерийский огонь. Все укрылись - кто за деревья, кто за стеной. Из угла казарм время от времени скромно строчил наш пулемет. Ждали контр-атаку красных. Подполз офицер моей батареи, прапорщик Ковтунов, дал мне винтовку и две обсымы... Я спрятал свой браунинг, подарил Ковтунову матросский наган, а сам не без удовольствия зарядил винтовку. Она была легкая, кавалерийского образца, служила мне потом в походе, и я ее бросил за борт транспорта "Дон" на Босфорском проливе...

Генерал Марков и офицеры знали, что их встретят ураганом свинца; успех атаки пулеметов, расположенных за валом, мог быть сомнительным, и, казалось, безрассудно посылать Добровольцев на верную смерть... Какие нужно было иметь войска, чтобы решиться на подобный штурм!..

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы - русские солдаты...

Так было в песнях, так было и в бою...

Но вот вражеская граната нашла того, кого она так долго искала на ферме... Генерал Корнилов убит... Отход от Екатеринодара... К закату дня батарея в походной колонне подтянулась к ферме. Недалеко от нас расположился штаб... Впереди увидели генерала Деникина; он был в штатском пальто, на голое папахе. К нам подошел полковник П. и сообщил последние "штабные новости":

- Снарядов и патронов нет!

Все это мы и без него давно знали, но эта "новость" теперь еще больше понизила настроение. Раненых оставляют в станице Елизаветинской... В словах и репликах отдельных офицеров слышится просто паника, откровенно обсуждаются меры, как спастись: проникнуть в предместье города, постараться смешаться с большевиками... на лодке спуститься по Кубани и скрываться временно в камышах... образовать небольшие конные отряды и вырваться из "кольца"...

Во всех этих скороспелых проектах была одна общая мысль: со смертью генерала Корнилова армия погибнет, и нужно самим думать о своем спасении...

Колония Гначбау -- скученный артиллерийский обстрел, настроение отвратительное, паника, ползут темные слухи о том, что штаб бросает армию, нужно распыляться, нужно самим спастись...

Вчера еще части, блестяще атакующие пулеметные укрепленные позиции противника, сегодня, со смертью генерала Корнилова, обратились в толпу серых шикелей. Генерал Деникин вступил в командование панически настроенной, морально дезорганизованной войсковой массой.

Прошло всего несколько дней, и он спас Добровольцев помимо их воли. В станице Ильинской генерал Деникин уже командовал войсковыми частями.

Чем объяснить эти контрасты? Эти быстрые переходы от красоты душевного подвига и пренебрежения смертью к паническим и животным - эгоистическим настроениям толпы, где душевный подъем сменяется диким страхом смерти?! Успех командования не всем доступен и имеет свою тайну...

Генерал Корнилов начал 1-й Кубанский поход, генерал Деникин благополучно его закончил и спас кадры Добровольческой армии для

новой борьбы с большевиками на юге России.

Мы все помним "Учредительное Собрание" первопоходников в Галлиполийском лагере. Собралось до 1000 человек - это все, что осталось в строю от участников 1-го Кубанского похода. Собрание единодушно постановило приветствовать генерала Деникина. В эпоху кровавых боев на юге России он вел нас, в рассеянии - воскресил память о Добровольческой эпохее, о живых и мертвых, своими "Очерками Русской слуты".

Сорок шесть лет тому назад добровольцы начали свою борьбу с верой, что угар пройдет и русский народ сбросит с себя большевистское навождение. Без этой веры нельзя было бороться, не стоило бы жить.

"Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы, и деды наши. Воля русского народа есть воля тысячелетнего народа, который через Владимира Святого принял христианство, который собирал Россию при Великих Князьях Московских, который нашел выход из смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников и чтит их, создал великое государство и культуру, великую русскую литературу" *).

Нужно было немало лет, чтобы наши думы и мысли нашли отклик на родных полях и нивах. Русский народ, шаг за шагом избавляясь от большевистского навождения, вновь обрел родину, стремится к порядку, к здоровым основам семейной жизни и народного труда. Власть не в силах остановить стихийное стремление русских творческих сил к утверждению национального государственного бытия. И в борьбе этой - падет!

Верим, что судьба приведет еще нас приложить свои силы к свержению большевистской власти и к строительству новой России. Верим, что родина вспомнит с благодарностью тех, кто в смутные годы оставался ей верен.

А.Щербаков.

*) Н.Бердяев - "Новое средневековье".

- - оОо - -

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Дон. Конец 1917 года. Только что положено начало организации Добровольческой армии.

Офицеры, юнкера, кадеты, молодежь других учебных заведений, нередко и дети с разных концов России стремятся на юг. Многие из них гибнут в пути от руки большевиков, часть добирается до Новочеркасска и счастливая, вырвавшись на свободу, поступает в Добровольческую армию.

Почти все офицеры на положении рядовых, рядом с юнкерами и юношами сражаются наравне со всеми в ее рядах. Нет наград, нет производств. Нет места честолюбию.

(см. стр.40)

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ДРОЗДОВСКИЙ

Н.Неводовский.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ.

Добровольческая Армия 9-го февраля 1918 года пошла напролом в неизвестное в ПЕРВЫЙ ПОХОД.

Поход. Окружение. Каждодневные бои. Трагедия раненых. Гибель Корнилова. Вывод армии из большевицкого кольца генералом Деникиным. "Светоч" разгорается. Открываются широкие пути и перспективы.

В конце "восьмерки", описанной Добровольческой армией, покойный начальник штаба ее ген. Романовский говорил:

"Два месяца назад мы проходили это же место, начиная поход. Когда мы были сильнее - тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла нас отчаянно в своей чертовой ступе и не истолкла; закалилось лишь терпение и воля; и вот эта сопротивляемость, которая не поддается никаким ударам"...

Первый поход создал внутренний облик Добровольца.

Одновременно с Добровольцами уходили из Новочеркасска донские казаки. Часть их присоединилась к Добровольческой армии, другая - отряд под водительством походного атамана ген. Попова, силою в 1500 бойцов - ушла в Сальские степи. Дон еще болел непротивлением залившей его красной волне и подчинился неволе. Партизаны - не могли и не хотели. Присоединение Степного отряда к Добровольческой армии, в особенности ввиду ее бедности в коннице, значительно усилило бы ее возможности. Но... психологически слишком трудно было партизанам ген. Попова покинуть свой родной Дон. Они верили, что наваждение скоро пройдет. Присутствие на Дону Степного отряда способствовало подъему казачества и повстанческому движению в области. Степной отряд стал носителем идеи свободы, хранителем "атаманского пернача", призывал к борьбе и организовывал ее.

В конце апреля ген. Попов, объединив донские ополчения, с тяжелым боем брал Новочеркасск, получив нежданную поддержку от неведомого отряда, как с неба свалившегося - отряда полк. Дроздовского... Я имел честь первым из Дроздовцев представиться походному атаману Попову и доложить ему, что наш отряд прибыл из Румынии и рад немедленно поспешить на помощь Новочеркасску.

Поход Дроздовского отряда мне лично, как участнику его, особенно близок, и потому я позволю себе остановиться на некоторых деталях.

Офицерский корпус Румынского фронта усумнился в целесообразности нашего начинания и в возможности успеха, чем и можно объяснить то малое количество - около 1000 - людей, что вышли в поход. Но те, которые пошли, верили вождю, верили в его честный патриотический порыв. Верили, шли и подчинялись добровольно, ибо тогда никто не принуждал и не мог принудить поступать в отряд.

Мне невольно приходит на память одна сценка, характеризующая отношение покойного ген. Дроздовского к тем, кто пошли за ним...

Во время похода, вернее под конец его, в бою под Ростовом, когда наш отряд, отвлекая от Новочеркасска большевицкие силы, понес тяжкие потери в неравной борьбе, его с превеликими трудностями удалось оттянуть в деревню Мокрый-Чалтырь. Остановились мы в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский - этот сильный духом человек - опустил голову, и слезы потекли из его глаз.

Я видел слезы и других воинов... Помню, как впоследствии, на банкете по случаю взятия Ставрополя, прослезился другой сильный духом человек - ген. Романовский, прослушав речь ген. Деникина... И когда я подошел чокнуться с ним за эти дорогие слезы, он сказал:

- Это - слабость...

- Не слабость, а сила, - ответил я.

Так и слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но Ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром, в лучшем смысле этого слова. Проявляя лично презрение к смерти, он жалел и берег своих людей. И кончил, играя сам со смертью, впоследствии тяжелым ранением, стоившим ему жизни...

Не могу не вспомнить и другой эпизод - присоединение нашего отряда к Добровольческой армии в станице Мечетинской... Мы пришли на смену бригаде ген. Маркова. Нас встретили в строю части ген. Боровского. Встретили генералы Алексеев, Деникин, Романовский...

Радостно и жутко было нам. Радостно потому, что мечта наша исполнилась; жутко потому, что многому еще в технике гражданской войны надо было поучиться у старшего брата - Добровольца Кубанского похода. Мы - чистенькие, пришедшие в Новочеркасске, отдохнувшие; они - утомленные непрерывными боями, со смешанным чувством радости и любопытства вззирающие на нас...

Генерал Алексеев, снявши папаху, земно поклонился нам со словами:

- Мы думали, что мы одиноки... Но вот, там в далеких Яссах билось русское сердце с нашим в унисон. Вы пришли и вдохнули в нас новую силу...

Не будет нескромностью сказать, что "Дрозды", как нас стали называть, быстро завоевали и любовь, и уважение старших братьев.

Три похода - тождественные во времени, различные по тяжести тех условий, в которых они протекали, но родственные по духу. По духу Добровольчества. Если земли южных казаков были нашей реальной базой, то Первые походы стали нашей моральной базой. Они создали боевой облик, боевую традицию и внутреннюю спайку Добровольцев. Они свидетельствовали о фактической, не словесной только, их непримиримости, о бескорыстном служении родине. Они наглядно доказали, что можно бороться и побеждать при огромном неравенстве сил и при исключительно трудной, казавшейся иногда безвыходной, обстановке. Они подняли настроение казачьих земель. Они, облеченные легендой, привлекали в ряды противобольшевицких армий все новые и новые пополнения. Они дали первый толчок тому движению, которое первые 6000 воинов превратили в 200 тысяч, которое от Ростова и Новочеркасска дошло до Орла.

Но Первопоходники никогда не считали себя кастой или "отбором". Они не расценивают доблести по срокам поступления в армии, хорошо зная, что "молодые" не раз соперничали в доблести со "старыми", и что общими трудами и общей кровью они служили общему делу. И если сердце ген. Деникина билось сильнее при встрече с первыми своими соратниками, то при ответственных назначениях тогда, во время борьбы, он делал выбор не по сердцу, а по способностям.

Первопоходники чтут свое прошлое и гордятся им. Это - единственная их привилегия, их неотъемлемое право.

Как-то, отвечая "Иванам Непомятым", ген. Деникин сказал:

- Если у нас отнять наше "Добровольчество", если поставить крест на самые славные страницы борьбы, то много ли останется от прошлого... Но этого не будет, ибо никто и ничто не в силах зачеркнуть нашей яркой были.

Спасибо ему за доброе слово. Союз Добровольцев чтит идею "Добровольчества". Само это слово нас обязывает. Добровольно шли мы в Первые походы; добровольно дрались в позднейших боях; добровольно пойдем вновь на любую жертву, которая понадобится России. Пойдем просто, без громких фраз и демагогических выкриков, без ненужных посулов и обещаний.

В чем да поможет нам Бог.

Н.Неводовский.

- - оОо - -

ЗНАЧЕНИЕ СТЕПНОГО ПОХОДА.

Еще до заключения позорного для России Брест-Литовского мира в разных казачьих областях, и в особенности на Дону, стали зарождаться очаги русской национальной армии, для защиты права и порядка на Руси и борьбы с внутренними и внешними врагами.

Многие из тех, кто оставались верными интересам России и ее союзников, устремились на Дон. На Дон прибыли и генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Романовский, Марков и др. Донской атаман генерал А.М.Каледин, будучи донским казаком и русским патриотом, всячески шел навстречу командованию Добровольческой армии.

Русский народ и казачество, утомленные почти 4-летней войной и разлагаемые коммунистической пропагандой, в массе не откликнулись на призыв генералов Алексеева, Корнилова и Каледина.

Коммунистическое кольцо вокруг Ростова и Новочеркасска все суживалось. Генерал Каледин застрелился. Пост Донского атамана занял генерал Назаров, а походным атаманом стал генерал П.Х.Попов.

Добровольцы и донские партизаны не выдержали неравной борьбы.

10 февраля в Донском Епархиальном училище штабом походного атамана было созвано совещание начальников войсковых частей, стоящих в Новочеркасске, и ряда отдельных офицеров, проживающих в городе, которым было освещено положение и сообщено, что 12 февраля город будет оставлен. Начальствующим было предложено поставить в известность своих подчиненных, чтобы те, кто не желает оставаться под властью большевиков, имели бы возможность покинуть город с партизанскими отрядами.

Такой порядок осведомления гарнизона и тех, кому следовало знать о скором оставлении города, своевременно дошел до них. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что пишущий эти строки, будучи одним из чинов Осведомительного отделения штаба походного атамана, получил донесения агентов, что уже 11-го февраля в разных войсковых частях и семьях обсуждался вопрос о том, остаться ли им в городе или уйти с партизанами; при этом нередко были случаи обсуждения этого вопроса на сотенных митингах. Было и другое свидетельство: значительная часть горожан, сочувствующих идее борьбы с большевиками, вышла на проводы оставляющих город.

Широкого оповещения населения города об оставлении его партизанами 12 февраля не было сделано и в силу того, чтобы не сеять паники и не дать возможности черни раньше времени выйти на улицу и помешать правильному отходу партизанских отрядов и относительно безболезненному оставлению города. Последнее было достигнуто, и те, кто не хотел оставаться под властью большевиков, ушли с партизанами в Донские степи.

Добровольческая армия 9 февраля оставила Ростов и через Аксайскую перепла в станицу Ольгинскую. Часть донских партизан с генералом Богаевским присоединилась к Добровольческой армии и в дальнейшем двинулась вместе с нею в 1-й Кубанский поход.

Как у Добровольцев, так и у степняков была одна цель - борьба с большевиками для освобождения России от их власти, для восстановления Российской армии и продолжения войны с немцами, но у Добровольческого командования на этот счет были одни планы, а у Донского - другие. Кто из них прав - скажет история.

Донские партизанские отряды с атаманом Поповым, оставив Новочеркасск, получили наименование "Отряд Вольных Донских Казаков".

В настоящее время те, кому это выгодно, в этом наименовании, как и в том, что Добровольцы и Донские партизаны пошли в разных направлениях, стараются усмотреть самостоятельную тенденцию Донских партизанских отрядов, что, конечно, является извращением истинного положения. В это наименование был вложен тот смысл, что казаки, входящие в отряд, не покорились большевикам, не признали их за законную государственную власть и остались вольными, свободными и независимыми от этой власти. При этом нужно отметить, что в партизанские отряды принимались все желающие в них служить не по признаку партийному или национальному, а по признаку отношения их к большевикам.

Не пошли Донские партизаны с Добровольческой армией на Кубань не потому, что не разделяли ее политической программы или конечной цели, а потому, что походный атаман П.Х. Попов, будучи природным донским казаком, выросшим и воспитавшимся на Дону, за долгие года пребывания начальником Новочеркасского Казачьего Военного Училища, прекрасно знал донских казаков и их психологию и ни на минуту не сомневался в том, что проявленное казаками в последние месяцы непротивление злу и держание "нейтралитета" есть явление временное. Он глубоко верил в то, что казаки, после близкого соприкосновения с большевиками, несомненно восстанут против них. Он полагал, что Донским партизанским отрядам необходимо оставаться в пределах Войска для того, чтобы в нужный момент своевременно оказать восставшим необходимую помощь. Смысл необходимости пребывания Донских партизан в пределах Дона обуславливался еще тем, что наличие донских партизанских

отрядов на Донской земле сохраняло идею борьбы, придавало мужество донским казакам и побуждало их к восстаниям.

"Отряд Вольных Донских Казаков" задачу, возложенную на него походным атаманом П.Х.Половым, выполнил и явился авангардом всеобщего ополчения Донского казачества против большевиков.

Донские партизаны, выйдя из Новочеркасска 12 февраля 1918 года, вновь вступили в него 22 апреля 1918 года, совершив, таким образом, 70-дневный поход по Донским степям. Поход этот после его окончания получил наименование "Степного похода", а его участникам было присвоено имя Степняков-Партизан. Собранный на Дону Войсковой круг оценил значение Степного похода и для участников его учредил особый орден - Степной крест на георгиевской ленте - и носителям его предоставил большие привилегии, воспользоваться коими участникам не пришлось, так как не суждено было в то время восторжествовать Белой идее.

- o -

Весть о том, что в пределах Дона родилось ядро Русской национальной армии в лице добровольцев и донских партизан, широко распространилась, и к этому ядру со всех концов России, при самых тяжелых и невероятных условиях, потянулись отдельные русские патристы - в большинстве своем молодые офицеры, кадеты, юнкера, гимназисты и т.д.

Весть эта дошла и до далекой Румынии, где полковником Дроздовским был сформирован офицерский отряд, которому была поставлена задача пробиться на Дон и соединиться с добровольцами генералов Алексеева и Корнилова и Донскими партизанами.

Донские партизаны, Добровольцы и Дроздовцы явились основоположниками Белой борьбы на Юге России, хранителями чести Российской армии и защитниками национальных интересов поработанной большевиками России.

Когда война с большевиками была проиграна, идеи участников Первых походов не умерли, они продолжают жить в сердцах Партизан и Добровольцев и поныне. И кто бы и как бы ни рассматривал смысл и цель пребывания русских людей за рубежом России, эти цели остаются для них теми же, что были и в дни Первых Походов: защита национальных интересов России, сохранение идеи борьбы с поработителями Родины нашей и продолжение этой борьбы доступными и нужными путями.

А.Падалкин.

- - ooo - -

(Продолжение со стр.35)

Спайка необъятная. Страх перед бесчисленным врагом нет, а только общее желание борьбы за Россию объединяет всех.

Идеи Белого движения и цели, преследуемые Добровольческой армией, делали ее - маленькую, но героическую - непобедимой, несмотря на грозно-численное превосходство большевиков и непрерывные, почти ежедневные бои, часто без патронов, снарядов и пищи.

Так было 18 лет тому назад на заре Белого движения. А теперь?

Как будто те же добровольцы, попрежнему любящие свою родину и одинаково, как и 18 лет тому назад, ненавидящие большевиков, потеряли связующее звено...

(См.окончание на стр.43)

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ВАС.

Как ни тяжела была по своим переживаниям Великая война, но гражданская во много раз превосходила ее, как по количеству потерь, так и по озлобленной жестокости, которую проявляли борющиеся. Общепринятых международных норм, смягчающих войну, не существовало.

Вызванная, как реакция на несправедливость и беспричинное зло, гражданская война была движима духом непримиримости. Одна принадлежность к "белым" или, как называли большевики, "кадетам" была достаточно для смертного приговора или длительных мучений; не оставались в долгу и белые... Долгое время пленных не брали, а уходя с мест ночлегов, не могли оставлять раненых, так как они были бы замучены, и неделями возили их за собой в распутицу, на тряских подводах, взятых у населения... Тяжело вспомнить теперь все то накопление страданий и зла всякого рода, которое приходилось переживать тогда... да не о том речь...

Сегодня, в годовщину нашего первого похода, я чувствую сердечную потребность посвятить эти несколько строк тем, кто в эти дни, исполненные воинской доблести и сурового тяжелого долга, сменявшихся озлоблением и жгучей мстью, в дни безысходного страдания, под

леденящим дыханием смерти, нашли в себе чистые источники любви и Христова милосердия. Вам, наши незабвенные сестры, посвящаю я эти строки. Я не знаю, где вы теперь, не знаю ваших имен, но я хорошо помню вас и никогда не забуду! Как живые, проходите вы перед моим мысленным взором...

Вот пробегает цепь, и тут же, шагах в 50 за ней, пробегает сестра; на ней сумка с кое-каким подручным перевязочным материалом. Кто она, эта молоденькая девушка, вчерашняя гимназистка? Она, видимо, волнуется, приподымается на колени и всматривается в лежащих впереди, затем опять ложится. Огонь усиливается, но мы еще не стреляем. Цепь двигается дальше, но один из казаков остается лежать. Сестра подбегает к нему. Вечером опять вижу ее: она проходит в нескольких шагах от нас и старается догнать уходящую цепь; на ногах у нее налипли тяжелые комья грязи. Мы все голодные, усталые и злые, а она все так же сияет любовью и радостью. Сегодня она перевязала очень многих, и чем больше труда выпало на ее долю, тем она счастливее...

Ночь... Медленно двигается колонна по топкой грязи; мы пересекаем плавни, чтобы выйти на ст. Елисаветинскую и там перейти на правый берег Кубани. Весь день бой, а вместо отдыха за ночь придется пройти верст 20-25. На сестерской подводе лежит раненый с перевязанной головой. Он тяжело стонет. С боков примостились сестры. Какая-то задержка впереди останавливает движение; стоим в грязи выше щиколотки, ждем. Вдруг в стороне раздаются несколько выстрелов, резкий крик, и затем издали доносятся стоны: должно быть, нарвался дозор на каких-либо большевиков. Никто не реагирует... Устали... не все ли равно, сами разберутся... Но сестры встревожились.

- Там кого-то ранили, вы слышали крик?

- Может быть, и ранили, но теперь все тихо, тревожиться не о чем, там есть охранение.

- Да дело не в том, как вы не понимаете; может быть, там кто-нибудь истекает кровью, надо помочь, отчего вы не идете туда?

- Это, сестрица, не наше дело; мы бы так разошлись все в разные стороны, охранение само справится.

- Я пойду, я не могу сидеть здесь, - говорит младшая; соскакивает в грязь и, хлюпая своими высокими сапогами, сразу утопает в темноте, в том направлении, откуда были слышны выстрелы и стоны.

Мы трогаемся дальше, обходя подводу. На утро опять вижу ту же подводу уже с двумя ранеными. Сестра идет рядом; вся юбка ее пропитана жидкой грязью.

- А я пришла очень во-время; вы знаете, у него перебита нога, - говорит она, показывая на раненого: - мы с большим трудом дотащили его до подводы.

Она счастлива...

- Вы шли пешком, на вас нет сухой нитки!

- Ну, что ж делать, я несколько раз переходила через эту жидкую грязь: скользко и вязко, и здорово глубоко - мне было почти до пояса...

В двери раздается стук и женский голос просит разрешения войти. Входит сестра, губы ее дрожат, она, видимо, еле удерживается от слез.

- Господа, нет ли у вас чего-нибудь для бинтов?

Голос ее срывается... Мы не сразу понимаем.

- Чего вам, сестрица? У нас нет никакого перевязочного материала.

- О нем я и не мечтаю, - говорит она: - может быть, какое-нибудь белье или полотенце... уже четыре дня "они" без перевязки, - и губы ее дрожат: - раны гниют, гангрена начинается, а я ничем не могу помочь...

К ней протягивается рука с полотенцем, другая с рубашкой. Она сквозь слезы улыбается:

- А как же вы, у вас есть еще рубашка?

- На мне есть, да я еще цел, слава Богу, где-нибудь достану - берите.

Через минуты две она вводит раненого; изба сразу наполняется невыносимым смрадом; мы начинаем усиленно курить или выходим на чистый воздух. Сестра, осторожно поддерживая больного, снимает накинутую на одно плечо шинель и начинает разбинтовывать руку; она раздроблена выше локтя. Работает она необычайно нежно и ласково. Гангренозная рука покрыта мелкими белыми червями, вид ее отвратителен, но на лице у сестры не видно и тени безгливости или отвращения, она вся сияет милосердием и счастьем Христовой любви...

Мы наступаем на Екатеринодар; вот миновали ферму, влево остались сады. Мы направлены на усиление наших передовых частей, идем под огнем большевистских батарей... потерь мало. Большинство разрывов высоки, иногда бывает "удачный". Но что это? вправо от дороги рядышком лежат две сестры; они убиты, видимо, одним снарядом...

- Помните их? Они почти всегда вместе работали, кажется, они подруги по Ростовской гимназии, - раздается чей-то голос; многие снимают шапки и крестятся...

Да, мы не знаем всех ваших имен, но мы помним вас и никогда не забудем! Не забудем тех мгновений Христовой любви, ласки и бесконечного самопожертвования, которые вспыхивали и сияли ярким светом на общем фоне страданий, жестокости и злобы братоубийственной борьбы.

Земной вам поклон, наши милые, незабвенные сестры!

Первопоходник.

- - оОо - -

(Окончание со стр.40)

Меньше стало в рядах добровольцев прежней сплоченности, которая раньше двигала их на беспримерные подвиги. Недоверие и взаимное непонимание вносят уныние в наши ряды, в особенности ввиду настоящего тяжкого, порою бесправного положения русской эмиграции.

Надвигающиеся события, тем более, требуют восстановления прежней тесной нравственной связи.

Вспомним же 1918 год, и да послужит он нам путеводной звездой для жизненно необходимого Добровольчеству единения.

П.Латкин.

Примечание Редакции: Если эта статья была актуальна 27 лет тому назад, - она еще больше отвечает вопросам настоящего времени.

- - оОо - -

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

Среди страданий и ужасов пережитого, как прорвавшееся через мрачные грозовые тучи солнышко, до сей поры сверкает в памяти и в душе одна огромная и чудесная радость, о которой мне хочется рассказать вам в этой статье, посвященной воспоминаниям великой эпопеи первого Корниловского похода, в котором, как некогда в Крестовом походе, шли на Голгофу страданий и смерти за Родину юноши и подростки...

Погиб незабвенный великий патриот земли Русской генерал Корнилов. Потерявшая вождя белая армия, состоявшая, главным образом, из самоотверженной молодежи, с огромным обозом раненых в боях под Екатеринодаром, отступала, преследуемая огромной лавиной красных. Теперь у генералов Деникина и Алексеева была пока единственная всепоглощающая цель — во что бы то ни стало спасти и сохранить ядро уцелевшей белой армии. Огромный обоз с ранеными, растянувшийся хвостом версты на три, страшно стеснял маневрирование, от которого только и зависело теперь спасение всей армии... И вот — страшная трагедия: пришлось бросить на произвол жестокой судьбы раненых, неспособных обойтись без повозок!

Одна из партий раненых, оставленная в стороне от железных дорог, в станции Дядьковской, за немногими исключениями уцелела от

жестокой большевистской расправы чудом Божиим, о котором я расскажу впоследствии подробнее, ограничиваясь здесь за недостатком места лишь самым фактом спасения. Когда белая армия победно двигалась к Екатеринодару и вокруг Дядьковки шли ожесточенные бои по обеим линиям железнодорожных путей, горстка дроздовцев, с риском собственной гибели, прорвалась узкой свободной полосой в Дядьковку, в течение каких-нибудь двух часов организовала обоз из телег с соломой и вывезла, с таким же риском гибели, всех корниловцев и всех, кто был с ними и около них, в только что накануне взятую станцию Кореновскую...

Свидетелем этой нечаянной радости и участником ее был и я, пишущий эти строки, ибо, прообразившись вместе с женой в Дядьковку для спасения брошенного там сына, тяжело раненого в бою под Афипской, застрял там вместе с корниловцами и ждал общей неизвестной участи, которая, в зависимости от успеха наступления, могла быть и жестокой.

Мы с женой несколько дней прожили в Дядьковке и успели сродниться в надеждах и отчаяниях как с ранеными, так и со всей административной лазарета. И вот Господь сподобил нас быть соучастниками той неопишуемой радости спасения, которая произошла прямо нечаянно в ночь с 11 на 12 июля 1918 года!

На рассвете, когда солнышко всплыло над степью и радостно засверкал новый летний день под радостный колокольный перезвон Дядьковской церкви — кончилось благодарственное молебствие — мы, двигаясь рядом с телегами, под конвоем дроздовцев, покидали одно из страшных лобных мест великого похода.

Как опишешь это радостное летнее утро, когда, казалось, вся природа ликovala вместе с нами, радуясь нашему общему воскресению из мертвых! Еще ночью мы сидели в мрачном отчаянии, уже как приговоренные к расстрелу, а взошло солнышко — и мы на вольной волюшке, пьем прохладный аромат раннего утра и переполнены благодарностью и к Господу Богу, и к покачивающимся в седлах героям-дроздовцам, большинство которых погибло в следующую же ночь... О, если бы мы тогда знали, что нашим спасителям осталось всего несколько часов жизни! А они и сами торжествовали. Они сами были поглощены общей радостью. Вот один из них затянул:

"Марш вперед! — трубят в поход,
Черные гусары!
Звук лихой зовет нас в бой.
Наливайте чары!"

На глазах — слезы, а в душе пожар радости... А потом, в ответ, с телег несется новая песня:

"Смело мы в бой пойдем за Русь Святую
И, как один, прольем кровь молодую..."

Остановка, маленький отдых для раненых. Надо переложить, оправить сбившуюся солому, утолить жажду от волнения, от поднявшейся у многих температуры. Обрываются песни и скрип обозный, и наступает удивительная степная тишина с радостным бульканьем перепелов и жаворонков, с полынным горьковатым ветерком и беспредельной степной синью далее. Какой огромный купол благостных небес! И какой простор далее! Но вот все насторожились: где-то далеко, как зверь в пустыне, проревело эхо орудийного выстрела...

- Трогайтесь, братцы!

И снова обозный скрип, а редкий, походящий на далекий гром, грохот орудий только острее делает напу радость... Радостный смех то на одной, то на другой телеге. Перекличка мужских и женских голосов. Ведь как ни тяжела была жизнь, а молодость берет свое, и перед лицом смерти юная любовь не хочет смириться: многие влюблены в хорошенькую девушку, сестру милосердия, есть две невесты, приехавшие, было, навестить раненых женихов, да и застрелявшие в Дядьковке...

О, неизбывная светлая радость! Она так необъятна, как синий небесный купол. К вечеру приехали в станицу Кореновскую. Она еще вся полна страшным боем и вчерашней победой. Жители встречают нас радостно, потому что и сами счастливы избавлением от красных зверей. Встреча была теплая, радушная. Несколько зажиточных казацких домов устроили на своих зеленых дворах столы для пиршества. Вся станица пришла в веселое возбуждение, которое омрачалось лишь жалобами и слезами претерпевших, потерявших родных и близких, наскоро при уходе красных расстрелянных...

Заняли брошенный красными лазарет, не вместивший, однако, всех привезенных. Раскинули палатки во дворе.

Не все в радости заметили, что захваченная по пути наступления Кореновская осталась временно без защитников; пока такими явились те же 50 дроздовцев, которые вывезли дядьковцев. Материнское чутье жены моей насторожилось: она первой почувяла близкую опасность и заговорила с администрацией лазарета о необходимости как можно скорее покинуть Кореновскую или, по крайней мере, отправить калек, беспомощных в минуту опасности. И вот, точно осененные свыше, мы уговорили в тот же вечер погрузить таких в отходивший на Тихорецкую первый поезд. Это обстоятельство внесло тревогу и во всех остальных, так что в Кореновской осталось на ночь очень мало спасенных.

Остались только либо тяжело больные, требовавшие продолжительного отдыха после перехода в телегах, либо совершенно оправившиеся и не желавшие показывать беспокойства удальцы. Вся администрация лазарета осталась в Кореновской, забота же об отправляемых была поручена нам с женой...

Когда гасли последние лучи солнца, мы оставили Кореновскую и двинулись в поезде довольно тихим ходом к Тихорецкой...

Прибыли туда ночью. Вокзал кишел народом и шумел и гремел, как улей с пчелами. Поваяло беспечным тылом и его героями. В зале не было ни одного свободного столика, стула. У станции ждали экипажи, верховые лошади, пролетки. А нам было некуда приткнуться. Мы разместились цыганским табором на лестнице и около нее. Грязные, прикрытые пестрым тряпьем, в изношенной до отказа обуви, герои-первопоходники не имели геройского вида. Сброд каких-то нищих. Голодные и усталые, обиженные полным невниманием пирующих в залах станции, они часа два томилась в ожидании моего возвращения. Наконец дождались приюта на так называемом явочном пункте. Прислали грузовик и всех перевезли туда и накормили...

А ранним утром появился оставшийся в Кореновской фельдшер и сообщил страшную новость: ночью Кореновская снова была взята красными, и там совершилась жестокая расправа с тяжело больными корниловцами и ранеными дроздовцами, нас спасшими, а также с теми жителями, которые чествовали нас обедами... Ночью пылали подожженные стога сена и слышался страшный вопль бросаемых в огонь раненых...

Так омрачилась наша нечаянная радость.

В течение дня прибежало еще несколько человек из тех выздоровевших, которые рискнули остаться в Кереновской, и мы узнали о таких ужасах, о которых я не буду уже рассказывать... Почти все дроздовцы во главе с ротмистром, фамилию которого я забыл, погибли в бою или в огне... Казацкая семья, чествовавшая нас обедом, расстреляна, а девушки предварительно изнасилованы... Свиньи гложут брошенные на улицах трупы...

В тот же день я, в сопровождении трех избранных корниловцев, был с докладом у генерала Алексеева. Он всех перецеловал, бесчинных поздравил с производством в поручики, приказал выдать всем обмундирование и отправил на двух грузовиках в Новочеркасск...

Все это было 45 лет тому назад, а стоит в памяти, как вчерашний день. Тяжелое забывается, а вот пережитая нечаянная радость до сей поры поднимает душу и тайно подсказывает:

- Верь: будет еще одна и большая еще радость спасения Родины от красной татарщины! Еще одна последняя радость в нашей жизни.

Евгений Чириков.

- - оОо - -

Э П И Л О Г

Отгремели последние залпы на Перекопских позициях, и Русская Армия по приказу Главнокомандующего генерала Врангеля начала медленно отступать к Крымским портам, давая возможность всем желающим погрузиться на корабли и покинуть Крым.

Несколько раз Дроздовцы ошетинились и бросались в контр-атаку - отгоняли полчища красных, брали пленных, захватывали пулеметы, но эти победы не могли изменить стратегического положения армии.

Крымские старожилы не помнят такой суровой зимы с сильными ветрами, какая наступила в октябре 1920 года. Измученная непрерывными боями армия, страдающая от холода и пронизывающего до костей ветра, героически боролась против наседавших красных орд, но тут на помощь красным пришла природа - Сиваг, соленое незамерзающее озеро около Перекопского перешейка, естественная защита Крыма, вследствие сильного, порывистого ветра обмелел и дал возможность красной армии неожиданно ночью в брод перейти его.

Дальнейшее сопротивление было бесполезно - и для героев есть невозможное.

Быть может, Всевышний, желая спасти лучших из лучших бойцов Белой Армии послал природную стихию, дабы прекратить бесцельное кровопролитие.

Армия отходила к портам, где ее ждала флотилия из 166 различных судов. Тут были: гордость Русского флота дредноут "Генерал Алексеев", крейсера, миноносцы, катера, транспорты, пассажирские пароходы... Все, что было пригодно для плавания, было взято на учет и спешно грузилось.

Севастополь являлся главным пунктом эвакуации - грузилась 1-я армия ген. Кутепова.

ГЕНЕРАЛ
КУТЕПОВ

Наконец, были сняты последние заставы. Генерал Врангель со штабом из дворца пешком проследовал на Графскую пристань. На улицах стояли толпы горожан, на набережной стояли портовые рабочие - они молча провожали того, кто звал их на защиту последней пяди земли русской и на зов которого отиликнулись лишь немногие...

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МИЛЛЕР

Генерал Врангель, простившись с остающимися, отбыл на катере

к флотилии. С каждого корабля несло восторженное "ура".

Наступили сумерки. Суда постепенно выходили в море и шли в последний рейс, шли в неизвестность, но с гордо развевающимся Андреевским флагом.

Еще не все суда покинули рейд, как передовые части красной армии вступали в город. Закрывались двери, тушился свет, прекратились разговоры. При мертвой тишине "победители" вступали в город.

Когда флотилия стала покидать рейд, взяв курс на Константинополь, все высыпали на палубы и напряженно следили за удаляющимся в тумане родным берегом. Когда же и он исчез, тогда на лестнице трюма одного из транспортов появился старенький полковой священник. Осенив крестом столпившихся людей, он дрожащим голосом обратился к ним:

- Белые воины, я ваш духовный пастырь - пришел облегчить вашу скорбь,,. Вы сражались за святую Русь, но пути Господни неисповедимы. Теперь мы плывем в открытое море и даже не знаем, к каким берегам мы пристанем. Мы покинули Родную Землю... Но пусть каждый надеется на милосердие Божие. Пусть каждый своим духовным взором обратится к Господу и пусть первая наша молитва будет всегда о нашей Родине - родине несчастной, родине измученной, родине поруганной. Да восстановит ее Господь Бог и да воссияет она светлой Правдой...')

Так кончилась Крымская эпопея - еще вписана последняя страница в историю России. Главнокомандующий исполнил долг Вождя. Не сложились знамена перед врагом, и армия и флот с честью навсегда покинули Родину.

- 0 -

У нас, русских, наблюдается одна весьма несимпатичная черта - правда, она присуща, главным образом, нашей интеллигенции - это самоунижение, доходящее иногда до самооплевывания. Редко можно встретить в настоящее время русского интеллигента-эмигранта, который в

*) Из статьи М.Критского "Генерал Кутепов".

разговоре не возмущался бы порядками в дореволюционной России, не критиковал бы действия Вождей Белого Движения и не относился бы отрицательно к Крымской эпопее.

За редкими исключениями и наша пресса считала за правило отрицательное отношение ко всему, считая, что какая бы ни была критика, она приносит только пользу России.

Когда разбитая Добровольческая армия эвакуировалась из Новороссийска в Крым, наша эмиграция, сидя за границей и получая размен, во главе с редактором газеты "Последние Новости" профессором Милюковым, захлебываясь, требовала прекращения борьбы, считая ненужным ее продолжение. Да и теперь, после сорокалетнего пребывания за границей, встречаются лица, с возмущением отзывающиеся о Добровольческой армии, Крымской эпопее и Галиполи.

Хотелось бы восстановить в памяти, в каком ужасном положении оказалась Добровольческая армия после оставления ее генералом Деникиным.

22-го марта 1920 года генерал Деникин, потерявши веру в Армию, которая также потеряла веру в своего Главнокомандующего, назначил своим преемником генерала Врангеля.

Что из себя в то время представляли Белые армии? Добровольческая армия, сведенная в корпус, едва насчитывала 8.000 бойцов; Донцы и Кубанцы высадились в Крыму безоружными и безлошадными. Всюду царил растерянность, упадок как физических, так и моральных сил. Защищал Крым корпус ген. Слащева. Вот все, чем мог располагать и на что мог рассчитывать новый Главнокомандующий. Кроме того, под защиту армии в Крым бежали тысячи людей.

Генералу Врангелю был вручен английский ультиматум прекратить "неравную и безнадежную борьбу" с обещанием посредничества в переговорах с Советами. В случае же неисполнения ультиматума Англия прекращает всякую поддержку Белой Армии...)

Генерал Врангель ответил отказом. Армия осталась без всякой помощи извне, и Главнокомандующий считал положение в Крыму безвыходным. "Я не в праве обещать армии победу и готов испить с ней чашу унижения."

Нужно было во что бы то ни стало поднять дух армии, от дезорганизации перейти к организации, необходимо показать тем, кто были нашими союзниками, что армия не умерла, что она готова к дальнейшей борьбе, нужна лишь помощь последних.

Через девять дней после смены главнокомандующих красные начали наступление на Перекоп. Войска генералов Слащева, Кутепова и Донцы приняли бой. Красные были разбиты наголову, после чего они стали пассивными на фронте и тем дали возможность Главному Командованию переорганизовать армию и вдохнуть в нее новые моральные силы.

Несмотря на блестящий успех на Перекопе, когда Русская армия, разбив 13-ю советскую армию, заняла Северную Таврию, несмотря на разгром корпуса Жлобы и другие успехи, вся деятельность Главнокомандующего и командующего флотом заключалась в неустанной подготовке всего необходимого на случай возможного оставления Крыма.

Крымские успехи не замедлили сказаться. Франция признала правительство Врангеля, что дало возможность Крымской флотилии с 135 тысячами человек свободно войти в Босфор и приступить к разгрузке.

*) Из статьи М. Критского "Генерал Кутепов".

Часть их была отправлена в Славянские земли, часть же высадилась в Галлиполи и на Лемносе.

Признала ли бы Франция генерала Врангеля, если бы не было побед в Крыму и Таврии?

Известно, что после оставления Крыма чекист Бела Кун расстрелял больше 100.000 человек. Столько же было замучено, умерло от голода и сослано на север в концентрационные лагеря на медленную смерть.

Генерал Врангель совершил величайший подвиг; и ЭТО ЗАБЫВАТЬ НАША ЭМИГРАЦИЯ НЕ ДОЛЖНА. Ведь только благодаря ему мы не закончили свою жизнь в кровавых застенках чека...

Оставив Крым, ген.Врангель не оставил борьбу с коммунизмом. Вся его деятельность была направлена на объединение эмиграции, на удержание от рассеивания Галлиполийского корпуса, а впоследствии на организацию "Русского Общевоинского Союза".

Генерал Врангель не терял надежды на народное восстание против захватчиков власти - большевиков. Он верил, что наступит тот день, когда для новой освобожденной России потребуются кадры армии. Для этого нужно было Галлиполи.

Как ни тяжело было в Галлиполи, как ни смешными кажутся строевые занятия - "игра в солдатики", как называл Милюков деятельность генерала Кутепова - но эта "игра" сделала то, что французское командование в конце пребывания корпуса в Галлиполи с уважением относилось к каждому, кто был в войсковых частях его.

Кто же заставил победителей Великой войны уважать полураздетых, изможденных, полуголодных, но не павших духом людей?

В день отъезда Корпуса все лавки в Галлиполи были закрыты, население во главе с греческим митрополитом провожало русских, французские офицеры явились на проводы в парадной форме с русскими орденами...

Так закончилось галлиполийское сидение в "Кутепии".

- Вот и закончилась наша история в Галлиполи, - сказал ген.Кутепов, стоя на мостике корабля, помолчал немного и добавил: - и я могу сказать - закончилось почетно...

В самый разгар кипучей деятельности ген.Врангеля, как главнокомандующего, стоявшего во главе Русского Общевоинского Союза, его тайно и жестоко уносит смерть...

Со смертью генерала Врангеля председателем Р.О.В.Союза становится генерал Кутепов, который с большой энергией принялся за работу. Его деятельность была настолько заметна, настолько вредна большевикам, что 26-го января 1930 года, на людной улице, он был похищен, и до сих пор не выяснена судьба его. Погиб на своем посту истинно русский патриот, выдающийся боевой начальник, который, когда обстоятельства заставили, стал политиком, способным объединить эмиграцию для борьбы за освобождение России.

На смену погибшему генералу Кутепову становится генерал Миллер. Он так же, как и ген.Кутепов, ведет непрерывную борьбу. Его личность также мешает "красному Кремлю", и точно так же, как было с его предшественником, он 22-го сентября 1937 года, среди бела дня, был похищен и убит.

Вскоре после гибели ген.Миллера началась Вторая мировая война. В этой войне советы стали равными партнерами бывших наших друзей-

союзников. Со Сталиным считается Европа и Америка. Он диктует свои пожелания, он заставляет союзников совершать кровавые расправы в Дахау, Лиенце. Английская армия навеки опозорила себя выдачей тысячи казаков советам. Нынешнего красного диктатора Хрущева, бывшего ближайшего соратника и любимца Сталина, принимают с почестями, расстилают красный ковер, и демократические армии выставляют почетные караулы. Коронованные особы принимают подарки от тех, чьи руки обогреты кровью их родственников, устраиваются банкеты, говорят речи о дружбе и о сосуществовании и... боятся.

Но нам, белым эмигрантам, нечего бояться. Мы потеряли в жизни так много, что больше терять нечего.

Пусть знают все, что если наступит тот час, когда снова придется принять участие в борьбе, то эмиграция, забыв свои разногласия и ориентации, снова вступит в ряды армии, борющейся за освобождение Родины.

В одной статье ген. фон Лампе, теперешний начальник РОВСЮЗА, писал: "ОТВОЯ НЕ БЫЛО", а мы добавим - "и не будет".

"Поход продолжается".

- 0 -

Поход продолжается... С каждым годом участников Белой Борьбы становится все меньше и меньше - одни ушли в другой мир, другие состарились, больны и немощны, иные позабыли Родину, ассимилировались в чужих странах и чуждаются русского общества, но есть и другие, которые сохранили любовь к Родине, веру в русский народ и попрежнему горят желанием вновь активно вступить в борьбу.

Вскоре после похищения и убийства генерала Миллера над Европой нависли грозные тучи и гроза разразилась 2-ой всемирной, беспощадной и кровавой бойней.

Вести какую-либо борьбу против коммунизма оказалось невозможным и бесцельным. Великие державы заключили союз с СССР.

Но и тут еще раз, последний раз Русская Эмиграция с оружием выступила против большевиков. В Югославии был сформирован Русский Корпус. Русская эмиграция, отрицательно относясь к Хитлеру и нацизму, в данном случае нашла общий язык с немецким командованием. Своим существованием Русский Корпус спас от репрессий и голода тысячи русских семейств, сражаясь же против красных партизан коммуниста Тито - продолжал борьбу против СССР.

Много унижений, незаслуженных оскорблений и страшных дней пришлось пережить нашей эмиграции, когда жизнь каждого висела на волоске... Наконец, удалось найти пристанище, и снова в 5-й или 6-й раз стала налаживаться жизнь.

Для многих условия жизни в чужом государстве весьма тяжелы, многие семьи живут в глухой провинции, где нет русских, и, общаясь с местными жителями, забывают свой родной язык. Дети же (наша смена) вообще не говорят на родном языке, наша богатейшая литература им незнакома, о истории же России не имеют понятия - она их не интересует.

Часто можно слышать в разговоре упрек тем русским, чьи дети превратились в 100-процентных американцев, но, положив руку на сердце, обращаюсь ко всей эмиграции - как старой, так и новой:

Скажите, а что мы сделали для воспитания наших детей, чтобы сделать их национально мыслящими русскими?

Чем занимается наша многочисленная пресса?.. Спорами, восставлением одних против других, решением проблем будущего строительства России, печатанием оскорбительных и ложных обвинений против лиц, заслуживающих только уважения; если вспоминается история России, то только с отрицательной стороны, но зато уделяется много места новейшей советской литературе и искусству, причем статьи написаны зачастую таким языком, что он недоступен среднему читателю.

Все кричат о вреде большевизма, выражают надежду на скорое его падение... но что они делали и делают для того, чтобы "нашу смену" воспитать в национальном духе, в любви к Родине-России и ее народу?

Чья-то невидимая рука успела разложить эмиграцию политически. Эмиграция больше не играет никакой роли в мировой политике, но этого для разлагателей недостаточно - они внесли ненависть и злобу и ложь в наше святое-святых - в Церковь. Кому это нужно?

Вот правдивая, без прикрас, картина жизни эмиграции в приютивших нас С.Ш.А.

- o -

Два года тому назад Общество участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода в Лос Анжелесе выпустило первый номер "Вестника Первопоходника".

Журнал посвящен 1-му Кубанскому походу, истории Белых армий и жизни первопоходников. Вскоре после выпуска нескольких номеров Редакционная коллегия решила помещать иллюстрации, а позже - расширить программу журнала, введя некоторые другие отделы и политические карикатуры, чтобы сделать его интересным и полезным журналом не только для участников гражданской войны, но и для тех, кто не принимал участия, но сочувствовал Белому Движению.

Наша задача - познакомить читателей с причинами возникновения Белого Движения, с историей Добровольческой армии Юга России, Сибири и Запада и беспристрастно осветить личности наших Вождей; отмечать каждое знаменательное событие в истории России, напоминать читателям жизнь наших великих ученых, писателей, художников, музыкантов, полководцев и всех тех, кто принимал участие в строительстве Российского государства; бороться против расчленителей нашего Отечества, стремиться к мирному содружеству и объединению русских людей, освещать жизнь русского народа за железным занавесом и давать краткий обзор политического положения в мире.

Конечно, такая грандиозная работа нам не под силу. Поэтому мы обращаемся ко всем, кто сочувствует программе журнала и может своим участием принести ему успех, и просим их сотрудничать в нашем журнале.

Редакционная коллегия видит свои ошибки и недостатки в издании, она стремится всеми силами исправить их, но для этого, повторяем, нам нужна помощь всех эмигрантов, для которых дорога память о России и которые верят в возрождение ее.

Пусть ваше участие выразится в присылке литературного и исторического материала, в подписке и распространении журнала.

Это будет наш поход - **ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**

РЕДАКЦИЯ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Не использованные или не принятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - №№ 9, 10 и от № 12 до № 24 включительно - по цене 35 центов за экземпляр.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес Редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, В.Мяч, Ю.Рейнгардт.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

Подписная плата на журнал - 3 дол.50 цент. (За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 35 центов.

- o -

Цена увеличенного № 26, ввиду большого количества иллюстраций, повышена до 50 центов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 26

	Стр.
1. "1917" - стихотворение К.Бальмонта	1
2. Их нет, но они с нами - К.Пермский	4
3. Путь служения Родине ген.Алексеева - М.Борель	9
4. Стержень стальной - Б.Ларионов	15
5. Генерал Марков - Д.	18
6. Основание Добровольческой Армии	19
7. Адмирал Колчак - А.Долгополов	20
8. Отечество - Б.Казанович	26
9. За честь Родины - Г.Головань	27
10. "...В муках рождалась..."	29
11. Генерал Врангель - О.С.Олехнович	30
12. К нашей годовщине - А.Щербаков	33
13. Прошлое и настоящее - П.Латкин	35
14. Первые походы - Н.Неводовский	36
15. Значение Степного Похода - А.Падалкин	38
16. Мы не забудем вас - Первопоходник	41
17. Нечаянная радость - Е.Чириков	44
18. Эпиллог - Редакция	47
19. От Редакции	53

- 0 -

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Генерал Михаил Васильевич Алексеев	3
2. К рассказу "Мы не забудем вас"	41
3. К рассказу "Нечаянная радость"	44
4. Фотографии Вождей.	

- - 000 - -

Все иллюстрации в настоящем номере исполнены художником
К.КУЗНЕЦОВЫМ.

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

27

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому
Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPHOODNIKA"
MONTHLY MAGAZINE

of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.

901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 27

Декабрь 1963 г.

КАЛИФОРНИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕРВОПОХОДНИКОВ,
ПОТРАСЕННОЕ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛЬЮ
ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
ДЖОНА Ф. КЕННЕДИ,
ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКОЕ СОВОЛЪЗНОВАНИЕ
ЕГО СЕМЬЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВУ С.Ш.А.

ПАМЯТИ ПРЕЗИДЕНТА С.Ш.А. ДЖОНА Ф. КЕННЕДИ.

22-го ноября 1963 года Президент Соединенных Штатов Джон Ф. Кеннеди был убит выстрелами из дальнобойной винтовки в гор. Далласе, в Тексасе.

Избранный всенародным голосованием в 1960 году, Президент Кеннеди возглавлял страну, которая старается остановить дальнейшие завоевания коммунистов чисто оборонительными способами - поддерживая армией и флотом, снабжением и провиантом слабосильные государства, которым угрожает коммунистическая опасность.

Убийца - Ли Харви Освальд, коммунист, отказавшийся от американского подданства - в 1959 году уехал в Советский Союз (где, видимо, он прошел полный курс школы пропаганды и саботажа). В 1962 году он вернулся в Соединенные Штаты и организовал про-кастровское общество. За две недели до убийства ездил в Мексику, где посетил советское и Кубинское посольства.

При аресте Освальд убил полицейского. На допросе Освальд отказался дать какие-либо показания.

При переводе его из одной тюрьмы в другую он был убит выстрелом из револьвера. Убил его Джек Руби (Рубинштейн), содержатель притона. Нужно было, очевидно, ликвидировать Освальда, чтобы он не открыл своих единомышленников и тех, кто стоял за его спиной. Мы уверены, что кроме Руби были в запасе и другие убийцы, задача которых была ликвидировать Освальда.

И только тогда, когда Освальд был убит, представитель Советского правительства прибыл на похороны Президента.

Если это двойное убийство не откроет глаза Американскому правительству и народу, с кем они имеют дело, ведут торговлю, заключают договоры, и не побудит их перейти в наступление, - то ничто, кроме разве атомной бомбы, не разбудит Свободный Мир.

Редакция.

- - - - - oooOooo - - - - -

- - oOo - -

- o -

А.П.Вакмут

КОНЕЦ КАСПИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ ВРЕМЕНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД КОМАНДОЙ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.

Капитан 2-го ранга Анатолий Петрович Вакмут (выпуска 1910 г.) ныне благополучно здравствует и проживает в Австралии.

В описываемый период он был для нас, "молодежи", и героем и объектом подлинного обожания за тот общий тон, который он, во всеоружии своего положения "командира отдельной части" умел держать и с нами, офицерами, и, главное, с командой, которая его боготворила.

Его величие - его природа, черта больших людей. Авторитет его был всегда обоснован подлинным знанием, опытом, а больше всего - очарованием его личности.

Предлагаемый документ публикуется впервые, с разрешения Анатолия Петровича, в фотостатной копии (подлинник хранится в Hoover's Library при Станфордском Университете.

Соплавателъ А.П.Вакмута в Каспийском море - В.Е.Палчевский.

Каспийская флотилия состояла из вооруженных пароходов общества "Кавказ и Меркурий" и других, в мирное время возивших нефть из Баку в Астрахань. Пароходы были вооружены и прекрасно снабжены англичанами (коммодор Норрис), сражавшимися на них с большевиками в 1918 году и передавшими их командование Добровольческой Армии летом 1919 года.

Почти весь 1919 год флотилия, уже с русским составом, находилась все время в море под Астраханью и, ведя бои с большевистскими кораблями, пытавшимися выйти в море, не выпускала их, и таким образом все Каспийское море было свободно и безопасно для плавания. Флотилия была укомплектована, главным образом, морскими офицерами, приказом главного командования снятыми с фронта с броневых поездов, и астраханскими рыбаками, приходившими в Петровск целыми партиями на своих "рыбницах" и по сухому пути. Разграбленные большевиками, они страшно их ненавидели.

Прибыв из Царицына со своими 10-ью офицерами, я был назначен на пароход "Америка" (многие корабли назывались странами света), вооруженный тремя четырехдюймовыми орудиями. Корабль был в полной исправности и снабжен всем, вплоть до консервов и продуктов, но совершенно пустой. На следующий день штаб прислал мне человек 30-40 астраханцев, на вид простых мужичков. Назначив и расписав их по местам - кого рулевым, кого боцманом, кого к пушкам - с осторожностью выхожу из гавани, спускаю щит для стрельбы; английский морской офицер показывает, как стрелять из их орудий; произвожу стрельбу и часа через 4 возвращаюсь в гавань уже совершенно уверенно: рулевые прекрасно держат на курсе, комендоры стреляют. На следующий день выхожу под Астрахань. Таким образом, в течение нескольких часов, люди, никогда не служившие до этого на пароходе, уже работали на нем, будто они никогда ничем другим не занимались.

В конце 1919 года армия генерала Деникина начала отход от Орла, кончившийся разгромом армии и отступлением ее на Новороссийск. Каспийская флотилия и войска, действовавшие против Астрахани (ген. Драценко), оказались отрезанными и предоставленными самим себе. К концу зимы армия стянулась к Петровску, нашей базе. Ген. Драценко объявил, что война с большевиками окончена и что все желающие могут идти на все четыре стороны; кто же останется, тот может эвакуироваться на судах флотилии, но куда мы пойдём и что с нами будет - неизвестно, и никому ничего не может быть обещано.

Обстановка к февралю-марту 1920 г. складывалась следующим образом: хотя красная армия и не наступала с суши на Петровск, но образовались местные отряды, которые все время обстреливали Петровск и действовали в его окрестностях, сдерживаемые остатками частей ген. Драценко. Из Астрахани с весной должен был выйти красный флот, усиленный миноносцами 2-го и 3-го ранга, переведенными сюда по Волге из Балтийского моря. Чтобы владеть морем, нам необходимо было прийти первыми под Астрахань до конца заморозков. Выход из устья Волги представляет из себя узкий морской канал, тянущийся в море лишь на 10. Всякий корабль, идущий по каналу, мог нами с моря быть легко расстрелянным. Если же мы опоздаем и красные корабли уже будут в море, то нам придется иметь дело с противником гораздо сильнее нас, имеющим настоящие боевые корабли.

В форте Александровском находилась Уральская армия, совершенно небоеспособная после ужасного зимнего перехода, где она потеряла чуть не 10.000 замороженными и больными. Красноводск еще осенью был занят красными. Азербейджан никакого участия в борьбе с красными не принимал, вел самостоятельную политику, переговаривался с большевиками и старался вредить Добровольческой Армии: не давал нам нефти и поддерживал горские отряды, все время обстреливавшие крайний фланг Армии под Дербентом.

В Энзели, в Персии, находился большой отряд английских войск. Командир Каспийской флотилии адмирал Сергеев еще почти за месяц до эвакуации, послав громкую телеграмму атаману Уральского войска на его вопрос об эвакуации - "Я владею морем, эвакуация будет произведена в Александровском форте", - ушел на своем флагманском корабле "Президент Крюгер" в Энзели, где производил какие-то торговые операции, и в Баку, где, несмотря на то, что Азербейджан встретил его залпом из орудий с острова Нарген и он имел попадания на корабле, он все-таки пытался производить с ними какие-то переговоры.

Приказ генерала Драценко о роспуске армии распространился также и на флотилию. Оставшийся за адм. Сергеева его начальник штаба капитан 1-го ранга Пышнов, не имея никаких инструкций от адмирала, действовал совместно с ген. Драценко. Наши астраханцы заволновались - сначала заявили, что никто не уйдет и они пойдут с нами, куда угодно; но потом, видно, чувство привязанности к своим местам - ведь у каждого из них оставались под Астраханью родные и имущество - сделало то, что они со слезами на глазах начали прощаться, говоря: "Если бы вы приказали, что нам делать, а то говорите - как угодно, хочешь - оставайся, хочешь - уходи". Наши корабли опустели, оставшись с офицерами и небольшим числом матросов. Рыбаки все сели на свои рыбницы и с криками "ура" поплыли в сторону Астрахани, предполагая до лета обосноваться на острове Чечень, а летом самостоя-

тельно биться с красными... Уже находясь в Месопотамии, мы читали в газетах, что в Астрахани был переворот и даже был объявлен свой астраханский царь, но, конечно, через некоторое время все это было подавлено, и вряд ли кто-нибудь из наших бывших соплавателей остался в живых.

Чтобы корабли могли двигаться, ген. Драценко дал нам какой-то кавалерийский полк, который и был распределен по кораблям - без лошадей, конечно, но зачем-то со своими седлами. Солдаты первое время нас, моряков, не признавали, не слушались, и была масса недоразумений. И вот с таким составом и, конечно, с запозданием два сильнейших наших корабля - "Дмитрий Донской" и "Князь Пожарский" - под командой капитана 2-го ранга Бушен в марте были отправлены под Астрахань, чтобы предупредить выход красных в море. Вслед за ними должны были буксироваться две баржи с камнями, которые должны были быть затоплены в канале. Подойдя ночью на так называемый 12-футовый рейд, капитан 2-го ранга Бушен заметил много каких-то огней. Утром во мгле были видны какие-то корабли, и Бушен послал вперед "Князя Пожарского" на разведку. Не успел "Пожарский" отойти на пол мили, как раздался взрыв и одно колесо (пароход был колесный) было совершенно уничтожено. Видимо, красные оградил себя минами. На виду у красных миноносцев Балтийского флота 2-го и 3-го ранга, оказавшихся уже в море, а также больших вооруженных пароходов, Бушен снял всю команду с "Пожарского" и потопил его снарядами. О бое и говорить было нечего. Большевики почему-то Бушена не тронули, хотя и могли его тут же утопить. Таким образом, мы уже перестали быть хозяевами Каспийского моря.

За день до эвакуации прибыл на своем корабле адмирал Сергеев. Созвав всех начальников и командиров, адмирал, страшно обозленный на то, что флотилия распушена, за какой-то ответ начальника штаба выгоняет его с заседания. Таким образом, начальник штаба обращается в простого пассажира и потому, не сдав дел, эвакуируется, как таковой. Впоследствии этот факт заставил нас перенести очень много волнений. Я, как старший, был назначен начальником отряда действующих кораблей и весь последний день эвакуации находился на внешнем рейде, обстреливая из орудий по указанию генерала Доценко окрестности, где красные наседали на Петровск. Все, что могло плавать, выводилось из порта, и ночью последним вышел "Президент Крюгер" с адмиралом и генералом Драценко.

Выйдя, адмирал потребовал меня к себе и приказал остаться здесь за него и давать распоряжения, а сам сейчас же ушел в Баку. На рейде в это время находилось до 40 кораблей, и половина из них не могла сама двигаться. Из боевых кораблей также не все могли двигаться, так как зимний ремонт еще не был закончен. Коммерческие пароходы, нагруженные всяким имуществом, пытались удрать в Баку, и приходилось выстрелами их останавливать.

В порту начались сильные взрывы - это овались вагоны со снарядами, подожженные при уходе. Этими вагонами были забиты все железнодорожные пути. Взрывы были настолько сильные, что корабли, бывшие милях в трех от порта, вздрагивали всем корпусом. В непосредственной близости к порту необходимо было затопить один пароход, во входном канале, что и было сделано несколькими офицерами и матросами с моего корабля, при страшных взрывах и стрельбе красных.

На следующий день, получив радио от адмирала, я со всей армией двинулся на Баку, куда благополучно и прибыл; через день прибыл туда также и капитан 2-го ранга Бушен, став на якорь на внешнем рейде против острова Нарген. Адмирал созвал всех командиров и объявил, что по его сигналу мы все должны спустить Андреевские флаги и вслед за ним войти в гавань, где Азербейджанские власти примут от нас корабли и поставят свою охрану. Все орудия, запасы и все имущество будет продано Азербейджану, а личный состав, кто пожелает, может остаться на службе у Азербейджана, кто же не хочет, тому будут выданы деньги, и он может ехать, куда угодно. Почти все командиры заявили, что такого приказа они не исполнят, что Андреевский флаг ни перед кем не спустят и оружия своего никому не продадут, а тем более Азербейджану, который всячески противодействовал Добровольческой Армии, а теперь, после поражения ее, уже сносится с красными, предлагая им добрососедские отношения. Адмирал пытался грозить нам, но, видя безуспешность своих угроз, ушел к себе в каюту, приказав спустить свой адмиральский флаг.

На следующий день мы передали адмиралу условия, на каких мы согласны войти в Баку, а именно: мы будем продолжать борьбу с красными, для чего все укрепления и все средства для обороны Баку с моря будут переданы нам, и мы будем действовать под русским флагом. Сухопутные военачальники также присоединились к нам, и вечером снова все собрались у адмирала. Был вызван генерал Драценко, находившийся на берегу в Баку. Приехав на корабль, генерал Драценко пригрозил своим, что это равносильно бунту, и заставил их подчиниться своему приказу, мы же стояли твердо на своем. Адмирал тут же заявил, что он передает командование капитану 2-го ранга Бушен, а сам уезжает в Батум и дальше с докладом о нашем бунте. Больше адмирала мы не видели.

На следующий день приехал какой-то господин и заявил, что он представитель правительства и что он послан сказать, что Азербейджан согласен на все условия. Мы снимаемся и входим в гавань под Андреевским флагом. Капитан 2-го ранга Бушен идет в город к премьер-министру, но министр ему заявляет, что его условия останутся прежними, что все корабли должны быть сданы и все оружие продано, что адмирал Сергеев останется морским министром Азербейджана и что никакого представителя он не посылал. Действительно, вскоре приехал генерал-губернатор - какой-то бывший русский генерал - с уже подробным планом и очередью передачи кораблей.

Капитан 2-го ранга Бушен сейчас же приказал готовиться к выходу обратно. Генерал-губернатор заявил, что он прикажет острову Нарген, мимо которого надо проходить, открыть огонь. На это Бушен ответил, что у нас тоже есть пушки, и мы к вечеру снова вышли из гавани. Два корабля отказались с нами идти - это флагманский корабль со всем штабом адмирала и другой корабль, никогда не бывший на фронте и большевицки настроенный. Здесь же, в Баку, команды этих кораблей были убраны и на их место назначены другие офицеры и команда.

Таким образом, на внешнем рейде снова собралась наша флотилия, но только боевые корабли, все же транспорты и все наше снабжение осталось в Баку, так как при подобных обстоятельствах вывести что-либо больше было невозможно.

На следующее утро из Баку подошел какой-то катер, приехали представители русской общественности благодарить Бушена за то, что

он ничего не дал Азербейджану и ушел, так как власти Азербейджана всячески притесняют русских людей и им было горько видеть, как русское добро передается врагу.

Приведясь в порядок, мы снялись с якоря и пошли в Энзели. Там мы стали на якорь на внешнем рейде. Прибыли представители английского командования, среди них лейтенант Крислей, прекрасно говорящий по-русски. Капитан 2-го ранга Бушен передал, что он хочет интернироваться на следующих условиях: все корабли и вооружение сдаются англичанам, офицерам оставляется их оружие, англичане должны дать письменное обещание, что они ни в каком случае не выдадут нас большевикам; кроме того, он требовал отправить нас на присоединение к Добровольческой Армии. Английское командование согласилось на все условия, кроме последнего, пообещав снестись с надлежащими властями и, если явится возможность, то отправить нас в Крым.

Здесь же бывший начальник штаба капитан 1-го ранга Пышнов, так поспешно изгнанный еще в Петровске адмиралом Сергеевым, нашел в кармане своего пальто пакет от генерала Деникина, на котором написано: "вскрыть по выходе в море", - и там совершенно ясное приказание после эвакуации идти в Энзели и интернироваться у англичан. Мы были удовлетворены, но сколько пришлось совершенно зря перенести и потерять.

Потом, уже находясь в Энзели, мы получили сведения, что вскоре после нашего ухода из Баку появилась красная флотилия, действовавшая под командой мичмана Раскольников, и Баку было занято. Все наши и сухопутные офицеры еще Азербейджаном были посажены в поезда и завезены в какой-то город, где сидели в ожидании получения денег за проданное, но таковых не дождались, а дождались красных. Все офицеры были отправлены на остров Нарген, где их держали впроголодь, часть расстреляли, а часть отправили в Россию на работу. Один адмирал со своим флаг-офицером добрался до Крыма.

После подписания условий интернированные корабли вошли внутрь, и англичане приняли от нас вооружение. Часть лучших орудий была снята, и из них были устроены на берегу батареи. Мы почувствовали себя более уверенно под защитой регулярных войск, видимо желавших дать отпор возможному наступлению красных. Все мы продолжали жить на кораблях, питаясь запасами, вывезенными из Петровска, и ожидая дальнейшего о нас распоряжения. Отношение англичан было вполне корректное и дружеское.

Почти половину апреля 1920 года мы прожили в таких условиях. Бушен получил письмо из Баку от бывшего флаг-капитана лейтенанта Шмидта, в котором он восхвалял действия большевиков, говоря, что, мол, они теперь борются за то, за что и мы боролись, то есть за единую, неделимую Россию, что, если мы вернемся, то нам ничего не грозит. Подобное же письмо было также получено от генерала Куропаткина, находившегося тогда в Закаспийской области. Были ли эти письма написаны под давлением - неизвестно, но они на нас не произвели впечатления.

В одно прекрасное утро мы проснулись от орудийных выстрелов и падения снарядов среди порта и среди наших кораблей. Взобравшись на мачты, мы увидели в море массу кораблей, втрелявших по Энзели. В английском штабе - полная растерянность, ни одна из батарей красным не отвечала. Оказывается, от этих батарей англичане бежали чуть

не в одном белье. Через некоторое время мы увидели, как лейтенант Кристей сел на один из наших быстроходных катеров, поднял белый флаг и вышел в море к красным. Мы поняли, что англичане плохая защита, и решили действовать сами, то есть нам надо было уходить. Чем дальше мы уйдем, тем в большей будем безопасности.

Энзели соединен с Рештом единственной дорогой, идущей по перешейку между озером и морем, а также пароходиками, ходящими между Энзели и Пирбазаром на другом конце озера.

Мы погрузили на многочисленные шлюпки больных и не могущих идти и кое-какое имущество. Шлюпки пошли прямо через озеро на Пирбазар, а остальные человек 500-600, забрав с собою каждый, что мог, во главе с Бушенем отправились по суше по дороге в Решт. Офицеры (почти все, человек 200) имели револьверы; патронов же было всего штук 12-20 на человека.

Обстрел вскоре прекратился - видимо, парламентар достиг своей цели. Пройдя с полверсты, мы встретили цепи английских войск - говорят, что впереди красные. Бушен выслал вперед английских цепей 12 человек с винтовками искать, нет ли прохода; вернулись и доложили, что, действительно, дорога занята красными и весь перешеек ими перерезан. Остается единственный путь - через озеро, но средств никаких. К счастью, видим: какие-то два пароходика направляются из Энзели через озеро; на нескольких рыбацких лодках мы выходим им навстречу и силой останавливаем. Оказывается, что англичане отправляют каких-то армян, находящихся на их издвигении; почти все наши садятся на эти пароходы, и мы к вечеру добираемся до Пирбазара. С пароходов ясно виден красный корабль, стоящий по другую сторону перешейка. Почему он в нас не стрелял - неизвестно.

Всю ночь мы шли из Пирбазара пешком и утром пришли в Решт, где и расположились лагерем в саду и доме русского консульства.

На следующий день в Решт вошли и все английские войска и часть наших, запоздавших и прошедших мимо большевиков вместе с англичанами, переодевшись в английскую форму. Англичане все бросили, все их склады были разграблены персами, уважение к ним было потеряно, и вся ситуация в Персии повернулась так, что мы стали гордиться своими русскими, хоть и нашими врагами.

Большевики, оказывается, высадили всего около 1000 человек, англичане же, имея наши орудия, артиллерию и свои лучшие войска - гуркосы, не оказав никакого сопротивления, принуждены были уйти. С этого времени Англия потеряла все свое влияние в Персии, и войска ее были постепенно выведены в Месопотамию.

В Реште наш командир, капитан 2-го ранга Бушен, пытался добиться, на основании условий интернирования, отправки нас дальше, но англичане определенного ответа не давали, и он понял, что здесь что-то неладно. Решили двигаться дальше самостоятельно и, распродав персам все, что было лишнего, наняли несколько подвод для наших женщин и детей до Казвина.

Утром мы вышли из Решта; в охрану нам английский командир отрядил человек 10 солдат с офицером; этот офицер нас кормил, то есть на остановках покупал баранов, которых мы тут же резали, варили суп и ели. Не успели мы пройти и 20 верст, как нас обогнали автомобили, и на каждом человек 6 гурков, с пулеметами и ружьями. Обогнав растянувшийся почти на 2 версты отряд, в лесу, гурки с офицером сделали

заставу, не пуская дальше и требуя сдать оружие. Несмотря на протесты, пришлось подчиниться. Отобрав от нас оружие, нас безоружных загнали тут же у дороги на полянку, где мы были окружены гурками.

Английский офицер был связан телефоном с их ставкой, на наши вопросы молчал и только с грустью смотрел на нас. Мы поняли, что идут переговоры о нашей выдаче. Три дня мы были на этой полянке в полной неизвестности, искали путей, где можно было бы удрать, но всюду встречали: "халт!". Да и куда уйдешь, когда кругом горы и леса со всяким зверьем? Где-то был наш добрый Кучук-хан, любивший старых русских, ненавидевший красных и англичан, имевший большой отряд и действовавший где-то возле Энзели...

На четвертый день английский офицер передает нам - "собираться в путь", и по его радостному лицу мы увидели, что наша мука кончилась. Действительно, нас ведут не в сторону Энзели, а дальше; подошли к какой-то деревушке с рекой, здесь остановились. Два броневика сторожили нас по своим концам дороги, и нам было объявлено, что будет привезен большевик, который будет нас уговаривать вернуться: кто, мол, пожелает, тот вернется, остальным будет разрешено идти дальше.

На берегу реки мы разбили палатки из одеял и простыней; погода стояла чудесная, природа вокруг дикая - по ночам дикие кабаны подходили к самому лагерю. Купались мы и полоскались в реке и поджидали не без интереса красного представителя.

Как оказалось, выехавшего из Энзели парламентаря лейтенанта Крислея Раскольников арестовал и потребовал нашей выдачи, и вот все это время англичане пытались его освободить. Действительно, через несколько дней приехал злополучный Крислей в сопровождении какого-то типа, оказавшегося матросом Черноморского под. флота Романюком. Этот матрос, видимо, так был напуган, несмотря на окружающую его охрану, что, выйдя на балкон дома вместе с Крислеем, пролепетал какую-то чисто советскую речь - что-то насчет интернационала и завоеваний революции, - и был нами, стоявшими под балконом, осмеян. Досталось также и Крислею, который сейчас же его и увез. Человек 10 стариков и тех, у кого остались семьи, пожелали вернуться и были отправлены назад. Мы же на следующий день с песнями и легким сердцем отправились дальше до Казвина.

Это было прелестное путешествие по северу Персии, единственным недостатком было - ни гроша в кармане: не было даже возможности выпить чаю во встречающихся чайхане, приходилось довольствоваться лишь баранами, выдаваемыми на каждой остановке.

В Казвине нас поместили в настоящих палатках и объявили, что английский король приказал нам выдавать солдатскую порцию. Тут посыпались на нас блага в виде молока, шоколада, сигарет, сыра и т.п. Через некоторое время нас партиями стали отправлять на грузовых автомобилях через всю Персию до границы Месопотамии, затем на поезде до Багдада, оттуда опять на поезде до какой-то станции на берегу реки Тигр, затем на пароходах по Тигру и Шал-эль-арабу до Басры.

Против Басры, на другом берегу реки, милях в трех от нее, нас расположили в пустых бараках английского лагеря Танума, где мы жили почти полтора года. Через несколько месяцев к нам присоединились и уральцы.

До нас дошли сведения, что генерал Врангель готовил транспорт "Саратов", чтобы вывезти нас в Крым, но благодаря адмиралу Сергееву,

доложившему, что мы все бунтовщики и изменники, посылка транспорта была отставлена. Вопрос этот не переставал мучить нас всех, и вот, на заработанные деньги (нам было разрешено работать в порту, как рабочим) был послан старший лейтенант Мацылев в Константинополь к генералу Врангелю с докладом и всеми документами. Он все это успешно проделал, генерал Врангель одобрил наши действия, и Мацылев вернулся назад, привезя с собой приказы о производствах.

Приблизительно в марте 1921 г. англичане объявили, что отправят нас во Владивосток, где в то время были большевики. Командующий заявил протест, указав, что согласно условию они не имеют права нас отправлять к большевикам. Через месяц был получен ответ, что все-таки мы будем туда отправлены. Тогда нами был выработан план захвата парохода, и мы решили идти в Манилу на Филиппины.

В мае месяце мы видели по газетам, что во Владивостоке что-то происходит, какие-то перемены, но что именно - из английских газет понять было невозможно. Наконец, в августе 1921 года пришел пароход "Франц Фердинанд", чтобы везти нас во Владивосток. Здесь еще раз англичане нас оскорбили, поместив вместе с нашими дамами девиц из заведений Багдада и других городов, которых они также насильно высылали в Россию. Наш протест разбился о взвод шотландцев с пулеметами, который был назначен на охрану парохода. Видимо, англичане прокухали о нашем заговоре.

Первое время караул несли очень строго, на спардек никого не пускали, но постепенно строгость уменьшилась, и мы всегда смогли бы выполнить наш план. Когда мы пришли в Гонконг, к нам приехал какой-то русский капитан китайского парохода с русскими газетами. От него мы, наконец, узнали правду о Владивостоке, где в данное время было антибольшевицкое правительство Меркулова. После этого уже никто не думал о захвате парохода, а наоборот, все мечтали о скорейшем приходе на Русскую землю, куда мы благополучно и прибыли 20-го сентября 1921 года, образовав затем кадр Сибирской флотилии, действовавшей против красных под командой адмирала Старка.

19 февраля 1935 г.

А.П.Вакмут.

- - оОо - -

ПЕРВЫМ ДОБРОВОЛЬЦАМ.

Вам, принявшим венец,
За спасенье России,
Песню сложит певец
Под раскаты стихии.

Вы рукою отважной
Взяли русское знамя
И средь стужи ужасной
Вздули жаркое пламя.

Под налевы мятели
И одевшись пургой,
В бой пойти вы посмели
Шириной степовой.

Многих острой косою
Смерть на землю свалила,
И святою слезою
Вас лишь туча полила.

Но огнем незабвенным
Память вава сияет
И примером священным
В сердце нашем мелькает.

"Часовой" № 384.

Б.Роснянский.

ПРОТОКОЛ
Совещания генералов Деникина и Краснова.

(Продолжение, см. № 25)

- Если теперь поставить во главе Донской армии русского генерала, то скажут, что казаков хотят вести на Москву. Всяким политическим шагом пользуются партии, чтобы вести борьбу против меня, они разрушают то, что создано Донским правительством. В этом отношении особую роль играет Екатеринодар. Оттуда идет литература, оттуда плывут деньги. Так, например, на-днях в войсках Восточного фронта вместе с праздничными подарками от г.Парамонова было прислано 1000 номеров газеты "Истина", издающейся в Екатеринодаре, и роздано казакам 500.000 рублей деньгами. Трудно поэтому ожидать окончательного политического оздоровления. Однородную деятельность проявляет Миронов*), ведя широкую пропаганду прокламациями. Раньше он писал: "Краснов продал Дон немцам"; теперь он напишет: "Краснов продал Дон русским генералам"***).

Я единое командование признаю, мой штаб признает, но я же должен сказать вам правду: верьте мне, я стремлюсь к Единой России, но принятием той меры, на которую Вы меня толкаете, мы развалим все то, что на Дону создано.

Ген. Драгомиров. - Деятельность, направленная к воссозданию России, в недалеком будущем проявится от Петровска на правом фланге до Ливавы на левом; эта идея объединит Дагестан, Кубань, Крым, Малороссию и Новороссию. Кто может отрицать, что на этом пространстве необходимо единое распоряжение? Но где же практический выход, как мы могли бы о нем сговориться?

Его указали нам союзники. Антон Иванович не искал главнокомандования, на него указали союзники. Только одного его они признают на юге России. Фактически мы работаем, но мы же должны и оформить свое сотрудничество. Каким образом?

Ген. Краснов. - Отдайте приказ. Я его не опубликую в Войске, но обязуюсь выполнять. Я буду подчиняться, я буду помогать. Подчинить приказом армии нельзя. К сожалению, почва для этого готовилась в Екатеринодаре. Прокламации и пасквили пишут в Добровольческой армии.

Ген. Драгомиров. - Нет. В Добровольческой армии ничего не пишут.

Ген. Деникин. - Это несерьезно.

Ген. Краснов. - Нет, это очень важно. Казаки очень хорошо разбираются: это пишут большевики, а это - в Добровольческой армии.

Ген. Деникин. - И сам ничего не писал, и никаких директив никому в этом смысле не давал. Я знал, что около работы политических партий на сегодняшнем заседании сплетутся страсти. Я просил поэтому, при открытии, забыть старые обиды и оскорбления. Надо забыть обиды, иначе мы совещаемся бесцельно.

Ген. Краснов. - В старобельском уезде у меня сейчас 20 тысяч мобилизованных крестьян, нужны офицеры. Если бы добровольцы стали рядом, то этим облегчили бы казакам положение, которые тогда бы поняли идею единого командования.

*) Казачий офицер, перешедший к большевикам.

**) Прокламации Миронова.

Ген. Драгомиров. - В ближайшем будущем единое командование ничего от Дона не потребует.

Ген. Деникин - говорит о том, что если трехтысячный состав Харьковского корпуса увеличится, то единое командование сможет прийти на помощь.

Ген. Краснов - предлагает взять Старобельских крестьян и Воронежский корпус.

Ген. Драгомиров. - Единое командование, снабжение, обмен офицерами, живая сила, все это даст лучшие результаты. Как сделать это безболезненно?

Ген. Краснов. - Общее командование сейчас невозможно по тем причинам, о которых я говорил.

Ген. Драгомиров. - А чем же объяснить переход целого полка из Южной армии?

Ген. Денисов. - Такого случая не было.

Ген. Романовский. - Переход целого полка к генералу Май-Маевскому.

Ген. Поляков. - Уверю, такого случая не было.

Ген. Краснов. - Донская армия разрушается из района Добровольческой армии. Агитаторы вербуют добровольцев в тылу Восточного фронта и на севере. Конечно, из боевой линии пойдет масса в тыл и на хорошее жалованье.

Ген. Деникин. - Мы обращаемся к взаимным обвинениям. Если обвиняют меня, то и я заявлю, что самое создание Южной армии противопоставлялось росту значения армии Добровольческой. Применялись многочисленные неблагоприятные предлоги, чтобы сделать нашу вербовку безуспешной.

Ген. Краснов. - Нет, это неверно. Южная армия создавалась для выдвижения вперед. Надо было, чтобы крестьяне перешли границу и увлекли за собой казаков.

Ген. Драгомиров - призывает к единению, утверждая, что права Атамана не будут урезаны. - Вы будете назначать.

Ген. Краснов. - Кого назначать? Если мне пришлют Семилетова и Сидорина*), я их не могу признать.

Ген. Романовский. - В этих вопросах нельзя останавливаться на полумерах. Мы должны ясно видеть перед собой наши цели, но мы не боимся действительности. Надо стать лицом к лицу к ней. Поход на Москву - это вопрос будущего, а сейчас вопрос об общей обороне. Здесь из русского генерала пытаются сделать пугало для казаков. Это не существенно. Ведь есть же свой Атаман и свое правительство. Кто может быть против единого командования? В этом источник взаимопонижения. Масса недоразумений в настоящем - результаты его отсутствия.

На предложение принять Старобельский уезд генерал Романовский указывает, что добровольцы в тяжелом положении, как донцы, но тем не менее они обеспечивают уже западную и восточную границы войска Донского. В Торговой имеются кадры двух пехотных полков без дела, а при едином командовании могла бы быть произведена перегруппировка.

Ген. Краснов. - Горе в том, что единое командование относится не к будущему, а к настоящему. Настоящая же обстановка в Донской армии характеризуется читанной телеграммой, из которой видно, что казаки неказачьему командованию не верят.

*) Донские генералы, дезертировавшие с Дона в ставку Добр. армии.

Ген. Романовский. - Появятся наши части под Царицыным, появится и доверие.

Ген. Краснов. - Сначала появитесь.

Ген. Деникин. - Так разговаривать невозможно; надо кончать.

Ген. Шербачев. - Я лицо нейтральное и думаю, что поэтому мне будут верить одинаково все. Хотя мне странно, что в нашей среде есть недоверие. Позвольте спросить вас - кто здесь собрались? Русские люди... Мы будем правдивы... Отдельные государственные образования не могут быть длительными. Это может быть мечтой только тех, кто желает гибели России. Наши союзники также идут навстречу созданию Единой России. Поэтому - у кого русское сердце, тот должен быть с нами. Я считаю, что те мотивы, о которых здесь с такой искренностью говорил Главнокомандующий - частности, иллюстрации. Эти примеры могут быть побеждены более глубокими причинами, и их надо предвидеть. Два года назад мое положение было гораздо более тяжелым. Я командовал румынскими войсками, относившимися ко мне враждебно. У меня не было формальных оснований. Русское правительство не заключило никаких конвенций. Мог ли я, при таких условиях, рассчитывать, что мои приказы будут выполняться румынами? И тем не менее я добился этого. Король по секретной конвенции не имел никаких прав, я имел право. Я доказал королю, что он не может нести ответственности. Будучи его помощником, я подчинил себе румынские армии и заставил их проводить мои оперативные планы. Там было труднее, там были румыны и русские. Здесь две армии - Добровольческая и Донская. Обе армии русские. Там мы достигли соглашения - неужели здесь оно невозможно?

Единственный важный вопрос - единство командования, а все остальное частности. Не будет единого командования, никогда ни о чем не сговоримся, так как все остальное рупится само собой.

Предположим, что единое командование по нашему невозможно. Но союзники его требуют, и развал Дона им не страшен. Надо пойти им теперь же навстречу. Если этого не будет - они могут сказать: мы уйдем.

Что тогда получится? Мы должны отдать дань глубокого уважения Донскому Атаману за его труд и энергию. Я был на Дону и вынес убеждение, что Дон своим настоящим положением обязан всецело ему. Назовите мне лицо, которое его заменит. Мне более страшен уход Атамана, а не брожение казаков. Это пропаганда - она сделана не казаками и не офицерами. Надо их убедить. Если Вы этого пожелаете, Вы этого достигнете. Откладывать объединение нельзя. Нельзя допустить, чтобы весь Дон был против этого. Частности не есть доказательство, Добровольческая и Донская армии - русские армии, их можно создать при едином командовании.

Что мы видим в Сибири? Там был большевизм, а потом разрозненная деятельность, и только единая воля адмирала Колчака привела Сибирь к ее настоящему положению. Так должно быть и здесь. Если люди этому мешают - надо их преследовать. Главнокомандующий говорил искренно. При энергии генерала Краснова он все победит. Помощь союзников за нами. Затягивая соглашение, мы рискуем ею.

Ген. Краснов. - Здесь недоразумение. Я, Донское правительство за единое командование, войско также не против него. Но надо к вопросу его осуществления подходить осторожнее, чем это здесь предла-

гается. Надо сочетать события по времени. Пришлите хоть одну роту французов. Я не оптимист. Можно пережить еще многое - помощь медлит. Пусть придут - тогда будет отдан и приказ.

Мы к автономии не стремились. Мы сейчас самостоятельны потому, что раньше мы были одиноки. Дон вкусил благо свободы, и казак не поймет теперь, почему его подчиняют единому командованию. Единое командование необходимо. Давайте создадим его секретным обязательством. Гласное признание только послужит средством широкой пропаганды против идеи единой России. Парамонов уже развалил Дон и Войсковое Правительство. Дону нужна моральная помощь, а между тем факт назначения единого командования истолкуется газетами, как учреждение военной диктатуры. Приказ нужно зафиксировать секретным образом, подобно тому, как это было в Румынии. Дону для себя помощи не нужно. Мы стучимся в открытые двери: подпишем секретное обязательство и приказ, который я не опубликую.

Ген.Деникин. - Вы говорите, что корпуса Вы создавали для движения вперед. Движение на Москву должно быть планомерным. Мы должны занимать города гарнизонами. Как Дон сможет это выполнить?

Ген.Драгомиров. - Я одного не могу понять - ведь казаки народ разумный. В едином командовании, кроме пользы, нет ничего, и казаки это поймут. Поход Дона на Москву - это звучит гордо, но ведь это же на два, три перехода.

На Кубани казаки стоят за регулярное командование и при формировании своей армии задерживают русских офицеров.

Ген.Краснов. - Вы говорите, что казаки народ разумный. Они понимают, что есть Кубанская и Донская армии. Пришлите отряд под Царицын - казаки поймут и в настоящее время единство командования. Я отлично представляю себе его выгоды, но по казачьим настроениям я не властен всюду преследовать только пользу дела. Так, например, на Царицынском фронте командует генерал Мамантов - в военном отношении посредственный человек. Начальник штаба у него генерал Келчевский - несомненно талантливый человек. Во имя пользы дела хотелось бы, чтобы Келчевский заменил на посту Мамантова, но этой замены не поддержат казаки 2-го Донского округа, где Мамантов пользуется особенной популярностью, хотя он и не природный казак. Уйдет Мамантов - уйдут и все казаки 2-го Донского округа.

Ген.Деникин. - У себя в армии мы не наблюдали особой остроты в этом вопросе. У нас есть третий корпус - чисто казачий: там на всех командных должностях - одни казаки. Есть и смешанные отряды. Кубанцы не могут претендовать на крупные штабы, так как у них нет офицеров генерального штаба. Из пяти корпусов тремя командуют не казаки, двумя казаки. Теперь на очереди стоит выделение особой Кубанской армии, и Кубанцы с удовольствием оставили у себя многих неказачков, например, барона Врангеля. В Кубанской армии, понятно, командующий или Походный Атаман будет казак.

Ген.Драгомиров. - Речь идет об едином русском командовании, а не о подчинении Добровольческой армии. Она выделяется.

Ген.Краснов. - Казаки в этом не разберутся. Партии используют. Парамонов получит липший козырь агитации.

Ген.Шершачев. - Кто такой Парамонов?

Ген.Краснов. - Ваше превосходительство, Антон Иванович. Акту объединения командования должно предшествовать появление добровольческих частей на Донском фронте.

Ген. Романовский. - У нас уже стоят части на Донском фронте.

Ген. Денисов. - В тылу у нас стоят, а не на фронте.

Ген. Романовский. - Это можно оспаривать. Что Вы называете фронтом и тылом. Вы не признаете до сих пор единства фронта, а мы притягиваем противника на себя. Мы могли бы уйти...

Ген. Поляков. - Это увеличило бы наш фронт на одну армию. Мы теперь сдерживаем плоть, имея фронт свыше 1000 верст.

Ген. Краснов. - Заключим секретное соглашение. А то 1-го февраля соберется Круг и спросит - на каких основаниях?

Ген. Романовский. - Но если и не будет объявлено, то Круг все равно спросит. Из этого секрета не сделаешь.

Ген. Драгомиров. Секрета из этого делать нельзя. Надо сообщить выработанный текст приказа и его опубликовать.

Ген. Краснов. - Текст такой: "...за исключением Донской армии, которая останется в подчинении Донского Атамана".

Ген. Драгомиров. - Этот текст не годится. У Антона Ивановича были оговорки красной нитью. Как огласить? Ведь работа у нас уже идет. Придут союзники, а у нас разрозненность.

Ген. Краснов. - Когда придут, тогда и будем разговаривать.

Ген. Драгомиров. - Единое командование должно уже теперь начать разговаривать с союзниками о снабжении.

Ген. Краснов. - Мы на это снабжение не рассчитываем. Оно поступает в Добровольческую армию, и потому она может одна вести переговоры с союзниками. Для этого единое командование не требуется.

Ген. Денисов. - Вам нужно единое командование, нам нужны ружья. Вы получили 18 тысяч винтовок и не дали нам ни одной...

Ген. Деникин. - Откуда эти сведения? Они из газетного фельетона.

Ген. Поляков. - Если считать таковым заявление Вашего помощника ген. Лукомского на совещании 13-го ноября в Екатеринодаре о прибытии в адрес Добровольческой армии около 18 тыс. винтовок и нескольких миллионов патронов.

Ген. Деникин. - Не может быть. Это из "Приазовского Края". Вы ссылаетесь на отсутствующее лицо. Мы получили от союзников только 8 тысяч винтовок, переделанных под турецкий патрон. Союзники были очень смущены. Эти винтовки нам не нужны. Если у Вас есть в них необходимость - мы их Вам уступим, но к ним нет ни одного патрона.

Ген. Краснов. - Вы хотите приказ - пишете: все армии подчиняются Вам, кроме Донской, которая остается у Донского Атамана.

Ген. Романовский. - Генерал Шербачев говорил здесь о Вашей энергии. Мы были на Дону больше генерала Шербачева и имеем возможность ценить Вас еще больше. Много останется в Ваших руках и в руках Вашего штаба.

Ген. Краснов. - Нам очень трудно. Мы стоим перед развалом в Хоперском и Усть-Медведицком округах. Союзники казаков только мянут. Их неприход фронт разлагает. Единое командование будет только повод для лишних разговоров. А по существу это - все же "мы".

Ген. Драгомиров. - Да, все те же "мы", но объединенные.

Ген. И. Поляков.
(Окончание следует).

В П О Х О Д

(Окончание, см. № 25)

Они оба тоже почти непрерывно следили за ходом боя и только изредка что-то друг другу говорили. Снаряды противника рвались шагах в 200 от местонахождения командующего, так что весь штаб подвергался в это время артиллерийскому обстрелу. Чтобы не мешать работе штаба, мы свернули в боковую улицу и рысью поехали разыскивать наш обоз. Но обозы уже успели подойти вплотную к Сысоевке, и искать пришлось недолго.

Всего шагов 400 в тыл отделяли нас от штаба. Тут расположились обозы всех разрядов, собранные в 3 колонны, так что и обозные имели полную возможность наблюдать за развитием боя. На одной из мельниц находился наш артиллерийский наблюдательный пункт; очевидно, большевики это предполагали и потому усиленно били по холмику. Шагах в 50-ти впереди нас находился перевязочный пункт, куда уже начали прибывать раненые.

Часов до 7 утра мы простояли на одном месте, пока не пришло приказание двигаться дальше. Медленно стали обозы двигаться вперед к деревне Крученая Балка, которая находилась верст в двух от Сысоевки. По дороге нам попадались брошенные повозки и колыхаги с различным большевизским добром, попадались трупы людей и лошадей. Ружейные выстрелы постепенно стихали, и все дальше и дальше уносилась орудийная стрельба. Войска шли победоносно вперед - с задачей еще сегодня занять слободу Воронцовскую и прилегающую к ней железнодорожную станцию Торговую.

Настал день, стало жарко, солнце знойными лучами сушило воздух, что вызывало жажду у людей и лошадей. Все обозы постепенно втянулись в Крученую Балку, и подводы разъехались по хатам в ожидании новых распоряжений. Вечером было получено приказание выступить и идти прямо на слободу Воронцовскую, чтобы там присоединиться к полкам.

- Станция Торговая занята в 5 часов вечера, - доносились радостные восклицания отовсюду, - приказано двигаться прямо туда.

Расстояние до Воронцовской было около 12 верст, но так как мы выступили поздно, то прибыли в слободу только в девятом часу вечера. Становилось уже темно, и пришлось приютиться в первой попавшейся хате. Когда мы въехали во двор и заглянули во внутренние покои избы, то там никого из обитателей не оказалось.

- Хозяин, хозяйка! - звали и кричали мы по всем направлениям. Но ответа не было.

- Ну, что ж, коли нет хозяев, то давайте распоряжаться сами, - сказал начальник обоза корнет Рабен.

Люди не заставили повторять команду и быстро разошлись по разным углам за всякими хозяйственными принадлежностями. Кто достал самовар и наливал воду, кто собирал овес для лошадей, кто искал молоко, хлеб и сено для корма. Я решил пойти за молоком и за хлебом и для этой цели зажег свечу, найденную в хате, и хотел спуститься в погреб. Отворил дверцы и вдруг услышал громкий плач маленького ребенка. На мой зов прибежал Малыхов, и мы вместе стали спускаться вниз в погреб. К нашему изумлению мы нашли в этом ужасном помещении с затхлым и спертым воздухом целое семейство, состоявшее преимущественно из женщин.

- Что вы тут делаете? - громко, с изумлением в голосе обратились мы к этим странным людям.

Полное молчание было ответом на наш вопрос.

- Что вы тут делаете, эй, люди? - переспросили мы в более мягком тоне.

- Ничего! - еле пролепетал какой-то голос.

- Так выходите же наверх! Вы, что ли, хозяева?

- Мы! - опять нерешительно ответил кто-то.

- Чего там засели? - кричал им Малахов. - Гости к вам приехали, а вы в погреб забрались! Чего еще придумали? Ну, и бабье же глупое!

Постепенно, одна за другой, женщины зашевелились и начали вылезать из своего укрытия и подниматься по лестнице наверх.

- Чего это вы вздумали прятаться? - спрашивали их, когда все вышли из погреба на двор.

- Да нам сказывали, что вы людей едите!

- Какие это вам дураки сказывали?

- Да те, что здесь были!

- Большевики, что ли?

- Ну да, большевики.

- А ну, хозяйки, - прервал всех корнет Рабен, - довольно болтать, марш за дело! Ставьте самовар и готовьте ужин! Мы проголодались, хотим есть и спать!

Женщины уже веселее поплелись в кухню и принялись за работу, охотно отвечая на все наши вопросы.

- Что, много у вас было большевиков?

- Ох, много - сказывали, что 30 тысяч.

- Чего же они так быстро удрали?

- Все гомонили днем, что не "кадеты", дескать, идут, а сам немец.

- Почему же немец?

- Потому бацут, що немец так из пушки палит, а "кадеты" так не могут.

В общем, жизнь в хате как будто снова наладилась. Появился долгожданный самовар, крынка с молоком, хлеб, чай, сало и т.д. Всего было вдоволь.

Воодушевление у всех было большое. После бессонной ночи и тяжелого дня настал покой, чувствовалась радость, потому что Армия сегодня победоносно закончила маневр, и с этой радостью в сердце мы заснули, не думая о том, что еще предстоит впереди.

На следующий день утром мы присоединились к полку.

12-ое июня было тяжелым днем для Армии. Победа досталась дорогой ценой: был тяжело ранен в бою артиллерийским снарядом герой Добровольческой Армии, начальник 1-й дивизии генерал-майор Марков. Через несколько часов после ранения он скончался. Тяжелая рана в спину и голову была смертельной для него, пришла смерть и безжалостной рукой унесла его в другой мир. Генерал Марков был очень популярен в войсках, его любили и уважали, о нем сочиняли даже целые легенды и часто рассказывали о его храбрости, находчивости и умении ориентироваться в любой обстановке. Суждено было Богом отнять его у нас, а нам грешным оставалось только покориться и исполнить последний долг воина у гроба.

13-го июня вечером останки покойного генерала должны были прибыть на станцию Торговую. Для этого на станцию был назначен наряд войск для отдания воинских почестей погибшему. Около 7 часов вечера приехал генерал Деникин с некоторыми чинами штаба, чтобы присутствовать при перенесении тела со станции в местную церковь, откуда гроб должен был быть переправлен в Новороссийск для погребения.

Когда гроб вынесли из вагона, хор трубачей заиграл "Коль славен", и войска взяли "на караул". Грустно было смотреть на траурную процессию; собралось много народа сопровождать траурный лафет. Офицеры многих полков пришли помолиться за упокой души большого русского генерала, жизнь свою положившего за други своя.

Михаил Борель.

- - оОо - -

НАШИ СЕСТРЫ.

Первая генерала Маркова батарея понесла тяжелые потери за 3 года борьбы против красных. Пали в боях ее командир полк. Миончинский, весь выдающийся первоначальный командный состав и большинство рядовых чинов. Оставшиеся почти все были переранены, многие по нескольку раз. Были убиты и две сестры милосердия и дважды ранена третья. О них я и хочу вспомнить.

При соединении 4-й и 1-й батарей в Новодмитриевской, вместе с остальным составом к нам попала и сестра милосердия - уроженка Донской области, Ольга Ивановна Горшкова. Скромная и деловитая, она завоевала общую симпатию и уважение за свое недолгое пребывание в батарее.

Помню один из переходов после отхода от Екатеринодара. Я шел, придерживаясь за щит орудия, а рядом шла Ольга Ивановна со своей полевой сумкой. Меня поразило выражение глубокой печали на ее лице, и я невольно спросил: "Отчего вы так грустны? Слава Богу, мы вышли из окружения и идем к вам на Дон". Она ответила, что вспомнила своего жениха, оставшегося на германском фронте, и родных и чувствует, даже знает, что никогда их больше не увидит. Я был смущен уверенностью ее слов и пытался сказать ей что-то в утешение. Но она молчала.

Через несколько дней при переходе железной дороги у Горькой Балки батарея попала под орудийный и пулеметный огонь бронепоезда. Быстро снялись с передков и прямой наводкой отогнали красных. В нескольких шагах от орудий низким разрывом шрапнели была убита Ольга Ивановна.

Елена Ильченко, известная под другим именем на юге артистка, поступила в батарею во втором походе. Поразительно красивая, она держала себя с большим чувством собственного достоинства и полным бесстрашием. Невольно все мы "подтягивались" во всех отношениях в ее присутствии. Убита она была под Армавиром, когда погибло наше 3-ье орудие, сопровождавшее Сводно-Гвардейский полк.

После боя под Ростовом в 1917 году наша батарея вернулась в Новочеркасск и расположилась в Платовской мужской гимназии. Заботу о нашем питании взяла на себя заведующая бывшим до нас в гимназии л. заретом. Ей помогала сестра милосердия, казачка станицы Кумшацкой,

Домна Ивановна Сулацкая. В начале января 1918 года взвод батареи был отправлен в отряд Чернецова, защищавшего Донскую область севернее Новочеркасска. К взводу присоединилась и Домна Ивановна. Позднее она нам говорила, что ей было бесконечно жаль нас, таких молодых и одиноких на Дону, идущих защищать Новочеркасск, в то время как офицеры и казаки расходились по домам. Небольшого роста, крепкая, ловкая и хозяйственная, она казалась мне воплощением лучших черт казачества. Скоро стала она для нас не только образцовой и бесстрашной сестрой милосердия, но и как бы старшей сестрой всех нас - 18-летних юношей. Она была старше нас года на три и держала себя соответственно - по-домашнему просто, деловито и серьезно.

Нельзя представить себе 1-ую ген.Маркова батарею без полковника Миончинского, капитана Шперлинга и Домны Ивановны.

Бои 1-го Кубанского похода всломинаются мне монотонными переходами, прерываемыми появлением у орудия командира батареи или самого генерала Маркова командой: "Номера на передки садись! Орудия рысью марш!". Наскоро вскочивши кто на передок, кто на лафет или зарядный ящик, мы обгоняем колонну и идем вперед к цепям прогнать бронепоезд или сбить пулеметы. Ясно помню, как под выстрелами мы под обстрелом неслись вперед сбить пулеметы противника у мельницы. Едва успевши вскочить на переходящий на рысь зарядный ящик, я увидел ловко на ходу прыгнувшую и приютившуюся на стреле ящика (окованный железом деревянный брус, соединяющий ящик с передком) Домну Ивановну. На мое удивленное замечание: "Куда вы, Домна Ивановна, ведь только одно наше орудие идет в цепи!" - она спокойно возразила: "Вот потому-то мне и надо быть с вашим орудием: не дай Бог, кого-либо пуля зацепит!" И так всегда Домна Ивановна находила, где ей "надо быть". Господь хранил ее, и она отделалась только двумя ранениями.

В тяжелом и неудачном бою под Шипкиным в декабре 1918 года, где был убит у орудия полк. Миончинский, Домна Ивановна под пулями переходила от орудия к орудью и наливала из фляжки каждому поочередно стопочку разбавленного спирта, а на закуску давала по ломтику хлеба с куском сала. Кухни в этот день мы не видели и ночью вышли, ничего не евши.

Вспоминаю конец января 1919 года в Донецком Бассейне. Наше орудие еще до рассвета заняло позицию в стороне от железной дороги, ожидая "Черномора" - красный бронепоезд с командой из матросов, причинявший нам большие неприятности.

Недалеко у железной дороги - полуразрушенная гранатой будка путевого сторожа. Холодно, острый ветер и мелкий частый дождик, постепенно проникающий струйкой за воротник шинели; влага пропитывает обувь, одежду и папаху. Прибывши за несколько дней до этого из госпиталя после сыпного тифа, я был еще очень слаб и в каком-то пассивном состоянии лег на мокрую землю возле колеса стоящего на позиции орудия и задремал с мыслью: хоть бы "Черномор" скорее появился, чтобы согреться и избавиться от противной мелкой дрожи... Вдруг чувствую, что кто-то трясет меня за плечи, и слышу настойчивый голос Домны Ивановны:

- Прапорщик Лысенко, идите скорее чай пить, командир взвода разрешил поочередно пройти закусить.

Действительно, подошел прапорщик М., сменивший меня у орудия. Вместе с Домной Ивановной я прошел к разбитой покинутой будке.

Оказывается, наша сестра заставила ездовых закрыть от ветра и дождя деревянными щитами разбитые окна и стену будки и вскипятила воду в котле уцелевшей печки. Поочередно Домна Ивановна поила нас всех чаем, прибавляя "для дезинфекции" немножко спирту, и угощала ломтем хлеба с неизменным салом. Где и как она все это доставала, никто из нас не спрашивал. Промокшие и голодные люди веселели, согретые заботой нашей сестры милосердия - казачки.

Много можно вспомнить таких эпизодов боевых будней, когда Домна Ивановна, исполняя свой прямой долг - перевязки раненых и лечения больных - находила еще время и силы своей заботой скрашивать тяжелую жизнь строевого состава.

После 1-го похода часть наших казаков перешла в казачьи части, но Домна Ивановна осталась с нами - марковцами.

- 0 -

В Галлиполи в наш дивизион были зачислены офицеры разных расформированных артиллерийских частей. Среди них был и кадровый офицер, командовавший батареей на германском фронте, капитан Я. Нам он казался пожилым, так как ему было уже "за тридцать". Тактичный и добрый, он быстро завоевал общее уважение и симпатии. По прибытии в Болгарию, где не сразу наладилась наша жизнь, его единогласно выбрали заведывать артельным хозяйством. Несмотря на прогрессирующее уменьшение отпуска сумм на довольствие, он прекрасно поставил питание дивизиона. Завел целое хозяйство - огород и свиней, - чтобы улучшить довольствие; по ночам он уезжал в горы, в далекие села, дабы рано утром попасть на базар и к жителям и достать свежие и дешевые продукты. Все мы ценили его энергию, настойчивость и удивлялись положительным результатам.

В 1923 году я покинул Болгарию и уже в Чехословакии узнал, что Домна Ивановна вышла замуж за капитана Я. Мои друзья перед 2-й Мировой войной ездили в Болгарию и встречали чету Я. и их подрастающую дочь.

Трогательно отзывалась Домна Ивановна о всех нас, живущих и ушедших в иной мир, и говорила, что все мы были для нее, как "родные дети".

Пусть мои далеко не полные и краткие записки будут моей данью благодарности этой исключительно скромной и героической русской женщине.

Иван Лысенко.

- - 000 - -

"...Но вера, перешедшая в уверенность, что СВЕТОЧ, внесенный в мир две тысячи лет тому назад, не может быть осилен тьмой, должна внести в душу человеческую утешение и бодрость. Эта же уверенность внушает видеть пути возрождения человека в возрожденном человечестве, совершающем свой жизненный путь под стягом, на котором в обновленном сиянии будет гореть знамение:

"In hoc signo vinci" - сим знаменем победишь."

- - 000 - -

Из архива ген. С.В.Денисова.

ПИСЬМО П.Н.МИЛКОВА Князю ПАВЛУ ДОЛГОРУКОВУ.

(Исторический документ, нигде до сих пор не опубликованный).

В ответ на поставленные Вами вопросы, как я смотрю на совершенный нами переворот, чего я жду от будущего и как я оцениваю роль и влияние существующих партий и организаций, пишу Вам это письмо, признаюсь, с тяжелым чувством. Того, что случилось, мы, конечно, не хотели. Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или конституционной Монархии, с Императором, имеющим номинальную власть, преобладающего в стране влияния интеллигенции и равноправия евреев. Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно... Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, что временную разруху в армии остановим быстро, и, если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатив за свержение Царя лишь временной отсрочкой этой победы. Надо сознаться, что некоторые даже из нашей партии указывали на возможность того, что потом произошло, да и мы сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии. Что же делать, ошиблись в 1905 году в одну сторону, теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда не оценили сил крайних правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов. Результаты Вы видите сами. Само собой разумеется - вожаки Совета Рабочих Депутатов ведут нас к поражению финансовому и экономическому краху вполне сознательно. Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций, помимо полной своей бессмысленности, уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками, подорвала наш кредит. Конечно, это не было сюрпризом для изобретателей. Не буду излагать, зачем это нужно было вес... Кратко скажу, что здесь играли роль частью сознательная измена, частью желание положить рыбу в мутной воде, частью страсть популярности. Конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, т.е. блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны. Вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время.

История проклянет вождей так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю. Что же делать теперь? - спросите Вы. - Не знаю, т.е. внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к Монархии, знаем, что все события последних двух месяцев ясно доказывают, что народ не способен был принять свободу, что масса населения, не участвующих в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать этого мы не можем. Признание

есть крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями, признать не можем, противодействовать не можем, соединиться не можем с теми правыми и подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись, также не можем. Вот все, что я могу сейчас сказать.

- - оОо - -

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

"На семь морей раскинулась привольно,
Свое богатство с нищими деля,
Переливаясь звоном колокольным,
Стояла Русская Земля"...

Являет ли собой всякая история народа нагромождение повествований о событиях и происшествиях, чисто случайных, на жизненном его пути, или в ней нужно искать положительную закономерность, лежащую в самых глубинах народного духа?

Народ живет своей, присущей ему, внутренней силой, которая, как источник в пустыне, как живое зерно в поле, будет стремиться пробиться наружу.

Вероятно - и несомненно - всякий народ, как и отдельный человек, приходит в мир, чтобы осуществить свою судьбу, свое задание. Жизнь его должна быть осмысленна. В каких бы условиях ни жил человек и целый народ, - линия направления его духа и стремления останутся одни и те же. Если каждому отдельному человеку в мире вручается Владыкой жизни некий "евангельский талант", - то тем более он вручается целому народу. На мирском языке это называется ПРИЗВАНИЕМ.

ПРИЗВАНИЕ - это назначение человека, это задание, для которого он призван в этот мир.

ПРИЗВАНИЕ есть служение красоте, Правде и Истине, положенным в основу мироздания.

Большое заблуждение отдельных людей и партий, искупающихся подчинить себе историю человечества. Жизнь мира - в руках Мироздателя, пути насельников земли записаны в скрижалях Божественного произволения о судьбах народов и наций. Еще Достоевский указывал, что тайна всемирной истории и ответ на глубочайшие запросы человеческой природы - в советах могучего и умного духа в пустыне. Но во всех искушениях всегда заложена ложь, и рано или поздно эта ложь обнаружится.

Знание истории имеет большое воспитательное значение. История, как изложение жизни отдельного народа, открывает и характеризует силу народного ума, его проникательность, волю народную, расовый разум и может предвещать будущие исторические пути.

История русской государственности определяется началом бытописания или ЛЕГЕНДИЕЙ.

"С е П о в е с т и В р е м я н н ы х л е т (черноризца Феодосьева монастыря Печерского) о т к у д а е с т ь п о ш л а

Русская Земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская Земля стала есть"... НЕСТОР Летописец.

Нестор, инок Киево-Печерского Монастыря, прозванный отцом русской истории, одаренный умом любопытным, во мраке 11-го века, по словам историка Карамзина и академика Погодина, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказания, видел памятники многих князей, беседовал со старцами и путешественниками, жителями других областей Российских, читал хроники... и возмел мысль передать на память веков деяния наших отцов-предков: мучительное рождение государства, бурное его детство. "Нестор, - как говорит о нем Погодин, - есть прекрасный характер русской истории, характер, которым должен ДОРОЖИТЬ всякий русский человек, любящий свое отечество, ревнующий литературной славе его, чистой и прекрасной"...

А.С.Пушкин писал, что "умилительная красота, младенческое и вместе мудрое простодушие, набожное усердие к власти царя, данной Богом, совершенное отсутствие суетности дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших".

Летописцу Нестору, вероятно, было известно, что Русь существовала веками задолго до призвания Рюрика, что норманы никогда в древней Руси не были завоевателями, ни организаторами, ни колонистами. Все там было создано славянскими руками.

Нестор говорит и имеет в виду ИДЕЮ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, о том моменте, когда "Русская Земля - как государство - СТАЛА ЕСТЬ".

Те, кого обыкновенно привыкли называть варягами, были на самом деле, в подавляющем числе случаев, славянами из области Полабья (Эльбы). Отряды скандинавов - викингов - играли на Руси незначительную роль личной гвардии князей. Это была наемная вспомогательная сила.

Единственным норманном-германцем был норвежец Олег, княживший по праву опекунства над малолетним Игорем. Сестра его была замужем за Рюриком. Рюрик же был внуком князя Гостомысла Новгородского от его дочери Умилы, бывшей замужем за князем Полабских славян. Из-за смерти своих сыновей и отсутствия внуков по мужской линии, Гостомysl советовал восстановить династию по женской линии. При жизни он не успел осуществить своего намерения, а после его смерти, вследствие наступивших неурядиц, послали послов за внуками по дочерней линии. Династия Гостомысла, будучи в корне СЛАВЯНСКОЙ, насчитывала до него около 8 поколений.

Само слово "Русь" идет из глубины времен и родилось оно в славянской Европе. Так как до 1168 года в средней Европе существовало племя славянское Русь, - оно и дало основание БЫТОПИСАТЕЛЮ говорить о послах к "варягам" племени Русь.

Некий писатель 14-го века - Никифор Григора - уверяет, имея данные, что при дворе Константина Великого одним из стольников был Русский князь. В г.Зальцбурге, в катакомбах при церкви св.Петра, находятся останки св.муч.Максима и его учеников, убитых вождем племени руссинов Одоакром в 477 году. Есть много данных о русских племенах в арабских и персидских хрониках и особенно в грузинских манускриптах, до конца не прочитанных (см."Историю Руссов" С.Лесного. Мюнхен. 1952).

"Братья моя милая"... - такими словами обыкновенно обращались русские князья древней Руси к своим соотечественникам-подданным.

Русская земля была пророчеством еще и доселе не наступившей истинной жизни (НАРОДА-ЦЕРКВИ)... Тот таинственный город святой, который по поверью погрузился на дно Свето-озера, но когда-нибудь снова всплывет на поверхность и будет жить - Китеж-Град - надо видеть не на дне озера, а в жизни Русской Земли и Русского Народа.

На Русской Земле, в Русской Церкви сиял неземной свет в лице не одного святого, а во множестве святых. Наши светила Духа Святого преображали не только землю, но самый воздух Земли Русской. Пишущий эти строки всегда умилялся евангельскими словами Господа:

"Есть и другие овцы, КОТОРЫЕ НЕ СЕГО ДВОРА"... - и видел в них пророчество о Святой Руси. Через Своих святых и как бы их устами Господь говорит:

"Через Свои светильники Я зажег Мой Свет в сердцах людей. Кто хочет Божьего счастья - приходи и бери!"...

Архимандрит Феодосий.

- - ооо - -

Х Р О Н И К А.

В субботу 30 ноября, в клубе Первопоходников на Кенмор авеню, состоялось собрание узкого кружка соратников, на котором гостем - подполк. Лисицыным - был прочтен обстоятельный доклад о его поездке в Европу, после которого был показан фильм и отдельные снимки этого путешествия.

Перед зрителями красочным каскадом пронеслись Лиссабон, Мадрид, Ницца, Рим, остров Капри, Неаполь, Афины и Константинополь. И почти с каждого кадра, с каждой отдельной картины на нас смотрели, улыбаясь, милые, родные лица наших соотечественников, с которыми встречался в своем путешествии наш гость.

Конечно, как и везде, средоточием встреч были наши православные храмы, некоторые из которых поражали всех своей величественностью и красотой. Особенно запомнились храмы в Ницце и Афинах. Первый своей пышной стройностью и величием, а второй своей прекрасно сохранившейся древностью и тонкостью взлетных форм.

Удивляет в этом путешествии поразительная дешевизна отелей, питания и средств передвижения. Так, отель с завтраком стоит в большинстве городов Европы не больше полутора доллара в сутки, что для нас сейчас кажется просто легендой, а такси через весь город, на 100 долларов, исчисляется в центах.

Отношение к путешественнику везде было весьма предупредительным и благожелательным. Особенно радостными, конечно, были встречи с соотечественниками, любезность которых не знала границ и которые с удовольствием брали на себя миссию гидов, показывая достопримечательности городов и окрестностей.

Доклад и показ затянулся до позднего вечера, после чего, плотно и вкусно закусив приготовленными гостеприимными хозяевами клуба яствами и запив все это положенным к сему случаю аперитивом, гости разошлись, унося с собой незабываемое впечатление уюта, красоты и прелести уже забываемой нами, нашей милой и родной старушки Европы.

М. Коваленский.

М. Бугураев.

ЧЕРНЕЦОВЦЫ -
- ТИХОГО ДОНА
ПАРТИЗАНЫ.

Последний патрончик...

"Не плачьте, матери, о нас,
Не плачьте, жены, дети...

.....
Сумеет честь мы отстоять
Иль умереть со славой".

(Песня добровольцев).

В день годовщины "белого движения" собралось вместе старых эмигрантов много, невозвращенцев новых из России, а также русских девушек и юношей, в Америке рожденных. Шел разговор о прошлой жизни в "России Царской", о войне гражданской и о борьбе с большевиками.

Вдруг кем-то задан был вопрос: кто может рассказать нам о чернецовцах - партизанах Войска Донского?

Все сразу замолчали...

- Был я в отряде партизанском у Чернецова - раздался голос неожиданно, в глубокой тишине, - и вам я расскажу о нем.

- Был век двадцатый, а год семнадцатый еще в начале. Немецкая война была в разгаре, - так начал свой рассказ-воспоминания Георгий Лобачев, донской артиллерист, и продолжал:

- Наш Император, Царь наш отказался от престола. Все сразу рушилось. Порядка уже не было. "Свободы" начались в России. Развал и смута все больше, больше становились. Большевики хотели силой власть захватить и управлять страной.

На фронте в Армии началось разложение. "Братанье" со врагом пошло, и не хотели больше воевать солдаты. Большевики им обещали "мир заключить с врагом и наделить землю каждого".

А в октябре гражданская война уже началась.

Дивизии донцов и войск других казачьих, "Правительства России Временного" приказы исполняя, снимались с фронта и в бой вступали с большевиками), порядок защищая.

*) Пятая Донская Каз. дивизия в г. Киеве (28-30 окт. 1917 г. ст. ст.), бригада Сводно-Казачьей Куб. дивизии; один батальон Корниловского ударного полка; одна рота чехо-словаков; юнкера и немного добровольцев.

Недолго продолжалась борьба эта, и вскоре казакам другой приказ был дан - "идти домой" - донцам на Дон, кубанцам на Кубань...

На Дон стремились все, кто верен был России, кто добровольно защищать ее хотел, кто власти большевицкой не признал и ей еще сопротивлялся.

Солдаты, офицеры, генералы - с опасностью для жизни все пробирались на Дон, где начиналось формирование Добровольческой Армии.

Прибыл туда же Лавр Корнилов генерал.

Хоть позже, чем в других краях России, и на Дону развал начался тоже. Восстали брат на брата казаки; а сын уже не слушался отца.

И постепенно большевизм (вот эта страшная болезнь) всех захватил казаков, особенно фронтовиков.

Настал момент, в конце то было ноября (26 ноября - 4 дек.), когда уж нужно было защищать Ростов, что на Дону. Рабочие восстали там, желая поддержать большевиков, а помощь оказал им Черноморский флот - десантом из матросов.

И были Атаманом Войска посланы в Ростов: немного офицеров - донских охотников, донские юнкера, донские партизаны, часть верных Войску казаков и добровольцы из Добр. Армии - приказом Алексеева *).

Они Ростов заняли с боем небольшим. Но все же, постепенно, и с севера и с юга, с запада - все больше, больше наступали большевики. "Всех партизан, кадетов, юнкеров", а также добровольцев офицеров им уничтожить надо было и взять Новочеркасск.

У казаков разлад и нелады все увеличивались. Они уже не хотели больше воевать с большевиками и защищать престольный град. Все разъезжались самовольно по домам, опасности не видя в большевизме.

Тревожное, тяжелое настало время.

Кто же будет защищать Новочеркасск?

"Конечно, юнкера донские и партизаны, при помощи отряда добровольцев", - решают те, кто борется с большевиками.

В году осмнадцатом январь был двадцать первый (ст.ст.). В тумане, на рассвете, в районе станции Глубокой у Чернецовцев-партизан бой разгорелся со врагом **).

Всего лишь взвода два с одним оружием (имеющим снарядов двадцать), под командой лихого есаула Чернецова, вели огонь и наступление, чтобы облегчить атаку Лазарева-партизан на Каменскую ***).

*) "Очерки Русской смуты", том 2, стр.173 - читаем: "Офицерство и юнкера на Барочной были мобилизованы, составив отряд в 400-500 штыков, к ним присоединилась донская молодежь - гимназисты, кадеты, позднее одумались несколько казачьих частей, и Ростов был взят".

***) Атаман А.М.Каледин не хотел, чтобы партизаны воевали против казаков-фронтовиков. Но казаки под командой войск.старшины Н.Голубова напали на Чернецовцев, и партизанам осталось одно - защищаться, что они и сделали.

***) В то время, когда Чернецов вел наступление на Глубокую, Лазарев с другими партизанами должен был занять станицу Каменскую и станцию и тоже вести наступление на Глубокую в помощь Чернецову.

Им начала отвечать батарея (орудия четыре) *). Как после оказалось - своих же казаков-фронтовиков, которые решили с большевиками вместе "кадетов-партизан" разбить и уничтожить, чтоб они не мешали им занять Новочеркасск и посадить там Атамана своего, угодного большевикам. Все эти казаки забыли честь и славу, родство и братство и любовь. Заслуги прадедов, дедов, отцов своих забыли.

А эта группа партизан, хоть малая числом, но духом сильная, боролась, защищая правду, закон и справедливость. Боролась за Дон свободный, за Веру православную, за всех покорных порядку верных казаков, за Русский весь народ, Россию тоже защищали.

И, наступая, партизаны-Чернецовцы не ложились на землю без команды, под градом пуль, осколков от гранат и рвущихся в воздухе шрапнелей.

Кто хоть один лишь раз такое наступление вел, тот знает хорошо, отлично знает все напряжение бойца, его отвагу, смелость и храбрость беззаветную, которую иметь он должен.

Бой шел весь день. Темнеть уж начинало. Кто ранен был из партизан - давно "прикрытием" к орудиям, снаряды расстрелявшему все, ушли назад. Оставшиеся партизаны цепочкой редкой продолжали наступление и шли вперед... вперед...

Вдруг - "Строй каре! Атака кавалерии!" - раздались грозные командные слова.

Замолкли сразу Чернецовцы, в каре построились внезапно, быстро. Как еж, штыками ошетинились и... з а м е р л и. Все ждут...

Донские казаки-фронтовики, забывши Бога и старые дедовские заветы, в атаку конным строем, лавой на партизан пошли.

А кто же были эти партизаны?! Казачата, почти что дети: Кадеты, гимназисты и юнкеров немного с офицерами.

- И страшно... страшно стало... - с трудом сказал рассказчик и продолжал:

- А вдруг они не выдержат и, не приняв атаки, дрогнут, и Чернецовцы в страхе побегут? Тогда под штыками своих же казаков-донцов погибнут все.

- Не бойся! Залпами... по... кавалерии! - команда снова раздалась Чернецова.

Хоть беспокойно, но терпеливо "команду исполнительную" ждали партизаны.

А конница все ближе... ближе... Та конница, чьи деды, прадеды давно уж, много-много лет тому назад прославились атаками в походах и боях.

*) Стрелял 12-ая Дон.каз.конная батарея под командой есаула-донца Максимилиана Степановича Житенева. Чтобы не нанести поражения партизанам, он вел стрельбу из орудий на очень высоких разрывах, при которых шрапнельные пули теряют свою пробивную способность. После восстания казаков ес.Житенев был арестован и судим военно-полевым судом в Новочеркасске. Меня, как его сослуживца по 12-й батарее и в качестве эксперта - вызвали на суд. Ес.Житенев был судом оправдан; получил в командование донскую конную батарею и в одном из боев с красной конницей Думенко, при захвате ею батареи, был зарублен красными казаками.

В бою с татарами на Куликовом поле. Под гор. Азовом при взятии его от турок, и не раз один. В походе через Альпы с генералиссимусом Суворовым, непобедимым полководцем. В войне "Отечественной, когда "вихрь-Атаман" граф Платов командовал донцами, сражаясь с французами, с Наполеоном. В "Освободительной" войне, когда от турок "братушек" наших защищали.

И вот настало время, когда потомки той конницы, лихой и знаменитой, как вихрь или ураган, неслись в атаке лавой на малых казаках. Хотели смять, разбить их каре и шашками ковыми, острыми всех уничтожить, всех порубить.

А в это время партизаны, услышав резкую команду "пли!", так дружно залпом грянули, как будто выстрелил один.

Была команда снова: "Залпом... пли!" И снова стреляли партизаны метко, как один, атаку отбивая конницы казачьей. Залп следовал за залпом, непрерывно, по команде.

И вдруг казачья конница остановилась, не выдержавши залпов партизан. И, круто повернув коней назад, отхлынули фронтовики. А Чернецовцы снова наступление продолжали и конных казаков еще атаки две отбили.

Почти совсем стемнело. Бой продолжался. У партизан патронов уже мало. Что ж делать дальше?

- Беречь патроны! Не стрелять! - приказ вдруг строгий отдал командир.

А казаки, поняв, что конными атаками не взять им партизан, решились на обман и Чернецову предложили вступить в переговоры.

Поверив в искренность коварного врага, учтя создавшуюся обстановку (без патронов ночью бой вести, а неприятель - опытные в боях казаки), желая также партизан, еще оставшихся в живых, спасти от верной смерти, решил он - и предложение это принял. Во время же переговоров, почти что незаметно, постепенно фронтовики всех окружили партизан. И... сразу бросившись на них, пленили.

И говорили, удивляясь, казаки:

- Так вот какие Чернецовцы храбрые, лихие! Все наши конные атаки вы отбили, тогда как даже немцы часто нам сдавались в плен, атак не принимая наших.

Так был пленен обманом наш храбрый командир Василий Чернецов, по батюшке Михайлович. И дали казаки ему коня, так как при первой же еще атаке конницы он пулей ружейной в ногу ранен был.

Обезоружили всех пленных и повели их в большевицкий штаб на станцию Глубокая.

В пути вдруг партизаны, когда приблизились к железной дороге, увидели на станцию Глубокая из Каменска идущий бронепоезд. И Чернецов, решив, что это "наши - Лазарева партизаны", что это помощь нам, вдруг закричал:-- "Ура! Наша берет!" - И шашку выхватить хотел у верхового казака, соседа. Но... не успел... и... безоружный, на коне он им зарублен был *).

Воспользовавшись же этой суматохой, все разбежались партизаны. Фронтовики, ссудяв "Кайново дело", не собирали и не ловили больше партизан.

*) Зарубил его артиллерист - подхорунжий 6-й дон.каз.батареи (не армейской, а гвардейской) Подтелков.

Январь двадцать девятый был (стиль старый), когда герой прорыва Луцкого, "наш Каледин", любимый Атаман, спасая Дон и казаков, предупреждая о гибели казачества возможной, неизбежной... вдруг в грудь свою из револьвера выстрелил и сам себя убил.

И дружно отзвались донцы на этот выстрел роковой, тревожный и собирались защищать они Новочеркасск.

Но... было уже поздно, потому что казаки мятежные и с ними во войск немалое число, "товарищей-большевиков", все приближались к городу. И был февраль двенадцатый, когда без боя они его заняли.

Жестокая расправа началась сейчас же *). Бессудные расстрелы всех раненых, оставшихся в госпиталях. Аресты офицеров и их расстрелы там же, на дому. Расстрелян был и генерал Назаров, последний Атаман, и с ним одновременно еще шесть человек **).

А города защитники - одни ушли в Донские степи, а партизаны-Чернецовцы, оставив город еще раньше, ушли с Добр.Армией в поход Кубанский первый. И вел их генерал Корнилов Лавр. Герой был, храбрый, легендарный генерал, любимый всеми верными России.

Из нас никто не знал, что думал он. Что добровольцев всех и нас ждало? Быть может, у него была надежда, что казаки восстанут скоро, поняв и разобрав обман весь большевизма?

Куда он вел нас? На срок какой?

Никто его не спрашивал! Все шли за ним сознательно и добровольно туда, куда вел нас герой любимый.

Хотя он и убит в бою ***) осколками снаряда орудийного, но память о нем осталась вечно, навсегда в сердцах народа русского.

И после смерти генерала - поход все продолжался. С боями, беспрерывно, шли днем и ночью по Кубани и на подводах раненых везли с собою.

Ни фронта не было у нас, ни тыла. Сражались со врагом мы, который был везде, кругом... Ряды редели постепенно от потерь в боях. Все меньше, меньше становилось нас...

"Вперед! Россия ждет нас..." - пели добровольцы и часто, без патронов, с песней умирали.

"И Бог и Правда с нами. Воскреснут вновь Дон и Россия. В любви жить будут казаки и весь народ!" Так думали все партизаны, несметные врага отряды разбивая. И... шли вперед, вперед...

Вдруг, неожиданно совсем для нас, обратно повернули все назад, узнав о казаков восстании на Дону.

Пришли в Новочеркасск. Но многие из Чернецовцев-партизан, за Родину погибших с честью, уже не вернулись назад. Вдали от Дона, на Кубани, лежат их кости. И часто ветерок колышет там цветочки полевые на их сокрытых от врага, заброшенных могилах. Да голову свою седой ковыль под дуновением того же ветерка к могилкам преклоняет. Трава же сухая, формой своею похожая на шар - колючка "поле перекачнсе" - в степи с кургана на курган, с могилы на могилу тем же ветром катится.

*) Одних офицеров было убито около пятисот человек, - читаем в "Очерках Русской смуты", т.2-й, стр.173.

..) Ген.М.Усачев, в.ст. Волошин, ген.м. Исаев, ген.м. Груднев, подп.Рот; фамилий седьмого, к сожалению, я не знаю.

**) 31-го марта 1918 г. (Оч.Рус.См., т.2, стр.298).

Как будто проверяет всех, в боях убитых за Свободу, за Веру, за Правду и Любовь, за Дон, за Родину и за Россию!

Умолк рассказчик-есаул. Все терпеливо ждали продолжения его рассказа... дальше. Немного помолчав, он снова продолжал:

- Затем пошли бои уже на Дону. И вновь сражались добровольцы вместе с казаками, Дон защищали, мечтали и о спасении России...

Сначала было очень тяжело нам всем, силен был слишком враг. Потом... пошли вперед. Поход нам на Москву объявлен был.

И вдруг... все мы, защитники России, "белые войска", не выдержали натиска врага бесчисленного - "красных войск"... И... покатились... все назад... назад... Все к морю Черному пришли. В Крым переехали не все войска. Немного задержались там, опять борясь с большевиками.

И в ноябре (в начале) года двадцатого оставили родную землю, уехав за границу на кораблях военных.

Всех белых русских разбросала судьба по свету. И между ними только случайно можно встретить Чернецовцев-партизан, еще оставшихся в живых после боев в России.

И сорок с лишним лет уже прошло с борьбы начала с коммунизмом мировым. А кажется, как будто бы все это было лишь вчера... - сказал рассказчик.

- Пройдут еще года. Воспоминанья все казаться сказкой будут. Быть может, песни будут петь о всех героях этих. Быть может, и былины сложат о всем хорошем и большом, красивом и великом деле, что было свершено в борьбе Добра со Злом.

Печально головой своей поник рассказчик, воспоминанья сражений прошлых и походов переживая. Затем закончил так он свой рассказ:

- Хоть не легка всем белым русским жизнь на чужбине, но знаем все мы, что будет снова время, придет оно, когда опять все будем на Дону, в России. Когда услышим вновь колокольный звон незабываемый и радостный. Пасхальный звон услышим.

И скажут Чернецовцы на Дону всем казакам: - "Христос Воскрес!" Воскресли Правда и Любовь! Воскресли Дон и все Казачество. Россия вся воскресла. И с нею русский весь народ воскрес!"

Нью Йорк.

Максим Бугураев.

- - оОо - -

ЛИК РОССИИ.

С какой тоской, с какою скорбью
Гляжу на лик страны родной,
Залитой жертвенною кровью
За хаос жизни мировой.

Но если ты, страна родная,
Воспрянешь именем Христа,
Тобой спасется, Русь Святая,
Вся наша грешная земля!

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АКАДЕМИКА И.П.ПАВЛОВА.

В "Вестнике Первопоходника" № 24 помещена статья д-ра медицины И.Гончарова об И.П.Павлове, в которой автор приводит краткие сведения о жизни и деятельности нашего знаменитого ученого. К этим сведениям я хотел бы добавить лично мне известные некоторые детали.

Д-р И.Гончаров между прочим указывает на ту независимость и иногда вызывающий образ действий по отношению к большевикам, которыми отличался И.П.Павлов. Действительно, И.П.Павлов знал себе цену, знал и свою мировую известность (на международном съезде физиологов в Лондоне он был единогласно избран председателем), а потому знал и то, что большевики его никогда не тронут и даже будут создавать ему наилучшие условия для научной работы. Все это и давало Павлову предпосылки для презрительного и часто вызывающего отношения к советскому правительству и вообще к большевикам.

Так, во второй половине 20-х годов по инициативе и под председательством тогдашнего народного комиссара А.В.Луначарского был создан Комитет по делам культуры и искусства, в который входили представители высших научных учреждений тогдашней советской России. В этот Комитет входили, между прочим, М.Горький, И.П.Павлов и мой брат А.А.Миллер, который тогда был профессором Петербургского университета и действительным членом Академии истории материальной культуры. Комитет собирался и заседал иногда в Петербурге, иногда в Москве. И вот мой брат рассказывал, как однажды заседание было созвано в Петербурге. Стояла ненастная погода и типичная Петербургская слякоть. Собрались все, не было лишь Павлова. Прождали с четверть часа, и вот является от него посыльный, но вместо ожидаемого письма передает Луначарскому какой-то сверток. Луначарский разворачивает газетную бумагу, и оттуда вываливаются на стол старые рваные галоши. Письмо - без слов, но совершенно ясное по содержанию. Все переглянулись и улыбнулись. Луначарский тотчас же подошел к телефону и позвонил в Красный Треугольник, чтобы Павлову выслали пару новых галош номер такой-то. Кто еще в то время и в такой форме рискнул бы указать на развал советской промышленности? Красный Треугольник тогда был и работал, но выпускал такое ничтожное количество галош, что они в продажу не поступали, а распределялись между высшими партийными ответработниками.

Другой рассказ я слышал от жены моего брата, которая в то время была секретарем у академика А.Е.Ферсмана. В качестве общественной нагрузки она была профуполномоченным союза работников высших школ и научно-исследовательских учреждений. Время от времени она делала научно-популярные доклады на заводах и, главным образом, каждый месяц собирала с членов союза членские взносы. Правление союза обратило внимание на то, что научные работники и служащие Павловского Института в Колтушах не платят членских взносов. Тогда Правление союза предложило жене моего брата самой поехать в этот Институт и выяснить, в чем дело. Она поехала, вошла в вестибюль и просила доложить директору И.П.Павлову, кто она и зачем приехала. После этого в вестибюль влетел разъяренный Павлов с поднятыми кверху кулаками и начал кричать: "Мы здесь все заняты, все работаем, у нас каждая минута на счету, а вы ни черта не делаете, какой-то ерундой занимаетесь и нам мешаете. Вон отсюда!" Жена моего брата вылетела

из Института бомбой и заявила в правлении союза, что больше никогда в жизни не поедет в Институт Павлова. Так этот Институт и оставили в покое, и этот Институт представлял собою в то время единственное учреждение в СССР, коллектив которого не платил членских взносов. К этому можно еще прибавить, что среди научных работников и служащих Павловского Института не было ни одного коммуниста, и это едва ли можно считать случайностью.

В феврале 1936 года в Петербурге проходил пленум Академии истории материальной культуры, в котором участвовал и я, как член-корреспондент Академии. В это время умер Павлов. Согласно его предсмертному распоряжению, его отпевали в церкви в Колтушах и, по совершении всех христианских обрядов, гроб с его телом передали большевикам. Большевики перевезли его в Потемкинский дворец и там выставили в большом зале. У гроба был установлен почетный караул из научных работников вузов, втузов, научных институтов, членов пленума Академии и т.д. Стояли по четыре человека по углам стола с гробом, и этот караул сменялся каждые 10 минут. Вдоль стены зала стоял караул из матросов, державших в руках винтовки с примкнутыми штыками "на караул". Это была внушительная картина: мертвая тишина, старики у стола с гробом и застывшие, как бы бронзовые фигуры матросов. Простоял 10 минут и я. И это была последняя честь, которую я смог отдать великому русскому ученому.

Михен.

Проф. Д-р М.Миллер.

- - ооо - -

х

х х

Грузчики... мы разгружаем вагоны,
Мы носим тюки на усталой спине...
Мы - те, кто носили недавно погони
И кровь проливали за Русь на войне.

Лишили нас чина, средств жизни и званья,
Лишили мундир наш былой красоты,
Но кто из души у нас вырвет сознание,
Что мы перед Родиной нашей чисты?

За светлую участь родного народа,
Забыв про опасность, в кровавых боях
Мы с немцами дрались в окопах три года -
С решимостью гордой в усталых очах.

Водили вперед мы в атаки колонны,
Чтоб дать этим благо родной стороне...
Мы те, что недавно носили погони,
Мы носим... тюки на усталой спине...

Кн. Ф. Косаткин-Ростовский.

Недалеко от Парижа, при небольшой железнодорожной станции, на горе стоит дом. В том небольшом домике, в скромной комнате живет русский полковник со своей женой. За право жить в этой комнате он сторожит и смотрит за домом. Жалованья он не получает и для того, чтобы прокормиться с женой, разводит кроликов и огород. Пока было здоровье и силы, можно было иметь заработок на стороне, но годы шли, а с ними пришла и тяжелая болезнь. После операции и нескольких месяцев между жизнью и смертью в госпитале сил на работу уже не осталось. Но осталось то, чего не смогли стянуть ни большевики, ни годы тяжелых переживаний, — осталась сильная, не сдающаяся под ударами судьбы душа и большой, Богом данный талант поэта. Имя поэта-воина князя Косаткина-Ростовского, конечно, известно всем. Одни помнят его по книгам, изданным им еще до войны, по стихотворениям в период войны и Добровольческой армии и, наконец, в эмиграции.

Князь Федор Николаевич Косаткин-Ростовский родился 1-го ноября 1875 года в С.Петербурге и принадлежит к роду знаменитых князей Ростовских. По окончании Бажеского В.И.В. Корпуса в 1895 году князь Косаткин-Ростовский выходит Лейб-Гвардии в Семеновский полк. Еще в стенах Бажеского корпуса он писал стихотворения, которые печатались в журналах. Ряд лучших журналов приглашает его в число своих сотрудников, как признанного поэта.

В 1912 году, на конкурсе патриотических песен, посвященных "1812 году", его песня "Раздайтесь напевы победы" получает премию и принимается для войск Гвардии, Армии и Скаутов. Многие из нас, конечно, помнят и пели эту прекрасную и красивую песню-гимн.

Последней пьесой князя Косаткина-Ростовского, поставленной на сцене, была пьеса в стихах "Забытый флигель". По желанию Императрицы Александры Феодоровны эта пьеса была поставлена в пользу Красного Креста в Ялте в 1913 году. На представлении пьесы присутствовал весь Двор, и Государь Император долго и милостиво говорил с автором о его произведениях, вызвав его в свою ложу.

Во время войны 1914 года князь Федор Николаевич Косаткин-Ростовский в рядах Л.Гв.Семеновского полка командовал сначала ротой, потом батальоном, и позже полком. Был ранен и четыре раза контужен. По просьбе "Нового Времени" князь присылает с войны статьи и ряд стихотворений, написанных в окопах или на позициях.

Революция застаёт поэта-воина в госпитале, откуда он для лечения отправляется в Крым. Из Крыма он уезжает в Нижний-Новгород, где застаёт его большевицкий переворот.

Чтобы как-то существовать, он выступает на концертах, читая свои стихотворения. К этому времени относится его известное стихотворение "Грузчики", посвященное офицерам, вынужденным большевицким переворотом образовать артель грузчиков на Николаевском вокзале. Стихотворение это, прочитанное на концерте, вызвало овации со стороны публики. С другой стороны, это стихотворение привлекло внимание большевиков.

Чтобы избежать ареста, князь в товарном вагоне пробирается в Воронеж. Здесь он узнает о расстреле большевиками его матери и сестры. С большими трудностями он пробирается в Добровольческую армию. После бесконечных странствий попадает в Крым, откуда, уже совсем больной, был эвакуирован в Сербию.

В Сербии он делается учителем сербской гимназии, одновременно сотрудничая в газете "Новое Время".

В 1923 году князь Косаткин-Ростовский переезжает в Париж. Здесь, вместе со своей женой, известной артисткой С.П.В. Малого театра Д.Н.Кировой, ставит ряд спектаклей.

В год смерти, в 1940 году, князь писал своим друзьям, что жизнь его полна всяких неожиданностей и тревог. Вернувшись из госпиталя после тяжелой болезни, он остался без всяких средств. Страдал он белокровием. Стал белый, как бумага, начал слабеть и появились припадки удушья. 11-го июня немцы подходили к Парижу. Косаткины остались совершенно одни в брошенной жителями местности. Кругом пылали зарева зажженных складов. Потом прошли немцы, и жители стали возвращаться в город; жизнь стала налаживаться. 22-го июня жена князя пошла через лес в город, а когда вернулась, нашла мужа сидящим на кровати и... мертвым.

Так на чужой земле, в полном одиночестве, умер поэт-воин... Бедная старость, нищета и смерть на жесткой чужой койке.

Нет никакого сомнения, что в будущей восстановленной Национальной России издадут полное собрание сочинений поэта-воина, умершего на чужбине. Из его стихов наши потомки узнают душу белой эмиграции - о чем она болела и мечтала.

Мир его праху. Вечная ему память!

Д-р Иван Гончаров.

- - оОо - -

х

х х

Наше бремя - тяжелое бремя,
Трудный жребий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время -
Нет, не нас, только наши гроба.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде:
Где теперь эти крепкие руки,
Эти души орлиные где?

Н. Гумилев.

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА.

Был декабрь 1918 г. Добровольческая армия делала последнее усилие для ликвидации Красных на Северном Кавказе. Стояли дикие холода. Бои шли уже где-то под Ставрополем, и наш 1-й Офицерский конный полк из-за больших снегов дрался чаще в пешем строю, помогая марковцам и корниловцам в их тяжелой боевой обстановке.

В этот памятный день наш эскадрон был спешен и лежал в цепи в канаве, наполненной снегом. Висел тяжелый густой туман.

- Построй вправо от нас, - говорил мне Мачудзе, вольноопределяющийся нашего эскадрона, - видишь эту рошу покрытых снегом деревьев? Беда оттуда могут подсыти нам во фланг так тихо, что мы это-то даже не услышим!

- Не бойся, Кацо, в этой роше четвертый взвод с корнетом Ростовцевым, а к этому так просто не подойдемъ, он видит и слышит, как кто, - успокоил я его. - А левее от нас лежат второй и первый взводы, которые знают, что делают. Так что нам остается только наблюдать из-за этого кустарника, который, видишь, начинается где-то слева и идет прямо перед нами и уходит куда-то к густому туману. Понятно?

Грузин никак не успокаивался.

- И какой дурак посадил этот кустарник? Ведь он идет по самой меже, и из-за него нам ничего не видно.

- Мачудзе, чудак ты этакий, руготней делу не поможешь! Ты лучше подумай о том борще, который мы не успели доестъ у нашей хозяйки. А хлеб, братику, такой белый хлеб можно получить только здесь, в Ставропольской губернии.

Мачудзе был небольшого роста, но очень крепко сбитый грузин из Сочи и так же, как мы все, очень любил свой дом - третий эскадрон. Он был вспыльчив, как порох, но очень быстро остывал и был мастер уговорить хозяйку сделать что-нибудь покушать, даже если у нее ничего не было.

- Да что там вспоминать, - пробурчал он. - Если бы вахмистр не начал орать: "выводи!" - мы и до сих пор сидели бы в тепле. И куда они всегда торопятся, даже поесть не дадут.

Нашу дружественную перебранку прервал силуэт, появившийся перед нашим носом из тумана.

- Где командир взвода?

- Если ты повернешься направо и, протянувши руки перед собой, пройдешь несколько шагов, то упадешь к нему как раз в объятия, - посоветовал я ему. - А в чем дело?

- Так что командир эскадрона приказал разъезд от 3-го взвода.

Я проглотил скверное словечко, готовое у меня сорваться, так как не мог понять, почему опять от 3-го взвода, но то же самое сказали бы и в других взводах.

Поднявшись, я вместе с ним отправился искать сотника Клепикова.

Это был маленького роста казак, очень добрый человек и хороший офицер. Его беда была в том, что он был слабого здоровья и несмотря на это упорно отказывался отправиться в тыл. Мы, молодые офицеры, правда, с нетерпением ждали этого момента, чтобы получить его коня по имени "Кардаш" - высокого рыжего жеребца из донских косяков, который был предметом вожделения всего эскадрона.

Приняв записку и прочитав ее не торопясь и внимательно, он обратился ко мне:

- Сам приказал послать офицерский разъезд в 10 коней впереди наших цепей. Рассыпья лавой и посмотри, что там делается. Понятно?

- Так точно, господин сотник! Просто, как апельсин, - добавил я неофициально, - иди, пока не упадешь в объятия красным.

Но делать было нечего. Разъезд, так разъезд. Взводный унтер-офицер назначил людей и отправил четырех в балку к коноводам за конями.

Рассыпавшись в лаву так, чтобы видеть друг друга, потихоньку, не разговаривая и всматриваясь в густоту тумана, мы начали двигаться вперед. Снег был довольно глубокий, но кони, отдохнувши за несколько дней, пока мы изображали из себя пехоту, шли очень бодро.

Затаив дыхание и прислушиваясь, я пялил глаза в белый свет, как в копеечку, и мечтал, что вот сейчас какая-нибудь пуля - именно пуля - ударит меня в плечо навывлет, конечно, и я смогу ввиду такого ранения отправиться в тыл для лечения в большой, светлый и теплый госпиталь. От этой мысли мне делалось уже тепло и весело, и я ждал этой пули и даже в седле сидел как-то боком.

Пройдя примерно около двух верст по чистому, покрытому снегом полю, которое постепенно спускалось в балку, мы услышали какой-то шум. Вероятно, противник был недалеко; но густота тумана не давала нам возможности видеть его и определить расстояние по слуху. Мы остановились и начали прислушиваться. Где-то очень близко слышались голоса и скрип повозок, но ничего не было видно. Наше нервное состояние передавалось коням, и они вертелись на месте.

Наконец, из мглы тумана начали появляться силуэты шедшего в цепи неприятеля. Увидев нашу лаву, он, видимо, оторопел и в первый момент застыл на месте, но это был лишь момент, так как вслед за этим началась беспорядочная стрельба; вероятно, от страха и впопыхах они стреляли выше наших голов. Мы также были поражены, увидев пехотные цепи неподалеку от нас, но все же, будучи подготовлены к этому, сделали полный поворот и, пригнувшись к гривам коней, дали шпоры и исчезли в тумане по направлению цепей эскадрона.

Теперь мы знали, что делалось впереди нас. Отправив коней в балку, а людей в цепи, я подошел к командиру эскадрона с докладом о приближении цепей противника и вдруг услышал резкий свист пули и почувствовал удар в ногу. Я покачнулся и упал бы, если бы меня не поддержали. Разрезали голенище сапога - портянка была в крови. Пуля вошла с левой стороны немного выше бабки.

Стрельба со стороны противника усилилась. Наши молчали. Неприятель подходил к цепям эскадрона. Было еще несколько раненых, и нас всех отправили в поселок. Очутившись в хате, мы перевязали друг другу раны, как могли, и успокоились.

Во дворе начали ухать пупки, а впереди поселка завязывался бой. Пулеметы работали во всю, а ружейная трескотня была все ближе и ближе. Нас погрузили в сани и отправили в дальнее село, где бы нам могла быть оказана медицинская помощь, которой у нас в эскадроне сейчас не было. Мы ехали на дровнях буквально вповалку, так как нас было много, а сани одни, а кроме того - так было и теплее. Нашелся табачек, и пошли всякие прибаутки и веселые разговорчики. Стало как-то легче на душе. Отошла забота и думы о неизбежном, так как оно осталось там позади, где ухали пупки и слышалась пулеметная стрельба.

А впереди? Пока что хорошо, а дальше видно будет. Целую ночь мы двигались куда-то. Останавливались и опять двигались. Нога болела, и я был убежден, что кости раздроблены и что мне больше никогда не вернуться домой в эскадрон.

Туман рассеялся. Была морозная ясная ночь. Небо было так высоко, как никогда, и звезды сверкали. Созвездие Большой Медведицы и Полярная Звезда горели лихорадочным блеском, и Млечный Путь теплился матовым фосфорическим светом.

Медицинский пункт, куда мы приехали, находился в большом доме сельской школы, набитой ранеными, и состоял из доктора и трех усталых, но ласково улыбающихся сестер милосердия.

Осмотр и перевязки шли быстро.

- Что у вас такое? - спросила у меня сестра.

- Мне кажется, что разбита кость выше бабки, - ответил я мрачно, смотря на ее милое, полное заботы лицо. Она улыбнулась.

Доктор осмотрел, пощупал пальцами. Я стиснул зубы, было очень болезненно.

- Возможно раздробление "os calcis'a" - отправить дальше в тыл.

Я посмотрел на доктора, на сестру, и сказанные слова меня и смутили, и обрадовали. Дело было в том, что как раз этот день приходился на 22-ое декабря. Мне вдруг безумно захотелось ехать дальше, подальше от этого холода, разъездов, коней, грязи, вшей и вечной, невылазной всйны. Дальше - даже если бы мне отрезали ногу. Мне хотелось попасть в Новороссийск, так как через три дня настанет Рождество Христово. Меня отравили.

Нас погрузили в телегу, и через два дня, в самый Сочельник, я был помещен в большом, светлом и теплом лазарете, в моем милом Новороссийске.

Я был очень рад видеть из окна город, смотреть на елку, которую украшали, приготавливаясь к Рождеству, чувствовать себя в тепле, уюте и, главное, в бесконечной, родной и ласковой заботе. Моя мечта исполнилась - я нашел свою пульку, но меня очень беспокоила моя нога. Мысли мои были все же довольно мрачные, и я приготавливал себя к ампутации.

- Следующий!

Подпрыгивая на одном костыле, я вошел в приемную. Как здесь было светло! Пахло иодом, эфиром и разными лекарствами. Я подошел к перевязочному столу, лег, закрыл глаза и отдал себя на милость Божию. Повязка была снята. Боли я не чувствовал.

- Марлю! Пинцет!

У меня захватило дыхание, и я тихонько открыл один глаз. Доктор взял пинцет, ковырнул и снял корочку с одной стороны... потом с другой стороны... и, пощупав этот ужасный "os calcis", сказал:

- Иоду!.. Вы счастливо отделались. Ранение в таком месте обыкновенно кончается потерей ступни. Поздравляю вас, завтра вы можете обратно ехать в полк.

- Ну, доктор, это никак невозможно. Завтра все равно я не поеду никуда. Завтра Рождество Христово.

И мы оба рассмеялись. А через три дня, веселый и радостный, я возвращался к себе домой в свой лихой 3-й эскадрон.

Михаил Шилле.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 26 - по цене 35 центов за экземпляр. В виду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции. Цена увеличенного № 26 - 50 центов.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Гончаров, В.Мяч, Ф.Пухальский и Ю.Рейнгардт.

Главный редактор А.Ф.Долгополов.

Подписная плата на журнал - 3 дол.50 цент. (За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 35 центов.

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 27

	Стр.
1. Траурное объявление	1
2. Памяти Президента США Джона Ф.Кеннеди	2
3. Конец Каспийской флотилии - А.Ваксмут	3
4. Первым добровольцам - стих. Б.Роснянского	10
5. Протокол Совещания ген.Деникина и Краснова - И.Поляков	11
6. В поход - М.Борель	16
7. Наши сестры - И.Лысенко	18
8. Письмо П.Милюкова князю П.Долгорукову - из архива ген. С.В.Денисова	21
9. Начало Русской Истории - Архимандрит Феодосий	22
10. Хроника - о докладе полк.Лисицына - М.Коваленский	24
11. Чернецовцы - Тихого Дона партизаны - М.Бугураев	25
12. К характеристике академика И.П.Павлова - М.Миллер	31
13. "Грузчики..." - стих. кн.Ф.Косаткина-Ростовского	32
14. Поэт-воин - И.Гончаров	33
15. Из дневника кавалериста - М.Шилле	35.
16. От Редакции	38.

